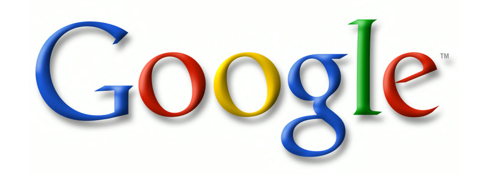
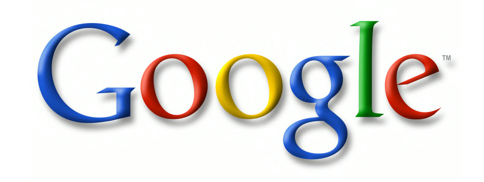

VE
RI
TAS

РУССКАЯ МЫСЛЬ

ЖУРНАЛЪ

НАУЧНЫЙ, ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ.

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

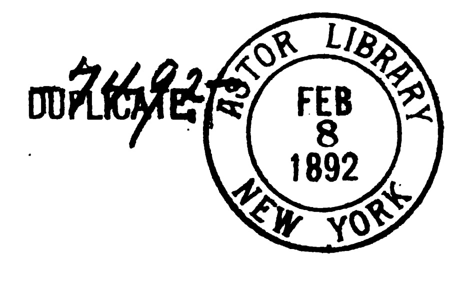
КНИГА VII.

МОСКВА.

1882.

Редакція и контора журнала: Долгоруковская улица, въ домѣ Дреземейеръ.
Отдѣленіе конторы: Петровскія торговыя линіи, кварт. № 61.

Типо-Литографія И. Н. Кушнерева и К°, Пименовская ул., д. Кушнеревой.

DUPLICATE
7492
ASTOR LIBRARY
FEB
8
1892
NEW YORK

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ГОЛЬ.

РОМАНЪ.

(Посвящается князю Д. Л. Голицыну.)

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

IV *).

— Что, братъ, прошли праздники, насталъ опять великій постъ?—говорилъ Благолѣповъ, входя къ Орлову.—Уѣхала наша барышня и оставила насъ однихъ сиротъ горемычныхъ. Даже я, ужь на что обломъ безчувственный, такъ привыкъ къ ней, что теперь точно чего-то недостаетъ. А вѣдь, кажется, что въ ней такого особеннаго?—Ровно ничего. Распекала только меня хорошо, каждый разъ подъ ребро умѣла задѣть.

Дмитрій Андреевичъ молча ходилъ по комнатѣ. Ему было не по себѣ послѣ отъѣзда княжны, точно у него порвались послѣднія надежды. Благолѣповъ усѣлся въ своей любимой позѣ, облокотившись на колѣни и опустивъ подбородокъ на ладони, и продолжалъ разсуждать въ раздумьи:

— Вчера еще заходилъ къ ней. «Что, говоритъ, бранить надо?»—«Да за что же, говорю, бранить? Видите, къ вамъ хожу, значитъ исправляюсь. Не исправлялся бы—не ходилъ бы».—«Жаль, говоритъ, что я не могу здѣсь остаться, тогда, можетъ-быть, и совсѣмъ бы исправились».

— Да ты къ чему мнѣ это разсказываешь?—спросилъ Дмитрій Андреевичъ, мелькомъ взглянувъ на него.

— А потому, что я точно исправился бы, еслибъ она тутъ была, непремѣнно исправился бы.

---

*) *Русская Мысль*, кн. VI.

— Влюбился, что ли?—съ насмѣшкой спросилъ Орловъ.

— Куда намъ съ суконнымъ рыломъ, — отвѣтилъ Благолѣповъ. — Развѣ только, еслибъ ей очень ужь скучно стало, попробовалъ бы объясниться въ любви, чтобы посмѣялась.

— Ну, этимъ ее не заставишь смѣяться, а только оттолкнешь. Не любитъ она разговоровъ о любви.

— Да тутъ и разговаривать-то не къ чему,—сказалъ Благолѣповъ.

Дмитрій Андреевичъ какъ-то искоса взглянулъ на него и какое-то непріязненное чувство шевельнулось въ его душѣ. Ему было непріятно, что Благолѣповъ высказалъ взглядъ на любовь, высказанный княжною. Ему было непріятно сознавать, что именно къ такой любви, страстной, безумной, не требующей словъ и объясненій, въ его душѣ какъ будто не было уже способности.

Они молчали,

— Архіерей-то мой опять сталъ хлопотать о снятіи съ меня эпитимьи,—сказалъ Благолѣповъ.

— Что такъ?

— Я просилъ. Надоѣло мнѣ баклуши бить. Въ самомъ дѣлѣ свинство такъ-то жить.

— Несмысленочекъ какой, прежде-то не могъ до этого додуматься.

— Додумываться-то додумывался, да никто не подталкивалъ, а теперь...

Благолѣповъ приподнялъ голову.

— Вонъ вчера стала прощаться и говоритъ: «Вотъ еслибы вы свободны-то были, пригласила бы васъ въ деревню, а теперь, можетъ-быть, и не встрѣтимся никогда»... Въ самомъ дѣлѣ, чортъ знаетъ, что за жизнь: ни себѣ удовольствія, ни другимъ пользы!

— Какъ другимъ пользы не приносишь?... А недовольство-то сѣешь?—съ ироніей сказалъ Орловъ.

— Да, кстати, говорилъ я съ ней и объ этомъ. А она сейчасъ и поставила вопросъ ребромъ: «А многіе, говоритъ, *вамъ*-то вѣрятъ?» Да потомъ и отколола штуку: «Вотъ, говоритъ, папѣ посовѣтовали разъ гомеопатіей лѣчиться. Пришелъ къ нему докторъ желтый, худой, изможженный. Папа взглянулъ на него и спрашиваетъ: «Вы, докторъ, и сами тоже гомеопатіей лѣчитесь?»—«Да», говоритъ. Папа промолчалъ, а на другой день и написалъ ему, что онъ раздумалъ лѣчиться у гомеопатовъ». Это, братъ, значитъ: исцѣлися самъ, а потомъ и лѣчи другихъ.

— Безъ нея-то этихъ великихъ истинъ не понималъ?

— Понимать-то понималъ и ругалъ себя, да слабъ человѣкъ; безъ поддержки, безъ толчковъ одинъ не скоро справишься съ собою. А она подталкивать умѣетъ.

Благолѣповъ продолжалъ говорить о княжнѣ, а Орлову становилось все болѣе и болѣе не по себѣ. Ему вдругъ стало какъ будто досадно, что его пріятель хвалитъ княжну, точно бередитъ умышленно его рану. Онъ остановился передъ Благолѣповымъ и похлопалъ его по плечу.

— Эхъ, ты, простота, простота!—проговорилъ онъ.—Увлекся сразу и няньчишься съ ней. А знаешь, что ее ждетъ? Въ концѣ концовъ уйдетъ она въ монастырь, какъ ея тетка, или отдастся вся беззавѣтно какому-нибудь краснорѣчивому фразеру, который покоритъ ее своей страстностью или физическою силой, —вотъ и все.

— Ну?!—воскликнулъ съ удивленіемъ Благолѣповъ.

— Да ужь такъ! Я знаю эти натуры. Неопытность, идеализмъ, доброе сердце и—большое самолюбіе. Ей нужны подвиги и герои. Будничной прозаическою жизнью, будничной прозаическою личностью она не увлечется. Ей нужно приносить кому-нибудь жертвы, кому-нибудь посвящать себя на служеніе, и кто поразитъ ее еще большимъ самоотреченіемъ, только тотъ и покоритъ, только за тѣмъ она и пойдетъ. Нашего брата она можетъ, пожалуй, и любить, но только такъ, какъ вотъ она облѣзлаго щенка любила. Мы въ ея глазахъ тѣ же искалѣченные, ветхіе люди, какъ и всѣ другіе. Мы не можемъ вызвать въ ней энтузіазма, восторга, поклоненія, а безъ этого... безъ этого она, жаждущая служить человѣчеству, не отдастся одному человѣку, пожертвовавъ своею самостоятельностью, своею свободою, своею волею...

— Да, такъ ты вотъ какъ ее понимаешь... Ну, теперь мнѣ ясно, почему ты говорилъ, что тебѣ нельзя на ней жениться...

Орловъ молчалъ и снова уже ходилъ по комнатѣ. Онъ не разувѣрялъ Благолѣпова, что онъ вовсе не потому тогда считалъ невозможнымъ жениться на ней. Тогда?... Развѣ же теперь тѣ причины устранены?... Да, теперь онъ вовсе не думалъ уже о княгинѣ, о своихъ прошлыхъ отношеніяхъ къ ней. Этой помѣхи къ женитьбѣ на княжнѣ теперь точно вовсе не существовало для него; теперь передъ нимъ встали новыя, болѣе непреодолимыя преграды, теперь его только грызло одно все яснѣе и яснѣе возникавшее

въ немъ сознаніе: онъ сознавалъ, что онъ въ глазахъ княжны слишкомъ блѣдная, слишкомъ будничная, слишкомъ обыденная личность, что княжна смотритъ на него скорѣе сверху внизъ, чѣмъ наоборотъ, что она любитъ его «какъ облѣзлаго щенка». Да, онъ и точно въ послѣднее время какъ-то опустился, принизился, обезличился въ этой будничной борьбѣ исключительно за свое существованіе. Что это—начало конца? Но онъ еще ничего не сдѣлалъ, ничего не достигъ, а между тѣмъ на немъ, на всей его дѣятельности, на всѣхъ его поступкахъ уже лежитъ печать той сѣренькой заурядности, которою отмѣчены и всѣ окружающія его личности. Онъ началъ припоминать всю свою переписку съ княжною, всѣ свои разговоры съ ней: Чѣмъ онъ являлся въ нихъ?—Чиновникомъ съ неудавшейся карьерой, и только, и только! Гдѣ, когда и въ чемъ сказались его грезы дѣтства о служеніи бѣдному люду, о служеніи народу, родинѣ, о геройскихъ подвигахъ? Но вѣдь это было ребячество! Нельзя же весь вѣкъ мечтать о спасеніи человѣчества! И вдругъ Богъ знаетъ почему ему вспомнился Сенъ-Симонъ, котораго слуга долженъ былъ будить словами: «вставайте, графъ, вы должны дѣлать великія дѣла!» Онъ иронически усмѣхнулся. Полусумасшедшій сумасбродъ! Да?... Но такіе сумасброды ведутъ за собой тысячи, милліоны людей. Ему вспомнилась пѣсня Беранже «Les foux». И въ его головѣ одинъ за другимъ затѣснились образы этихъ историческихъ безумцевъ: вотъ они, босоногіе, почти нищіе, беззащитные, наивные, возстаютъ противъ великой религіи избраннаго Богомъ народа и противъ могущественной носительницы древней цивилизаціи и передъ ихъ проповѣдью падаютъ всѣ происки еврейскихъ книжниковъ и фарисеевъ и оказываются безсильными всѣ оружія, всѣ тюрьмы, всѣ арены съ дикими звѣрями Римской имперіи. Вотъ такіе же безумцы, скромные монахи, ученые профессора и школьные учители идутъ съ Библіей и Евангеліемъ провозглашать новое ученіе, противное вѣковымъ догматамъ, обрядамъ и обычаямъ католицизма, и этотъ католицизмъ, поддерживаемый сотнями правителей, тысячами штыковъ, страшными пытками и кострами инквизиціи, безчисленными полчищами шпіоновъ и доносчиковъ, мало-по-малу сдается на уступки, расшатывается, дѣлается отживающею религіей. А какими богатствами, какими связями, какими войсками обладали эти Вильгельмы Телли, которымъ обязана своею свободой Швейцарія? Не были ли и эти люди безумцами, когда они чуть не безоружными шли про-

тивъ сильнаго и надмѣннаго врага?... Въ головѣ Орлова ясно возникла одна сцена изъ его жизни, когда онъ, счастливый, возвращаясь отъ князя Русова домой и проходя среди лачугъ родного захолустья, давалъ обѣтъ служить на пользу той голи, среди которой онъ выросъ, которой онъ былъ обязанъ всѣмъ. О, какъ далеко было это время! Теперь онъ бѣсится только за то, что его не повышаютъ, не переводятъ въ Петербургъ, а кругомъ его голь и голодаетъ, и холодаетъ, и жалуется, и стонетъ...

— Да, видно, безъ фальшиваго паспорта ничего не подѣлаешь, — вдругъ раздался голосъ поднявшагося съ мѣста Благолѣпова.

Этотъ голосъ Орловъ услышалъ точно гдѣ-то далеко. Онъ очнулся.

— Безъ какого фальшиваго паспорта?—спросилъ онъ.

— Да вотъ для меня... Что же въ самомъ дѣлѣ такъ-то киснуть...

— Въ Сибирь захотѣлъ,—громко сказалъ Орловъ.

— Ну, еще это какъ тамъ случится, бабушка тоже на двое сказала, а такъ-то ужъ и точно совсѣмъ скотомъ станешь... Положимъ, я и учусь, и работаю, и...—Благолѣповъ не кончилъ фразы и проговорилъ, махнувъ рукою:—Да толку-то что? Годы уходятъ, а сила и знаніе не примѣняются къ дѣлу...

Онъ взялся за фуражку, потянулся и сталъ прощаться съ Орловымъ. Орлова какъ-то неожиданно поразила мощная фигура Благолѣпова, точно онъ его впервые разсмотрѣлъ въ эту минуту.

— Героемъ тоже вздумалъ сдѣлаться! — какъ-то особенно ядовито и желчно проговорилъ онъ.

Благолѣповъ не замѣтилъ этой непріязненной нотки и просто отвѣтилъ:

— Какимъ тамъ героемъ! Говорю тебѣ, что такъ-то совсѣмъ скотомъ станешь на подножномъ корму.

Онъ простился съ пріятелемъ и вышелъ. Дмитрій Андреевичъ уже въ душѣ ругалъ себя. За что это онъ вдругъ такъ враждебно взглянулъ на Благолѣпова? Вѣдь и въ самомъ дѣлѣ его положеніе безысходно, скверно. Тутъ по неволѣ задумаешься и о фальшивомъ паспортѣ, только бы крылья развязать. Можетъ-быть и онъ, Орловъ, на его мѣстѣ сдѣлалъ бы то же. Онъ и не въ положеніи Благолѣпова стоитъ, а чего бы онъ не сдѣлалъ, только бы вырваться отсюда, только бы попасть въ Петербургъ. Мысль о Петербургѣ какъ бы вернула Орлова къ дѣйствитель-

ности, къ мелкимъ дрязгамъ въ окружавшемъ его муравейникѣ, въ столкновеніямъ съ товарищемъ предсѣдателя.

Столкновенія съ товарищемъ предсѣдателя длились у него уже не день, не два. Орловъ только-что принялся въ городѣ за дѣятельность товарища прокурора, какъ сюда явился новый товарищъ предсѣдателя. Это былъ Николай Николаевичъ Михайловскій-Несмѣльскій. Когда эта новость дошла до Орлова, съ нимъ чуть не сдѣлался обморокъ. Онъ ненавидѣлъ этого человѣка не за одно то, что тотъ, какъ и многіе другіе привилегированные юристы, обогналъ его по службѣ, но главнымъ образомъ за то, что этотъ человѣкъ первый внесъ безчестье въ его семью, соблазнивъ Настю. Это былъ его личный врагъ. Ему было трудно переломить себя, чтобы не растеряться при встрѣчѣ съ этимъ человѣкомъ. Къ несчастью, Михайловскій-Несмѣльскій повидимому даже забылъ, гдѣ онъ отъ кого-то слышалъ объ Орловѣ, и помнилъ только, что онъ слышалъ о немъ. Это дало ему поводъ сказать Орлову любезнымъ тономъ:

— Мнѣ кажется, что мы гдѣ-то встрѣчались или я отъ кого-то слышалъ о васъ. Право, не могу припомнить...

— Самое лучшее вовсе и не вспоминать объ этомъ, такъ какъ это можетъ-быть будетъ не особенно пріятно какъ для васъ, такъ и для меня,—рѣзко сказалъ Орловъ, стоя передъ нимъ съ поблѣднѣвшимъ лицомъ.

Михайловскій-Несмѣльскій поднялъ съ какимъ-то удивленнымъ видомъ брови и не могъ понять, чѣмъ вызванъ этотъ грубый и запальчивый отвѣтъ.

— Мнѣ кажется, личныхъ непріятныхъ столкновеній между нами не могло быть,—сказалъ онъ, равнодушно пожимая плечами,—такъ какъ знакомымъ съ вами я во всякомъ случаѣ не могъ быть, иначе...

— Да вы со мной не были знакомы, но я-то зналъ васъ,—отвѣтилъ такъ же рѣзко Орловъ.

Михайловскій-Несмѣльскій вдругъ все вспомнилъ и закусилъ губу. «Ея двоюродный братъ!»—какъ молнія промелькнула въ его головѣ мысль и онъ быстро отошелъ отъ Орлова. Ему было ужасно досадно, что онъ вспомнилъ это только теперь, а не минутою раньше, — вспомнилъ и эту фамилію, и то, что объ Орловѣ уже говорили ему, какъ о protégé Русова, и то, что именно двоюродный братъ Насти воспитывался у Русовыхъ. Еслибъ онъ раньше это вспомнилъ, онъ избѣжалъ бы щекотливаго

столкновенія, а теперь поправить дѣло было уже невозможно. Эта встрѣча была послѣднею каплей, переполнившею чашу горечи въ душѣ Орлова. Онъ теперь готовъ былъ на все, чтобы насолить этому человѣку и скорѣй вырваться отсюда. Съ этой минуты начался рядъ безтактностей съ обѣихъ сторонъ. Михайловскій-Несмѣльскій гдѣ-то проговорился, что «у него есть личные счеты съ господиномъ Орловымъ»; Орловъ замѣтилъ кому-то, что «эти хлыщи сами должны бы на скамьѣ подсудимыхъ сидѣть, а не судить другихъ». Вражда сдѣлалась открытой и жадная до скандаловъ публика губернскаго города начала интересоваться новымъ товарищемъ-прокурора, ловя даже въ его обвинительныхъ рѣчахъ намеки на товарища предсѣдателя. Одна изъ этихъ рѣчей, сказанная Орловымъ по поводу одного дѣтоубійства, превратилась изъ обвинительной рѣчи противъ дѣвушки-дѣтоубійцы въ обвинительную страстную рѣчь противъ безсовѣстныхъ соблазнителей подобныхъ дѣвушекъ и всѣ ясно поняли, что всѣ эти обвиненія и желчныя выходки направлены противъ товарища предсѣдателя. Самъ товарищъ предсѣдателя во время этой рѣчи сидѣлъ какъ на горячихъ угольяхъ и думалъ вовсе не объ участи подсудимой, не объ обстоятельствахъ этого дѣтоубійства, а о томъ, что онъ охотно бы задушилъ собственными руками этого «мерзавца». Провинціальныя барыни тотчасъ же собрали самыя достовѣрныя свѣдѣнія о томъ, что Михайловскій-Несмѣльскій похитилъ родную сестру Орлова, что онъ прижилъ съ нею ребенка, что этотъ ребенокъ умеръ сейчасъ же послѣ рожденія, что дѣвушку подозрѣвали въ дѣтоубійствѣ, что скандалъ потушили только при помощи денегъ и протекцій, что Орловъ вызывалъ на дуэль Михайловскаго-Несмѣльскаго, но тотъ отказался драться и получилъ пощечину. Однимъ словомъ, свѣдѣнія были самыя подробныя и полученныя изъ самыхъ достовѣрныхъ источниковъ. Скандалъ былъ полный, громкій, разлетѣвшійся по всему городу. Эти два представителя судебной власти являлись въ судѣ точно не для суда, а для личной войны. Такой же личною войной должно было быть дѣло о поддѣлывателяхъ кредитныхъ билетовъ. Орловъ въ первую минуту, когда ему случайно попалось въ руки это дѣло, былъ радъ, что въ это дѣло были замѣшаны лица того круга, гдѣ вращался Михайловскій-Несмѣльскій, ему хотѣлось отыскать среди виновныхъ близкихъ знакомыхъ, друзей, родныхъ Михайловскаго-Несмѣльскаго, ему хотѣлось дать нравственную пощечину Михайловскому-Несмѣльскому

и онъ съ жаромъ взялся за распутыванье этого дѣла. Но чѣмъ глубже онъ вникалъ въ него, тѣмъ дальше отходила на второй, на задній планъ его личная ненависть и тѣмъ болѣе его заинтересовывали самая сущность дѣла и его общественное значеніе. Передъ нимъ открывался такой омутъ всякихъ мерзостей, злоупотребленій и злодѣяній, что его личная вражда мало-по-малу угасла передъ картиной неурядицъ, опутывавшихъ цѣлое общество. Онъ отдался этому дѣлу всецѣло, не спалъ ночей, вникая во всѣ подробности этой исторіи, и иныя чувства начали шевелиться въ немъ; онъ сознавалъ, что чѣмъ подробнѣе разберетъ онъ это дѣло, тѣмъ большую пользу онъ принесетъ обществу.

«Еслибы мнѣ нужно было отдать полжизни на разоблаченіе всего этого дѣла,—писалъ онъ своему другу въ Петербургъ,—я и тогда не отступился бы отъ него, потому что я сознаю, какую пользу я принесу краю, уничтоживъ съ корнемъ эту шайку, разоблачивъ ея закулисную дѣятельность. Я можетъ быть яснѣе, чѣмъ кто-нибудь, понимаю, что никакіе суды и наказанія не исправляютъ старыхъ злодѣевъ и не запугиваютъ новыхъ, но я сознаю, что обществу полезно указывать, надъ какою пропастью оно стоитъ, и если общество не приметъ своихъ мѣръ для огражденія себя отъ повторенія подобныхъ явленій, то его можно только пожалѣть. Во всякомъ случаѣ найдутся же люди, которые задумаются серьезно надъ этимъ явленіемъ и сдѣлаютъ свои выводы. Я буду доволенъ и этимъ результатомъ своего далеко нелегкаго и даже небезопаснаго труда. Что онъ небезопасенъ, это ты поймешь изъ того, что одинъ судебный слѣдователь былъ отравленъ во время слѣдствія, что десятки лицъ были удалены съ мѣстъ ради этого дѣла, что тутъ есть и пропавшіе безъ вѣсти свидѣтели, и скоропостижныя смерти. Но даже эта опасность веденія подобнаго дѣла подстрекаетъ, бодритъ меня. Я вѣдь и взялъ его съ бою. Такіе лакомые куски не легко уступаются людьми; изъ-за нихъ прокуроры вцѣпляются другъ въ друга зубами. Но я побѣдилъ и теперь, точно на войнѣ, окруженный непріятелями воинъ, стою постоянно на-сторожѣ и стараюсь не дремать. Довольно распутать два-три такихъ дѣла и указать ясно и категорически обществу на ихъ значеніе, чтобы сознавать въ душѣ, что и ты жилъ не совсѣмъ даромъ, что и ты успѣлъ дать обществу поучительные уроки. Воспользуется ли общество ими или нѣтъ—это его дѣло. Для учителя важно только сознаніе, что

онъ употребилъ всѣ усилія, чтобъ его доученія были направлены къ добру и пользѣ доучаемыхъ».

Слѣдствіе приходило къ концу, когда объ этомъ дѣлѣ вдругъ сильно заговорили въ газетахъ. Въ корреспонденціяхъ въ столичныхъ газетахъ говорилось, какъ запутано это дѣло, какъ оно важно для общества, какихъ усилій стоило судебнымъ слѣдователямъ распутать его, какъ энергично дѣйствуетъ въ этомъ дѣлѣ товарищъ-прокурора Орловъ, извѣстный довольно многими статьями, касающимися современныхъ вопросовъ общественной жизни. Объ Орловѣ корреспонденты писали, что это возникающій талантъ, уже извѣстный въ судебной практикѣ по такимъ-то и по такимъ-то дѣламъ, что главное его качество—это умѣнье точно и подробно вникнуть во всѣ мелочи процесса, не зная усталости, не зная отдыха. Въ отзывахъ объ Орловѣ сходились органы прессы самыхъ противоположныхъ направленій. Среди губернской публики эти замѣтки и статьи производили не малое впечатлѣніе: всѣ точно вдругъ начали сознавать, что ихъ товарищъ-прокурора дѣлается знаменитостью, стали удивляться, что такой талантливый человѣкъ живетъ такою замкнутою жизнью, смотритъ всегда такъ серьезно и скромно, скорѣе становится въ тѣнь, чѣмъ рисуется. Провинціальная жизнь такъ-называемаго образованнаго общества еще болѣе безсознательна, чѣмъ столичная, и это общество всегда ищетъ и ждетъ темы для развлеченія: пріѣзда великаго Росси или представленій дрессированныхъ блохъ, скандала въ благородномъ семействѣ или загадочной личности, которую надо разгадать. Теперь всѣ разгадывали Орлова. Онъ сдѣлался героемъ дня. О немъ толковали, что онъ извѣстный писатель, пишущій подъ разными псевдонимами и чуть ли не написавшій «Горе отъ ума», о немъ разсказывали, что у него въ прошломъ была несчастная любовь къ одной «нигилисткѣ», что ради этой любви онъ замѣшался въ политическую исторію; кто-то разсказывалъ даже, что онъ былъ женатъ и что жена его бѣжала съ гусаромъ. Орловъ же держался въ сторонѣ отъ общества болѣе чѣмъ когда-нибудь. Но онъ былъ сильно возбужденъ, точно чего-то ждалъ нетерпѣливо, болѣзненно, не находя себѣ покоя.

Слухи о немъ не миновали и ушей Благолѣпова, и Благолѣповъ очень обрадовался, что въ обществѣ заговорили объ его пріятелѣ. Онъ самъ съ грубымъ добродушіемъ и съ наивною гордостью трубилъ гдѣ могъ объ Орловѣ, изображая въ самыхъ

яркихъ красках его умъ и способности и, при разсказахъ о разныхъ романтическихъ похожденіяхъ Орлова, привирая не безъ юмора всякія нелѣпости о небывалыхъ подвигахъ пріятеля. Разъ онъ, сіяющій, пришелъ къ Орлову и крѣпко сжалъ его руку въ своей медвѣжьей лапѣ.

— А ты, братъ, въ гору лѣзть начинаешь? — сказалъ онъ весело.

— А что?—спросилъ Орловъ.

— Ну да, еще спрашиваешь: «а что?» Точно самъ не знаешь, о чемъ говорю,—воскликнулъ Благолѣповъ.—Газеты-то, чай, читалъ тоже. Какъ расписали: «нашъ талантливый и дѣятельный товарищъ-прокурора...», «опасности претерпѣлъ...», «неутомимый дѣятель...», «гигантскій трудъ...» Поди, какъ читалъ, такъ сердечко-то такъ и прыгало, точно у институтки, когда ей въ первый разъ офицерикъ въ любви изъясняется... Что-жь, это хорошее чувство, это отрадно...

Орловъ ходилъ, иронически улыбаясь, по комнатѣ.

— Да ты не конфузься! Я это понимаю,—добродушно сказалъ Благолѣповъ.—Тоже пріятно, когда по головкѣ передъ всѣмъ обществомъ, передъ цѣлой такъ сказать Россіей гладятъ. Я, братъ, это чувствую. Тоже амбиція и у меня есть. Ну, и къ матеріальнымъ выгодамъ ведетъ это, и тамъ, какъ это вы называете, къ широкому поприщу общественной дѣятельности. Да, я на твоемъ мѣстѣ тоже былъ бы польщенъ, ей-Богу... Только гдѣ намъ, дуракамъ, чай пить!...

Орловъ продолжалъ улыбаться, но эта улыбка была невеселая, горькая. Когда Благолѣповъ кончилъ, онъ подошелъ къ нему и дружески похлопалъ его по плечу.

— Эхъ, ты, простота, простота!—проговорилъ онъ.—Лестно! Сердце прыгаетъ отъ радости! Замѣтили! По головкѣ погладили!... Кто это насъ съ тобой, голь-то перекатную, замѣтитъ, кто погладитъ по головкѣ?...

— Да вотъ же замѣтили, пишутъ!...

— Это я самъ о себѣ пишу!—отрывисто и рѣзко оборвалъ его рѣчь Орловъ.

Широкое лицо Благолѣпова приняло невообразимо смѣшное выраженіе недоумѣнія. Онъ даже не нашелся, что сказать или спросить, и во всѣ глаза смотрѣлъ на Орлова. Орловъ уже снова ходилъ по комнатѣ.

— Ну, да, самъ пишу!—говорилъ онъ.—И не то еще напишу. Про Александра Дюма-отца говорили, что онъ готовъ стать на запятки у своей кареты, чтобы люди подумали, что онъ держитъ въ услуженіи негра. Я это понимаю. Я тоже на это способенъ. Чтобы пустить пыль въ глаза?—Вовсе нѣтъ! А ради того, чтобы пробить себѣ дорогу, стать въ то положеніе, когда перестаешь быть рабомъ, безсловеснымъ животнымъ, машиной, когда получаешь возможность приносить людямъ дѣйствительную пользу. Этого только тогда и добьешься, когда о тебѣ станутъ говорить, когда ты надѣлаешь шуму. Вонъ Эмиль Жирарденъ ребенкомъ потребовалъ, чтобъ ему нацѣпили шпоры. «Зачѣмъ?»—спросили его.—«Для шуму!»—отвѣтилъ онъ. Ну да, человѣку нужно шумѣть шпорами, чтобъ его замѣтили, выдвинули. Если же не замѣтятъ, не выдвинутъ,—такъ и погибнешь, такъ и погибнешь. Эта мысль лединитъ мнѣ кровь. Когда я вижу, что золотые тельцы, матушкины сынки, привилегированные олухи обгоняютъ меня, я самъ не могу дать себѣ яснаго отчета, чего во мнѣ больше—простаго ли честолюбія, ненависти ли къ нимъ или любви къ той забитой толпѣ, которой я желаю служить. Ты, конечно, не поймешь этого...

— Чего не понять-то!—угрюмо проговорилъ Благолѣповъ, опершись локтями на колѣни и грустно опустивъ на ладони свое широкое лицо.

— Ну да, поймешь, но опять скажешь: «подлецъ человѣкъ».

— Это что! По моей философіи выходитъ, что и всѣ подлецы,—сказалъ Благолѣповъ. — А насчетъ прохвостовъ ты это вѣрно говоришь. Я тоже иногда, когда эдакій прохвостъ мимо меня промчится да грязью обдастъ, такъ бы и закатилъ ему плюху... А проѣдетъ онъ, плюну ему въ догонку и заверну куда-нибудь въ увеселительное заведеніе. Малодушество меня одолѣло.

Благолѣповъ замолчалъ. Орловъ ходилъ въ раздумьи по комнатѣ. Прошло нѣсколько минутъ. Благолѣповъ вдругъ словно очнулся.

— А ты далеко пойдешь,—проговорилъ онъ.—Ты не пей, Митя, не пей, потому пить станешь—никуда не уйдешь. Водка съ ногъ свалитъ. Это я по себѣ знаю. Косая сажень въ плечахъ, а тряпкой человѣкъ сталъ. Ну, да что съ возу упало, пиши—пропало. Обо мнѣ что говорить! А что ты думаешь дальше дѣлать?

Орловъ началъ распространяться о своихъ завѣтныхъ мечтахъ—перебраться въ Петербургъ: тамъ широкое поприще для

дѣятельности; дѣятелемъ можно сдѣлаться, только имѣя власть и деньги; голь перекатная можетъ только вертѣться въ бѣличьемъ колесѣ, не вліяя или мало вліяя на общественныя дѣла, или составлять заговоры. Но, кромѣ того, ему, Орлову, надо во что бы то ни стало вырваться именно отсюда, такъ какъ товарищъ предсѣдателя—его личный врагъ. Орловъ разсказалъ свои отношенія къ Михайловскому-Несмѣльскому и отношенія послѣдняго къ Насти.

— Ты понимаешь, что я способенъ убить его,—закончилъ онъ разсказъ.

— Во всякомъ случаѣ такихъ подлецовъ бить надо,—сказалъ Благолѣповъ.—Я еще удивляюсь тебѣ, что ты рожи ему не своротилъ на сторону.

— Чтобы самому въ тюрьмѣ насидѣться?

— А я все-таки своротилъ бы.

Орловъ сдвинулъ брови.

— Надо добиваться того, чтобы не ему, а всѣмъ такимъ свернуть шею!—отрывисто сказалъ онъ.—Станешь ихъ отдѣльно бить—руки устанутъ... Я теперь рѣшился, что надо дѣйствовать тысячами путей: на одномъ потерпишь неудачу, на другомъ выгоритъ дѣло. Тутъ надо дѣйствовать, что называется, и золотомъ, и молотомъ, достигнуть своего не мытьемъ, такъ катаньемъ... Вонъ теперь обо мнѣ начали писать и, какъ ты говоришь, это мнѣ имя составитъ въ столицѣ. Если меня даже и не переведутъ, я рискну самъ туда перебраться,—авось не вышлютъ,—а тамъ безъ мѣста я явлюсь прямо пострадавшей личностью и привлеку на свою сторону симпатію людей извѣстнаго направленія,—голодать и не придется на первое время. Ну, а ужь только бы перебиться первые дни, а тамъ не пропаду...

Благолѣповъ слушалъ, ухмыляясь широкой улыбкой.

— И вѣдь какъ посмотришь на тебя, въ чемъ душа держится, а ей-Богу десятокъ такихъ медвѣдей, какъ я, задушишь,—проговорилъ онъ.

— Нервы тоже сила,—отвѣтилъ Орловъ.

Съ этого дня Благолѣповъ еще болѣе проникся наивнымъ уваженіемъ и любовью къ Орлову. Онъ говорилъ ему съ добродушною шутливостью:

— Не знаю я, братъ, что ты совершишь тамъ, а что ты многимъ подлецамъ напакостишь—это ужь вѣрно!

Орловъ смѣялся и шутливо называлъ Благолѣпова своимъ «единственнымъ поклонникомъ». Но онъ самъ не сознавалъ, какъ ободряетъ его это поклоненіе. Никогда онъ не нуждался такъ сильно въ чьемъ-нибудь сочувствіи, какъ теперь. Въ его душѣ послѣ отъѣзда княжны, послѣ выясненія того, какъ она смотритъ на него, пробудился страхъ, знакомый женщинамъ и дѣтямъ, затерявшимся въ толпѣ и сознающимъ, что ихъ не видятъ, не замѣчаютъ свои близкіе, родные. Ему хотѣлось приподняться, закричать, сдѣлать что-нибудь такое, чтобъ его замѣтили. И какъ же онъ былъ радъ, когда его замѣтили.

Однажды Благолѣповъ зашелъ къ Орлову и засталъ его въ отличномъ расположеніи духа. Передъ Орловымъ лежала на столѣ развернутая газета.

— Что новаго пишутъ?—спросилъ Благолѣповъ, замѣтивъ, что его пріятель читалъ газету.

— Да ничего... Все, кажется, идетъ по-старому,—отвѣтилъ Орловъ, подавляя волненіе и стараясь казаться равнодушнымъ.—Вотъ опять о нашемъ дѣлѣ пишутъ, такъ заинтересовался...

— Самъ настрочилъ?—равнодушнымъ тономъ спросилъ Благолѣповъ.

— Нѣтъ... Въ томъ-то и дѣло, что не самъ...

— Ой ли?

— Да право же, нѣтъ! Ей-Богу, не я. Чего мнѣ врать!

— И про тебя что-нибудь есть?—полюбопытствовалъ Благолѣповъ.

Орловъ даже покраснѣлъ.

— Да... такъ... нѣсколько фразъ...

Потомъ онъ не выдержалъ и горячо сказалъ:

— А хотѣлъ бы я знать, кто это пишетъ... Ну, положимъ, это не выраженіе общественнаго мнѣнія,—это мнѣніе отдѣльной личности,—а все же это отголосокъ общества...

— Да ругаютъ тебя тамъ, что ли?

— Какое! Хвалятъ... Такъ тепло, такъ искренне написано...

Орловъ всталъ и въ волненіи заходилъ по комнатѣ.

— Какъ это глупо, какъ это глупо!—тихо проговорилъ онъ.

Благолѣповъ взглянулъ на него съ недоумѣніемъ и уловилъ, что Орловъ тихонько смахнулъ рукою съ рѣсницы слезу.

— Изнервничался я,—проговорилъ Орловъ, замѣтивъ взглядъ товарища и точно оправдываясь.—Совсѣмъ изнервничался, точно

женщина. Лѣчиться мнѣ нужно, серьезно лѣчиться. Какъ женщина, готовъ отъ всякаго теплаго слова расчувствоваться, первому встрѣчному на шею кинуться. Это чортъ знаетъ что такое! Я думаю, тебѣ смотрѣть на меня смѣшно...

— Чего мнѣ смѣяться! Я вонъ, какъ баба, расплакался да всю душу женщинѣ разъ отдалъ за то, что она одна меня пожалѣла да приласкала, когда другіе только на смѣхъ поднимали или шпыняли меня,—добродушно сказалъ Благолѣповъ.—Я вѣдь тоже русскій человѣкъ: ты меня только погладь, да поласкай, а потомъ и дой, сколько хочешь... Ну, да что мы философствуемъ-то, надо бы на радостяхъ выпить за твою славу.

Орловъ велѣлъ подать вина и вплоть до поздней ночи, неумолкая, весело бесѣдовалъ съ Благолѣповымъ. Благолѣповъ тоже былъ въ ударѣ и безпощадно острилъ, отпускалъ каламбуры, говорилъ двусмысленности, въ то же время добродушно подсмѣиваясь надъ самимъ собою. Прощаясь съ Орловымъ, онъ крѣпко обнялъ его и сказалъ, что онъ очень, очень радъ, что тотъ хоть немного повеселѣлъ.

— Мы, братъ, Митя, не по одной дорогѣ пойдемъ, но къ одной цѣли,—проговорилъ онъ.—Дороги что: самъ не знаешь, которая скорѣе приведетъ,—наугадъ идешь. Цѣль важна. Она—главное.

— Конечно, конечно!—соглашался Орловъ.—И вѣрь мнѣ, какой бы дорогой я ни пошелъ, а въ сторону отъ нашей цѣли не сверну, подлецомъ не сдѣлаюсь...

Они разцѣловались въ самомъ радужномъ настроеніи. Въ сущности Благолѣповъ былъ счастливѣе самого Орлова. Возвращаясь домой, онъ все продолжалъ улыбаться, вслухъ говоря себѣ:

— Молодецъ, Никанорка, не проболтался... Тоже хитрить, подлецъ, научился... Ну, пусть его думаетъ, что другіе о немъ пишутъ... Тоже тяжко человѣку, когда его не замѣчаютъ... очень тяжко... А кто насъ, голь перекатную, замѣтитъ?... Вонъ меня моя Липа когда-то приласкала, такъ вѣдь и то потому, что сама изстрадавшаяся, всего насмотрѣвшаяся была... Да, а скажи я ему, что это я статейку-то тиснулъ... Тсъ, подлецъ, не смѣй... никогда не смѣй!... Пусть думаетъ, что другіе... «Это, говоритъ, конечно, не общественное мнѣніе, но все же это отголосокъ»... Толкуй: отголосокъ! Это Никанорка, за своихъ вступившись, заоралъ на всю Россію.

V.

Губернская «публика», собравшаяся въ залу суда въ день разбирательства надѣлавшаго не мало шуму дѣла, была сильно разочарована: скандала въ засѣданіи не вышло никакого, а скуки было очень много. Дмитрій Андреевичъ Орловъ явился на своемъ мѣстѣ исхудалый и блѣдный, но онъ употребилъ всѣ усилія, чтобы казаться спокойнымъ, чтобы говорить холоднымъ и равнодушнымъ тономъ. Онъ сразу замѣтилъ, что въ его сторону обращено нѣсколько дамскихъ лорнетовъ и даже биноклей, но дѣлалъ видъ, что не замѣчаетъ этого, придавъ своему лицу дѣловое, строгое выраженіе. Ему вдругъ захотѣлось обозлить эту праздную толпу городскихъ сплетниковъ и сплетницъ, заставивъ ихъ проскучать въ засѣданіи суда. «На театральное представленіе собрались,—мелькнало въ его головѣ,—слушать, какъ приговариваютъ къ каторгѣ попавшихся въ томъ, въ чемъ ихъ еще не изловили». Съ первыхъ же словъ допроса подсудимыхъ и свидѣтелей, онъ вошелъ въ свою роль и началъ усердно выяснять все дѣло передъ присяжными засѣдателями. Онъ съ упорной настойчивостью опытнаго прокурора старался пролить свѣтъ на всѣ мелочи сущности дѣла, характера подсудимыхъ, степени ихъ преступности. Казалось, онъ добивался того, чтобы присяжные засѣдатели ни одной минуты не могли сомнѣваться ни насчетъ значенія этого преступленія, ни насчетъ того, что подсудимые не были побуждены къ нему нуждой, безвыходнымъ положеніемъ, недомысліемъ,—насчетъ того, что они случайно или только легкомысленно запутали въ это дѣло второстепенныхъ, не понимавшихъ ясно своихъ дѣяній, преступниковъ изъ простолюдиновъ. Его вопросы, его разслѣдованія, доходившіе до самыхъ послѣднихъ мелочей, сильно затянули эту часть судебнаго засѣданія и разочаровали многихъ дамъ, заставивъ ихъ порядкомъ поскучать. За то присяжные засѣдатели при помощи его настойчивыхъ допросовъ такъ ясно поняли суть дѣла, что можно было впередъ сказать, что никакія адвокатскія рѣчи не поколеблютъ ихъ взглядовъ на это дѣло. Орловъ только этого и добивался. Какъ ловкій и умный стратегъ, онъ, окончивъ подготовительную работу, успокоился, сознавая, что его рѣчь можетъ быть теперь даже слабою и незначительною, что ея сила или слабость не будутъ имѣть никакого рѣшительнаго значенія.

— Господа присяжные,—началъ онъ ровнымъ и спокойнымъ голосомъ на третій день, когда пришелъ его чередъ гово-

рить,—вы выслушали судебное слѣдствіе и ждете отъ меня строгой обвинительной рѣчи. Еслибъ обязанностью прокурора было только обвиненіе, то мнѣ почти нечего было бы говорить. Я сказалъ бы вамъ: «вы выслушали судебное слѣдствіе, разсматриваемое вами преступленіе совершенно выяснено, добавлять къ тому, что было сказано здѣсь, мнѣ рѣшительно нечего,—изрекайте свой приговоръ». Этой краткой рѣчи было бы вполнѣ достаточно, чтобы ваше рѣшеніе было строго и неумолимо. Но обязанность прокурора заключается не въ одномъ обвиненіи во что бы то ни стало. Что такое прокуроръ?—Еще въ прошедшемъ столѣтіи укоренилась идея, что интересы государства и законность дѣйствій обезпечиваются правильными способами и средствами надзора. Вотъ въ этихъ-то видахъ въ 1711 году была учреждена должность фискаловъ. Что лежало на обязанности фискаловъ?—Они должны были тайно надсматривать и провѣдывать про неправый судъ, тако-жь въ дѣлахъ казны и прочаго, и кто неправду учинитъ, того передъ судъ поставить и тамъ уличать. Они обязаны были возбуждать дѣла о преступленіяхъ, по которымъ нѣтъ челобитчиковъ; они были такъ-сказать публичными обвинителями, но дѣйствовали тайными и скрытыми средствами. Они тайно провѣдывали, они тайно надсматривали. Понятно, что подобная должность по свойству и характеру своему должна была возбуждать всеобщее неудовольствіе. И вотъ въ 1722 году была учреждена должность прокурора. Члены прокурорскаго надзора стали дѣйствовать открытыми средствами, средствами явными, закономъ установленными. Они должны были противодѣйствовать безпорядкамъ и незаконнымъ рѣшеніямъ. Ихъ главная обязанность заключалась въ томъ, что они должны были накрѣпко смотрѣть, чтобы дѣла не только на столѣ вершились, но и самымъ дѣйствіемъ чинились по указамъ. Чинъ сей яко око наше и стряпчій о дѣлахъ государственныхъ. Про фискаловъ же сказано, что чинъ сей зѣло ненавидимъ. Такъ былъ намѣченъ типъ прокурора въ прошедшемъ столѣтіи. Чѣмъ является прокуроръ нынче?—Прокуроръ есть обличитель преступленія во имя закона, видамъ котораго еще болѣе противно осужденіе невиннаго, чѣмъ оправданіе виновнаго. Цѣлями прокурора должно быть раскрытіе истины, въ чемъ бы она ни состояла—въ виновности или въ невиновности подсудимаго. Прокуроръ, правда, поддерживаетъ на судѣ обвиненіе, но не домогается осужденія во что бы то ни стало. Онъ раскрываетъ дѣло во всѣхъ подробностяхъ, представляя тѣмъ самымъ возмож-

ность подсудимому представить полное оправданіе. По 740 статьѣ Устава уголовнаго судопроизводства прокуроръ можетъ даже отказаться отъ обвиненія, если признаетъ объясненія обвиняемаго заслуживающими уваженія. Итакъ, вы видите, что въ гербѣ прокурорской власти—законы правды, а не произволъ и клевета. Во имя этихъ-то законовъ правды, прежде, чѣмъ обвинять подсудимыхъ, прокуроръ обязанъ представить вамъ всесторонне дѣло этихъ подсудимыхъ, обстоятельства, при которыхъ оно совершено, ту среду, которая создала этихъ подсудимыхъ и повліяла на нихъ. Прежде чѣмъ обвинять, позвольте мнѣ во имя правды сдѣлаться на время отчасти историкомъ, отчасти романистомъ и набросать передъ вами картину того дѣла, разбирать которое мы явились сюда.

Орловъ на минуту прервалъ свою рѣчь. Въ публикѣ, собравшейся на этотъ разъ въ судъ уже въ меньшемъ числѣ, начали покашливать и сморкаться. Повидимому, всѣ были недовольны этимъ сухимъ и неинтереснымъ вступленіемъ. Легкое волненіе и шумъ еще не успѣли утихнуть, когда снова послышался голосъ Орлова, но это былъ уже не дѣловой, не сухой тонъ чиновника, а небрежный тонъ салоннаго болтуна. Орловъ крупными штрихами изложилъ сущность дѣла, перешелъ къ подробностямъ преступленія, повторилъ главныя свидѣтельскія показанія, выяснилъ степень преступности каждаго изъ дѣйствующихъ лицъ, дѣлая все это наскоро, съ умышленной сжатостью, и неожиданно быстро окончилъ свою чисто фактическую рѣчь, еще разъ упомянувъ, что онъ могъ бы обойтись безъ всякой рѣчи, такъ какъ преступленіе выяснено вполнѣ и безъ того. Всѣ остались недовольны этою рѣчью: публикѣ, такъ нетерпѣливо и долго ожидавшей этого дѣла, показалось, что товарищъ прокурора просто посмѣялся надъ ней. Но адвокаты были еще менѣе довольны: имъ приходилось тратить свое краснорѣчіе въ отвѣтъ на эту вовсе не краснорѣчивую прокурорскую рѣчь и сознавать, что это краснорѣчіе потратится совершенно даромъ, что товарищъ прокурора, сказавшій такъ мало, въ сущности не оставилъ для нихъ никакой лазейки, такъ какъ за него было судебное слѣдствіе, за него были неотразимые факты и никакое кричащее краснорѣчіе не могло подкопаться ни подъ одинъ изъ этихъ фактовъ. Послѣ рѣчи Орлова былъ снова сдѣланъ перерывъ. Затѣмъ начались рѣчи адвокатовъ, послѣднія слова подсудимыхъ. Орловъ во все это время сидѣлъ на своемъ мѣстѣ съ скучающимъ видомъ чело-

вѣка, сознающаго, что около него идетъ совсѣмъ ненужная, ни къ чему не ведущая болтовня. Впрочемъ, противъ ожиданія, и рѣчи адвокатовъ вышли довольно безцвѣтными. Всѣ предвидѣли, что повліять на рѣшеніе присяжныхъ почти невозможно, такъ какъ слѣдствіе слишкомъ ярко и опредѣленно выяснило все дѣло. Публика, значительно порѣдѣвшая, сильно утомленная, нетерпѣливо ждала только послѣднихъ словъ товарища предсѣдателя, полагая, что хоть онъ доставитъ ей какое-нибудь развлеченіе въ награду за нѣсколько дней скуки. Но и конецъ послѣдняго дня не оправдалъ этихъ ожиданій: Михайловскій-Несмѣльскій чувствовалъ себя какъ-то неловко и сказалъ смутную и сбивчивую рѣчь, совершенно не кстати замѣтивъ что-то о значеніи милосердія и снисходительности, о безпристрастіи и хладнокровіи, необходимыхъ при рѣшеніи каждаго дѣла. Быть-можетъ его рѣчь была бы болѣе пристрастной, болѣе склонилась бы въ пользу подсудимыхъ, еслибы рѣчь товарища прокурора хотя намекомъ задѣла его лично, раздражила его, какъ когда-то раздражила его прокурорская рѣчь по дѣлу дѣтоубійцы. Но въ настоящемъ случаѣ Орловъ противъ ожиданія не затронулъ его, не сказалъ ничего, что могло бы особенно сильно возбудить его. Публика была совсѣмъ разочарована: никакого скандала въ сущности не вышло. Присяжные засѣдатели удалились для совѣщаній и черезъ два часа вынесли обвинительный приговоръ всѣмъ коноводамъ дѣла; крестьяне были почти всѣ оправданы или получили право на снисхожденіе. Орловъ улыбался самодовольною улыбкой. Михайловскій-Несмѣльскій былъ мраченъ и раздраженъ. Въ корридорѣ суда около Орлова собралась кучка судебныхъ властей и присяжныхъ повѣренныхъ. Ему было сказано нѣсколько комплиментовъ, такъ какъ люди близкіе къ суду очень хорошо понимали, какъ онъ ловко провелъ это дѣло. Орловъ громко смѣялся.

— Что, господа, не ожидали вы такого результата такихъ безцвѣтныхъ рѣчей?—говорилъ онъ.—Мы вѣдь всѣ отличились, точно сквозь сонъ говорили, а кончилось-то круто для господъ подсудимыхъ. Факты-то оказываются посильнѣе краснобайства. Судебное слѣдствіе такъ было направлено, что даже никакія воззванія къ снисходительности и милосердію не могли уже поколебать убѣжденій присяжныхъ засѣдателей. Знаете ли, я хотѣлъ даже такую штуку выкинуть: сказать фразъ десять да и кончить тѣмъ рѣчь. До того я былъ убѣжденъ, что одно судебное слѣдствіе заставитъ присяжныхъ засѣдателей вынести обвини-

тельный приговоръ. А потомъ посмотрѣлъ я на этихъ дамъ, чортъ знаетъ зачѣмъ шляющихся по судамъ,—ну, и рѣшился сказать всю рѣчь и проморить ихъ до нельзя. Ничего, остались, я думаю, довольны...

Кто-то изъ присутствующихъ взялъ Орлова подъ руку и пошелъ съ нимъ по корридору.

— Послушайте, что же это такое?—замѣтилъ Орлову его собесѣдникъ;—развѣ это безпристрастное резюмированье всего говореннаго на судѣ?...

— Вы о предсѣдателѣ?—спросилъ Орловъ, сощуривъ глаза.

— Ну да, это просто мерзость, подлость!—горячо сказалъ его собесѣдникъ.

— Нѣтъ, не говорите этого... Это просто отсутствіе всякаго дарованія,—проговорилъ Орловъ.—Но вѣдь таланты отъ Бога и человѣкъ не виноватъ, если онъ глупъ и бездаренъ. Онъ не понялъ ничего, что говорилось мною и защитниками и ему не оставалось ничего, какъ пробормотать что-то о милосердіи и снисходительности.

Затѣмъ Орловъ засмѣялся и веселымъ тономъ замѣтилъ:

— Но я его очень люблю, какъ дѣти любятъ бумажнаго паяца: у него тоже есть веревочки, находящіяся въ моихъ рукахъ, и я могу, когда захочу, заставить его и обозлиться, и растеряться, и покраснѣть, и поблѣднѣть, а это, право, не малое наслажденіе...

Въ тотъ же день вечеромъ въ городѣ шли толки о только-что кончившемся дѣлѣ: мужчины серьезно толковали, какъ удивительно ловко было произведено слѣдствіе при помощи Орлова, и называли его настоящимъ дѣльцомъ, не нуждающимся въ краснобайствѣ; дамы хотя и были разочарованы его рѣчью, но находили у него утомленный и страдальческій видъ и говорили, что сейчасъ видно, сколько онъ перенесъ. Особенно выдвинулся впередъ Орловъ, когда одна изъ большихъ петербургскихъ газетъ принесла фельетонъ, гдѣ разъяснялось значеніе только-что конченнаго дѣла. Въ фельетонѣ писали:

«Лѣтъ девять тому назадъ въ нашемъ городѣ въ домахъ лучшаго общества, въ нашихъ собраніяхъ, на нашихъ балахъ появилась интересная личность безпечнаго и щедраго кутилы, носившаго старую, уважаемую фамилію, имѣвшаго большія связи въ столицѣ, обладавшаго значительными денежными средствами. Мы конечно обрадовались этому новому лицу и приняли его съ

распростертыми объятіями въ свой кругъ — лишній ловкій танцоръ на балу, лишній богатый партнеръ за карточнымъ столомъ, лишній остроумный болтунъ въ салонѣ—это всегда такая дорогая находка для скучающаго отъ вѣчнаго бездѣлья люда. Какова закулисная дѣятельность, какова нравственность, каковы убѣжденія этой личности, объ этомъ никто не справлялся: одѣвался онъ, какъ принято, говорилъ онъ, какъ принято, держалъ себя, какъ принято,—этого съ насъ и довольно. Мы вѣдь всегда готовы не допустить къ себѣ самого Христа, если онъ явится къ намъ не въ модномъ фракѣ, и готовы обнять разбойника, если онъ одѣтъ по послѣдней модной картинкѣ извѣстнымъ портнымъ. Мы хлопочемъ только о внѣшней изысканности и не заботимся о томъ, какая нравственная нечистоплотность прикрывается ею. Только благодаря этому обстоятельству, пріѣхавшій въ нашъ городъ господинъ могъ спокойно и хладнокровно начать приводить въ исполненіе свои преступные планы, завлекая въ свои сѣти сообщниковъ, организуя цѣлую шайку преступниковъ, вербуя въ ея члены людей хорошихъ фамилій. Вербовка должна была пойдти удачно, такъ какъ вербовщикъ умѣлъ затронуть самую слабую струну большинства людей: онъ обѣщалъ имъ богатство, а кто не стремится у насъ къ обогащенію, когда всѣ бѣгутъ отъ труда и всѣ хотятъ жить широко. Онъ самъ по себѣ зналъ, что значитъ быть раззореннымъ бариномъ и страстно жаждать безпечальнаго житья, безпутной роскоши, безумныхъ кутежей». Затѣмъ въ фельетонѣ шла обрисовка главнаго организатора мошеннической шайки, только-что осужденной на судѣ, и бойкими чертами былъ набросанъ образъ этой личности. Барское воспитаніе, отсутствіе какихъ бы то ни было нравственныхъ идеаловъ и серьезныхъ задачъ въ жизни, молодые кутежи празднаго гуляки, раззореніе и неутомимая жажда денегъ, во что бы то ни стало, вотъ что привело эту личность къ мысли о преступленіяхъ съ цѣлью наживы. «Планъ былъ составленъ преступникомъ ловко, смѣло и широко,—говорилъ фельетонистъ.—Сообщниковъ было найдти не трудно, такъ какъ, при нашемъ небрежномъ воспитаніи, при отсутствіи нравственныхъ принциповъ, при жаждѣ наживы, легко увлечь юношей на какой угодно путь. Разсчетъ былъ вѣренъ и дѣйствительно сообщники нашлись. Имъ не было дѣла, что они запятнаютъ честныя имена своихъ отцовъ, такъ какъ мы не умѣемъ внушать своимъ дѣтямъ уваженія и любви къ родной семьѣ. Имъ было все равно, какъ печально отзовутся ихъ

продѣлки на дѣлахъ ихъ родины, потому что мы не умѣемъ воспитывать изъ своихъ дѣтей гражданъ и патріотовъ; нашъ патріотизмъ не идетъ дальше пренебреженія къ иностранцамъ и похвальбы своею силой и удалью; мы можемъ обругать «сухопараго нѣмца» и заявить, что «мы всѣхъ шапками закидаемъ», но на этомъ и останавливается нашъ патріотизмъ. Говорить о родинѣ громкія фразы — это мы можемъ; но неуклонно исполнить свой гражданскій долгъ, неусыпно служить родинѣ, вѣчно заботиться только о ея благѣ, посвящая ей всѣ свои силы—о, это немногимъ изъ насъ по плечу. Гдѣ можно, тамъ мы расхищаемъ казну, кривимъ душою, пускаемъ въ ходъ незаконныя средства, дѣлаемъ проступки и преступленія, потому-что своя рубашка къ тѣлу ближе, а родина — это для насъ что-то постороннее, чужое, чуть не враждебное. Вотъ передъ нами стоятъ десятки людей, изъ которыхъ, вѣроятно, каждый готовъ сказать, что онъ—«русскій человѣкъ», что онъ никогда не былъ измѣнникомъ своей родинѣ, что онъ никогда не сдѣлался бы ея предателемъ. А между тѣмъ вся дѣятельность этихъ людей была направлена не ко вреду какой-нибудь отдѣльной личности, а ко вреду именно той родины, сынами которой они осмѣливаются называть себя». Затѣмъ фельетонистъ подробно, до послѣднихъ мелочей и не безъ ловкости, съ отчетливостью и ясностью развивалъ всю исторію дѣятельности этой шайки, показавъ, какою сѣтью она опутала общество, всегда легкомысленное и черезчуръ довѣрчивое. «Правда,—замѣчалъ онъ,—имъ и легко было дѣйствовать. Съ одной стороны, они вращаются въ хорошемъ обществѣ, они прилично одѣваются, они прилично держатъ себя, они живутъ широко и открыто,—какъ же смѣть ихъ заподозрить въ мошенничествѣ. Съ другой стороны, когда являлись тайные слухи или доносы противъ нихъ и къ нимъ заѣзжали господа становые, исправники и другія власти, они устраивали завтраки, обѣды и ужины и все разслѣдованіе кончалось веселымъ пиркомъ, а подгулявшіе гости сами же выбалтывали хозяевамъ, какіе слухи ходятъ о нихъ. При такомъ положеніи дѣлъ можно было дѣйствовать съ возмутительною наглостью, можно было организовать дѣло довольно прочно. Они катались, какъ сыръ въ маслѣ, не стѣсняясь ничѣмъ, не боясь никого. Но кромѣ насъ, представителей интеллигенціи, въ нашемъ отечествѣ есть еще темная, бѣдная, приниженная масса, проливающая потъ и кровь въ неустанномъ трудѣ, выносящая тягостное бремя лишеній и

нуждъ, несущая на алтарь отечества свою лепту податей и повинностей; эта темная масса — народъ. Она бредетъ во мракѣ, ее почти еще не коснулось просвѣщеніе, она только еще чутьемъ можетъ отличить правду отъ неправды, добро отъ зла, законность отъ беззаконія, и ею легче всего воспользоваться злоумышленникамъ, ее легче всего сдѣлать слѣпымъ орудіемъ преступленій, обѣщая ей, голодной, кусокъ хлѣба, обѣщая ей, приниженной, выходъ къ независимому положенію. И людьми-то этой массы воспользовались злоумышленники, сдѣлавъ многихъ изъ ея членовъ членами своей шайки. На скамьѣ подсудимыхъ рядомъ съ блестящими представителями образованныхъ классовъ общества явились едва грамотные мужички: эти мужички явились жертвами болѣе образованныхъ людей». Въ статьѣ рисовалась печальная картина положенія нашего мужика очень яркими красками. Напирая сильно на преступность дѣйствій образованной части преступниковъ, фельетонистъ говорилъ о преступникахъ-мужикахъ, что эти люди «не вѣдаютъ, что творятъ». Вовлеченіе этихъ темныхъ людей въ преступленія онъ ставилъ въ вину коноводамъ этого дѣла, сравнивая ихъ съ тѣми взрослыми мошенниками, которые мало того что воруютъ сами, но еще устраиваютъ школу воровства, пріучая къ преступленіямъ дѣтей. Требуя обвиненія для этихъ интеллигентныхъ злоумышленниковъ, нельзя говорить объ этой темной массѣ безъ теплаго участія, и если не просить для нея полнаго прощенія, то все же нужно склонять въ ея пользу судей. Далѣе въ фельетонѣ говорилось, что именно въ этомъ духѣ направилъ дѣло и провелъ его товарищъ прокурора Орловъ, что всѣ симпатіи публики были не на сторонѣ защитниковъ, а на сторонѣ обвинителя, когда онъ говорилъ: «Вы скажете, что моя рѣчь вся состояла изъ отступленій, изъ уклоненій отъ главнаго предмета—отъ обвиненія подсудимыхъ, что она состояла изъ бѣглыхъ замѣтокъ о нашей общественной жизни,—замѣтокъ, сдѣланныхъ по поводу этого процесса. Вы ошибаетесь. Мнѣ было бы очень легко обвинить предстоящихъ передъ вами подсудимыхъ; я могъ бы сказать: «вотъ люди обвиняемые въ томъ-то и томъ-то преступленіи, — осуждайте ихъ, выносите имъ обвинительный приговоръ, такъ какъ всѣ улики ихъ преступленій передъ вами на-лицо». Но въ такомъ случаѣ вы взглянули бы на дѣло легко, вы отнеслись бы къ нему не вполнѣ сознательно. Я избралъ другой путь. Я указалъ вамъ все общественное значеніе этого дѣла, я нарисовалъ

вамъ картину, какъ совершаются подобныя дѣла, я указалъ вамъ, къ чему они ведутъ. Теперь вы видите, что имѣете дѣло не съ случайнымъ преступленіемъ, совершаемымъ въ порывѣ возбужденія, въ минуту увлеченія, а съ тою язвой, которая разъѣдаетъ, подтачиваетъ подъ корень наше общество послѣдовательно, медленно, упорно. Для коноводовъ этого дѣла нѣтъ снисхожденія, нѣтъ смягчающихъ обстоятельствъ, нѣтъ милосердія. Мы стоимъ лицомъ къ лицу не съ простыми преступниками, а съ врагами нашего общества, нашей родины». Эта статья, служившая въ сущности перефразировкой рѣчи Орлова, возбудила тѣмъ болѣе толковъ, что она заканчивалась предательскою строкой: «Въ виду всего этого мы не понимаемъ нравственнаго кругозора тѣхъ, кто рѣшается въ подобныхъ дѣлахъ говорить о снисхожденіи и милосердіи». Всѣ поняли, въ чей огородъ былъ брошенъ этотъ камень, и всѣ догадывались, кѣмъ былъ онъ брошенъ. Среди всѣхъ этихъ толковъ въ общество откуда-то залетѣла фраза «о бумажномъ паяцѣ и его веревочкахъ, подергиваемыхъ Орловымъ».

— Неужели *онъ* такъ и сказалъ?

— Да, да! Я,—говоритъ,—держу эти веревочки въ своихъ рукахъ.

— Это про *него*-то?

— Да.

— Это прелестно, прелестно!

— Но я удивляюсь терпѣнію *того*.

— Значитъ есть же что-нибудь такое, чего *онъ* боится.

— Неужели вы думаете, что дѣйствительно была какая-нибудь уголовщина?

— Уголовщина—не уголовщина, а вѣрно рыльце въ пушку.

Этимъ толкамъ не было конца. Праздному люду, повидимому, хотѣлось во что бы то ни стало раздуть вражду между Орловымъ и Михайловскимъ-Несмѣльскимъ и отравить обоимъ жизнь. И дѣйствительно эти два человѣка чувствовали, что они не могутъ служить вмѣстѣ. Въ городѣ уже подробно разузнали въ новой редакціи всю исторію, послужившую причиной ненависти между этими двумя личностями, и толковали о ней вкривь и вкось. Михайловскій-Несмѣльскій въ одномъ обществѣ, когда зашла въ довольно ехидномъ тонѣ рѣчь о золотой молодежи, соблазняющей невинныхъ дѣвушекъ, замѣтилъ:

— Да, но эти невинныя жертвы иногда оказываются настолько практичными, что чуть не пускаютъ съ сумою своихъ соблазнителей. Вѣдь у каждой изъ этихъ жертвъ есть практики и дѣльцы—дяденьки, братцы, кузены.

Въ другомъ кружкѣ во время разговора на ту же тему Орловъ сказалъ:

— И что же вы станете дѣлать съ подобными хлыщами? Подставлять лобъ подъ ихъ же пули на дуэли или убивать ихъ, какъ собакъ, и нести за это наказаніе? Они знаютъ, какъ это невыгодно, и пользуются своимъ положеніемъ. Одно наказаніе существуетъ для нихъ—это названіе негодяевъ; но кто же изъ нихъ не утратилъ способности краснѣть?

Отношенія этихъ двухъ людей становились настолько невыносимыми, что самъ Михайловскій-Несмѣльскій писалъ въ Петербургъ письмо за письмомъ съ одной и тою же фразой:

«Уберите его отъ меня!... Это какая-то бѣшеная собака, вцѣпившаяся въ меня зубами,—писалъ онъ.—Я могъ бы его игнорировать, еслибы мы не сталкивались ежедневно на служебномъ поприщѣ. Нѣтъ ни одного дѣла, которое онъ не поставилъ бы такъ, чтобы не насолить мнѣ, чтобы не взбѣсить меня. Наконецъ, я просто считаю его вреднымъ, такъ какъ онъ направляетъ дѣла, сообразуясь только съ однимъ правиломъ: привилегированный подсудимый или нѣтъ?—Если да, то надо его утопить во что бы то ни стало; если нѣтъ, то надо его выгородить во что бы то ни стало. Въ послѣднее время онъ сталъ очень усердно разрабатывать вопросъ объ умопомѣшенныхъ, отыскивая разныя злоупотребленія въ дѣлахъ признанія сумасшедшими разныхъ субъектовъ, которые, по его мнѣнію, находятся въ здравомъ разсудкѣ и засажены въ сумасшедшіе дома только ради корыстныхъ видовъ родни. Онъ поднялъ нѣсколько такихъ дѣлъ, чтобы только напакостить людямъ извѣстнаго круга и произвести возможно большее число скандаловъ. И въ то же время, когда на скамьѣ подсудимыхъ является какая-нибудь баба-убійца, онъ направляетъ дѣло такъ, чтобы было признано, что она совершила преступленіе въ состояніи невмѣняемости. Въ обществѣ имъ крайне недовольны, видя въ немъ краснаго, демократа и нигилиста. Эти толки, быть-можетъ, не имѣютъ серьезнаго основанія, но во всякомъ случаѣ онъ самъ виноватъ въ нихъ: съ одной стороны онъ каждый разъ считаетъ своимъ долгомъ на судѣ нападать на привилегированные классы, а съ другой—якшается съ какими-

то темными личностями, находящимися подъ надзоромъ полиціи. Чѣмъ скорѣе вы уберете его, тѣмъ лучше. У васъ тамъ на глазахъ онъ будетъ менѣе опасенъ и вреденъ».

Петербургскій другъ Дмитрія Андреевича, наконецъ, написалъ ему:

«Тебя рѣшились перевести въ Москву и этимъ ты обязанъ Михайловскому-Несмѣльскому: онъ добился-таки того, что тебя рѣшились «убрать» оттуда. Теперь ты будешь на шагъ отъ Питера».

Дмитрій Андреевичъ скомкалъ это письмо, стиснувъ зубы отъ бѣшенства. Онъ просился въ Петербургъ, онъ бился изъ-за этого столько лѣтъ, онъ сдѣлалъ въ послѣднее время все, чтобы добиться этого, и вдругъ его хотятъ перевести въ Москву. А куда пошлютъ оттуда? Когда пошлютъ? Онъ не могъ даже хладнокровно разсуждать, что дѣйствительно Москва находится на шагъ отъ Петербурга, что переводъ въ Москву—естественное повышеніе, что въ Москвѣ онъ можетъ пробыть какой-нибудь годъ, а тамъ и въ Петербургъ переведутъ. Онъ только сознавалъ одно то, что его не хотятъ переводить въ Петербургъ, что онъ опять потерпѣлъ неудачу, что его обходятъ и будутъ вѣчно обходить, что къ нему относятся какъ къ врагу и что ему остается только платить тою же монетой.

Когда въ этотъ день къ нему зашелъ Благолѣповъ, онъ не узналъ Орлова,

— Да что съ тобой, ты зеленый совсѣмъ?—сказалъ Никаноръ Ивановичъ.

— Въ Москву хотятъ перевести—а? Хорошо?—воскликнулъ Орловъ.

— Ну, и слава тебѣ, Господи! Все же ближе къ Питеру!

— Что ты понимаешь! Что ты понимаешь! Ближе къ Питеру!... Да кто мнѣ поручится, что они оттуда, изъ Москвы, не ушлютъ меня прокуроромъ въ Кіевъ, въ Орелъ, куда Макаръ телятъ не гоняетъ. Что я—пѣшка у нихъ въ рукахъ, чтобы мной играли? Мнѣ нужно быть въ Петербургѣ, и я буду... Я выхожу въ отставку... Вотъ вчера получилъ письмо отъ сестры: жалуется на тяжелое положеніе; пишетъ, что дядя Лампадовъ не можетъ успокоиться послѣ смерти своей сестры и самъ близокъ къ смерти; въ каждой строкѣ слышатся слезы. Мнѣ надо тамъ быть,—не могу я оставаться бездомникомъ...

Онъ большими шагами ходилъ по комнатѣ.

— Въ Москву переводятъ!... Привыкай опять къ новымъ людямъ, заводи новыя знакомства, подлаживайся къ новому складу жизни, а тамъ опять толкнутъ куда-нибудь... Для меня Петербургъ все: тамъ родня, знакомые, связи, возможность литературной дѣятельности, возможность осѣдлой жизни... Мнѣ надоѣли эти голыя стѣны, эта мебель отъ хозяевъ, эта холостая безалаберщина, эти цыганскія кочовки... Какимъ-то Иваномъ не помнящимъ родства дѣлаешься: сегодня здѣсь, завтра тамъ,—нигдѣ прочной связи, прочныхъ отношеній; все заводишь на время до новой перекочовки; и люди, и вещи, и мѣста — все становится не дорого, потому все это твое только на время... Я понимаю, что въ такомъ положеніи можно сдѣлаться человѣкомъ, которому все трынъ-трава, у котораго нѣтъ ничего святаго и завѣтнаго, который равнодушно встрѣчается и равнодушно разстается съ людьми, проходящими передъ нимъ, какъ китайскія тѣни... Я не созданъ быть богемой и никогда не буду имъ. Мнѣ нужна твердая почва подъ ногами, мнѣ нуженъ тотъ клокъ земли, который бы я полилъ пóтомъ и кровью съ сознаніемъ, что это—мой клокъ земли, что это клокъ земли моихъ дѣтей, моихъ близкихъ, моихъ друзей... Довольно съ меня этой цыганщины, оставляющей въ душѣ только пустоту и равнодушіе!

Орловъ прошелся по комнатѣ.

— Да и не это главное, а главное то, что у меня здѣсь руки связаны, языкъ припечатанъ,—продолжалъ онъ въ волненіи.— Мы живемъ въ такое время, когда нужно отстаивать и проводить свои идеи всѣми путями—въ частныхъ кружкахъ, въ общественныхъ собраніяхъ, въ печати. А здѣсь молчать приходится. Знаешь ли ты, что я отсюда даже писать не могу. Я пишу здѣсь статью и посылаю въ Петербургъ, а мнѣ пишутъ: «какъ жаль, что вы не прислали вашу статью раньше недѣлей; три дня тому назадъ вышло секретное предписаніе не касаться этого вопроса въ печати». И вѣдь это не разъ, не два случалось, а десятки разъ. Поневолѣ тутъ крылья опустишь, какимъ-то Пигасовымъ сдѣлаешься, который брюжжитъ, потому что ему брюжжать пріятно.

Благолѣновъ сидѣлъ, опершись локтями въ колѣни и опустивъ на ладони голову. Онъ хотѣлъ сказать Орлову, что вотъ онъ, Благолѣповъ, тоже, наконецъ, рѣшился уѣхать изъ города, завтра же уѣхать и притомъ навсегда, но промолчалъ. Онъ только спросилъ Орлова, когда тотъ уѣзжаетъ.

— На дняхъ, черезъ недѣлю, черезъ двѣ,—отвѣтилъ Орловъ.

— Ну, значитъ, еще разокъ увидимся, — сказалъ Благолѣповъ.

— И не разъ еще увидимся...

— Нѣтъ, мнѣ тоже надо на время уѣхать...

— Разрѣшили?

Благолѣповъ немного замялся и потомъ коротко сказалъ:

— Я на время...

— Смотри, не попадись...

— Ну, вотъ еще!

Потомъ Благолѣповъ заговорилъ объ Орловѣ, объ его отъѣздѣ. Они разстались. На другой день Благолѣповъ на минуту зашелъ проститься съ Орловымъ. Онъ крѣпко обнялъ Дмитрія Андреевича и сказалъ:

— Не поминай лихомъ. Авось еще встрѣтимся гдѣ-нибудь.

— Смотри, чтобы не пришлось встрѣтиться въ судѣ.

— Экъ выдумалъ что!

— Да вѣдь я тебя знаю. Тоже головушка-то буйная.

— Ну, что-жь, попадусь,—защищать будешь!

Благолѣповъ вышелъ отъ Орлова и медленно пошелъ по направленію за городъ по пыльной дорогѣ. Онъ миновалъ послѣднія лачуги и пустыри городской окраины, вышелъ на большую дорогу и, что-то беззаботно насвистывая, побрелъ не спѣшно въ голубую даль среди полей и нивъ, тянувшихся за городомъ. Онъ, казалось, просто прогуливался и никто не сказалъ бы, увидавъ его, что этотъ человѣкъ—«бѣглецъ».

Орловъ между тѣмъ торопливо сдавалъ дѣла и тоже собирался въ отъѣздъ. Черезъ двѣ-три недѣли онъ уже сидѣлъ въ вагонѣ втораго класса и ѣхалъ въ Петербургъ.

На дворѣ стояли послѣдніе теплые дни, кругомъ все еще было зелено, сіяло на солнцѣ. На поляхъ шла спѣшная работа крестьянъ. Въ вагонѣ было и душно, и безлюдно, а тамъ, по сторонамъ полотна желѣзной дороги, разстилались нивы, тянулись зеленые холмы, синѣли лѣса въ безбрежномъ пространствѣ. У Орлова на душѣ было тяжело и скверно; его теперь угнетала даже мысль о томъ, что онъ, какъ батракъ, долженъ вѣчно работать, биться, не имѣя даже возможности отдохнуть и забыться въ этой зеленой глуши, на лонѣ всеоживляющей природы. Ему вспоминалось его скорбное дѣтство, когда онъ знакомился съ природой въ тощемъ Екатерингофскомъ саду, въ жалкихъ цер-

ковныхъ оградахъ, на Митрофаньевскомъ кладбищѣ. Тутъ ли было развернуться здоровой и широкой натурѣ, тутъ ли было создаться цѣльному человѣку? А онъ еще былъ, быть-можетъ, самымъ счастливымъ изъ городской голи, изъ городскихъ пролетаріевъ, гибнущихъ въ духотѣ и пыли, увядающихъ, какъ увядаютъ чахлыя деревья городскихъ садовъ, лишенныя простора, чистаго воздуха и солнца.

— Станція Русовка!—раздалось у окна вагона.

Орловъ вскочилъ точно отъ электрическаго удара. Русовка!... Это въ четырехъ, въ пяти верстахъ отъ села Русова, отъ *нея*. Какъ же онъ забылъ объ этомъ! Зачѣмъ онъ взялъ билетъ до Москвы? Убѣжать туда къ ней, забыться тамъ, вздохнуть свободно на вольномъ воздухѣ... Онъ схватилъ свой ручной чемоданчикъ и вышелъ, почти выбѣжалъ изъ вагона. Раздался звонокъ на станціи, но Орловъ уже бѣжалъ, завидѣвъ какую-то телѣгу близъ станціи. Черезъ двѣ-три минуты онъ уже сидѣлъ въ этой телѣгѣ и ѣхалъ по направленію къ Русову. Но у него былъ билетъ до Москвы? У него былъ багажъ въ багажномъ вагонѣ? Что за глупости! Стоитъ ли объ этомъ думать! Соскочилъ съ поѣзда и удралъ!... Онъ смѣялся, какъ школьникъ, неожиданно убѣжавшій отъ гувернера въ лѣсъ, въ поле. Онъ даже обернулся на уносившійся вдаль поѣздъ и улыбнулся, точно говоря: «Что взялъ?... Вотъ захотѣлъ и сбѣжалъ». За пять минутъ тому назадъ онъ и не подозрѣвалъ, что онъ способенъ на такое школьничество. Какъ онъ былъ радъ, что это такъ сдѣлалось! Какъ княжна удивится его пріѣзду, какъ она удивится его рѣшенію выйти въ отставку! Онъ проведетъ здѣсь день, другой, вдвоемъ съ нею, впервые съ нею въ этой благодатной глуши. Они будутъ гулять въ тихомъ паркѣ, въ лѣсу, среди полей; будутъ говорить безъ умолку, школьничать, какъ говорятъ и школьничаютъ только вдали отъ городовъ, вдали отъ гостиныхъ; кто знаетъ, можетъ-быть... Она говорила, что любящіе люди чутьемъ угадываютъ любовь, не объясняясь, не сватаясь... Можетъ-быть онъ, счастливый, сіяющій, замирающій отъ восторга, уловитъ это мгновеніе и тогда... Что ему карьера, что ему Петербургъ! Съ нею онъ будетъ вездѣ счастливъ! Она богата, но ему нужно не ея богатство; ему теперь нужнѣе всего женская ласка, тихій отдыхъ отъ мелкихъ дрязгъ, жизнь вдали отъ пошлыхъ людей. А мечты о крупной и широкой дѣятельности?—О, Богъ съ нею. Хоть бы мелкое дѣло дѣлать, но дѣлать его послѣдова-

тельно, съ увѣренностью въ его прочность, самостоятельно... А вотъ и село.

— Это Русово?

— Да,—отвѣтилъ мужикъ, везшій Орлова.

— Гдѣ же господскій домъ?

— А вотъ тутъ свернемъ направо, а тамъ поворотимъ налѣво...

— Поѣзжай, поѣзжай, на водку дамъ!—заторопилъ Орловъ мужика.

Тотъ нахлесталъ лошаденку, телѣга запрыгала по мягкой, кочковатой дорогѣ, свернула направо, повернула налѣво.

— Вонъ господскій садъ!

— Стой, стой! Я черезъ садъ пойду... Ты свезешь чемоданъ во дворъ.

Орловъ выскочилъ изъ телѣги, расплатился и пошелъ по направленію къ саду. Это былъ старинный барскій садъ, съ широкой просѣкой на проѣзжую дорогу. Орловъ попробовалъ калитку чугунныхъ рѣшетчатыхъ воротъ: она была незаперта; онъ вошелъ въ нее и пошелъ просѣкой или главной аллеей къ дому. Вотъ и домъ видѣнъ, большой старинный домъ екатерининскихъ временъ; на широкой террасѣ, обставленной многолѣтними деревьями въ кадкахъ, съ каменными львами около нижнихъ ступеней, подъ бѣлыми спущенными маркизами, сидитъ въ креслахъ князь; въ сторонѣ на ступеняхъ террасы ,Ольга Родіоновна вяжетъ вѣчный шерстяной шарфъ; съ другаго боку сидитъ она, княжна, и по обыкновенію неопредѣленно смотритъ куда-то вдаль, точно всматривается въ него, въ Орлова. Но кто же это тутъ еще сидитъ, повернувшись широкою спиной къ нему, къ Орлову? Орловъ еще не успѣлъ ничего сообразить, какъ княжна завидѣла его и бросилась ему на встрѣчу.

— Митя, какими судьбами!—вскрикнула она и, сжимая ему руку, быстро проговорила тревожнымъ шепотомъ:—Здѣсь Никаноръ Ивановичъ... Теперь его зовутъ Никаноровымъ.

Орлова точно холодною водой облили. Ему вдругъ какъ будто желчь подступила къ горлу. Ему вдругъ захотѣлось разразиться неудержимымъ злобнымъ хохотомъ надъ собой, надъ ними, надъ всѣми, кто подвернется подъ руку. Это было что-то невольное, безсознательное, непреодолимое.

— Заговорщики!—съ недоброй усмѣшкой прошепталъ онъ ей и направился къ террасѣ.

Князь, Ольга Родіоновна, Никаноръ Ивановичъ—всѣ удивились неожиданному пріѣзду Дмитрія Андреевича.

— Да вотъ пустился въ погоню за нимъ въ качествѣ товарища прокурора,—сказалъ онъ, указывая на Благолѣпова.— Господинъ Никаноровъ сбѣжалъ вѣдь отъ насъ, укрывается. Надо же было прослѣдить.

Ему хотѣлось съ какимъ-то злорадствомъ напомнить о томъ, что Никаноръ Ивановичъ—поднадзорный.

— Ну, братъ, опоздалъ, опоздалъ! — добродушно сказалъ князь.—Съ него сняли надзоръ полиціи. Да и пустякъ это все было. Я такъ и полагалъ... Нѣтъ, а я-то хорошъ. Онъ прибылъ сюда, а я съ чего-то вообразилъ, что онъ носитъ другую совсѣмъ фамилію. Какъ я его, Соня, назвалъ-то?

— Благовѣщенскимъ, кажется,—отвѣтила княжна, подавляя смущеніе.

— Нѣтъ, нѣтъ, не такъ,—сказалъ князь.—Тоже память-то у тебя дѣвичья!

— Благолѣповымъ!—подсказала Ольга Родіоновна.

— Да, да, Благолѣповымъ!—сказалъ князь.—И съ чего это я? И какъ это пришло мнѣ въ голову?

— И благолѣпія-то во мнѣ никакого нѣтъ,—сказалъ шутливо Благолѣповъ, оправившись уже отъ смущенія.

— Ну, пойдетъ теперь самого себя вышучивать!—проговорилъ князь, махнувъ рукой, и обратился къ Орлову.—Ну, а ты какъ, что? Разсказывай все!

Всѣ усѣлись. Орловъ началъ разсказывать, что случилось за послѣднее время. Онъ говорилъ остроумно, ѣдко, саркастически. Казалось, въ этотъ мигъ ему все представлялось съ смѣшной, съ нелѣпой, съ глупой стороны. Надъ всѣмъ хотѣлось глумиться, издѣваться и прежде всего надъ самимъ собой. Онъ даже разсказалъ въ самомъ смѣшномъ видѣ, какъ онъ удралъ съ поѣзда сюда, какъ онъ чуть ли не языкъ показалъ кондукторамъ и пассажирамъ, удирая на телѣгѣ и уговаривая мужика нахлестывать лошадь.

— Ужь очень горѣлъ нетерпѣніемъ увидать хоть на минуту, какъ это люди живутъ на землѣ въ раю,—закончилъ онъ съ ироніей свой разсказъ.

— Да, здѣсь Палестина!—проговорилъ Благолѣповъ.

— Ты тоже знаешь, гдѣ раки зимуютъ!—вскользь замѣтилъ Орловъ.

Онъ обернулся къ Ольгѣ Родіоновнѣ и сказалъ ей шутливымъ тономъ:

— Вотъ и я, Ольга Родіоновна, какъ уже говорилъ вамъ, мѣста хочу искать здѣсь сельскаго учителя или волостнаго писаря.

— Ну, а я тебѣ опять скажу, что тебѣ еще надо въ чины выйти,—сказала старушка, продолжая вязать шарфъ.

— Ахъ, вы опять старое повторяете! А я вотъ рѣшился крестьянскимъ ребятишкамъ носы вытирать... то бишь, учить ихъ складамъ, да сложенію и вычитанію...

— И совсѣмъ это ты глупости говоришь, и не къ лицу это тебѣ!—наставительно сказала старушка.

— Что это—глупости-то говорить?... Это всѣмъ къ лицу!

— Нѣтъ, крестьянскихъ дѣтей учить не къ лицу тебѣ...

Орловъ почему-то вспылилъ.

— А Софьѣ Александровнѣ къ лицу?—спросилъ онъ.

— Разумѣется, къ лицу, если это доставляетъ ей удовольствіе и развлеченіе, а для другихъ доброе дѣло.

Орловъ засмѣялся.

— А, значитъ отъ бездѣлья и то рукодѣлье!... Такъ вы вотъ какъ смотрите, Ольга Родіоновна! Такъ и будемъ знать...

Онъ начиналъ уже бѣситься на себя за этотъ разговоръ и не могъ отъ него удержаться, не могъ перемѣнить тона, чувствуя всю пошлость своего положенія, своего тона. Ольга Родіоновна какъ на зло продолжала:

— Тебя бы на мѣсяцъ здѣсь запереть, такъ ты бы сбѣжалъ отсюда, потому привыкли вы тамъ, столичные-то, по баламъ да по театрамъ порхать, а здѣсь человѣкъ самъ съ собой долженъ жить.

— Какъ это такъ самъ съ собой?

— Извѣстно какъ. Тамъ ты работу кончилъ да и полетѣлъ сегодня на балъ, завтра въ театръ, тамъ въ собраніе... Такъ вся жизнь и проходитъ подъ музыку. Ну, а здѣсь какъ приходится сегодня да завтра одному остаться, такъ и привыкнешь самъ съ собой жить, въ себя всматриваться...

— Съ круга спиваться,—закончилъ въ тонъ ей Орловъ.

— Да, кому какъ. Одни съ круга спиваются, другіе людьми становятся...

Старушка опустила вязанье и начала его свертывать.

— Въ деревнѣ, какъ въ монастырѣ, либо совсѣмъ никуда-

негоднымъ человѣкомъ станешь, либо подвижникомъ сдѣлаешься,—сказала она.

— Да и въ городѣ, Ольга Родіоновна тоже: либо подлецъ, либо честный,—сказалъ Орловъ, смѣясь.

Она посмотрѣла на него серьезнымъ взглядомъ.

— Ну, нѣтъ, ты этого не говори. Въ городѣ подъ одну краску всѣ себя подгоняютъ. Тамъ человѣкъ не самъ идетъ, а вѣтеръ его гонитъ.

Она поднялась съ мѣста.

— Тамъ иному-то и въ годъ ни разу не удастся себѣ въ душу-то заглянуть: сегодня у самого гости, завтра самъ въ гостяхъ; тутъ подпоили, тамъ протанцевалъ до бѣла дня. Послѣ такой-то жизни деревня—адъ: тутъ вѣдь безъ этой музыки работать надо.

Ольга Родіоновна неторопливо ушла съ террасы. Въ головѣ Орлова опять мелькала мысль: «а, такъ ты вотъ какъ на меня смотришь! Музыка мнѣ нужна для работы». Князь уже уснулъ и Дмитрій Андреевичъ остался съ глазу на глазъ съ княжной и Благолѣповымъ.

— Ну-съ, такъ вы заговоръ здѣсь устраиваете?—сказалъ онъ.

— Какой заговоръ?—спросила княжна.

— Да какъ же: человѣкъ съ фальшивымъ паспортомъ...

— Я же мимоходомъ зашелъ,—сказалъ Благолѣповъ, какъ бы извиняясь.—Хотѣлъ барышню повидать...

— Я вамъ сказала, что я васъ не отпущу,—замѣтила княжна обернувшись къ нему.—Отецъ готовъ взять васъ въ управляющіе въ Русово. А то такъ въ волостные писаря поступите. Съ его рекомендаціей возьмутъ. Но лучше первое. Вы естественникъ, вы много читали по части сельскаго хозяйства и будете не безполезны...

— Да, я, пожалуй,—нерѣшительно замѣтилъ Благолѣповъ.

— Да вы, господа, точно младенцы разсуждаете,—сказалъ Орловъ.—Обо всемъ говорите, а паспортъ забываете...

— Да паспортъ въ порядкѣ. Какой чортъ узнаетъ, кто я—Благолѣповъ, Зломраковъ или Чортъ Ивановъ?—нетерпѣливо замѣтилъ Благолѣповъ.

— А если, милый мой, узнаютъ? Похвалятъ васъ за это? Одобрятъ Софью Александровну? Поблагодарятъ князя?...

— О, папа стоитъ выше всякихъ подозрѣній и я...

— Полагаешь, что ты такъ отъ всего и застрахована, потому что ты—княжна Русова?... Конечно, смотря такъ на дѣло, отчего же и не пошалить...

Княжна вспыхнула.

— Тутъ дѣло не въ шалостяхъ вовсе! Я сама совѣтовала Никанору Ивановичу воспользоваться этимъ выходомъ. Можетъ-быть это было необдуманно, опрометчиво, но онъ послушался и я обязана теперь предложить ему мѣсто здѣсь, потому что здѣсь безопаснѣе.

— Да вы не безпокойтесь,—началъ Благолѣповъ; но она перебила его.

— И кромѣ того я рада, что здѣсь будетъ человѣкъ, который будетъ дѣлать дѣло со мною, будетъ помогать мнѣ. Мнѣ еще нужны указанія, совѣты...

— Какъ учить дѣтей азбукѣ? Это даже старые дьячки умѣли дѣлать.

— Что это, Митя, какой ты сегодня странный?—грустнымъ тономъ спросила княжна.

Дмитрій Андреевичъ вспылилъ. Въ сущности, онъ не могъ дать себѣ отчета, на кого онъ теперь сердится: на себя, на нее, на Благолѣпова,—но сдержаться онъ былъ не въ состояніи.

— Да вѣдь это, смѣшно, Соня! — воскликнулъ онъ. — Хочешь ты учить отъ скуки ребятишекъ; онъ хочетъ, чтобы не болтаться даромъ, поступить въ управляющіе, а говорите вы объ этомъ такимъ тономъ, точно міръ спасать намѣрены...

Княжна широко открыла глаза и въ недоумѣніи взглянула сперва на Благолѣпова, чертившаго что-то по землѣ палкою, потомъ на Орлова.

— Онъ, кажется, ничего не говорилъ, а я сказала, что онъ мнѣ можетъ помочь, вотъ и все,—просто сказала она.—Гдѣ же тутъ рѣчи о спасеніи міра? Я должна здѣсь жить, значитъ и приходится задуматься надъ вопросомъ, что дѣлать здѣсь. Онъ—ему тоже удобнѣе здѣсь жить, чѣмъ въ другомъ мѣстѣ,—значитъ и онъ долженъ думать, что дѣлать ему здѣсь. Если я говорю, что мнѣ хотѣлось бы сдѣлать здѣсь что-нибудь хорошее, принести какую-нибудь пользу людямъ, то я думаю, что тутъ нѣтъ ничего смѣшного, ничего страннаго. Граннасьянсы раскладывать намъ еще рано, сидѣть сложа руки — скучно, а придумывать, какъ бы насолить ближнимъ,—ты вѣрно о насъ не такого дурного мнѣнія.

«Мы», «насъ», «намъ!» Съ какой стати она употребляетъ эти выраженія? Что онъ ей? Что между ними общаго? Влюбилась? Нечего сказать, есть въ кого! Обломъ, неотесанный медвѣдь, бурсакъ! И зачѣмъ пріѣхалъ сюда онъ, Орловъ? На что онъ надѣялся? Развѣ онъ не понялъ княжну? Ей нужны или падшіе, чтобы ихъ спасать, или герои, чтобы создать изъ нихъ идоловъ. «Властолюбивая принцесса»... Да, дядя Лампадовъ угадалъ ее: непомѣрное самолюбіе избалованной барышни-аристократки и фантазерство начитавшейся романовъ и наслушавшейся громкихъ фразъ дѣвочки». Эти мысли вихремъ пронеслись въ головѣ Орлова и онъ не замѣчалъ даже неловкаго молчанія, воцарившагося въ ихъ группѣ.

— Какъ ты думаешь, Митя, устроиться въ Петербургѣ?—спросила его княжна, желая прервать его молчаніе.

Въ головѣ Орлова промелькнула мысль: «выживаетъ. Она была бы очень рада, еслибъ я сейчасъ же уѣхалъ».

— Почему я знаю?—отвѣтилъ онъ.—Войду въ составъ присяжныхъ повѣренныхъ...

— Да, кстати, объ этомъ сегодня уже есть въ газетахъ,—сказалъ Благолѣповъ.

Дмитрія Андреевича всего передернуло. Онъ самъ сообщилъ объ этомъ въ Петербургъ и его взбѣсило замѣчаніе товарища, точно онъ подозрѣвалъ, что Благолѣповъ хотѣлъ сказать ему: «а ты ужь успѣлъ и напечатать объ этомъ».

— Вѣчно услужатъ не кстати!—отрывисто сказалъ Орловъ.—Очень можетъ быть, что я вовсе и не выйду въ отставку... Наконецъ, вопросъ объ адвокатурѣ вовсе еще не рѣшенъ мною,—можетъ-быть, я изберу карьеру ученаго... Слава Богу, не старъ еще, не отупѣлъ, не клиномъ свѣтъ передо мной сошелся...

— Тебѣ тяжело будетъ первое время,—замѣтила княжна.

— Въ матеріальномъ отношеніи?—спросилъ онъ.—Что-жь, я не въ кружевныхъ пеленкахъ выросъ и никогда не жилъ въ роскоши. Мнѣ даромъ ничего не давалось и если у меня когда былъ кусокъ хлѣба, такъ я зарабатывалъ его самъ.

Онъ усмѣхнулся.

— Слава Богу, все могли отнять люди, все, только это право и оставили—право гордиться тѣмъ, что дармоѣдомъ не былъ и подлостью не зарабатывалъ хлѣба...

Онъ вдругъ перемѣнилъ тонъ и, разсѣянно оглядываясь кругомъ, равнодушнымъ голосомъ замѣтилъ:

— А хорошо у васъ тутъ, только, должно-быть, скучно зимой... Ольга Родіоновна права,—я не ужился бы тутъ. Мнѣ все казалось бы, что я въ тюрьмѣ, связанный по рукамъ и по ногамъ...

Ему не возражали.

— Ты тоже въ концѣ концовъ соскучишься,—сказалъ онъ княжнѣ.

— Потому-то я и хочу придумать дѣло себѣ,—отвѣтила она.

— Учить дѣтей? Лѣчить больныхъ?... Мелко все это, мой другъ, очень мелко, и потому скоро надоѣстъ. Убѣдишься ты, что уча дѣтей, ты только отбиваешь хлѣбъ у той бѣдной учительницы, которую ты могла бы нанять вмѣсто себя; занимаясь лѣченьемъ, ты убѣдишься, что докторъ сдѣлалъ бы это гораздо основательнѣе и что ты сдѣлала бы гораздо лучше, нанявъ его, а не дѣлая за него того, что тебѣ мало знакомо. Вѣдь какъ ты ни поворачивай вопроса, а все, что ты можешь сдѣлать здѣсь, будетъ тою же филантропіей, которой занимались и занимаются сотни другихъ барынь и которая выражается простою формулой: возьми съ мужика-работника рубль и раздай изъ этого рубля десять копѣекъ десяти тунеядцамъ—и прославятъ матушкой барыней, матерью сиротъ и защитницей слабыхъ...

— Да, я тоже часто объ этомъ думаю,—коротко согласилась княжна.

Орлова опять взбѣсило, что она не противорѣчитъ, что онъ не можетъ вступить съ ней въ горячій споръ и разбить ея доводы.

— Думаешь, и все-таки хочешь заняться этимъ дѣломъ?—сказалъ онъ съ ироніей.

— Но, вѣдь, покуда живъ отецъ, что же я могу здѣсь дѣлать?—спросила она.

— Ахъ, такъ это покуда? Серьезное дѣло еще впереди... А послѣ что станешь дѣлать?

— Я боюсь, Митя, даже думать о смерти отца,—тихо, почти съ упрекомъ, сказала княжна.

Орловъ сконфузился и извинился.

— А я вчера получила письмо отъ Александра,—замѣтила княжна, чтобы перемѣнить разговоръ.

— Кутежи свои описываетъ?—съ усмѣшкой спросилъ Орловъ.

— Кутежи?—почти съ удивленіемъ сказала княжна.—Ахъ, да, ты вѣдь давно ничего о немъ не слыхалъ и потому не знаешь... Онъ совершенно измѣнился, серьезно занимается, учится.

— Тоже въ сельскіе учителя готовится?

— Нѣтъ, онъ готовится къ земской дѣятельности.

— Вотъ какъ!... Что-жь, когда наслѣдственныя имѣнія есть, можно надѣяться сдѣлаться воротилой въ земствѣ...

Разговоръ опять оборвался.

Этотъ день тянулся для Орлова безконечно долго. На утро онъ хотѣлъ ѣхать обратно. Онъ уѣхалъ бы раньше, но до утра не было поѣздовъ. Вечеромъ онъ простился съ княжной и съ княземъ, такъ какъ поутру онъ намѣренъ былъ выѣхать рано, чтобы не опоздать къ поѣзду. Князь, между прочимъ, говоря съ нимъ наединѣ, замѣтилъ ему, чтобъ онъ не стѣснялся и въ случаѣ нужды обратился бы къ нему. Старикъ сдѣлалъ это предложеніе теплымъ тономъ, въ осторожныхъ выраженіяхъ. Но Орлова точно укололо это предложеніе.

— Вы знаете, Александръ Владиміровичъ, что я въ этомъ отношеніи неисправимъ,—отвѣтилъ онъ.—Чѣмъ больше я люблю человѣка, тѣмъ тяжелѣе мнѣ нарушать эти отношенія денежными одолженіями, матеріальною зависимостью. Впрочемъ, мнѣ, вѣроятно, даже и не придется нуждаться,—не совсѣмъ же я безталанный и лѣнивый работникъ...

Проходя въ отведенную ему комнату, онъ долженъ былъ идти съ Благолѣповымъ, такъ какъ тотъ спалъ рядомъ. Они впервые остались въ этотъ день съ глазу на глазъ. Орловъ почти не говорилъ съ нимъ днемъ и когда Благолѣповъ заговаривалъ съ нимъ, онъ сухо отвѣчалъ на его вопросы. Теперь ему было досадно даже и то, что Благолѣповъ, а не лакей, велъ его въ отведенную ему комнату. «Точно у себя дома,—думалось ему.—Что-жь, «у попа завидущіе глаза», не даромъ пословица говорится. Хорошій кусокъ урвать здѣсь можетъ».

— Вотъ твое логово,—сказалъ Благолѣповъ, вводя Орлова въ комнату.—Я тутъ же рядомъ. Постучу завтра, когда нужно будетъ ѣхать...

— Да что, здѣсь слугъ нѣтъ, что ли, чтобы разбудить?

— Вонъ выдумалъ! Полкъ цѣлой дворни... А я потому, что я все равно тутъ рядомъ сплю и встаю рано.

— Давно ты здѣсь?—не утерпѣлъ Орловъ, чтобы не спросить...

— Съ недѣлю или больше,—отвѣтилъ Благолѣповъ. — Вотъ какъ былъ тогда у тебя, такъ сюда и проперъ...

— Съ чего это таинственность-то напустилъ? Не сказалъ, что сюда идешь...

— Да что же болтать?... Ты въ такомъ положеніи стоишь...

— Что это ты? Думалъ, что донесу?

— Ну!—проговорилъ не безъ удивленія Благолѣповъ.—Просто тебя путать въ это дѣло не хотѣлъ... Ты—человѣкъ служащій, самъ на дурномъ счету... Оно лучше, когда съ чистой совѣстью можешь сказать, что знать не зналъ и вѣдать не вѣдалъ...

— А ее путать въ это дѣло ничего?

Благолѣповъ замялся.

— Она что-жь?... Я мимоходомъ зашелъ... Она сама настояла, чтобъ остался... Да я и не запутаю ее, коли что случится... Скажу, что искалъ мѣста, что взяли они, а кто я дѣйствительно—того не знали... Выдать некому...

— Не такія, братъ, вещи раскапывали!...

Благолѣповъ нахмурился и махнулъ рукой.

— Что будетъ, то будетъ, а уйти я не могу... Да и она не пуститъ...

— Вотъ какъ! Она не пуститъ...

— Ну да, не пуститъ человѣка бѣжать только ради того, что можетъ-быть изъ-за него когда-нибудь непріятности выйдутъ... Не такой она человѣкъ!

— Ты ужь не влюбленъ ли въ нее? Не жениться ли на ней задумалъ?—спросилъ Орловъ и самъ устыдился этого вопроса.

Благолѣповъ серьезно взглянулъ ему въ лицо.

— Что-жь ты не продолжаешь?—проговорилъ онъ.—Сказалъ бы еще, что она—выгодная невѣста, а мнѣ, молъ, голяку, это и на руку. Обойду ее, силой сдѣлаю любовницей,—ну, а потомъ придется за меня и замужъ идти... Эхъ, Дмитрій, Дмитрій, совсѣмъ тебя изломала жизнь!

Благолѣповъ махнулъ рукой и вышелъ изъ комнаты.

— Послушай... Ты извини! — крикнулъ ему сконфуженный Дмитрій Андреевичъ.

Благолѣповъ не отозвался. Дмитрій Андреевичъ слышалъ, какъ щелкнулъ замокъ въ его комнатѣ, какъ Благолѣповъ грузно легъ на постель и задулъ свѣчу.

Орлову не спалось. Онъ внутренно бранилъ себя за свою выходку, за свои разговоры въ этотъ день, за свою поѣздку сюда. Онъ чувствовалъ, что у него навсегда порвалась прежняя связь и съ княжной, и съ Благолѣповымъ. А съ кѣмъ же у него не порвана внутренняя связь? У кого вообще не порваны

внутреннія связи съ ближними? Не есть ли этотъ всеобщій внутренній разладъ— знаменіе нашего времени?... Онъ остановился на вопросѣ: была ли у него и прежде, до сегоднешняго дня, прочная внутренняя связь съ княжной и Благолѣповымъ?—Нѣтъ, нѣтъ, ихъ сближеніе было чисто внѣшнее, случайное, безъ твердой вѣры другъ въ друга; оно должно было рано или поздно порваться, и порвалось изъ-за пустяковъ; еслибы не случилось этого теперь, это случилось бы потомъ; даже хуже: потомъ наступило бы просто полное охлажденіе. Они держались другъ за друга, покуда имъ было нужно дѣлиться съ кѣмъ-нибудь своими горестями и сомнѣніями. Но не потому ли онъ порвалъ съ ними, что въ немъ пробудилась ревность?—Нѣтъ, это была только послѣдняя капля, переполнившая чашу. Съ первой встрѣчи Благолѣпова и княжны съ нимъ, съ Орловымъ, можно было угадать, что между ними все порвано, или, вѣрнѣе, что прочной связи между ними и не было никогда, хотя они всѣ трое одинаково называли бѣлое бѣлымъ и черное чернымъ. Но они смотрѣли другъ на друга свысока, когда рѣчь шла о дѣятельности. Развѣ Благолѣповъ и княжна не видѣли въ стремленіяхъ Орлова одного стремленія къ карьерѣ и, быть-можетъ, только къ карьерѣ ради карьеры? А развѣ онъ не смотрѣлъ на мечты княжны о школѣ для народа какъ на честныя, но очень мало имѣвшія значенія затѣи доброй барышни? Не видѣлъ ли онъ, Орловъ, въ Благолѣповѣ силу, но свихнувшуюся, загубленную, способную растратиться, подъ вліяніемъ возбужденія, на какіе-нибудь грандіозные заговоры, но не способную на мелкій и упорный будничный трудъ? Онъ можетъ-быть даже еще ниже цѣнилъ Благолѣпова, видя въ немъ будущаго Пигасова или Ноздрева. Теперь все это вдругъ стало ему ясно; онъ внезапно вспомнилъ разные полунамеки, недосказанныя фразы, ироническія улыбки—все то, въ чемъ сквозила ихъ внутренняя рознь и что, повидимому, проходило прежде незамѣченнымъ, безслѣднымъ; онъ, точно озаренный какимъ-то новымъ свѣтомъ, понялъ ясно, почему между ними могло все такъ скоро, такъ разомъ порваться. Иначе и не можетъ быть, когда между людьми существуетъ связь чисто внѣшняя, безъ твердой вѣры другъ въ друга, безъ сознанія необходимости ихъ другъ для друга,—связь, основанная только на томъ, что они бранятъ одно и то же. Это повторяется у насъ вездѣ и всюду. Люди наживы, карьеры, узкаго эгоизма, по самому характеру своихъ жизненныхъ задачъ, глядятъ на окружающихъ—какъ враги

на враговъ, стараясь урвать себѣ все и не дать ничего другимъ. Ихъ рознь съ ближними понятна сама собою. Но и люди, такъ или иначе любящіе родину, стремящіеся принести ей пользу, желающіе служить ей, расходятся во взглядахъ на пути и средства для достиженія желанной цѣли, не умѣютъ придти ни къ какому соглашенію съ единомышленниками, не умѣютъ дѣлать мелкихъ уступокъ другъ другу для того, чтобы сплотиться. Это—фактъ; но можетъ ли и быть иначе? Эти люди, съ одной стороны, по умственному развитію, по положенію въ свѣтѣ, по воспитанію принадлежатъ къ самымъ разнообразнымъ категоріямъ, не имѣя ни въ прошломъ, ни въ настоящемъ ничего общаго между собою; а съ другой стороны они не имѣютъ даже возможности спѣться: говоря много и часто о томъ, что дурно, о томъ, что нужно передѣлать, они говорятъ о цѣляхъ и средствахъ только урывками, полусловами, намеками, тайкомъ, точно воры и злоумышленники, и потому въ ихъ средѣ что человѣкъ—то партія. Вотъ въ чемъ трагизмъ нашей жизни, жизни современнаго человѣка. Онъ сознаетъ, что дѣти разошлись съ отцами; но это еще не значитъ, чтобы дѣти нашли возможность создать что-нибудь новое, и не создадутъ они ничего новаго, покуда у нихъ не явится возможности сплотиться между собою, договориться громко и ясно до цѣлей и средствъ и размежеваться между собою на сплоченные кружки и партіи. Покуда не будетъ этого, наше поколѣніе будетъ хандрить, жаловаться, враждовать, сѣять недовольство—и только, и только. Безъ этого не будетъ ни у кого вѣры въ серьезность и въ прочность начатаго имъ дѣла, избраннаго имъ пути,—будетъ только толченіе воды въ ступѣ, выражающееся сегодня въ стремленіи княжны Софьи Александровны прежде всего обучить крестьянскихъ дѣтей грамотѣ, завтра—въ поползновеніи Никанора Благолѣпова, въ качествѣ управляющаго, волостнаго писаря или чего-нибудь подобнаго, наставить, развить и оберечь отъ несправедливостей власти мужиковъ, послѣ завтра—въ опасной пропагандѣ и подбрасываніи прокламацій какимъ-нибудь одинокимъ заговорщикомъ, а тамъ—годы тюрьмы за нѣсколько не принесшихъ никакой существенной пользы попытокъ, разочарованіе въ дѣятельности всей жизни, ссылка на каторгу, самоубійство въ припадкѣ отчаянья и сознанія своего безсилія или, что еще страшнѣе, ренегатство. Что же и ждать другого, когда желаніе блага народу, родинѣ должно по необходимости слагаться въ формы какихъ-то тайныхъ сообществъ, заго-

воровъ, преступленій,—когда нельзя открыто, всесторонне, серьезно и спокойно обсудить всѣхъ язвъ, разъѣдающихъ общество, вредящихъ его естественному росту, губящихъ производительныя силы? При такомъ положеніи, когда кромѣ высказыванья общихъ мѣстъ о честности своихъ стремленій, на что способенъ и каждый подлецъ, нельзя никому произнести громко свой символъ вѣры,—не мудрено, если на каждаго будутъ смотрѣть подозрительно даже его единомышленники, если каждый будетъ чувствовать себя одинокимъ, не связаннымъ прочно ни съ кѣмъ. Да, въ настоящее время у всѣхъ или нѣтъ вѣры въ свое дѣло, или нѣтъ вѣры въ ближнихъ. Это сознается всѣми, но это сознаніе нисколько не облегчаетъ... Всѣ эти мысли всю ночь не давали покоя Орлову, и чѣмъ дальше развивались онѣ, тѣмъ яснѣе и яснѣе онъ сознавалъ, что надо бороться, бороться всѣми средствами, всѣми путями прежде всего за одно: за свободу слова, за свободу личности. Пока не будетъ этого, будетъ страшная рознь, страшная подозрительность, страшное приниманье своихъ за враговъ и враговъ за своихъ и та вѣчная ловля рыбы въ мутной водѣ со стороны аферистовъ, казнокрадовъ, взяточниковъ и міроѣдовъ, всего того люда, которому на руки всякія недоразумѣнія.

Подъ утро Орловъ открылъ окно. На него пахнуло изъ сада прохладнымъ, бодрящимъ воздухомъ. Онъ постоялъ нѣсколько минутъ, прислушиваясь къ пѣнію и щебетанью птицъ, къ шелесту листьевъ, вдыхая свѣжесть утра. Ему стало вдругъ какъ-то легко, на душѣ все точно улеглось и затихло. Въ ней не было ни озлобленія, ни сожалѣній. Ему захотѣлось вырваться поскорѣй изъ этого спящаго дома, пройтись пѣшкомъ. Онъ прошелъ въ корридоръ, нашелъ и разбудилъ слугу, сказалъ, чтобы прислали на станцію его дорожный чемоданчикъ, и вышелъ изъ дому.

— А какъ же вы, баринъ?—спросилъ лакей.

— Что-жь, дойду и одинъ,—отвѣтилъ Орловъ.

Къ чему относились эти слова: къ вопросу лакея или къ думамъ о томъ пути, которому еще не видѣлось конца и который называется жизнью? Дойду и одинъ... Одному труднѣе, чѣмъ вмѣстѣ... Но на нѣтъ и суда нѣтъ... Одному легче сбиться съ пути, легче упасть. Нужно быть постоянно на-сторóжѣ, слѣдить за каждымъ своимъ шагомъ. Вотъ Ольга Родіоновна говорила, что въ деревнѣ людямъ приходится жить съ самими собою. А тамъ, въ омутѣ столицы, развѣ ему, Орлову, не придется жить только съ самимъ собою?

А. Михайловъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Государство и самоуправленіе.

(историко-юридическіе очерки.)

V *).

(Окончаніе.)

Ошибка европейскаго либерализма, на которую мы указали, подала, какъ извѣстно, поводъ къ небезосновательнымъ нападеніямъ. Но нападенія эти сами заключаютъ въ себѣ довольно значительную долю недоразумѣнія.

На требованіе полнаго невмѣшательства власти въ экономическія отношенія многіе и до настоящаго времени смотрятъ какъ на основу либерализма вообще, и въ этомъ виноваты прежде всего писатели несомнѣнно либеральнаго образа мыслей. Изъ страха передъ соціализмомъ и коммунизмомъ, изъ опасенія деспотизма государства, ученые и публицисты этого направленія настойчиво и горячо проповѣдуютъ свободу въ хозяйственной жизни, точно также какъ и свободу во всѣхъ другихъ отношеніяхъ. Манчестерская школа экономической политики овладѣла общественнымъ мнѣніемъ Европы и до сихъ поръ вводитъ многихъ въ заблужденіе, выставляя относительно-вѣрные принципы практической дѣятельности государства за непоколебимые законы науки.

Дюнуайе написалъ большое сочиненіе о свободѣ труда или объ условіяхъ, при которыхъ силы человѣка пріобрѣтаютъ наибольшее развитіе. Подъ свободой этотъ писатель разумѣетъ мощь, которую пріобрѣтаетъ человѣкъ, высвобождаясь отъ первоначальныхъ препятствій, его стѣснявшихъ **). Дюнуайе предостерегаетъ

---

*) *Русская Мысль*, кн. IV.

**) „Ce que j'appelle *liberté*, dans ce livre c'est ce *pouvoir* que l'homme acquiert d'user de ses forces plus facilement *à mesure qu'il s'affranchit* des obstacles qui en gênaient originairement l'exercice“ („De la liberté du travail“, 1845 г., т. I, стр. 24).

читателя отъ иллюзій и утверждаетъ, что нѣтъ такого общественнаго строя, гдѣ каждый могъ бы пользоваться одинаковою свободой, ибо это означало бы, что каждый въ равной мѣрѣ обладаетъ средствами, способностями, просвѣщеніемъ. Господство новыхъ промышленныхъ порядковъ, т. е. практическое осуществленіе принципа невмѣшательства государства въ хозяйственную жизнь народа, ведетъ, по мнѣнію французскаго писателя, къ уничтоженію искуственнаго неравенства и къ развитію естественнаго, неизбѣжнаго и благодѣтельнаго,—говоритъ Дюнуайе. Конечно, при такихъ условіяхъ для массы населенія могутъ наступить тяжелыя времена, и десятки, сотни тысячъ людей, милліоны, пожалуй, погибнутъ медленною смертью отъ истощенія или одичаютъ отъ возрастающаго невѣжества. Но таковъ будто бы неотразимый законъ природы. Существуетъ только одно утѣшеніе: подъ вліяніемъ общаго подъема культуры, благосостояніе массы должно въ нѣкоторой степени также подниматься.

На помощь этой безжалостной теоріи впослѣдствіи стали приводить дарвиновскій законъ борьбы за существованіе. Если справедливо, что книга Мальтуса имѣла вліяніе на Дарвина, то труды послѣдняго, въ свою очередь, доставили новыя доказательства защитникамъ свободнаго соперничества, и г-жа Клемансъ-Ройе, напримѣръ, написала сочиненіе, съ жаромъ доказывая необходимость гибели слабаго для совершенствованія сильнаго. Знаменитый Гэккель рѣшительно отвергаетъ какую бы то ни было связь между дарвинскою теоріей и соціализмомъ. Онъ приводитъ слова Оскара Шмидта, по мнѣнію котораго соціалисты, еслибъ они отчетливо мыслили, должны бы были возставать противъ этой теоріи, ибо она доказываетъ неосуществимость ихъ идей. Теорія подбора,—восклицаетъ Гэккель,—совсѣмъ не демократическая и всего менѣе соціалистическая: она есть по-истинѣ аристократическая теорія *).

Такихъ союзниковъ и истолкователей нашла себѣ формула «laissez faire». Но обратимся къ исторіи возникновенія этой формулы для того, чтобы возстановить ея истинное значеніе.

Старый порядокъ и политическихъ, и экономическихъ отношеній былъ основанъ на разнообразныхъ льготахъ и монополіяхъ. Правительственная власть вмѣшивалась повсюду, защищая или предписывая каждый шагъ, каждое движеніе человѣка. Во второй

---

*) *E. Haeckel:* „Freie Wissenschaft und freie Lehre“, стр. 71, 73 и др.

половинѣ XVIII столѣтія французское образованное общество уже убѣдилось въ негодности этого строя. Началась борьба противъ привилегій и противъ регламентацій. Физіократы, съ Кенэ во главѣ, противопоставили отжившимъ идеямъ новую теорію.

Прежде всего они потребовали *вмѣшательства государства* для установленія правильныхъ условій общежитія, для уничтоженія монополій, нагроможденныхъ въ средніе вѣка и отчасти усиленныхъ въ послѣдующее время. Требованіе теоріи пытался осуществить министръ-физіократъ Тюрго, издавшій законъ объ уничтоженіи цеховъ, но потерпѣвшій въ этомъ отношеніи полную неудачу.

Затѣмъ,—говорили физіократы,—когда несправедливыя льготы будутъ уничтожены, когда искуственныя препятствія для здоровой экономической жизни будутъ устранены, тогда начнется благодѣтельное дѣйствіе естественныхъ законовъ общежитія. «Laissez aller»,—формула Гурне,—какъ справедливо замѣчаетъ Дюрингъ *), находится въ соотвѣтствіи съ основными взглядами Кенэ, является дополненіемъ къ нимъ, важнымъ, какъ оказалось, по своимъ практическимъ послѣдствіямъ. Предположеніе о томъ, что устраненіе ясно сознаваемыхъ недостатковъ государственнаго и общественнаго строя возстановитъ или создастъ естественное состояніе, т. е. всеобщее благополучіе,—предположеніе, которое составляло тогда сильно распространенное заблужденіе философской мысли, повело, конечно, и къ выводамъ, оказавшимся также ошибочными.

Такимъ образомъ физіократы были далеки отъ того пониманія теоріи невмѣшательства, которымъ отличается послѣдующее время. «Laissez faire, laissez passer» при своемъ появленіи вовсе не было буржуазнымъ девизомъ. Наоборотъ, Штейнъ справедливо называетъ физіократовъ соціалистами XVIII вѣка. Вотъ что говоритъ, напримѣръ, одинъ изъ наиболѣе замѣчательныхъ представителей этой школы, Мерсье-де-ла-Ривьеръ: «Къ чьей выгодѣ происходитъ это громадное увеличеніе цѣнностей? Какъ, тѣ, чьими руками эти цѣнности создаются, не знаютъ достатка? Ахъ, опасайтесь такого противорѣчія!»

Этого мало: Дюпонъ-де-Немуръ, другой писатель-физіократъ, и Тюрго выработали проектъ самоуправленія, которое, по ихъ мнѣнію, должно было бы обновить Францію. «La cause du mal,

*) „Kritische Geschichte der Nationalökonomie und des Socialismus“, 2 Auflage, стр. 112.

Sire,—говорилъ Тюрго въ «Мемуарѣ о муниципалитетахъ», представленномъ Людовику XVI, — vient de ce que votre nation n' a point de constitution». Бѣда, по мнѣнію знаменитаго мыслителя и министра, заключалась въ томъ, что французское общество было разъединено, что между его членами не было установлено тѣсной законной связи. Отдѣльное лицо по-неволѣ уходитъ въ свои частные интересы, и сознаніе общественнаго долга, гражданскихъ обязанностей вслѣдствіе этого почти отсутствуютъ у французовъ. Отъ вашего величества,—продолжаетъ Тюрго,—ждутъ особыхъ приказаній, чтобы сдѣлать что-либо для общаго блага, чтобъ уважить права другаго; а иногда этого предписанія дожидаются и для того, чтобы воспользоваться своимъ несомнѣннымъ правомъ. Результатомъ такого порядка вещей выходила полная безурядица. Тюрго предлагаетъ поэтому организовать самоуправленіе, начиная съ низшей его единицы—прихода и кончая національнымъ собраніемъ *).

Горнъ замѣчаетъ, что всѣ труды, всѣ изслѣдованія одного изъ наиболѣе даровитыхъ предшественниковъ физіократовъ, Буагильбера, также приводятъ, въ окончательномъ выводѣ, къ требованію невмѣшательства государства въ экономическія отношенія, къ laissez faire, laissez passer **). А извѣстно, какою горячею любовью къ народу проникнуты сочиненія Буагильбера, за которыя ихъ автору пришлось поплатиться ссылкою. Вотъ каковы были дѣйствительные отцы европейскаго либерализма. Ихъ ошибка заключалась въ предположеніи возможности достигнуть естественныхъ, нормальныхъ и вѣчныхъ условій для экономической жизни. Стоило только, полагали они, разрушить искуственное зданіе хищничества и мотовства и предоставить свободу всѣмъ и каждому, чтобы въ результатѣ получилось постоянное и всеобщее благополучіе. Въ этомъ отношеніи физіократы-защитники «laissez faire» высказывали взгляды весьма похожіе на воззрѣнія многихъ изъ соціалистовъ.

Послѣ этой замѣтки о дѣйствительномъ первоначальномъ значеніи формулы, которую написала потомъ на своемъ знамени буржуазія, обратимся къ нѣкоторымъ историческимъ доказательствамъ уже высказанной мысли о неразрывной связи мѣстнаго самоуправленія и государственнаго управленія.

---

*) Ср. *Foncin:* „Essai sur le ministère de Turgot“, 1877 г., стр. 552—557.
**) *Horn:* „L'économie politique avant les physiocrates“, стр. 337.

VI.

Къ концу прошлаго вѣка областное самоуправленіе уцѣлѣло во Франціи только въ пяти провинціяхъ и въ нѣсколькихъ незначительныхъ округахъ. Собственно говоря, провинціальная свобода (la liberté provinciale) существовала,—говоритъ Токвилль,—только въ Бретани и Лангедокѣ *). Въ другихъ областяхъ старыя учрежденія потеряли силу и сохранили лишь тѣнь прежняго значенія.

Лангедокъ считалъ къ исходу XVIII столѣтія болѣе двухъ тысячъ общинъ (communautés) и около двухъ милліоновъ жителей. Провинціальное собраніе созывалось въ этой странѣ по особому предписанію короля. Королевское предписаніе ежегодно разсылалось каждому изъ членовъ собранія. Лицо, не получившее оффиціальнаго извѣщенія, лишалось права участвовать въ засѣданіяхъ провинціальнаго собранія, и такимъ путемъ неугодные правительству члены устранялись отъ управленія провинціей.

Королевская власть издавна относилась враждебно къ самоуправленію во Франціи. Ришельё нанесъ въ этомъ отношеніи рѣшительный ударъ Лангедоку, уничтоживши его провинціальное собраніе. Людовикъ XIII ненавидѣлъ областныя учрежденія и раздражался, какъ только въ его присутствіи произносили ихъ названіе **). Въ малолѣтство Людовика XIV провинціальные штаты Лангедока были возстановлены, и король, считая эти штаты своимъ созданіемъ, сохранилъ ихъ въ теченіе всего продолжительнаго царствованія. Людовикъ XV не созывалъ собраній два года, но затѣмъ возстановилъ старый порядокъ. Лангедоку грозила другая опасность: короли, вѣчно нуждаясь въ деньгахъ то для войны, то для роскошныхъ построекъ и пировъ, въ числѣ другихъ источниковъ дохода широко пользовались созданіемъ новыхъ должностей ***). Среди этихъ безчисленныхъ должностей были и должности по городскому управленію. А члены городскихъ муниципалитетовъ тѣмъ самымъ были и членами провинціальнаго собранія. Понятно, что мэръ, консулъ или синдикъ, купившіе это мѣ-

---

*) „L'ancien régime et la révolution", septième édition, стр. 314.

**) Токвилль говоритъ по этому поводу: „Нельзя опредѣлить всей энергіи, которую обнаруживаютъ слабодушные въ ненависти къ тому, что заставляетъ ихъ дѣлать какое-либо усиліе. Весь ихъ остатокъ мужества идетъ сюда" („L'ancien régime", стр. 323 и 324).

***) Подробности объ этомъ—въ моей книжкѣ: „Государствен. хозяйство во Франціи XVII в.", стр. 82—86, 110 и 111.

сто у правительства, являлись представителями не населенія, а своихъ собственныхъ интересовъ.

Но, быть-можетъ, королевская власть въ своей борьбѣ съ провинціальными собраніями руководствовалась основательными соображеніями и стремилась къ общему благу? Быть-можетъ, сословное представительство Лангедока тяжко отзывалось на благосостояніи низшихъ слоевъ населенія?

Токвилль приводитъ неотразимыя доказательства противоположнаго.

Если налоги въ Лангедокѣ были велики, то единственно потому, что большая ихъ часть требовалась на малопроизводительные государственные расходы. За то разверстка податей въ этой провинціи во всѣхъ отношеніяхъ была неизмѣримо лучше, чѣмъ въ областяхъ, которыя управлялись королевскими чиновниками: налоги падали на жителей въ соотвѣтствіи съ ихъ дѣйствительнымъ имуществомъ. Представители трехъ сословій—духовенства, дворянства и третьяго сословія, не отдѣлявшаго своихъ интересовъ отъ интересовъ народныхъ массъ,—обнаруживали самую разумную заботливость о провинціальныхъ путяхъ сообщенія. Къ концу столѣтія ежегодныя издержки на общеполезныя сооруженія превышали въ Лангедокѣ два милліона ливровъ. Прорываются новые каналы и улучшаются старые. Артуръ Юнгъ, посѣтившій Францію въ это время, дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе въ своемъ путевомъ дневникѣ: Лангедокъ—область съ провинціальнымъ самоуправленіемъ (pays d'États); хорошія дороги, устроенныя безъ принудительной работы (corvée).

Но правительство обезпокоено этими расходами: они могутъ повести къ тому, что провинція не въ состояніи будетъ безнедоимочно платить налоги въ пользу государства. Провинціальное собраніе возражаетъ на это обстоятельною запискою. Оно исполнило уже много работъ и еще большее число ихъ предполагаетъ исполнить въ ближайшемъ будущемъ, если не окажется препятствій со стороны королевской власти. Провинціальное собраніе имѣетъ въ виду улучшить сельскія дороги, которыя столь же важны, какъ и главные пути сообщенія, связывающіе крупные центры производства и торговли; ибо,—замѣчаетъ записка,—если припасовъ нельзя вывезть изъ закромовъ собственника, чтобы доставить ихъ на рынокъ, то что же пользы въ возможности ихъ перевоза въ далекія страны? Всѣ эти и имъ подобныя общеполезныя работы подымаютъ благосостояніе населенія, увеличива-

ютъ заработную плату и оказываютъ помощь наиболѣе бѣдному люду, потому что онѣ совершаются по зрѣло обдуманному плану, на наличныя деньги, добровольно нанимающимися рабочими.

Королевскій совѣтъ, разсмотрѣвши мемуаръ лангедокскаго собранія *), не могъ не признать его основательности. Выработанный провинціальнымъ собраніемъ планъ и порядокъ общественныхъ работъ былъ даже разосланъ, для соображеній, всѣмъ интендантамъ, что, разумѣется, не сопровождалось никакими благодѣтельными послѣдствіями.

Такимъ образомъ недоброжелательное отношеніе королевской власти къ областному самоуправленію объясняется единственно столкновеніемъ (неизбѣжнымъ) двухъ началъ, двухъ идей. Приведемъ нѣсколько фактовъ изъ жизни другой провинціи, сохранившей многое изъ своихъ вольностей до самой революціи, изъ жизни Бретани, гдѣ подобнаго рода столкновенія были также обычнымъ явленіемъ въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ. Необходимыя намъ свѣдѣнія мы заимствуемъ изъ книги Карнé о провинціальныхъ собраніяхъ Бретани **).

Съ XVI столѣтія эта область соединяется съ французскою монархіей, причемъ торжественно подтверждаются права и свободы древней Арморики. Но черезъ весьма непродолжительное время послѣ соединенія провинціальные штаты Бретани вынуждены протестовать противъ дѣйствій королевской власти. На собраніи 1567 года, въ Ваннѣ, съ особеннымъ удареніемъ говорится о договорѣ соединенія, въ число статей котораго вошло обязательство со стороны французскихъ королей не налагать новыхъ податей безъ согласія провинціальныхъ штатовъ. Послѣдніе, къ ихъ великому сожалѣнію, замѣчаютъ со дня на день усиливающіяся посягательства на права самоуправленія въ Бретани. На слѣдующій годъ провинціальные штаты собираются въ Нантѣ. Король въ своемъ посланіи указываетъ на необходимое и сильное возрастаніе расходовъ; онъ требуетъ, конечно, денегъ съ Бретани. Собраніе соглашается на увеличеніе налоговъ, но обращается къ королю съ рѣшительнымъ протестомъ противъ злоупотребленій администраціи. Въ слѣдующіе годы не произошло ничего замѣчательнаго: коро-

*) Слѣдуетъ замѣтить, что это собраніе рѣшало всѣ дѣла не отдѣльно по сословіямъ, а большинствомъ голосовъ всѣхъ депутатовъ (третье сословіе имѣло столько же представителей, какъ духовенство и дворянство вмѣстѣ).

**) „Les états de Bretagne et l'administration de cette province jusqu' en 1789", 2 édition, 2 v.

ли требуютъ денегъ, и провинціальное собраніе, съ разными оговорками, принуждено давать требуемыя суммы. Но вотъ въ 1574 году Карлъ IX созываетъ бретанскіе штаты для полученія ихъ согласія на новые налоги, чтобы выставить въ поле многочисленную армію. Собраніе перечислило тяжелыя жертвы, уже принесенныя населеніемъ, указало на печальное положеніе послѣдняго и рѣшительно отказало въ требованіи короля. Покуда шли засѣданія собранія, Карлъ IX умеръ. Провинціальные штаты сочли невозможнымъ привѣтствовать восшествіе на престолъ новаго государя отказомъ въ требуемой имъ суммѣ денегъ, и назначаютъ 60.000 ливровъ, сопровождая это постановленіе разнообразными ходатайствами.

Смутное время царствованія Генриха III и начала правленія Генриха IV повели къ усиленію значенія провинціальныхъ штатовъ Бретани. Но второй изъ названныхъ государей, какъ только почувствовалъ, что онъ крѣпко сидитъ на престолѣ, началъ борьбу съ областнымъ самоуправленіемъ. Это самоуправленіе заявило въ эпоху лиги, между прочимъ, слѣдующее требованіе: провинціальное собраніе назначаетъ постоянный комитетъ (commission intermédiaire), который въ теченіе года, до созыва новаго собранія, служитъ дѣйствительнымъ посредникомъ между штатами и правительствомъ, принимаетъ живое участіе въ управленіи страной. Въ 1595 году дворянство и третье сословіе требуютъ учрежденія постояннаго финансоваго совѣта, безъ предварительнаго одобренія котораго губернаторъ не долженъ производить никакихъ расходовъ. Само собраніе обсуждало провинціальный бюджетъ съ необыкновенною добросовѣстностью *). Провинціальные штаты съ величайшею энергіей возстаютъ противъ обременительныхъ податей, противъ злоупотребленій администраціи, противъ учрежденія новыхъ должностей съ тою единственною цѣлью, чтобы выручить за нихъ, отъ продажи, побольше денегъ.

Генрихъ IV, вступивши въ Нантъ, измѣнилъ личный составъ городскаго управленія и ополченія (garde civique) въ прямое нарушеніе подтвержденныхъ Генрихомъ II правъ города Нанта. Скоро послѣ того въ Реннѣ собрались провинціальные штаты. Въ королевской деклараціи, имъ сообщенной, было высказано между прочимъ обѣщаніе не налагать новыхъ податей безъ предвари-

---

*) „Aucune assemblée n'a discuté de nos jours un budget avec une plus rigoureuse sollicitude que ces états de 1595“ (*De Carné*: „Les états de Bretagne“, т. I, стр. 242).

тельнаго согласія штатовъ, но Генрихъ IV не сдѣлалъ, какъ дѣлали его предшественники, торжественнаго заявленія ненарушимо хранить свободу и льготы Бретани. Это возбудило оживленныя пренія въ собраніи. Представители короля признали притязанія провинціальныхъ штатовъ неправильными, и споръ на этомъ и покончился.

Передъ отъѣздомъ изъ Нанта, король рѣшилъ, что избиратели этого города должны выбирать мера не прямо, какъ было до того времени, а трехъ кандидатовъ, изъ которыхъ выборъ будетъ сдѣланъ королемъ. Немного спустя, Генрихъ IV предлагаетъ избрать въ меры одно весьма непопулярное лицо. Это лицо не получаетъ однако большинства голосовъ, что приводитъ короля въ сильное негодованіе. Генрихъ IV собственною властью назначаетъ де-ла-Бушетьера меромъ города Нанта и такъ оканчиваетъ письмо къ нему: «S'il n'est par eux entièrement satisfait à mes ordres, vous nous en tiendrez avertis afin d'y pourvoir selon le besoin qui en sera, *car tel est notre plaisir»* *). И дѣйствительно, необходимо либо послѣдовательно проведенное самоуправленіе, либо «car tel est notre plaisir.»

Черезъ годъ жители Нанта обратились къ королю съ ходатайствомъ: отдавая похвалу управленію де-ла-Бушетьера, они просили о возстановленіи своего стараго права выбирать мера. Генрихъ IV притворился, что не понялъ ходатайства, и отвѣтилъ, что такъ какъ жители Нанта довольны прежнимъ меромъ, то онъ съ удовольствіемъ соглашается оставить его въ этой должности.

Въ 1600 году провинціальное собраніе засѣдало въ Ваннѣ. Вдругъ получается письмо отъ короля съ требованіемъ выбрать въ должность прокурора-синдика не то лицо, которое уже ее занимало. Это требованіе вызвало бурю, и всѣ три сословія единогласно и рѣшительно отвергнули притязаніе короля. Губернаторъ Бретани, Бриссакъ, не далъ дѣлу дальнѣйшаго хода.

Еще большее волненіе вызвалъ слѣдующій случай: одинъ изъ членовъ собранія былъ арестованъ по частному обвиненію во время сессіи. Это было неслыханнымъ нарушеніемъ привилегіи провинціальныхъ штатовъ, члены которыхъ не могли быть арестованы ни во время засѣданій, ни въ теченіе восемнадцати дней

*) Если жители Нанта не удовлетворятъ вполнѣ моимъ предписаніямъ, то вы увѣдомите объ этомъ, чтобы принять соотвѣтствующія мѣры, потому что таково наше желаніе.

послѣ ихъ закрытія. Собраніе прервало занятія и потребовало освобожденія своего сочлена. Королевскіе коммиссары принуждены были исполнить это требованіе.

Но монархическая власть все болѣе и болѣе усиливалась, что дѣлало сопротивленіе ей со стороны немногихъ самоуправлявшихся областей все болѣе и болѣе труднымъ. Въ теченіе всего царствованія Людовика XIV налоги увеличиваются до непомѣрной тяжести; всякая самостоятельность провинціальныхъ штатовъ преслѣдуется, какъ преступленіе. Разоренный народъ подымаетъ мятежи, которые усмиряются съ безчеловѣчною жестокостью. Тщетно слышатся протесты со стороны провинціальнаго собранія Бретани. Въ малолѣтство Людовина XV эта область снова попыталась возвратить себѣ старыя права, и борьба эта велась въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ, вплоть до великой революціи, но, конечно, безъ удовлетворительныхъ результатовъ. «Торжество королевской власти во Франціи привело постепенно,—говоритъ профессоръ Лучицкій,—къ полнѣйшему почти уничтоженію мѣстной независимости, мѣстнаго самоуправленія, къ полнѣйшему подавленію мѣстной жизни и правъ отдѣльныхъ провинцій» *). Не подлежитъ сомнѣнію, что старинное устройство французскихъ областей отличалось большими недостатками, въ числѣ которыхъ слѣдуетъ признать преобладающую роль, предоставленную дворянству и духовенству. Бывало, что разумныя предложенія правительства встрѣчали противодѣйствіе со стороны провинціальныхъ штатовъ; но безусловно совершенныхъ учрежденій нѣтъ на свѣтѣ, и королевская власть сдѣлала несравненно болѣе крупнѣйшихъ ошибокъ, чѣмъ всѣ областныя собранія, вмѣстѣ взятыя. Защитники централизаціи и механическаго однообразія въ провинціальномъ устройствѣ указываютъ на интриги и подкупы, которые искажали французское самоуправленіе, въ особенности при Людовикѣ XIV **). Но на комъ лежитъ болѣе всего вина въ такомъ плачевномъ состояніи, въ такой деморализаціи французскаго общества въ упомянутую эпоху? Гдѣ было всего болѣе интригъ и подкуповъ? Конечно, при версальскомъ дворѣ.

*) „Провинціальныя собранія во Франціи при Людовикѣ XVI и ихъ политическая роль“, Кіевъ 1879 г., стр. 6. Интересныя подробности о провинціальныхъ собраніяхъ, созданныхъ Людовикомъ XVI, находятся въ книгѣ *Hesse*: „L'administration provinciale et communale en France et en Europe, 1785—1870“, Amiens, 1870.

**) См., напримѣръ, *Grun*: „Les états provinciaux sous Louis XIV“, 2 édition, 1853.

Провинціальное самоуправленіе,—говоритъ великій историкъ,—можетъ просуществовать нѣсколько времени безъ національной свободы, когда это самоуправленіе отличается древностью и сроднилось съ нравами, привычками и воспоминаніями населенія, а деспотизмъ, наоборотъ, недавняго происхожденія; но было бы неразумно вѣрить, что можно создать или сохранить въ теченіе продолжительнаго времени мѣстную свободу, когда уничтожена свобода общая («L'ancien régime», стр. 379).

Если мы обратимся отъ исторіи французскаго самоуправленія къ исторіи самоуправленія въ Англіи, то встрѣтимся съ прямо противоположнымъ явленіемъ. Королевская власть въ Великобританіи рано подверглась ограниченію, а потому и самоуправленіе въ этой странѣ достигло высокаго развитія. Безъ великой «хартіи вольностей» нельзя было бы понять мѣстнаго устройства Англіи. Это самоуправленіе естественно замыкается парламентомъ, благодаря которому высокое призваніе монархической власти получаетъ возможность осуществленія и *король въ парламентѣ* (King in Parliament) является внѣшнимъ выраженіемъ того союза государства и общества, безъ котораго немыслима правильная жизнь образованнаго народа *). Чувство законности, отсутствіе или слабое развитіе котораго часто оплакиваютъ, немыслимо, когда въ государствѣ дѣйствуютъ принципы: car tel est notre plaisir. Пристрастіе и односторонность, на которыя также нерѣдко жалуются, являются неизбѣжнымъ послѣдствіемъ того же порядка вещей. По справедливому замѣчанію Лекки, публичное обсужденіе общественныхъ вопросовъ въ парламентѣ создаетъ духъ безпристрастія, благодѣтельное вліяніе котораго распространяется на всю духовную жизнь, такъ что это безпристрастіе становится существенною чертой народнаго характера **). Англійскій государственный строй—далеко не идеальный, и никто, конечно, изъ дѣйствительно знакомыхъ съ нимъ не станетъ предлагать устройство Великобританіи, какъ совершеннѣйшій образецъ для подражанія, какъ никто не станетъ вообще предлагать слѣпаго подражанія въ чемъ бы то ни было не только иностранцамъ, но и предкамъ. Сами англичане видятъ многіе недостатки въ своемъ парламентѣ ***).

---

*) Ср. у *Гнейста* („Geschichte und heutige Gestalt der engl. Communalverfassung oder des Selfgovernment", 2 Auflage, t. 2): „Das Selfgovernment als Grundlage der Parlamentsverfassung", 1364—1376).

**) *Lecky:* „Sittengeschichte Europas", т. I, стр. 125.

***) См., напримѣръ, статью *Ф. Гаррисона*: „The Crisis of Parliamentary Go-

Максъ Виртъ въ извѣстной книгѣ о возрожденіи Австріи основательно указываетъ на то, что федералистское устройство Габсбургской монархіи, соотвѣтствуя разноплеменному составу населенія этого государства, соотвѣтствуетъ и современнымъ потребностямъ всесторонняго развитія народовъ въ гораздо бо́льшей степени, чѣмъ французская (теперь уже мѣняющаяся) система централизаціи *). Жизненные вопросы,—говоритъ нѣмецкій экономистъ,—повсюду и ежедневно усложняются, такъ что услѣдить за ними и разрѣшить ихъ изъ одного центра становится безусловно невозможнымъ. Экономическій принципъ раздѣленія труда долженъ быть перенесенъ и въ область государственной власти съ большею послѣдовательностью, съ большею силой, нежели это было до настоящаго времени. Поэтому-то,—заключаетъ Виртъ,—необходимо самое широкое развитіе самоуправленія. Извѣстный историкъ австрійскаго финансоваго управленія, Адольфъ Бееръ **), рисуетъ ярко и отчетливо картину государственнаго хозяйства въ Австріи и ту таинственность, которая окутывала дѣйствительное состояніе финансовъ имперіи, покуда народное представительство не внесло свѣта и отчетности въ эту излюбленную область бюрократическихъ усмотрѣній. Въ бюджетѣ, который сообщался оффиціально, не показывалось дефицита; наоборотъ, здѣсь красовалась болѣе или менѣе значительная сумма излишка доходовъ надъ расходами; но эти цифры были лживы, и государственное хозяйство находилось въ дѣйствительности въ страшномъ разстройствѣ. «Der Absolutismus hatte auf finanziellem Gebiet Bankerott gemacht; in politischer Beziehung lag dies längst offenbar zu Tage» ***). Заблужденіе исправить положеніе вещей полумѣрами, различными палліативами, скоро должно было исчезнуть. Многочисленныя коммиссіи, которыя были вызваны къ жизни, ни въ какомъ отношеніи не могли дать удовлетворительнаго выхода. Правительство созываетъ 31 мая 1860 года усиленный рейхсратъ, и этимъ созывомъ кладется прочное начало конституціонному образу правленія въ Австріи. Это государство, составленное изъ разнородныхъ и даже враждебно другъ противъ друга

---

vernment (*The Nineteenth Century* 1882, january); *Торольда Роджерса:* „The procedure of the House of Commons“ (*The Conteporary Review*, 1882, march).

*) *Max Wirth*: „Oesterreichs Wiedergeburt aus den Nachwehen der Krisis“, 1875 г., стр. 9—10.

**) *Adolf Beer*: „Die Finanzen Oesterreichs im XIX. Jahrhundert“, Prag 1877.

***) *Beer*, стр. 297.

настроенныхъ племенъ, несмотря на тяжкія пораженія 1866 года, продолжаетъ, благодаря упомянутому преобразованію, имѣть весьма важное значеніе въ международныхъ вопросахъ. Прочное обезпеченіе порядка въ современномъ смыслѣ этого слова, т. е. устраненіе административнаго произвола и огражденіе личной неприкосновенности, заставляютъ любить свое отечество и уважать его даже славянскія племена, которыя до послѣдняго времени не пользовались равноправностью съ нѣмцами и мадьярами. Измѣненія въ смыслѣ устраненія господства германскаго и мадьярскаго элемента и, вслѣдствіе того, усиленіе областнаго самоуправленія въ Австріи—происходятъ у насъ передъ глазами.

VII.

И теоретическая мысль, и историческій опытъ указываютъ, слѣдовательно, на благодѣтельное вліяніе представительныхъ учрежденій (само собою разумѣется, что *форма* этихъ учрежденій и *характеръ отношеній* между ними и верховною властью опредѣляются духомъ даннаго историческаго народа) и на невозможность правильнаго единовременнаго существованія двухъ началъ, одно изъ которыхъ положено въ основу общегосударственнаго управленія, а другое—въ основу мѣстнаго самоуправленія. Эти два начала непремѣнно вступятъ въ борьбу между собою. Крѣпкая центральная власть низведетъ самоуправленіе на степень своего служебнаго органа, превратитъ его въ замаскированную бюрократію.

Для центральной власти возникаютъ при такомъ устройствѣ значительныя выгоды: многія общегосударственныя потребности начинаютъ покрываться мнимымъ самоуправленіемъ, которое является въ глазахъ населенія отвѣтственнымъ за усиленіе налоговъ. Мѣстныя представительныя учрежденія становятся въ дѣйствительности сборщиками податей, финансовыми агентами государства, отстраняющагося отъ непріятной обязанности стоять лицомъ къ лицу съ народомъ. Вся выгода при этомъ на сторонѣ правительства, а вся отвѣтственность на сторонѣ безсильнаго самоуправленія, которое при подобныхъ условіяхъ никогда не пріобрѣтетъ достаточнаго авторитета и сочувствія среди плательщиковъ податей. Понятно, что лица, которыя будутъ занимать должности въ такомъ самоуправленіи, если они не окажутся во всѣхъ отношеніяхъ выдающимися, станутъ послушными орудіями адми-

нистраціи, такъ какъ ея усмотрѣніемъ въ концѣ концовъ опредѣляется судьба и этихъ лицъ, и самихъ учрежденій *). Наоборотъ, сильное самоуправленіе естественно стремится вверхъ, къ расширенію своего принципа на весь государственный строй. Довольно распространенное противоположное мнѣніе является, въ нашихъ глазахъ, опаснымъ заблужденіемъ,—опаснымъ потому, что вноситъ смуту, раздвоеніе въ общественное сознаніе. Если уже употреблять въ вопросахъ подобнаго рода сравненія, то ростъ государства (т. е. организованнаго народа) можно было бы уподобить росту человѣка, у котораго ноги и руки растутъ не прежде, а вмѣстѣ, въ соотвѣтствіи съ ростомъ головы и остальнаго тѣла.

По взгляду, который распространенъ еще болѣе упомянутаго нами заблужденія, представительныя учрежденія служатъ «прежде всего интересамъ капиталистовъ» **). Въ новѣйшее время неосмысленная или лицемѣрная ненависть противъ этихъ учрежденій доводитъ нѣкоторыхъ до исторической клеветы. Намъ пришлось, напримѣръ, прочесть, что великобританскій парламентъ назывался пошлою говорильней. Но каждый добросовѣстный и образованный человѣкъ, защитникъ ли онъ неограниченной монархической власти, или крайній республиканецъ-федералистъ, всегда признаетъ великія заслуги этого могучаго учрежденія. Именно здѣсь слово человѣка не можетъ быть обвинено,—говоритъ Монталамберъ,—въ безплодности и безсиліи. Дебаты британскаго парламента повели къ уничтоженію торговли неграми, къ торжеству свободы совѣсти и мысли, къ прекращенію злоупотребленій всевозможнаго рода, которыя составляли принадлежность и англійской администраціи, какъ только она ускользала отъ парламентскаго контроля. Не могу отказать себѣ въ удовольствіи привести по этому поводу слѣдующія слова названнаго выше французскаго писателя: «Je ferais, je l'avoue, peu de cas de coeur et du jugement de l'homme qui approcherait sans émotion de ce palais du Parlement anglais, de ce temple de l'histoire et de la loi, de l'éloquence et de la liberté. On ne doit fouler ce sol qu'avec respect: il est plus sacré mille fois que celui du Pnyx d'athènes ou du Forum romain, car il est depuis mille ans le sanctuaire

---

*) То же самое слѣдуетъ сказать и о независимости суда, немыслимой безъ отдѣленія законодательной власти отъ исполнительной.

**) *Г. Блокъ*: „Государственная власть въ европейскомъ обществѣ", 1880 г., стр. 11.

politique et législatif d'un peuple chrétien et le berceau des libertés du monde moderne» *)

Помимо представительныхъ учрежденій бываютъ еще двѣ формы государственнаго устройства: непосредственное рѣшеніе всѣхъ вопросовъ управленія народомъ, вѣчемъ, и бюрократическій способъ управленія. Что касается до первой формы, то въ большихъ государствахъ новаго міра она неосуществима. Все здоровое и основательное въ такомъ принципѣ осуществляется при широкоразвитомъ самоуправленіи. Для сложныхъ и общегосударственныхъ дѣлъ такая система непримѣнима, и плебисциты даже въ столь маленькомъ государствѣ, какъ Швейцарія, которая кромѣ того прибѣгаетъ къ нимъ въ исключительно-важныхъ случаяхъ, рѣдко сопровождаются вполнѣ удовлетворительными результатами. Говорить о негодности бюрократическаго строя государственной жизни излишне, потому что эта негодность очевидна. Только съ устраненіемъ бюрократическихъ путъ, которыя связываютъ живое движеніе народа, монархическая власть получаетъ возможность осуществить свое высокое призваніе, т. е. явиться носительницею справедливости, покровительницею обездоленныхъ въ исторической борьбѣ слоевъ населенія. *Veto* монарха всегда остановитъ каждую мѣру, подсказанную узкимъ сословнымъ или личнымъ интересомъ, а высокій законодательный починъ государя такой страны никогда не дозволитъ задремать общественному разуму и совѣсти. Когда указываютъ на опасности, грозящія будто бы народнымъ массамъ отъ введенія представительной формы правленія, то, по странному недосмотру, всегда упускаютъ изъ виду только-что приведенное соображеніе, которое составляетъ однако, какъ мы видѣли, основное положеніе защитниковъ конституціонной монархіи. Дѣйствительно, дѣло идетъ о томъ, чтобы государь управлялъ народомъ не бюрократически, а съ помощью представительныхъ учрежденій въ центрѣ и черезъ посредство органовъ самоуправленія въ вопросахъ мѣстнаго характера. Государство новаго времени не имѣетъ ничего общаго ни съ монастыремъ, ни

*) Признаюсь, я былъ бы дурного мнѣнія о сердцѣ и способности сужденія человѣка, который безъ волненія приблизился бы къ дворцу англійскаго парламента, этого храма исторіи и закона, краснорѣчія и свободы. По этой почвѣ надо ходить съ уваженіемъ: она въ тысячу разъ священнѣе почвы аѳинскаго Пникса или римскаго Форума, ибо тысячу лѣтъ служитъ политическимъ и законодательнымъ святилищемъ христіанскаго народа и колыбелью свободы современнаго міра (*Montalembert*: „De l'avenir politique de l'Angleterre", 5 édition, стр. 137.

съ казармой: оно есть произведеніе общечеловѣческаго развитія и народнаго духа, художественное произведеніе, въ которомъ мысль должна соотвѣтствовать формѣ. Если въ общественной жизни приводятся параллельно двѣ идеи, не объединенныя одною высшею, то разладъ будетъ чувствоваться постоянно и неизбѣжно поведетъ къ разложенію общества или побѣдѣ одной изъ борящихся идей. Наилучшій выходъ, высшее примиреніе различныхъ и даже противоположныхъ интересовъ, которые живутъ и отстаиваютъ свое существованіе въ обществѣ, значительная группа писателей видитъ, какъ извѣстно, въ *правовомъ порядкѣ*. Мы знаемъ, какъ въ вопросахъ подобной сложности и важности легко впасть въ ошибку, и это научило насъ съ вниманіемъ относиться ко всякому добросовѣстному возраженію, хотя такихъ возраженій и очень мало слышится. Но покуда мы убѣждены въ истинности своего взгляда, до тѣхъ поръ не говорить въ его защиту было бы преступленіемъ.

«Надъ вольной мыслью Богу неугодно
Насиліе и гнетъ:
Она, въ душѣ рожденная свободно,
Въ оковахъ не умретъ!»

Викторъ Гольцевъ.

ЧАРОДѢЙКА.

Современная идиллія.

(Посвящается Нилу Петровичу Колюпанову.)

Весна катитъ,
Зиму валитъ;
Поютъ птички
Со синички,
Хвостомъ машутъ
И лисички.

Тредіаковскій.

Зашумѣли ручьи. Наступила весна.
Вотъ и первый подснѣжникъ...
...Здорово,
Мать-природа! въ объятіяхъ зимняго сна
Ты лежала полгода. Сурово
Злой морозъ по деревнямъ ходилъ и знобилъ
Не паломниковъ нашихъ парижскихъ,—
Онъ рукою своей леденящей убилъ
Много душъ православныхъ ревизскихъ...

... Но теперь благоденствуй, россійскій народъ!
Кто остался въ живыхъ, тѣхъ весна обезпечитъ;
Добродушное земство накормитъ сиротъ
И народныя язвы залѣчитъ.

... «На гумнѣ—ни снопа, въ закромахъ—ни зерна!»
(Мнѣ припомнилась пѣсня поэта.)
Но да будетъ надеждѣ отчизна вѣрна,
Чародѣйкой-весною согрѣта!

* *
*

Такъ, пріятно мечтая, иду я селомъ.
Вдругъ урядникъ попался на встрѣчу.

На лицѣ его пасмурномъ, зломъ,
Я, бывало, «опасность» замѣчу.
Такъ и видишь, бывало, что ночью и днемъ
Онъ мечтаетъ упечь васъ въ Пинегу.
Но весной замѣчаю я въ немъ
Благодушіе, милость и нѣгу.
Какъ пріятно лицо! Какъ улыбка ясна!
Онъ теперь состоитъ не на-стражѣ...

... О, весна, чародѣйка-весна,
Ты плѣнила урядника даже!

* *
*

На него я смотрю и не вѣрю глазамъ,
И въ невольномъ смущеніи трушу,
Удивляясь, что чудный весенній бальзамъ
Могъ смягчить эту черствую душу.
Онъ—урядникъ—съ букетомъ весеннихъ цвѣтовъ!
Онъ—урядникъ—ихъ нюхаетъ!...
... Гдѣ я?
Не во снѣ ли я вижу?...
... Божиться готовъ,
Что считалъ я его за злодѣя.
Онъ не крупный злодѣй: онъ села̀ не спалитъ,
Не убьетъ человѣка въ задорѣ,
Или такъ... «по любви» (con amore);
Но крестьянское горе его веселитъ,—
Обыдённое, мелкое горе.

* *
*

... Украдутъ у бобылки въ селѣ новину:
Не задремлетъ урядникъ нашъ пылкой
И, на всѣхъ мужиковъ возлагая вину,
Все село перессоритъ съ бобылкой.
... Запоютъ мужики: цѣломудренъ, но яръ,
Онъ и въ пѣснѣ предчувствуетъ звѣрство,
Забывая, что славный одинъ «циркуляръ»
Сочинило у насъ министерство:
Чтобъ урядникъ не смѣлъ всѣхъ поющихъ стращать
И, казня либерала негоднаго,
Въ пѣснѣ русской отнюдь не дерзалъ запрещать

Проявленье блаженства народнаго!
... Въ кабачкѣ подрались Селиверстъ да Пахомъ.
Чтò за важность?—Сосѣдское дѣло.
А урядникъ, какъ вихорь, примчится верхомъ,
Предвкушая здѣсь «мертвое тѣло».
Судитъ, рядитъ, бранится.—Побои. Арестъ.—
Ратоборцы готовы мириться
И охотно цѣлуютъ въ томъ крестъ,
Что желаютъ властямъ покориться.
— «Къ мировому бы насъ. Добрый баринъ, простой...
Онъ по совѣсти судитъ... въ халатѣ,
Зачастую безъ цѣпи своей золотой...»
Нѣтъ, народъ горемычный, маленько постой,—
Судъ назначенъ въ судебной палатѣ
Отъ деревни за триста-четыреста верстъ.
(Для свидѣтелей—случай трагическій!)
Ахъ, зачѣмъ въ кабачкѣ ты, бобыль Селивёрстъ,
Поступилъ какъ «злодѣй политическій»!?

* * *

. . . .

* * *

Мы сошлись и урядникъ пытливо спросилъ,
Прикоснувшися вѣжливо къ кепи:
— «На прогулку пошли, какъ невольникъ безъ силъ,
Нѣкимъ чудомъ сорвавшійся съ цѣпи?
Извините мою кудреватую рѣчь:
Мы въ «риторикѣ» тоже учились,
И, какъ вы, чтобъ плохое здоровье сберечь,
На прогулку отъ дѣлъ отлучились.
Надоѣли дѣлá, надоѣли весьма.
Слава Богу, дождался весны я!
А зимою хлопотъ для урядника—тьма:
Пѣсни, драки, порубки лѣсныя...
Безпощадно крестьяне рубили лѣса
У казны и дворянъ благородныхъ.
Но тепло даровали опять небеса—
И не будетъ избёнокъ холодныхъ,
И не буду я слышать весной (Чудеса!...)

Громкихъ стоновъ и воплей народныхъ.
Поражаютъ они, какъ кинжалъ,—
Доложу вамъ по чести, безъ фальши...»
Гуманисту я руку пожалъ
И... отправился дальше.

* *
*

Миновавши пустой (слава Богу!) кабакъ
(Мы трезвѣемъ весной понемножку),—
Вижу я, что сѣдой пришекснинскій рыбакъ
Собираетъ, для ловли, мерёжку.

— «Чтò, пріятель, работать идешь на Шексну?
Въ добрый часъ!»—«Благодарствую, милый!»
— «Разскажи, ты любовно ли встрѣтилъ весну
Послѣ зимушки, всѣмъ опостылой?»

— «Да, ты вѣрное слово сказалъ.
Надоѣла зима-лиходѣйка!»
И рукой на погостъ указалъ,
Гдѣ его пріютилась семейка.
— «Тамъ ребята мои. На могилки взгляни!
А хорошіе были парнишки,
И къ рыбацкому дѣлу привыкли они,
И читали въ училищѣ книжки...
Зазнобились зимой. Дорогоньки дрова,
Да и хлѣбъ, и лѣкарства-то дороги!
Затрещали у насъ на Шекснѣ съ Покрова
Холодà, наши лютые вóроги.
Для ребятъ я въ казенную рощу побрёлъ:
Отъ меня-де она не умалится,—
Вѣдь казна, какъ могучій и сытый орёлъ,
Надъ птенцами озябшими сжалится...
Прихожу я въ лѣсокъ, а урядникъ—какъ тутъ!
И попался я въ лапы безбожника:
Онъ меня, за охапку валёжника,
Къ «мировому» отправилъ на судъ.
Просидѣлъ я двѣ цѣлыхъ недѣли;
А ребята болѣли, худѣли—
И теперь... челобитье несутъ
На урядника Господу Богу...

Нашъ урядникъ зимой больно крутъ
И пристрастье имѣетъ къ острогу.
Особливо свирѣпъ онъ бываетъ зимой,
По-веснѣ же... маленько покротче...»
—«Такъ-то такъ, старина! Человѣкъ ты прямой!»
Самъ же думаю:
«Господи Отче!
Ты, Который создалъ небеса,
Ты, пославшій намъ Сына-Спасителя,
Сотвори намъ еще чудеса—
Обуздай пришекснинскаго жителя:
Чтобы онъ, подъ вѣтвистымъ зеленымъ шатромъ,
Позабылъ наши «были» тиранскія
И, для жалкихъ мальчишекъ своихъ, топоромъ
Не рубилъ наши рощи дворянскія!
Это—первое чудо. Второе еще
Сотвори (я прошу дерзновеннѣе):
Чтобъ урядникъ любилъ мужика горячо
И зимой, и во время весеннее!»
. . . .
А рыбакъ продолжалъ заунывную рѣчь:
—«Осудили меня, какъ воришку...
На-бѣду я успѣлъ отъ морозовъ сберечь
Одного мальчугана-сынишку...»
—«Какъ же такъ, на-бѣду?»—«Потому, братецъ мой,
Что наказанъ я милостью Божьей:
Паренёкъ, мой послѣдышъ, глухой и нѣмой
И къ рыбацкому дѣлу негожій.
Отъ него я подспорья не жду впереди...»
—«Гдѣ же онъ?»—«Гдѣ-нибудь забавляется.
На погостѣ церковномъ, поди,
На могилкахъ у братьевъ валяется.
Больно ихъ онъ любилъ! Самъ Создатель печать
Положи́лъ на уста у Ванюшки...
А какъ умерли братья, я сталъ замѣчать,
Онъ таскаетъ куда-то игрушки.
Поглядѣлъ я за нимъ. Онъ къ моимъ сирота̀мъ
На кладбище умчался безъ шапки
Да на свѣжихъ могилкахъ и выставилъ тамъ,
По дурачеству дѣтскому, бабки.

Онъ мычитъ, словно звѣрь; онъ тоскуетъ, ревётъ,
А сказать хоть словечко—нѣтъ силы.
Словно братьевъ умершихъ Ванюшка зоветъ:
«Вылѣзайте играть изъ могилы!»
...Я не тронулъ его. Я ему не сказалъ,
Чтобъ не смѣлъ баловаться при гробѣ!
Ужь его безъ меня самъ Господь наказалъ
(Божья воля!) у матки въ утробѣ.
Грѣхъ великій роптать: дастъ мнѣ рыбки Шексна...»
И ушелъ онъ на плёсо широкое...

...О, весна, чародѣйка-весна,
Ты смягчаешь и горе жестокое!

* *
*

На кладбище идти, или въ рощу?—Вопросъ...
Всюду зелень, вездѣ есть «природа».
Но, по лѣности старой, какъ истинный Россъ,
Не люблю я «большого похода».
А до рощи далёко. Тамъ ландышей тьма,
Тамъ и воздухъ смолистѣй, и чище...
Но дорога къ кладбищу гладка и пряма...
Рѣшено: я иду на кладбище.

* *
*

Я окинулъ тоскующимъ взглядомъ
Божью ниву. Она возросла.
Тамъ и здѣсь, въ отдаленьи и рядомъ—
Всё кресты да кресты... безъ числа!

Сколько ихъ—сосчитаетъ статистика;
Но изъ книжки моей записной,
Очарованный чудной весной,
Съ этой цѣлью не вырву я листика:
Пусть сочтетъ эти гробы иной!...
Жаль, не слышно здѣсь голоса дѣтскаго:
Бѣдный Ваня уснулъ. Ни гу-гу!

... Здѣсь спокойно поэта нѣмецкаго
Прочитать очень кстати могу.
Слишкомъ плохи мои переводы.
(Другъ-читатель, сего не забудь!)

Но «въ объятьяхъ царицы-природы»
О «веснѣ» пропою какъ-нибудь *).

«Вотъ—весна, и бѣднякъ горемычный
Вѣритъ вновь, что природа нѣжна,
Что рукою, къ щедротамъ привычной,
Разсыпаетъ «блаженство» она.
Каждый солнечный лучъ, проникающій
Сквозь дырявую крышу въ избу,
Говоритъ человѣку-рабу:
«Успокойся же, рабъ унывающій,
И не смѣй клеветать на судьбу!
Милосердье съ собой приношу я...»

... Переводъ, сознаюсь, плоховатъ.
Но подъ дубомъ могильнымъ пишу я,
Потому-то и стихъ *дубоватъ*.

Не смущайтесь плохимъ каламбуромъ:
Обитая на сѣверѣ хмуромъ,
По-неволѣ Россіи сыны
На кладбищѣ народномъ должны
Успокоить себя... каламбуромъ,
Видя только... чудесные сны.

* *
*

Я не сплю; но нѣмецкія грёзы
(Знать, мнѣ такъ суждено на-роду)
Безъ таможни, сквозь русскія слёзы,
Я у Мейсснера жадно краду.
Передъ нимъ не хочу быть невѣжей:
Подражать, такъ вполнѣ подражать!
На травѣ охлаждающей, свѣжей
Съ добрымъ нѣмцемъ готовъ я лежать.

... Этотъ нѣмецъ для насъ, россіянъ, по-плечу.
Въ немъ не вижу славянъ «истребителя»,
И воскликну съ нимъ вмѣстѣ:
«Я вѣрить хочу,
Что весь міръ пріобрѣлъ Утѣшителя.
Онъ, источникъ любви, золотой свой вѣнецъ
Превратитъ въ золотую монету

*) „Der Frühling" («Весна»), Мейсснера.

И народу отдастъ, чтобы онъ, какъ слѣпецъ,
Въ нищетѣ не шатался по свѣту.
Онъ порфиру свою разорветъ и отдастъ
По частямъ, по клочкамъ—для народа...»

* *
*

Переводчикъ, замѣтьте, не слишкомъ гораздъ,—
Да не въ точности цѣль перевода!
Я не кончилъ его, но докончу потомъ,
Какъ-нибудь, у себя на досугѣ.
А теперь, осѣнившись славянскимъ крестомъ,
Помечтаю о Ванюшкѣ-другѣ...
На могилкахъ онъ спитъ...

* *
*

Славянинъ бѣдный мой!
Ничего ты не слышишь, не скажешь,—
Часъ пробьетъ и... безропотно, глухонѣмой,
Рядомъ съ братьями мёртвыми ляжешь!
Больно мачиха-жизнь для тебя некрасна,
За тебя, за молчальника, трушу...
... О, весна, чародѣйка-весна,
Разбуди нашу сонную душу!

Леонидъ Трефолевъ.

Ярославль.
Мартъ 1882 г.

Ходъ всемiрнаго хозяйства въ послѣднее десятилѣтie.

Третій и послѣдній выпускъ ежегодно выходящихъ въ свѣтъ «Uebersichten der Weltwirthschaft» профессора Неймана Спалларта содержитъ въ себѣ подробный обзоръ симптомовъ хозяйственнаго движенія главнѣйшихъ государствъ Европы и Америки за послѣднее десятилѣтіе, на которомъ мы считаемъ не лишнимъ остановиться въ настоящей статьѣ. Правда, экономическія воззрѣнія автора не отличаются особенною глубиной и не достаточно берутъ въ разсчетъ внутреннія и болѣе отдаленныя причины важнѣйшихъ перемѣнъ въ современномъ всемірно-хозяйственномъ движеніи. Въ своихъ воззрѣніяхъ на ходъ всемірнаго хозяйства, авторъ лишь незначительно отступаетъ отъ господствующей экономической теоріи, извѣстной своими классными предразсудками. Такъ, напримѣръ, нашъ авторъ не можетъ воздержаться, чтобы не произнести строгаго сужденія надъ «преувеличенными требованіями» и деспотизмомъ рабочихъ, вступающихъ между собою въ стачку, и въ то же время весьма снисходительно относится къ гг. хозяевамъ, желающимъ «эксплуатировать коньюнктуру», понижая, съ общаго согласія, плату рабочихъ во времена хозяйственнаго застоя. Съ той же самой односторонней и несвоевременной классной точки зрѣнія авторъ разсматриваетъ восходящіе періоды современной промышленности, придавая имъ слишкомъ розовое освѣщеніе возрастающаго благосостоянія и совершенно упуская изъ виду, что всякое подобное повышеніе хозяйственнаго уровня столь же тѣсно связано съ послѣдующимъ его упадкомъ, какъ связаны между собою приливъ и отливъ океана. Въ частности трудно раздѣлять оптимистическій взглядъ автора на будто бы начавшійся въ послѣдніе годы новый періодъ усиленнаго благосостоянія, съ одной стороны, по той причинѣ, что

мы имѣемъ передъ глазами такіе новые факты, какъ парижскій крахъ, а съ другой—въ виду того, что самое развитіе предпріимчивости является причиною дальнѣйшаго застоя. При всемъ томъ слѣдуетъ сознаться, что сочиненіе автора представляетъ добросовѣстную группировку многочисленныхъ статистическихъ данныхъ, которыя достаточно уясняютъ общія черты хозяйственныхъ перемѣнъ послѣдняго десятилѣтія и потому даютъ довольно объективную картину этого движенія, не лишенную всеобщаго интереса.

Со второй половины настоящаго столѣтія все сильнѣе выступаютъ функціи того сложнаго цѣлаго, которое можно назвать, въ противоположность къ отдѣльнымъ народнымъ хозяйствамъ, всемірнымъ хозяйствомъ. Отдѣльныя стадіи процесса совершенія этого космополитическаго объединенія могутъ быть явственно прослѣжены какъ въ исторіи культуры, такъ и въ статистическихъ свѣдѣніяхъ, и нужно только удивляться, съ какою быстротой движется въ настоящее время впередъ это преобразованіе. Менѣе столѣтія тому назадъ хозяйства отдѣльныхъ мѣстечекъ, городовъ и государствъ стояли еще изолированными и чуждыми другъ другу; въ настоящее время они уже связаны въ солидарное цѣлое. Еще не очень давно принудительныя и ограничительныя права, средневѣковыя рыночныя и городскія привилегіи, цеховое ремесленное производство и монопольная внутренняя торговля были господствовавшею формой хозяйства. Помильная плата, плата за помѣщеніе товара съуживали даже національное, тѣмъ болѣе общечеловѣческое хозяйство. При цеховомъ правѣ и цеховой принудительности подпадала монополіи въ многообразныхъ формахъ большая часть культурныхъ государствъ Европы еще до новѣйшаго времени. И даже тогда, когда у нѣкоторыхъ образованныхъ народовъ сталъ расширяться кругъ воззрѣній, область замкнутости, ограниченія, хотя и увеличилась, но изолированіе продолжалось по-прежнему; хотя уже не отдѣлялись болѣе города отъ городовъ, но отдѣлялись еще провинціи отъ провинцій и большая часть европейскихъ странъ представляли типы узкой замкнутости въ общественно-хозяйственной жизни. Лишь въ послѣднія десятилѣтія послѣдовали тѣ реформы управленія, которыя прежде всего признали цѣлое государство за единую хозяйственную область для всего народа; вскорѣ, по достиженіи этого этапа на пути экономическаго движенія, необходимо явилась потребность освобо-

дить отъ тяжелыхъ оковъ и торговлю за предѣлами отдѣльной страны. Повсюду были пробиты политическія границы; нѣмецкія государства соединились въ таможенный союзъ; Великобританія пошла впереди съ примѣромъ всемірно-хозяйственной политики, наиболѣе соотвѣтствовавшей ея собственному положенію, и последовательно отмѣнила всѣ охранительныя пошлины; континентальныя государства послѣдовали этому примѣру съ большею или меньшею быстротой, причемъ они, по малой мѣрѣ, уничтожили запрещенія, уменьшили существующія пошлины и стали стремиться ко взаимному узкому торгово-политическому союзу. Вскорѣ европейскія правительства заключили по образцу, данному Франціей и Англіей въ 1860 году, цѣлый рядъ международныхъ торговыхъ, таможенныхъ и судоходныхъ договоровъ, причемъ они обѣщали другъ другу взаимное поощреніе. Такъ какъ каждый изъ этихъ договоровъ, относящихся къ 1860—1868 годамъ, заключалъ въ себѣ какое-либо облегченіе въ тарифахъ или въ иныхъ опредѣленіяхъ, то таможенныя области, хотя еще и отграниченныя таможнями, стали замѣтны менѣе. Правда, по истеченіи періода договоровъ, который, безъ сомнѣнія, оказалъ большое вліяніе на матеріальное развитіе, послѣ 1877—78 года наступило время торгово-политическаго задняго хода. Договоры за послѣдніе годы не были возобновлены сполна, пошлины снова возвышены, но о возвращеніи къ старой замкнутости не можетъ быть рѣчи даже и въ этотъ, лишь недавно начавшійся, періодъ обратнаго движенія. Сила фактовъ требуетъ продолженія взаимныхъ безпрепятственныхъ торговыхъ сношеній слишкомъ необузданно, чтобы можно было съ успѣхомъ подчинить ее себѣ.

На ряду съ торгово-политическимъ соединеніемъ всѣхъ цивилизованныхъ народовъ земли, въ новѣйшее время является все большее стремленіе къ однородности торговыхъ учрежденій, защиты права и заботы объ управленіи. На содержаніи многочисленныхъ хозяйственныхъ договоровъ между государствами покоится уже соединеніе большихъ комплексовъ странъ. Такъ, напримѣръ, въ Германіи и въ нѣкоторыхъ другихъ европейскихъ государствахъ созданы уже, при помощи международныхъ союзовъ, единообразно организованныя области желѣзно-дорожныхъ сношеній, которыя простираются за предѣлы одного государства и на большихъ разстояніяхъ организуютъ перевозку товаровъ и пассажировъ въ общемъ интересѣ. Еще болѣе, нежели въ желѣзно-дорожномъ дѣлѣ, въ почтовой службѣ и въ телеграфныхъ

сношеніяхъ не только государство, но и цѣлая часть свѣта становятся въ хозяйственно-административномъ смыслѣ второстепенными и скорѣе географическимъ только понятіемъ. Всемірный почтовый союзъ, который теперь обнимаетъ область въ 1.300.000 квадр. миль и около 760 милліоновъ людей, представляетъ одно изъ самыхъ удачныхъ созданій, которымъ человѣчество обязано стремленію ко всемірно-хозяйственному развитію сношеній. Въ томъ же смыслѣ возникшій въ 1865 году международный телеграфный союзъ и съ тѣхъ поръ уже достигшій великихъ результатовъ представляетъ сильное средство для разбитія стѣнъ, раздѣляющихъ хозяйства отдѣльныхъ націй. Желѣзно-дорожные конгрессы, какъ кочующія собранія истинно космополитическаго характера, всемірный почтовый конгрессъ и ежегодно засѣдающая международная телеграфная конференція, которыя пользуются оффиціальнымъ значеніемъ, представляютъ собою корпорацію для дальнѣйшаго органическаго развитія сношеній во всемірномъ хозяйствѣ, на основаніи одинаковыхъ принциповъ.

Совмѣстно съ этими учрежденіями, достигшими зрѣлости съ неудержимою быстротой, должны быть поставлены дальнѣйшіе всемірно-хозяйственные способы соединенія: сюда принадлежитъ единство мѣры и вѣса на основѣ метрической системы съ общими органами для международнаго управленія этой основой обращенія товаровъ и соединеніе цѣлыхъ группъ государствъ въ общій порядокъ завѣдыванія орудіемъ обращенія и деньгами, котораго достойные подражанія примѣры представляютъ австрійско-германскій монетный союзъ, потомъ вступившій въ жизнь въ 1865 году великій латинскій монетный союзъ и, наконецъ, скандинавскій монетный союзъ 1872 года. Что мысль о всемірномъ орудіи обращенія, или полнаго международнаго соглашенія относительно денегъ и монетъ, еще не достигла зрѣлости, это не требуетъ особыхъ разъясненій. Въ принципѣ расширенію до нынѣшнихъ началъ не предстоитъ никакихъ препятствій,—спорны только конкретныя основанія.

Наконецъ, все болѣе и болѣе однородное строеніе международнаго права, насколько оно уже отчасти осуществлено относительно вексельнаго и торговаго права, биржеваго и банковаго дѣла, отчасти же находится въ процессѣ подготовленія (и, прибавимъ, по отношенію къ нѣкоторымъ вопросамъ, интереснымъ не для господствующаго класса, а для большинства населенія,

какъ, напримѣръ, международное фабричное законодательство въ процессѣ весьма медленнаго и даже почти безнадежнаго подготовленія) и улучшеніе международной защиты правъ, чрезъ признаніе взаимности, дѣлають истиною пользованіе капиталомъ и кредитомъ, безъ вниманія къ отдѣльной націи или странѣ, и тѣмъ болѣе, что для этого создаются все лучшія техническія вспомогательныя средства въ торговлѣ векселями и въ трансфертѣ, въ clearing'ѣ и въ другихъ формахъ сведенія счетовъ. Ни въ одинъ періодъ хозяйственной исторіи, какъ въ томъ легко убѣдиться, не могло быть столь легко и быстро приводимо въ дѣйствіе столь быстрое и массовое перемѣщеніе капитала и кредита изъ одного народнаго хозяйства въ другое. Еще Рикардо въ началѣ настоящаго столѣтія высказывалъ неоднократно сомнѣніе по поводу того, что, въ силу старой привычки къ мѣстнымъ особенностямъ и къ національнымъ преимуществамъ помѣщенія, врядъ ли найдутся охотники переносить свой капиталъ въ другія страны, и даже на этомъ обстоятельствѣ основалъ особую теорію обмѣна международныхъ цѣнностей, отличную отъ теоріи, дѣйствующей внутри отдѣльнаго государства. Въ настоящее время суммы денегъ, получаемыхъ ежегодно англійскими капиталистами въ видѣ процентовъ на свои заграничные капиталы, простираются до нѣсколькихъ десятковъ милліоновъ фунтовъ стерлингъ. Перемѣщеніе милліардовъ сдѣлалось въ наши дни обычнымъ явленіемъ международнаго хозяйства; совершенно естественно и нормально, что англійскіе и французскіе капиталы переходятъ въ Австрію или въ Германію, въ Россію или въ Египетъ, или въ какое-либо южно-американское или азіятское государство, или то, что излишекъ и недостатокъ уравниваются кредитами, которые выдаются Америкой и Индіей на Европу.

Такимъ-то образомъ дѣйствуютъ всѣ факторы въ совокупности, чтобъ ускорить переходъ къ космополитической жизни. Торговля и судоходство, желѣзныя дороги, почты и телеграфы даютъ внѣшнія условія для этого соединенія; рука объ руку съ ними идетъ раздѣленіе труда, которое ведетъ къ массивному производству въ отдѣльныхъ, особенно приспособленныхъ къ тому, мѣстностяхъ земнаго шара. При размѣрахъ и дешевизнѣ производства наступаетъ такое расширеніе потребностей и потребленія предметовъ всемірной торговли, что нѣтъ болѣе достаточно могущественныхъ границъ, чтобъ оказать сопротивленіе этимъ всестороннимъ требованіямъ. Административныя и народно-хозяй-

ственныя учрежденія должны быть волею - неволею приспособлены къ послѣднимъ, чтобы законодательство могло служить дѣйствительнымъ выраженіемъ стремленій вѣка и въ нихъ нашло бы свою собственную основу.

Международныя сношенія всѣхъ народовъ въ самомъ дѣлѣ создали уже совершенно новую область жизни, въ которой отдѣльныя народныя хозяйства, по мнѣнію автора, безъ вреда для своей самостоятельности и не прекращая своей индивидуальности, выполняютъ функцію членовъ бо̀льшаго цѣлаго. Отдѣльныя народныя хозяйства, кромѣ того значенія, которое они имѣютъ для самихъ себя, становятся также отчасти международными, сначала только групповыми, союзами и получаютъ, чрезъ вступленіе въ подобные союзы, совершенно новыя, высшія средства къ развитію; потомъ они вступаютъ въ неразрѣшимое органическое соприкосновеніе со всею безконечною хозяйственною жизнью человѣчества и пріобрѣтаютъ себѣ высшіе аттрибуты участія во всемірномъ хозяйствѣ. Поэтому всемірное хозяйство является высшимъ организмомъ, который не только не подавляетъ народныхъ хозяйствъ, какъ думаютъ многіе, но, наоборотъ, долженъ повести ихъ къ высшему развитію,—организмомъ, который на основаніи своей внутренней природы представляетъ силу, простирающуюся далеко за политическія границы государства, и притомъ силу непобѣдимую, отъ которой отдѣльное хозяйство напрасно старалось бы отдѣлаться. Таково мнѣніе объ этомъ предметѣ автора, и оно правильно, насколько онъ ведетъ рѣчь о соединеніи хозяйствъ отдѣльныхъ народовъ въ одно великое всемірное цѣлое. Тѣмъ не менѣе авторъ сильно ошибается, думая, что подобная роль во всемірномъ хозяйственномъ движеніи достается всѣмъ народамъ одинаковою цѣной, оставляя за каждымъ изъ нихъ прежнюю самостоятельность. До сихъ поръ исторія торговли учитъ насъ совершенно другому, а именно тому, что въ борьбѣ международныхъ интересовъ, точно также какъ и въ борьбѣ интересовъ отдѣльнаго народа, одерживаетъ побѣду все сильное, богатое, болѣе образованное надъ слабымъ, бѣднымъ и невѣжественнымъ. Трудно, напримѣръ, сказать безъ натяжки, что Китай, покупая индійскій опіумъ, сохраняетъ свою самостоятельность и что страны, ведущія преимущественно торговлю сырыми произведеніями, развиваютъ свою цивилизацію и занимаютъ высшее мѣсто. Только въ будущемъ можно ожидать отъ торговыхъ сношеній результатовъ подобныхъ указаннымъ авторомъ, но тогда и

самыя торговыя сношенія будутъ носить болѣе общечеловѣческій характеръ, чѣмъ тотъ, какимъ они отличаются въ торговлѣ между слабыми и сильными, между невѣжественными и образованными народами настоящаго времени. Для этого нужно, чтобы международныя сношенія вступили въ состояніе дѣйствительно-объективныхъ функцій и чтобы совокупные интересы отдѣльныхъ общежитій дѣйствительно образовали единое цѣлое.

Всемірное хозяйство,—продолжаетъ авторъ,—существуетъ только въ зачаткахъ, но уже самые эти зачатки даютъ угадывать свое будущее значеніе, такъ какъ уже нынѣшняя стадія представляетъ по-истинѣ удивительное преобразованіе во всей производительной дѣятельности человѣчества и вызываетъ громадное расширеніе круга общественной жизни. Если даже согласиться, что настоящее поколѣніе не въ состояніи перейти за предѣлы нынѣшней ступени всемірнаго хозяйства, то оно уже можетъ выставить такія событія матеріальной культуры, которыя въ высшей степени удивительны и достойны вниманія. Однако объективныя наблюденія дѣлаютъ несомнѣннымъ, что въ ближайшемъ будущемъ предстоитъ новый великій прогрессъ всемірнаго хозяйства. Условія къ этому существуютъ въ такомъ множествѣ, что и послѣдствія не замедлятъ появиться. Во всѣхъ частяхъ свѣта образованіе капиталовъ сдѣлало громадные успѣхи, и даже отъ упадка, послѣдовавшаго за кризисомъ 1873 года, оно не остановилось, а только замедлилось. Эти капиталы, считающіеся милліонами, ищутъ себѣ помѣщенія и могутъ найти послѣднее въ достаточной степени только въ великихъ всемірно-хозяйственныхъ предпріятіяхъ; пониженіе уровня процента во всей Европѣ есть наглядное доказательство того, что капиталъ не можетъ болѣе затрачиваться производительно въ одномъ только Старомъ Свѣтѣ, но нуждается въ распространеніи своего употребленія въ отдаленныхъ и чужихъ частяхъ свѣта. Сюда же присоединяется увеличеніе производства посредствомъ рабочихъ машинъ и двигателей крупной индустріи; массоваго сбыта, какимъ онъ представляется въ настоящее время, можно ожидать только во всемірной торговлѣ, на всемірныхъ рынкахъ; отыскивать эти послѣдніе представляетъ уже не только условіе существованія отдѣльныхъ хозяйственныхъ крупныхъ державъ, но каждаго промышленнаго государства, имѣющаго претензію на хозяйственное благосостояніе, тогда какъ, съ другой стороны, также и крупныя землевладѣльческія страны все болѣе находятъ обезпеченіе

своего благосостоянія (?) на томъ же всемірномъ рынкѣ. Такимъ же образомъ извѣстно, что возрастаніе народонаселенія въ европейскихъ государствахъ въ настоящее время принимаетъ такіе размѣры, которые, въ извѣстномъ смыслѣ, произвели уже во многихъ мѣстностяхъ перенаселеніе и повели къ новѣйщему направленію мальтузіанства—къ замедленію плодовитости; другое средство лежитъ въ эмиграціи, которая и безъ того уноситъ изъ Европы все большее и большее число воспитаннаго на ея счетъ народа. «Выселеніе, колонизація, поселеніе въ чужихъ странахъ,—говоритъ Гюббе Шлейденъ,—таковы пароли и тѣхъ народовъ, которые въ остальныхъ случаяхъ охотно отдаются національной политикѣ; а они выполнимы только во всемірномъ хозяйствѣ». Наконецъ, расширеніе учрежденій по сношеніямъ уже настолько велико и возрастаетъ такъ сильно въ каждый періодъ нормальнаго (?) веденія хозяйства, что капиталы и рабочія силы, затраченные въ желѣзныя дороги, пароходы, суда и телеграфы, нуждаются во все большомъ занятіи, слѣдовательно дѣйствуютъ прогрессивно въ направленіи интенсивнаго развитія всемірнаго хозяйства.

Среди всѣхъ государствъ, которыя, благодаря своему участію во всемірномъ хозяйствѣ, съ начала настоящаго столѣтія начали быстро увеличивать народный доходъ, Великобританію слѣдуетъ назвать прежде всего. На основаніи результатовъ обложенія подоходнымъ налогомъ и по многимъ другимъ статистическимъ признакамъ, накопленіе капитала шло здѣсь всего быстрѣе. Дёдли Бакстеръ даетъ цѣнность дохода, обложеннаго подоходнымъ налогомъ въ годы 1814—15, въ 146 милл. ф. ст.; въ 1843 году онъ достигалъ уже 250 милліоновъ, въ 1865 г. возвысился до 396, а въ 1875 г. до 571 милл. Если этотъ доходъ, доказанно подлежащій уплатѣ налога и освобожденный отъ нея, капитализировать (Гиффенъ), то окажется, что обнаруживаемое такимъ способомъ имущество Соединеннаго Королевства въ 1865 г. равнялось 6.113 милл. ф. ст., а въ 1875 г.—8.548 милл., т. е. въ одно десятилѣтіе ежегодно возрастало на 243 милл. ф. ст. Въ послѣднее время, впрочемъ, вслѣдствіе всеобщаго упадка, увеличеніе дохода принимается всего въ 60 милл. въ годъ. Что эти разсчеты не преувеличены, окажется несомнѣннымъ, если, съ одной стороны, сравнить съ ними данныя, на основаніи которыхъ имущество, помѣщенное англійскими капиталистами въ государственные и частные займы, въ желѣзнодорожныя и иныя акціи,

должно составлять отъ 2.788 до 3.465 милл. ф. ст., что, въ соединеніи съ 350 милл. ф. ст., затраченными въ землю и въ дома, представляетъ уже само по себѣ цифру въ 7.090 милл. ф. ст. Согласно даннымъ подоходнаго налога, на одного жителя приходилось этого дохода въ 1845 г. 7 ф. ст., въ 1855 г.—11 ф., въ 1875 г.—17 ф. Совокупный доходъ составляетъ въ настоящее время около 33 ф. ст. на человѣка. Въ дѣйствительности эти цифры слишкомъ низки, хотя и выставляютъ прогрессію въ наглядномъ видѣ. Во Франціи, по весьма приблизительнымъ цифрамъ, народное имущество съ 1848 г. возросло, по меньшей мѣрѣ, на 50 или на 60%. Къ 1871 г. Воловскій оцѣнивалъ народное имущество Франціи въ 150—200 милліардовъ франковъ, изъ которыхъ 120 милліардовъ упадали на недвижимую собственность (земля и строенія), причемъ послѣдняя съ 1851 г. возросла на 21 милліардъ, или по одному милліарду въ годъ. Относительно чрезвычайнаго расширенія хозяйственной жизни въ Германіи нельзя привести подобныхъ сравнительныхъ данныхъ въ виду многочисленныхъ политическихъ, административныхъ и территоріальныхъ перемѣнъ, приходящихся на послѣднее время. Увеличеніе внѣшней торговли съ 1.060 милл. марокъ въ 1850 году до 6.714 въ 1879 г. есть одинъ изъ симптомовъ этого расширенія. Другой масштабъ для накопленія пріобрѣтаемаго богатства представляетъ число паровыхъ предпріятій, приходящихся большею частью на послѣднее полустолѣтіе. Энгель считаетъ капиталъ, затраченный въ Германской имперіи въ эти предпріятія, въ 11.104 милл. марокъ; насколько при этомъ дѣло идетъ о желѣзныхъ дорогахъ и пароходахъ (7.364 милл. марокъ), то цифры эти относятся, разумѣется, только къ послѣднему пятидесятилѣтію. Для одного королевства Пруссіи Соетбееръ показалъ, что даже въ годы упадка съ 1872 по 1878 г. народный доходъ возрасталъ постоянно и достигъ отъ 6.969,4 милл. мар. въ 1872 г. до 8.069,8 милл. марокъ въ 1878 году, или на одного плательщика—отъ 865 до 918 марокъ, на одного человѣка населенія отъ 293 до 323 марокъ. Тѣ же явленія повторяются и въ другихъ европейскихъ государствахъ, изъ которыхъ слѣдуетъ остановиться на Австріи. Чернигъ разсчиталъ для Австріи, на основаніи многочисленныхъ оффиціальныхъ данныхъ, въ 1859 году валовой доходъ народа изъ земледѣлія, горнаго дѣла и промышленности въ 3.360 милл. гульденовъ; на основаніи одной частной работы 1867 года, доходъ этотъ простирался тогда уже до 4.300 милл.

гульд., а самъ авторъ въ 1874 году могъ опредѣлить доходъ изъ этихъ отраслей въ 5.500—6.000 милл. гульд. *minimum*. Еще болѣе интересенъ ходъ развитія богатства въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки. Изъ оцѣнокъ, соединенныхъ съ десятилѣтнимъ цензомъ, можно видѣть, что въ 1790 году имущество составляло 750 милл. долл. на населеніе въ 3,9 милл. душъ, слѣдовательно по 187 долл. на человѣка, тогда какъ въ 1870 году имущество равнялось уже 30.069,0 милл. долл. на 38,5 милл. населенія, слѣдоват. по 776,96 долл. на человѣка, причемъ въ каждое десятилѣтіе возрастаніе дохода происходило на сумму отъ 39 до 126,7%. При этомъ доходъ на человѣка колебался сильно между 195 долл. (1820 г.) и 776,95, но, среднимъ числомъ, непрерывно возрасталъ. И здѣсь также, подобно Англіи, развитіе было весьма медленное до сороковыхъ годовъ, но потомъ послѣдовало быстрое возрастаніе, которое съ 1860 по 1870 годъ достигло скорѣйшаго увеличенія, отчасти, правда, вслѣдствіе обезцѣненія валюты страны. Отъ ценза 1880 года имѣются пока лишь краткія свѣдѣнія, но и они указываютъ на истинно-удивительную силу воспроизведенія. Начиная съ 1 марта 1878 г. по 1 марта 1881 года сумма государственныхъ доходовъ возросла въ Соединенныхъ Штатахъ отъ 265,3 до 356,4 милл. долл., расходовъ отъ 218,3 до 257,3, долгу уменьшилось отъ 2.042,0 до 1.879,9 милл., процентовъ по долгу отъ 92,5 до 76,8 милл., тогда какъ въ то же время сумма остатковъ въ кассѣ возросла отъ 72,9 до 160,7 милл., золотой монеты и слитковъ въ казначействѣ отъ 121,7 до 173,0 милл., серебра отъ 8,4 милл. до 84,1 милл. Трудно представить себѣ болѣе благопріятную картину государственнаго хозяйства.

Приведенные до сихъ поръ факты должны способствовать убѣжденію каждаго, что вотъ уже полустолѣтіе, и особенно со времени появленія космополитическаго веденія хозяйства, какъ доходъ и богатство народовъ (высшихъ классовъ народа) увеличились въ гораздо большей степени, чѣмъ въ какой-либо изъ предыдущихъ періодовъ. Вопросъ, откуда взялись эти капиталы въ новѣйшее, столь короткое, сравнительно, время, не можетъ быть рѣшенъ въ нѣсколькихъ словахъ. Можно только указать на нѣкоторыя главныя причины быстраго возрастанія имущества. 1) Введеніе машинной работы въ такія отрасли производства, въ которыхъ раньше господствовалъ человѣческій трудъ. Бóльшая производительность (?) остроумныхъ рабочихъ машинъ, открытіе

которыхъ принадлежитъ большею частью нынѣшнему столѣтію, столь значительна, что затраченный въ нихъ капиталъ испытываетъ безконечно болѣе быстрое воспроизведеніе, нежели личный капиталъ человѣческихъ рабочихъ силъ. 2) Примѣненіе паровой силы къ цѣлямъ перемѣны формы и перемѣны мѣста. Энгель доказалъ, что способы къ накопленію колоссальнаго основного капитала въ 133 милліарда марокъ, который въ настоящее время долженъ быть затраченъ въ паровыхъ предпріятіяхъ земнаго шара, слѣдуетъ искать въ двухъ направленіяхъ. Съ одной стороны, эти капиталы возникли отъ употребленія самой паровой силы, такъ какъ при замѣнѣ паровою силой ручного рабочаго сберегались время, человѣческая рабочая сила и капиталъ, которые снова могли быть употреблены на тѣ же назначенія (а если не могли, какъ доказываетъ праздность рабочей силы во время кризисовъ?); благодаря громадному преобладанію пара, по отношенію къ размѣрамъ и издержкамъ его услугъ, сдѣлались возможны меньшіе расходы, которые ведутъ къ сбереженію, образованію и къ постоянной затратѣ капиталовъ. Съ другой стороны, можно доказать, что собственная доходность основныхъ капиталовъ, затраченныхъ въ паровыя предпріятія съ процентами и съ процентами на проценты, въ теченіе послѣднихъ 25—30 лѣтъ произвела значительное увеличеніе изъ самой себя (?), т. е. произвела капиталы, которые снова неизбѣжно притекли ко всемірному хозяйству. 3) Развитіе кредитнаго хозяйства во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ міра въ теченіе послѣдней четверти столѣтія. Кредитъ, правда, не производитъ новыхъ капиталовъ, а только достигаетъ того, что существующіе въ различныхъ мѣстахъ капиталы получаютъ лучшее употребленіе, что текущіе капиталы собираются и затрачиваются въ прочныя помѣщенія. Депозитные банки, сберегательныя кассы, кредитныя учрежденія и созданныя ими кредитныя бумаги сдѣлались факторами образованія капитала, которыхъ не доставало прежнимъ столѣтіямъ жизни человѣчества и которые въ настоящее время дѣйствуютъ все шире и шире. Они обусловливаютъ то, что вновь добытыя блага, которыя въ прежнія времена оставались капиталами перемѣнными и снова быстро потреблялись, т. е. возвращались снова внѣшней природѣ, въ настоящее время затрачиваются въ формѣ постоянныхъ капиталовъ, т. е. сохраняются и накопляются. Сберегательныя кассы въ большей части государствъ существуютъ всего 40—50 лѣтъ, а между тѣмъ въ 1875 году учрежденія эти имѣ-

ли уже въ Европѣ около 6.400 милл. марокъ, а въ Сѣверо-Американскомъ союзѣ 3.500 милл. марокъ, вмѣстѣ же 10 милліардовъ. Отсюда легко можно сдѣлать заключеніе, какъ громадна образующая капиталъ сила прочихъ кредитныхъ учрежденій и возможность затраты сбереженій въ цѣнныхъ бумагахъ. 4) Увеличеніе числа и поддержаніе образованнаго населенія рабочихъ, которое представляетъ живой, личный капиталъ, неизбѣжно и въ такой же высокой степени превращающійся въ матеріальный капиталъ, какъ увеличивается услуга средняго человѣка, благодаря технически-хозяйственному образованію и ловкости.

Это описаніе способовъ, откуда взялись новѣйшіе капиталы, грѣшитъ, къ сожалѣнію, однимъ недостаткомъ, именно—нѣкоторою поверхностностью. Въ самомъ дѣлѣ, если «*увеличеніе числа образованныхъ рабочихъ*» является одною изъ причинъ *увеличенія капитала* (4), то какимъ образомъ можетъ быть справедливо то (1 и 2), что подстановка машиннаго труда «*сберегаетъ*» *человѣческій трудъ* и такимъ образомъ *увеличиваетъ капиталы?* Имѣя въ виду, что сбереженіе рабочей силы, т. е. выпусканіе на улицу цѣлыхъ массъ рабочаго населенія, ведетъ къ «народному благосостоянію», придется поставить себѣ идеаломъ такое состояніе вещей, когда вымретъ весь родъ человѣческій, но за то чрезвычайно увеличится «народный капиталъ». Вотъ къ какимъ необходимымъ абсурдамъ приводитъ легкомысленное сужденіе о столь сложныхъ общественныхъ феноменахъ, въ особенности, когда оно старается объяснить все къ лучшему въ семъ наилучшемъ изъ міровъ. Съ другой стороны, какъ можно доказать, что собственная доходность основныхъ капиталовъ, затраченныхъ въ паровыя предпріятія съ процентами и процентами на проценты, произвела значительное увеличеніе изъ самой себя, т. е. произвела новые капиталы? Согласно общепринятому закону цѣнности, машина, воспроизводящая и увеличивающая свой доходъ изъ самой себя, стоила бы на рынкѣ столь же мало, сколько стоитъ дуновеніе вѣтра или паденіе воды. Если капиталъ увеличивается чрезъ свой доходъ, значитъ—возрастаетъ его цѣнность, а цѣнность есть человѣческій трудъ и ничего болѣе. Поэтому совершенно справедливо, что капиталъ возрастаетъ, но только невѣрно то, что онъ увеличивается собственною силой, а не силой человѣческаго труда. Съ этимъ соглашается и самъ авторъ, который объявляетъ трудъ живымъ, личнымъ капиталомъ, съ тѣмъ только ограниченіемъ, что производительность этого

труда есть чисто техническая, т. е. якобы въ свою очередь обязанная существованіемъ только значительному капиталу. Жаль только, что авторъ упустилъ изъ виду ту истину, что, наоборотъ, всякій капиталъ обязанъ своимъ существованіемъ труду *техническому* — строителя и механика машины и *простому* — женскому или дѣтскому—рабочаго персонала фабрики.

По отношенію къ оцѣнкѣ современнаго хозяйственнаго положенія Европы и Америки,—читаемъ мы далѣе у автора,—необходимо сдѣлать замѣчаніе, что не было другого періода времени, когда бы, подобно послѣднему десятилѣтію, сошлись столь тѣсно вмѣстѣ такія сильныя реакціи. Въ то время, какъ съ 1870 по 1873 годъ даетъ себя прослѣдить сильнѣйшій ударъ хозяйственнаго пульса, въ этой же самой интенсивности, поведшей къ преувеличенію, лежатъ всѣ зачатки болѣзни, достигшей зрѣлости въ 1873 году, подъ именемъ хозяйственнаго кризиса. Съ средины 1873 до 1879 г. послѣдовало время обратнаго движенія и упадка, которое однако, будучи связано съ сбереженіемъ хозяйственныхъ силъ и съ заботой о здоровыхъ частяхъ организма, повело къ возстановленію здоровья (?) въ хозяйствѣ народовъ. Прогрессъ усиленія организма и новаго оживленія его происходилъ почти вездѣ незамѣченнымъ и проявился во второй половинѣ 1879 г. въ Соединенныхъ Штатахъ Америки, а вскорѣ потомъ, а именно въ первой половинѣ 1880 года, въ странахъ европейскаго Запада: въ Великобританіи, Нидерландахъ, Бельгіи, Франціи и Германіи. Дальнѣйшее перенесеніе этого импульса съ запада на востокъ медленно происходило на европейскомъ континентѣ; однако есть признаки, что этотъ импульсъ, подобно кольцамъ волны на поверхности воды, еще продолжаетъ двигаться далѣе и тѣмъ менѣе замѣтенъ, чѣмъ далѣе удаляется отъ исходнаго пункта. Поэтому-то Голландія, Бельгія, Англія и Франція могли войти не только быстрѣе, но и сильнѣе въ новый поворотъ къ интенсивной дѣятельности, тогда какъ нѣкоторыя германскія государства, Италія и Австрія лишь позднѣе и незамѣтнѣе достигли тѣхъ же ступеней.

Въ числѣ главныхъ симптомовъ означеннаго теченія слѣдуетъ упомянуть прежде всего о *производствѣ* и объ его объемѣ. Существеннѣйшій признакъ и важнѣйшая основа хозяйственнаго состоянія опредѣленнаго періода времени лежитъ въ расширеніи, испытываемомъ производительною дѣятельностью. Различіе, которое слѣдуетъ тутъ установить, чтобы логически отдѣлить при-

чинную связь отъ симптоматической, состоитъ въ слѣдующемъ: относится ли отрасль производства, объемъ которой долженъ быть показанъ статистически, къ такимъ товарамъ, производство которыхъ можетъ быть расширено произвольно и снова сокращено, какъ это обыкновенно бываетъ въ отрасляхъ крупной индустріи, или же, наоборотъ, производство, главнымъ образомъ, зависитъ отъ обстоятельствъ, которыя лежатъ внѣ воли человѣка, какъ это должно быть признаваемо за правило во многихъ отрасляхъ первоначальнаго производства. Великое расширеніе индустріальнаго и способнаго къ увеличенію горнаго производства является не только причиною, но также и достаточнымъ симптомомъ благопріятнаго положенія, внезапныя же ограниченія торговли продуктами этого производства суть, напротивъ, вѣрные симптомы неблагопріятнаго состоянія хозяйства. Иначе стоитъ дѣло относительно жатвы: значительное производство пшеницы въ одинъ годъ и незначительное въ другой обыкновенно бываетъ послѣдствіемъ погоды,—слѣдовательно, имѣетъ только причинный, а не симптоматическій характеръ; подобно этому и добываніе сахарной свеклы для основанной на ней индустріальной обработки сахара, и пр.

Обратимся къ этому симптому для оцѣнки періода отъ 1870 по 1880 годъ. Вся совокупность отраслей крупной промышленности міра испытала съ 1870 по 1880 г. расширеніе, которое можетъ считаться благопріятнымъ признакомъ хозяйственнаго состоянія для этого промежутка времени. Массы товаровъ индустріи волокнистыхъ веществъ и желѣзной промышленности даютъ ясное указаніе. Повсюду увеличилось число веретенъ и ткацкихъ машинъ съ употребленіемъ всѣхъ силъ; въ хлопчато-бумажной индустріи вывозъ тканей и пряжи изъ Англіи и внутреннее ихъ потребленіе возросли отъ 942 милл. фун. стерл. въ 1870 году до 1.078 милл. въ 1873 г. и торговая цѣнность хлопчато-бумажныхъ произведеній въ тотъ же періодъ времени увеличилась отъ 93,1 милл. фунт. стерл. до 104,6 милл.; подобные же симптомы могутъ быть приведены и для шерстяной индустріи того же періода времени. Въ желѣзномъ дѣлѣ мы видимъ, что были построены новыя плавильныя печи, старыя употреблялись интенсивно и производство сырого желѣза всей страны поднялось отъ 11,5 до 14 милл. тоннъ. Повсюду замѣчается расширеніе благопріятныхъ для увеличенія производства признаковъ.

Когда грянулъ кризисъ 1873 года, его результаты обнаружились въ томъ, что съ 1873 по 1879 г. въ индустріи волок-

нистыхъ веществъ замѣчается лишь медленное абсолютное увеличеніе и даже таковое получается при обстоятельствахъ, которыя обозначаются какъ неблагопріятныя; въ производствѣ желѣза періодъ отъ 1873 по 1878 г. есть время постояннаго уменьшенія произведеннаго количества. Доказательства имѣются изъ всѣхъ частей свѣта. Въ главныхъ странахъ производства желѣза въ концѣ 1876 года существовало 2.537 плавильныхъ печей, которыя были въ состояніи произвести по меньшей мѣрѣ 20-ть милліоновъ тоннъ желѣза; вмѣсто того было уже тогда въ работѣ всего 1.329 печей, а 1.208 стояли нетоплеными, производство же достигло только 280 милл. центнеровъ. Такимъ же образомъ и основа всякаго крупнаго производства—добыча угля—испытала въ 1878 г. насильственное и абсолютное уменьшеніе, во все же время послѣ кризиса—уменьшеніе относительное къ возрастанію населенія. Достаточно еще напомнить, что важнѣйшая изъ всѣхъ крупныхъ отраслей великобританской промышленности, хлопчато-бумажная, которая при благопріятныхъ условіяхъ давала средства занятія 4 милліонамъ людей, въ годы 1876 и 1877 сдѣлалась совершенно бездоходною, или еще хуже, такъ какъ оставались запасы ея продукта, которые не могли быть сбыты по цѣнѣ издержекъ производства. Въ 1878 г. наступилъ формальный хлопчато-бумажный кризисъ—болѣе тяжелый, чѣмъ всякій другой, пережитый нынѣшнимъ поколѣніемъ. Въ заведеніяхъ перваго ранга рабочее время было сокращено, въ другихъ работа совсѣмъ прекратилась и англійскій дѣловой міръ смотрѣлъ на это время какъ на время хозяйственнаго застоя такой интенсивности и распространенія по всему міру, какихъ не было прежде. Въ первые три мѣсяца 1879 года былъ достигнутъ нулевой пунктъ стѣсненія и началось медленное повышеніе. Подобное же происходило съ шерстяною индустріей, въ которой послѣдовало относительное уменьшеніе, тогда какъ въ шелковой и льняной индустріяхъ было непосредственно указано абсолютное уменьшеніе. Во второй половинѣ 1879 и въ 1880 гг. размѣры производства снова стали расширяться. Прежде всего увеличеніе производства угля, которое оказалось въ Германіи, Великобританіи, Франціи, Бельгіи и особенно въ Сѣверной Америкѣ (съ 52 милл. тоннъ въ 1878 г. до 69 милл. тоннъ въ 1880), должно быть признано вѣрнымъ симптомомъ вновь пробуждающейся хозяйственной жизни. На ряду съ нимъ производство желѣза испытываетъ въ Сѣверной Америкѣ еще въ позднюю осень 1879 г., въ Велико-

британіи и въ большей части континентальныхъ странъ нѣсколько мѣсяцевъ спустя—такое повышеніе, которое приводитъ въ удивленіе всѣ дѣловые круги и справедливо признается за лихорадочную дѣятельность; стоявшія безъ огня плавильныя печи снова стали топиться, количество произведеннаго желѣза поднялось въ одинъ годъ съ 12 до 21%, заведенія для обработки желѣза снова заняли свои пудлинговыя печи и прокатные пути толпами рабочихъ и импульсъ до конца 1880 г. является не только сильнымъ, но даже преувеличеннымъ. Подобнымъ же образомъ и всемірная индустрія хлопчатой бумаги указываетъ на увеличеніе производства, которое есть вѣрный знакъ высокаго хозяйственнаго улучшенія: еженедѣльно прядомая хлопчатая бумага составляла въ 1878—79 гг. въ Великобританіи 50.026 ф. и на континентѣ 47.352 ф., въ годы же 1879—80 эта средняя цифра поднялась до 58.038 ф. и на континентѣ до 50.344 ф. въ недѣлю, что даетъ возрастаніе въ употребленіи сырья въ количествѣ 572.000 ф. выгоды, или 12% въ одинъ этотъ годъ. Другія отрасли индустріи волокнистыхъ веществъ возвысились въ производствѣ значительно менѣе, хотя онѣ все же показываютъ признаки улучшенія, особенно около конца 1880 года. Приведенныя здѣсь крупныя отрасли промышленности представляютъ не менѣе трехъ четвертей всѣхъ индустріальныхъ производственныхъ цѣнностей всемірнаго хозяйства и потому оказываютъ внушительное вліяніе на всѣ прочія отрасли промышленной жизни; если статистику послѣднихъ станутъ изображать съ большими точностью и быстротою, чѣмъ это было до сихъ поръ, то и ею можно будетъ воспользоваться, какъ симптомомъ для измѣренія хозяйственнаго положенія.

Также точно и относительно *потребленія* можно установить различіе, которое опредѣляетъ симптоматическое его значеніе. Увеличеніе или уменьшеніе такихъ товаровъ, которые удовлетворяютъ необходимымъ жизненнымъ потребностямъ (обыкновенныя средства питанія, дешевыя ткани, какъ хлопчатая бумага и пр.), представляютъ, какъ извѣстно, менѣе чувствительный показатель благосостоянія, нежели колебанія въ потребленіи товаровъ, безъ которыхъ можно обойтись (предметы удовольствія, дорогія ткани, какъ шелкъ и пр.), потому что народъ, при понижающемся доходѣ, всегда прежде всего откажется отъ потребленія предметовъ второй категоріи, а при возвышающемся благосостояніи всегда прежде всего возвратится къ нимъ, и потому что лишь

тогда, когда хозяйственное положеніе въ сильной степени измѣнилось, необходимѣйшія средства потребленія также затрачиваются имъ. Въ періодъ съ 1870 по 1880 г. можно указать какъ на чувствительные, такъ и на менѣе подвижные симптомы потребленія для опредѣленія хозяйственнаго положенія. Хотя наблюденія и лишены желательной полноты, но все же изъ продуктовъ косвенныхъ налоговъ, изъ производства, въ связи съ цифрами торговой статистики, или съ данными относительно пополненія запасовъ извѣстныхъ складочныхъ продуктовъ, можно всегда подмѣтить очерки движенія. Наиболѣе чувствительные симптомы представляетъ потребленіе кофе, чаю, сахару, спиртныхъ напитковъ и пр. Изъ сравненія этихъ предметовъ не трудно придти къ убѣжденію, что повышеніе хозяйственнаго уровня въ годы 1870—1873 чрезвычайно усилило потребленіе ихъ и что въ послѣдующіе годы потребленіе это испытало только запозданіе, но въ большей части государствъ, несмотря на хозяйственный упадокъ, не подвергалось обратному движенію (по всей вѣроятности, вслѣдствіе того, что для большинства населенія кофе, чай, табакъ и спиртные напитки представляютъ суррогатъ пищи). Время отъ начала 1878 до конца 1879 г., повидимому, изъ всего періода было самое неблагопріятное, тогда какъ въ 1880 году въ большей части пунктовъ всемірнаго хозяйства чувствуется сильное возрожденіе промышленности. Что касается въ частности до потребленія кофе, то доставка его въ Европу увеличилась отъ 4,98 милл. центнеровъ въ 1870 году до 6,50 въ 1875 г., а въ 1878 г. снова понизилась до 5,97, что представляетъ, сравнительно съ увеличеніемъ населенія, очень значительный упадокъ. Въ потребленіи чая увеличеніе съ 1870 по 1874 годъ повсюду весьма велико, а уменьшеніе начинаетъ давать себя чувствовать сильнѣе именно съ 1878 по 1879 годъ, и то же самое происходитъ съ табакомъ. Особенный интересъ представляетъ возрожденіе хозяйства съ начала 1880 года, какъ оно проявляется въ потребленіи предметовъ удовольствія. Въ Сѣверной Америкѣ это явленіе обнаружилось всего значительнѣе, такъ какъ оттуда исходятъ сильнѣйшіе импульсы; въ продолженіе фискальнаго года 1879—1880 ввозъ кофе возросъ, сравнительно съ предыдущимъ годомъ, на 69 милл. ф., ввозъ чаю на 12 милл. ф., ввозъ табачныхъ листьевъ на 3 милл. ф., вина на 6.394 галлона и на 1,3 милл. бутылокъ, и, сверхъ того, населеніе Союза удерживаетъ въ этомъ году для своего собственнаго потребленія 130

милл. ф. рафинированнаго сахару — болѣе, чѣмъ въ предшествующемъ году. Въ Англіи увеличеніе потребленія предметовъ удовольствія въ 1880 году было незначительно, хотя годъ этотъ и считается благопріятнымъ въ хозяйственномъ отношеніи: только какао, вино и табакъ потребляются въ значительно большихъ количествахъ, тогда какъ потребленіе чаю, сахару и кофе уменьшилось. Впрочемъ, свѣдѣнія о выручкѣ податей показываютъ, что въ послѣднія три четверти 1880 г. хозяйственное положеніе страны существенно улучшилось. Во Франціи возрастающее благосостояніе обнаруживается гораздо общѣе, чѣмъ въ Англіи: излишки ввоза кофе, сахару и чаю въ 1880 году очевидны; потребленіе вина, правда, уменьшается вслѣдствіе неурожая, но за то въ 1880 году выпивается 852.000 гектолитровъ пива—болѣе, нежели въ 1879 г., и выкуривается 9.463,2 килогр. табаку и сигаръ, на цѣнность 9 милл. фр. болѣе, чѣмъ въ предыдущемъ году. Косвенные налоги принесли въ 1880 г. 10 милл. фр. болѣе, чѣмъ въ 1879 г., и прибавка въ первую четверть 1880 года показываетъ, что происходитъ непрерывное повышеніе потребленія предметовъ удовольствія. То же самое справедливо относительно Бельгіи, гдѣ можно судить о большихъ размѣрахъ потребленія по выручкѣ косвенныхъ налоговъ въ 1880 г., а равнымъ образомъ и въ Германской имперіи въ 1878 году было внесено за предметы удовольствія—сахаръ, табакъ, водку, пиво—на 8,7 милл. марокъ болѣе, чѣмъ въ предыдущемъ году, что, въ связи съ данными относительно ввоза заграничныхъ предметовъ удовольствія, устраняетъ всякое сомнѣніе въ улучшеніи хозяйственнаго положенія. Только въ Италіи этотъ симптомъ обозначаетъ и въ 1880 г. плохое состояніе хозяйства, а въ Австріи продолжается statu quo.

Предшествовавшія общія сравненія обнимаютъ только наиболѣе чувствительные признаки потребленія; кто прослѣдитъ торговую статистику послѣдняго десятилѣтія съ нѣкоторымъ вниманіемъ, тотъ найдетъ множество данныхъ относительно чрезвычайнаго скопленія запасовъ товаровъ изъ волокнистыхъ веществъ, желѣза, стали, рельсовъ и всѣхъ другихъ складочныхъ товаровъ въ промышленныхъ пунктахъ и на всемірныхъ рынкахъ. Здѣсь достаточно общаго замѣчанія, что послѣ 1873 года образовались цѣлыя массы непроданныхъ товаровъ, которые представляли яснѣйшее доказательство пониженія потребленія и отчасти только въ 1880 году нашли себѣ сбытъ. Такъ объясняется то,

что въ Англіи въ 1878 году было потреблено менѣе, чѣмъ въ 1877 г.,—шерсти на 26 милл. ф. ст. и шелку на 900.000 ф.,—и, сверхъ того, всѣ магазины были переполнены товарами.

Всеобщее уменьшеніе потребленія этихъ предметовъ массоваго производства въ смутные годы отъ 1874 до 1879 г. возбудило взглядъ, что покупная сила всѣхъ народовъ земнаго шара уменьшилась въ неслыханной прежде степени; съ обезкураживающею яростью шествовало это угнетеніе такъ неудержимо впередъ, что люди не умѣли объяснить себѣ, на какомъ основаніи могло продолжаться во всей средней Европѣ и въ Америкѣ подобное стѣсненное положеніе вещей безъ малѣйшихъ признаковъ улучшенія. Съ ограниченіемъ массоваго потребленія были связаны и другія ограниченія пріобрѣтенія, которыя вызывали впечатлѣніе всеобщей нищеты. Лишь съ конца 1879 г. снова какъ будто повѣяло весною.

Такъ какъ уравненіе между производствомъ и потребленіемъ въ нынѣшней организаціи всемірнаго хозяйства, основанной на великомъ дѣленіи труда, выполняется только при помощи средствъ сообщенія, то ясно само собою, что изъ большей или меньшей живости движенія сношеній можно извлечь симптоматическій выводъ относительно хозяйственнаго положенія. Многолѣтнія наблюденія показываютъ, что при одинаковыхъ размѣрахъ потребленія и производства въ механическихъ и хозяйственныхъ учрежденіяхъ сношеній (желѣзныя дороги, судоходство, почты, телеграфы, банки, clearing и пр.) можетъ произвольно наступить болѣе или менѣе медленное движеніе, которое образуетъ вѣрный признакъ начавшейся перемѣны. Если прослѣдить этотъ симптомъ въ теченіе истекшаго десятилѣтія, то пригодность его указаній окажется справедливою. Прежде всего это показываютъ всякаго рода учрежденія транспорта. Желѣзныя дороги во всѣхъ цивилизованныхъ государствахъ земли имѣли съ 1870 до 1873, или до 1874 г. быстрое увеличеніе въ числѣ перевозимыхъ пассажировъ, въ количествѣ товаровъ и въ доходахъ, вытекающихъ изъ этихъ источниковъ; начиная же съ 1874 до 1878 г., а во многихъ странахъ и до 1879 г., обнаруживается неподвижное состояніе или упадокъ этихъ элементовъ, и притомъ во многихъ мѣстностяхъ въ столь высокой степени, что отсюда произошли не только хозяйственныя, но и соціальныя опасности. Факты эти проявлялись въ Великобританіи, во Франціи, въ Германіи, въ Австро-Венгріи, въ Нидерландахъ и пр. Какія размѣры при-

нялъ застой въ транспортѣ въ Сѣверной Америкѣ, видно изъ того, что потери владѣльцевъ акцій и облигацій обанкротившихся или малодоходныхъ желѣзныхъ дорогъ простирались въ 1877 году на 1.000 милл. долларовъ и не были въ состояніи помѣшать громадной желѣзно-дорожной стачкѣ, которая вспыхнула въ 1877 году и стоила, какъ извѣстно, многихъ человѣческихъ жизней. Въ 1879 и 1880 гг. снова появляется повсюду болѣе свѣжій ударъ пульса хозяйственнаго обращенія товаровъ. Благопріятныя повышенія появляются въ Сѣверо-Американскомъ Союзѣ, гдѣ упадокъ и повышеніе выступили всего интенсивнѣе; но также и въ Великобританіи, Франціи, Бельгіи, Австро-Венгріи со второй половины 1879 г. или съ начала 1880 г. размѣры транспорта и чистые доходы желѣзныхъ дорогъ стали болѣе или менѣе быстро повышаться, и только одна Италія, повидимому, находилась въ этомъ отношеніи въ 1880 г. въ неблагопріятныхъ хозяйственныхъ обстоятельствахъ. То же, что замѣчается въ движеніи желѣзныхъ дорогъ, подтверждается и относительно судоходства: живость построенія судовъ, число и вмѣстимость судовъ по флагамъ и по отношеніямъ грузовъ, входящихъ и выходящихъ изъ главныхъ портовъ, въ послѣднее время стали значительно возрастать. Въ томъ же смыслѣ говоритъ и увеличеніе движенія почтъ и телеграфовъ. Такъ, наприм., число посылокъ, газетъ и произведеній печати поднялось въ Великобританіи отъ 202 милл. въ 1871 г. до 254 милл. въ 1873 г., т. е. на 26 милл. въ годъ, тогда какъ съ 1873 по 1874 г. оно увеличилось только на 4 милліона. Число телеграммъ достигало здѣсь въ 1870 г. 8,6 милл., въ 1874 г.—19,1 милл.,—слѣд., прибавка въ годъ составляла 2,6 милл.; съ 1874 по 1878 г. число это возросло только до 22,5 милл.,—слѣд., въ годъ всего на 0,8 милл.

Теперь слѣдуетъ обратиться къ группѣ экономическихъ орудій сношенія, которыя могутъ быть наблюдаемы статистически въ денежномъ обращеніи, въ организаціи кредита, въ дѣятельности банковъ, счетныхъ учрежденій и пр. Одинъ изъ симптомовъ положенія въ предѣлахъ опредѣленнаго времени, въ теченіе котораго другіе элементы не испытываютъ большаго перемѣщенія, представляетъ потребность въ орудіяхъ обращенія. Количество денежныхъ суррогатовъ съ 1869 до 1873 года увеличилось на 1.679 милл. марокъ, но впослѣдствіи до 1879 г. послѣдовало уменьшеніе ихъ на 2.350 милл. марокъ, и въ связи съ этимъ обнаружилось накопленіе лежащей безъ употребленія наличности

въ такомъ обширномъ объемѣ, какого еще не знала исторія, такъ какъ запасы въ банкахъ поднялись съ начала экономическаго упадка, по меньшей мѣрѣ, до 1.100—1.200 милл. марокъ золотомъ и серебромъ. Если ужь этотъ симптомъ указываетъ на застой и на маразмъ, то то же самое имѣетъ значеніе для вексельнаго кредита: въ началѣ періода онъ расширился съ необычайною быстротой до 2.000 милл. марокъ, а съ 1874 г. испыталъ постепенное сокращеніе на сумму 1.200 милл. марокъ. Обороты двухъ величайшихъ счетныхъ учрежденій въ мірѣ clearing-houses въ Лондонѣ и Нью-Йоркѣ поднялись вмѣстѣ отъ 190 милліардовъ марокъ въ 1870—1871 г. до 256 милліардовъ въ 1873—1874 году; напротивъ, въ 1878—1879 г. они снова упали до 188 милліардовъ, т. е. прибыли къ пункту, который, въ виду увеличенія населенія въ этотъ періодъ, долженъ разсматриваться какъ чрезвычайный упадокъ. Насколько можно судить по этому симптому о повышеніи хозяйственнаго положенія, это видно изъ цифры общаго оборота обоихъ clearing-house'овъ въ 1879—1880 году, когда онъ дошелъ до 203 милліардовъ, а вторая половина 1880 года приноситъ столь быстро возвышающіяся суммы, что годичный оборотъ возросъ до 266 милліардовъ.

Интенсивность внѣшней торговли хотя и находится въ тѣсной связи съ дѣятельностью по сношеніямъ, имѣетъ еще особое симптоматическое значеніе, такъ какъ она даетъ часто возможность заключать о пониженіи или о повышеніи покупной силы одного народа относительно другихъ. Сильныя колебанія въ благосостояніи народовъ обнаруживаются въ дѣйствительности лишь въ крупныхъ чертахъ, если бросить взглядъ на торговую статистику послѣдняго десятилѣтія. Правда, цифры, предлагаемыя ею, во-первыхъ, не точны и, во-вторыхъ, не совпадаютъ съ сущностью дѣла: извѣстно, что вывозъ во всѣхъ странахъ контролируется въ таможняхъ гораздо меньше, чѣмъ ввозъ; извѣстно также, что большое число оборотовъ ускользаетъ отъ статистическаго наблюденія вслѣдствіе контрабандной торговли; и въ концѣ концовъ сравниваются между собою правильно только суммы цѣнностей, которыя суть произведеніе количествъ на цѣны, т. е. состоятъ изъ двухъ перемѣнныхъ величинъ, изъ которыхъ каждая имѣетъ иное симптоматическое значеніе и которыя часто движутся въ противоположномъ направленіи. Чтобы судить аналитически острѣе, слѣдовало бы сравнить количества складовыхъ товаровъ международной торговли между собою. Но даже и въ общихъ чер-

тахъ, которыми приходится ограничиваться въ этой области, симптоматическій характеръ размѣровъ торговли съ ясностью выступаетъ впередъ. Совокупные обороты внѣшней торговли главнѣйшихъ государствъ земли съ 1865 по 1872 г. ежегодно возрастали на 2.166 милл. марокъ, съ 1872 по 1873 г.—на 1.620 милл. марокъ, и, наоборотъ, съ 1873 по 1875 г. и съ 1876 по 1877 г. внезапно и сильно упали. Только въ 1878 г. возникаетъ начало лучшей эры въ видѣ увеличенія торговаго движенія на 1.100 милл. марокъ, и это послѣднее продолжается до 1879 и 1880 гг. Несомнѣнно, что эти колебанія, большею частью, возникли подъ вліяніемъ сначала понижающихся, а потомъ повышающихся цѣнъ товаровъ; но даже и то, что остается за вычетомъ этого фактора, достаточно для того, чтобы быть признаннымъ за сильный симптомъ. Уже публикованные торговые отчеты за 1881 годъ показываютъ для Соединенныхъ Штатовъ увеличеніе противъ предыдущаго года въ 308 милл. долл., для Великобританіи въ 74 милл. ф. стерл., для Франціи въ 482 милл. фр., для Австро-Венгріи въ 55 милл. флор., такъ что только одни эти государства повысили свою торговую дѣятельность въ одинъ только годъ на 3.300 милл. марокъ кругомъ. Возрожденіе силъ всемірнаго хозяйства можетъ быть выведено изъ этихъ признаковъ съ достовѣрностью даже и при томъ условіи, что отдѣльныя страны обнаруживаютъ еще обратное движеніе, каково, напр., положеніе дѣлъ въ Италіи.

Въ числѣ дальнѣйшихъ признаковъ хозяйственнаго положенія въ послѣднее десятилѣтіе слѣдуетъ еще обратить вниманіе на цѣны товаровъ и на заработную плату. Время хозяйственнаго благосостоянія съ 1870 по 1873 годъ обозначается всеобщимъ поднятіемъ цѣнъ товаровъ и заработной платы, такъ какъ предложеніе хозяйственныхъ силъ не могло идти равнымъ шагомъ со спросомъ на нихъ. Если бросить взглядъ на прейсъ-куранты Лондона, Гамбурга, Нью-Йорка, которые представляютъ правильные отчеты о цѣнахъ однихъ и тѣхъ же складовыхъ товаровъ, то верхнія точки цѣнъ волокнистаго сырья и фабрикатовъ желѣза, олова, мѣди, большей части съѣстныхъ припасовъ и колоніальныхъ товаровъ приходятся на годы 1873 и 1874. Ласпейресъ относительно гамбургскихъ цѣнъ вывелъ интересное наблюденіе, то никогда еще, сравнительно говоря, не было такъ много вздорожавшихъ товаровъ и такъ мало подешевѣвшихъ, какъ въ 1871 г. Но уже въ 1874 и 1875 гг. въ Нью-Йоркѣ

и Лондонѣ, а въ Гамбургѣ уже съ 1872 года, большая часть товаровъ начинаетъ падать въ цѣнѣ, сначала понемногу, потомъ все быстрѣе, и это продолжается отъ средины или до конца 1879 года и даетъ таблицѣ кривыхъ ясную картину упадка. Для этой понижающейся фазы Ласпейресъ снова показываетъ, на основаніи гамбургскихъ данныхъ, что въ Германіи съ 1873 по 1877 годъ подешевѣло болѣе товаровъ, чѣмъ это было въ теченіе сорока лѣтъ. Что касается Англіи, то, если принять за сто рыночныя цѣны великихъ складовыхъ товаровъ отъ 1845 до 1850 года въ Лондонѣ, — окажется, что 22 категоріи товаровъ, которыхъ совокупная цѣнность первоначально равнялась 2.200, въ 1870 г. поднялась до 2.689, въ 1873 г. до 2.947, а въ 1879 году снова упала до глубокой точки 2.225. Подобнымъ же образомъ удалось доказать Гиффену, что, лишь за малыми исключеніями, главные товары всемірнаго рынка подешевѣли въ Англіи съ 1873 по 1879 г. на 26—66%; уровень, на которомъ они находились въ 1878 г., былъ глубже, чѣмъ было указано въ лондонскихъ прейсъ-курантахъ съ 1850 года. По изслѣдованію Фовилля, торговыя цѣнности ввозныхъ товаровъ Франціи стояли въ 1877 году на 14,5, а вывозныхъ на 27,1% ниже, чѣмъ въ 1862 году. Итакъ, повсюду замѣчается одинаковый упадокъ цѣнъ. Это было самое дурное время, насколько дѣло идетъ о хозяйственномъ положеніи вообще; такъ какъ цѣны промышленныхъ произведеній понижались въ особенно интенсивной и не предвидѣнной степени, то промышленныя заведенія всѣхъ отраслей должны были пріостановить свою работу, крупныя фирмы въ Англіи и Америкѣ лопнули подъ давленіемъ низкихъ цѣнъ, пониженіе цѣнъ угля и желѣза вызвало въ соотвѣтствующихъ предпріятіяхъ Англіи потерю въ 60—70%. Хотя работа и продолжалась, но всѣ дѣловые отчеты единогласно заявляли, что, вслѣдствіе низкихъ цѣнъ, предпріятія сдѣлались бездоходны и даже убыточны.

Поворотъ обнаруживается столь же ясно въ симптомѣ поднятія цѣнъ, какъ обнаруживалась болѣзнь въ способствовавшемъ выздоровленію пониженіи цѣнъ. Первый оживляющій импульсъ проявляется въ Сѣверной Америкѣ: онъ начинается улучшеніемъ цѣны желѣза, рельсовъ, стали въ концѣ 1878 года и съ быстраго поднятія въ 1879 году; пенсильванское желѣзо поднимается въ 1878 году отъ 16,5 до 18,5 долл., потомъ до 28 и до 32,5 долл. въ 1879 г. и достигаетъ въ 1880 г. средней цѣны

въ 38 долл. за тонну, на подобіе хорошей цѣны въ 1873 году. Параллельно съ нею поднимается и глазговское желѣзо и достигаетъ временно отъ 40 шилл. въ 1879 г. до 73 шилл. за тонну въ 1880 г., и этотъ импульсъ перемѣщается съ одинаковымъ дѣйствіемъ въ другихъ направленіяхъ. Двадцать двѣ категоріи товаровъ *Economist'a*, о которыхъ шла рѣчь выше, поднялись теперь отъ своего глубочайшаго уровня въ 1879 году (2.225) въ теченіе года до 2.577, т. е. на 16%; важные складовые товары, какъ шерсть, хлопчато-бумажные товары и матеріи, шелковое сырье и пр., подверглись того же 1880 года новымъ повышеніямъ, а другіе, которыхъ повышеніе было чрезмѣрно, какъ желѣзо и рельсы, потеряли снова часть цѣны. Въ Сѣверной Америкѣ то же явленіе можно наблюсти у большаго числа товаровъ, и въ Германской имперіи недавно публикованныя цѣны оптовой торговли показываютъ въ 1880 году безъисключительное повышеніе цѣнъ противъ 1879 года, которое относительно превышаетъ одновременное движеніе на другихъ европейскихъ рынкахъ.

Въ связи съ цѣнами товаровъ и заработная плата въ истекшее десятилѣтіе также подвергалась колебаніямъ, которыя могутъ служить вѣрными признаками хозяйственнаго положенія не только потому, что они суть послѣдствія таковаго, но также и потому, что они непосредственно опредѣляютъ степень благосостоянія многочисленнѣйшаго слоя населенія. Аксіома старой политической экономіи, что заработная плата лишь медленно и отчасти слѣдуетъ за цѣнами товаровъ, модифицируется въ новѣйшее время настолько, насколько способы къ быстрому уравненію становятся совершеннѣе и ведутъ къ большему совпаденію между заработною платой и цѣнами, чѣмъ можно было бы разсчитывать отъ нынѣшней организаціи. Такъ, эпоха подъема хозяйственнаго положенія въ годы 1870—1873 обозначается быстрымъ повышеніемъ заработной платы, тогда какъ эпоха упадка съ 1874 по 1878 г. представляетъ сильное пониженіе, а эпоха возрожденія съ 1879 г.—постепенное повышеніе. Вотъ нѣсколько примѣровъ. Въ Англіи заработная плата чернорабочихъ въ угольныхъ копяхъ возросла отъ $4^3/_4$ ш. въ 1871 г. до $7^1/_4$ ш. въ 1873 г., а въ Шотландіи доходила и до $8^1/_2$ ш. въ день. Напротивъ, въ октябрѣ 1878 г. заработная плата упала до $2^3/_4$ ш., слѣдовательно почти на одну треть. Рабочій въ плавильной печи зарабатывалъ въ 1869 году только $3^3/_4$ ш., въ 1872 г. $7^1/_2$ ш., въ 1873 г. даже $8^1/_2$ ш. въ день, но въ 1876 г. долженъ былъ

снова довольствоваться $4^1/_2$ ш., а въ 1878 г. даже $2^3/_4$. Рабочій въ пуддлинговой печи получалъ съ топокъ въ 1868 году только 8 ш., въ 1873 г.—$13^1/_4$ ш., въ 1874 г.—$11^1/_2$ ш., въ 1878—1879 г.—отъ 7 до $7^1/_2$ ш. въ день. Подобныя же свѣдѣнія имѣются относительно индустріи волокнистыхъ веществъ, причемъ въ одинъ только годъ (1877—1878) заработная плата въ прядильныхъ и ткацкихъ сѣвернаго и сѣверо-восточнаго Ланкашира понизилась на 10%, а въ Ольдгемѣ на 15%. Какъ въ цѣнахъ товаровъ, такъ и въ заработной платѣ, въ началѣ и въ концѣ періода, противостоятъ одна другой крайности въ качествѣ симптомовъ хозяйственнаго положенія. Въ *Times* былъ однажды представленъ вѣроятный разсчетъ, что разность между платою, полученною британскими горнорабочими въ 1873 и въ 1878 годахъ, достигала около 26 милл. ф. стерл. Подобно Англіи, и въ Соединенныхъ Штатахъ колебанія были чрезмѣрныя; послѣ періода большой заработной платы наступилъ въ концѣ 1876 года сильнѣйшій упадокъ въ горныхъ округахъ Пенсильваніи, въ крупной индустріи и въ предпріятіяхъ сношеній и повелъ къ кровавымъ столкновеніямъ. Насколько до сихъ поръ имѣется матеріалъ изъ Америки, Англіи, Бельгіи и Германіи, онъ показываетъ, что съ начала 1880 года замѣтно нѣкоторое повышеніе заработной платы. Особенно изъ Америки идутъ преувеличенныя свѣдѣнія о повышеніи таковой въ земледѣліи, горномъ дѣлѣ, промышленности и торговлѣ.

Съ цѣною товаровъ и рабочихъ силъ стоитъ въ извѣстной взаимной связи цѣна пользованія капиталомъ; но еще лучше основать симптоматическое значеніе этого явленія на томъ, что періоды бодрой дѣятельности и духа предпріимчивости должны быть характеризуемы бо́льшимъ спросомъ на заёмные денежные капиталы, нежели времена застоя, поворота назадъ и отсутствія довѣрія. Также и въ этомъ отношеніи признакъ перемѣны условій слѣдуетъ видѣть не въ абсолютной высотѣ, а въ относительномъ колебаніи доступныхъ наблюденію величинъ. Не то явленіе, что уровень учета самъ по себѣ высокъ или низокъ, а то, какое отклоненіе испыталъ онъ отъ средняго состоянія въ теченіе извѣстнаго періода, и притомъ колебался ли онъ часто, или долго оставался неподвижнымъ—представляетъ важный признакъ. За послѣднія десять лѣтъ этотъ уровень можно узнать съ большою точностью, и вообще для Европы и Америки онъ даетъ ясныя указанія на положеніе, которое лишь случайно затемняется пре-

пятствіями, въ общемъ же выступаетъ въ прочныхъ и твердыхъ очертаніяхъ. Повсюду съ 1870 по 1873 г. встрѣчается непрерывное колебаніе уровня учета, которое указываетъ на возрастающую потребность въ займѣ капиталовъ и на живое движеніе всемірнаго рынка, а равно на построенную тенденцію, которая означаетъ интенсивное употребленіе денежныхъ капиталовъ. Наиболѣе значительный въ кредитномъ дѣлѣ всемірный банкъ въ Англіи, передъ тѣмъ періодомъ, съ котораго начинается сравненіе, мѣнялъ уровень учета по 2, по 3, всего болѣе по 7 разъ въ годъ, затѣмъ въ 1870 и 1871 гг. по 10, въ 1872 г. 14 разъ, а въ 1873 году 24 раза. Подобныя же явленія можно замѣтить въ банкѣ Франціи и въ германскомъ имперскомъ банкѣ. Съ 1874 года проявляется упадокъ учета, и, начиная съ этого года до 1878 г., снова учащаются перемѣны, причемъ процентъ доходитъ среднимъ числомъ на главныхъ денежныхъ рынкахъ Лондона, Парижа, Амстердама, Берлина, Вѣны, Франкфурта и Брюсселя въ 1875 г. до 4,01%, въ 1876 и 1877 гг. даже до 3,56, а въ Лондонѣ и до 2%. Незначительная производительность текучаго денежнаго капитала и безконечно малый духъ предпріимчивости не могутъ быть показаны яснѣе, какъ этими явленіями. По этимъ признакамъ оказывается, что солидарность всемірныхъ рынковъ вообще все болѣе ведетъ къ уравненію учета; большое и продолжительное пониженіе послѣдняго есть ясное доказательство излишества въ заемныхъ капиталахъ, которыхъ употребленіе не находится въ прежнемъ отношеніи къ собраннымъ запасамъ.

Вмѣстѣ съ перемѣною хозяйственнаго положенія понижается и повышается не только матеріальная возможность, но также и стремленіе, связанное съ довѣріемъ къ будущее, къ призванію въ жизнь новыхъ предпріятій или къ отысканію новыхъ плодотворныхъ помѣщеній для свободныхъ капиталовъ. Поэтому статистическое указаніе новыхъ учрежденій и выпусковъ, при критическомъ освѣщеніи, можетъ служить пригоднымъ симптомомъ положенія. Къ сожалѣнію, точныхъ свѣдѣній по этому предмету имѣется мало, хотя при публичности биржевыхъ фактовъ это и могло бы быть иначе. Въ общихъ чертахъ извѣстно, что кризисъ 1873 года былъ указанъ лихорадкою грюндерства, что обратные толчки, начиная съ 1874 года, необычайно уменьшили также и массу выпусковъ и что только съ 1879 года свѣжее дыханіе жизни снова повело къ нѣкоторой дѣятельности на этомъ попри-

щѣ. Согласно приблизительнымъ сообщеніямъ *Moniteur des intérêts matériels*, въ десятилѣтіе 1870—1879 гг. выпуски достигли 6.120 милл. марокъ, и это число въ годы 1871, 1872 и 1873 превосходилось столь сильно, что въ немъ можно видѣть вѣрный симптомъ болѣзненно возбужденной спекуляціи. Наибольшая доля подписной суммы вообще упадаетъ на публичные займы, вслѣдъ за нею идетъ подписка на желѣзныя дороги и другія промышленныя предпріятія и на послѣднемъ мѣстѣ на кредитныя учрежденія и банки. Въ годы 1874—1878 подписка вообще значительно уменьшилась, и только съ 1878 года начала снова возрастать. То же явленіе подтверждаютъ и данныя, относящіяся къ лондонской биржѣ, гдѣ въ 1872—1874 годахъ было дѣйствительно уплачиваемо по бумагамъ 1.100 милл. марокъ, а въ 1874—1878 гг. только 800 милл. мар., тогда какъ въ 1879 году снова болѣе 1.000 милл. мар. Такъ, въ Великобританіи съ 1 іюня 1878 по 1879 годъ было основано всего 922 новыхъ акціонерныхъ общества съ капиталомъ въ 83,3 милл. ф. ст., а въ такой же періодъ 1879—1880 г.—уже 1.171 акціонерное общество съ капиталомъ въ 123,8 милл. ф. ст. Во Франціи выпуски въ первый семестръ 1879 года достигли всего 350 милл. фр., въ первый же семестръ 1880 г. они были впятеро болѣе—1.748,4 милл. фр., въ теченіе же всего 1880 г. кругомъ 4.000 милл. фр., не считая бельгійскихъ, австро-венгерскихъ и русскихъ займовъ, которые были выпущены не прямо на парижскій рынокъ. Въ Германской имперіи тѣ операціи, которыя дѣйствительно имѣли въ виду новые денежные займы въ первый семестръ 1872 г., обнимали только 142,2 милл. мар., тогда какъ въ тотъ же промежутокъ 1880 года выпуски достигли здѣсь 659,6 милл. мар., причемъ на индустріальныя общества пошло всего 25,1 милл., а остальное—на помѣщенные въ Германіи иностранные государственные займы. Въ Австріи въ 1880 году замѣтно, напротивъ, уменьшеніе противъ 1874 г.—170 милл. флориновъ, вмѣсто 271, но за то въ 1880 году въ первый разъ бо́льшая часть выпусковъ пошли не на государственные займы, а на желѣзныя дороги, коммерческія и промышленныя цѣли (54,4 милл. фл.). Доходность бумагъ была наибольшая въ годы 1870—1873, въ 1874 отсутствовала, а въ 1879 и 1880 гг. снова начала подниматься. Такъ, напр., на лондонской биржѣ въ іюлѣ 1873 года обезцѣненіе иностранныхъ фондовъ достигло 49,2 милл. ф. стерл., а въ октябрѣ 1875 года — 157,8 милл. Сюда же при-

соединились потери акціонерныхъ банковъ: семь англійскихъ и семь шотландскихъ банковъ, согласно *Economist*'у, понесли потерю на курсѣ въ 1878 году на 10,8 милл. фунт. стерлингъ, и относительно крупной англійской индустріи извѣстно, что различныя общества бумаго-пряденія и ткачества въ Ольдгемѣ съ января 1877 до 1879 года потерпѣли абсолютную потерю въ цѣнности акцій на 1.300.000 ф. стерл. Впрочемъ, въ 1880 году курсы снова значительно поднялись. Въ Американскомъ Союзѣ обезцѣненіе желѣзно-дорожныхъ акцій съ 1873 по 1877 годъ опредѣлялось въ 1 милліардъ долларовъ, изъ которыхъ 600 милл. пошли на пониженіе курсовъ, а 400 милліоновъ недостало на конкурсахъ. Улучшеніе положенія съ сентября 1879 года снова покрыло большую часть этой потери. Подобныя же колебанія происходили и въ Австро-Венгріи.

Дальнѣйшій симптомъ хозяйственнаго положенія представляютъ банкротства. Къ сожалѣнію, имѣющійся по отношенію къ нимъ матеріалъ носитъ, большею частью, частный характеръ и потому не отличается полнотой. Въ Великобританіи и въ Ирландіи, начиная съ 1870 года, число банкротствъ довольно быстро возросло отъ 8.151 до 16.637 (1879 г.), но въ 1880 г. было уже нѣсколько меньше (13.147). Особенно замѣчательна при этомъ группировка, съ одной стороны, по большимъ предпріятіямъ, а съ другой—по мелкимъ, какъ равно въ этихъ послѣднихъ опять-таки по отдѣльнымъ отраслямъ индустріи и торговли. Первыя достигли низшаго пункта упадка уже въ 1878, вторыя только въ 1879 году, и опасности, которыя испытываютъ такія отрасли, какъ индустрія волокнистыхъ веществъ, также даютъ себя понять изъ статистики банкротствъ. Подобный же ходъ имѣли банкротства и въ Сѣверной Америкѣ. И здѣсь наименьшее число банкротствъ упадаетъ на годы 1869—1872; вторая половина 1876 года уже указываетъ слѣды упадка, который продолжаетъ возрастать постоянно до 1878 года и здѣсь наноситъ наибольшія потери, тогда какъ въ 1879 и 1880 годахъ наступаетъ возрожденіе. Такъ, съ 1866 по 1872 годъ здѣсь было ежегодно по 2.689 банкротствъ съ потерею 83 милл. долл. капитала, въ 1873—1878 гг.—7.866 съ потерею 200 милл., въ 1879 г.—6.658 съ потерею 98 милл., въ 1880 г.—4.735 съ потерею въ 65 милл. Подобный же ходъ дѣла былъ во Франціи и въ Австріи.

Въ благопріятный періодъ 1870—1873 гг. ни въ одной части образованнаго міра не слышно ничего о безработицѣ; случай къ

заработку всюду предлагался необыкновенно легко. Но уже въ 1874 году начинаются уменьшенія рабочаго времени на фабрикахъ и разсчитыванія рабочихъ; они достигаютъ высшаго пункта въ 1876 и 1877 годахъ; какъ въ Англіи, такъ и въ континентальныхъ странахъ можно прослѣдить это явленіе въ наибольшемъ числѣ крупныхъ отраслей промышленности; они достигли самаго ужаснаго состоянія въ Соединенныхъ Штатахъ, гдѣ въ началѣ 1877 года число праздныхъ рабочихъ достигало ½ милліона, а число тѣхъ, которые имѣли занятія лишь по нѣскольку дней въ недѣлѣ, было также весьма велико; въ концѣ 1877 г. президенты рабочихъ союзовъ опредѣляли число незанятыхъ рабочихъ въ 2 милліона человѣкъ. Начиная съ 1879 года, прекращаются эти жалобы въ Америкѣ, вскорѣ послѣ того въ Англіи и въ западной Европѣ. Въ настоящее время имѣется еще мало положительныхъ свѣдѣній о числѣ рабочихъ въ горныхъ предпріятіяхъ, въ металлургической индустріи и въ индустріи волокнистыхъ веществъ въ 1880 году, чтобы можно было сдѣлать опредѣленныя заключенія; но всѣ признаки даютъ возможность думать, что число рабочихъ всюду снова было увеличено, а именно Американскій Союзъ имѣетъ большую потребность въ рабочихъ.

Съ большею или меньшею промышленною дѣятельностью находятся въ связи также и стачки. Не только число ихъ, но и теченіе представляетъ характеристическій симптомъ: если онѣ кончаются исключительно въ пользу предпринимателей, то это указываетъ на ослабляющуюся коньюнктуру; если же, напротивъ, теченіе ихъ благопріятно для рабочихъ, то отсюда можно вывести возрастающій спросъ. Страны, въ которыхъ эти факты опять-таки могутъ быть всего лучше наблюдаемы — Англія, Сѣверная Америка, Франція и Бельгія. Одна, заслуживающая большаго вниманія, работа Bevan'a *) даетъ намъ по отношенію къ Британской имперіи такое сравненіе, которое дѣлаетъ ненужными всякія подробности. Число извѣстныхъ стачекъ въ то время простиралось:

Въ 1870 г.	до	30		въ 1875 г.	до	245
» 1871 »	»	98		» 1876 »	»	229
» 1872 »	»	343		» 1877 »	»	180
» 1873 »	»	355		» 1878 »	»	268
» 1874 »	»	286		» 1879 »	»	308

*) *G. Ph. Bevan*: „The Strikes of the past ten years“. *Journal of the Statist. Society*. 1880, vol. III, p. 35.

Быстрое увеличеніе въ 1872 и 1873 гг. означаетъ интенсивный спросъ на работу, который велъ рабочихъ къ преувеличеннымъ (?) требованіямъ; потомъ слѣдуетъ, соединенное съ застоемъ, уменьшеніе до 1878—1879 г., когда новое увеличеніе числа стачекъ происходитъ отъ противоположныхъ причинъ, именно потому, что предприниматели стремятся эксплуатировать свое относительно благопріятное положеніе. Изъ всѣхъ стачекъ наибольшее число упадаетъ на рабочихъ-строителей (598), на металлургическую промышленность (390), на угольныя копи (339) и на промышленность волокнистыхъ веществъ (440). Группировка эта безошибочно указываетъ на хозяйственное положеніе. Подобно Англіи, и въ Американскомъ Союзѣ высшій пунктъ стачекъ, что касается до ихъ объема, приходится на время наибольшей предпринимательской дѣятельности, т. е. на годы 1870—1872; въ это время произошли громадныя пріостановки работъ въ антрацитныхъ копяхъ Пенсильваніи (1871 г.) и въ Нью-Йоркѣ (1872 г.), въ которомъ 90.000 рабочихъ боролись за сокращеніе рабочаго времени. Съ 1874 по 1875 г. стачки продолжаются въ угольныхъ копяхъ; второй высшій пунктъ совпадаетъ съ эпохою большой нужды въ годы 1876—1877; тогда уменьшеніе платы и изгнаніе рабочихъ повели къ возстанію въ Пенсильваніи, гдѣ члены рабочихъ союзовъ, за насиліе противъ своихъ товарищей, подверглись драконовскимъ мѣрамъ. Потомъ послѣдовали стачки желѣзно-дорожныхъ рабочихъ на дорогѣ Балтимора и Огіо, которыя также приняли громадные размѣры, и большое число сопутствующихъ стачекъ на фабрикахъ. Съ 1878 года соціальное напряженіе нѣсколько ослабѣло. Подобныя же симптоматическія состоянія встрѣчаются во Франціи, особенно въ послѣднее время въ Бельгіи, гдѣ они ведутъ за собою значительныя движенія рабочихъ въ Геннегау и въ другихъ провинціяхъ, въ Германіи,— словомъ, во всѣхъ государствахъ, имѣющихъ интенсивное хозяйство.

Въ связи съ высшею и низшею заработною платой, со спросомъ или съ отказомъ въ работѣ, съ легкостью или трудностью полученія мѣстнаго заработка, переселеніе людей въ послѣднее десятилѣтіе преслѣдовало различныя цѣли и достигало различнаго объема. Эмиграція и иммиграція, вслѣдствіе необыкновенной быстроты и дешевизны перемѣщенія, имѣютъ въ настоящее время не только большее количественное значеніе, чѣмъ прежде, но, что важно для ихъ оцѣнки, какъ симптома положенія, онѣ пріобрѣли

удивительную подвижность и эластичность. Наиболѣе привлекательный пунктъ для массъ людей, которые желаютъ уйти отъ конкурренціи густо населенныхъ странъ Европы, представляютъ Соединенные Штаты. Удобство заработка въ годы 1870—1879, какъ видно изъ многихъ фактовъ, сильно измѣнилось въ этой странѣ; согласно съ этимъ, иммиграція съ 1870 по 1873 г. необыкновенно возросла, а съ 1874 по 1878 г. сила привлекательности настолько уменьшилась, что не только иммиграція постоянно уменьшалась, но, какъ увѣряютъ, въ теченіе извѣстнаго времени (1877 и 1878 гг.) почти столько же народу ежегодно уѣзжало изъ Союза въ Канаду и въ другія страны, сколько прибывало новыхъ эмигрантовъ. Въ 1879 году вмѣстѣ съ экономическимъ благосостояніемъ возрастаетъ снова и охота къ переселенію и достигаетъ втораго кульминаціоннаго пункта съ 1880 года, когда снова повышается до цифры 1872—1873 г. (457.257 и 459.863). Несомнѣнно, что въ 1881 году эмиграція была еще больше, такъ какъ, напримѣръ, въ одномъ только маѣ 1881 г. переселилось въ Америку не менѣе 117.482 лицъ. Вліяніе, которое оказала эта привлекательная область на различныя европейскія государства, было неодинаково. Въ Великобританіи оно проявилось такимъ образомъ, что съ 1870 по 1873 годъ эмиграція и иммиграція возрастали почти равномѣрно, но безъ того, чтобы послѣдовало значительное уменьшеніе людей, тогда какъ въ теченіе тѣхъ же лѣтъ въ Германіи и въ сосѣднихъ странахъ происходитъ еще значительная эмиграція; начиная съ 1874 года, какъ въ Великобританіи, такъ и въ германскихъ портахъ эмиграція уменьшается почти внезапно и остается на необычно низменномъ уровнѣ до 1878 или 1879 г.; въ 1879 и 1880 гг. она снова принимаетъ грандіозные размѣры. Какъ показалъ Гиффенъ относительно Великобританіи, согласно новымъ опытамъ, необходимо вообще сказать, что во времена хозяйственнаго благосостоянія характеристична живость переселеній и отлива людей изъ Европы, а во время упадка, напротивъ, запозданіе этихъ явленій. Отсюда, между прочимъ, видно, какъ осторожно нужно относиться къ проектамъ эмиграціи, если естественное и самопроизвольное переселеніе происходитъ только при благопріятныхъ условіяхъ хозяйства, а не во время безработицы и застоя. По послѣднимъ извѣстіямъ, въ 1880 году изъ одного только Ливерпуля выѣхало 183.503 переселенца, т. е. на 65.588 болѣе, чѣмъ въ предыдущемъ году; въ томъ числѣ было 103.912 британскихъ поддан-

ныхъ. Такимъ же образомъ высота нѣмецкаго выселенія въ 1880 году оффиціально показывается въ 106.191 лицо, т. е. на 72.864 больше, чѣмъ въ 1879 г. Соотвѣтственно этому, цифра иммиграціи въ Соединенные Штаты во весь календарный 1880 годъ была 523.703, сравнительно съ 250.565 въ 1879 г.; въ одномъ только Нью-Йоркѣ, въ «Board of Trade Commissioners», было регистровано въ 1880 г. 327.371 переселенцевъ, сравнительно съ 140.760 въ 1879 г. Внимательное статистическое наблюденіе эмиграціи и иммиграціи, какъ позволяютъ заключить грубыя очертанія явленія, имѣло бы большую цѣнность какъ для соціологіи, такъ и для политики. Къ сожалѣнію, большинство европейскихъ правительствъ знаетъ только на половину или вовсе не знаетъ числоваго матеріала, котораго полное и многолѣтнее сравненіе было бы до настоящаго времени дѣломъ невозможности.

Причинная связь между благосостояніемъ и измѣняющеюся степенью увеличенія населенія въ своей общей идеѣ должна считаться несомнѣнной; только въ настоящее время никто уже не станетъ признавать въ рождаемости, численности браковъ и смертности, самихъ по себѣ, неоспоримаго мѣрила благосостоянія по націямъ и странамъ, а скорѣе обратитъ вниманіе на двѣ слѣдующія вещи. Съ одной стороны, хозяйственныя явленія представляютъ лишь одинъ изъ многихъ элементовъ, которые оказываютъ своимъ взаимодѣйствіемъ вліяніе на движеніе народонаселенія; съ другой же стороны, не высота численности браковъ, рождаемости и смертности, какъ таковыя, а колебанія этихъ цифръ и ихъ уклоненія отъ средней—представляютъ пригодный симптомъ хозяйственнаго положенія. Симптоматическое значеніе сообщаемыхъ здѣсь данныхъ всего лучше можетъ быть характеризовано слѣдующими словами Энгеля: «они представляютъ весьма чувствительный барометръ, хотя сами по себѣ они столь же не достовѣрный инструментъ, какъ и дѣйствительный барометръ для показанія хода погоды; перемѣна ихъ зависитъ отъ благосостоянія населенія, но столь же мало состоитъ подъ господствомъ его одного, какъ и погода подъ градусомъ давленія воздуха». Если какой-либо періодъ можетъ объяснить эту взаимную связь, то это—десятилѣтіе 1870—1879 г. Благопріятные, характеризующіеся сангвиническимъ довѣріемъ, годы отъ 1870 до 1873 приводятъ за собою значительное увеличеніе числа браковъ во всѣхъ тѣхъ странахъ, гдѣ тому не противодѣйствуютъ мѣстныя причины и гдѣ хозяйственный подъемъ влечетъ къ предпріимчивости, особенно

въ Великобританіи, Германіи, Бельгіи, Австро-Венгріи, Голландіи. Такъ какъ въ заключеніи браковъ проявляется больше выбора, нежели въ рождаемости и смертности, то въ цифрахъ браковъ реакціи хозяйственнаго положенія обнаруживаются съ замѣчательною силой. Начиная съ 1873—1874 г., число браковъ почти во всѣхъ странахъ постоянно уменьшается; даже тамъ, гдѣ ихъ учащеніе лишь позже достигло кульминаціоннаго пункта, какъ въ Италіи, въ Швейцаріи, въ Норвегіи и въ Даніи, неблагопріятность хозяйственнаго положенія, тѣмъ не менѣе, проявляется въ теченіе 1876 и 1878 годовъ уменьшеніемъ численности браковъ. Только въ концѣ 1879 года чувствуется то здѣсь, то тамъ возрастающее довѣріе. Въ Сѣверной Америкѣ, гдѣ всего яснѣе могла бы быть прослѣжена эта связь, какъ извѣстно, не существуетъ статистическихъ показаній о движеніи населенія; для большей же части европейскихъ государствъ имѣющіяся данныя достигаютъ лишь 1879 года. На основаніи таковыхъ, за исключеніемъ одной Италіи, число браковъ въ Англіи и Валлисѣ, Германіи, Франціи, Бельгіи, Голландіи, Австріи уменьшилось съ большою силой, такъ что гдѣ приходилось въ 1870 году по 8,0 браковъ на 1.000 жителей, тамъ въ 1879 г. ихъ было уже только 7,2 (Англія), а въ Австріи на мѣсто 9,8 браковъ стало только 7,6. Всего очевиднѣе вліяніе внушавшей довѣріе спекуляціонной эпохи 1870—1873 гг., сравнительно съ глубокимъ упадкомъ въ годы 1877—1878, если констатировать общій результатъ изъ обширнаго матеріала цифръ, обнимающихъ 12 европейскихъ государствъ, что въ тѣ лучшіе годы въ этихъ государствахъ было заключено въ совокупности 1.785.200 браковъ, а въ худшіе только 1.465.000; слѣд. уменьшеніе въ 320.000 браковъ въ годъ.

Въ прочихъ элементахъ движенія населенія власть экономическихъ отношеній признается лишь съ трудомъ. Въ большей части государствъ можно наблюсти замѣтное уменьшеніе рождаемости только въ 1876 году. Въ связи съ этимъ, также и относительная смертность населеній европейскихъ государствъ достигаетъ высшаго пункта въ теченіе всего десятилѣтія не въ тѣ годы, которые слѣдуетъ разсматривать какъ неблагопріятные съ хозяйственной точки зрѣнія, а еще въ то время, когда высокія цифры рождаемости, съ ихъ извѣстною дѣтской смертностью, оказываютъ свое значеніе. Замедленіе возрастанія населенія вслѣдствіе кризиса можно констатировать, лишь по исключенію, въ нѣсколькихъ государствахъ; вообще же хозяйственный упадокъ

не успѣлъ еще произвести въ этомъ отношеніи никакихъ глубокихъ слѣдовъ; правда, слѣдуетъ помнить, что результаты должны были обнаружиться не раньше 1879 и 1880 гг. Такимъ же образомъ и качество рождаемости и смертности не даетъ подмѣтить никакой причинной связи съ хозяйственнымъ положеніемъ; ни число незаконныхъ, ни число мертворожденныхъ дѣтей не испытали колебанія, согласнаго съ характеристикою соотвѣтствующихъ годовъ; самое большее, что можно утверждать, это то, что участіе противоестественныхъ видовъ смерти въ совокупной смертности съ 1865 года въ большей части государствъ зависѣло отъ хозяйственныхъ причинъ.

Изображеніе хозяйственнаго положенія до сихъ поръ доставляло намъ симптомы, которыхъ числовое указаніе, хотя и съ различною степенью точности, было проведено почти повсюду и которые допускаютъ между собою полное сравненіе. Столь же опредѣляющимъ образомъ дѣйствуетъ степень общаго благосостоянія и въ особенности внезапное и неожиданное разстройство имущественныхъ отношеній на численность самоубійствъ. Увеличеніе хроническаго самоубійства во всѣхъ культурныхъ государствахъ съ 1873 года представляетъ столь очевидное явленіе, что его нельзя просмотрѣть даже при поверхностномъ наблюденіи. Новѣйшее изученіе разъяснило этотъ фактъ общимъ аналитическимъ различеніемъ. Въ 22 европейскихъ государствахъ, отношенія которыхъ изложилъ Іохникъ съ этой точки зрѣнія, численность самоубійствъ съ 99 на 1 милліонъ жителей въ пятилѣтіе 1871—1875 гг. поднялась до 119 на 1 милліонъ жителей въ пятилѣтіе 1876—1880 гг. Такимъ же образомъ и Ёттингеръ показалъ для 20 избранныхъ странъ Европы по-истинѣ лавинообразное увеличеніе самоубійствъ въ послѣднія 5 лѣтъ, констатируя этотъ фактъ слѣдующимъ образомъ:

Въ 1875	г.	20.208	самоубійствъ,	т. е. 80	на 1 милл. жителей
» 1876	»	21.638	»	» 85	»
» 1877	»	23.654	»	» 92	»
» 1878	»	24.910	»	» 97	»

Этотъ результатъ покажется еще болѣе замѣчательнымъ, если обратить вниманіе на то, что оффиціальныя статистическія цифры далеко не обнимаютъ всѣхъ самоубійствъ, не говоря уже о безчисленныхъ покушеніяхъ на самоубійства. Точные знатоки отношеній поэтому вполнѣ убѣждены въ симптоматическомъ характерѣ интенсивности самоубійствъ.

Н. З.

НОВАЯ ИРЛАНДІЯ.

А. М. Сулливана.

(Переводъ съ англійскаго.)

XX *).

Феніанское движеніе.

Легкое подавленіе заговора Фёникса въ 1858 году повело ко многимъ ложнымъ заключеніямъ. Всякому казалось, что тѣмъ дѣло и кончится. Многіе относились къ нему даже насмѣшливо. Подсудимые были освобождены. Попытка подготовить революцію путемъ тайныхъ обществъ, очевидно, потерпѣла пораженіе и была оставлена. Вмѣстѣ со многими другими я былъ настолько поглощенъ этимъ впечатлѣніемъ, что приходилъ въ негодованіе, когда, во время нашихъ ходатайствъ за подсудимыхъ передъ властями, узналъ, что въ Нью-Йоркѣ нѣкоторыя личности позволяютъ себѣ выходки, тревожащія и раздражающія правительство. Конечно, еслибъ у насъ были какія-нибудь данныя или подозрѣнія, что движеніе еще не умерло, мы не предпринимали бы такихъ ходатайствъ, да они и не могли бы имѣть успѣха. Даже нѣкоторые изъ бывшихъ прежде членами общества Фёникса вполнѣ вѣрили, что проектъ тайной организаціи оставленъ навсегда.

Но тутъ-то въ первый разъ выяснилось то обстоятельство, которое впослѣдствіи должно было оказать громадное вліяніе на теченіе всѣхъ дѣлъ въ Ирландіи. До сихъ поръ исходный пунктъ всѣхъ мятежныхъ и революціонныхъ попытокъ находился внутри самой страны. Правительство всегда имѣло возможность поразить

---

*) *Русская Мысль*, кн. VI.

движеніе въ самое сердце. Теперь же въ первый разъ база революціонныхъ операцій была основана внѣ Ирландіи. Народъ не сразу понялъ всю громадную разницу, какую произвела эта перемѣна въ отношеніи къ ирландскому недовольству. Пока Дублинъ оставался главною квартирой недовольныхъ, ихъ планы, личная свобода, судьба и имущество всегда были въ рукахъ правительства. Совсѣмъ не то получилось, когда база была перенесена въ Америку, а главная квартира въ Нью-Йоркъ, тогда какъ королевская власть не достигала Мангетэна.

Поэтому пораженіе попытки Фёникса въ Ирландіи было въ глазахъ американскихъ организаторовъ лишь промахомъ перваго выстрѣла. На нѣкоторое время они рѣшили оставаться спокойными, а затѣмъ снова начать борьбу.

Нѣтъ сомнѣнія, что тайное революціонное общество, управляемое искусною рукой, есть страшная сила: оно имѣетъ громадныя преимущества; оно можетъ входить въ среду всѣхъ другихъ организацій и пользоваться ими; оно можетъ деморализировать ряды ихъ хитрыми комбинаціями; оно можетъ претендовать на такое вліяніе и силу, которыхъ никто не въ состояніи провѣрить или измѣрить, а потому и оспаривать или опровергнуть. Всякому общественному дѣятелю, заслужившему его ненависть, ударъ можетъ быть нанесенъ безъ всякой возможности отвѣтить на него тѣмъ же. Онъ можетъ чувствовать нападеніе, но не видѣть и не быть въ состояніи достать своихъ противниковъ.

Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ мнѣ самому пришлось переживать этотъ фактъ, испытывать его истинность и силу на самомъ себѣ. Помимо того антагонизма, которому долженъ былъ подвергнуться со стороны вождей-сепаратистовъ всякій редакторъ *Nation*—органа партіи О'Брайена и Гавана Дуффи или націоналистовъ граттановскаго типа, я имѣлъ несчастіе съ самаго начала заслужить ихъ спеціальное нерасположеніе. Мнѣ кажется, что Стефенсъ отъ чрезмѣрнаго пренебреженія вліяніемъ *Nation* перешелъ къ его преувеличенію. Онъ думалъ или показывалъ видъ, что думаетъ, будто причиной пораженія попытки Фёникса были главнымъ образомъ увѣщанія *Nation*. Это былъ человѣкъ, который за все, что бы ни случилось съ его планами, всегда обвинялъ кого-нибудь другаго, но никогда самого себя. Основаніемъ системы, которую онъ проповѣдывалъ, всегда была абсолютная и безотчетная вѣра въ него, въ его непогрѣшимую

проницательность и всепобѣждающій талантъ, что впослѣдствіи было съ немалою горечью подтверждено многими его товарищами, какъ, напримѣръ, О'Коннором, д-ромъ Мулькеги, Девоемъ и другими. Онъ очень искусно отвращалъ отъ себя упрекъ за неудачу своей первой попытки, постоянно повторяя, что все это было сдѣлано Сулливаномъ и *Nation*. Съ его точки зрѣнія заключеніе, къ которому онъ такимъ образомъ приходилъ, было совершенно понятно. Оно гласило, что, ради успѣха въ будущемъ, необходимо во что бы то ни стало уничтожить и Сулливана, и *Nation*, и все противодѣйствіе конституціонной политики. Политика Дуффи была вполнѣ испробована въ періодъ отъ 1850 до 1853 г.; теперь конституціонные націоналисты должны отойти въ сторону и уступить поле дѣйствія людямъ, обладающимъ болѣе смѣлыми планами. Ирландія можетъ быть спасена однимъ, и только однимъ, путемъ—это силой оружія. Всякое усиліе, слово или предложеніе, отвращающія народъ отъ этого единственнаго средства, считались вещами преступными, достойными быть раздавленными сильною рукой. Газеты, митинги, рѣчи, открытыя общества или организаціи были объявлены въ высшей степени вредными. Словомъ, всякое выраженіе общественнаго мнѣнія было остановлено, всякое отступленіе запрещено; вся энергія должна была сосредоточиться на одной великой задачѣ—заговорѣ.

Съ такими чувствами, принципами и цѣлями Стефенсъ принялся за перестройку своей потрясенной организаціи.

Хотя большая часть національныхъ вождей, извѣстныхъ ирландскому народу по движенію «сорокъ восьмого года», держались въ сторонѣ отъ этого дѣла, или осуждали его,—Стефенсу и его послѣдователямъ удалось заручиться содѣйствіемъ нѣсколькихъ личностей, которыхъ рѣдкія способности и непобѣдимое мужество и преданность составляли безцѣнное пріобрѣтеніе для такого движенія. Прежде всего между ними должны быть указаны Чарльзъ Джонъ Кикгамъ, Джонъ О'Лири и Томасъ Кларкъ Люби.

Чарльзъ Кикгамъ сначала готовился къ докторской профессіи, которой все время служили О'Лири и Люби. Онъ принадлежалъ къ семейству съ приличнымъ положеніемъ въ Муллинагонэ, въ Типперари, которое пользовалось довѣріемъ народа на многія мили въ округѣ. Чарльзъ съ юношескаго возраста былъ любимцемъ населенія. Въ самые горячіе моменты феніанскаго движенія онъ былъ единственнымъ человѣкомъ изъ партіи, къ которому даже жесточайшіе враги движенія питали теплыя чув-

ства и выказывали дружескія отношенія. Неожиданный случай испортилъ его шансы на успѣхъ въ медицинской карьерѣ. Онъ былъ любителемъ охоты. Однажды вечеромъ, послѣ цѣлаго дня ходьбы по горамъ съ собакой и ружьемъ и промокши до костей, онъ сидѣлъ передъ огнемъ съ намѣреніемъ высушить содержимое своей отсырѣвшей пороховницы. Когда онъ перемѣшивалъ или осматривалъ порохъ, искра отъ торфянаго костра попала въ пороховницу; произошелъ взрывъ и опалилъ ему все лицо. Послѣ этого ему пришлось долго лежать въ постели и едва совсѣмъ не лишиться зрѣнія. Когда же онъ оправился, то его слухъ оказался почти совершенно разстроеннымъ, а зрѣніе сильно испорченнымъ *). Это несчастіе еще болѣе расположило народную симпатію въ пользу молодого Чарльза. Онъ занялся литературой и помѣстилъ въ небольшомъ журналѣ *Celt* нѣсколько дѣйствительно прекрасныхъ стихотвореній, а также нѣсколько разсказовъ изъ жизни ирландскихъ крестьянъ, гдѣ выказалъ сильный талантъ. Тѣ, кто зналъ его мягкую и любящую натуру, его скромный и сосредоточенный характеръ, его сдержанные пріемы,—были сильно удивлены, найдя его въ передовыхъ рядахъ такого предпріятія, какъ феніанское движеніе. Однакожъ необходимо замѣтить, что своей извѣстностью Кингамъ обязанъ только своему писательству.

Джонъ О'Лири несомнѣнно былъ однимъ изъ самыхъ способныхъ и замѣчательныхъ людей во всей тайной организаціи. Интеллектуально и политически онъ принадлежалъ къ типу Вольфа Тона, Роберта Эммета и Джона Митчеля. Одинъ очевидецъ, описывая его во время суда 1865 года, говоритъ: «Онъ выступилъ впередъ съ искрами огня въ темныхъ глазахъ и съ мрачнымъ выраженіемъ на лицѣ; съ ненавистью и недовѣріемъ смотрѣлъ онъ на судей, адвокатовъ, присяжныхъ и всѣхъ остальныхъ. Глаза всѣхъ были устремлены на него; онъ былъ изъ тѣхъ личностей, одинъ внѣшній видъ которыхъ уже привлекаетъ всеобщее вниманіе и обнаруживаетъ далеко не обыкновенный характеръ. Онъ былъ высокаго роста, слабаго сложенія и имѣлъ видъ джентльмена. Каждая черта его тонкаго, угловатаго лица говорила объ огромной умственной энергіи и рѣшимости; его блѣд-

*) Позднѣе бѣлая пыль и солнечный свѣтъ въ Портлэндской тюрьмѣ, съ сожалѣніемъ долженъ я прибавить, почти совершенно лишили его зрѣнія; а когда я видѣлъ его въ послѣдній разъ, то глухота позволяла разговаривать съ нимъ только при помощи подвижныхъ буквъ. *Прим. авт.*

ный цвѣтъ казался совершенно мертвеннымъ отъ рѣзкаго контраста съ длинными черными волосами, ниспадавшими усами и бородой. Легко было видѣть, что, заперши О'Лири въ клѣтку подсудимыхъ, правительство имѣло дѣло съ гордымъ духомъ, способнымъ и рѣшительнымъ врагомъ». Онъ родился въ городѣ Типперари отъ семейства съ выдающимся положеніемъ и получилъ въ наслѣдство отъ родителей небольшую собственность съ 300—400 фунтовъ годоваго дохода. Онъ воспитывался въ Дублинскомъ университетѣ, а свою медицинскую степень получилъ въ Коркскомъ колледжѣ. Онъ жилъ въ теченіе нѣкотораго времени въ Парижѣ, гдѣ его вкусы, пріемы, мнѣнія, принципы и пріобрѣли ту форму и тотъ отпечатокъ, которые онъ обнаружилъ въ своей послѣдующей карьерѣ. Онъ ѣздилъ также въ Америку, гдѣ и познакомился съ людьми, проектировавшими и задумавшими феніанское движеніе. Это былъ человѣкъ высоко образованный и большихъ литературныхъ способностей. Я встрѣчалъ его нѣсколько разъ въ домѣ д-ра Кевина Изода О'Догерти, котораго жена, поэтесса «Эва», была его двоюродною сестрой. Онъ былъ сдержанъ, лаконичен, почти циниченъ,—тонкій наблюдатель, острый критикъ, полный сдержанной страсти.

Томасъ Кларкъ Люби родился также въ Типперари, но, въ отличіе отъ своихъ товарищей, былъ протестантъ; его дядя, преподобный д-ръ Люби, былъ одинъ изъ старшихъ членовъ Троицкой коллегіи въ Дублинѣ. Люби былъ уже не новичкомъ въ дѣлѣ возстаній. Въ 1848 г. онъ былъ очень молодъ; тѣмъ не менѣе уже и тогда считался дѣятельнымъ членомъ крайне-революціонной партіи митчелитовъ. Съ 1849 до 1854 года онъ занимался случайными литературными работами въ періодической прессѣ, а иногда преподаваніемъ въ коллегіяхъ. Въ 1855 году онъ сдѣлался однимъ изъ редакторовъ полуреволюціоннаго журнала *Irish Tribune*, который издавался въ теченіе короткаго времени въ Дублинѣ покойнымъ Мазономъ Джонсомъ и другими передовыми ирландскими націоналистами. Его политическія дѣянія доставляли большое неудовольствіе его родственникамъ, которые предлагали ему постоянное содержаніе, если онъ откажется отъ своихъ опасныхъ доктринъ. Однакожъ онъ предпочиталъ собственными руками зарабатывать свой хлѣбъ, оставаясь вѣрнымъ своимъ принципамъ. Этого образа дѣйствій онъ неизмѣнно держался до самаго конца.

Въ Америкѣ движеніе находилось подъ управленіемъ офицеровъ 69-го Нью-Йоркскаго (ирландскаго) полка Джона О'Мэгони, Михаи-

ла Догени и полковника Коркорана; между ними первый былъ главою. Они продолжали держаться первоначальнаго плана О'Донована Россы. Ирландцы въ Америкѣ должны были организоваться въ «кружки» или группы, какъ и на родинѣ; но главное назначеніе первыхъ состояло въ томъ, чтобы снабжать такъ-называемую «отечественную организацію» деньгами, оружіемъ и военачальниками. Позднѣе американское отдѣленіе рѣшило, кромѣ того, помогать отечественному движенію нападеніемъ на ближайшія британскія владѣнія и каперствомъ. Во всякомъ кружкѣ предсѣдательствовало одно лицо, называвшееся «центромъ». О'Мэгони былъ «главнымъ центромъ». Ему же принадлежитъ изобрѣтеніе слова «Феніи», какъ имени для его вѣтви организаціи. Онъ много занимался изученіемъ галльскаго языка и постоянно жилъ и бредилъ древней Ирландіей *). Ирландская національная милиція, семнадцать вѣковъ тому назадъ, носила имя «Фіана Иріонъ», или Феніевъ отъ Феніуса, Фина или Фіона, ихъ знаменитаго вождя. Въ подражаніе этому, О'Мэгони назвалъ *феніями* и ирландско-американскую организацію. Однако Стефенсъ предпочиталъ для отечественнаго отдѣла имя «Ирландскаго революціоннаго братства», что въ сокращеніи обозначалось знакомъ «I. R. B.», который и употреблялся обыкновенно членами его. Въ Ирландіи организація также состояла изъ кружковъ или группъ; офицеры, смотря по рангу, обозначались буквами A, B, C. Стефенсъ былъ здѣсь верховнымъ и неограниченнымъ вождемъ. Его оффиціальнымъ титуломъ было «C. O. I. R»., т. е. центральный организаторъ ирландской республики (Ц. О. И. Р.). Онъ вообразилъ и провозгласилъ Ирландскую республику уже основанной, такъ что клятва при вступленіи въ организацію обязывала всякого члена вѣрностью «уже дѣйствительно основанной Ирландской республикѣ» **). Коль скоро кто-нибудь изъ его уполномоченныхъ находилъ въ какомъ-нибудь округѣ пятьдесятъ человѣкъ, они составляли «кружокъ», а онъ становился B., или центромъ кружка. На его обязанности лежало смотрѣть за тѣмъ, чтобы, когда «C. O. I. R.» пришлетъ учителя, его люди тайно и тщательно

---

*) Онъ сдѣлалъ замѣчательный переводъ „Исторія Ирландіи" Китингса, изданный въ Нью-Йоркѣ Гавертп.

**) Очевидно, что въ рядахъ самой организаціи далеко не вполнѣ ясно понималось значеніе слова „дѣйствительно" (virtually), такъ какъ во время судебныхъ процессовъ возникало не мало курьезовъ, когда многіе свидѣтели показывали, что они клялись повиноваться „Ирландской республикѣ, добродѣтельно (virtuously) основанной". *Прим. авт.*

обучались военному дѣлу. Кромѣ того онъ самъ и его кружокъ должны были заботиться вообще о распространеніи движенія путемъ организованія новыхъ кружковъ, путемъ противодѣйствія и разстройства всякихъ публичныхъ собраній, враждебныхъ имъ, а также и путемъ уничтоженія журналовъ и журналистовъ, которые въ какомъ бы то ни было отношеніи были враждебны организаціи.

При началѣ движенія въ 1858 г. было основано нѣсколько ирландско-американскихъ газетъ, горячо преданныхъ дѣлу ирландской національности. Въ одномъ Нью-Йоркѣ ихъ было двѣ: одна—*Irish News*, основанная Фрэнсисомъ Мигеромъ, и другая—*Irish American*—тогда, какъ и теперь *), руководящій органъ ирландскаго патріотизма въ Соединенныхъ Штатахъ. Но феніанскіе вожди ссорились тамъ и съ этими журналами, какъ и съ *Nation*, и потому они скоро рѣшили основать спеціальный органъ движенія, который и явился въ формѣ газеты *Phoenix* въ Нью-Йоркѣ. Въ ней они начали съ яростью нападать на всѣхъ и на вся, направо и налѣво, вездѣ подозрѣвая вражду своему предпріятію. Имъ не нужно было тратить много словъ на то, чтобы возбудить въ своихъ читателяхъ ненависть къ Англіи. Ирландцы въ Америкѣ—доведенные чуть не до сумасшествія бѣглецы временъ голода и изгнаній—ненавидѣли британское владычество до глубины души. Главныя же препятствія, требовавшія наибольшаго вниманія тайныхъ вождей, выразились въ оппозиціи ихъ планамъ со стороны католическаго духовенства и людей открытаго дѣйствія или патріотовъ не-феніевъ. Католическая церковь осуждаетъ тайныя общества, основанныя на клятвѣ, особенно если они направлены на ниспроверженіе гражданской власти или религіи. Благодаря этому опасному и важному противодѣйствію, феніанское движеніе съ самаго начала было вовлечено въ ожесточенную войну съ представителями католической церкви. «Попы не имѣютъ права вмѣшиваться или управлять нами въ политикѣ,—говорили феніанскіе вожди;—наше дѣло—политическое движеніе и въ немъ мы ни передъ кѣмъ не отвѣтственны и ни отъ кого не зависимъ».—«Вы не можете быть допущены до причастія, пока не раскаетесь и не откажетесь отъ своихъ противузаконныхъ клятвъ,—отвѣчали католическіе священники.—Если вы будете продолжать принадлежать къ тайнымъ обществамъ, вамъ гро-

*) Въ 1878 году; теперь же ея мѣсто занимаетъ *United Irishman*, издаваемая О'Донованомъ Росса. *Прим. перев.*

зитъ отлученіе отъ церкви».—«Слышите это? Насъ преслѣдуютъ за любовь къ родинѣ!»—восклицали феніи. Такимъ образомъ въ теченіе первыхъ пяти лѣтъ, отъ 1860 до 1865 г., между католическимъ духовенствомъ и организаторами феніанизма шла свирѣпая, ожесточенная и безпощадная борьба. Дѣйствительно дѣятельный В, или феніанскій центръ, долженъ былъ быть человѣкомъ мало заботящимся о проповѣдяхъ духовенства и способнымъ убѣждать народъ въ томъ, что отецъ-Томъ нападаетъ на ихъ дѣло изъ-за мейнутской клятвы да англійскаго золота. Духовенство съ своей стороны жаловалось, что вожди феніанизма—люди не уважающіе духовнаго авторитета и гнушающіеся дѣлъ вѣры въ жизни. Отсюда можно понять, какимъ образомъ изъ этого антагонизма взглядовъ возникли феніи, провозглашавшіе священниковъ смертельными врагами ирландскаго народа, и духовенство, называвшее феніевъ врагами церкви, людьми готовыми низвергнуть алтарь и разрушить общество.

Такимъ же характеромъ отличалось и столкновеніе между тайной организаціей и патріотами не-феніями или анти-феніями. Главное увѣреніе феніевъ состояло въ томъ, что народъ не имѣлъ иного выхода, какъ или пристать къ нимъ, или отдаться имперскому порабощенію. Ссылки на страницы феніанскихъ газетъ и хроники событій того времени будетъ достаточно для того, чтобы показать, что въ первые четыре года послѣ 1860 г. движеніе было гораздо больше направлено противъ ирландскихъ патріотовъ, духовныхъ и свѣтскихъ, которыхъ вліяніе считалось опаснымъ, чѣмъ противъ англійскаго правительства.

Газета, основанная феніями въ Нью-Йоркѣ, вела войну со всѣми вокругъ себя. Еженедѣльно одинъ столбецъ, или отдѣлъ ея, посвящался «Hue and cry», т. е. «оглашенію и кличу», заключавшему описаніе «доносчиковъ» и другихъ вредныхъ личностей, которыхъ слѣдуетъ беречься, предостереженіями, которыми конечно пользовались на другой сторонѣ океана. Вотъ образчикъ:

Оглашеніе и кличъ Рока.

«Черный листъ».

«*Каллаганъ*, Пат., изъ Каллана, графства Килькенни. Пять футовъ шесть дюймовъ роста; плотнаго и крѣпкаго сложенія; 27 лѣтъ; предполагается отсутствующимъ въ Новой-Зеландіи.

«*Кароланъ* изъ *Баллинагинча*, графства Доунъ. Пяти футовъ семи дюймовъ роста; 60 лѣтъ; голубые глаза, сѣрые волосы,

продолговатыя и тонкія черты; предполагается, что бродитъ вокругъ Бельфаста.

«*Вилльямъ Эвериттъ*... около 45 лѣтъ; пяти футовъ десяти дюйм. роста, съ дряблымъ тѣломъ, обладающимъ гибкостью бамбука и напоминающимъ, что природа съ отвращеніемъ выкинула его на землю, какъ отбросъ... Бѣдняга! Природа при его рожденіи поскупилась на свои прелести. Онъ можетъ положиться на это. Рокъ имѣетъ хорошую память, а его полиція всегда слѣдитъ за движеніями шпіона.

«*Михаилъ Боркъ*. Этотъ молодецъ не нуждается въ дальнѣйшихъ замѣчаніяхъ Рока. Онъ сошелъ съ ума и помѣщенъ въ Осборнскомъ сумасшедшемъ домѣ. Какой нравственной грязи полна исторія его шпіонства! Еслибъ онъ не продался за золото, онъ не былъ бы теперь въ домѣ сумасшедшихъ».

Каждую недѣлю появлялись оффиціальные «декреты» и «общіе приказы», и на обязанности тайнаго «комитета общественнаго спасенія» лежало отмѣчать всѣхъ людей, «пытающихся вредить организаціи словомъ или дѣломъ». Еще серьезнѣй тотъ фактъ, что на страницахъ той же газеты въ первый разъ въ ирландской исторіи убійство открыто и громко провозглашалось патріотической обязанностью. Съ ужасомъ мы читали такія статьи, какова, наприм., слѣдующая:

«Ни одного смѣлаго голоса не слышно у насъ на родинѣ ни изъ прессы, ни съ трибуны противъ истребленія народа. Есть безчисленныя жалобы, есть увѣщанія и аргументы, доказывающіе, какъ вредно, опасно и неумѣстно выбрасывать народъ изъ его жилищъ въ рабочіе дома и канавы; но не глупо ли обсуждать вопросъ, когда пресса клеймитъ именемъ безумія и жестокаго убійства изведеніе одного изъ этихъ архи-истребителей, который былъ для своего округа хуже дикаго животнаго? Только месть и отплата тѣмъ же можетъ заставить ирландскаго ландлорда быть справедливымъ. Все остальное—безполезно».

Этому примѣру слѣдовала и калифорнская газета, издаваемая Томасомъ Муней. Онъ еженедѣльно предлагалъ награду въ 100 ф. с. тому, кто убьетъ такого-то или такого-то джентльмена въ графствѣ Мэйо, котораго онъ назоветъ по имени. Около этого же времени былъ повѣшенъ отъявленный злодѣй, убійца по найму, по имени Бекгамъ, за убійство м-ра Фитцгеральда въ графствѣ Лимерикъ при самыхъ возмутительныхъ обстоятельствахъ. Муней въ одной изъ своихъ статей, нападая на сла-

быхъ и выродившихся національныхъ вождей Ирландіи, а на Смита О'Брайена и Сулливана изъ *Nation* въ особенности, объявилъ, что одинъ Бекгамъ стоитъ пятидесяти «С. О'Брайеновъ», что Ирландіи не достаетъ людей, которые не гнушались бы дѣломъ Бекгама. Я увѣренъ, что люди, которымъ позднѣе пришлось поплатиться за участіе въ феніанской организаціи, не были согласны съ такими воззваніями; но тогда они ни однимъ словомъ, ни малѣйшимъ знакомъ, не выразили этого несогласія, чтобы спасти древнее и благородное дѣло ирландской національности отъ подобнаго отожествленія. Для меня же молчать въ виду такой открытой проповѣди во имя ирландскаго патріотизма было невозможно. Я высказалъ въ *Nation* — несомнѣнно въ очень рѣзкой формѣ—негодованіе, которое чувствовалъ, и объявилъ лично за себя и за тѣхъ, кого могъ представлять, что мы скорѣй готовы видѣть Ирландію превращенною въ пепелъ, чѣмъ освобожденною людьми, проповѣдующими такіе принципы. Послѣдствіемъ этого, какъ и можно было ожидать, явился цѣлый ураганъ угрозъ и ругательствъ, посыпавшихся на мою голову. Г. Муней адресовалъ ко мнѣ на страницахъ своей газеты письмо въ три столбца, т. е. въ девять футовъ длины, съ жаромъ повторяя доктрины, которыя я порицалъ. Я приведу нѣкоторыя мѣста:

«Я вполнѣ убѣжденъ, сэръ, что слова или убѣжденія совершенно безполезны въ борьбѣ съ Англіей или ея передовыми постами въ Ирландіи, то-есть съ ландлордами лома *). Только одни *пули* и могутъ имѣть значеніе: вотъ почему я и рекомендую моимъ соотечественникамъ стрѣлять въ помѣщиковъ, разрушителей домовъ, какъ мы стрѣляемъ въ грабителей или крысъ, днемъ или ночью, на большой дорогѣ или на рынкѣ.

«Что я предлагаю 500 долларовъ награды за голову майора Брабазона, совершенно вѣрно. Вѣрно также, что я объявляю убійство сказаннаго Брабазона дѣломъ «патріотическимъ, благороднымъ и правымъ».

Дальше онъ описываетъ очень подробно варварскія изгнанія крестьянъ майоромъ Брабазономъ и продолжаетъ:

«Застрѣлите его! Да. Жизнь крестьянина так же дорога, какъ и пэра. Если пэръ насилуетъ крестьянъ съ оружіемъ въ рукахъ, ворвитесь въ его домъ и убейте его, гдѣ ни попало!

*) Ломовою командой въ Ирландіи называютъ людей разрушающихъ дома фермеровъ ломами, чтобы выгнать ихъ съ земли ландлорда. *Прим. перев.*

«Вы меня клеймите именемъ пророка убійства ландлордовъ: я принимаю это званіе. Пусть же они берегутся! Не мало есть храбрыхъ ирландцевъ, которые готовы вернуться на родину, чтобы перестрѣлять безчеловѣчныхъ мерзавцевъ, которыхъ злодѣянія мы отмѣтили, которыхъ имена мы занесли въ списокъ.

«Хотя вы не согласны съ моимъ планомъ пораженія саксонскаго владычества, вы, какъ сами говорите, готовы на открытое сраженіе. «Кровь,—говорите вы,—быть-можетъ и будетъ пролита, но въ *честномъ бою*. Оружіемъ, употребляемымъ для полученія ирландской свободы, не долженъ быть ножъ или мушкетонъ убійцы и на нашемъ зелено-золотомъ знамени, когда оно развернется по вѣтру во всю свою ширину, не должно быть ни одного пятна той крови, которая взываетъ къ небу о мести».

«Прекрасное поэтическое мѣсто, сэръ, но только поэтическое и не больше. «Честный бой» съ саксами, каково! Читалъ ли ты исторію саксовъ? Вотъ каковы люди, съ которыми вы совѣтуете вести честный бой: они вооружены съ ногъ до головы, у нихъ артиллерія, пули и ядра, а мы искусно обезоружены трусливыми мерзавцами. Каково, каково! говорю я. Довольно, Сулливанъ! Дѣлайтесь лучше моимъ сотрудникомъ».

Однакожь самыя дѣйствительныя услуги феніанскому движенію въ Ирландіи оказывали не *Phoenix* въ Нью-Йоркѣ и не *Express* Мунея въ С.-Франциско,—оно было начато и пропагандировалось въ значительной мѣрѣ благодаря безсознательному содѣйствію англійскихъ газетъ и въ особенности *Times* и *Daily News*. Въ 1859 и 1860 годахъ итальянскій вопросъ былъ злобой дня. Англійскій народъ и англійская пресса самымъ усерднымъ образомъ побуждали къ заговору и возстанію подданныхъ Пія IX, Франца-Іосифа и Фердинанда. Они такъ увлекались этимъ возбужденіемъ римлянъ, венеціянцевъ и сицилійцевъ, что совершенно не замѣчали, какое впечатлѣніе производили ихъ слова, доктрины, вызовы и воззванія въ Ирландіи. Всякое оружіе, въ какомъ только ни нуждался Стефенсъ для своихъ тайныхъ обществъ, тотчасъ же изготовлялось для него *Daily News*, *Sun* или *Times*, лордомъ Джономъ Росселемъ или лордомъ Элленбороу. Римлянамъ не только говорилось, что всякій народъ имѣетъ право выбирать своихъ собственныхъ правителей, низлагать старыхъ и назначать новыхъ, но что право осужденія или оправданія такого образа дѣйствій, какъ бы часто и когда бы они его ни избирали, принадлежитъ только имъ и никому больше. *Times* говорилъ:

«Ни для кого не должны быть сомнительными принципы, что правительство существуетъ для управляемыхъ и что, какъ только правители начинаютъ умышленно и постоянно жертвовать интересами подданныхъ въ пользу иностранныхъ ли государствъ или абстрактныхъ теорій религіи и политики, народъ имѣетъ право сбросить съ себя ихъ иго».

Но кто же долженъ судить обо всемъ этомъ?—Отвѣтъ дается тою же великой англійскою газетой:

«Судьба націи должна рѣшаться мнѣніями не другихъ націй, а ея собственнымъ. Рѣшить, хорошо ли ими управляютъ или нѣтъ, достигли ли насилія, злоупотребленія и жестокость, которымъ они подвергаются, степени, оправдывающей вооруженное возстаніе— дѣло тѣхъ, кто подчиненъ этому правительству, а не тѣхъ, кто, будучи свободенъ отъ его давленія, находитъ сентиментальный или теологическій интересъ въ его существованіи».

Daily News былъ не менѣе ясенъ:

«Европа снова и снова утверждаетъ, что единственный принципъ, отъ котораго зависитъ разрѣшеніе итальянскаго вопроса и къ которому взываютъ жители Средней Италіи, есть право народа выбирать своихъ правителей».

По этому же поводу *Times* замѣчаетъ:

«Англія не скрывала своего мнѣнія, что народъ романскихъ государствъ, какъ и всякій другой народъ, имѣетъ право выбирать форму своего правительства, равно какъ и личностей, которымъ оно должно быть поручено».

Sun объявилъ:

«Какъ свободные англичане, мы признаемъ право романцевъ, какъ и всѣхъ націй, имѣть правительство согласно собственному выбору».

Англійскій министръ иностранныхъ дѣлъ, Джонъ Россель, въ своей рѣчи въ Абердинѣ, развивалъ ту же теорію. Одинъ параграфъ королевской тронной рѣчи подтверждалъ ее. Лордъ Элленбороу надѣялся, что подданные папы обратятся къ единственному возможному для нихъ средству защищать свои права—оружію:

«Я надѣюсь, что послѣ оскорбленій Италіи требованіями Франціи на конгрессѣ они поднимутся на защиту своего права выбирать свое правительство и возьмутся за оружіе, которое одно можетъ доставить имъ побѣду».

Изъ этихъ-то воззваній и возникло движеніе въ Ирландіи, называемое народными журналами «ловлей Англіи на ея собствен-

номъ словѣ». *Nation* предложила подать королевѣ народную петицію въ слѣдующей формѣ:

«Такъ какъ въ рѣчи ея величества при открытіи парламента настоящей сессіи, въ рѣчи министра иностранныхъ дѣлъ въ Абердинѣ, а также въ рѣчахъ многихъ государственныхъ и высокопоставленныхъ людей Англіи и въ статьяхъ наиболѣе вліятельныхъ англійскихъ журналовъ просители съ глубокимъ сочувствіемъ видѣли признаніе за всякимъ народомъ права мѣнять и выбирать своихъ правителей и форму правленія;

«такъ какъ всеобщее сочувствіе, которое эти рѣчи и эти статьи встрѣтили въ Англіи, а главнымъ образомъ политика правительства ея величества относительно событій въ центральной Италіи убѣдили просителей въ томъ, что королева, ея министры, пресса и народъ Англіи самымъ рѣшительнымъ образомъ признали принципъ, что всякій народъ, недовольный своимъ управленіемъ, имѣетъ право измѣнить непріятную ему систему и замѣнить ее новой по своему выбору, и что этотъ выборъ можетъ быть высказанъ всеобщею подачей голосовъ;

«такъ какъ изъ многихъ прежнихъ петицій отъ многихъ милліоновъ подданныхъ ея величества, равно какъ и многихъ другихъ событій, которыя просители не считаютъ нужнымъ перечислять, ея величеству извѣстно, что среди ирландскаго народа существуетъ самое сильное желаніе видѣть на мѣстѣ теперешней системы управленія возстановленіе своего мѣстнаго парламента и законодательной независимости;

«такъ какъ просители увѣрены, что подавляющее большинство ирландскаго народа горячо желаетъ возстановленія его національной и несправедливо у него отнятой конституціи, а совѣтники ея величества могутъ думать, что его добивается небольшое меньшинство населенія, и такъ какъ въ мѣрахъ, получившихъ такое единодушное оправданіе министровъ ея величества, т. е. во всенародномъ и тайномъ голосованіи, они видятъ средство узнать дѣйствительныя желанія большинства ирландскихъ подданныхъ ея величества, —

«то посему просители ходатайствуютъ у вашего величества, чтобы въ Ирландіи было допущено и произведено всеобщее тайное голосованіе съ цѣлью привести въ извѣстность, чего желаетъ народъ, національнаго ли правительства и законодательной независимости, или существующей системы управленія. Просители увѣрены, что почтительный, мирный и не насильственный ха-

рактеръ ихъ ходатайства заслужитъ въ глазахъ вашего величества болѣе серьезное вниманіе, чѣмъ бурныя событія, которыми сопровождались недавнія политическія перемѣны въ Италіи, удостоившіяся такого полнаго оправданія министровъ вашего величества».

Эта петиція получила въ Ирландіи больше полумилліона подписей. Затѣмъ она была представлена куда слѣдуетъ и, конечно, не удостоилась отвѣта. И тѣмъ не менѣе англійскій народъ продолжалъ провозглашать, что «голосованіе населенія» есть единственная мѣра узаконенія правительства, а англійскія газеты продолжали призывать порабощенные народы къ возстанію, если они хотятъ быть свободными. Всякій организаторъ феніанизма имѣлъ эти цитаты всегда наготовѣ. Указывалось на судьбу національной петиціи, а молчаніе королевы называлось презрѣніемъ къ народу, неспособному взяться за оружіе, которое одно только и можетъ обезпечить за нимъ право выбирать свое правительство.

Въ это же время въ *Times* появилась статья, которая играла потомъ такую видную роль въ дѣйствіяхъ феніевъ. Она сдѣлалась евангеліемъ организаторовъ. Бѣглаго взгляда на нее достаточно для того, чтобы показать, что она была какъ разъ на-руку этимъ людямъ:

«Пора, наконецъ, понять всѣмъ борющимся національностямъ, что свобода не имѣетъ ничего общаго съ людьми, которые только и дѣлаютъ, что стонутъ да жалуются на свои оковы.

«Свобода есть серьезная игра на ножахъ и топорахъ, какъ говорили греки персамъ, а не на длинныхъ эпиграммахъ и дряблыхъ петиціяхъ.

«Мы можемъ болтать между собой о нравственномъ мужествѣ и силѣ, но въ то же время мы должны быть всегда готовы проявить физическое мужество и силу. Такъ ли это съ итальянцами? То, что они хотятъ быть свободными, еще ничего не значитъ. И лошадь, и овца, и канарейка въ клѣткѣ тоже имѣютъ нѣкоторое неясное стремленіе къ свободѣ; но мы спрашиваемъ и съ нѣкоторымъ сомнѣніемъ спрашивали уже въ теченіе нѣсколькихъ послѣднихъ дней, готовы ли эти итальянцы драться за свою свободу? Если «да», хорошо,—они, конечно, обезпечатъ ее; если же «нѣтъ»,—пусть Австрія сѣчетъ ихъ не только кнутами, но скорпіонами, и мы въ Англіи лишь зажмемъ себѣ уши, чтобы не слыхать ихъ криковъ.

«Высочайшее зрѣлище, какое свѣтъ можетъ доставить свободному человѣку, это — видѣть, какъ его братъ храбро состязается, мало того, отчаянно дерется за свою свободу. И самое низкое чувство презрѣнія долженъ вызывать въ немъ видъ несчастнаго раба, выдрессированнаго и воспитаннаго въ уровень съ униженіемъ своего положенія и не находящаго въ себѣ силы сдѣлать что-нибудь больше испусканія жалкихъ воплей».

Несмотря на эти благопріятныя обстоятельства, феніанская организація до 1861 года разросталась очень медленно. Противодѣйствіе со стороны религіозныхъ чувствъ населенія настолько же парализовало ее, насколько поученія англійскихъ газетъ поощряли. Весной этого года органъ ея прекратилъ свое жалкое существованіе; какъ въ Америкѣ, такъ и въ Ирландіи судьба движенія стояла на самомъ низкомъ уровнѣ. Въ апрѣлѣ загорѣлась американская междоусобная война. Народъ сѣвера и юга взялся за оружіе. Ирландцы шли въ первыхъ рядахъ «своихъ штатовъ». Ирландскіе отряды дрались на обѣихъ сторонахъ: одни, подъ командой генерала Пата Клеборна, становились подъ знамя конфедераціи; другіе, подъ командой генерала Т. Ф. Мигера, пожинали неувядаемые лавры подъ звѣзднымъ знаменемъ Союза. Въ этомъ порывѣ феніанскіе кружки были покинуты всѣми. На минуту, но только на минуту, казалось, что американская война убила движеніе. Однакожъ на дѣлѣ оно скоро получило новый и болѣе сильный импульсъ. Готовность, съ которою Англія признала права воюющей страны за отпавшими штатами, и другія обстоятельства съ самаго начала породили убѣжденіе, что разрывъ между вашингтонскимъ правительствомъ и с.-джемскимъ дворомъ неизбѣженъ. Этимъ впечатлѣніемъ усердно пользовались въ Сѣверныхъ Штатахъ и въ Ирландіи, какъ побудительнымъ средствомъ для присоединенія ирландцевъ къ федеративнымъ полкамъ. И оно имѣло могущественное вліяніе на страну. Весь путь изъ Ирландіи представлялъ сплошной потокъ молодыхъ, дѣятельныхъ и сильныхъ людей въ федеративные ряды. Почти всѣ вѣрили въ увѣренія Сюарда и обѣщанія нѣкоторыхъ изъ ирландскихъ вождей, что, когда Союзъ будетъ возстановленъ, Америка войдетъ въ соглашеніе съ Дж. Буллемъ и Ирландія будетъ щедро вознаграждена за ея помощь «Звѣздамъ и Полосамъ» *). Это было заключительнымъ ударомъ въ пользу феніанскаго движенія.

*) Популярное названіе американскаго національнаго флага.—*Прим. перев.*

Въ это же время явилось ему на помощь другое не менѣе благопріятное обстоятельство. Теренцъ Белью Макъ-Магнусъ, одинъ изъ вождей «сорокъ восьмого», удачно совершилъ въ 1851 году свой смѣлый и рѣшительный побѣгъ изъ ссылки съ Вандименовой-Земли и вскорѣ высадился въ С.-Франциско. Въ началѣ 1861 г. онъ умеръ въ этомъ городѣ, къ великому огорченію своихъ соотечественниковъ, горячо его любившихъ. Кому-то пришло въ голову, что тѣло покойнаго революціонера должно быть вырыто изъ могилы на чужбинѣ и съ церемоніями перенесено черезъ континентъ и океанъ на родину. Предложеніе было встрѣчено съ энтузіазмомъ. Событіе было такъ драматично и вызывало такія глубокія чувства, что процессія сопровождалась огромными толпами народа и такою торжественностью, которыя удивляли и тревожили всякаго. Американскіе ирландцы, казалось, сдѣлали эти похороны демонстраціей преданности своей родинѣ. Въ Ирландіи народъ былъ охваченъ подобными же чувствами и повсюду готовился оказать надлежащій пріемъ останкамъ того, кто, будучи преслѣдуемъ въ живыхъ, могъ возвратиться на любимую родину только мертвымъ. Это было событіе, могущественно взывавшее къ симпатіямъ народа; и всѣ фракціи невольно соединились въ благоговѣніи къ патріотизму, который оно выражало.

Только когда приготовленія къ похоронамъ были уже почти окончены, прошелъ слухъ, что все дѣло находится вполнѣ въ рукахъ феніанскихъ вождей и будетъ употреблено ими въ пользу своихъ плановъ. Это привело націоналистовъ не феніанъ въ замѣшательство, которое доставило ихъ противникамъ не мало удовольствія. Отстать и отойти въ сторону можно было только выставивши въ оправданіе очень серьезную и вѣрную опасность, доказательства которой едва ли кто могъ представить. Идти же впередъ—значило усиливать движеніе, которое быть-можетъ вовлечетъ Ирландію въ междоусобную войну. И въ самомъ дѣлѣ, одно время существовало серьезное намѣреніе превратить демонстрацію Макъ-Магнуса въ сигналъ для возстанія. Эта идея встрѣтила горячій и успѣшный протестъ въ Стефенсѣ, на томъ основаніи, что его приготовленія были еще только въ началѣ, а онъ не хотѣлъ начинать возстанія, не будучи готовымъ. Понадобилась вся сила его авторитета для того, чтобы настоять на этомъ veto; и задуманное возстаніе было отложено только послѣ горячаго спора. По всему пути отъ С.-Франциско до Дублина похо-

роны представляли одну изъ самыхъ внушительныхъ, когда бы то ни было видѣнныхъ, демонстрацій. Каждый сколько-нибудь значительный городъ Штатовъ посылалъ отъ себя делегацію. 30-го октября 1867 г. тѣло прибыло въ Квинстоунъ, и въ промежутокъ времени между этимъ числомъ и погребеніемъ его на Глазневинскомъ кладбищѣ въ Дублинѣ, въ воскресенье 10-го ноября, весь островъ находился въ крайне тревожномъ и возбужденномъ состояніи. Высоко-преподобный д-ръ Кулленъ, католическій архіепископъ Дублина, зная о подкладкѣ всего этого дѣла, отказался дозволить какія бы то ни было службы или публичныя церемоніи по этому поводу въ церквахъ своей эпархіи, за что и навлекъ на себя самыя ожесточенныя нападки. Революціонные вожди очень искусно обзывали всякое противодѣйствіе ихъ планамъ «враждой къ покойному», «ненавистью противъ любви къ родинѣ». Пять лѣтъ спустя, когда феніи сами сознались, что эти похороны были настоящимъ операціоннымъ пунктомъ для ихъ движенія, поведеніе архіепископа сдѣлалось понятнымъ для многихъ изъ тѣхъ, которые его прежде такъ сильно порицали. Нѣкоторые изъ феніанскихъ вождей высказывали, что въ теченіе трехъ недѣль похоронъ Макъ-Магнуса въ ряды организаціи вступило больше членовъ, чѣмъ въ два предыдущіе года. Похоронная процессія по улицамъ Дублина была грандіозною демонстраціей. Пятьдесятъ тысячъ народа шли за катафалкомъ; по крайней мѣрѣ столько же сочувствующихъ зрителей стояли рядами по обѣимъ сторонамъ улицъ.

Этотъ день доставилъ феніанскимъ вождямъ такое вліяніе въ Ирландіи, какого они никогда прежде не имѣли. Американскіе делегаты, сопровождавшіе тѣло Макъ-Магнуса въ Ирландію, возвратились домой съ извѣстіемъ, что отечественная организація имѣетъ очень серьезные размѣры и силу и нуждается лишь въ помощи Америки деньгами, оружіемъ и руководителями для того, чтобы въ любой моментъ окончательно сбросить британское иго съ Ирландіи. Вслѣдствіе этихъ вѣстей, движеніе въ Америкѣ въ очень короткое время пріобрѣло совершенно новый характеръ и скоро разрослось до громадныхъ размѣровъ. Люди, стоявшіе до тѣхъ поръ совершенно въ сторонѣ, люди обладавшіе положеніемъ, характеромъ и способностями, искренно и дѣятельно приняли участіе въ приготовленіяхъ. Деньги со всѣхъ сторонъ сыпались въ кассу организаціи. Повсюду распространилось убѣжденіе, что наставалъ часъ, когда Ирландія «разорветъ цѣпи

многовѣковаго рабства»; и даже ея самые бѣдные сыны и дочери несли свои пожертвованія. Не было больше сомнѣнія, что если возстаніе продержится въ Ирландіи собственными силами хотя бы въ теченіе одного мѣсяца, оно будетъ имѣть въ своемъ распоряженіи въ Америкѣ милліоны долларовъ и тысячи рукъ для помощи. Это очень наглядно было доказано пріемомъ, который позднѣе былъ оказанъ въ Америкѣ (въ 1865 г.) извѣстію объ арестахъ ирландскихъ феніевъ. Сочувствующіе буквально осадили руководителей движенія. Отцы и матери приводили записываться своихъ сыновей, служанки приносили сбереженія отъ своихъ заработковъ; калифорнійскіе рудокопы отдавали свои сокровища. Старики, видѣвшіе на родинѣ, какъ срывались крыши съ домовъ, молодые люди, слышавшіе разсказы объ изгнаніяхъ своихъ родителей, громко требовали записать ихъ «въ первую очередь», для перваго призыва къ дѣлу. Очищенія временъ голода посѣяли «драконовы зубы» отъ Гудзона до Миссисипи.

XXI.

Тревожное время.

Наиболѣе вліятельными и руководящими людьми въ ирландскихъ національно-политическихъ дѣлахъ въ періодъ отъ 1860 до 1865 г. были Вильямъ Смитъ О'Брайенъ, Джонъ Мартинъ и Ды О'Доногью. Первый изъ нихъ, собственно говоря, не принималъ лично дѣятельнаго участія въ дѣлахъ; но признавался главой національной партіи. Его совѣтовъ искали всѣ и при помощи своихъ писемъ, отъ времени до времени появлявшихся въ *Nation*, онъ имѣлъ значительное вліяніе на ходъ событій. Д. Мартинъ возвратился въ Ирландію въ 1858 г. Въ теченіе одного или двухъ лѣтъ онъ жилъ въ совершенномъ уединеніи въ Кильброней, около Ростревора, одномъ изъ прекраснѣйшихъ угловъ его родного Ульстера; но онъ не могъ долго противостоять давленію обстоятельствъ, которыя требовали еще разъ его голоса и его вліянія на пользу дѣла націи. Однакожь дѣйствительно дѣятельное участіе въ общественной жизни онъ принялъ не раньше 1864 г., когда онъ вмѣстѣ съ Ды О'Доногью основалъ общество, имѣвшее цѣлью расторженіе союза съ Англіей, называвшееся «національною лигой».

Другія двѣ личности, одинаково извѣстныя и во многихъ отношеніяхъ болѣе талантливыя, еще позднѣе возвратились на об-

щественную арену: это—Джонъ Б. Диллонъ и Джоржъ Генри Муръ. Послѣдній, послѣ смерти Лукаса и отъѣзда въ 1855 г. Гавана Дуффи, принялъ на себя роль вождя порѣдѣлыхъ рядовъ партіи арендной лиги; и нужно отдать ему справедливость—... si Pergama dextra defendi possent, etiam hac defensa fuissent,—все, что изъ погибавшаго дѣла могли сдѣлать геній, мужество и преданность, было сдѣлано этимъ талантливымъ сыномъ Мэйо. Онъ лишился своего мѣста въ парламентѣ при выборахъ 1857 г., вслѣдствіе обвиненія его въ духовномъ «застращиваніи», и, отказавшись отъ предложенныхъ ему нѣсколькихъ другихъ округовъ, молча и печально наблюдалъ за ходомъ общественныхъ дѣлъ вплоть до 1868 г.

На ирландской трибунѣ въ періодъ отъ 1858 до 1868 года особенно выдавался Ды О'Доногью, тогдашній членъ парламента отъ Типперари. Въ теченіе большей части этихъ десяти лѣтъ онъ былъ самымъ популярнымъ человѣкомъ Ирландіи. Много было причинъ, дававшихъ ему право занимать такое положеніе. Древность его рода, родство съ О'Коннелемъ, его блестящая наружность, его манеры, его великодушный характеръ, краснорѣчіе, патріотизмъ—все дѣлало его народнымъ любимцемъ. Его титулъ кельтскаго начальника племени восходилъ до отдаленной древности, по крайней мѣрѣ до четырехъ сотъ лѣтъ назадъ. Онъ былъ молодъ, блестящъ и отваженъ. Въ первый разъ онъ выступилъ на общественную арену въ качествѣ кандидата въ члены парламента отъ Типперари подъ покровительствомъ Д. Генри Мура въ 1857 г., на мѣсто изгнаннаго изъ парламента Джемса Садлейра *). Молодой вождь не встрѣчалъ себѣ препятствія и скоро очутился въ передовомъ ряду національной политики. Обстоятельства естественно поставили меня въ одинаковое положеніе съ нимъ, и въ теченіе всего этого періода мы шли съ нимъ рука объ руку. Почти по всѣмъ общественнымъ вопросамъ наши мнѣнія были одинаковы. Мы держались почти одного и того же взгляда на феніанскіе проекты и пользовались одинаковою ненавистью вождей движенія; впрочемъ, онъ значительно меньшей, чѣмъ я. Одинъ или два раза въ теченіе борьбы между націоналистами, феніанами и не-феніанами я боялся за него. Я зналъ, что тайные вожди,

---

*) Вскорѣ послѣ самоубійства Джона Садлейра (банкира и вождя бригады) было открыто, что его братъ Джемсъ былъ замѣшанъ въ мошенническихъ операціяхъ типперарскаго банка. Онъ бѣжалъ изъ Ирландіи и спеціальнымъ вотомъ былъ изгнанъ изъ палаты общинъ. *Прим. автора.*

за исключеніемъ одного, очень желали пріобрѣсти его на свою сторону и что ему дѣлались очень заманчивыя предложенія. Однако я имѣлъ основаніе думать, что Стефенсъ совсѣмъ не желалъ обращенія Ды О'Доногью. Ему не хотѣлось имѣть подлѣ своего пьедестала такого опаснаго соперника. Къ счастію, несмотря на искреннюю ненависть молодого вождя къ англійскому господству, ничто не могло разсѣять его убѣжденій противъ насильственныхъ проектовъ; по его мнѣнію, какъ и по моему, они могли потопить Ирландію въ крови,—могли, конечно, вызвать самопожертвованіе и героизмъ ея сыновъ, но въ результатѣ должны были заклепать ея цѣпи и увеличить ея страданія.

Лѣтомъ 1863 года Стефенсъ рѣшилъ основать въ Дублинѣ еженедѣльный журналъ, который долженъ былъ съ самаго начала защищать спеціальные интересы феніанской организаціи и увеличивать ея доходы. Въ ноябрѣ, согласно этому плану, была начата газета *Irish People*. Повидимому, ему никогда не приходило въ голову, что этому предпріятію грозятъ двѣ опасности. Оно, во-первыхъ, почти навѣрно должно было сконцентрировать въ себѣ для глазъ и рукъ правительства все, что было дѣятельнаго и опаснаго въ организаціи; во-вторыхъ, относительно финансовой стороны дѣла гораздо больше было шансовъ на то, что оно послужитъ къ обремененію, чѣмъ къ увеличенію ресурсовъ партіи. И, дѣйствительно, обѣ эти опасности скоро ясно обнаружились. Хотя за *Irish People* стояла цѣлая армія дѣятельныхъ и усердныхъ организаторовъ и хотя всѣ средства организаціи были пущены въ дѣло, чтобы дать ему ходъ, журналъ продолжалъ быть больше бременемъ, чѣмъ помощью для феніевъ. Его существованіе дало намъ, въ *Nation*, возможность—точно такъ же, конечно, какъ и правительству—положительно убѣдиться, гдѣ преобладаетъ феніанскій и гдѣ анти-феніанскій національизмъ. Органъ феніевъ вполнѣ господствовалъ среди ирландцевъ Англіи и Шотландіи, такъ что во многихъ мѣстахъ на сѣверъ и югъ отъ Твида совершенно вытѣснилъ *Nation*, тогда какъ въ Ирландіи онъ никогда не могъ достичь распространенности нашего журнала, а во многихъ мѣстахъ былъ самъ вполнѣ имъ вытѣсненъ. Особенно же безразсудно было то, что Стефенсъ поручилъ руководство журнала, издававшагося въ разстояніи брошеннаго камня отъ воротъ Дублинскаго замка, самымъ выдающимся людямъ феніанской организаціи. Джонъ О'Лири, Чарльзъ Дж. Кикгамъ и Т. С. Люби были редакторами, О'Донованъ Росса—управляющимъ ре-

дакціи, а Джемсъ О'Конноръ—кассиромъ. Контора журнала была по-истинѣ главнымъ штабомъ партіи.

Основаніе Мартиномъ и Ды О'Доногью національной лиги, какъ открытой анти-феніанской организаціи націоналистовъ, взывающей къ общественному мнѣнію, нанесло великую обиду феніанскимъ вождямъ. Феніи приходили на ея митинги и старались производить безпорядки и компрометировать ихъ криками: «мы хотимъ политики войны», «намъ не достаетъ ружей» и т. п. Они ожидали, что, подвергаясь постоянно такимъ нападеніямъ, лига будетъ принуждена прекратить свое существованіе. Джонъ Мартинъ показалъ, что онъ понимаетъ эту тактику. Онъ предлагалъ феніямъ идти своимъ путемъ и не мѣшать ему дѣлать то же. Цѣною упорной борьбы онъ держался среди всѣхъ тревогъ и ужасовъ 1865 и большей части слѣдующаго года. Въ августѣ 1866 года тогдашніе вожди феніанскаго движенія, убѣдившись въ невозможности остановить собранія лиги путемъ безпорядковъ, свистковъ и криковъ, рѣшили принять болѣе насильственныя мѣры. Однажды вечеромъ толпа феніевъ вломилась въ залъ лиги и, въ отвѣтъ на замѣчаніе Мартина, призывавшаго къ порядку, осыпала его цѣлымъ градомъ тухлыхъ яицъ и другихъ метательныхъ снарядовъ и разогнала все собраніе. За два года передъ этимъ ихъ ненависть ко мнѣ выразилась еще болѣе свирѣпымъ, хотя и не такимъ позорнымъ, взрывомъ.

Въ февралѣ 1864 года комитетъ дублинской статуи принца Альберта *) обратился къ городскому управленію съ предложеніемъ уступить ему для этого памятника мѣсто Колледжъ-Гринъ. Всѣмъ было хорошо извѣстно, что мѣсто это, по національной традиціи, должно быть назначено и сохранено для статуи Генри Граттана, которая и стоитъ тамъ теперь. Въ городскомъ управленіи это «отчужденіе мѣста Граттана», какъ прозвали предложеніе комитета, было встрѣчено рѣшительною оппозиціей. Въ этомъ дѣлѣ я взялъ на себя руководящую роль, будучи за два года до этого выбранъ членомъ городскаго совѣта. Мы ходатайствовали, возражали, протестовали, угрожали. Мы предлагали для статуи принца какое угодно другое мѣсто въ городѣ, только не это. Большинство совѣта считало «не вѣрноподданническимъ» поступкомъ отказать въ какомъ бы то ни было мѣстѣ для статуи принца Альберта и, несмотря на права Граттана, утвер-

---

*) Умершаго мужа королевы Викторіи.—*Прим. перев.*

дило предложеніе. Крикъ негодованія поднялся по всей Ирландіи. Въ Дублинѣ, въ Ротундѣ, былъ назначенъ публичный митингъ, съ цѣлью выразить всеобщее негодованіе и требовать отмѣны ненавистнаго постановленія. «Ц. О. И. Р.» по двумъ причинамъ рѣшилъ противодѣйствовать этой демонстраціи: во-первыхъ, Генри Граттанъ былъ представителемъ и, такъ сказать, основателемъ конституціонно - націоналистской партіи, — народъ же, берущійся за оружіе для того, чтобъ основать Ирландскую республику, не долженъ покланяться личности мирнаго общественнаго дѣятеля; во-вторыхъ, Сулливанъ и люди его партіи будутъ на этомъ митингѣ покрыты аплодисментами, а этого не должно допускать. По всѣмъ кружкамъ и подкружкамъ Дублина были разосланы тайные приказы имѣть въ Ротундѣ въ назначенный вечеръ митинга своихъ людей въ полномъ числѣ.

Ды О'Доногью пріѣхалъ изъ Килларнея, чтобы предсѣдательствовать; платформа была переполнена представителями и извѣстными людьми города, а галлереи и самая зала были переполнены народомъ. Ды О'Доногью началъ свою вступительную рѣчь и сдѣлалъ нѣсколько лестныхъ замѣчаній насчетъ меня.

«Мы не хотимъ Сулливана!»—раздался рѣзкій голосъ въ одномъ углу залы.—«Этотъ голосъ не выражаетъ настроенія ирландскаго народа», —отвѣтилъ предсѣдатель. Крики покрыли его дальнѣйшія замѣчанія.—«Долой Сулливана!...Прочь Сулливана!»— раздавались неистовые возгласы изъ тѣсныхъ группъ прямо передъ фронтомъ платформы. Большинство собранія казалось до крайности возбужденнымъ. Оно едва могло вѣрить своимъ глазамъ и терялось въ догадкахъ о происходившемъ.

«Долой Сулливана!... Мы убьемъ его!» Вдругъ по данному сигналу былъ сдѣланъ натискъ на платформу; явились вынутыя изъ-подъ куртокъ палки и въ нѣсколько секундъ началась безпорядочная борьба. О'Донованъ Росса и другіе феніанскіе организаторы теперь открыто выдвинулись впередъ, лѣзли черезъ барьеры и били всякаго, кто оказывалъ имъ сопротивленіе.

Среди дикаго шума, треска стульевъ и натиска нападающаго народа чья-то неизвѣстная рука грубо схватила меня и надъ моимъ ухомъ раздался голосъ: «немедленно уходите отсюда, иначе вы будете убиты». Меня насильно тащили по залѣ къ выходу. Какъ бы я ни хотѣлъ покориться этому совѣту, выполнить его было невозможно. Я рванулся, чтобъ освободиться отъ своего неизвѣстнаго покровителя, рѣшившись во что бы то

ни стало свободно выйти изъ залы. Скоро я увидѣлъ, что Ды О'Доногью заботливо искалъ меня, и мы вмѣстѣ вышли на улицу. Дружественная толпа, однакожь, провожала насъ до гостиницы, состоя, какъ я имѣю основаніе думать, изъ феніевъ, которые знали о проектированномъ насиліи противъ насъ и рѣшили предупредить его.

Тѣмъ временемъ Росса и его бушующая команда вполнѣ овладѣли платформой. Они разбили стулья и репортерскій столъ; сорвали газовыя лампы, махали, вмѣсто знамени, зеленымъ сукномъ, покрывавшимъ столъ, и въ теченіе получаса кричали, радуясь своему успѣху. Затѣмъ они прошли процессіей по Саквилль-стритъ и разошлись; нѣкоторые понесли поздравленія Стефенсу съ такою гордостью, какъ будто они взяли Дублинскій замокъ, сорвали союзный флагъ или арестовали лорда-лейтенанта.

На слѣдующій день сдѣлалось извѣстнымъ объясненіе этой сцены и выражено было не мало негодованія противъ вождей фeніанизма за такую попытку нарушить свободу собранія. «Комитетъ гражданъ» собрался и рѣшилъ держать публичный митингъ въ слѣдующій понедѣльникъ въ той же залѣ Ротунды и провести тексты резолюціи, которые было предположено вотировать на первомъ собраніи; а для противодѣйствія тактикѣ феніевъ рѣшено принять мѣры и, въ случаѣ нужды, встрѣтить силу силой.

Но какъ было это сдѣлать? Какъ было устроить такъ, чтобы собрались тысяча или двѣ народа и чтобы между ними не было членовъ феніанской организаціи? Могли ли мы ручаться, что въ самомъ «комитетѣ гражданъ» не было людей, которые наружно высказывали намъ симпатію, а въ дѣйствительности вели контрмины подъ всѣ наши планы и приспособленія? «Этого невозможно сдѣлать», — говорили нѣкоторые изъ наиболѣе благоразумныхъ нашихъ друзей. Кромѣ того, по городу ходило пропасть слуховъ и самыхъ тревожныхъ разсказовъ: будто бы феніанскіе вожди отрядили на слѣдующій митингъ тысячу человѣкъ съ револьверами; будто Стефенсъ поклялся во что бы то ни стало сдѣлать и митингъ, и рѣчи, и резолюціи абсолютно невозможными. Испуганные друзья приходили къ намъ и убѣждали насъ отказаться отъ митинга. «Это отчаянные люди; не стоитъ идти наперекоръ имъ; будетъ кровопролитіе и убійство. Лучше отказаться!» Я же, напротивъ, убѣждалъ всѣхъ друзей общественной свободы быть твердыми и готовыми ко всякой опасности. «Мы жалуемся на англійскую тираннію,—говорилъ я,—и наши отцы

жертвовали своими жизнями, сопротивляясь ей. Но здѣсь мы имѣемъ гораздо болѣе вредную тиранію. Мнѣ грозятъ больше, чѣмъ кому-нибудь. Я знаю это и все-таки рѣшаюсь идти впередъ; и что бы со мной ни случилось, я во всякомъ случаѣ буду бороться за общественную свободу». Къ моему удовольствію, это воззрѣніе оказалось очень распространеннымъ. Нетерпимость и насильственный деспотизмъ феніанскихъ вождей противъ публичныхъ собраній сдѣлали ихъ очень непопулярными.

Было рѣшено держать митингъ тотчасъ послѣ обѣда (такъ какъ ночное время представляло бы много преимуществъ для безпорядка и нападенія) и публику впускать по нумерованнымъ билетамъ. Я чувствовалъ, что это была проба силы и искусства между мной и Стефенсомъ, и я рѣшилъ, что онъ долженъ убѣдиться въ моей способности защищаться. «Безумецъ!—воскликнулъ одинъ возбужденный пріятель за одинъ или два дня до митинга,—развѣ вы не знаете, какъ безполезно и опасно бороться съ тайнымъ обществомъ? Вотъ теперь они тайно печатаютъ такіе же билеты, какъ ваши, и въ день митинга зала окажется наполненною толпой не друзей, а враговъ!»

Я притворился озадаченнымъ. Но на дѣлѣ я это и ожидалъ. разставилъ для вождя феніевъ ловушку и онъ шелъ въ нее. Всѣмъ, кому были даны билеты для раздачи, велся аккуратный списокъ; и всякій распространитель былъ лично отвѣтственъ за имя и адресъ лица, которому онъ далъ билетъ. Всякій членъ «комитета гражданъ»—около сорока всѣхъ—получилъ на этихъ условіяхъ четыре или пять пачекъ билетовъ. Я догадывался, что въ самомъ комитетѣ были агенты врага и что не только о каждомъ нашемъ шагѣ будетъ донесено куда слѣдуетъ, но что и билеты будутъ поддѣланы. Я зналъ одного пріятеля литографа, которому могъ вполнѣ довѣрять; и вотъ, не сказавши никому, я заказалъ ему напечатать медленнымъ и не поддающимся поддѣлкѣ процессомъ двѣ тысячи билетовъ. Когда все было готово, наканунѣ нашего митинга я собралъ «комитетъ гражданъ». «Господа, наши билеты поддѣланы!»—воскликнулъ я.—«Да, да. Это фактъ»—раздались многіе голоса.—«Что за срамъ! Что же дѣлать?—заговорили нѣкоторые тайные агенты Стефенса, притворяясь удивленными.—Мы не можемъ держать митинга; мы должны отказаться отъ него».

— Нѣтъ, господа,—сказалъ я,—мы не откажемся отъ него. Всякій изъ насъ, если онъ дѣйствовалъ искренно и согласно условію, знаетъ, кому онъ давалъ билеты.

— Совершенно вѣрно. Будьте увѣрены.

— Хорошо. Всѣ такіе билеты теперь уничтожаются и не будутъ завтра приниматься у дверей зала. Вотъ другіе билеты, которыми каждый изъ васъ сегодня вечеромъ замѣнитъ всѣ старые у своихъ знакомыхъ.

Собраніе разразилось взрывомъ удовольствія. Два или три изъ нашихъ друзей, конечно, имѣли нѣсколько унылый видъ, несмотря на усилія радоваться вмѣстѣ съ другими.

Трудно сказать, съ какою цѣлью: затѣмъ ли, чтобъ испугать меня, или съ серьезнымъ намѣреніемъ, но моему семейству были посланы частныя письма, предупреждавшія его самымъ торжественнымъ и яснымъ образомъ, что мое смѣлое поведеніе приведетъ къ печальнымъ послѣдствіямъ. Въ письмахъ этихъ говорили, что я буду застрѣленъ. «Еслибы даже и такъ,—сказалъ я,—я скорѣй хочу быть застрѣленнымъ, чѣмъ быть трусомъ или рабомъ».

На слѣдующій день городъ былъ встревоженъ и возбужденъ, какъ будто ожидалъ землетрясенія, предсказаннаго въ календаряхъ. Онъ казался крѣпостью, за обладаніе которой велась свирѣпая битва. Всѣ были увѣрены, что моя жизнь послужитъ искупительною жертвой; изъ самыхъ отдаленныхъ частей Ирландіи пріѣзжали вооруженные друзья, чтобы защищать меня. Одинъ изъ нихъ, олицетвореніе дружеской преданности, Томасъ П. О'Конноръ изъ Типперари, былъ человѣкомъ, которому феніи были многимъ обязаны. Впослѣдствіи они сдѣлались ему еще болѣе обязаны за его вліяніе, его хлопоты и великодушіе, когда имъ самимъ понадобилась защита и помощь. Хотя онъ благополучно здравствуетъ до сихъ поръ, но въ ночь, предшествовавшую этому митингу, онъ, какъ и многіе другіе, принялъ религіозное напутствованіе на случай смерти на другой день. Теперь кажется почти абсурдомъ то, что тогда считалось такой серьезною вещью. Мое собственное семейство прощалось со мной, какъ будто никогда не надѣялось больше видѣть меня. Однакожь никто не могъ поколебать моего рѣшенія.

Отрядъ «національныхъ волонтеровъ» предложилъ свои услуги служить стражей и привратниками при митингѣ и послѣ тщательнаго выбора двѣсти человѣкъ были записаны. Около каждой двери помѣстилось по «ротѣ» съ «капитаномъ» во главѣ. Когда въ часъ дня двери были отперты, въ большую залу среди апплодисментовъ потекла толпа гражданъ, очевидно весьма порицав-

шая всякое столкновеніе съ согражданами, но рѣшившаяся во что бы то ни стало защищать право публичныхъ собраній для законныхъ и патріотическихъ цѣлей.

Скоро у дверей раздались крики: «поддѣльный билетъ». Враги начали собираться, но находили входъ для себя закрытымъ. Около двухъ часовъ пришелъ цѣлый баталіонъ съ О'Донованомъ Россой во главѣ. Онъ подалъ недѣйствительный билетъ. «Не годится!»—сказалъ молодой Джозефъ Генли изъ Ардавона, образецъ атлетической силы и крѣпости, бывшій капитаномъ у этой двери.—«Я долженъ пройти!»—сказалъ Росса, тоже крѣпко сложенный, сильный, энергичный и рѣшительный.—«Вы не пройдете!»—былъ вызывающій отвѣтъ. Росса кинулся къ двери, но былъ поваленъ молотообразнымъ ударомъ Генли. Съ быстротою молніи Росса былъ на ногахъ и отвѣтилъ тѣмъ же. Оба бойца были какъ нарочно подобраны; но преимущество было на сторонѣ молодаго, прошедшаго военную школу, капитана. Росса, смѣлый какъ левъ, дрался хорошо, но все напрасно. Его товарищи пробовали вступиться, но не допустила стража и, послѣ настоящей драки, феніи удалились. Нѣчто подобное случилось и у другихъ входовъ; нападавшіе всюду были побиты. Митингъ имѣлъ полный успѣхъ и резолюціи поставлены. Этотъ день былъ полною побѣдой. Помимо временнаго раздраженія, я не думаю, чтобъ и феніи стали относиться къ намъ хуже за нашу рѣшимость и мужество. Съ той и другой стороны люди показали полное нежеланіе употреблять огнестрѣльное оружіе, что удивило всѣхъ. Сильные и тяжелые удары наносились и получались и даже кровь проливалась; и хотя каждый изъ нѣсколькихъ сотъ людей носилъ револьверъ, но ни одинъ изъ нихъ не былъ вынутъ. Еслибы хоть одинъ былъ пущенъ въ дѣло, явились бы сотни ихъ, и могли произойти печальныя сцены. Мы всѣ были очень рады, что день прошелъ такъ хорошо. Граждане вообще, какъ мнѣ извѣстно, были тоже довольны. Еслибы мы такимъ образомъ не возстали на защиту терпимости и свободы, всякая свободная дѣятельность въ политикѣ была бы остановлена насильственнымъ терроризмомъ.

2-го апрѣля 1865 г. паденіемъ Ричмонда закончилась американская междоусобная война. 7-го сдался генералъ Ли. Къ іюню федеральныя арміи были распущены. Ирландскіе полки сдѣлались свободны. Сотни смѣлыхъ и искусныхъ офицеровъ, отвыкшихъ отъ преслѣдованія мирныхъ цѣлей, оказались въ положеніи ищущихъ себѣ симпатичнаго дѣла, въ которомъ они могли бы про-

должать свою карьеру. Феніанскіе вожди почувствовали, что часъ дѣйствія наступилъ. Оружіе ввозилось и раздавалось безъ перерыва, хотя далеко не въ такомъ количествѣ, какого хотѣлъ Стефенсъ. Каждый пароходъ изъ Америки привозилъ офицеровъ, между которыми одинъ изъ первыхъ былъ генералъ-бригадиръ Т. Ф. Мулленъ, который и основалъ свой постъ въ Дублинѣ, въ качествѣ главнокомандующаго. Съ континента пріѣхали генералъ Клюзерэ и генералъ Феріола, изъ которыхъ первый позднѣе принималъ участіе въ парижской коммунѣ. Всякій зналъ, что̀ готовится, потому что всѣ тайныя движенія феніанъ производились удивительно публично. Американскіе кружки, желая усилить подписку, печатали воззванія и разоблачали все, что ни дѣлалось. Одно изъ нихъ, изданное спрингфильдскимъ кружкомъ «къ ихъ американскимъ товарищамъ-гражданамъ», гласило слѣдующее:

«Ирландія наканунѣ революціи. День открытія дѣйствій временнаго правительства назначенъ. Армія изъ 200.000 человѣкъ поклялась его поддерживать. Американскіе и ирландскіе офицеры, съ отличіемъ служившіе въ вашей арміи, тайно переѣзжаютъ въ Ирландію, чтобы принять на себя веденіе операцій, которыя будутъ выполнены въ нѣсколько мѣсяцевъ—и скорѣе, гораздо скорѣе, чѣмъ кто-нибудь изъ васъ ожидаетъ».

Въ августѣ ирландскія газеты начали наполняться алярмистскими письмами провинціальныхъ джентльменовъ, и возможность возстанія обсуждалась съ сотни точекъ зрѣнія. Въ сентябрѣ судьи графства Коркъ собрались, въ числѣ 150, на спеціальное собраніе для обсужденія опаснаго положенія дѣлъ. Они представили правительству докладную записку, но правительство уже составило свое рѣшеніе. Не легко опредѣлить моментъ, когда тайная организація можетъ быть поражена самымъ дѣйствительнымъ образомъ. Случайное обстоятельство показало властямъ въ Дублинскомъ замкѣ, что не слѣдуетъ терять времени. Въ числѣ служащихъ въ типографіи *Irish People* былъ человѣкъ по имени Пирсъ Нэгль, любимецъ, довѣренный агентъ и курьеръ Стефенса. Болѣе уже года Нэгль состоялъ на жалованьи у правительства и систематически доносилъ на всѣхъ феніанскихъ вождей. Однажды отъ южно - типперарскихъ В. пріѣхалъ посланный и получилъ отъ Стефенса документъ величайшей важности и тайны, съ которымъ онъ и долженъ былъ возвратиться немедленно въ Клонмель. Бумага, которую онъ везъ, должна была быть тамъ прочитана центрамъ и немедленно уничтожена. Посланный выпилъ послѣ обѣда

и заснулъ на скамейкѣ въ типографіи. Нэгль вошелъ, увидѣлъ его и догадался, что «капитанъ» далъ ему важное письмо. Карманы спящаго были тотчасъ же вывернуты и драгоцѣнный документъ похищенъ. Прошло нѣсколько дней, прежде чѣмъ Нэгль нашелъ возможнымъ благополучно передать его полиціи. Какъ только бумага попала въ руки правительства, ея важность была тотчасъ же оцѣнена. Не прошло и нѣсколькихъ часовъ, какъ она уже находилась въ комнатѣ совѣта Дублинскаго замка. Одного взгляда на нее было достаточно для лорда Водгауза для того, чтобы понять, что онъ долженъ нанести ударъ безъ дальнѣйшихъ колебаній. Онъ это и сдѣлалъ.

XXII.

Бѣгство изъ ричмондской тюрьмы.

— Торопись въ городъ скорѣй, скорѣй! Тамъ отчаянныя дѣла. *Irish People* запрещенъ; контора захвачена; Люби, О'Лири и Росса арестованы; телеграфныя сообщенія съ югомъ остановлены; никто не знаетъ, что можетъ случиться!

Такъ говорилъ мой братъ, стоя въ дверяхъ моей спальни рано утромъ въ субботу 16 сентября 1865 года. Онъ пріѣхалъ изъ города ко мнѣ, за три мили, въ сѣверное предмѣстье, чтобы сообщить новость о только-что случившихся тревожныхъ событіяхъ.

— Люби, О'Лири и Росса арестованы!—воскликнулъ я.—А Стефенса тоже взяли?

— Нѣтъ,—по крайней мѣрѣ, пока я былъ въ городѣ.

— Ну, такъ будь увѣренъ, что онъ будетъ драться. Сегодня ночью мы будемъ имѣть баррикады въ городѣ.

Я наскоро позавтракалъ, пока мой братъ передавалъ подробности происшествія. Я, насколько могъ, скрылъ свое волненіе; но положеніе дѣлъ мнѣ казалось очень серьезнымъ. По тѣмъ свѣдѣніямъ, которыя я имѣлъ въ теченіе послѣднихъ одного или двухъ мѣсяцевъ, я зналъ, что этотъ *coup* только на нѣсколько недѣль предупредилъ назначенный феніями открытый взрывъ. Разница во времени казалась мнѣ такой незначительной, что Стефенсъ долженъ былъ скорѣе принять битву теперь, чѣмъ позволить разбить свои силы по частямъ. Мало того, этотъ шагъ правительства былъ такъ очевиденъ и неизбѣженъ, что онъ долженъ былъ приготовиться къ нему съ того самаго момента, когда открыто основалъ центральное бюро феніанскихъ дѣлъ на самомъ

порогѣ замка и наполнилъ его лучшими и наиболѣе выдающимися людьми своей партіи.

Я поѣхалъ въ городъ и нашелъ всѣхъ въ волненіи и тревогѣ. Только послѣ довольно долгихъ распросовъ мнѣ удалось кое-что разузнать о случившемся,—такъ сбивчивы и противорѣчивы были ходившіе по городу разсказы.

Наканунѣ, въ пятницу 15 сентября 1865 года, въ Дублинскомъ замкѣ держался совѣтъ ирландскихъ исполнительныхъ властей. Ему были представлены донесенія полиціи о критическомъ положеніи феніанскихъ дѣлъ, о постоянномъ притокѣ въ страну американскихъ офицеровъ, объ усиливающейся дѣятельности въ провинціяхъ, о полученіи феніанскими вождями крупныхъ денежныхъ переводовъ, о повсемѣстныхъ обширныхъ военныхъ ученіяхъ и особенно въ Дублинѣ. Но самымъ важнымъ документомъ служило собственноручное письмо главы движенія слѣдующаго содержанія:

«Дублинъ, 8-го сентября 1865 года. Братья! Я съ сожалѣніемъ вижу, что вы не получили письма, посланнаго вамъ мной. Еслибы вы его получили, я увѣренъ, все было бы уже давно въ порядкѣ, потому что я тамъ въ точности говорилъ вамъ, что дѣлать; а разъ вы видѣли свой путь, безъ сомнѣнія, вы слѣдовали бы ему въ точности. Насколько я могу понимать, ваше настоящее положеніе и желаніе таковы, что самое лучшее для васъ — собрать всѣхъ дѣйствующихъ В вмѣстѣ и, послѣ должнаго обсужденія и помимо какихъ бы то ни было личныхъ мотивовъ, имѣя въ виду исключительно и сознательно благо дѣла, выбрать одного человѣка, который могъ бы представлять васъ всѣхъ и руководить вами. Когда это будетъ сдѣлано, избранный вами долженъ тотчасъ же пріѣхать сюда за полученіемъ инструкцій и уполномочія для веденія благого дѣла. Не слѣдуетъ терять времени. Этотъ годъ,—я говорю это безъ всякаго колебанія,—долженъ быть годомъ дѣйствія. Я говорю это съ сознаніемъ дѣла и авторитетомъ, на которые не можетъ претендовать никто другой; и я повторяю: знамя Ирландіи, т. е. Ирландской республики, должно развернуться въ этомъ году. За недостаткомъ времени я принужденъ лишь прибавить, что оно должно быть поднято въ такомъ пылу надежды, какой никогда еще не пылалъ вокругъ него. Итакъ, будьте тверды въ вѣрѣ и бодры. Все идетъ хорошо.—Братски вашъ *Ж. Пауэръ*» *).

---

*) Одинъ изъ безчисленныхъ псевдонимовъ Стефенса.

Прим. авт.

«NB. Это письмо должно быть прочитано только дѣйствующимъ В и затѣмъ сожжено».

Таково было содержаніе письма, взятаго Пирсомъ Нэглемъ изъ кармана пьянаго курьера, заснувшаго въ конторѣ *Irish People*.

Исполнительная власть рѣшила, что тайная организація должна быть поражена немедленно и притомъ одновременно по всему острову. Феніанскій органъ долженъ быть захваченъ, а вожди повсюду арестованы. Рѣшеніе было постановлено такъ быстро, что возникло затрудненіе относительно захвата газеты. Ея изданія за эту недѣлю были уже на пути въ Англію и провинціи. Въ моментъ самаго постановленія машина *Irish People* оканчивала печатаніе «провинціальнаго изданія», и телѣги со связками для агентовъ развозили его на поѣзда желѣзныхъ дорогъ и пароходы. Захватить ихъ уже не было возможности. Въ три часа все было готово, и полиція получила приказъ дѣйствовать. Но прежде, чѣмъ въ Дублинѣ былъ сдѣланъ первый шагъ, по всѣмъ «опаснымъ» городамъ были разосланы телеграммы, извѣщающія мѣстныхъ властей, что въ 10 часовъ вечера повсюду долженъ быть сдѣланъ одновременный натискъ на феніевъ и что въ виду этого немедленно должны быть приняты всѣ необходимыя мѣры предосторожности. Около 9 часовъ управляющій телеграфной компаніи былъ удивленъ посѣщеніемъ правительственнаго чиновника со страннымъ требованіемъ. Онъ сказалъ, что въ виду чего-то, «что̀ должно случиться», правительство желаетъ «задержать» всѣ телеграммы, касающіяся финіанизма, кромѣ тѣхъ, которыя пересылаются агентами самого правительства. Управляющій хорошо зналъ, что это значило. Отказа на такое любезное приглашеніе не могло быть. Требуемое распоряженіе было сдѣлано. Для полной увѣренности, въ телеграфной конторѣ былъ поставленъ полицейскій въ полной формѣ. Теперь все было готово и въ 9 часовъ нѣсколько отрядовъ полиціи, хорошо вооруженныхъ, спокойно двигались по Парламентской улицѣ и заняли оба ея конца. Въ то время, какъ прохожіе дивились появленію полицейскаго кордона, нѣсколько сыщиковъ стучались въ дверь № 12, гдѣ помѣщалась контора *Irish People*. Никто не вышелъ отворить, и дверь была сломана. Домъ былъ занятъ и обшаренъ съ необыкновенною быстротой. Внутри никого не оказалось. Конторскія книги, формы шрифта и связки печатной бумаги (городское изданіе *Irish People*) были вынесены на улицу, нагружены на телѣги и увезены въ замокъ; по-

лицейская стража была оставлена на мѣстѣ. Было ясно, что весь штатъ *Irish People* оставилъ контору за полчаса передъ этимъ, окончивши всю работу на этотъ день. Нѣкоторые изъ его членовъ находились еще по сосѣдству, и какъ только новость распространилась по улицѣ, они бросились вонъ и были схвачены. Между тѣмъ другіе отряды полиціи работали въ других частяхъ города. Квартиры выдающихся феніевъ были хорошо извѣстны, и не прошло нѣсколькихъ часовъ, какъ О'Донованъ Росса, Джонъ О'Клогисси, Томасъ Ашъ, Михаилъ О'Нейль Фогерти, Мортимеръ Мойнигенъ и В. Ф. Роантри уже находились въ тюрьмѣ. Ни одинъ изъ нихъ не сопротивлялся. Люби, проведшій вечеръ съ однимъ изъ своихъ пріятелей, возвратился домой въ Дольфинъ-барнъ только въ полночь. Онъ не зналъ, что два сыщика были спрятаны въ ближайшемъ кустарникѣ и ожидали его въ теченіе нѣсколькихъ часовъ. Едва онъ успѣлъ войти въ домъ, какъ они постучались, были впущены и арестовали его. Они сдѣлали обыскъ и нашли нѣкоторыя бумаги; между послѣдними было нѣсколько писемъ отъ нѣкоего О'Киффэ, хорошо извѣстнаго въ газетномъ мірѣ своими сумасбродными странностями. Онъ писалъ Люби въ своемъ характерномъ стилѣ, побуждая революціонныхъ вождей, если они дѣйствительно думаютъ дѣлать дѣло, идти и поохотиться на крупныхъ милордовъ, въ родѣ герцога Лейнстера. Для всякаго, кто зналъ автора, эти письма были лишь забавнымъ литературнымъ курьезомъ. И дѣйствительно, Люби смѣялся надъ ними и показывалъ ихъ ради потѣхи и другимъ. Однако, къ его собственному несчастію, онъ не уничтожилъ свирѣпой программы Киффэ. Хранить такой документъ для человѣка, принимающаго участіе въ политической тайной организаціи, было дѣломъ крайне опаснымъ; въ случаѣ ареста его, содержанію могло быть придано серьезное и реальное значеніе. Такъ и было въ этомъ случаѣ: эти пресловутыя письма Киффэ были положены въ основаніе обвиненія противъ арестованныхъ феніевъ, что для многихъ изъ нихъ было больнѣе и вызывало болѣе горькія жалобы, чѣмъ всѣ муки тюремнаго заключенія *).

*) Ничто такъ не удивляло вождей феніевъ, какъ ужасное обвиненіе въ томъ, что они замышляли „всеобщее убійство и всесвѣтный грабежъ". Принимая письма Киффэ за основаніе, власти замка широко развили это возмутительное и жестокое утвержденіе въ извлеченіи изъ дѣла и въ инструкціи прокурору при предварительномъ слѣдствіи. Подсудимые никогда не могли простить этого обвиненія. Они сосредоточили весь, или почти весь, свой гнѣвъ

Однакожь, какъ бы ни была пагубна та роль, какую играла въ дѣлѣ рукопись Киффэ, она еще не была самымъ опаснымъ открытіемъ. Въ конторкѣ Люби былъ найденъ запечатанный пакетъ съ надписью «Миссъ Фразеръ».—«Что это такое?»—спросилъ чиновникъ, кладя пакетъ на столъ передъ Люби. На одно мгновеніе его губы задрожали и лицо поблѣднѣло; но затѣмъ онъ быстро оправился и отвѣтилъ беззаботнымъ тононъ: «О, это что-то между дамами»,—и толкнулъ пакетъ черезъ столъ къ своей женѣ. Но прежде, чѣмъ та успѣла пошевелиться, чиновникъ схватилъ пакетъ. Этотъ запечатанный пакетъ содержалъ самыя положительныя улики, на которыхъ правительство съ самаго начала и до конца строило свои обвиненія противъ главныхъ заговорщиковъ. Это былъ приказъ, писанный Стефенсомъ, какъ высшимъ главой революціоннаго движенія, о назначеніи Люби, О'Лири и Кикгама тріумвирами въ исполнительный комитетъ на время его отсутствія для ревизіи американскихъ кружковъ. Онъ гласилъ слѣдующее:

«Я уполномочиваю этимъ Томаса Кларка Люби, Джона О'Лири и Чарльза Ж. Кикгама составить комитетъ организаціи или исполнительную коммиссію съ правомъ того же высшаго контроля надъ организаціей въ Ирландіи, Англіи и Шотландіи, которымъ я пользовался самъ. Я уполномочиваю ихъ также назначить комитетъ военной инспекціи и комитетъ апелляцій или суда, функціи которыхъ будутъ разъяснены всякому ихъ члену. Довѣряя патріотизму и способностямъ членовъ исполнительнаго комитета, я заранѣе вполнѣ санкціонирую ихъ дѣйствія и призываю всякаго изъ нашихъ рядовъ поддерживать ихъ и довѣриться ихъ руководству во всемъ, что касается до военной организаціи братства».

Ж. Стефенсъ.

на злополучномъ Барри (теперешнемъ коронномъ судьѣ), тогдашнемъ прокурорѣ, ведшемъ это дѣло. Излагая то, что ему было сообщено въ извлеченіи, онъ настаивалъ на этомъ положеніи. Когда впослѣдствіи ложность его была установлена въ самомъ замкѣ, власти нашли нужнымъ лишь замолчать, переставъ упоминать о немъ, но отнюдь не открыто отказаться отъ него. Этотъ достойный сожалѣнія образъ дѣйствія поставилъ въ ложное положеніе какъ подсудимыхъ, такъ и самого Барри. Онъ не снялъ съ первыхъ тяготѣвшаго надъ ними обвиненія и былъ лишенъ послѣдняго случая, которымъ бы онъ съ удовольствіемъ воспользовался, чтобы проявить свое великодушіе и чувство справедливости и отнестись къ дѣлу съ точки зрѣнія своего собственнаго пониманія, а не данной ему инструкціи.

Прим. авт.

Люби былъ заключенъ въ тюрьму. Его бумаги подъ печатями отвезены въ замокъ. Джорджъ Гопперъ (сестра котораго была женою Стефенса), Джонъ О'Лири и многіе другіе были арестованы рано утромъ. Можно сказать, что до полудня субботы, за исключеніемъ самого Стефенса и двухъ - трехъ другихъ, правительство захватило всѣхъ сколько-нибудь выдающихся и связанныхъ съ ирландскимъ отдѣломъ феніанской организаціи.

Однако-жь замѣчаніе, невольно вырвавшееся у меня въ это утро, при слушаніи разсказа обо всѣхъ этихъ новостяхъ, было у всѣхъ на губахъ: «если они не взяли Стефенса, они били въ пустую. Онъ задѣлаетъ всѣ дырья и подастъ сигналъ для дѣйствія до истеченія сутокъ».

Между тѣмъ по всей Ирландіи происходили сцены, подобныя только-что описаннымъ. Ночные аресты и захваты, торопливыя бѣгства, странные слухи и паническая тревога наполняли всякій значительный городъ и мѣстечко. Въ Дублинскомъ замкѣ это было критическимъ временемъ. Сэръ Томасъ Ларкомъ, помощникъ государственнаго секретаря, сидѣлъ всю ночь, получая каждыя пять минутъ донесенія и издавая приказы. Успѣшный захватъ конторы *Irish People* считался правительствомъ столь важнымъ, что его производили сами г. О'Феррелъ, коммиссаръ полиціи, и полковникъ Вудъ, генералъ-инспекторъ полицейской стражи. Полковнику Лейку было поручено производство всѣхъ арестовъ въ городѣ и подавленіе возможныхъ сопротивленій. И въ Дублинѣ, и въ Коркѣ почти навѣрно ожидались возмущенія. Въ послѣдній была наскоро отправлена изъ Баллинколлига добавочная батарея артиллеріи. Въ три часа утра всѣ солдаты гарнизона были разбужены и поставлены подъ ружье; изъ Фермоя и другихъ станцій спѣшили подкрѣпленія.

Граждане Дублина считали часы этого возбужденнаго дня съ отягощеннымъ сердцемъ. Съ приближеніемъ ночи тревога усилилась. Многіе сидѣли до зари, прислушиваясь къ первому раскату артиллеріи или залпу ружей на улицахъ; народъ встрѣтилъ утро послѣ благополучно прошедшей ночи съ чувствомъ истиннаго облегченія.

Гдѣ же былъ все это время Стефенсъ?—Онъ жилъ спокойно и невозмутимо, и притомъ довольно открыто, въ прекрасной подгородней виллѣ меньше чѣмъ въ двухъ миляхъ отъ Дублинскаго замка. По всей странѣ была распространена прокламація, объявляющая 200 ф. с. награды за его арестъ, а описаніе его

наружности было вывѣшено у дверей всѣхъ казармъ. Тысячи полицейскихъ и сотни сыщиковъ и шпіоновъ изощрялись въ усиліяхъ открыть его мѣстопребываніе, и все напрасно. Они слѣдили за всякимъ пассажиромъ желѣзныхъ дорогъ и хватали всякаго коми-вояжера, имѣвшаго несчастіе сколько-нибудь походить на его описаніе. Они слѣдили за всякимъ, кто сколько-нибудь походилъ на переодѣтаго, но имъ не приходило въ голову искать его между не переодѣтыми. «Мистеръ Гербертъ», въ Фейрфильдъ-гоузѣ, въ Сендимоунтѣ, не производилъ впечатлѣнія прячущагося. Безъ сомнѣнія, онъ большую часть времени проводилъ дома, но за то его можно было видѣть почти каждый день въ цвѣтникѣ или оранжереѣ дѣятельно разсаживающимъ свои гераніумы или ухаживающимъ за своими тропическими растеніями. Онъ жилъ хорошо, держалъ хорошій погребъ, имѣлъ со вкусомъ меблированный домъ. Ни одному сыщику не приходило въ голову, чтобъ этотъ джентльменъ, такъ глубоко погруженный въ садоводство и имѣющій такой спокойный видъ, могъ быть причастенъ къ политикѣ. Конечно, «мистеръ Гербертъ» иногда ѣздилъ по вечерамъ въ городъ. Въ ночь арестовъ онъ былъ въ домѣ одного изъ феніанскихъ организаторовъ (Флуда) въ Дензиллъ-стритѣ, давая свиданія одному за другимъ агентамъ и подчиненнымъ, ожидавшимъ его въ пріемной. Вдругъ вошелъ Джемсъ О'Конноръ изъ *Irish People* и спросилъ «капитана». Его пріемы обнаруживали нѣкоторое волненіе; но, получивши въ отвѣтъ, что нужно ждать, онъ совершенно спокойно сѣлъ, пока не пришла его очередь. Войдя въ комнату Стефенса, онъ сообщилъ новость: контора въ рукахъ полиціи; Росса и нѣсколько другихъ товарищей арестованы; обыски и аресты производились повсюду вокругъ. Стефенсъ возбужденно бросился въ пріемную съ извѣстіемъ. Собравшіеся конфедераты выказали свое удивленіе и волненіе различными способами. Между ними былъ одинъ, особенно сильно удивленный и пораженный—Пирсъ Нэгль, шпіонъ правительства, знавшій все.

Они разошлись по домамъ. Стефенсъ благополучно достигъ Фейрфильдъ-гоуза и спокойно заснулъ; за то нѣкоторые другіе оказались въ полицейскихъ камерахъ прежде наступленія утра; въ числѣ ихъ былъ и Пирсъ Нэгль. Только на слѣдующій день, приведенные къ полицейскому судьѣ для формальной отдачи подъ судъ, они узнали, сколько друзей раздѣляютъ ихъ участь. Не мало дивились они, кто бы изъ нихъ могъ быть предателемъ.

Они и не подозрѣвали, что онъ въ эту минуту былъ въ ихъ средѣ, повидимому, такой же арестантъ, какъ и они сами. Наконецъ, спустя нѣсколько дней, въ теченіе которыхъ Пирсъ игралъ *роль* мученика, пришла для него пора появиться въ своемъ настоящемъ видѣ; потребовались его показанія въ судѣ. Когда насталъ этотъ день и ихъ прежній товарищъ, довѣренный слуга и агентъ ихъ главы, подошелъ къ столу, какъ свидѣтель короны, чтобы своею присягой взвести ихъ на эшафотъ, обреченные люди обмѣнялись взглядами отчаянія,—того отчаянія, для котораго надежда исчезаетъ, но не того, которое теряетъ голову передъ несчастіемъ.

Прошло два мѣсяца, но всѣ поиски Стефенса оставались по-прежнему тщетны. Для суда надъ Люби, О'Лири, Россой и другими 27-го ближайшаго ноября была назначена спеціальная коммиссія. Распространился и повсюду встрѣчалъ вѣру разсказъ, будто Стефенсъ торжественно объявилъ, что эти люди внѣ опасности; мало того, что очень скоро они помѣняются ролями съ преслѣдователями. Въ началѣ ноября дублинская полиція замѣтила, что мистрисъ Стефенсъ появлялась въ Дублинѣ не рѣже обыкновеннаго. Они выслѣживали ее въ теченіе нѣсколькихъ вечеровъ по направленію къ Сендимоунтъ и всегда теряли изъ виду въ сосѣдствѣ съ домомъ «мистера Герберта». Въ околодкѣ была размѣщена усиленная полиція и сдѣлано мельчайшее изслѣдованіе улицы за улицей, дома за домомъ. Въ четвергъ 9-го ноября видѣли, какъ мистрисъ Стефенсъ вышла изъ Фейрфильдъ-гоуза и направилась въ Дублинъ. По пятамъ за ней по городу и затѣмъ назадъ до дому слѣдовала шпіонка-женщина и полиція убѣдилась, что человѣкъ, котораго ей нужно, находится въ ея власти. Вечеромъ въ пятницу домъ былъ незамѣтно окруженъ сыщиками. Многія обстоятельства убѣдили ихъ, что конспираторъ былъ въ домѣ. Всѣ были убѣждены, что для ареста его понадобится отчаянная и кровавая борьба. За часъ до разсвѣта въ субботу утромъ весь отдѣлъ *G* полиціи подъ личною командой полковника Лейка окружилъ домъ. Шесть дивизіонныхъ инспекторовъ перелѣзли черезъ стѣну сада и постучались въ заднюю дверь дома. Голосъ изнутри, въ которомъ двое изъ нихъ узнали Стефенса, спросилъ: «Кто тамъ? Корриганъ, что ли?»—подразумѣвая, повидимому, что это садовникъ, обыкновенно приходившій на работу рано утромъ.

Отвѣтъ былъ: «полиція».

— Я не могу впустить васъ. Я не одѣтъ,—сказалъ Стефенсъ.

— Если вы не отопрете немедленно, мы сломаемъ дверь,— прибавилъ инспекторъ Гюйесъ.

Стефенсъ, бывшій въ ночномъ платьѣ, пробѣжалъ черезъ прихожую къ парадной двери, отворилъ ее и увидалъ, что домъ былъ окруженъ. Тогда онъ возвратился къ задней двери, отперъ задвижки и бросился вверхъ по лѣстницѣ въ спальную комнату. За нимъ слѣдомъ бѣжала полиція, подозрѣвая въ этомъ легкомъ впускѣ какой-то недобрый замыселъ. Въ спальной были мистрисъ Стефенсъ и ея сестра. Сыщики Даусонъ и Гюйесъ очутились тамъ въ нѣсколько прыжковъ. Первый, знавшій главу феніевъ, сказалъ:

— Какъ поживаете, Стефенсъ?

Стефенсъ, сердито смотря на говорившаго, воскликнулъ:

— Что вы за дьяволъ такой?

— Я Даусонъ,—отвѣчалъ сыщикъ тономъ профессіональнаго убѣжденія, что всякій, или по крайней мѣрѣ всякій, замѣшанный въ незаконныхъ дѣлахъ, долженъ слыхать о Даусонѣ.

— Даусонъ?... Ахъ, да, я слыхалъ о васъ,—отвѣчалъ Стефенсъ, продолжая, не торопясь, одѣваться.

Пока эта сцена происходила въ спальной Стефенса, остальныя комнаты дома были наполнены полиціей, дѣлавшей тамъ не менѣе важные аресты. Въ ближайшей комнатѣ были найдены Чарльзъ Ж. Кингамъ, Гью Брофи и Эдуардъ Дуффи, изъ которыхъ послѣдній не безъ основанія слылъ душой феніанскаго движенія на западъ отъ Шаннона. Подъ ихъ подушками были найдены четыре кольтовскихъ заряженныхъ револьвера. Въ комнатѣ оказалась большая сумма денегъ—около 2.000 ф. с. банковыми билетами, золотомъ и векселями. Домъ очевидно былъ снабженъ запасами на нѣсколько недѣль. Въ немъ оказалось большое количество ветчины, муки, пряностей, вина и т. д. Сильный отрядъ полиціи вокругъ дома показалъ плѣнникамъ безплодность сопротивленія. Они спокойно одѣлись и гораздо раньше, чѣмъ сосѣди успѣли задвигаться или узнали о драмѣ, разыгравшейся въ предѣлахъ Фейрфильдъ-гоуза, вся компанія была увезена и заперта подъ засовы и болты Дублинскаго замка.

Только къ полудню вѣсть объ этомъ разнеслась по городу. И тогда городъ предался возбужденію, въ которомъ не было уже никакого страха. Наводившій ужасъ Ц. О. И. Р. былъ арестованъ и всякій могъ спать спокойно. Нечего было бояться воз-

станія. Не было опасности, что багровое зарево междоусобной войны окраситъ полуночное небо. Лица сыщиковъ блистали восторгомъ. Во всякомъ движеніи головы каждаго полицейскаго можно было читать: «мы это сдѣлали».

Въ слѣдующій вторникъ четыре арестанта были привезены въ камеру полицейскаго судьи, помѣщавшуюся въ нижнемъ этажѣ замка. Карета, въ которой ихъ везли, сопровождалась коннымъ конвоемъ съ саблями на-голо; кромѣ того и впереди и позади ея ѣхали нѣсколько телѣгъ съ полицейскими, вооруженными тесаками и револьверами. Вдоль всего пути ходили усиленные патрули и вообще были приняты всевозможныя мѣры для предупрежденія попытки освобожденія. Всѣмъ хотѣлось уловить хоть одинъ взглядъ знаменитаго вождя феніевъ, который со времени арестовъ 15-го сентября сдѣлался народнымъ героемъ, но полиція и конвой не позволяли никому приближаться. Не было возможности обмѣняться ни однимъ взглядомъ съ предметомъ общаго любопытства. Компанія знатныхъ гостей и друзей вице-короля, а также и нѣкоторыхъ высшихъ чиновъ администраціи— въ числѣ ихъ лордъ Чельмсфордъ, сэръ Робертъ Пиль, полковникъ Лейкъ, м-ръ Водгоузъ, частный секретарь лорда-лейтенанта, и другіе—заняла мѣста въ камерѣ судьи, раздѣляя общее желаніе посмотрѣть на «капитана». Говорятъ даже, что жена одного изъ нихъ добилась возможности видѣть Стефенса и его товарищей въ тюрьмѣ.

Когда ввели Нэгля, онъ замѣтно дрожалъ и избѣгалъ встрѣчать взгляды подсудимыхъ. Стефенсъ держалъ себя совершенно хладнокровно, даже дерзко. Какъ улика, читалось его письмо къ клонмельскимъ В. Когда клеркъ дошелъ до мѣста, гдѣ объявлялось, что «этотъ годъ долженъ быть годомъ дѣйствія», Стефенсъ удивилъ всѣхъ громкимъ замѣчаніемъ: «такъ и будетъ».

Казалось, ему должно бы быть извѣстно изъ газетъ, что во время предыдущихъ арестовъ была захвачена масса писемъ и документовъ, да и въ Фейрфильдъ-гоузѣ хранился цѣлый складъ подобныхъ уликъ. Тамъ были списки или реэстры американскихъ офицеровъ, имена, чины, выданныя имъ на путевыя издержки деньги и числа отъѣзда ихъ въ Ирландію. Тамъ былъ протоколъ или меморандумъ очевидно военнаго совѣта, опредѣлившаго размѣръ ежемѣсячнаго содержанія: генералъ-маіоръ—750 долларъ въ мѣсяцъ, бригадный генералъ—400 дол., полковникъ (спеціальнаго оружія)—248 дол., полковникъ въ пѣхотѣ—215 дол., майоръ

(спеціальный)—200 дол., капитаны (всѣхъ родовъ оружія)—165 дол., лейтенанты—125 дол., вторые лейтенанты—115 дол. Тамъ былъ списокъ организованныхъ мѣстностей и ихъ центровъ, ключъ шифра и огромное количество писемъ. Всѣ эти документы, захваченные при арестѣ, давали возможность раскрыть и подавить заговоръ.

Предварительное слѣдствіе заняло около двухъ дней. По истеченіи ихъ, въ среду, 15 ноября, судья, прежде чѣмъ отдать обвиняемыхъ подъ судъ, спросилъ каждаго изъ нихъ, не имѣетъ ли онъ сдѣлать какихъ-нибудь замѣчаній. Стефенсъ сказалъ, что онъ имѣетъ.

Судья:—«Я буду обязанъ записать ихъ».

Стефенсъ:—«Да, запишите».

Затѣмъ, вставши и сложивши руки, онъ сказалъ: «Я не взялъ защитника по этому дѣлу, потому что всякая защита съ моей стороны означала бы признаніе британскаго закона въ Ирландіи. Теперь я открыто и сознательно отрицаю такой законъ въ Ирландіи, его право или даже его существованіе; я презираю всякое наказаніе, которое онъ можетъ наложить на меня, и ручаюсь, что оно не будетъ приведено въ исполненіе. Я сказалъ все».

Что это значило?—Только спустя десять дней вспомнили эти слова и поняли всю ихъ важность.

«Стефенсъ бѣжалъ! Стефенсъ бѣжалъ!»

Таковъ былъ крикъ, раздававшійся по всему Дублину, въ субботу, утромъ 25 ноября 1865 г.

«Стефенсъ?.. Бѣжалъ?»—«Да!»

«Изъ Ричмондской исправительной тюрьмы?.. Когда? Какимъ образомъ?... Невозможно!»

Такія восклицанія и вопросы можно было слышать на каждомъ шагу. Стефенсъ бѣжалъ! Уныніе — крайнее, безнадежное уныніе царило въ городѣ, т. е. среди «дѣловыхъ» классовъ. На остальное населеніе это событіе произвело весьма различное впечатлѣніе. Это смѣлое дѣло было именно тѣмъ, чего не доставало, чтобъ обезсмертить имя феніанскаго вождя въ глазахъ народа. Полиція и сыщики ходили по улицамъ унылые и приниженные, тогда какъ членовъ феніанскаго братства очень легко было узнать по сверкающимъ глазамъ, сіяющимъ лицамъ и дико сильнымъ объятіямъ, которыми они привѣтствовали другъ друга.

Феніанскіе вожди были заключены въ Ричмондскую тюрьму въ ожиданіи суда надъ ними 27 ноября. Построенный лѣтъ 50 или 60 тому назадъ, Ричмондъ былъ одной изъ самыхъ крѣпкихъ тюремъ въ Ирландіи; но ему совершенно не доставало тѣхъ приспособленій для наблюденія, которыми обладаютъ современныя тюрьмы. Въ концѣ нѣсколькихъ каменныхъ лѣстницъ, соединявшихъ камеры нижняго этажа съ верхними, проходилъ короткій поперечный корридоръ съ шестью камерами. Дверь между лѣстницей и корридоромъ была сдѣлана изъ кованаго желѣза почти въ дюймъ толщиной и снабжена замкомъ, отпираемымъ съ обѣихъ сторонъ. Двери камеръ также изъ котельнаго желѣза были снабжены тяжелыми висячими засовами и замками. На другомъ концѣ корридора была такая же дверь. Въ эти-то шесть камеръ, отрѣзанныя отъ всей остальной тюрьмы, и были заключены Стефенсъ, Кикгамъ и Росса. Въ одну изъ камеръ между Стефенсомъ и Кикгамомъ директоръ тюрьмы, мистеръ Маркессъ, помѣстилъ обыкновеннаго арестанта, молодого парня, по имени Макъ-Лодъ, и поручилъ ему слушать цѣлую ночь и немедленно звонить въ колокольчикъ, если услышитъ что-нибудь возлѣ себя. Для того, чтобы нельзя было ни перестукиваться, ни сноситься другимъ способомъ, ни сторожамъ, ни кому другому не было позволено входить въ корридоръ ночью; между тѣмъ какъ противъ дверей на верху лѣстницы, внѣ запертой двери, были поставлены сторожъ и полицейскій. На самой же лѣстницѣ ставить стражу не нашли нужнымъ. Сначала, когда были арестованы первые феніи, тюрьма была въ изобиліи снабжена военною стражей, часовыми и отрядомъ полиціи; но замокъ затѣялъ съ управленіемъ тюрьмы споръ изъ-за расходовъ на людей, и большая часть ихъ была удалена. Изъ-за спора о десяти или двѣнадцати фунтахъ расхода правительство принуждено было потомъ предлагать награду въ 1.000 фунтовъ и готово было дать въ пять разъ больше того.

Но никакіе болты и засовы, желѣзныя двери и рѣшетчатыя окна не были въ силахъ удержать Стефенса въ тюрьмѣ. Въ виду возможности того, что теперь случилось, нѣкоторые служащіе при тюрьмѣ были заранѣе завербованы въ члены «I. R. B.» (ирландскаго республиканскаго братства). Одинъ изъ нихъ, Ж. Ж. Брезлинъ, былъ смотрителемъ госпиталя; другой, Байрнъ, былъ ночнымъ сторожемъ, на обязанности котораго лежало обходить съ патрулемъ все зданіе, дворы и проходы. Брезлинъ имѣлъ ключъ отъ всѣхъ внутреннихъ дверей, а Байрнъ — отъ наружныхъ и

внутреннихъ. Какъ только «капитанъ» былъ привезенъ, съ этихъ ключей немедленно были сняты восковые слѣпки и опытными руками были сдѣланы дубликаты.

До тѣхъ поръ, пока часовые и патрули ходили по тюрьмѣ, свободный выходъ черезъ двери не былъ возможенъ; но, къ счастію для феніанскаго вождя, споръ объ издержкахъ (окончившійся къ этому времени) устранилъ препятствіе. Въ четвергъ 23 ноября путь открылся, а на слѣдующую ночь было назначено освобожденіе.

Наступила ночь. Запиранье и осмотръ были, по обыкновенію, окончены. Сторожа выстроились и отдали свои ключи для храненія въ кладовой директора. Часовые разставлены и прокричали свое обычное «все благополучно». Стефенсъ совсѣмъ не ложился въ постель. Онъ сидѣлъ всю ночь, зная, что между полуночью и утромъ долженъ придти его освободитель. Тому и стихіи благопріятствовали. Уже много лѣтъ Дублинъ не видалъ такой бури съ вѣтромъ и дождемъ, какая бушевала въ эту ночь при непроницаемой темнотѣ. Тюремные часы прозвонили часъ, когда Стефенсъ услышалъ приближеніе осторожныхъ шаговъ. Дверь на лѣстницѣ отперлась. Дружескій стукъ въ его собственную дверь и — она отворилась. Даніэль Байрнъ и Джемсъ Брезлинъ стояли въ корридорѣ. Они осторожно сошли съ лѣстницы, каждый сжимая въ рукахъ револьверъ. Они вышли на дворъ и достигли наружной стѣны въ томъ мѣстѣ, гдѣ конфедераты должны были ждать снаружи. Они перебросили черезъ стѣну нѣсколько голышей въ видѣ условленнаго сигнала. Въ отвѣтъ снаружи былъ брошенъ небольшой пучокъ травы. Затѣмъ принесли изъ комнаты сумасшедшихъ арестантовъ, находившейся по близости, два длинныхъ стола, которые и приставили къ стѣнѣ. Черезъ стѣну перебросили веревку, которую Байрнъ и Брезлинъ должны были держать въ то время, какъ Стефенсъ спустится по другую сторону. Вотъ онъ взлѣзъ на столы; онъ на верхушкѣ стѣны, а затѣмъ и въ рукахъ своихъ друзей на землѣ. Хотя дождь промочилъ всѣхъ ихъ до костей, но онивъ—во сторгѣ и горячо обнимаютъ другъ друга. Затѣмъ Стефенсъ съ однимъ провожатымъ отправился въ убѣжище, заранѣе приготовленное для него въ городѣ. Брезлинъ удаляется въ свою комнату, а Байрнъ продолжаетъ свой обходъ.

Около пяти часовъ утра Байрнъ, какъ преданный и бдительный служитель, какимъ онъ считался въ тюрьмѣ, въ тревогѣ вызвалъ помощника директора, мистера Фильпотса, и донесъ ему,

что онъ нашелъ возлѣ наружной стѣны два стола и сильно боится, что въ тюрьмѣ что-то неладно *). Побѣжали къ директору и разбудили его. Всѣ вмѣстѣ поспѣшили въ корридоръ, гдѣ должны были быть феніи. Увы, одна изъ дверей полуотворена и «С. О. I. R.» исчезъ. Всѣ остальные—Люби, Кикгамъ, О'Лири, Росса—были цѣлы и невредимы, но главы ихъ не было.

Мистеръ Маркессъ спросилъ Макъ-Лода, слышалъ ли онъ какой-нибудь шумъ.—Да, онъ слышалъ: «Около часу ночи кто-то отперъ дверь въ концѣ корридора, подошелъ къ камерѣ Стефенса и отперъ ее.

— Почему же ты не дернулъ за звонокъ, какъ я тебѣ сказалъ?—спросилъ смущенный директоръ.

— Потому что я зналъ, что кто бы это ни былъ, онъ долженъ быть вооруженъ, можетъ отпереть и *мою* камеру и убить меня,—былъ ловкій и рѣшительный отвѣтъ.

Быть-можетъ со времени возстанія Эммета ирландскія власти еще никогда не были повергнуты въ такой ужасъ и смущеніе, какъ въ данномъ случаѣ. Теперь они поняли, что значитъ имѣть дѣло съ тайнымъ обществомъ. Кому могли они довѣрять? Какъ могли они измѣрить опасность?... Было совершенно ясно, что вся почва подъ ними изрыта минами во всѣхъ направленіяхъ. Неизвѣстность преувеличиваетъ всякую опасность. Между тѣмъ дѣлались самыя отчаянныя усилія снова поймать Стефенса. Кавалерія рыскала по странѣ вокругъ города. Полиція, разсыпанная по всему городу и особенно въ подозрительномъ сосѣдствѣ тюрьмы, обшаривала дома, отрывала обшивку, разрывала цвѣтники, обыскивала чердаки, погреба, угольные сараи. Телеграммы летали по всему королевству; пароходы останавливались и пассажиры осматривались. Паровыя лодки высылались въ море останавливать и обыскивать рыболовныя и каботажныя суда.. Повсюду были развѣшаны плакарды, объявлявшія о побѣгѣ и обѣщавшія «тысячу фунтовъ награды за бѣжавшаго». Стефенсъ все это время, какъ и долго послѣ этого, скрывался въ домѣ мистриссъ

*) Нѣсколько дней спустя Байрнъ былъ арестованъ. Въ его конторкѣ, въ тюрьмѣ, былъ найденъ экземпляръ феніанской присяги и другіе документы; но правительство не нашло удобнымъ обвинять его въ пособничествѣ побѣгу Стефенса. Брезлинъ оставался незаподозрѣннымъ на службѣ въ тюрьмѣ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, по прошествіи которыхъ онъ взялъ отпускъ, бѣжалъ въ Америку и оттуда съ гордостью разоблачилъ все.

Прим. авт.

Бутлеръ съ Соммеръ-хила *). Она знала, какая опасность грозила ей за это укрывательство. Она знала и награду за выдачу его. Она была бѣдна и во всякое время могла получить 1.000 фун., стоило ей только сдѣлать намекъ властямъ. Стефенсъ довѣрилъ себя ей вполнѣ, и она не обманула этого довѣрія.

Три мѣсяца спустя, въ воскресенье, вечеромъ, по улицамъ ирландской столицы проѣхала изящная открытая коляска четверикомъ съ двумя дюжими ливрейными лакеями позади. Два джентльмена, небрежно развалившись, сидѣли внутри ея. Они направились на сѣверъ черезъ Малахайдъ къ Бальбригану. Около послѣдняго мѣста экипажъ остановился у морскаго берега. Одинъ изъ пассажировъ вышелъ и спустился къ берегу, гдѣ его ожидала лодка. Онъ вошелъ въ нее и лодка отчалила по направленію къ люггеру, стоявшему въ открытомъ морѣ. Коляска возвратилась въ Дублинъ. «Кучеръ», «почтальонъ», «лакеи» и спутникъ всѣ были набраны изъ людей «I. R. B.» и вооружены съ ногъ до головы. Джентльменъ же, высадившійся на люггеръ, который теперь поспѣшно удалялся по направленію къ Франціи, былъ Джемсъ Стефенсъ, «центральный организаторъ Ирландской республики».

(Продолженіе слѣдуетъ.)

---

*) Нѣсколько лѣтъ спустя она умерла въ городскомъ госпиталѣ.

Прим. авт.

Эксплоатація артелей.

(Замѣтки и впечатлѣнія.)

Пусть это сатана, пусть это люди,—
Какъ хочешь назови ту злую силу,
Которая *остервенясь* несется
Сюда, въ мой рай...

Гейне.

Занимаясь въ теченіе трехъ лѣтъ вопросомъ объ артели, въ связи вообще съ экономическимъ положеніемъ Россіи,—занимаясь теоретически, такъ-сказать кабинетно, и только случайно немного сталкиваясь съ артелью въ самой жизни,—я естественно не могъ не видѣть недостаточность, неполноту этого изученія, какъ бы односторонность его. Скажу болѣе: вполнѣ изучивъ артель книжно, какъ-то неловко чувствуешь себя, не прочная почва подъ ногами у тебя, а какъ бы сыпучій песокъ, положеніе очень неустойчивое. Дѣло въ томъ, что артель дѣйствительно изучена только въ Архангельской губерніи и отчасти на противоположномъ концѣ Россіи—на южныхъ ея окраинахъ. Есть также достаточно фактовъ изъ губерній Тверской, Новгородской, Псковской, Вологодской, отчасти Ярославской, Костромской, на Уралѣ. Но затѣмъ во всей остальной Россіи, т.-е. въ огромнѣйшей ея части, почти нѣтъ никакихъ указаній на артель, или указанія настолько ничтожны, что ихъ можно не замѣтить при общемъ обозрѣніи матеріаловъ. Такимъ образомъ одинъ изъ самыхъ коренныхъ вопросовъ—насколько распространена артель, районъ ея дѣйствія—былъ очень щекотливъ для изслѣдователя,—не было никакой возможности опираться на сколько-нибудь точныя данныя. Съ грустью приходилось прибѣгать къ такимъ пріемамъ. Относительно изученія артели посчастливилось на окраинахъ Россіи и оказалось, что тамъ она замѣчательно распространена. Собственно же Россіи въ этомъ отношеніи не посчастливилось,--артель здѣсь

не изучалась; но это не даетъ права заключать, что артели здѣсь нѣтъ,—напротивъ, нужно думать, что артель распространена и въ остальной Россіи, хотя, быть-можетъ, не въ такой степени. Разумѣется, разсуждать такъ было возможно. Но, къ сожалѣнію, скептическій умъ могъ усомниться въ истинности вывода, могъ потребовать данныхъ въ доказательство и въ свою очередь могъ привести вѣскія доказательства въ оправданіе своего скептицизма; онъ могъ, напримѣръ, указать на то, что естественныя, климатическія, географическія условія Россіи и ея окраинъ различны, а отсюда различны экономическія условія, различны занятія жителей и характеръ ихъ производительности. Мало того, скептикъ не безъ основанія могъ указать и на различіе иныхъ условій, напримѣръ—морально-общественныхъ. Такъ особенно сильное давленіе на артель должно было оказать крѣпостничество, а между тѣмъ его не было, или почти не было на окраинахъ. Такія соображенія ложатся тяжелымъ гнетомъ на мысль и чувство изслѣдователя и подъ вліяніемъ ихъ я уже въ первой статьѣ (*Рус. Мысль* 1881 г., кн. 4) долженъ былъ высказать печальную мысль: «въ результатѣ (крѣпостничества) — нынѣшній упадокъ артели въ народѣ до такой степени, что въ большей части Россіи правильной артели уже не встрѣтишь, а встрѣчаешь артель искаженную, кулацкую, т.-е. артель только по названію».

Нечего и говорить, что окунуться самому въ жизнь, посмотрѣть на артель своими глазами, какова она въ дѣйствительности, насколько распространена, насколько чистой сохраняется подъ давленіемъ разныхъ неблагопріятныхъ условій, насколько, такъ-сказать, она упруга, устойчива, или же совсѣмъ искажается, вымираетъ, и наконецъ, что̀, самое главное, есть ли она даже вообще въ Россіи, за исключеніемъ окраинъ, или можетъ-быть ея и слѣдъ простылъ—все это было настолько существенно, важно вообще и въ частности для меня, что вопросъ о путешествіи для изслѣдованія артели сталъ любимою мечтой, завѣтнымъ желаніемъ.

Предо мною было два плана путешествія. Одинъ состоялъ въ томъ, чтобы, располагая печатнымъ матеріаломъ, составить маршрутъ постепеннаго перехода отъ одной извѣстной артели къ ближайшей другой, въ увѣренности притомъ, что тамъ, гдѣ есть указаніе на артель, найдутся и артели, быть-можетъ, цѣлые районы ихъ. Этотъ планъ привлекалъ положительностію, степенною солидностью. Онъ былъ простъ, ясенъ и билъ прямо на успѣхъ.

Изслѣдователь могъ быть увѣренъ, что, слѣдуя ему, онъ непремѣнно найдетъ артели, ему не придется блуждать въ потьмахъ. Другой планъ, неясно рисовавшійся вначалѣ, былъ иного свойства. Онъ заманчиво влекъ въ невѣдомую даль и въ неизвѣданныхъ пространствахъ сулилъ горы богатствъ; онъ рисовалъ волшебные замки, дивныя, заманчивыя картины, чудные образы, огромность, колоссальность результатовъ. Планъ этотъ предлагалъ броситься именно въ неизвѣданную артельную даль, поискать артель тамъ, гдѣ ея нѣтъ, т.-е. по печатнымъ сообщеніямъ. Результаты дѣйствительно могли быть прекрасные, но могли быть и очень плохіе. Все было гадательно, рискованно; вмѣсто успѣха могъ получиться полный неуспѣхъ, надежды могли смѣниться разочарованіемъ, реальныя картины миражемъ; могли потратиться безъ пользы и время, и деньги, а главное—пришлось бы констатировать уже положительно то, о чемъ съ грустью приходилось только думать, т.-е. что именно-то въ Россіи артели нѣтъ.

Не знаю, свойства ли моей натуры, или что иное, быть-можетъ, даже помимо моей воли, только я рѣшительно предпочиталъ второй планъ. Думалось, что, быть-можетъ, удастся найти артель и кромѣ окраинъ Россіи и такимъ образомъ удастся расширить сферу распространенія, районъ артели, что имѣетъ, разумѣется, огромную важность. Думалось, быть-можетъ, удастся найти артель новаго типа въ такой сферѣ труда, въ которой еще не встрѣчались артели. Пусть этихъ фактовъ будетъ мало, даже очень мало, но одинъ такой фактъ, думалось и думаю, важнѣе, дороже десяти фактовъ уже извѣстныхъ въ печати. Притомъ нѣтъ-нѣтъ, да и заявляла о себѣ какая-то затаенная, но радостная, свѣтлая мысль: «а что, если артель распространена и тамъ, да еще значительно, что если чудныя видѣнія—не миражъ, а интимная мечта—не иллюзія?» Конечно, любопытно и очень важно наблюдать артели и уже извѣстныя, необходимо собрать и о нихъ болѣе обстоятельныя и точныя свѣдѣнія, важно подмѣтить, какъ въ извѣстный промежутокъ времени между наблюденіемъ записаннымъ и даннымъ неблагопріятныя условія вліяютъ на артель и какія именно условія; или, несмотря ни на какія условія, артель остается устойчивой, стоитъ непоколебимо, какъ утесъ, или даже, быть-можетъ, развивается и въ какомъ направленіи,—все это безспорно важно; но это сравнительно легко, все-таки менѣе важно и можетъ быть исполнено въ другое время, напримѣръ—въ слѣдующемъ году.

Итакъ, я остановился на первомъ планѣ, т.-е., собственно говоря, плана никакого не было, а просто рѣшилъ мѣсяца три употребить исключительно на разъѣзды главнымъ образомъ въ бассейнѣ Оки, Камы, Волги и по притокамъ ея, гдѣ ходятъ маленькіе пароходы—«Молога», «Шексна», «Кострома», «Сура», въ направленіяхъ, въ которыхъ будетъ указывать сама дѣйствительность, вполнѣ подчиняясь ея указаніямъ и единственно приноравливаясь къ движеніямъ народныхъ массъ. По многимъ очень вѣскимъ соображеніямъ, о которыхъ придется сказать впослѣдствіи, вѣроятно $^3/_5$ пути я совершилъ на пароходахъ и только $^2/_5$ могутъ быть отнесены на желѣзныя дороги, конныя дороги и на передвиженія самымъ первобытнымъ способомъ — на собственной парѣ.

При этомъ пришлось захватить, иногда впрочемъ довольно бѣгло, почти мелькомъ, просто проѣздомъ, слѣдующія губерніи: Новгородскую, Тверскую, Ярославскую, Костромскую, Нижегородскую, Казанскую, Симбирскую, Самарскую, Пермскую, Вятскую, Владимірскую, Московскую, Рязанскую, Тамбовскую. Такимъ образомъ конечными пунктами моихъ разъѣздовъ были: на сѣверѣ—Боровичи Новгородской губерніи и Уржумъ Вятской, на востокѣ—Пермь, на югѣ — Самара и Липецкъ, на западѣ — Москва. Эта обширная область, разумѣется, не одинаково привлекала мое вниманіе: разъѣзды первыхъ мѣсяцевъ опредѣлили тѣ меньшія площади, на которыхъ я долженъ былъ обратить особенное вниманіе, внимательно отнестись къ нимъ. Дѣло въ томъ, что въ первые мѣсяцы путешествія я поддавался, такъ-сказать, стихійному влеченію массы народной, ѣхалъ въ томъ направленіи, куда двигалась въ данное время и въ данномъ случаѣ масса. Мной руководило желаніе видѣть передъ собою возможно большую массу, наблюдать, изучать ее въ возможно большемъ размѣрѣ, чтобы главнымъ образомъ получить возможно больше указаній на артели, хотя бы только на мѣстности, въ которыхъ онѣ существуютъ. Артели же должны были встрѣчаться и на пароходахъ. Остальные же мѣсяцы путешествія тоже должны были состоять въ разъѣздахъ, но уже разъѣзды сообразовались съ намѣченными мѣстностями, въ которыхъ я и останавливался для изученія артелей.

Изъ такихъ меньшихъ районовъ вниманіе изслѣдователя-народника особенно можетъ привлечь бассейнъ р. Оки, равный которому, по своему огромному значенію, едва ли есть другой въ Россіи. Ниже коснусь этого подробно.

Почти полгода постоянныхъ разъѣздовъ по обширной и очень важной части Россіи, за исключеніемъ немногихъ недѣль отдыха, съ необходимыми остановками во множествѣ селъ, городовъ и особенно деревень, постоянныя столкновенія именно съ массой, толки, разговоры, споры часто объ очень важныхъ вопросахъ, наконецъ крайне важный историческій моментъ, нами переживаемый, колоссальность вопроса, служившаго предметомъ изученія— все это и многое прочее, думаю, даетъ право не только на появленіе этихъ замѣтокъ, но и на вниманіе къ нимъ людей мыслящихъ.

Но я долженъ предупредить, что предметомъ этихъ замѣтокъ не будутъ полученные результаты изслѣдованія артелей. Результаты эти, къ слову сказать, вполнѣ прекрасные, бо̀льшіе даже, чѣмъ могла рисовать ихъ моя фантазія, появятся въ печати впослѣдствіи, такъ какъ въ текущемъ году я снова предпринимаю путешествіе и результаты за оба года будутъ соединены вмѣстѣ. Это будетъ удобно во многихъ отношеніяхъ, да прежде всего мнѣ и самому необходимо глубже всмотрѣться, еще болѣе расширить районъ артели, собрать еще большую массу фактовъ. Здѣсь же мнѣ хочется подѣлиться съ читателемъ нѣкоторыми замѣтками и впечатлѣніями изъ столкновенія съ многотысячною массой изъ разныхъ мѣстностей, при самыхъ разнообразныхъ условіяхъ,—показать насколько возможно, хоть отчасти, чѣмъ живетъ народъ, какія надежды и ожиданія роятся у него въ головѣ, какія мысли смущаютъ, гнетутъ его умъ, какія радуютъ, свѣтятъ ему, какъ спасительный маякъ плавающему кораблю, какіе свѣтлые, изстари лелѣемые идеалы, излюбленные народомъ, хранятся, какъ кладъ, неприступными въ глубинѣ его доброй души. Такимъ образомъ въ эти замѣтки войдутъ: бытовыя картинки изъ области артели, гнетъ капитала надъ артелью, пребываніе у безпоповцевъ, типы кулаковъ и интеллигенціи и т. д.

Къ величайшему сожалѣнію, я долженъ сказать, что нѣкоторыя картины и сценки изъ множества прошедшихъ передо мною до такой степени неподражаемы, художественны, остроумны, блестятъ такимъ неподражаемымъ юморомъ и умомъ, что рисовать ихъ съ моей стороны было бы большимъ нахальствомъ,—это значило бы профанировать ихъ; для этого нуженъ большой талантъ, рѣдкая память. Но то, что будетъ написано мной, не будетъ измышленіемъ моего ума, полетомъ фантазіи. Я буду насколько

возможно близокъ къ видѣнному и слышанному,—никакихъ прикрасъ, утрировокъ, извращеній, лишь правда во всей ея красѣ. Единственная поэтическая вольность, которая допустится мной, это, быть-можетъ, соединеніе нѣкоторыхъ разговоровъ, сценокъ второстепенныхъ въ одну сцену и что-нибудь въ родѣ этого, что необходимо, да иначе и невозможно при всемъ желаніи, такъ какъ немыслимо при множествѣ сценъ, разговоровъ, картинъ, часто однообразныхъ, прошедшихъ передо мною, выдѣлить совершенно опредѣленно какой-нибудь одинъ разговоръ или сцену. Затѣмъ, къ сожалѣнію, о многомъ изъ этой неизвѣданной и трудно поддающейся изученію области приходится говорить приблизительно, неточно, тѣмъ болѣе, что меня главнымъ образомъ интересовала артель.

I.

Вампиры народной артели.

Хотя личность Разуваевыхъ, Колупаевыхъ и К° довольно знакома прессѣ, хотя великій сатирикъ уже обезсмертилъ эту *грядущую силу*,—все же нельзя не согласиться, что молодая сила эта слишкомъ важна и теперь, а въ близкомъ будущемъ, быть-можетъ, станетъ подавляющею силой, и потому она естественно въ правѣ претендовать на большее вниманіе, требовать болѣе серьезнаго отношенія къ себѣ. И дѣйствительно фактическихъ научныхъ данныхъ о значеніи и важности ихъ степенствъ несомнѣнно мало; имѣющіяся данныя болѣе публицистически-беллетристическаго характера. Я постараюсь немного пополнить этотъ пробѣлъ, представивъ въ данномъ случаѣ кулака въ артели. Трудно это, иногда совершенно невозможно. Дѣло въ томъ, что кулакъ, нерѣдко умный человѣкъ, сознаетъ иногда безнравственность, а быть-можетъ и преступность своихъ поступковъ, и, подчинивъ себѣ артель, господствуя надъ нею, какъ-то съ крайнимъ недовѣріемъ, подозрѣніемъ, почти съ боязнью относится къ постороннему человѣку, показывающему желаніе разузнать кое-что, и, разумѣется, наивно было бы вѣрить его словамъ, основательно не провѣривъ ихъ другими данными. «Нужно быть терпѣливымъ человѣкомъ и порядочнымъ жохомъ, — пишетъ мнѣ товарищъ-изслѣдователь, — чтобъ обойти мужика-кулака, въ рукахъ котораго заключается многое и многое. Вы встрѣтите обманъ, наглую ложь, полнѣйшее недовѣріе къ вамъ и наглое укрывательство истины изслѣдуемаго дѣла, осо-

бенно тамъ, гдѣ чувствуется нечистое дѣло». Слова эти—сама истина. *Дѣйствительно, нужно быть порядочнымъ жохомъ, чтобъ обойти кулака, въ рукахъ котораго заключается многое и многое.* Особенно трудно, невозможно добиться истины тамъ, гдѣ нѣсколько однородныхъ артелей на одной работѣ эксплуатируются однимъ кулакомъ: дѣло здѣсь очень запутывается, провѣрить кулака невозможно, сами артели сбиваются съ толку и считать здѣсь приходится гадательно. Другое дѣло, когда кулакъ царитъ въ одной артели, или если и въ нѣсколькихъ, но на разныхъ работахъ, или только въ разныхъ мѣстахъ. Здѣсь сами артельщики пунктуально, фактически точно произведутъ вамъ всѣ выкладки, сведутъ итоги охотно, съ злорадствомъ. Разумѣется, нельзя принимать на вѣру безъ провѣрки и эти данныя.

Я изложу здѣсь нѣкоторые типы эксплуатаціи артелей, замѣтивъ предварительно, что она очень разнообразна, видоизмѣнчива, приспособляется къ условіямъ, трудно поддается постороннему наблюдателю, требуетъ съ его стороны вниманія, долговременнаго наблюденія и не можетъ быть уложена вся цѣликомъ въ опредѣленныя рамки. Чѣмъ крупнѣе промышленный или торговый центръ, тѣмъ рельефнѣе она выдается, тѣмъ сильнѣе бьетъ въ глаза, тѣмъ болѣе старанія, дьявольскаго ума, Одиссеевской хитрости вложено въ отдѣлку ея, тѣмъ она пышнѣе, зрѣлѣе, совершеннѣе, доходя до перла созданія, до высоко-художественнаго произведенія... Такіе эксплуататорскіе центры мнѣ болѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстностяхъ, пришлось наблюдать въ Нижнемъ-Новгородѣ и въ Рыбинскѣ. Безъ сомнѣнія, то же встрѣчается и въ другихъ мѣстахъ съ тѣми или иными уклоненіями. Схватить все разнообразіе эксплуатаціи нѣтъ никакой возможности.

Шумитъ, шипитъ, хрипитъ, тяжело, ускоренно дышетъ,—знать тяжело бѣдкягѣ,—но смѣло, отважно разсѣкаетъ волны пароходъ «Отважный», оставляя за собою клубы игриво-вьющагося дыма, да разобиженныя, сердито вздымающіяся волны, которыя пошли по всей рѣкѣ, колыхая и подбрасывая лодки и всякія суда и посудины. «Вотъ и Нижній», толкуютъ въ кучкахъ стоящіе пассажиры, снимая шапки и набожно крестясь на выдвигающіеся изъ массы построекъ храмы. Группы пассажировъ цивилизованныхъ—купцовъ, мѣщанъ—влѣзаютъ на верхнюю палубу, откуда виднѣе.

А посмотрѣть дѣйствительно есть на что: просторно, красиво, величественно на высокой горѣ раскинулся по-русски Нижній-Новгородъ. При яркомъ солнечномъ освѣщеніи, на берегу массы водъ такихъ рѣкъ, какъ Волга и Ока, словно заросшихъ мачтовымъ лѣсомъ отъ множества мачтъ на баржахъ, баркахъ и другихъ судахъ, со множествомъ снующихъ взадъ и впередъ пароходовъ самыхъ различныхъ конструкцій и размѣровъ, отъ небольшихъ грузовыхъ до громадныхъ трехъ-этажныхъ пароходовъ американской системы, постоянные свистки коихъ придаютъ имъ какой-то воинственный характеръ,—Нижній прекрасенъ.

Среди группы нерѣдко раздаются возгласы удивленія, сыпятся вопросы, также сыпятся словоохотливые отвѣты.

— Вишь вонъ на горѣ въ самой срединѣ города стѣны, храмы: то—Кремль, крѣпость такая старинная,—поучаетъ бородатая бывалая чуйка въ одной группѣ.—А вонъ виднѣется памятникъ Минину, вонъ соборъ,—водитъ онъ пальцемъ.

— А что за постройки вотъ направо?—спрашиваю я.

— Нешто не знаешь?—какъ-то сердито крикнула чуйка и, бѣгло осмотрѣвъ меня съ ногъ до головы, спокойнѣе добавила:—видно въ первой?... Это, видишь, ярманка здѣсь бываетъ, вотъ черезъ мѣсяцъ откроется; на всемъ свѣтѣ такой нѣтъ. На островѣ (полуостровѣ) она; съ этого бока у ней Волга, а съ того—Ока.

— Вотъ это самая Сибирская пристань-съ,—продолжаетъ мягкимъ теноркомъ типичный прикащикъ.—Посмотрите, что будетъ здѣсь черезъ мѣсяцъ—страсть!

Рѣзкій оглушительный свистокъ парохода заглушаетъ его.

— Вотъ и пріѣхали, слава Богу,—толкуютъ въ другой кучкѣ.

— Миколка, гляди, вонъ наша пристань, нашъ пароходъ здѣсь станетъ, а вонъ, направо, Меркурьевская пристань, вонъ Дружина, Любимовская, а тамъ пошли пристани, ихъ и не перечтешь.

Забѣгали лоцманы, раздалась команда капитана, засуетились пассажиры, заходили по спинамъ ихъ котомки, пароходъ застоналъ тяжело, порывисто, какъ будто закачался и наконецъ совсѣмъ сталъ у пристани, причаленъ, положены мостки. Пассажиры хлынули густою толпой, толкаясь, давя другъ друга, крича и перебраниваясь.

Движеніе на набережной, на берегу и на водѣ—необычайное, поражающее съ перваго взгляда. И люди, и пароходы, и лошади куда-то спѣшатъ, торопятся, всѣ имѣютъ какой-то занятой, оза-

боченный видъ. Продавцы разныхъ продуктовъ надоѣдаютъ, нищіе и монашенки буквально аттакуютъ, съ ожесточеніемъ набрасываясь на каждаго встрѣчнаго, особенно слѣдя за пріѣзжими. Какъ-то непріятно поражаетъ на первый разъ необыкновенное множество нищихъ и особенно монашенокъ, которыя буквально вытрясутъ душу вашу на первый разъ своею назойливостью. То и дѣло слышатся свистки, начиная отъ тонкаго сопрано и доходя до могучаго баритона меркурьевскихъ пароходовъ; то и дѣло снуютъ пароходы какъ-то важно, съ достоинствомъ. Массы народа словно морскія волны то приливаютъ, то отливаютъ, смотря по тому, приходитъ ли пароходъ, или отходитъ. Вотъ отходятъ три парохода до Астрахани—Меркурьевскій, Самолетскій и Волжскій (Пароходное Общество по Волгѣ); два парохода идутъ тоже внизъ до устья Камы, а тамъ до Перми—Любимовскій и Курбатовскій съ арестантскою баржей; тоже внизъ идетъ, сворачивая на Вятку, Булычевскій пароходъ. Вотъ Дружинскій и Самолетскій пароходы идутъ вверхъ до Рыбинска и Твери; вотъ пароходъ идетъ вверхъ по Окѣ; вотъ пароходы идутъ только до нѣкоторыхъ мѣстъ: Кашинскій и Дубровинскій до Казани (во время ярмарки), одинъ до Бармина, «Авраамъ» вверхъ до Пучежа и т. д. Въ свою очередь на смѣну имъ, и почти столько же, приходятъ пароходы снизу и сверху въ Нижній. Замѣчательное, поражающее новичка движеніе. Пароходы разныхъ обществъ и хозяевъ отличаются не только конструкціей, но и многими другими особенностями, напримѣръ—цвѣтомъ окраски не только корпуса, но и трубъ. Такъ трубы Самолетскихъ и Булычевскихъ пароходовъ черныя съ красной широкою полосой, Курбатовскихъ—бѣлыя съ черною полосой, Американскихъ—бѣлыя, Дружинскихъ—черныя и т. д. Также и знаки: на Меркурьевскихъ—двухглавые орлы, на Волжскихъ—звѣзды, на Самолетскихъ—трубы и т. д. Разнятся и свистки, разнятся и флаги, одежда лоцмановъ и пр. Особенно останавливаютъ на себѣ вниманіе величественностью, подавляющею громадностью великаны-пароходы американской системы—трехъ-этажные, Меркурьевскіе, Волжскіе, два Любимовскихъ и американскіе—«Колорадо», «Миссисипи», «Миссури», «Ніагара» и «Бенардаки».

Отъ пристани до берега сдѣланы мостки и отъ мостковъ вверхъ на набережную ведетъ широкая лѣстница. На этихъ мосткахъ и лѣстницахъ при приходѣ и отходѣ пароходовъ невообразимая толкотня, давка, шумъ, гамъ и брань.

Но смотрите, среди толпы возвышаются какіе-то самодвижущіеся огромные тюки; медленно, но безъ отдыха поднимаются они одинъ за другимъ по лѣстницѣ и сбрасываются на приготовленные на набережной возы; изъ-подъ нихъ вылѣзаютъ дюжіе, утомленные люди: это—крючники. Такъ ихъ называютъ потому, что у каждаго имѣется желѣзный крюкъ съ ременнымъ концомъ, которымъ крючникъ черезъ плечо задѣваетъ грузъ и поддерживаетъ на спинѣ. Они выносятъ товаръ съ пароходовъ.

Много разъ и подолгу приходилось смотрѣть на артели крючниковъ. Обязанность ихъ—нагружать и разгружать пароходы. Работаютъ они артелями. Двое изъ нихъ стоятъ на пароходѣ при товарѣ и, поднимая тюки товара, кладутъ ихъ на спины по очереди подходящихъ товарищей. Если же товаръ берутъ изъ мурьи (нижняя подпалубная часть парохода), тогда четверо подаютъ тюки изъ мурьи, принимаютъ двое на палубѣ и кладутъ на спины товарищей. Очередь строго соблюдается и нарушеніе ея не допускается, такъ какъ это могло бы повести къ пререканіямъ, ссорамъ,—большой тюкъ никто не захотѣлъ бы нести. Стройно, энергично, въ необыкновенномъ порядкѣ, почти при военной дисциплинѣ идетъ работа. Только на ходу при встрѣчахъ успѣваютъ обмолвиться словечкомъ, или пустить веселую шутку на неловкость товарища. За то, когда, рѣшивъ сдѣлать маленькую передышку минутъ на пять, соберутся вмѣстѣ, здѣсь шуткамъ, смѣху, подтруниваніямъ нѣтъ конца. Какая-то бодрая, здоровая, веселящая сфера окружаетъ ихъ. Добродушіе, товарищество, задушевность царятъ здѣсь. Рѣдко услышишь брань, да и ее скоро уймутъ товарищи; никогда не увидишь здѣсь пьянаго. А ужъ руки поднять на товарища не моги,—десятокъ два дюжихъ рукъ опустятся на смутителя и такой наложатъ штрафъ на зачинщика, что другу-недругу закажетъ. Артели эти бываютъ человѣкъ въ 50—60. Онѣ успѣваютъ работать на двухъ-трехъ пароходствахъ. Такъ одна артель работаетъ на Дружинѣ, на Любимовскихъ и, кажется, на американскихъ. Настоящія артели крючниковъ какъ-то выдаются среди всей милліонной массы волжскаго рабочаго люда не только громадностью роста, дюжестью, нерѣдко могучестью, но и смѣлостью, энергіей, рѣшительностію, а также и общественными качествами; они не только работаютъ артелью, но артельность какъ-то входитъ въ ихъ плоть и кровь. Приторгуетъ что-нибудь одинъ, не отстанутъ и присутствующіе товарищи и покупаютъ уже «артелью», съ уступкою. Крючника

даже рѣдко можно встрѣтить одного, а непремѣнно съ нѣсколькими товарищами. И ужь никому въ обиду не дадутся,—напротивъ, словно Китъ Китычи, сами всякаго обидятъ. И за то, за примѣрную любовь къ артельности, общинности, за большую физическую силу—«за дюжесть», за энергичность, храбрость они пользуются почетомъ и уваженіемъ среди всей рабочей волжской массы. Это—передовые застрѣльщики, иногда задающіе тонъ рабочему люду. Попасть въ крючники—едва ли не завѣтная мечта многихъ и многихъ и притомъ въ большинствѣ несбыточная.

У крючниковъ полнѣйшая равноправность въ работѣ и во всѣхъ доходахъ и расходахъ по квартирѣ, пищѣ и проч.

Самые знаменитые по Волгѣ крючники—промзинцы, изъ села Промзинô на Сурѣ. Отсюда выходятъ артели крючниковъ испоконъ-вѣку; онѣ имѣютъ свои преданія, исторію, народъ необыкновенно типичный даже среди крючниковъ. Особенно замѣчательна въ этомъ отношеніи одна артель, которую я наблюдалъ въ Казани. Нѣкоторые изъ нихъ достойны кисти великихъ художниковъ. Представьте себѣ: громадный ростъ, атлетическое широкое тѣлосложеніе, страшно развитыя мышцы, величественная, гордая осанка, всклокоченно-кудрявые черные или темнорусые волосы, небольшая, но роскошная борода, красивое, загорѣлое лицо, большой лобъ и носъ, быстрый, орлиный взглядъ. Что-то наложило на эту чудную голову густую тѣнь, словно прозрачную маску; какія-то думы, видно невеселыя, бродятъ въ головѣ и придаютъ лицу грустное, скорбное, томительное выраженіе. По временамъ оно дышетъ отвагой, рѣшительностію. Признаюсь, много я видѣлъ типично-хорошихъ интеллигентныхъ лицъ, но такихъ нè видалъ. Рѣзкій контрастъ между естественными богатствами натуры и дарами цивилизаціи—грязная рваная рубаха и порты—еще болѣе оттѣняетъ богатство натуры и, быть-можетъ, наоборотъ, богатство даровъ цивилизаціи умаляетъ богатство натуры интеллигентной. Кто видалъ нѣкоторыя картины апостоловъ или знаменитую картину «Казнь стрѣльцовъ», тотъ пойметъ меня. Усиленно, напряженно наблюдаетъ глазъ за такою натурой помимо желанія, подмѣчаетъ особенности походки, манеръ, голоса, выраженіе и оттѣнки лица.

Трудъ крючниковъ считается очень тяжелымъ, непосильнымъ среднему рабочему. Улучивъ минуту отдыха, заговариваю съ артелью для перваго знакомства.

— Тяжелъ, братцы, вашъ трудъ?

— Какъ не тяжелъ!... Не въ первой ты ужь примѣчаешь тутъ, самъ видишь,—раздается нѣсколько голосовъ.

— Чаво вы, черти, глотки-то дерете?... Говори одинъ,—раздается заглушающій, словно громовый, голосъ.

— Это ребенокъ нашъ сердится, ѣсть хочетъ... Матка-то на цѣлый день ушла, а онъ окромя груди ничего не ѣстъ,—ну, и кричитъ.

Дружнымъ хохотомъ сопровождаются эти слова. «Ребенокъ», обладающій такимъ протодіаконскимъ голосомъ, оказывается громаднымъ, трехъ-аршиннаго роста, дѣтиной съ добродушнымъ, наивно-простымъ лицомъ безъ всякой растительности; онъ широко улыбается. Общему настроенію невольно поддался и я.

— Ты не смотри, что онъ у насъ малютка,—ему всего 18 лѣтъ, въ солдаты еще не призывали. Выростетъ еще, сколько еще лѣтъ рости ему. Вотъ маленько подождемъ, подождемъ, да думаемъ его поставить мачтой на американскій пароходъ,—добавляетъ хриплый теноръ.—Добрая будемъ мачта, не скоро сломается.

Шутки затихаютъ.

— А ты видно не здѣшній и допрежъ не бывалъ?

— Не бывалъ.

— Мѣста ищешь? Въ прикащикахъ живешь?

— Да, въ прикащикахъ.

— Пропасть и вашего брата наѣзжаетъ къ ярмаркѣ. Тоже приходится иной разъ биться безъ мѣста. Да что, ваша работа нетрудящая,—труда въ ней нѣтъ, такъ только будто занятіе одно.

— А что, у васъ тяжелые бываютъ грузы?

— Да видишь ли, меньше семи пудовъ рѣдко бываютъ, а то и больше—8, 10, 12 пудовъ.

— Бываютъ, другъ,—добавляетъ другой,—и въ 15 пудовъ, а изрѣдка попадаются и въ 18 пудовъ. Такъ ужь тутъ-то покряхтишь, спомянешь не только мать, а и бабушку. Лѣстницы эти проклятыя мучаютъ насъ; ужь иной разъ подкатитъ тебѣ подъ ложечку, потемнѣетъ въ глазахъ, руки и ноги дрожатъ словно въ лихорадкѣ, а спина-то такъ и разламывается.

— Что ужь и говорить, трудёная работа!

— Эй, лежебоки, что языки-то распустили! Вставай, будетъ,—снова реветъ «ребенокъ», вызывая общій хохотъ.

— Ребенокъ у насъ старательный!

— Ну, вставай, вставай!—раздаются голоса, и работа снова начинается.

Жара невыносимая. Солнце буквально жжетъ. Ни вѣтерка. Тяжело дышется. Каково-то рабочему?

Горы товара безпрерывно передвигаются на спинахъ крючниковъ то вверхъ, то внизъ, какъ вчера, какъ третьяго дня, и такъ будутъ двигаться завтра и такъ цѣлое лѣто, часть весны и осени.

Попробуемъ посмотрѣть на носящихъ. Еле двигаются они, страшно истомленные. Рваная рубаха вся мокрая отъ пота, воротъ разстегнутъ, вылѣзшій мѣдный шейный крестъ монотонно покачивается, ударяя въ могучую, высоко вздымающуюся грудь. Вотъ онъ остановился, быстро, машинально проводитъ по лицу свободною рукой (въ другой—крюкъ, которымъ, зацѣпивъ черезъ спину за тюкъ, поддерживаетъ его), медленно, съ усиліемъ потираетъ лѣвый бокъ, нетерпѣливо поводитъ плечами, какъ бы поправляя грузъ, старается расправить станъ, выпрямиться, но немного ему удается это и то на минуту. Съ лица буквально текутъ ручьи. Оно мрачно, сурово, какъ-то непріятно искажено, съ злымъ выраженіемъ, глаза выкатились и налились кровью, ротъ неестественно раскрытъ, искривленъ, нижняя губа дрожитъ, лицевыя жилы страшно напряжены; ноги замѣтно дрожатъ, онѣ непомѣрно раскорячены, «накренены», и чѣмъ дальше, накреняются больше и больше: вотъ-вотъ, думаешь, онъ совсѣмъ упадетъ на колѣни. Дышетъ тяжело, напряженно... Вся его фигура и особенно лицо представляютъ страданіе. Ни одного слова не слышишь отъ нихъ; иногда долетаетъ вздохъ глубокій, тяжелый. Вотъ сбросилъ грузъ, встрепенулся, выпрямился, отеръ рукой потъ лица и, шатаясь и держась за перила, пошелъ за новымъ грузомъ. За нимъ идетъ другой, тамъ третій и т. д. Считаю, по скольку разъ они вынесутъ тюки безъ отдыха. Насчиталъ пять, десять разъ, а все не отдыхаютъ. Наконецъ пошли обѣдать. Мнѣ захотѣлось спуститься и подняться по ступенькамъ лѣстницы десять разъ безъ отдыха и я началъ, разумѣется, безъ всякаго груза. Едва-едва могъ сдѣлать десять оборотовъ и далѣе, хоть убей, не могъ. Притомъ я пользуюсь хорошимъ здоровьемъ и силою. Ступенекъ на лѣстницахъ разныхъ пристаней различное число—отъ 50 до 80. Каково же крючнику взбираться по нимъ съ 7—12-пудовымъ грузомъ, и не десять разъ, а цѣлый день, цѣлое лѣто?

Естественно думать, что такой изнуряющій трудъ хорошо оплачивается.

— По чемъ носите?—спрашиваю въ другой разъ.

— Три съ половиной, иные четыре.

— Рубля, что ли?... Въ какое же время?

— Мы не по времени, а, значитъ, съ тысячи пудовъ. Какъ тысячу пудовъ вынесемъ, такъ, значитъ, и считай три съ половиной-четыре рубля. Все равно у насъ—хоть на пароходъ, хоть съ парохода. Ну, на пароходъ-то съ верху легче. И спуски сдѣлали.

Я бѣгло соображаю: чтобы тысячу пудовъ снести, каждый разъ по десяти пудовъ, нужно спуститься и подняться $\frac{1000}{10} = 100$ разъ. А каждый разъ по семи пуд. $\frac{1000}{7} = 143$ раза. За это придется получить 350 — 400 копѣекъ.

Выходитъ, разъ снести десятипудовый грузъ стоитъ три съ половиной-четыре копѣйки, а семипудовый—двѣ съ половиной-три копѣйки.

Итакъ, чтобы заработать одинъ рубль въ день, въ первомъ случаѣ придется подняться и спуститься 25—30 разъ, то-есть подняться на высоту 1.500—2.500 ступенекъ, и это съ десятипудовымъ грузомъ!... Во второмъ случаѣ нужно даже до сорока разъ подняться, т. е. сдѣлать до 3.200 ступенекъ. При этомъ нужно имѣть въ виду, что придется пройти каждый разъ съ грузомъ по ровному пространству черезъ пароходъ, пристань и мостки, между пристанью и лѣстницей приблизительно саженъ 25—30, а за всѣ раза отъ 625 до 1.200 саж. Обратно онъ будетъ идти, конечно, безъ тяжести. И все это, чтобы заработать одинъ рубль!...

— Да вѣдь это ужасно дешево, это невозможно!—невольно восклицаю я.

— Сами, любезный, знаемъ это лучше тебя. Да что подѣлаешь? Ты мекни-ка вотъ что: ѣсть намъ нужно много и часто, потому отощаемъ въ конецъ, и ужь безъ водки никакъ нельзя; а пища куда какъ дорога стала. Допрежь, бывало, на пять рублей живи мѣсяцъ, какъ хочешь, въ свое удовольствіе; теперича время не то: все подорожало супротивъ стараго и теперь не только на 10 рублей, а и на 12 не управишь. Вотъ оно что, да! Хлѣбецъ вонъ 1 руб. 10 коп., пшено 2 руб., а то и 2—20. Да туда-сюда—все расходъ. Да на дорогу въ оба конца, да себѣ что, женѣ, дѣтишкамъ купишь,—такъ вотъ и посчитай, сколько осталось!...

Всѣ сидятъ молча; лица сосредоточены, грустны. Только разсказчикъ оживленъ и сильно жестикулируетъ.

— Что же не просите у конторы надбавки?

— То-то вотъ и горе наше. Мы не отъ конторы. Рядчикъ у насъ Анучинъ, выходитъ, первѣйшій рядчикъ. Онъ съ конторы-то беретъ вдвое, рублей по семи съ полтиной. Онъ-то насъ и обижаетъ, нехристь.

— Кабы контора платила намъ столько, — оживленно заговорили нѣсколько голосовъ, —сколько ему, найъ жисть была бы. А то вотъ поди. Насъ у него двѣ артели. Больше ста душъ.

— Ты, любезный, сообрази,—началъ сурово, доселѣ молчавшій, коренастый, среднихъ лѣтъ, дѣтина. — Вѣдь безъ малаго половину, аспидъ, беретъ себѣ отъ кажинаго изъ насъ. А вѣдь мы-то всего огуломъ по 100 рублей выработаемъ на человѣка съ пищей-то; ну, хоть ему по 75-ти рублей останется, и то вѣдь это хватай за 7.000 будетъ. А за что?—Господь вѣдаетъ. Только сынишка записываетъ грузы, а онъ подсчитываетъ да съ конторой счеты ведетъ. Иродъ онъ, анафема, вотъ что!—кончилъ озлобленный, плюнулъ и отвернулся.

— Да, это нескладно, — продолжаю я. — Но отчего же вы сами не берете подрядъ отъ конторы прямо?

— Пустая ты башка, вотъ что я тебѣ скажу! — накинулся на меня только-что говорившій. — Ну, что ты тутъ плетешь, ажно слушать тошно, тьфу!... Сами не берете!—передразниваетъ онъ.—Пойди-кось, возьми, прыткій ты!... Чай вѣдь у него тамъ въ конторѣ-то други, кумовья всякіе, сколько уже лѣтъ дружбу водятъ... Нѣтъ, братъ, тамъ нашего брата близко не подпускаютъ. А онъ съ ними контракты заключаетъ.

— Ну, ребята, пора, пора на работу! — загудѣла артель, поднимаясь.

— Щи ноня несуразныя, квасу бы больше, —раздались голоса.—Да и каша не супрѣла. Мотри, матка, заботься...

Я вышелъ словно въ туманѣ. За невыносимый трудъ масса получаетъ такое ничтожное вознагражденіе и одинъ за ничтожный трудъ получаетъ такъ много — семь-восемь тысячъ рублей за четыре-пять мѣсяцевъ!

Черезъ полтора мѣсяца я снова въ Нижнемъ. Ярмарка въ разгарѣ. Физіономія Нижняго значительно измѣнилась. Теперь онъ—громаднѣйшій, быть-можетъ единственный, торговый рынокъ

обмѣна произведеній между Европой и Азіей. На того, кто видитъ ярмарку въ первый разъ, она производитъ какое-то поражающее, подавляющее впечатлѣніе. Трудно ее описывать, да и не мѣсто здѣсь. Скажу только, рабочаго люда сюда стекается многое множество съ разныхъ сторонъ и издалека.

Иду прежде всего на главный рабочій рынокъ — на Сибирскую пристань. Пристань эта достойна того, чтобы на ней нѣсколько остановиться. Ярмарка, какъ извѣстно, помѣщается на полуостровѣ, отдѣленномъ отъ города устьемъ Оки и омываемомъ съ двухъ другихъ сторонъ Волгой. Такъ вотъ значительная часть ярмарочнаго берега, омываемаго Волгой, и называется Сибирскою пристанью. Здѣсь мѣсто всѣмъ товарамъ, кромѣ нѣкоторыхъ, имѣющихъ отдѣльныя помѣщенія: такъ, наприм., желѣзная пристань — на пескахъ, т. е. на песчаныхъ наносахъ устья Оки; также для мочалы и деревянныхъ издѣлій, также для товаровъ, отправляемыхъ по Московской желѣзной дорогѣ. Но самая большая пристань, быть-можетъ даже бо́льшая всѣхъ отдѣльныхъ, вмѣстѣ взятыхъ, Сибирская. Сюда привозятся и отсюда развозятся товары и во все верхнее Поволжье и отъ Рыбинска на Петербургъ, и во все нижнее Поволжье съ такими крупными центрами, какъ Казань, Симбирскъ, Сызрань съ желѣзнодорожною вѣтвью на Моршанскъ, Самару, съ вѣтвью на Оренбургъ, Саратовъ, съ желѣзнодорожною вѣтвью на Тамбовъ, Царицынъ, съ вѣтвью на Донъ и Астрахань и каспійскіе порты, закавказкіе и персидскіе и на Вятку, и по Камѣ на Пермь, и на Сибирь, и по Окѣ на Муромъ, Касимовъ, Рязань, и по Клязьмѣ на Владиміръ и выше, и т. д. по всему огромному бассейну Волги, Камы, Вятки, Оки, въ Сибирь, Закавказье и Персію. Много милліоновъ пудовъ разнаго товара переносится на плечахъ рабочаго и развозится по обширнѣйшему, быть-можетъ, торговому району. Если бы подняться на такую высоту, чтобы люди казались по величинѣ муравьями, то вся ярмарка, вѣроятно, показалась бы огромнымъ муравейникомъ, Сибирская же пристань и безъ всякихъ воображеній и воздушныхъ полетовъ разительно напоминаетъ муравейникъ. Кому приходилось раскапывать муравейники, кому приходилось подолгу и внимательно наблюдать ту тревогу, бѣготню, суетню, которая поднимается при этомъ, тотъ легко можетъ себѣ представить Сибирскую пристань. Та же толкотня, бѣготня, шумливая, крикливая, непонятная для новичка, какъ китайская азбука, какъ и раскопанный муравейникъ. Ни за что

не увидишь пьянаго,—здѣсь нѣтъ мѣста праздному... Мимо тебя быстро идутъ, даже бѣгутъ, люди, всѣ съ тюками или на спинахъ, или на тачкахъ; они безъ церемоніи толкаютъ, не обращая вниманія, да и дѣйствительно не обращаютъ вниманія ни на кого и ни на что. Тамъ и сямъ шныряютъ приличныя бекешки, кафтаны, даже сюртуки прикащиковъ и кулаковъ,—съ озабоченнымъ, дѣловымъ видомъ шныряютъ съ тетрадками, съ книгами въ рукахъ между «оборванною чернью» и необорванными пузатыми тюками-капиталами. Большіе грузы, большія тяжести иногда тянетъ цѣлая артель и при этомъ такъ надрываетъ свои глотки, что не каждая барабанная перепонка останется довольною. Гудитъ, стономъ стонетъ многотысячная масса, надрывается народная глотка, но еще сильнѣе надрываются народные мускулы, ставится ребромъ народная сила, здоровье. Надъ всѣмъ этимъ гамомъ царятъ то тамъ, то здѣсь раздающіяся, какъ изъ трубы, выкрикиванія кулаковъ и перекрикиванія черезъ трубы съ подходящихъ пароходовъ съ находящимися на берегу. Озадаченный, ошеломленный стоишь въ удивленіи. Не знаешь, на что устремить взглядъ, на чемъ остановиться, что разсмотрѣть внимательнѣе. Слухъ, зрѣніе, подавленные, отказываются служить.

— Сторонись, чего ротъ раззявилъ!—гудитъ надъ ухомъ.

Сторонюсь и глаза какъ-то невольно ищутъ сказавшаго, но напрасно.

Хожу, стараюсь овладѣть собой, привести въ порядокъ чувства, пытаюсь отдать себѣ отчетъ въ происходящемъ. Съ одной стороны на водѣ сорока-саженныя баржи и баржи, приставленныя почти къ берегу (берегъ невысокій, почти въ уровень съ баржами), соединяющіяся съ нимъ мостиками, громадныя баржи въ нѣсколько рядовъ, цѣлыя сотни лѣпятся другъ къ дружкѣ, тѣснятся, словно густая толпа великановъ; мачты ихъ образуютъ такой великолѣпный лѣсъ, какой въ дѣйствительности рѣдко встрѣтишь; за ними снуютъ взадъ и впередъ пароходы, словно горластые кохинхинскіе пѣтухи между стадами куръ; они приводятъ пустыя и отводятъ нагруженныя баржи; другіе—товаропассажирскіе—приходятъ сами нагружаться. Съ другой стороны всего въ 7—10 саженяхъ отъ берега стоятъ земляные великаны—огромные склады для товаровъ на подобіе амбаровъ, каждый въ нѣсколько десятковъ саженей длины и съ необычайно высокими крышами. За однимъ рядомъ ихъ, тянущимся на громадное пространство параллельно берегу и баржамъ, далѣе въ глубь ярмарки тянется па-

раллельно такой же рядъ. Каждому пароходному обществу принадлежитъ нѣсколько такихъ складовъ; они обыкновенно обнесены заборомъ въ видѣ квадрата или четыреугольника съ проѣздными насквозь воротами, съ особымъ красивымъ домомъ для конторы и прикащиковъ. Вывѣски гласятъ, какому обществу принадлежатъ эти дворы. Вотъ едва не изъ саженныхъ буквъ вывѣска «Дружина». Цифры надъ амбарами указываютъ на число ихъ: 7, 8, 10, 12... Перехожу дальше, тянутся безъ конца все параллельно баржамъ амбары пароходствъ: «Каменскій», «Пароходное Общество по Волгѣ» (Волжское», говорятъ обыкновенно), «Курбатовъ» (арестантское), «Кавказъ и Меркурій» («Меркурьевское»), «Американское» и т. д.

Съ той и другой стороны—на баржахъ и въ складахъ—въ безчисленномъ множествѣ высятся буквально горы товара; горы его и въ складахъ—болѣе цѣнный, горы прямо во дворахъ, прикрыты брезентами, или даже просто ничѣмъ не прикрыты; между этими горами шныряютъ и перетаскиваютъ его массы народа. Какъ велика масса товаровъ здѣсь, можно судить изъ того, что, по словамъ агента «Дружины», г. Рихтера, за время послѣдней ярмарки «Дружина» перевезла болѣе 4 милліоновъ пудовъ. Сколько же всего милліоновъ пудовъ переношено народомъ!...

Но удивительный народъ: истомленный, изнуренный, подъ палящими лучами солнца, онъ работаетъ съ пѣсnью, словно веселится... Вотъ четверо съ трудомъ поднимаютъ огромные тюки и кладутъ на плечи двухъ, подходящихъ поочереди. При этомъ шестеро дѣйствующихъ, двое поджидающихъ и двое подходящихъ, дружно съ каждымъ тюкомъ на веселый тонъ поютъ:

«Ребятишки подошли,
Подхватили, понесли...»

Далѣе артель тянетъ какую-то большую машину съ частыми остановками, причемъ, прежде чѣмъ начать тянуть, монотонно выводитъ:

«Ра-азъ, два-а-а, три—беремъ».

При словѣ «беремъ» ожесточенно тянутъ, выкрикивая: «беремъ, беремъ, беремъ», «ну, еще, еще, еще» и т. д. до остановки, а тамъ опять то же.

Тамъ артель тащитъ что-то трудно поддающееся, подвигающееся шагъ за шагомъ, и при этомъ запѣвающій начинаетъ:

«Ну, молодчики, (хоръ) еще разокъ,
Разудалые, (хоръ) еще разокъ!»

При словахъ «еще разокъ», вс[illegible] дружно тянутъ, подвигаясь каждый разъ на шагъ.

При тяжестяхъ, требующихъ [illegible]о крайней мѣрѣ минутнаго отдыха, всѣ дружно поютъ:

«Э[illegible]бинушка, ухнемъ,
Эй, [illegible]я, сама пойдетъ,
Сама пойдетъ, идетъ, идетъ...»

Если же тяжесть идетъ ровно, безъ остановокъ:

— «Ой, пошла,—ой, пошла,—
Ой, пошла, пошла, пошла...»

Но что это за оригинальная пѣсня, она состоитъ всего изъ двухъ восклицаній, безпрерывно повторяющихся:

«Эй, ухъ! Эй, ухъ, ухъ, ухъ!...»

Слишкомъ немногословна эта пѣсня, слишкомъ лаконична, однообразна, но вы не въ состояніи скоро оторваться отъ нея; тотъ, кто слышалъ ее разъ, не забудетъ никогда: это—стонъ, выдавливаемый изъ груди мучительнымъ трудомъ, вырывающійся одновременно въ тактъ, какъ біеніе сердца, у нѣсколькихъ десятковъ человѣкъ!... Тяжелое, подавляющее впечатлѣніе производитъ она на невольнаго слушателя. Невеселыя думы навѣваетъ она, нехорошія картины историческаго прошлаго возстаютъ въ памяти... Чудится что-то возмутительное. Забитость, приниженность, рабство народное слышатся въ ней; она—естественные аккорды страданія, она—стенанія наболѣвшаго сердца, вопль изболѣвшей, изстрадавшейся души...

Каковъ трудъ этихъ людей, мы уже знаемъ. Тотъ же видъ, съ тѣми или иными различіями, особенностями, имѣютъ и другіе рабочіе рынки здѣсь и я ихъ описывать не стану.

Теперь посмотримъ внимательнѣе, какъ организованъ трудъ этихъ тружениковъ и какое вознагражденіе достается на долю его.

Что касается организаціи труда, то въ такомъ центрѣ, какъ Нижегородская ярмарка, разумѣется, встрѣтишь самую разнообразную организацію, начиная отъ чисто капиталистической и постепенно переходя къ чисто-артельной. Тутъ встрѣтишь и поденнаго рабочаго, и кратковременныя поденныя, даже на часы,

группы рабочихъ съ одинаковой или различною платой, и группы рабочихъ на опредѣленномъ различномъ жалованьи у рядчиковъ— мѣсячномъ или на все лѣто, на его пищѣ и на всемъ содержаніи; но огромное большинство рабочихъ, большинство подавляющее, организуется артельно.

Артельная организація въ свою очередь очень разнообразна, имѣетъ нѣсколько типовъ; но, говоря точнѣе, научнѣе, должно сказать, что организація артелей одна, т. е. принципы, характеризующіе артель, основанія, на которыхъ она покоится, одни и тѣ же; существенныя различія состоятъ только въ степени эксплуатаціи этихъ артелей кулакомъ,—эксплуатаціи очень разнообразной. Такъ что, собственно говоря, можно говорить въ данномъ случаѣ не о типахъ артели, а о типахъ эксплуатаціи артели.

Могутъ сказать, что же это за артель, если она эксплуатируется кулакомъ и притомъ разнообразно? Если она не можетъ отстоять свою экономическую независимость, принижается, обирается кулакомъ, служитъ къ его наживѣ и ничего не даетъ членамъ сравнительно съ наемнымъ рабочимъ,—артель не выполняетъ своего предназначенія, она теряетъ всякій смыслъ, она обращается въ простую группу наемныхъ рабочихъ и потому не имѣетъ ни малѣйшаго основанія называться артелью. Считая посылки правильными, я думаю, что выводъ изъ нихъ не вполнѣ логиченъ. Представьте себѣ человѣка съ оторванною рукой, ногой, искалѣченнаго, даже лежащаго на смертномъ одрѣ; вѣдь, несмотря на то, что онъ искалѣченъ, что онъ тяжело боленъ,—значитъ, всѣ его человѣческія функціи парализованы, не дѣйствуютъ,—все-таки назовете его человѣкомъ, а никакъ не иначе; мало того, этотъ парализованный человѣкъ—можетъ-быть великій человѣкъ, быть-можетъ даже геній, завтра онъ начнетъ поправляться, черезъ недѣлю онъ встанетъ съ одра во всемъ величіи,—онъ, быть-можетъ, удивитъ міръ, онъ прославится на весь свѣтъ. Дѣло, видите ли, въ томъ, что самая великая сила можетъ быть парализована, но она остается силой; самый великій человѣкъ можетъ быть въ бездѣйствіи, но онъ остается великимъ. Организмъ можетъ быть зараженъ худосочіемъ, онъ можетъ быть покрытъ гнойными язвами, но, пока живетъ, дѣйствуетъ, онъ остается организмомъ; быть-можетъ, онъ и разрушится, но, можетъ-быть, и выздоровѣетъ, а пока не умеръ, онъ— организмъ. Однимъ словомъ, парализація функцій, искалѣченіе,

болѣзнь не отрицаютъ самаго организма. Такъ организмъ артели дѣйствительно покрытъ злокачественными язвами, но, замѣтьте, это не всегда бываетъ: кулачество дѣйствительно высасываетъ нерѣдко всѣ жизненные соки изъ нея, все же артель остается артелью, разъ сохраняются коренные принципы, на которыхъ она зиждется, а въ данномъ случаѣ это именно такъ и есть.

Послѣ этихъ краткихъ замѣчаній перейдемъ къ эксплуатаціи артелей.

Одиннадцать часовъ. По раскаленному песку острова въ устьѣ Оки, гдѣ расположена желѣзная пристань, тянутся длинными вереницами группы рабочихъ, не смѣшиваясь одна съ другой. Это артели идутъ обѣдать. Нагоняю одну изъ нихъ. Лица все изнуренныя, истомленныя, ноги ступаютъ какъ-то тяжело, неохотно, апатично вылѣзая изъ сыпучаго песку. Знать умаялись сердечные!...

— А какъ бы пройти отсюда на пароходную пристань?—обращаюсь я къ ближайшимъ ко мнѣ.

— Тебѣ ѣхать, что ли? Ужь ноня не уѣдешь,—пароходъ ушелъ. Опоздалъ, любезный! Поѣдешь завтра,—посыпались отвѣты на ходу.

— Да я только пойду узнать, во сколько часовъ отходитъ пароходъ и сколько стбитъ билетъ.

— Побредемъ съ нами; вонъ мы тебя доведемъ до машины (водокачка), а тамъ ты возьмешь налѣво по третьему мостику.

— Далеко-ль ѣхать?—спрашиваетъ другой.

— Въ Рязань.

— Такъ ты намъ сусѣдъ,—и мы рязанскіе, Спасскаго уѣзда. Нашихъ тутъ много,—и т. д., заговорили разомъ нѣсколько голосовъ.

Шедшіе впереди стали влѣзать въ низкую калитку. Я раскланиваюсь, чтобы завернуть налѣво на мостикъ, желая и ожидая приглашенія артели зайти къ ней. Не ошибаюсь.

— Что же, любезный, зайдемъ, пообѣдаемъ,—вѣдь не сейчасъ уѣдешь.

— Сусѣдъ, сусѣдъ, заходи для праздничка! — приглашаютъ другіе.

Разумѣется, я не заставляю себя долго просить.

Подъ большимъ, довольно уже старымъ, навѣсомъ положены въ нѣсколько рядовъ доски вмѣсто столовъ, а на полъаршина

ниже тоже доски вмѣсто стульевъ. Мои сосѣди посадили меня за свой столъ, выказывая не мало заботъ, чтобы было поудобнѣе.

— Вотъ, братцы, вы меня угощаете, такъ ужь и я васъ угощу для праздника,—и посылаю молодаго парня за водочкой. Къ тому-жь явилась и артельная водка.

Нѣсколько стаканчиковъ бойко заходило въ обычномъ порядкѣ по разъ уже установленнымъ группамъ, вызывая очень мѣткія, остроумныя замѣчанія, обращенныя то къ одному, то къ другому товарищу, почему-либо обращавшему на себя вниманіе.

Дѣло пошло веселѣе, разговоры стали оживленнѣе. Оживленіе мало-по-малу переходило въ безпорядочный общій говоръ, надъ которымъ то тамъ, то сямъ выдавались рѣзкіе крики сильныхъ голосовъ. По временамъ крикъ мѣшалъ даже разговаривать мнѣ съ ближайшею группой, тогда болѣе вліятельные и спокойные унимали товарищей постыдиться гостя.

— Ну, какъ заработки у васъ этотъ годъ?

— Какіе тутъ заработки? Худо, братъ,—ужь такъ худо, что хуже бы нельзя. То-ись вотъ плюнулъ бы да и только.

— На пищу, другъ, не хватаетъ, хоть вѣрь, хоть не вѣрь,—слышатся какъ бы въ подтвержденіе тяжелые вздохи.

— Вотъ что, нужно тебѣ правду сказать,—начинаетъ степенный, серьезный мужичокъ:—жить бы можно, кабы не эти рядчики. Они-то насъ обдираютъ, проклятые, жить не даютъ.

— Да на что-жь рядчики, вѣдь у васъ артель?

— Артель—это такъ, да вишь мы работаемъ отъ рядчика.

На мои вопросы мнѣ разсказали слѣдующее. Въ артели 150 человѣкъ совершенно равноправныхъ, получающихъ по равному паю и несущихъ равныя издержки; всѣ равно участвуютъ и въ трудѣ. Выбираются староста, или атаманъ, писарь, поваръ. Послѣдній въ большихъ артеляхъ не работаетъ, а только приготовляетъ пищу, первые же работаютъ. Отказаться отъ выбора нельзя. Пьянаго штрафуютъ въ первый разъ на четверть водки, во второй на ½ ведра, а затѣмъ въ независимыхъ артеляхъ исключаютъ, въ зависимыхъ же этого не позволяетъ рядчикъ, такъ какъ его интересы пострадали бы. При этомъ, нужно замѣтить, штрафуютъ водкой не изъ желанія попьянствовать лишній разъ самимъ, а потому, что водка, считаемая въ ихъ трудѣ положительно необходимой, входитъ постоянною статьей въ бюджетъ артели; но, разумѣется, отъ артельной порціи пьянъ не будешь. Вообще артель очень строга къ нравственнымъ качествамъ чле-

новъ; она не только тяжело караетъ пьяницу, но также энергично преслѣдуетъ вора, если такой, Боже упаси, заведется; она кромѣ штрафовъ не прочь его проучить и своимъ судомъ. За брань хотя и не штрафуетъ, но за драку штрафуетъ начавшаго или обоихъ. За то она участливо относится, въ случаѣ несчастія къ товарищу: напримѣръ, заболѣвшій можетъ не работать и въ теченіе трехъ дней какъ бы считается на работѣ, а послѣ того ему дается пища и помѣщеніе безплатно и т. д. И все это дѣлается не какъ-нибудь случайно, безпринципно, а по обычаю, по давно заведенному порядку. «У насъ на все законъ есть», «у насъ такъ изстари ведется, отъ стариковъ», многозначительно говорятъ артельщики.

Между тѣмъ на одномъ концѣ что-то особенно рѣзкіе раздавались голоса, слышалась очень изысканная, разнообразная непечатная брань съ обѣихъ сторонъ. Состязались двое разгоряченныхъ товарищей: одинъ громаднаго роста, другой невысокій, но коренастый кряжъ. Они сильно жестикулировали.

— Да подеритесь, черти, скорѣе! — кричитъ одинъ зритель.

— Ожидай, на дураковъ попалъ, не таковскіе, — отвѣчаетъ другой.

Но вотъ кряжъ чѣмъ-то ужь очень задѣлъ единоборца, тотъ неистово заревѣлъ, вдругъ ожесточенно схватилъ себя за волосы и началъ безъ сожалѣнія себя теребить,—не стерпѣлъ что-то очень обидное. Раздался хохотъ, кряжъ не утерпѣлъ и хватилъ прямо въ ухо. Мгновенно десятки рукъ растащили ихъ. Шутя и смѣясь особенно надъ кряжемъ, быстро разсудили оштрафовать кряжа на полведра.

— Братцы, помилуйте!—взмолился онъ.

— Чего клянчить,—раздалось нѣсколько голосовъ,—чай вѣдь знаешь, на что шелъ... Не новичекъ, законы чай наши знаешь. Писарь, пиши на него полведра.

— Что-жь, сейчасъ возьмемъ распить?—заговорили.

— Нѣтъ, нѣтъ, будетъ на ноня. Завтра проздравимъ смутьяна.

Шумъ мало-по-малу утихаетъ. Многіе ложатся здѣсь же на солому, другіе группами бесѣдуютъ, тамъ не громко напѣваютъ пѣсню.

Я продолжаю разспрашивать.

— Такъ вотъ, другъ ты мой сладкій, считай самъ, что намъ стоитъ рядчикъ: насъ вотъ 150 душъ и мы всѣ у него до единаго въ долгу,—кто тридцать, кто полсотни, а кто и бо-

лѣе нахваталъ,—всего 6.000 руб. за артелью. Стало-быть осень, нужда, подати тянутъ, гдѣ хошь бери,—ну, и идешь къ своему рядчику: такъ молъ и такъ, дай, ради Бога.—Изволь, говоритъ, бери, сколько нужно, не отказываетъ, потому отработаешь; только, говоритъ, расписочку дай, да обяжись у меня въ артели работать; ну, а проценту, говоритъ, извѣстно, четвертакъ на рубль.— Тяжело это намъ, — охъ, какъ тяжело!... Да что подѣлаешь: шкуру сдерутъ какъ въ волости за подати, такъ вѣдь другая не скоро выростетъ; тоже вѣдь жаль,—чай не чужая. Такъ ужь мы всякъ своего рядчика и знаемъ и у него забираемъ. У насъ вонъ въ Санскомъ болѣе десятка ихъ степенствъ, то-ись рядчиковъ, село-то большое, больше 1.000 душъ. Весной-то онъ насъ собираетъ и идемъ на работу.

— Куда же идете?

— Во всѣ страны идемъ. Землицы у насъ мало и плохонькая. Такъ ужь насъ обидѣли... и, Господи,—вздыхаетъ собесѣдникъ.—И бабамъ дѣлать на ней нечего,—ну, и заправляютъ съ дѣтишками да стариками, а мы всѣ уходимъ изъ нашей волости и изъ сосѣднихъ. Да, въ разныя страны уходимъ: какая артель въ Рыбинскъ, какая въ Пермь, а то въ Астрахань, Петербургъ, даже Ригу,—ну, а на лѣто-то болѣ сбиваемся сюда на ярмарку.

— Стало-быть онъ съ васъ за 6.000 рублей возьметъ процентовъ достаточно, 1.500 руб. въ годъ?

— Какое тамъ въ годъ? Берутъ-то больше къ Рождеству, а многіе куда позже, а онъ вотъ лѣтомъ и вычитаетъ съ насъ изъ того, что заработаемъ. Въ годъ-то оно выйдетъ вдвое болѣ: считай не полторы, а три тысячи рублей.

— Однако,—не выдерживаю я,—вѣдь это жидовскіе проценты, 50% въ годъ.

— Чаво ты тутъ ужахаешься?—вмѣшивается недавно подошедшая красно-рыжая голова съ необыкновенно энергичнымъ, типичнымъ лицомъ.—Насъ не то мутитъ, что столько процентовъ беретъ, а то, что беретъ онъ, анафема, за наши же деньги — вотъ что не можемъ простить нехристю!... Ты слушай-ка, вѣдь онъ беретъ теперь на ярмаркѣ задатокъ у хозяевъ для насъ; его-то осенью онъ раздаетъ намъ и за это вотъ и беретъ, какъ разсчелъ ты, 50%. Нѣтъ, постой, это цвѣтики,—ягодки-то впереди.—Рыжая, почти золотая, клинкомъ борода, всклокоченныя такія же прекрасныя кудри, худое, томное, но смѣлое, серьезное, страшно озлобленное лицо, горячее, бойкое слово, ораторская же-

стикуляція—все это и прочее невольно приковываетъ къ нему вниманіе. Словно живой и сейчасъ стоитъ передо мной этотъ замѣчательный человѣкъ со страстнымъ взоромъ, съ воодушевленною рѣчью, энергично жестикулирующій. Прямой, морщинистый большой лобъ, сдвинутыя брови, пламенные глаза, молодецкая осанка—все гармонировало въ немъ, высоко выдвигало его изъ толпы. Стало тихо, всѣ слушали, многіе повстали и окружили насъ съ грустной, довольной улыбкой.—Такъ вотъ считай, любезный, высчитывай, а я буду говорить. Перво-на-перво съ каждаго изъ насъ онъ беретъ по 5—8 рублей, со всѣхъ значитъ тыщонку сдеретъ; ты скажешь, за что?—А мы и сами не знаемъ; говоритъ, за хлопоты, а каки-таки хлопоты? Только и хлопочетъ окаянный, какъ бы вкуснѣе нажраться, да покрѣпче выспаться. Второе, рядчикъ получаетъ два пая да двѣнадцатилѣтній сынишка его одинъ пай, хоть положь по 60 рублей = 180 руб. Потомъ, положь ужь самое малое, что онъ обворуетъ насъ на три тысячи рублей,—ужь вѣрь, другъ, не набавлю.

— Правда, правда!—гудитъ толпа.

— Вѣдь сами видимъ, что мошенничаетъ, аспидъ: нагрузимъ примѣрно 10 тысячъ пудовъ, а онъ говоритъ—9 тысячъ, да что подѣлаешь? Супротивъ него трудёно итить. Разобидь-ка его, такъ зимой съ голоду околѣешь. Все ему, жиду треклятому, мало. Еще по 1 рублю беретъ съ души на квартиру,—выходитъ 150 рублей. Всѣ мы знаемъ, что платитъ за этотъ домъ, что на улицу окнами, 85 рублей, только насъ туда не пускаетъ,—говоритъ: полъ замараемъ,—а живетъ тамъ съ сыномъ, а намъ отвелъ вотъ этотъ сарай. Обѣдъ себѣ тоже заказываетъ въ гостиницахъ, съ нами не ѣстъ,—баринъ..., а давно ли голоштаннымъ мужикомъ былъ?... Стерляжью ушицу больно любитъ да бишкветы какіе-то, а вѣдь все это до копѣечки намъ въ счетъ ставитъ, а оно-то, братецъ, ухъ какъ тяжело и не говори... Утѣсненіе одно... Ну, сусчитай, сколько это удовольствіе намъ обходится!

Кончилъ—и оживленно посыпались съ разныхъ сторонъ эпитеты самые отборные, непечатные, всѣ зашевелились, разомъ заговорили, многіе подхваливали оратора.

— Ты вотъ, дружокъ,—обращается необыкновенно степенный, солидный мужичокъ,—спрашивалъ, велики ли наши заработки: дай Богъ, чтобы хватило расплатиться только съ рядчикомъ, долгъ-то отдать, что зимою у него забрали. Да нѣтъ, не всѣ вѣрно расплатятся. Вонъ Петруха-то хворалъ, такъ ужь гдѣ ему

расплатиться? На дорогу еще будетъ просить у рядчика. А вотъ намъ хошь бы на дорогу осталось. А какъ придемъ домой, опять къ его степенству: дай, ради Бога, на подати, а тамъ на хлѣбъ... Охъ, братъ, трудёно жить стало!

— Да вѣдь это кабала, это хуже крѣпостничества! — замѣчаю я.

— Правда, правда, любезный,—заговорило нѣсколько голосовъ.—У господъ намъ жилось рази такъ?—И пошли длинныя высчитыванія доказательствъ, почему жилось лучше «у господъ». Много разъ приходилось слышать эти справедливыя разсужденія, но, чтобы не повторяться, я подробно остановлюсь на этомъ ниже.

— Но на кой же чортъ вамъ этотъ рядчикъ? Развѣ безъ него не управились бы?

— Буде тебѣ болтать-то!... Не управимся!... Сказалъ... Ахъ, ты, глупая башка!—загалдѣла толпа.—Контракты онъ съ нами пишетъ, условія значитъ такія заключаетъ съ кажинымъ, чтобъ у него работать въ артели. У него все это, братъ, *по закону*, какъ слѣдствуетъ... Онъ слова не скажетъ не *по закону*—вотъ что!...

Много ироніи, озлобленія было въ этомъ подчеркнутомъ *по закону*. Видно, тяжело ложится на душу это лаконическое словечко.

— Однакожъ, ловко онъ васъ оплетаетъ,—замѣчаю.

— Что и говорить, ловко, анафема!

— А вѣдь работа ваша, говорятъ, трудная.

— Супротивъ нашей работы, сердешный, поискать. И руки, и ноги у тебя словно отвалились, отекутъ, значитъ, кровью. И поясница, и спина-то болитъ, и всего-то тебя разломитъ... А ужь какъ подъ ложечку подвалитъ, въ глазахъ-то потемнѣетъ, ажно дрожь тебя деретъ, быдто въ крутой морозъ, а жарища-то палитъ страшная,—куда тебѣ, смерть да и только...

— Что же, лѣчитесь?

— Какъ не лѣчиться! Умирать-то, чай, не хоцца никому; все какъ ни есть плохо, а жить кажиному повадно.

— Не даромъ баютъ: не спѣши на тотъ свѣтъ, — тамъ кабаковъ нѣтъ,—рапортуетъ молодой парень.

— Ну, ты и на томъ свѣтѣ найдешь кабакъ!—при общемъ смѣхѣ замѣчаютъ ему.

— Къ доктору ходите?—продолжаю.

— Нѣтъ, къ вашимъ дохтурамъ не ходимъ,—лядащи они, имъ нашей болѣсти не понять... У насъ хвершалъ, въ родѣ какъ коновалъ лошадиный. Дошлый онъ у насъ такой, что куда ваши дохтура годятся... Пойдешь это въ баню, распаришь косточки, а онъ тебѣ какъ завалитъ банокъ 15, всю спину изсѣчетъ,—словно полоску изборозднтъ плугомъ,—да еще какъ жильную кровь это изъ рукъ пуститъ, такъ хоть садись да плавай въ крови. Ну, и полегшаетъ, работать можно. Такъ, братецъ ты мой, два раза въ лѣто мы бросаемъ кровь *).

— Намеднись намъ изъ лавочки попалась газетка,—снова началъ предыдущій рыжій ораторъ, — я-то вотъ не читалъ, а письмённые такіе у насъ есть,—такъ тамъ сказано, жидовъ гдѣ-то бьютъ, потому очинно народъ обижаютъ... Чай самъ грамотный, читалъ... Что тѣ жиды?... Вотъ свои-то хуже жидовъ... Мало что высасываютъ всю кровь нашу, они готовы жилы повытянуть, кости наши погрызть... Силъ нашихъ нѣтъ терпѣть!... Умирать, такъ умирать! — грозно закончилъ онъ съ поднятымъ мощнымъ кулакомъ.

Гамъ поднялся невообразимый, озлобленіе было страшное.

Таковъ одинъ типъ эксплуатаціи артелей. Этотъ типъ очень распространенъ,—особенно среди артелей рязанцевъ. Но онъ не всегда однообразенъ,—почти каждая артель имѣетъ какую-нибудь особенность, неважную, детальную. Такъ, въ одной артели рядчикъ беретъ со всѣхъ поровну, чаще по 5 руб. съ человѣка, въ другой—отъ 5 до 10 рублей, въ третьей рядчикъ себѣ беретъ 2—3 пая, въ четвертой—1 пай и по 1 паю получаютъ малолѣтніе сынишки, одинъ или два; въ пятой рядчикъ погуманнѣе (!) беретъ 20% на капиталъ и т. д. Но сущность эксплуатаціи отъ этого нисколько не измѣняется, тяжесть для народа нисколько не облегчается отъ того, что будетъ ли рядчикъ прямо на себя брать 2—3 пая, или на себя 1 да 2 на дѣтей, или обложитъ податью всѣхъ *ровно* по 5 рублей, или съ одного больше, съ другаго меньше. Самые существенные пункты эксплуатаціи остаются безъ измѣненія,—даже почти во всѣхъ артеляхъ встрѣчаешь приблизительно одну цифру, которую кладутъ артели на мошенничество рядчиковъ,—3—4 тысячи. Всѣ эти рядчики совершенно не работаютъ, на артельный счетъ нанимаютъ для себя съ семействомъ дома, на артельный же счетъ кушаютъ вкусные обѣ-

*) Въ этомъ родѣ труда всѣ рабочіе бросаютъ кровь два раза въ лѣто.

ды. И на видъ-то они очень похожи другъ на друга—жирные, толстые, красные. Всѣ они одинаково закабаляютъ рабочаго, обирая его до-чиста, обязывая каждаго отдѣльно и формально по закону работать у него въ артели. Что-то холодное, безсердечное, отталкивающее написано у нихъ на лицѣ. Да и числомъ членовъ эти артели мало разнятся: онѣ обыкновенно большія, рѣдко не достигаютъ 100 человѣкъ, чаще же значительно болѣе 100, до 150. Между кулаками существуетъ молчаливое согласіе, быть-можетъ основанное на обычномъ правѣ: это — своего рода стачка, вслѣдствіе которой рабочему некуда дѣться, кромѣ своего кулака. Онъ—продуктъ новѣйшаго времени; исторія всѣхъ ихъ, о которыхъ приходилось разспрашивать, не восходитъ выше 15 лѣтъ. А до тѣхъ поръ они—малоизвѣстные, «голоштанные» рабочіе. Будучи односельчаниномъ съ артелью, зная каждаго сосѣда, кулакъ ловко опутываетъ сѣтями народъ и чѣмъ дальше, тѣмъ несчастныхъ жертвъ его прожорливости становится все больше и больше. Здѣсь не можетъ быть рѣчи о какомъ-либо распредѣленіи заработка между кулакомъ и тружениками. Все идетъ въ карманъ перваго и рѣдко послѣднему перепадаетъ ничтожная частица. Не всѣ даже члены артели вырабатываютъ сумму долга рядчику, закабаляясь уже безъисходно. Да, это хуже крѣпостничества: это—кабала безжалостная, возмутительная, преступная, растущая съ часу на часъ.

Теперь перенесемся на Сибирскую пристань,—это не далеко. Стонетъ, реветъ, шумитъ многочисленная толпа, быстро перенося горы товаровъ съ берега на баржи и обратно. Тамъ и сямъ шныряютъ неработающіе бекешки и сюртуки. Мы на Дружинской пристани.

— Ты опрашивалъ намедни, гдѣ нашъ рядчикъ: вонъ онъ, гляди, стоитъ,—указываетъ проходящій мимо знакомый артельщикъ.

Легко было отличить указаннаго. Среди бѣгущихъ и снующихъ оборванныхъ рабочихъ рѣзко выдѣляется огромная, почти гигантская фигура въ черномъ длинномъ сюртукѣ, въ купецкомъ картузѣ, въ высокихъ, налакированныхъ сапогахъ. Подхожу ближе, чтобы внимательнѣе разсмотрѣть этого интереснаго субъекта. Онъ поворачивается лицомъ въ мою сторону, причемъ сильно бросается въ глаза его выпуклый большой животъ и вообще несоразмѣрная даже съ его ростомъ толщина. Казалось на первый разъ, что онъ весь состоитъ изъ сплошныхъ жировыхъ скла-

докъ,—складки подбородочныя, шейныя, лицевыя, всѣ онѣ щедро налиты жиромъ и густо отполированы тоже жиромъ, такъ что лицо замѣтно блеститъ и вообще онъ походитъ на ходячій мѣхъ, налитый жиромъ. Маленькіе бойкіе глаза вертятся и бѣгаютъ и какой-то нехорошій огонекъ блеститъ въ нихъ. Вся эта жировая махина довольно свободно, быстро вращается, энергично жестикулируетъ, а зычная глотка его выдѣляется изъ всего шума тысячной толпы. То одной, то другою рукой онъ быстро отираетъ буквально ручьями текущій потъ съ его лица. Онъ перебѣгаетъ съ мѣста на мѣсто. Вотъ онъ перекрикивается съ проходящимъ пароходомъ, вотъ ободряетъ артель, вотъ озирается, подзываетъ какую-то чуйку и быстро отдаетъ какія-то распоряженія. Отъ его зоркаго глаза, кажется, не укрывается ничто; онъ вездѣ успѣваетъ во время. Этотъ интересный типъ—замѣчательный типъ; онъ заслуживаетъ бо̀льшаго вниманія, достоинъ кисти великаго художника. Это—краса и гордость кулаковъ и вмѣстѣ съ тѣмъ предметъ ихъ зависти. Съ уваженіемъ, подобострастіемъ взираютъ на него мелкіе кулаки, какъ на недосягаемый идеалъ. Словомъ, этотъ чертополохъ—первѣйшій рядчикъ ярмарочный Анучинъ, берущій подрядъ нагрузки и разгрузки судовъ на нѣсколько милліоновъ пудовъ отъ двухъ большихъ пароходныхъ обществъ—«Дружины» и «Лебедя». Одна «Дружина» перевезла за ярмарку четыре милліона пудовъ.

Подхожу къ сидящей невдалекѣ группѣ.

— Работу поджидаете, или отдыхаете?—спрашиваю.

— А у тебя работа что ли есть какая? Мы возьмемъ,—заговорило нѣсколько человѣкъ.

— Нѣтъ, я не по этой части.

Послѣ обычныхъ надоѣдливыхъ разспросовъ, кто я, зачѣмъ, откуда и пр., удовлетворили и меня отвѣтомъ.

— Баржу вонъ ведутъ намъ, такъ поджидаемъ,—разгружать, значитъ, будемъ.

— У васъ артель, что ли, или рядчикъ есть?

— Заправская артель, какъ есть. Всѣ у насъ рядчики. Такъ только быдто для распорядку и хозяйствованія изберемъ кого старостой—рядчикомъ, писаремъ. Да и то только почетъ одинъ, а такіе-жь они пайщики, какъ и всѣ.

— Ну, разумѣется, къ примѣру захочетъ артель почесть, если староста-то дюжа хорошъ, рублевокъ пять накинетъ при разсчетѣ ему съ писаремъ.

— И много тутъ такихъ артелей?

— Дюжа много,—сколько тебѣ угодно хватитъ.

— Однихъ тутъ нашихъ Спасскихъ *) сколько—не перечесть. Изъ Юшты насъ артелей пять, а изъ Санскаго куды больше, Много выходитъ изъ Дегтянаго, Пу́стыни...

— Нужно тебѣ сказать,—прерываетъ другой,—больше-то наши спасскіе идутъ съ рядчиками. А такихъ, какъ мы, безъ рядчиковъ, мало. Потому какъ кто задолжалъ ему, такъ ужь и иди къ нему въ артель по контракту. Вотъ и у насъ въ Юштѣ есть богатѣйшіе рядчики, Парфенъ Ивановъ Нестеровъ, есть и другіе.

— Отчего-жь это такъ?

— Бѣднота, братъ, одолѣваетъ насъ! Худо стало жить. Чѣмъ далѣ, тѣмъ хуже, — бѣда. Землей-то насъ ужь больно обидѣли. Крестьянствомъ-то ужь мы не занимаемся, — бабы управляютъ. А подушныя и разныя подати большія. Куда дѣнешься? Къ рядчику и идешь: такъ молъ и такъ, дай, ради Бога, ваше степенство... Дать-то онъ дастъ, не откажетъ, да ужь опутаетъ мужика почище того, какъ паукъ муху.

— Ну, какъ же вы не попались въ эти сѣти?

— Дѣло не хитрое, какъ сказать тебѣ. Выходитъ, быдто мы посустоятельнѣе,—ну, кое-какъ и перебиваемся, къ рядчику-то не идемъ; а ужь какъ не въ моготу становится, идешь къ своему же брату, изъ одной артели, значитъ. У кого есть, не откажетъ, дастъ, и лихву**)положитъ по-божески,—извѣстно, свой братъ. Такъ и перебиваемся изъ году въ годъ. Только годъ отъ году наши артели все словно мелѣютъ. Лѣтъ пять назадъ наша артель была въ 50 человѣкъ,—ну, а теперь помѐня. Сбѣжали, значитъ, къ рядчикамъ. Нужда заставила,—у насъ-то не хватило капиталовъ помочь...

— Сколько-жь теперь въ вашей артели?

— Наши артели не бываютъ большія. Говорю тебѣ, народъ обѣднѣлъ. Полусотки не бываетъ ужь. Все больше 25—30 душъ. Въ нашей—30.

— Стало-быть заработки у васъ порядочные?

— Гдѣ ужь порядочные! Грошовые заработки—одно слово. Тѣ вонъ, что съ рядчиками пришли, ноня ничего не заработаютъ,— все пойдетъ рядчику въ карманъ. Ну, мы можа по четвертной заработаемъ.

*) Рязанской губ., Спасскаго уѣзда.

**) Процентъ.

— Отчего же это? Вѣдь вы безъ рядчика?

— Такъ-то оно такъ, приходимъ мы безъ рядчика, да здѣсь-то попадаемъ въ лапы къ рядчику. Видишь ли, другъ, всѣ работы большія сняты рядчиками, быдто на арендѣ у нихъ. Вотъ нашъ-то братъ хоша и безъ рядчика приходитъ,—походишь, походишь, поработаешь гдѣ день - два, а тамъ опять ищи работу день-два,—ну, и идешь къ рядчику, просишься къ нему на работу. Извѣстно, полцѣны берешь супротивъ *вольной* работы,—ну, за то работу не ищешь, кажиный день готова. Оно какъ - то поваднѣе такъ. Кабы прямо брать работу отъ хозяевъ, жить куда какъ хорошо бы было.

— Отчего-жь не попытаетесь брать работу прямо отъ хозяевъ?—чувствуя всю наивность вопроса, спрашиваю.

— Эхъ, другъ, бараны мы, что ли? Сами видимъ. Да говорятъ тебѣ, всѣ работы у нихъ на откупу. Гляди-ка, вонъ, нашъ-то крутопузый вертится, онъ вотъ откупаетъ всѣ работы на «Дружинѣ». Чай вѣдь самъ видишь, сколько нашего брата мается здѣсь. Тутъ бы заработки добрые были, кабы не этотъ сатана Анучинъ. Пойди-кось въ контору, возьми работу,—тебя, братецъ, въ шею вытолкаютъ, потому не лѣзь, а иди къ этому самому крутопузому. А онъ тѣ дастъ полцѣны противъ вольной, а то и ме́ня. Самъ-то онъ, баютъ, беретъ съ конторы по 7 рублей съ полтиной, да по 8, а намъ платитъ по 3¹/₂, а то и по 3 рубля, выходитъ, за 1.000 пудовъ. Ну, когда нашего брата поме́ня, платитъ и по 4, и по 4¹/₂, да рѣдко. А болѣ по 3 рубля.

— Неужели-жь Анучинъ платитъ вамъ по 3—3¹/₂ рубля?—недоумѣваю я, хотя уже разъ десять приходилось слышать то же отъ разныхъ артелей.

— Хошь вѣрь, другъ, хошь не вѣрь, а такъ. Много тысячъ нашихъ кровныхъ заѣдаетъ онъ. Да ты, когда не вѣришь намъ, глянь на рожу его, рядчика-то,—вишь разнесло - то ее, чуть не треснетъ отъ жиру. Всю кровь нашу выпилъ, нехристь проклятый!... Ты глянь на насъ: вѣдь кровинки въ лицѣ нѣтъ. Измотались, измаялись мы, силъ нѣтъ терпѣть.—И пошли жалобы...

Я какъ-то невольно осматриваю всю артель, переношу взглядъ на проходящія артели и передо мной встаютъ разныя видѣнныя мною артели... Лица все страшно худыя, истомленныя, болѣзненныя, какого-то землистаго цвѣта, именно «кровинки въ лицѣ нѣтъ». Поражаетъ какое-то бросающееся въ глаза несоотвѣтствіе

между природными дарами: хорошій ростъ, широкое тѣлосложеніе—и неудовлетворенностью потребностей натуры.

— Много ли у него работаетъ артелей?

— Много. Тутъ вѣдь болѣе 1.000 душъ мотается. Все болѣ артели,—артелей 16 у него,—а есть и поденные работники.

— Ну, а при разсчетахъ не бываетъ обмана?

— Коли не бываетъ! Обиду большую чинятъ рядчики. Примѣрно переносимъ тысячъ десять пудовъ, а онъ говоритъ—восемь. Ужь видимъ все обманъ, да ничего не подѣлаешь. Скажи-ка ему, прогонитъ всю артель. И нѣтъ на него никакого суда. И провѣрить нельзя, потому намъ счетовъ изъ конторы не выдаютъ, а выдаютъ ему, стало-быть, на всѣхъ,—не на одну нашу артель, а на всѣ артели. Сколько Господь ему на душу положитъ, столько и скажетъ. И ужь молчи, нишкни… Намеднись братанъ не утерпѣлъ при недѣльномъ разсчетѣ и говоритъ: «за что молъ, ваше степенство, такъ утѣсняешь насъ?… Стыдно, грѣшно, гытъ, на томъ свѣтѣ отвѣтишь за насъ…» И болѣ ничего не сказалъ. И что-жь, братъ, какъ взъѣлся онъ, заоретъ: «моихъ молъ благодѣяніевъ не понимаете,—вонъ пошли, такіе сякіе…» Кланялись-кланялись, просили-просили, — насилу смиловался. А братана, говоритъ, чтобъ духу не было. Ну, и разсчиталъ его изъ артели. Что подѣлаешь? Вѣдь сами видимъ, праведно поступилъ, за артель сталъ, мірской человѣкъ, одно слово… Заплакалъ, сердешный, братанъ-отъ, и пошелъ отъ насъ… Ну, извѣстно, поддержали, какъ смогли, трешницу накинули и всячески прощеніе просили…

— Но правда ли, что онъ такъ обсчитываетъ? Можетъ вамъ это такъ сдается?

— Нѣтъ, другъ, не грѣши,—мы супротивъ совѣсти не станемъ клепать, мы грѣха на душу не возьмемъ,—заговорили въ отвѣтъ.—Ты слушай-ка, ужь какъ мы, значитъ, кажиный годъ эвтимъ дѣломъ занимаемся, на томъ, стало-быть, стоимъ, такъ ужь пріобыкаемъ къ дѣлу, что не ошибемся, сколько переносимъ въ день, а случается, что и отъ прикащиковъ узнаемъ, что нагрузимъ примѣрно въ баржу тысячъ 20 пудовъ, а то 25,—ну, и видимъ, какъ онъ насъ, окаянный, морочитъ, вотъ на глазахъ воруетъ… А намъ, братецъ, трудно даются эти тысячи,—много поту прольешь на нихъ, много силъ потратишь. Повѣрь, напраслину не взведемъ.

Я уже очень хорошо зналъ, насколько это справедливо, такъ какъ приходилось лично убѣждаться въ этомъ, а съ другой стороны это — больная сторона въ отношеніяхъ между артелями и рядчиками и подобныя жалобы приходится слышать постоянно и повсемѣстно въ Поволжьѣ.

— Слушай-ка, что я тебѣ скажу,—перебиваетъ другой:—лѣтъ пятнадцать тому, вѣдь, простой мужичонка былъ этотъ самый Анучинъ, вмѣстѣ ходили съ нимъ. А теперь, поди-кось, приступу нѣтъ, купецъ—одно слово. Однихъ капиталовъ, баютъ, болѣ 300 тысячъ. Страсть богатый. Мошна-то его такъ набита, какъ и пузо, тоже чуть не лопнетъ. А вѣдь, баютъ, самъ знаешь, отъ трудовъ праведныхъ не наживешь палатъ каменныхъ, съ топора не обогатѣешь, а огорбатѣешь. То-то вотъ и есть. А откуда это?—Вѣдь это, братъ, кровь наша.

— А что, братцы, кабы допытаться,—перебиваетъ молодой парень,—сколько нашей крови въ 1.000 цѣлковыхъ,—а?

— Э, парень, кабы это, значитъ, усчесть, такъ изъ мужицкой крови рѣка-бъ вышла поболѣ Волги-матушки.

Меня не разъ, разумѣется, интересовалъ вопросъ, сколько тысячъ рублей перепадаетъ подобному рядчику за ярмарку. Къ сожалѣнію, сколько-нибудь точной цифры добиться не могъ. Насколько это трудно, я сейчасъ скажу. Лучшимъ источникомъ могли бы быть сами артели, какъ и въ предыдущемъ типѣ эксплуатаціи, гдѣ каждая артель почти по пальцамъ вамъ перечтетъ всѣ статьи дохода рядчика и притомъ совершенно справедливо, да и однообразно во всѣхъ артеляхъ того типа. Не то здѣсь. Въ этомъ типѣ эксплуатація болѣе пышная, широкая; каждый кулакъ эксплуатируетъ не одну артель, а нѣсколько, даже до 16, какъ Анучинъ. Часто всѣ эти артели работаютъ у одного хозяина, въ одномъ мѣстѣ, перетаскаютъ ежедневно десятки тысячъ пудовъ, даже сотни тысячъ. Притомъ эти артели нерѣдко переходятъ отъ одного рядчика къ другому; съ конторою у артелей никакихъ непосредственныхъ отношеній нѣтъ, — все это ведетъ къ тому, что здѣсь артели совершенно путаются и не могутъ охватить всю массу работъ, а значитъ не могутъ судить вообще объ эксплуатаціи кулака. Насколько дѣло касается только данной артели, артель очень компетентна и даетъ довольно опредѣленныя свѣдѣнія,—разумѣется, если съумѣешь подойти къ мужику, не возбуждая его обычнаго недовѣрія. Но разъ вышелъ изъ предѣловъ данной артели, нужно относиться

осторожно къ показаніямъ ея, какъ къ возможнымъ даннымъ, предположеніямъ, и принимать ихъ, провѣривъ данными изъ другихъ источниковъ. Не болѣе. Слѣдуя правилу: avdiatur et altera pars,—разными подходцами стараешься завести знакомство, или по крайней мѣрѣ разговоръ съ рядчикомъ; но здѣсь встрѣчаешь такое недовѣріе, подозрительность и, наконецъ, такой оскорбительный тонъ, что терпѣніе лопается, вся политика рушится, и, изливъ свое озлобленіе въ личныхъ оскорбленіяхъ кулака, уходишь ни съ чѣмъ. «Совѣсть не чиста у него, трусить за свои дѣла»,—говоритъ мнѣ одинъ, комментируя подобный фактъ.—«Захотѣли вы получить свѣдѣнія отъ Анучина!—говорятъ мнѣ въ конторѣ «Дружины». Воображаемъ, какъ онъ на васъ посмотрѣлъ: вѣдь онъ подумалъ, что вы хотите у него хлѣбъ отбить». По разнымъ основаніямъ я склоненъ думать, что правы первые. Наконецъ, черезъ разныя рекомендаціи завожу знакомства съ конторой, агентомъ и разными служащими. Много хлопотъ, много красныхъ словъ, обѣщаній, а все-таки въ результатѣ добиваешься немногаго. Но попытаюсь хотя приблизительно опредѣлить, сколько достается подобному рядчику.

Подрядъ на «Дружинѣ» простирается за 4 милл. пуд.; на «Лебедѣ» меньше, а сколько именно—не знаю; говорятъ, болѣе 2 милліоновъ пудовъ.—Беретъ Анучинъ:

	Плата отъ „Дружины“ Анучину.	Плата отъ Анучина крючник.
За нагрузку баржей за 1.000 пудовъ.	6 р. — к.	4 руб.
За выгрузку баржей. . . .	6 » 50 »	4 »
За нагрузку на пассажирскіе пароходы	7 » 50 »	4 »
Добавочные за шерсть и хлопокъ	1 » 50 »	— »

Хотя по этимъ свѣдѣніямъ, добытымъ изъ конторы, плата рабочимъ значится 4 руб., на самомъ же дѣлѣ мнѣ сплошь и рядомъ приходилось натыкаться на цѣну $3^1/_2$ р. Возьмемъ среднюю цифру $7^1/_2$ руб. *). За 6 милліоновъ пудовъ возьметъ Анучинъ 45.000 рублей. Изъ нихъ половина остается ему, то-есть более 20.000 рублей!... Но вѣдь нужно замѣтить, что здѣсь со-

*) Это не будетъ много, если принять во вниманіе огромное количество хлопка и шерсти и, кромѣ того, еще то, что пассажирскіе пароходы нагружаются въ теченіе всей навигаціи.

вершенно игнорируются мошенничества, о которыхъ говорятъ, начиная отъ артелей и кончая конторой. Во всякомъ случаѣ это будетъ minimum. Я прошу принять въ соображеніе слѣдующее: если кулакъ предыдущаго типа съ артели въ 150 человѣкъ ухитряется стянуть 6.000 руб. и болѣе, т. е. по 40 руб. съ человѣка, то такой алчный и опытный кулакъ, какъ Анучинъ, конечно, стянетъ не менѣе. А такъ какъ у него работаетъ отъ 600 до 1.000 человѣкъ, положимъ круглымъ счетомъ. 700 чел., то со всѣхъ и выйдетъ болѣе справедливая цифра—28.000 рублей, то-есть около $^2/_3$, остальная $^1/_3$ 17.000 рублей пойдетъ на 700 человѣкъ, т.-е. по 25 руб. на человѣка. Подтвержденіемъ этому можетъ служить и то, что работающіе у него не менѣе жалуются, чѣмъ и тѣ, которые эксплуатируются своими рядчиками,—это съ одной стороны, а съ другой стороны цифру эту одни находили большою, другіе—малою... Во всякомъ случаѣ, повторяю, этотъ разсчетъ приблизительный. Не слѣдуетъ забывать, что этотъ разсчетъ сдѣланъ за какіе-нибудь два ярмарочные мѣсяца.

И такъ, кулакъ втораго типа—крупный кулакъ. Онъ ведетъ дѣло на широкую ногу, онъ эксплуатируетъ нѣсколько артелей. Не будучи односельчаниномъ съ эксплуатируемыми артелями, состоя иногда купцомъ, какъ Анучинъ, Безломцевъ, Тырышкинъ, Филимоновъ, этотъ кулакъ не нуждается въ томъ, чтобы прибѣгать къ разнымъ мелочнымъ пріемамъ эксплуатаціи, дабы выжать возможно болѣе. Прежде всего онъ для артели—человѣкъ посторонній, не связанный никакими общими интересами. Онъ не стремится стать членомъ артели, чтобы брать 2—3 пая; да ему это и невозможно, такъ какъ артелей много, да и артели не постоянныя у него. Онъ не беретъ съ артельщиковъ и подати, онъ не беретъ съ нихъ на квартиру и столъ себѣ, — на что ему эти пустяки? У него могучій прессъ, которымъ онъ искуснѣе выжметъ и безъ этихъ мелочей. Дѣло въ томъ, что существенная экономическая разница между этими двумя типами та, что первый кулакъ, будучи членомъ артели, беретъ подрядъ, какъ представитель артели, и разсчеты происходятъ по подрядной платѣ; кулакъ не можетъ артель разсчитать вмѣсто 7—8 руб. съ 1.000 пудовъ по 3 руб.; онъ только можетъ скрасть количество сработаннаго и потому долженъ прибѣгать къ мелочнымъ гадкимъ пріемамъ. Анучинъ же не имѣетъ въ этомъ нужды. Онъ не только не обязанъ разсчитываться по подрядной цѣнѣ, а напротивъ

прямо разсчитываетъ за половину того, что беретъ самъ; такъ что къ мелочнымъ пріемамъ онъ и не можетъ прибѣгать уже потому, что при этомъ рабочему не осталось бы на хлѣбъ. Трудъ перваго кулака сложнѣе, разнообразнѣе, требуетъ болѣе работы мозговой; трудъ кулака втораго типа простъ, однообразенъ, совершенно механическій: десять или болѣе лѣтъ у него установились уже отношенія къ какому-либо обществу или фирмѣ, точно также давно опредѣлились отношенія къ рабочему. Вся головная работа только къ тому направлена, чтобы больше взять, меньше отдать, чтобы разность между той и другою величиной была возможно бо́льшая, чтобъ она была больше вычитаемаго. А такъ какъ больше взять довольно трудно въ виду того, что не мало столь же прожорливыхъ акулъ, которыя готовы на каждомъ шагу подставить ножку, чтобы самимъ занять столь завидное мѣсто, то вся его умственная работа направляется къ тому, чтобы меньше дать. При этомъ кулакъ не ограничивается тѣмъ, что раздѣляетъ заработокъ пополамъ съ артелями, —онъ пускаетъ еще въ ходъ прямо преступныя дѣйствія, мошенничаетъ, показываетъ не то количество пудовъ, какое перетаскаетъ артель, а меньшее. Это—самая характеристическая черта всѣхъ кулаковъ здѣсь. Въ идеалѣ этихъ человѣколюбивыхъ вожделѣній — стремленіе низвести вычитаемое къ minimum'у, завѣтное ихъ желаніе—вычеркнуть совсѣмъ этотъ minimum.

Г. С.

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

Тяжелая ночь.

„Не сказать ли, братцы, сказку,
Только съ правдой пополамъ,
Какъ мы въ Сербіи ходили
По горамъ и по доламъ“.
(Изъ пѣсни русскихъ добровольцевъ.)

Съ каменной батареи Джуниса раздался послѣдній выстрѣлъ. Было около семи часовъ вечера. Граната съ грознымъ шипѣніемъ, поднимаясь все выше и выше, пронеслась надъ головами войскъ передовыхъ позицій и секундъ пять-шесть спустя разорвалась на турецкой демонтирной батареѣ, освѣщая блестящимъ фейерверкомъ всю ея внутренность.

— Вотъ такъ ловко!... Браво, браво!—раздались голоса изъ свиты генерала.

— Смотрите, какъ заметались!

— Кто это наводилъ? Меншуткинъ вѣрно?

— Не стрѣлять! Не стрѣлять больше!—скомандовалъ командиръ отряда.—Гдѣ начальникъ артиллеріи? А, вы здѣсь!... Распорядитесь, пожалуйста, чтобъ сегодня не стрѣляли больше.

— Ну, слава Богу! Сегодня наша послѣдняя, а то все ихъ... Даже обидно, право,—слышались голоса въ толпѣ.

— Не хвались заранѣе,—черезъ четверть часа узнаемъ, чья послѣдняя,—замѣтилъ кто-то.

Генералъ вынулъ портсигаръ изъ кармана и началъ доставать изъ него папиросу.

Движеніе это не ускользнуло отъ вниманія командира отряда.

— Огня, огня главнокомандующему!—обратился онъ къ стоявшему по близости сербскому фейерверкеру, который, со словами: «молимъ, господине»,—ловко поднесъ пальникъ генералу.

— Фола, мой юнаце!—проговорилъ этотъ послѣдній, съ веселой улыбкой закуривая папироску и съ наслажденіемъ затягиваясь.

Бумъ, бумъ, бумъ...

— Залпъ съ шестиглазой!—возвѣстилъ часовой.

— Вотъ тебѣ и послѣдняя...

Всѣ разсыпаются кто куда. Тѣ, что выползли изъ траншей, снова кидаются къ своимъ норамъ, другіе приткнулись къ брустверу и на площадкѣ главной батареи Джуниса по-прежнему остаются только три человѣка: генералъ съ начальникомъ штаба и на почтительномъ разстояніи отъ нихъ командиръ отряда.

Ж-ж-ж-у-у-у—у—у!...—раздается все громче и громче.

Отъ этого жужжанія грудь сжимается, дыханіе спираетъ и человѣку хочется уйти въ самого себя.

«Лишь бы не шрапнель», думаетъ каждый, проученый дневнымъ опытомъ.

Трахъ, трахъ, трахъ!...—рвутся одна за другой гранаты.

Трескъ ихъ покрывается голосомъ командира:

— Не отвѣчать! Не стрѣлять!

Все смолкаетъ и на этотъ разъ окончательно. Бой конченъ.

Короткіе сумерки сгущаются все больше и больше. Съ непріятельской стороны поднимается рѣзкій, порывистый вѣтеръ и по небу, вмѣстѣ съ пороховымъ дымомъ, неимовѣрно быстро расползаются черныя, грозныя тучи. Наступаетъ ночь—темная, холодная. Брызнулъ дождь сначала крупными, рѣдкими каплями, а тамъ все чаще и чаще и, наконецъ, льется неудержимымъ потокомъ; а генералъ все стоитъ на мѣстѣ и продолжаетъ всматриваться въ темную даль, ничего не чувствуя и не замѣчая.

Командиръ отряда подошелъ къ нему.

— Не угодно ли вашему высокопревосходительству въ мою землянку?—предлагаетъ онъ, почтительно поднося руку къ шапкѣ.

Заручившись согласіемъ начальника, онъ засуетился.

— Ей, Ивановъ, фонарь!... Осторожнѣе, осторожнѣе, ваше высокопревосходительство, здѣсь восемь ступенекъ, — слышался его голосъ, въ то время, какъ онъ спускался съ гостемъ въ подземелье.

Минуту спустя командиръ снова на платформѣ и въ ночной тиши раздается команда:

— Позвать начальниковъ частей, адъютантовъ и ординарцевъ!... Зажечь костеръ подъ навѣсомъ!

И на чье-то робко высказанное замѣчаніе онъ продолжаетъ все тѣмъ же громкимъ, звучнымъ голосомъ:

— Что, не будетъ горѣть?... Облить керасиномъ!

— Начальниковъ отдѣльныхъ частей, адъютантовъ и ординарцевъ къ командиру отряда посла-а-а-ать!—раздается сквозь шумъ дождя хриплый голосъ начальника караула.

И вслѣдъ за тѣмъ, точно пѣніе пѣтуховъ въ деревнѣ, катится по горамъ и долинамъ на разные тоны: посла-а-ть, посла-а-а-ть!

Но кого и къ кому, за дождемъ разобрать невозможно.

Однако, отрадное пламя костра гостепріимно запылало и, какъ спасительный маякъ, служитъ путеводною звѣздой офицерамъ, разсыпавшимся кучками по склонамъ горъ, за брустверами, въ сырыхъ землянкахъ и ямахъ.

Трудно было узнать въ этихъ сгорбленныхъ, иззябшихъ и промокшихъ фигурахъ тѣхъ храбрыхъ молодцовъ, что съ такой отчаянною отвагой выдерживали всѣ ужасы только-что минувшаго дня. Они стекались сюда со всѣхъ сторонъ, шлёпая по грязи, проклиная дождь и темноту, скользя на каждомъ шагу и спотыкаясь въ ямы, разрытыя гранатами въ землѣ. Подходя къ костру, каждый машинально бралъ подъ козырекъ, а затѣмъ, не обращая дальнѣйшаго вниманія на начальство, опускался на землю, настолько близко къ огню, насколько было можно терпѣть, и, вытягиваясь всѣмъ тѣломъ, подставлялъ къ пламени то руки, то ноги, перевертываясь при этомъ съ боку на бокъ, точно жаркое на вертелѣ.

И мало-по-малу, подъ благотворнымъ дѣйствіемъ тепла, суровыя лица смягчались и угрюмое выраженіе глазъ смѣнялось добродушіемъ.

Движенія эти и гримасы продѣлывались съ такимъ автоматическимъ однообразіемъ, что посторонній зритель не принялъ бы этихъ людей ни за русскихъ, ни за сербовъ, а за какихъ-то фанатиковъ, справляющихъ таинственный обрядъ огнепоклонства.

Деньщикъ командира жарилъ у того же костра тощую баранью лопатку, воткнутую на длинный прутъ.

— И что это за баранина!—ворчалъ онъ при этомъ сквозь зубы.—Срамъ одинъ... Простымъ солдатамъ совѣстно подать, не то что господамъ.

Въ другое время замѣчаніе это вызвало бы цѣлый градъ остротъ со стороны слушателей, но сегодня было не до шутокъ и не до разговоровъ. Непогода и холодъ мучительно раздражали нервы, напряженные жестокимъ десятичасовымъ боемъ, а также

голодомъ. Всѣ молчали и думали. О чемъ?—Увы, думы были самаго прозаичнаго свойства. Никому и въ голову не приходило вспоминать о дальней родинѣ, о милыхъ сердцу, о погибшихъ въ бою товарищахъ; никто не загадывалъ о томъ, что будетъ завтра,—у всякаго гнѣздилась въ умѣ одна забота, одно желаніе—согрѣться и поѣсть. Соснуть часочекъ, выпить глотокъ водки — выше этого блаженства воображеніе ничего не въ силахъ было изобрѣсти въ эту минуту. Но блаженство это было недостижимо; всякій это сознавалъ, а также и то, что надо терпѣть, пока терпится, и всѣ угрюмо молчали.

Командиръ, сидя на барабанѣ, тоже безмолвствовалъ. Онъ вырывалъ изъ записной книжки листки, писалъ на нихъ лихорадочнымъ, нервнымъ почеркомъ по двѣ, по три строчки и передавалъ ихъ одинъ за другимъ адъютанту, который сидѣлъ тутъ же, на корточкахъ, передъ огнемъ.

Полковникъ думалъ о томъ же, о чемъ думали и офицеры, но у него мысли еще мрачнѣе. Люди, дравшіеся весь день подъ его командой, голодны, черезъ нѣсколько часовъ ему предстоитъ задача снова подставлять ихъ подъ непріятельскія пули, а накормить ихъ нечѣмъ. Обозъ съ провіантомъ до сихъ поръ не приходитъ, а кромѣ того куска баранины, надъ которымъ усердствуетъ въ настоящую минуту его деньщикъ, въ запасѣ ничего нѣтъ.

Наконецъ, тощая лопатка дожарена и старательный деньщикъ, снявши ее деликатно съ прута, собирается опустить въ умывальный тазъ, служившій столовой посудой, какъ вдругъ чья-то сильная и грязная рука протягивается изъ глубокой тьмы, окружавшей пылающій костеръ, схватываетъ лакомый кусокъ и исчезаетъ съ нимъ такъ же быстро и неожиданно, какъ явилась.

Поднимается невообразимая суматоха.

— Караулъ! Воры! Господскую баранину украли!—неистово вопитъ деньщикъ.

— Держи его, держи его! Ей, казаки, лови! Давай его сюда!—раздаются возгласы среди всеобщаго смятенія, шума и гама.

Дѣло въ томъ, что въ настоящую минуту похищенный кусокъ представлялъ изъ себя сокровище дороже золота. За похитителемъ бросаются въ погоню, вскорѣ слышится чье-то паденіе и дерзкаго вора волокутъ къ командиру отряда.

Полковникъ вскидываетъ разгнѣванный взглядъ на виновника суматохи: передъ нимъ, въ смѣлой, граціозной позѣ, откинувъ

гордо назадъ голову и засунувъ правую руку за широкій поясъ, увѣшанный оружіемъ, стоитъ широкоплечій, коренастый малый небольшаго роста и въ весьма оригинальномъ костюмѣ: одна нога босая, остальная одежда состоитъ изъ пестрыхъ лохмотьевъ, но за то чалма, красующаяся на его головѣ вмѣсто шапки, совсѣмъ новая и очень красивая. Изъ-подъ этой чалмы бойко выглядываютъ большіе черные глаза и улыбается широкій ротъ съ удивительными зубами.

— Это ты укралъ баранину?—начинается допросъ.

Парень молчитъ и ухмыляется еще веселѣе.

— Какого ты батальона?

— Черногорскаго.

— Зачѣмъ ты здѣсь,—вѣдь твой батальонъ впереди?

Черногорецъ начинаетъ что-то объяснять, но ему не даютъ договорить.

— Ваше высокоблагородіе, прикажете приготовить нагаекъ,—вмѣшивается внезапно въ разговоръ казацкій урядникъ, видимо недовольный проволочкой.

— На основаніи сербской конституціи, позвольте влѣпить ему двадцать пять батинъ, — предлагаетъ съ другой стороны адъютантъ.

Но полковникъ какъ будто и не слышитъ непрошенныхъ совѣтчиковъ. Онъ молча продолжаетъ смотрѣть на красивое лицо пойманнаго вора и невеселыя думы тѣснятся у него въ умѣ. Вспоминался ему сегоднешній бой и тѣ эпизоды изъ него, въ которыхъ особенно отличился черногорскій батальонъ. Молодецъ этотъ былъ между героями однимъ изъ первыхъ,—стоило только видѣть, какой удалью сверкаютъ глаза его, чтобъ убѣдиться въ этомъ. Цѣлыхъ десять часовъ смерть висѣла надъ нимъ на волоскѣ, и смерть въ самой отвратительной формѣ,—каждую минуту непріятельская сабля могла снести ему полголовы, осколки ядра оторвать руки и ноги, какъ у тѣхъ несчастливцевъ, которые со стонами и проклятіями падали вокругъ него, облитые кровью, обезображенные такъ ужасно, что самые близкіе люди не могли бы ихъ узнать и отвернулись бы отъ нихъ съ отвращеніемъ. Цѣлыхъ десять часовъ человѣкъ этотъ жилъ той адскою жизнью, которую называютъ боемъ; всѣ его умственныя способности, всѣ чувства, напряженныя до изступленія, были направлены на одну только цѣль—убить или искалѣчить какъ можно больше людей и самому не быть убитымъ. Какимъ-то чудомъ онъ вышелъ цѣлъ

и невредимъ изъ этого ада,—понятно, что человѣку, которому такъ посчастливилось избѣжать смерти, не захочется умирать съ голоду.

— Слушай,—обратился командиръ отряда къ сыну Черной Горы, ожидавшему свой приговоръ съ такимъ беззаботнымъ видомъ, какъ будто дѣло идетъ вовсе не о немъ,— вы дрались сегодня молодцами и за это я буду къ тебѣ милостивъ. Урядникъ, дай ему подзатыльникъ и пусть убирается къ чорту!

Резолюція эта была встрѣчена громкимъ ропотомъ со стороны окружающихъ.

— Подзатыльникъ... Нашли наказаніе!—ворчалъ деньщикъ, уныло разсматривая мясо, вырванное у черногорца. — Извольте взглянуть, ваше в—діе, что же теперь будутъ кушать господа офицеры? Все въ грязи... И вдругъ, перевернувъ кусокъ на другую сторону, онъ съ еще бо́льшимъ отчаяньемъ вскричалъ:—Батюшки, сколько онъ отъѣлъ! И когда это онъ успѣлъ!

Дѣйствительно кусокъ значительно уменьшился въ объёмѣ и на немъ ясно виднѣлись слѣды зубовъ, пытавшихся оторвать малую толику даже и въ то время, когда обладателя ихъ хватали и били, чтобы заставить выпустить изъ рукъ добычу. Ужь значитъ былъ голоденъ.

— Вернуть его!—скомандовалъ полковникъ.

Приказаніе это было исполнено немедленно. Помилованный воръ бродилъ въ очень недалекомъ разстояніи отъ костра; не прошло и десяти минутъ, какъ его снова поймали и снова красное пламя освѣтило ту же беззаботно ухмыляющуюся рожу, со сверкающими черными глазами. Но подъ впечатлѣніемъ только-что полученнаго подзатыльника, который, повидимому, далъ ему болѣе надлежащее понятіе о начальствѣ, чѣмъ-то, которое онъ имѣлъ до сихъ поръ, правая рука его уже не лежала за поясомъ, а была приложена, по всѣмъ правиламъ дисциплины, къ чалмѣ.

— Откуда у тебя эта чалма?—спросилъ полковникъ.

Черногорецъ съ гордостью выпрямился.

— Турецкую голову срѣзалъ... Вотъ...

И порывшись въ своемъ широкомъ карманѣ, перепачканномъ грязью и кровью, онъ вынулъ оттуда нѣчто отвратительное, которое поднесъ на открытой ладони къ самому носу начальника отряда. Это были уши, отрѣзанныя у той самой головы, что за нѣсколько часовъ передъ тѣмъ дышала и мыслила подъ чалмой, украшавшей въ настоящую минуту голову побѣдителя.

— Я дойду съ этими ушами до генерала Черняева,—прибавилъ юнакъ, окидывая хвастливымъ взглядомъ окружающихъ.

— Не для чего. Вотъ тебѣ четыре динара и, въ придачу, возьми назадъ баранину... Но, ради Бога, не ѣшь ее одинъ,—подѣлись съ товарищами...

— Живіо пуковникъ!—кричитъ счастливецъ и, схвативъ кусокъ, съ быстротою молніи исчезаетъ во мракѣ.

Слѣдомъ за нимъ раздается поспѣшное шлёпанье множества ногъ. Врядъ ли ему дадутъ спокойно насладиться пожалованнымъ кускомъ; очень можетъ быть, что молодецъ дорого поплатится за него,—вѣдь всѣмъ хочется ѣсть.

А дождь, между тѣмъ, льетъ да льетъ и вѣтеръ продолжаетъ все такъ же неистово гнать тучи по небу.

— Теперь за дѣло, господа!—объявляетъ командиръ отряда собравшимся вокругъ него адъютантамъ, начальникамъ отдѣльныхъ частей и ординарцамъ.

Дѣла много. Надо узнать, что осталось отъ такого-то батальона и отъ такого-то, гдѣ находятся эти остатки и собрать тѣхъ, что живы и не искалѣчены, въ одну кучу. Надо вытребовать свѣденія о батареяхъ, сколько выпущено снарядовъ и сколько остается. На передовомъ спускѣ поставить часоваго, чтобъ указывалъ путь санитарамъ, куда относить раненыхъ и убитыхъ. Освѣтить церковь, убитыхъ сложить туда... Сказать священнику, чтобъ онъ ровно въ два часа ночи началъ служить обѣдню.

— Отправлять раненыхъ по размытымъ дорогамъ безъ перевязокъ—это невозможно,—продолжалъ командиръ отряда, обращаясь къ офицеру, котораго онъ посылалъ съ распоряженіями на перевязочный пунктъ.—Это безчеловѣчно... Надо очистить мѣста въ баракѣ, вывести оттуда всѣхъ больныхъ...

— Ну, будетъ вой!—замѣтилъ кто-то изъ толпы.

Полковникъ сурово оглядывается, но ничего не возражаетъ. Да и что тутъ возражать,—онъ и самъ знаетъ, что будетъ вой. Въ умѣ мелькаетъ все та же мысль и все въ тѣхъ же отрывочныхъ, безсвязныхъ выраженіяхъ... «Что-жь дѣлать? Что-жь дѣлать?... Ничего не придумаешь!... Господи, что-жь дѣлать?... Вотъ и обоза съ провіантомъ до сихъ поръ нѣтъ...»

Дальше этого измученное воображеніе ничего не въ силахъ измыслить.

— Имѣю честь представиться! Главный интендантъ и полицмейстеръ Джуниса... Ха-ха-ха!—раздается вдругъ пьяный голосъ

и къ обществу, собравшемуся у костра, подходитъ новая личность—высокій и худой человѣкъ, закутанный въ какое-то одѣяло въ родѣ пледа и густо покрытый липкою грязью.

Пошатываясь на всѣ стороны, онъ претъ прямо къ костру.

— Позвольте, что это вы!...

— Развѣ можно ходить по людямъ?...

— Это чортъ знаетъ что такое!

— Вы меня грязью пачкаете!—раздаются недовольные голоса.

— Ну, батеньки, мнѣ теперь все едино—грязью ли кого перепачкать или совсѣмъ задавить... Душа изъ тѣла рвется, такъ къ огню хочется!

— А вы опять пьяны, господинъ интендантъ!—строго замѣчаетъ командиръ отряда.—Вѣдь вы мнѣ дали слово?...

— Далъ, милѣйшій полковникъ, далъ! Но что-жь прикажете дѣлать,—Божья воля,—безсвязно лепеталъ главный интендатъ и полицеймейстеръ, опускаясь передъ огнемъ.—А слово свое я помню: ночь на ногахъ, а днемъ на четверенькахъ,—какъ не помнить!... Такъ вы меня проняли тогда... до слезъ! Но только ничего не подѣлаешь, потому что должность такая ужь проклятая!... Насилу дотащился я до васъ, мои голубчики, насилу!... Ха-ха-ха!... Экая у васъ тутъ благодать!—продолжалъ онъ, подставляя съ наслажденіемъ закоченѣвшее тѣло къ огню то однимъ бокомъ, то другимъ.—И съ какимъ восторгомъ я бы васъ всѣхъ накормилъ, мои ангелы, но и тутъ Божья воля... Ничего не подѣлаешь!

Послѣднія слова были произнесены съ такимъ уныніемъ и господинъ интендантъ такъ безнадежно мотнулъ раза три своей пьяной головой, что на всѣхъ лицахъ выразилось живѣйшее безпокойство и со всѣхъ устъ, точно по командѣ, сорвался невольный возгласъ:

— Что вы бредите! Неужели нѣтъ ни хлѣба, ни водки?

— Все есть, мои ангелы, все есть, и ничего нѣтъ, — объявилъ все тѣмъ же унылымъ голосомъ интендантъ.

Отъ тепла хмѣль разобралъ его еще сильнѣе и языкъ запутывался еще несноснѣе.

— А ужь я ли не старался для васъ, родные,—страсть какъ старался! Сорокъ ведеръ водки подъ огнемъ перевезъ черезъ Мораву, по тому маленькому мостику, знаете? Сотню барановъ перегналъ, краснаго вина стащилъ у монаховъ въ монастырѣ Св. Романа... Чай, проклинаютъ меня теперь святые отцы... Ну, да

Богъ съ ними совсѣмъ!... Вотъ сколько добра я вамъ припасъ, мои голубчики, и все тамъ, подъ горой, осталось... Что-жь прикажете дѣлать? Стихія—не турокъ, ее не поколотишь.

Надо было видѣть, съ какимъ напряженнымъ вниманіемъ всѣ прислушивались къ этой пьяной рѣчи, съ какою жадностью ловили каждое слово изъ нея.

Разскащикъ помолчалъ съ минуту, какъ будто пытаясь поймать разбѣгавшіяся мысли, а затѣмъ обвелъ осовѣвшимъ взглядомъ тѣснящуюся вокругъ толпу и продолжалъ свое печальное повѣствованіе:

— Не успѣли смолкнуть выстрѣлы, какъ обозъ нашъ двинулся впередъ, въ гору, а тутъ, какъ вдругъ хлынетъ дождь— и пошелъ, и пошелъ!... Ужь мы бились-бились, топтались-топтались въ грязи,—ничего не подѣлаешь! Пришлось отступать... Этотъ дождь проклятый, точно мухъ какихъ, насъ сверху внизъ смылъ. А вы говорите—я пьянъ! Ну-ка, вы, трезвые, попробуйте теперь вскарабкаться въ гору!... Вѣдь я, голубчики мои, гдѣ плашмя на брюхѣ, а гдѣ на карачкахъ сюда вползъ! Будешь тутъ въ грязи!... Попробуйте-ка по-моему, не такъ еще будете пачкаться.— И онъ прибавилъ рѣшительнымъ тономъ:—Хотите быть сытыми, давайте батальонъ съ веревками, чтобы вытащить обозъ. Часа четыре поработаемъ и—всѣмъ достанется поужинать.

Наступаетъ полнѣйшая тишина. Только дождь продолжаетъ поливать, да взрывы вѣтра не унимаются. На всѣхъ лицахъ читается уныніе, у всѣхъ дѣлается на душѣ еще сквернѣе. Ждать хлѣба и водки еще четыре часа—шутка сказать!

— А получили вы мою записку, господинъ интендантъ?— спросилъ командиръ отряда.

— Это ту, что вы прислали съ телеграфнымъ мастеромъ?— Какже, получилъ, милѣйшій полковникъ, и тотчасъ же исполнилъ ваше приказаніе. Бѣгунцы показались изъ Кауницкой клиссуры часу во второмъ эдакъ... И много ихъ вдругъ высыпало, этихъ лѣсныхъ грибовъ, сотни двѣ, если не больше... А на мосту ужь стоялъ караулъ, батальонъ ополченія,—вотъ мы ихъ тутъ, голубчиковъ, всѣхъ и переловили. Ха-ха-ха! Кое-кого постегали нагайками... Да что, думаю, стоять имъ безъ дѣла,—привелъ ихъ въ монастырь, роздалъ кому лопату, кому колья,—рой могилы! Времени было довольно,—чудесныя вышли могилы, глубокія! Монахъ и освятилъ тутъ же.

— Кто же эти мерзавцы? Изъ какого отряда?

— Да разные, милѣйшій полковникъ, больше все сербскіе опенки; но есть между ними и подосиновики изъ дорогой отчизны.

— Что за неумѣстныя шутки, господинъ интендантъ! Вы до сихъ поръ пьяны!—вспылилъ полковникъ.

Интендантъ обидѣлся.

— Нѣтъ, полковникъ, я ужь теперь больше не пьянъ и вы сами это отлично знаете... А что вы скажете, если я вамъ укажу на грибъ почище опенокъ и подосиновиковъ? Самый благородный и бѣлый, изъ Муромскихъ лѣсовъ,—прибавилъ онъ, лукаво посмѣиваясь.

Отвѣта не послѣдовало. Странное чувство стыдливости не позволяло спрашивать фамилію этого гриба, и когда явился адъютантъ съ заявленіемъ о томъ, что генералъ требуетъ къ себѣ полковника, всѣ обрадовались этой неожиданной диверсіи,—такъ кстати нарушала она неловкое молчаніе, воцарившееся вокругъ костра.

Командиръ отряда началъ отдавать приказанія: всѣ войска главной позиціи вывести на верхъ, донесенія и телеграммы подавать прямо главнокомандующему, успокоить людей и заставить ихъ еще четыре часа терпѣливо выносить голодъ.

— Пожалуйста, господа, обойдите ваши части, поддержите гдѣ слѣдуетъ порядокъ, пожалуйста!—повторялъ онъ умоляющимъ тономъ, обращаясь поочередно къ каждому изъ офицеровъ.

А затѣмъ, опираясь на руки двухъ солдатъ, онъ отправился въ землянку, гдѣ пріютился главнокомандующій. До этой землянки было всего только нѣсколько шаговъ разстоянія, но на площадкѣ было такъ скользко и непріятельскія гранаты прорыли на ней столько глубокихъ ямъ, что даже здоровому человѣку ходить по ней было не безопасно, полковникъ же былъ контуженъ въ ногу и не иначе разъѣзжалъ по ней, какъ верхомъ.

Офицеры повылѣзли изъ-подъ навѣса. Дождь какъ будто только того и ждалъ, чтобы хлынуть съ новою силой. Всѣ старанія спастись отъ него, накрыть голову, запахнуть грудь, оставались тщетны,—онъ ручьями проникалъ всюду.

— Ахъ, чтобъ его! Не унимается проклятый! Ну, ужь дождь, да это просто потопъ!—слышалось въ темнотѣ глухое ворчанье.

— Батюшки, куда это я попалъ!—кричитъ кто-то.

— Въ грязь,—отвѣчаетъ какой-то острякъ.

Наконецъ, шумъ поднятый говоромъ и шлепаньемъ ногъ по лужамъ, мало-по-малу смолкаетъ. Всѣ расходятся и передъ ко-

стромъ остаются только тѣ, которымъ идти некуда. Но это длится не долго; не проходитъ и десяти минутъ, какъ изъ темноты начинаютъ выползать новыя фигуры. Люди эти давно уже скрываются на извѣстномъ разстояніи отъ костра, давно слѣдятъ за каждымъ движеніемъ счастливцевъ, грѣющихся передъ огнемъ, нетерпѣливо выжидая удобной минуты, чтобы занять ихъ мѣсто. Ихъ очень много и все разный сбродъ: сербы, арнауты, черногорцы. Они начинаютъ пробираться къ костру, сначала робко и осторожно, но потомъ, съ минуты на минуту, дѣлаются смѣлѣе и протискиваются подъ навѣсъ, очищая себѣ путь кулаками. Деньщику командира отряда достается такая здоровая затрещина, что онъ кубаремъ вылетаетъ на дождь. А затѣмъ между пришельцами поднимается ожесточенная драка изъ-за мѣстъ. Каждый стремится поближе къ огню и черногорцы, какъ болѣе сильные и ловкіе, очень скоро очутились впереди. За ними тѣснятся сербы и арнауты, вытягивая впередъ руки, чтобы согрѣть хотя-бы окоченѣвшіе пальцы. Между черногорцами мало больныхъ. Красноватое пламя костра фантастическимъ блескомъ освѣщаетъ ихъ лица съ рѣзкими чертами и глуповато-звѣрскимъ выраженіемъ, а также живописныя лохмотья, въ которыя они умѣютъ закутываться такъ искусно, что нигдѣ тѣло не обнажено. У каждаго торчитъ за поясомъ классическій ятаганъ, кинжалъ и пистолетъ. Ружья безъ штыковъ, разныхъ системъ, но дуло заткнуто втулкой и замокъ прикрытъ отъ дождя кожаной накладкой или акуратно обвязанъ тряпками. Не на всѣхъ черногорскія шапки и тѣ, на которыхъ красовались турецкія чалмы, удивительно напоминали баши-бузуковъ.

Сербы и арнауты, тѣснившіеся позади, представляли рѣзкій контрастъ со своими сосѣдями; они были обезоружены и ихъ иссине-блѣдныя лица съ помертвѣлыми губами и страшно мутные, широко раскрытые глаза краснорѣчивѣе всякихъ словъ свидѣтельствовали о мукахъ, претерпѣваемыхъ этими жертвами войны. Полуприкрытые продранной форменною одеждой, надѣтой прямо на голое тѣло, большею частью босые, въ турецкихъ фескахъ, несчастные страшно жаждали прикрытія и тепла и съ ожесточеніемъ напирали на передніе ряды, которые съ громкими ругательствами отпихивали ихъ назадъ сначала кулаками, но затѣмъ блеснуло и оружіе...

Драмѣ, разыгравшейся у костра, грозила кровавая развязка, еслибъ изъ землянки командира отряда не появились на сцену

новыя лица, между прочимъ и главный полицеймейстеръ Джуниса, господинъ интендантъ.

— Это что, это это?—началъ онъ кричать на расходившійся сбродъ.—Войники, побойтесь Бога!... Смирно, черти!... Если не уйметесь, ничего не получите—ни хлѣба, ни водки!

Господинъ интендантъ совершенно отрезвѣлъ и энергично проталкивался въ толпу, пытаясь водворить въ ней порядокъ; но всѣ усилія его оставались тщетны. Комичная угроза его тоже пропала даромъ. Арнауты и сербы, сильные числомъ, жестоко мстили черногорцамъ за вынесенныя обиды и злосчастный интендантъ, какъ утлый челнокъ, былъ выброшенъ людскою волной изъ-подъ навѣса на дождь.

— А, такъ вы вотъ какъ!—закричалъ онъ уже оскорбленнымъ тономъ.—Постойте, разбойники, я вамъ задамъ! Эй, караулъ, въ ружье! Сюда, ко мнѣ!

Черезъ минуту отъ землянки командира отряда отдѣлился взводъ, рядовъ въ десять, подъ прикрытіемъ офицера изъ студентовъ. Караулъ состоялъ изъ старыхъ солдатъ, прибывшихъ недавно изъ Москвы и не сдѣлавшихъ еще ни одного выстрѣла. Не взирая на наружную боевую выправку, они имѣли видъ настоящихъ парадныхъ солдатъ и на лицахъ ихъ еще читалось то выраженіе удивленія и неудовлетвореннаго любопытства, замѣчающееся у необстрѣленныхъ людей, которымъ все еще въ диво—и страна, и ея жители, а также боевые выстрѣлы, бивуачные огни на непріятельскихъ позиціяхъ и доносившіеся оттуда звуки трубъ и возгласы турецкихъ молитвъ.

Начальникъ этого караула, юный студентъ, вновь испеченный за храбрость подпоручикъ, изображалъ изъ себя довольно оригинальную личность: съ длинными волосами, въ синихъ очкахъ, безъ бороды и съ турецкимъ Мартини-Пибоди въ рукахъ, онъ напоминалъ актера-любителя, который долженъ представлять злодѣя и, не взирая на всѣ аксесуары и старанія, смахиваетъ больше на благороднаго друга. Повидимому, онъ и самъ сознавалъ свою несостоятельность въ гарнизонной службѣ и не безъ смущенія поглядывалъ на унтеръ-офицера, сѣдаго старика съ георгіевскимъ крестомъ, какъ будто ожидая отъ него помощи и совѣта.

— Разгоните эту сволочъ, ребята! Господинъ офицеръ, извольте распорядиться!—командовалъ интендантъ.

Господинъ офицеръ окончательно растерялся передъ предстоящею задачей: пріостановившись, онъ дергалъ свои ни въ чемъ

неповинныя очки и, наконецъ, произнесъ настолько громко и сурово, насколько могъ:

— Войники, удалитесь!

Но голосъ у него былъ пискливый, движенія неловки и робки,— внушеніе не подѣйствовало. Несчастный начальникъ снова растерянно оглянулся на унтеръ-офицера, который, принявъ этотъ взглядъ за вызовъ на помощь, грозно выступилъ впередъ передъ фронтомъ и зычнымъ голосомъ рявкнулъ:

— Перестань драться! Прочь отъ костра!

И началъ расталкивать ближайшихъ людей, занятыхъ свалкой. Но въ суматохѣ никто его не слушалъ. Тогда георгіевскій кавалеръ, разгнѣванный толчками, сыпавшимися на него со всѣхъ сторонъ, рѣшился измѣнить тактику.

— Впередъ, ребята! Въ приклады!—крикнулъ онъ, оглядываясь на своихъ товарищей.

— Поднесите имъ московскаго калачика!—подхватилъ бѣснующійся интендантъ.

— Осторожнѣе, братцы, осторожнѣе!—въ свою очередь взвизгнулъ фистулой студентъ подпоручикъ.—Господи, неужели нельзя иначе какъ-нибудь!... Бить несчастныхъ, иззябшихъ, больныхъ, за то, что они хотятъ погрѣться,—да что же это, наконецъ?— шепталъ онъ побѣлѣвшими губами, не спуская растеряннаго взгляда съ бунтующей передъ нимъ толпы.

Караулъ двинулся дружно впередъ, съ поднятыми ружьями. Ближайшіе бунтовщики, уразумѣвъ бѣду, подались назадъ; одинъ только какой-то недогадливый поотсталъ отъ другихъ и подвернулся подъ грозно поднятый прикладъ унтеръ-офицера. Несчастный припалъ къ землѣ, бормоча что-то невнятное.

—Бррр!... Врло хладно, господине, — слышалось среди его сбивчивой, умоляющей рѣчи. И вдругъ онъ совершенно неожиданно вскочилъ на ноги и, ласково потрепавъ русскаго брата по щекѣ, жалобно протянулъ:—Молимъ, господине!

Озадаченный москвичъ такъ и застылъ на мѣстѣ отъ изумленія. Въ одно мгновеніе грозный прикладъ машинально опустился на землю, а ноги растопырились въ знакъ недоумѣнія.

— Тьфу ты, дьявольское навожденіе! — проворчалъ съ глубокимъ вздохомъ старикъ.

И напрасно оглядывался онъ по сторонамъ въ чаяніи найти поддержку: поддержки ждать было неоткуда. Офицеръ остался позади, а смущенныя, круглыя московскія лица остановившагося

караула способны были только на одно — поддержать въ немъ вѣру въ навожденіе и больше ни на что.

Дѣло было проиграно. Караулъ отступилъ и волнующаяся толпа снова ринулась къ костру. Но тутъ вмѣшался интендантъ.

— Ахъ вы, калашники!--накинулся онъ на отступившій караулъ. — Достанется вамъ на орѣхи!... Вотъ я ужо полковнику доложу. Ей, казаки, сюда! По чаркѣ водки, разгоните только эту сволочь... Въ нагайки!

И нагайки засвистѣли, жестокія, неумолимыя. Поднялся стонъ и плачъ.

— Ой, куку мене!—кричали и здоровые, и больные, и раненые.

Все бѣжало, падая и давя другъ друга. Но черногорцы и тутъ нашлись: точно по данному знаку, выхватили они кто кинжалъ, кто ятаганъ, а нѣкоторые выставили впередъ дуло ружья и не торопясь, не теряясь ни на минуту очистили мѣсто. Досталось только бѣднякамъ сербамъ и арнаутамъ.

Долго крѣпился несчастный студентъ-офицеръ и, наконецъ, не выдержалъ:

— Довольно! Стой, казаки! Вѣдь это безчеловѣчно, наконецъ!—вырвался у него невольный крикъ.

Непрошенное вмѣшательство ужасно взбѣсило интенданта.

— Что это вы, милѣйшій, съ ума, что ли, сошли? Главнокомандующій въ двухъ шагахъ, для него костеръ разложили, а вы тутъ возмущаетесь, что толпу нахаловъ нагайками разгоняютъ! Да позвольте васъ спросить, зачѣмъ вы сюда пожаловали? Въ гуманности упражняться? Это и въ Москвѣ можно, батенька,— для этого не для чего было сюда тащиться!...

Рѣчь эта прерывается появленіемъ санитара.

— Ваше благородіе, куда тутъ складывать убитыхъ?

Лицо интенданта внезапно измѣнилось; гнѣвъ перешелъ въ умиленіе, голосъ таинственно понизился. Онъ былъ весьма набожный человѣкъ и, какъ церковный староста, всегда распоряжался похоронами.

— Убитыхъ?—повторилъ онъ съ какимъ-то даже благоговѣніемъ и набожно крестясь. — Въ церковь, голубчикъ, въ церковь! Вонъ тамъ, за землянкой полковника. Берите съ насилокъ на руки и, пожалуйста, чтобъ складывали ногами впередъ,—пожалуйста...

— Какія носилки, ваше благородіе!... Въ такой дождь, да въ гору, ни за что не втащить ихъ на носилкахъ!... Всѣхъ раненыхъ и убитыхъ приказано сносить въ нижній люнетъ, а оттуда мы ихъ поднимемъ сюда на фурахъ, волами.

— Такъ обводи фуру вотъ такъ, между костромъ и батареей... Тамъ увидишь фонарь... Господи, хоть бы дождичекъ пересталъ!

И Господь услышалъ молитву грѣшника,—ливень разомъ перешелъ въ мелкій дождь, но за то взрывы вѣтра съ минуты на минуту дѣлались все яростнѣе и яростнѣе. Грозныя тучи уходили къ Делиграду, горизонтъ расчистился и кое-гдѣ засверкали звѣзды. Наконецъ, дождь совсѣмъ прекратился, ближайшіе предметы начали мало-по-малу выступать изъ непроглядной тьмы и вновь народившійся мѣсяцъ, точно на смѣхъ христіанамъ, узкимъ серпомъ вырѣзался надъ турецкими позиціями.

На площадкѣ наступила полнѣйшая тишина. У костра осталось два-три человѣка, не больше,—остальные разбрелись: одни по горамъ и ущельямъ исполнять порученія начальства, другихъ главнокомандующій потребовалъ къ себѣ.

— Можно видѣть командира отряда?—раздался женскій голосъ и къ огню подошла высокая, стройная женщина въ узкомъ клеенчатомъ плащѣ военнаго покроя.

Изъ-подъ накинутаго на голову башлыка выглядывало энергичное лицо очень красивое и молодое, но страшно блѣдное и съ посинѣвшими губами. Большіе черные глаза сверкали лихорадочнымъ блескомъ, голосъ дрожалъ и обрывался отъ сдержаннаго волненія.

— Мнѣ очень нужно видѣть командира отряда,—повторила она, обращаясь къ одному изъ стоявшихъ передъ костромъ офицеровъ.—Доложите, пожалуйста.

Ей отвѣчали, что полковникъ на военномъ совѣтѣ, что его нельзя вызвать, но она не дала договорить.

— Что-жь намъ дѣлать!... Раненыхъ приказано сносить въ верхній баракъ,—говорила она,—указывая рукой на длинное зданіе, чернѣвшееся въ отдаленіи,—мы тамъ и расположились съ сестрами, а тутъ у васъ шумъ поднялся и къ намъ начали врываться какіе-то войники, по костюму черногорцы должно-быть... Ихъ набралась цѣлая толпа, буянятъ, кричатъ, толкаютъ больныхъ... Затѣяли драку между собой и, наконецъ, развели костеръ среди барака и такъ надымили, что просто дышать нельзя

не только больнымъ, но и здоровымъ... А тутъ раны надо перевязывать, пули вынимать...

Въ ея голосѣ звучало такое отчаянье, что офицеръ сжалился.

— Это вѣрно тѣ негодяи, которыхъ мы только-что оттоняли отъ костра? Дѣло дрянь... Потрудитесь здѣсь подождать, княжна, я сейчасъ доложу командиру отряда, — проговорилъ онъ, — направляясь къ соломенному навѣсу, подъ которымъ спускались ступеньки прорытыя въ землѣ и ведущія къ землянкѣ, гдѣ происходилъ военный совѣтъ.

Женщина, которую офицеръ назвалъ княжной, подошла къ костру, опустилась въ изнеможеніи на землю и устремила взглядъ полный печальнаго раздумья на огонь. При освѣщеніи она казалась еще блѣднѣе и болѣзненнѣе; еще рѣзче выступали на ея лицѣ слѣды вынесенныхъ страданій, черныя пятна подъ глазами и пересохшія отъ внутренняго жара губы.

Что завело эту женщину въ такую страшную ночь на каменистую площадку Джуниса? Она была молода, красива, богата, свободна и жизнь сулила ей всевозможное счастье и наслажденіе. Для чего покинула она свою родину и явилась въ Сербію?

Толки шли на этотъ счетъ разные. А толковъ про княжну было много. Говорили про несчастную любовь, измѣну, а также про восторженное воображеніе княжны и про ея страсть къ приключеніямъ. О ней сплетались цѣлые романы, изобилующіе потрясающими эпизодами и необыкновенными происшествіями.

Очень можетъ быть, что все это былъ вздоръ и что одно только желаніе содѣйствовать великой идеѣ освобожденія славянъ изъ-подъ турецкаго ига воодушевило ее на тяжкій подвигъ, заставило устроить на свой счетъ передвижной госпиталь и при самомъ началѣ побоища взобраться съ двумя подругами на вершину горы, въ наемной колѣ, служившей этимъ тремъ женщинамъ, воспитаннымъ въ роскоши и нѣгѣ, будуаромъ, спальней и гостиной. Богъ ее знаетъ! Тайнъ своихъ княжна никому не повѣряла, но во всякомъ случаѣ надо было обладать сильною волей и глубокою любовью къ человѣчеству, чтобы съ такимъ высокимъ самоотверженіемъ переносить безчисленныя лишенія, муки и испытанія, выпадавшія каждый день, каждый часъ на ея долю. Постоянно слышать стоны, крики отчаянья, проклятія и жалобы, присутствовать при раздирательныхъ сценахъ агоніи несчастныхъ жертвъ роковой и непосильной борьбы, взять на себя такой крестъ

и нести его съ такимъ терпѣніемъ и мужествомъ, съ какимъ несла его княжна,—на такой подвигъ способны только тѣ избранныя души, изъ среды которыхъ выходятъ мученики за идею или тѣ несчастные, которые ужь столько выстрадали, что на все взираютъ свысока, равнодушно и снисходительно, ничего не страшась и ничему не изумляясь.

Послѣдняя война доказала, какое множество такихъ женщинъ на Руси.

О чемъ думала княжна, сидя передъ костромъ въ ожиданіи командира отряда? Повидимому, мысли унесли ее далеко. Подъ благотворнымъ вліяніемъ налетавшихъ со всѣхъ сторонъ воспоминаній о свѣтломъ прошломъ, она, кажется, совсѣмъ забыла о настоящемъ и даже мучительная боль въ желудкѣ, терзавшая ее послѣдніе два - три часа, на время стихла. На лицѣ ея появилось такое выраженіе, какого никто еще не видалъ у нея съ тѣхъ поръ, какъ она на Джунисѣ.

Но ей не дали надолго забыться; разосланные въ разныя стороны офицеры начали снова собираться на площадку и подходить одинъ за другимъ къ костру. Завидѣвъ княжну, каждый привѣтствовалъ ее какимъ-нибудь почтительно-дружескимъ восклицаніемъ и почти каждый, вглядываясь пристальнѣе въ ея осунувшееся и искаженное страданіемъ лицо, съ участіемъ прибавлялъ:

— Что это съ вами, княжна, вы нездоровы?

На распросы эти она только нетерпѣливо хмурилась и въ свою очередь осыпала пришельцевъ вопросами о положеніи отряда: кто убитъ? Кто раненъ? Гдѣ находится такой-то и такой-то?

А между тѣмъ голосъ ея дрожалъ все сильнѣе и сильнѣе, зубы стучали отъ внутренняго холода, губы судорожно сжимались. На время затихнувшая боль поднялась съ новою силой.

— Да съ вами-то что — вотъ что вы намъ скажите, княжна!—вскричалъ въ испугѣ одинъ изъ офицеровъ.—На васъ лица нѣтъ, вы сейчасъ свалитесь!

И дѣйствительно она свалилась. Бороться дольше противъ приступовъ сильной холеры не хватало силъ. Когда ее понесли въ палатку, наскоро устроенную для нея изъ нѣсколькихъ кольевъ, да двухъ простынь взятыхъ изъ землянки командира отряда, все тѣло ея сводило судорогами.

— Княжна заболѣла!... Ей очень плохо... Холера, говорятъ,— слышались со всѣхъ сторонъ испуганные возгласы. — Оборони Богъ! Этого бы еще не доставало!

Эта женщина была очень полезна при отрядѣ. Стоило только вслушаться, съ какимъ искреннимъ соболѣзнованіемъ къ ней относились, чтобъ убѣдиться въ этомъ. Вѣсть объ ея болѣзни и страхъ потерять ее заставили даже позабыть на время о прочихъ бѣдствіяхъ, которыми изобиловала эта несчастная ночь. Но затѣмъ интересъ минуты снова завладѣлъ умами и у костра опять заговорили о неявляющемся обозѣ, о послѣдствіяхъ сегоднешняго боя, объ убитыхъ и раненыхъ, лежащихъ по склонамъ горъ и ущельямъ, о томъ, какъ трудно ихъ разыскивать и втаскивать въ фурахъ по липкой, застывавшей грязи, пристающей къ колесамъ и къ ногамъ воловъ, которымъ и безъ того тяжело тащиться темною ночью въ гору.

Только-что вернувшіеся съ позиціи офицеры разсказывали, какъ ропщутъ люди на замедленіе обоза съ провіантомъ, какъ они изнемогаютъ отъ голода, а также отъ усталости. Тѣ, что засыпаютъ, погибли. Въ такую проклятую ночь нѣтъ ничего пагубнѣе сна. Надо во что бы то ни стало заставлять людей бодрствовать.

— Многіе бѣгутъ куда глаза глядятъ, совѣмъ обезумѣли!— разсказывалъ молодой поручикъ.—Мнѣ удалось вернуть на позицію человѣкъ сорокъ, но остальные точно сквозь землю провалились. Темно, скользко, ямы на каждомъ шагу, да еще того и гляди какой-нибудь подлецъ тебѣ изъ-за угла пулю въ затылокъ всадитъ.

— Какъ тому сербскому офицеру намеднись, — замѣтилъ другой.

— Какому? Когда это? — послышалось нѣсколько голосовъ заразъ.

— Да вотъ часа три тому назадъ... Мнѣ нашъ священникъ разсказывалъ. Сейчасъ онъ мнѣ встрѣтился, лѣзетъ въ гору къ церкви, ряса засучена, а грязи-то на немъ—страсть! Ну, вотъ столько же, сколько на каждомъ изъ насъ, право. И физіономія такая воинственная, глаза горятъ...

— Представьте себѣ, — говоритъ, — я сейчасъ двухъ человѣкъ застрѣлилъ.

— Турокъ?—спрашиваю.

— Какое,—говоритъ,—нашихъ сербовъ съ Ибары!

— Что вы?!—говорю.

— Право!

И разсказалъ онъ мнѣ тутъ казусъ. Здѣсь, неподалеку произошло. Какіе-то мерзавцы, которыхъ, вотъ какъ вы сейчасъ, сербскій офицеръ переловилъ въ ущельѣ и повелъ напредъ, взбунтовались дорогой и бросились на начальника со штыками. Нашъ попъ какъ разъ тутъ проходилъ и кинулся на помощь, да ужь поздно,—несчастнаго офицера закололи, да и драла.

— Я,—говоритъ,—имъ вслѣдъ выстрѣлилъ, двоихъ положилъ на мѣстѣ, а прочіе всѣ разбѣжались.

— Молодецъ батька!

— Молодецъ и есть. Намеднись видѣли? Бой въ самомъ разгарѣ, пули такъ и свищутъ кругомъ, гранаты у самыхъ ногъ лопаются, а онъ раненыхъ тутъ же, гдѣ упали, исповѣдуетъ и причащаетъ.

— Это ему ни-по-чемъ. На Креветѣ его тоже въ самыхъ опасныхъ мѣстахъ можно было встрѣтить.

— И попадья его—бабенка преполезная, не хуже любой сестры съ ранеными справляется... Выучилась даже пули вынимать.

— Повѣрьте, господа, что это все изъ-за «Такова» хлопочутъ, а вовсе не изъ любви къ человѣчеству,—замѣтилъ на это какой-то злостный антиклерикалъ.—Поповское отродье,—извѣстно, никогда ничего не сдѣлаютъ даромъ.

— Кстати о попахъ,— прервалъ его высокій брюнетъ, сидѣвшій до сихъ поръ молча и поодаль отъ другихъ.—Говорятъ, полковникъ опять получилъ сообщеніе о томъ болгарскомъ дьяконѣ, помните?

— Это тотъ, что подосланъ турками генерала убить?

— Тотъ самый. Прошлый разъ намъ о немъ изъ Константинополя писали, а теперь изъ Одессы. Онъ гдѣ-то здѣсь по близости скрывается.

— И у насъ тоже прошелъ этотъ слухъ. Солдаты сегодня болтали между собой, будто кто-то видѣлъ этого дьякона въ непріятельскомъ лагерѣ.

— Неужели?

— Право, я самъ слышалъ.

— Напрасно вы этого полковнику не донесли. Онъ розыскиваетъ этого молодца совсѣмъ не тамъ, гдѣ слѣдуетъ.

— Да я, признаться сказать, не обратилъ особеннаго вниманія на эти росказни. У насъ ужь такъ давно толкуютъ про рыжаго болгарскаго дьякона, подкупленнаго турками убить ге-

нерала Черняева, что мнѣ онъ ужь миѳомъ какимъ-то представляется. Не вѣрится, какъ-то, въ его существованіе.

— Какой же это миѳъ, батенька? Насъ отовсюду противъ него предостерегаютъ и все на однѣ и тѣ же примѣты указываютъ: высокій ростомъ, рыжій, смотритъ изъ подлобья, говоритъ только по-болгарски, да по-турецки.

— Если это правда, что онъ здѣсь, то вѣроятно скоро появится...

— Ну, что-жь, милости просимъ, — мы его примемъ какъ слѣдуетъ.

— Однако, господа, все это отлично, а обоза съ провіантомъ все нѣтъ да нѣтъ! Вѣдь эдакъ, пожалуй, и съ голоду можно околѣть,—замѣтилъ чей-то ворчливый голосъ.—Послушали бы вы, какъ люди ропщутъ. Насилу мы ихъ угомонили.

— Интендантъ сказалъ, что обозъ будетъ здѣсь черезъ четыре часа, и мы то же самое повторяли солдатикамъ, чтобъ удержать ихъ на позиціяхъ,—подхватилъ другой голосъ еще угрюмѣе перваго,—а между тѣмъ скоро полночь и все ничего нѣтъ— ни хлѣба, ни водки.

— При такихъ порядкахъ по-неволѣ всѣ разбѣгутся...

— Тише, тише, господа,—главнокомандующій!

Изъ землянки одинъ за другимъ выходили офицеры. Военный совѣтъ кончился. Показалась и приземистая фигура генерала. Онъ вмѣстѣ съ прочими подошелъ къ костру.

Лицо его осунулось, сквозь сильный загаръ виднѣлась болѣзненная блѣдность и синеватыя пятна, свидѣтельствующія о лихорадкѣ, которой онъ мучился въ то время. Но при видѣ людей, вытянувшихся въ струнку и въ почтительной позѣ ожидавшихъ его приближенія, лицо генерала оживилось и на губахъ его заблуждала привѣтливая улыбка.

— Господа, поздравляю васъ, отъ всей души, съ новымъ славнымъ днемъ нашей священной войны!—произнесъ онъ съ возрастающимъ одушевленіемъ. — Я получилъ донесенія со всѣхъ позицій,—мы задали сегодня туркамъ хорошій урокъ!... Непріятель смѣняетъ свѣжими войсками свою разстроенную первую линію... Намъ смѣниться нечѣмъ, мы всѣ въ первой линіи... Но, полагаясь на васъ, господа, и вѣруя въ наше правое дѣло, я спокоенъ за будущее... Считаю излишнимъ благодарить васъ за примѣрную храбрость и самоотверженіе. Признательность соотечественниковъ послужитъ вамъ достойною наградой.

Рѣчь эта была встрѣчена единодушными криками восторга. Со всѣхъ устъ срывались обѣты умереть за святое, родное дѣло; на всѣхъ глазахъ навертывались слезы умиленія...

— Что это вы орете, неужто водку привезли?—раздался, во мракѣ, неожиданный возгласъ.

Это были офицеры, поднимавшіеся изъ ущельевъ на площадку. За темнотой имъ не видно было главнокомандующаго; рѣчи, произнесенной имъ, они не слышали, а потому раздѣлять всеобщаго восторженнаго состоянія не могли. Однако, прозаическій возгласъ, раздавшійся такъ некстати среди ночнаго мрака, такимъ непріятнымъ диссонансомъ рѣзанулъ по сердцу маленькую группу, окружавшую генерала у костра, такъ грубо и жестоко окунулъ высоко занесшіяся души въ холодную и мрачную дѣйствительность, что всѣ съ досадой оглянулись на пришельцевъ.

Эти послѣдніе успѣли ужь опомниться, въ смущеніи смолкли и торопливо вытягивались передъ начальствомъ.

— Что тамъ, ропщутъ?—обратился шепотомъ къ одному изъ пришельцевъ командиръ отряда.

— Еще бы... Съ коихъ поръ не ѣвши! Если обозъ еще запоздаетъ, къ утру и половины людей не досчитаемся,—отвѣчали ему тоже шепотомъ.

— Сейчасъ раненыхъ и убитыхъ привезутъ,—объявилъ другой.—Намъ встрѣтилась фура... Священникъ съ интендантомъ ужь давно въ церкви.

Слова эти были произнесены очень тихо, однако генералъ разслышалъ ихъ.

— Пойдемте къ раненымъ, господа,—объявилъ онъ взволнованнымъ голосомъ офицерамъ, вышедшимъ съ нимъ изъ землянки и участвовавшимъ на военномъ совѣтѣ.

Съ этими словами онъ направился торопливыми шагами къ тому мѣсту, гдѣ былъ расположенъ перевязочный пунктъ. Съ поникшею головой, весь погруженный въ свои думы, генералъ шелъ не оглядываясь. Изъ офицеровъ, которыхъ онъ пригласилъ съ собой, всѣ за нимъ послѣдовали, исключая командира отряда.

Полковнику надо было о многомъ распросить вернувшихся съ позицій посланцевъ. Скверныя вѣсти донесли они ему! Люди роптали, мучились голодомъ и холодомъ... Бѣгунцовъ было такъ много, что выговорить страшно...

А черезъ нѣсколько часовъ опять бой! Опять надо держаться цѣлый день подъ огнемъ... А люди еще не накормлены! Объ обо-

зѣ съ провіантомъ ни слуху, ни духу, и Богъ его знаетъ, когда онъ придетъ!... Безпорядокъ и отчаянье будутъ съ минуты на минуту усиливаться,—ужь это непремѣнно!

Хорошо было бы удалить главнокомандующаго до конца разыгрывающейся вокругъ него драмы и избавить его отъ пытки присутствовать при ея развязкѣ... Но какъ это сдѣлать?

Размышляя такимъ образомъ, командиръ отряда смотрѣлъ въ ту сторону, гдѣ сверкалъ огонекъ освѣщенной церкви. Тамъ ожидали мертвыхъ, а немножко дальше, на перевязочномъ пунктѣ, двѣ женщины, сильно озабоченныя болѣзнью старшей сестры милосердія, перевязывали раненыхъ.

Въ ту же сторону отправился и главнокомандующій нѣсколько минутъ тому назадъ. На полпути ему встрѣтились носилки съ жестоко изуродованнымъ трупомъ. Трупъ этотъ былъ на половину прикрытъ офицерскимъ плащомъ.

— Кого несете?—спросилъ отрывисто генералъ.

— Батальона королевы Натальи поручика ***,—отвѣчали санитары, опуская носилки на землю.

Санитары назвали фамилію одного изъ любимцевъ генерала. Онъ лично произвелъ покойнаго въ поручики на Креветѣ и такъ еще недавно наградилъ его Таковскимъ крестомъ! Главнокомандующій снялъ шапку и низко наклонился надъ безформенной окровавленною массой, лежащей передъ нимъ. Кто-то поднесъ фонарь, чтобъ ему было удобнѣе всматриваться въ то, что осталось отъ симпатичнаго, красиваго юноши, съ восторженнымъ яснымъ взглядомъ и беззаботной улыбкой... Теперь глаза были выколоты, ротъ раскроенъ ятаганомъ...

Лицо генерала передернулось и по щекамъ его полились слезы. А ужь онъ ли не привыкъ къ пушечному мясу...

За первыми носилками послѣдовали вторыя, третьи... Главнокомандующій махнулъ рукой по направленію къ церкви и хотѣлъ продолжать путь, когда ему подали телеграмму. На запечатанномъ конвертѣ стояло: «Отъ Хорватовича».

Генералъ быстро пробѣжалъ депешу.

— Гдѣ начальникъ штаба?—спросилъ онъ у адъютанта.

— Сейчасъ былъ у офицерскаго костра, ваше высокопревосходительство.

— Пригласите его, а также всѣхъ начальниковъ частей на главную батарею... Затѣмъ, чтобъ былъ готовъ конвой и лошади,—я ѣду на позицію Хорватовича.

И генералъ зашагалъ обратно къ костру, не дойдя до перевязочнаго пункта.

Желаніе командира отряда исполнилось: не прошло и получаса, какъ главнокомандующій, въ сопровожденіи своей свиты, спускался по направленію къ Кауникамъ и онъ снова очутился единственнымъ хозяиномъ на Джунисѣ.

За хлопотами, сопровождавшими проводы генерала, напряженное состояніе, господствовавшее на площадкѣ, немножко стихло; забылись на время опасенія насчетъ неявляющагося обоза и муки, голода и холода. Но это длилось не долго, снова полилъ дождь, опять изо всѣхъ ущелій, ямъ и прикрытій,—отовсюду, гдѣ скучились люди,—начали раздаваться крики, брань и проклятія. Раненыхъ натаскивали на перевязочный пунктъ такъ много, что не знали какъ ихъ размѣстить. Мертвыхъ тоже оказывалось больше, чѣмъ ожидали. Донесенія о заболѣвающихъ и о бѣгущихъ съ позицій людяхъ сыпались со всѣхъ сторонъ и возраставшая съ минуты на минуту паника начинала принимать чудовищные размѣры. На появленіе обоза ужь и разсчитывать перестали; мучительное ожиданіе перешло въ яростное, отчаянное озлобленіе и на всѣхъ лицахъ читалась растерянность.

Растерянность эта отражалась въ сбивчивыхъ приказаніяхъ начальства...

И вдругъ радостные крики: «Везутъ, везутъ!...» А вслѣдъ затѣмъ опять неистовые вопли и проклятія.

Дѣло въ томъ, что обезумѣвшіе отъ голода люди, точно дикіе звѣри, кинулись на первый показавшійся транспортъ и въ одно мгновеніе разнесли его... Телѣги опрокинули, людей и воловъ смяли въ грязь... Изъ проткнутыхъ бочекъ льется водка, мясо и хлѣбъ втоптываются въ лужи...

Объ этихъ безпорядкахъ доносятъ командиру отряда.

— Переловить мерзавцевъ!... Подать ихъ сюда живыхъ или мертвыхъ!—кричитъ онъ въ неистовой ярости.—Разстрѣлять ихъ въ примѣръ прочимъ!

Приказаніе это бросаются исполнять со стремительною поспѣшностью.

О, еслибы туркамъ было извѣстно, какая сумятица происходитъ въ храбромъ маленькомъ отрядѣ, который вотъ уже нѣсколько дней сряду съ такимъ изумительнымъ геройствомъ противится всѣмъ усиліямъ ихъ многочисленной и дисциплинированной арміи, они, по всей вѣроятности, ободрились бы и не стали

бы съ такимъ страхомъ готовиться къ бою, имѣвшему снова начаться черезъ нѣсколько часовъ, при первыхъ лучахъ восходящаго солнца.

Но турки не могли этого подозрѣвать. Мѣсяцъ давно скрылся; небо давно заволокло черными тучами и отъ фонарей, мелькавшихъ въ отдаленіи не ясными, красными точками, да отъ пламени костра, не перестававшаго пылать подъ навѣсомъ, тьма сгущалась еще непрогляднѣе и чернѣе. Что же касается до криковъ и стоновъ людей, они такъ сливались съ шумомъ дождя и бури, что по временамъ самимъ участникамъ раздирательныхъ сценъ на вершинѣ горы трудно было отличить человѣческіе вопли отъ взрывовъ вѣтра.

Но вотъ людскіе голоса начинаютъ все рѣзче и рѣзче выдѣляться среди воя разсвирѣпѣвшей бури и на мгновеніе совершенно покрываютъ этотъ вой. До уха явственно долетаютъ оживленные возгласы.

— Вѣрно второй транспортъ съ провіантомъ!—мелькаетъ во всѣхъ умахъ утѣшительная мысль.

Нѣтъ, это не обозъ,—это пойманныхъ грабителей волокутъ къ начальству.

Именно волокутъ. Ни одинъ изъ нихъ не стоитъ на ногахъ. Чтобы подвести ихъ къ полковнику, надо поддерживать ихъ со всѣхъ сторонъ.

— Повѣсить мерзавцевъ!—кричитъ командиръ отряда.

И вдругъ голосъ его обрывается отъ волненія.

— Несите ихъ на перевязочный пунктъ,—произноситъ онъ едва слышно, отвертываясь отъ измученныхъ, посинѣвшихъ лицъ, съ помутившимся, обезумѣвшимъ взоромъ и беззвучно шевелящимися губами, бѣлыми какъ полотно.

Кто-то изъ окружавшихъ замѣчаетъ, что эдакъ-то лучше.

— Умрутъ по крайней мѣрѣ спокойно, а если очнутся, лишнихъ пять человѣкъ завтра выставимъ подъ непріятельскія пули.

Проходитъ съ часъ времени и снова раздаются крики, въ которыхъ слышится что-то особенное, не похожее на то, къ чему ужь начали привыкать слухъ и нервы. Громкій говоръ и восклицанія, какъ будто радостныя.

На этотъ разъ ужь вѣрно второй транспортъ. Слава Богу!

Опять разочарованіе. Гвалтъ усиливается; тащутъ кого-то.

— Что за человѣкъ?—спрашиваетъ озадаченный полковникъ.

Поднимается шумъ; множество голосовъ отвѣчаютъ разомъ:

— Онъ самый, ваше высокоблагородіе!...

— Подосланъ генерала убить!...

— Мы его, чорта эдакаго, съ коихъ поръ выслѣживаемъ!...

— Изъ турецкаго лагеря шелъ...

При этихъ словахъ нѣсколько рукъ протягивается по тому направленію, гдѣ мелькаютъ огоньки турецкаго бивуака.

— Смирно!—раздается команда.

Все стихаетъ и начинается допросъ.

Высокій, сутоловатый малый въ обтрепанной рясѣ, подпоясанной веревкой, съ длинными свѣтлыми волосами, лепечетъ что-то безсвязное на непонятномъ нарѣчіи. Голосъ дрожитъ, нижняя челюсть трясется, глаза пугливо озираются по сторонамъ.

— Что, испугался видно? Дай срокъ, еще не то будетъ! Запрыгаешь ты у насъ, анафема эдакая! — раздаются кругомъ сдержанныя восклицанія.

Изъ допроса ничего не выходитъ.

— Отыскать какого-нибудь дьявола, который говоритъ по-турецки!—приказываетъ полковникъ.

Ропотъ усиливается.

— Что тутъ допрашивать?... Онъ самый и есть... Кому же быть, какъ не ему?... И ряса, и съ турецкихъ позицій шелъ, и рыжій...

Ну, при такомъ освѣщеніи, какъ безпрестанно вспыхивающее неровнымъ блескомъ пламя костра, трудно опредѣлить, какого именно цвѣта волосы и борода таинственнаго незнакомца, рыжіе или бѣлокурые, но остальныя примѣты дѣйствительно довольно вѣрно совпадаютъ съ примѣтами той личности, о которой посылались предостереженія изъ Константинополя и Одессы.

Въ ожиданіи переводчиковъ, командиръ отряда приказалъ обыскать пойманнаго дьякона.

Въ потайномъ карманѣ подъ рясой у него находятъ пакетъ съ бумагами, но находка эта ни къ чему не ведетъ: бумаги написаны на турецкомъ языкѣ.

Наконецъ, появляются переводчики, цѣлыхъ трое, изъ тѣхъ оборванцевъ, съ которыми за нѣсколько часовъ передъ тѣмъ происходила драка у костра, и снова начинается допросъ.

Отвѣты подсудимаго перевираются самымъ отчаяннымъ образомъ и каждымъ изъ толмачей на свой ладъ.

— Что ты дѣлалъ въ турецкомъ лагерѣ? — спрашиваетъ командиръ отряда.

Подсудимый лепечетъ что-то безсвязное.

— У него сынъ на турецкой службѣ,—спѣшитъ объяснить одинъ изъ переводчиковъ.

— Ему дали пропускной листъ, чтобы навѣстить плѣнныхъ соотечественниковъ,—говоритъ другой.

— Онъ увѣряетъ, что шелъ совершенно съ другой стороны и никогда въ турецкомъ лагерѣ не былъ,—заявляетъ третій.

Общій взрывъ негодованія.

— Какъ не былъ? Да онъ именно оттуда и шелъ, когда мы его поймали!... Его тамъ еще вчера видѣли... Петръ Терентьевъ, Дементій Орловъ...

При этомъ называются имена еще трехъ-четырехъ человѣкъ, видѣвшихъ наканунѣ болгарскаго дьякона въ турецкомъ лагерѣ, или неподалеку отъ этого лагеря, за шумомъ разобрать трудно, тѣмъ болѣе, что всѣ кричатъ разомъ. Ни Петра Терентьева, ни Дементья Орлова, ни прочихъ свидѣтелей, на которыхъ ссылаются, по какой-то странной случайности на-лицо не оказывается, но все равно, не идти же разыскивать ихъ въ такую темень и грязь!

Да и къ чему? Развѣ прочія примѣты не совпадаютъ?... Какихъ еще доказательствъ?

Всеобщее нетерпѣніе растетъ и доходитъ до изступленія. Всѣмъ, рѣшительно всѣмъ, хочется, чтобы дьякона повѣсили, и какъ можно скорѣе, точно боятся, чтобы не помѣшало что-нибудь.

Кажется, и подсудимому хочется быть скорѣе повѣшеннымъ,—такъ слабо онъ защищается. Скажетъ два-три слова и—смолкнетъ, и все озирается, все озирается по сторонамъ, точно пойманный звѣрь. На многіе вопросы онъ вовсе не отвѣчаетъ,—вѣроятно, потому, что ему нечего сказать въ свое оправданіе... А можетъ-быть потому, что онъ сознаетъ безполезность всякихъ объясненій и по выраженію лицъ окружающей его толпы видитъ, что его все равно убьютъ, что тамъ ни говори и ни доказывай.

Вѣсть о поимкѣ шпіона, о допросѣ его и о предстоящей казни быстро разносится по позиціямъ и точно электрическою искрой встряхиваетъ людей, изнемогавшихъ отъ голода, холода и отчаянья. Со всѣхъ сторонъ выползаютъ поглазѣть на злодѣя.

Приговоренный относится ко всему, что происходитъ вокругъ него, съ изумительнымъ хладнокровіемъ. Убѣдившись въ томъ, что пощады ждать неоткуда, онъ давно перестал озираться по сторонамъ и держитъ глаза упорно опущенными въ землю.

Вся эта процедура съ пойманнымъ шпіономъ заняла много времени; вѣтеръ мало-по-малу стихъ, дождь прекратился и ночныя тѣни начали блѣднѣть. Изъ бѣлесоватой мглы, густою пеленой окутывавшей всю окрестность, выступаютъ очертанія горъ и ущелій съ каждою минутой все яснѣй и яснѣе.

Наконецъ, на противуположномъ концѣ площадки появляется обозъ съ провіантомъ и толпа съ радостными криками кидается къ нему на встрѣчу.

Начинается раздача водки, хлѣба и мяса.

Тяжелая ночь миновала и съ нею вмѣстѣ кануло въ вѣчность самое воспоминаніе о вынесенныхъ мукахъ.

Да, все забыто. Забытъ и злополучный дьяконъ, такъ кстати подвернувшійся подъ руку разсвирѣпѣвшей отъ голода толпы. Одному только командиру отряда представляется иногда образъ повѣшеннаго шпіона. И всегда въ одномъ и томъ же видѣ: вздернутымъ на дерево, съ петлей неловко накинутой на шею и съ правою рукой приподнятой для крестнаго знаменія... Но роковая петля затянулась и дьяконъ не успѣлъ перекреститься...

Шесть часовъ утра. Въ воздухѣ три градуса мороза. На востокѣ заалѣла зорька, небо совершенно расчистилось и на позиціяхъ Джуниса виднѣются войска, уже выстроенныя въ боевомъ порядкѣ. Люди поѣли холодной баранины и выпили водки. По окончаніи разсчета, осмотра оружія и выдачи патроновъ, предстоитъ вторая чарка и все, что можетъ стоять на ногахъ и держать въ рукахъ оружіе, стало во фронтъ въ ожиданіи этой благодати. Дисциплина снова вступила въ свои права. Начальники, вновь назначенные взамѣнъ выбывшихъ изъ строя, знакомятся съ людьми, дѣлаютъ указанія, напоминаютъ командныя слова и, наконецъ, приступаютъ къ раздачѣ патроновъ.

— Давай въ первую роту ящикъ Пибоди!—раздаются голоса.

— Въ Арнаутскій батальонъ—Грйневскихъ.

— Эй, въ какихъ ящикахъ гладкоствольныя?

— Какого калибра? Семи или пяти линейныхъ?

— Все є́дно,—отвѣчаетъ сербскій начальникъ.

— Дура ты набитая! Какже все є́дно? Будетъ по-намеднишнему: взяли не тѣ патроны, да цѣлыхъ полчаса и не могли стрѣлять! Покажи, какая у тебя пушка?

— Бельгійскіе!... Новыя русскія роты получай! — кричитъ другой офицеръ.

— Каждый патронъ вложи въ дуло и посмотри, свободно ли входитъ... Негодные отбрось!—наставляетъ начальство солдатъ.

Въ турецкомъ лагерѣ тоже идетъ дѣятельность; раздаются возгласы и пѣніе молитвъ, но за утреннею мглой и туманомъ трудно разглядѣть, что именно тамъ происходитъ. За то стóитъ только оглянуться назадъ, на Моравскую долину, чтобы видѣть на шоссе у моста обозъ изъ нѣсколькихъ убійственно-трясскихъ колъ, среди которыхъ красуется одна длинная двухъэтажная карета, мягко покачивающаяся на эластичныхъ рессорахъ. Эта карета—драгоцѣннѣйшій подарокъ англійскаго «Краснаго Креста» и въ нее складываютъ только самыхъ опасно раненыхъ.

Транспортъ направляется къ Делиграду. Слава Богу, воины, сослужившіе свою великую службу, внѣ опасности отъ выстрѣловъ!

Нѣсколько ближе, по эту сторону рѣки, на первой площадкѣ подъема на Джунисъ, у монастыря Св. Романа, кучка людей хлопочетъ надъ водруженіемъ простаго деревяннаго креста на свѣжую, только-что засыпанную, могилу, а рядомъ другая, такихъ же огромныхъ размѣровъ, мрачно разѣваетъ свою правильную четырехъугольную пасть въ ожиданіи новыхъ жертвъ предстоящаго боя.

Солнце еще не взошло, но его косые багровые лучи уже лижутъ высокую верхушку Джуниса. Войска выпили вторую чарку водки и, прежде чѣмъ скрыться за прикрытія, выслушиваютъ приказъ.

Послѣдній параграфъ этого приказа гласитъ: «Считаю умѣстнымъ напомнить русскимъ добровольцамъ, стоящимъ въ рядахъ ввѣреннаго мнѣ отряда, слова телеграммы, полученной отъ Славянскаго комитета: *Братья! на васъ смотритъ съ любовью и почтеніемъ ваша дорогая родина; она утѣшается вашими подвигами и доблестями. Вы—предтеча спасенія, вы—ясная заря свѣтоноснаго, нареченнаго дня, призываемаго ежеминутными помышленіями нашего сердца и, вѣримъ, дня отъ насъ недалекаго. «Близъ есть при дверяхъ»*. Добровольцы, перекрестись! Осмотри еще разъ внимательно свое оружіе и пусть каждый исполнитъ свой долгъ!»

Минуту спустя солнце величественно поднималось изъ-за плоскогорья, разсыпая повсюду лучи свѣта и тепла. Воодушевленные воззваніемъ изъ далекой родины, добровольцы съ восторгомъ, съ радостнымъ упованіемъ на будущее, взглянули на восходящее свѣтило... И многіе взглянули въ послѣдній разъ.

Н. Северинъ.

О крупномъ поземельномъ кредитѣ въ Россіи.

Приступая къ очерку современнаго положенія крупнаго земельнаго кредита въ Россіи, остановимся прежде всего на нѣкоторыхъ соображеніяхъ общаго характера. Намъ извѣстно изъ предшествовавшаго историческаго очерка*), что земельныя ссуды въ дореформенную эпоху большею частью шли на личныя нужды землевладѣльцевъ, имѣвшія мало общаго съ сельскимъ хозяйствомъ. Громадный и рѣзкій переворотъ, который связанъ съ воспоминаніемъ о девятнадцатомъ февралѣ, долженъ былъ заставить помѣщичій классъ серьезно подумать о своемъ хозяйствѣ. Приходилось навсегда проститься съ удобствомъ обязательнаго крѣпостнаго труда и устраивать хозяйство такъ или иначе на началахъ юридически-свободнаго труда и частныхъ соглашеній. Это обстоятельство служило поводомъ повторять на всѣ лады о необходимости оборотныхъ капиталовъ, о потребности въ кредитѣ, который могъ бы доставить нашему землевладѣнію не только оборотные капиталы, но и постоянные—для реорганизаціи сельскаго хозяйства и прочныхъ улучшеній. Съ чисто-теоретической точки зрѣнія подобныя заявленія повидимому были совершенно основательны. Но, къ сожалѣнію, при всемъ своемъ рѣшительномъ значеніи для будущаго русскаго землевладѣлія и земледѣлія, реформа 19 февраля не могла съ уничтоженіемъ крѣпостнаго права разомъ превратить прежняго безпечнаго помѣщика въ хорошаго разсчетливаго хозяина, и поэтому судьба большей части выкупныхъ ссудъ, равно какъ и займовъ подъ залогъ имѣній, не могла существенно различаться отъ употребленія тѣхъ капиталовъ, какіе доставляли русскимъ землевладѣльцамъ дореформенныя кредитныя

*) *Русская Мысль*, кн. VI: „Историческій очеркъ развитія поземельнаго кредита въ Россіи“.

установленія. Указаніе на это мы встрѣчаемъ всякій разъ, когда дѣло идетъ о поземельномъ кредитѣ въ Россіи и его отношеніи къ сельскому хозяйству. Для меня не составило бы большаго труда въ подтвержденіе процитировать труды коммиссіи для изслѣдованія сельскаго хозяйства въ Россіи, труды Императорскаго вольно-экономическаго общества, труды коммиссій, не разъ учреждавшихся по вопросу о земельномъ кредитѣ при обществѣ для содѣйствія русской промышленности и торговлѣ, и пр. и пр. Но самое вѣское доказательство малаго отношенія къ сельскому хозяйству ссудныхъ и другихъ капиталовъ, проходившихъ до сихъ поръ черезъ руки нашихъ землевладѣльцевъ, вытекаетъ, на мой взглядъ, изъ сопоставленія той суммы денежныхъ средствъ, какая была доставлена крупному землевладѣнію при посредствѣ выкупной операціи и спеціально земельно-кредитныхъ учрежденій, съ слабымъ успѣхомъ русскаго сельскаго хозяйства за послѣднія двадцать лѣтъ. Въ самомъ дѣлѣ, если за то же время наши желѣзныя дороги, напр., поглотили болѣе двухъ милліардовъ рублей, за то мы имѣемъ, по крайней мѣрѣ, желѣзно-дорожную сѣть слишкомъ въ 22 тысячи верстъ, несмотря на то, что изъ этихъ двухъ милліардовъ громадныя суммы расплылись безъ всякой пользы для дѣла по карманамъ концессіонеровъ, учредителей, строителей, подрядчиковъ и пр. Ну, а гдѣ же тѣ очевидные результаты слишкомъ милліарда выкупныхъ и земельныхъ ссудъ, если допустить, что большая часть изъ нихъ поглощена сельскимъ хозяйствомъ? Правда, мнѣ могутъ замѣтить, что изъ упомянутаго милліарда не мало должно было уйти на уплату прежнихъ долговъ, но это не умаляетъ вопроса, потому что освобожденіе хозяйства отъ лежащаго на немъ долга вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлаетъ свободною и часть дохода, которая шла прежде на уплату процентовъ, а съ погашеніемъ долга можетъ пойти на улучшеніе хозяйства.

Признавая, такимъ образомъ, за нашимъ крупнымъ земельнымъ кредитомъ преимущественно характеръ потребительнаго кредита, я тѣмъ не менѣе далекъ отъ мысли считать земельныя ссуды совершенно безплодными для сельскаго хозяйства. Злоупотребленія земельнымъ кредитомъ не могутъ служить основаніемъ для полнаго отрицанія его. Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что къ нему иногда прибѣгаютъ, подъ давленіемъ сознанныхъ, вполнѣ законныхъ нуждъ, и такіе землевладѣльцы, которыхъ можно назвать сельскими хозяевами въ самомъ лучшемъ

смыслѣ этого слова и которые являются истинными представителями сельско-хозяйственнаго прогресса.

Послѣднее обстоятельство можетъ служить основаніемъ для разсмотрѣнія земельнаго кредита, несмотря на его теперешнее преимущественно потребительное значеніе съ точки зрѣнія содѣйствія его сельскому хозяйству. При этомъ вопросъ о земельномъ кредитѣ сводится къ выясненію наиболѣе выгодныхъ формъ организаціи и тѣхъ мѣръ, которыя могутъ парализовать вредныя послѣдствія отъ злоупотребленія ими.

Замѣтимъ впрочемъ, что и при потребительныхъ займахъ подъ залогъ земель чѣмъ легче и выгоднѣе условія ссудъ, тѣмъ лучше не только для заемщиковъ непосредственно, но и для страны вообще, потому что народное хозяйство страдаетъ и отъ разоренія неблагоразумныхъ своихъ членовъ. Легкомысленно въ такихъ случаяхъ утѣшать себя тѣмъ, что съ разореніемъ расточителей связанъ переходъ капиталовъ изъ рукъ непроизводительныхъ въ болѣе производительныя.

Что касается до существующей у насъ организаціи земельнаго кредита, то она далеко не въ состояніи удовлетворить всѣмъ истиннымъ нуждамъ сельскаго хозяйства. Землевладѣльцу въ качествѣ сельскаго хозяина можетъ встрѣтиться надобность въ поддержкѣ кредита въ весьма разнообразныхъ случаяхъ. Онъ можетъ нуждаться въ деньгахъ: 1) на оборотныя затраты, какъ-то: пріобрѣтеніе посѣвныхъ сѣмянъ, плату рабочимъ, содержаніе рабочаго скота и т. п.; 2) для того, чтобы выполнить срочныя обязательства и въ то же время выждать хорошія цѣны для сбыта продуктовъ; 3) на искуственное удобреніе, пріобрѣтеніе хозяйственнаго инвентаря—рабочаго скота, земледѣльческихъ орудій и т. п.; 4) для постройки строеній, пріобрѣтенія земледѣльческихъ машинъ, прикупки земли и т. п. Перечисленные разряды расходовъ, само собою разумѣется, возвращаются далеко не въ одинаковое время: для однихъ естественный предѣлъ—часть или одинъ оборотный годъ, а для другихъ необходимъ весьма продолжительный срокъ, чтобы безъ особеннаго обремененія хозяйства постепенно покрывать изъ доходовъ сдѣланную единовременную затрату. Отсюда и земельный кредитъ, какъ скоро землевладѣлецъ нуждается въ немъ для осуществленія подобныхъ затратъ, долженъ быть приспособленъ къ различной степени ихъ долгосрочности.

На мой взглядъ ограничивать земельный кредитъ однѣми долгосрочными ссудами, съ отнесеніемъ краткосрочныхъ въ область

личнаго кредита или если и залоговаго, то подъ обезпеченіе движимыми цѣнностями, значитъ — стоять на доктринерской точкѣ зрѣнія.

Что касается потребности сельскаго хозяйства въ кредитѣ, то послѣдній едва ли основательно считать существенно отличнымъ отъ кредита, въ какомъ нуждается всякое другое производство. Представитель фабричнаго производства, напр., также можетъ чувствовать потребность въ займахъ весьма разнообразной продолжительности, смотря по тому, нужны ли ему деньги: 1) на матеріалы, рабочихъ и т. п.; 2) для того, чтобы выполнить срочныя обязательства и имѣть возможность выждать цѣны, потому что и фабрика не всегда работаетъ только по заказу; 3) на увеличеніе хозяйственнаго инвентаря; 4) для пріобрѣтенія машинъ, постройки новыхъ зданій въ видахъ расширенія или улучшенія производства и т. п.

Отсутствіе кореннаго различія въ срокахъ ссудъ, соотвѣтствующихъ сельскому хозяйству, съ одной стороны, и прочимъ важнѣйшимъ областямъ производства—съ другой, не уничтожаетъ однако потребности въ самостоятельныхъ кредитныхъ учрежденіяхъ, приспособленныхъ къ нуждамъ сельскаго хозяйства или, лучше сказать, къ особенностямъ земельнаго имущества, какъ главнаго въ этихъ случаяхъ обезпеченія кредита. Раздѣленіе труда, столь важное въ техническомъ отношеніи для всякаго производства, съ одинаковою выгодой можетъ и должно быть проведено и въ организаціи земельнаго кредита. Не всякій, кто вѣрно оцѣнитъ кредитоспособность промышленнаго предпріятія, съумѣетъ также хорошо взвѣсить условія сельскаго хозяйства, опредѣлить его среднюю доходность и т. п. Слѣдуетъ признать, что для правильной постановки дѣла гораздо важнѣе не допускать въ одномъ и томъ же учрежденіи пріемъ разнородныхъ залоговъ, т. е. выдачу ссудъ подъ залогъ, напр., городскихъ и сельскихъ имуществъ, чѣмъ избѣгать совмѣщенія ссудъ на различные сроки изъ одного и того же кредитнаго учрежденія. Не отрицая возможности организаціи учрежденій личнаго кредита примѣнительно къ сельско-хозяйственной средѣ, я съ своей стороны нахожу не только возможнымъ, но и весьма полезнымъ развитіе краткосрочнаго земельнаго кредита въ существующихъ земельно-кредитныхъ учрежденіяхъ или же устройство для этой цѣли самостоятельныхъ учрежденій, основанныхъ на залогѣ въ нихъ поземельной собственности.

Въ Россіи пока получилъ значительное развитіе только долгосрочный земельный кредитъ—въ формѣ учрежденій, основанныхъ на началахъ круговой поруки, и акціонерныхъ земельныхъ банковъ.

Первое земельно-кредитное учрежденіе, возникшее послѣ реформы 19 февраля, было, какъ извѣстно, кредитное общество подъ названіемъ: «Земскій банкъ Херсонской губерніи», уставъ котораго былъ утвержденъ въ 1864 г. Затѣмъ въ 1866 г. получило начало общество взаимнаго поземельнаго кредита, раскинувшее свою дѣятельность на всю Россію. Надежды коммиссіи для устройства земскихъ банковъ на водвореніе въ Россіи земельнаго кредита, основаннаго на началѣ взаимности, на первый разъ такимъ образомъ осуществились, съ тою разницей, что при составленіи устава херсонскаго земскаго банка труды коммиссіи были приняты во вниманіе нѣсколько больше, чѣмъ при разработкѣ устава общества взаимнаго поземельнаго кредита, почему въ послѣднемъ замѣчаются нѣкоторыя особенности. Учредители общества взаимнаго поземельнаго кредита съ самаго начала пренебрегли доводами коммиссіи, доказывавшей, что правильное развитіе «земскихъ банковъ» несовмѣстимо съ многочисленнымъ составомъ членовъ-заемщиковъ и обширнымъ райономъ, что при этомъ немыслимо взаимное опредѣленіе кредитоспособности отдѣльныхъ заемщиковъ, вѣрная оцѣнка закладываемыхъ имѣній и вообще наблюденіе за ходомъ дѣла. Кромѣ того учредители, какъ оказалось, недостаточно взвѣсили замѣчанія коммиссіи о неудобствахъ выпуска закладныхъ листовъ на металлическую валюту при исключительномъ господствѣ во внутреннемъ обращеніи кредитнаго рубля. Исторія общества взаимнаго поземельнаго кредита подтвердила однако, какъ опасно поддаваться иногда вліянію практическихъ дѣльцовъ и съ легкостью относиться къ тѣмъ предостереженіямъ, которыя даетъ теорія, наука.

Кромѣ неограниченнаго района дѣйствій и разсчетовъ на звонкую единицу, общество взаимнаго поземельнаго кредита имѣетъ еще одну весьма характерную особенность сравнительно съ херсонскимъ земскимъ банкомъ — складочный капиталъ. Именно по § 106 устава члены-заемщики обязаны вносить на составленіе складочнаго капитала сумму, равную 1/20 *) части слѣдующей имъ ссуды.

*) „Уставъ общества взаимнаго поземельнаго кредита".

Сообразно съ участіемъ отдѣльныхъ членовъ въ составленіи складочнаго капитала, между ними распредѣляются и прибыли общества, которыя засчитываются въ счетъ слѣдующихъ съ заемщиковъ срочныхъ платежей (§ 120).

Складочный капиталъ общества взаимнаго поземельнаго кредита приравниваютъ иногда *) акціонерному капиталу земельныхъ банковъ, что не совсѣмъ правильно. Въ земельныхъ банкахъ складочный капиталъ устраняетъ отъ заемщиковъ всякую отвѣтственность за убытки учрежденія, не связанные съ злоупотребленіями самихъ заемщиковъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣляетъ предѣлъ отвѣтственности акціонеровъ передъ владѣльцами закладныхъ листовъ. Ничего подобнаго въ обществѣ взаимнаго поземельнаго кредита нѣтъ. Его складочный капиталъ нисколько не ослабляетъ силы круговой поруки всѣми заложенными имѣніями (§§ 79 и 80) и единственно служитъ усиленною гарантіей выполненія текущихъ обязательствъ передъ владѣльцами закладныхъ листовъ во всемъ, что относится до уплаты процентовъ по купонамъ, оплаты вышедшихъ въ тиражъ листовъ и т. п. Что же касается до распредѣленія чистой прибыли между заемщиками, то оно вытекаетъ не изъ складочнаго капитала, а обусловливается началомъ взаимности и соединеніемъ въ лицѣ заемщика и банковаго посредника-предпринимателя, потому что во всякомъ учрежденіи, построенномъ на началѣ круговой отвѣтственности за убытки, разъ могутъ явиться какія-либо прибыли, онѣ естественно должны распредѣляться между членами сообразно риску и отвѣтственности каждаго.

Въ балансахъ общества взаимнаго поземельнаго кредита, если ихъ сравнивать съ балансами земскаго херсонскаго банка, легко замѣтить особенную статью—«капиталъ вспомогательный». Въ первоначальномъ уставѣ общества о вспомогательномъ капиталѣ не упоминается вовсе. Онъ явился вслѣдствіе дополненія устава, утвержденнаго Высочайшимъ повелѣніемъ 24-го ноября 1867 года **).

Здѣсь мы, между прочимъ, читаемъ: «Для бо́льшаго еще содѣйствія обществу правительство предоставило оному капиталъ въ 5 милл. руб. государственными 5% банковыми билетами. Капиталъ этотъ именуется «вспомогательнымъ капиталомъ» и слу-

*) *Труды Императорскаго Вольно-Экономическаго Общества*, т. II, в. I, 1873 г. Рѣчь В. П. Безобразова.

**) „Полное собр. законовъ“, второе, т. XLII, №№ 45 и 195.

житъ дополнительнымъ обезпеченіемъ вѣрности уплатъ общества по закладнымъ листамъ, вслѣдъ за круговою отвѣтственностью заложенныхъ въ ономъ имѣній» (§ 132). Далѣе: «вспомогательному капиталу ведется въ книгахъ особый счетъ. Получаемые по бумагамъ, въ коихъ помѣщенъ сей капиталъ, проценты обращаются въ оборотный капиталъ общества, а самый вспомогательный капиталъ общества увеличивается причисленіемъ къ оному сложнымъ порядкомъ по 4% въ годъ изъ прибылей общества» (§ 133). «Въ случаѣ ликвидаціи дѣлъ общества, вспомогательный капиталъ, вмѣстѣ съ наросшими на оный, согласно § 133, процентами, возвращается правительству» (§ 135). Я привелъ изъ устава подлинныя выдержки относительно вспомогательнаго капитала въ виду заслуживающихъ большаго вниманія условій, на которыхъ данъ этотъ капиталъ. Хотя и херсонскій земскій банкъ получилъ содѣйствіе правительства въ формѣ выдачи ему заимообразно 100 тыс. руб. на довольно льготныхъ условіяхъ; но эти 100 тысячъ руб. были обыкновенною ссудой, подлежавшею погашенію и въ настоящее время уже погашенною. Совсѣмъ другое—вспомогательный капиталъ общества взаимнаго поземельнаго кредита. Этотъ капиталъ 1) данъ обществу на все время его существованія, 2) онъ увеличивается по закону сложныхъ процентовъ, т. е. съ теченіемъ времени можетъ достигнуть неопредѣленно-большихъ размѣровъ, и 3) разность между обязательнымъ процентнымъ отчисленіемъ для увеличенія капитальной суммы его и дѣйствительнымъ доходомъ обращается въ пользу членовъ общества. При строгомъ выполненіи означенныхъ условій общество со-временемъ можетъ сдѣлаться участникомъ въ прибыляхъ отъ огромнаго казеннаго капитала, причемъ самое вступленіе въ число членовъ можетъ получить характеръ выгодной коммерческой операціи, въ особенности, если рядомъ съ этимъ будутъ стараться ограничивать доступъ новыхъ членовъ. Чтобъ яснѣе показать съ этой точки зрѣнія значеніе вспомогательнаго капитала, воспользуемся однимъ изъ послѣднихъ отчетовъ правленія общества взаимнаго поземельнаго кредита, именно за время съ 1 іюля 1880 по 1 іюля 1881 года. Мы найдемъ здѣсь, что къ 1 іюля 1881 г. вспомогательный капиталъ равнялся 5.000.000 руб. и процентовъ на него было 3.002.250 р. 93 к. Опредѣлимъ доходъ общества съ этихъ слишкомъ 8 милл. руб. Съ 5 милл. руб. первоначальнаго капитала, состоящихъ въ процентныхъ бумагахъ, общество имѣло за отчетный годъ 203.039 руб. 66 коп. Что ка-

сается до прибыли на 3.002.250 руб. 93 коп., то она прямо не указана въ отчетѣ. Сдѣлаемъ поэтому косвенный разсчетъ. Взявши среднiй доходъ съ краткосрочныхъ ссудъ равнымъ 7%, что, судя по балансу на 1 iюля 1881 года, вовсе не будетъ преувеличенiемъ, мы съ 3.002.250 руб. 93 коп. получимъ дохода 210.157 руб., т. е. со всего вспомогательнаго капитала 413.196 рублей.

Вычтя изъ этой суммы 320.096 руб. (согласно § 133 устава), получимъ 93.106 руб. чистаго дохода отъ вспомогательнаго капитала.

Обращаясь теперь къ счету прибылей и убытковъ за 1880—1881 г., какъ они изображены въ отчетѣ правленiя, мы найдемъ собственно валовой прибыли 461.183 руб. 51¼ коп., а за вычетомъ отсюда расходовъ на управленiе (394.818 р. 31 к.) и затѣмъ еще десяти процентовъ съ остатка на составленiе запаснаго капитала, остается окончательно, по разсчету правленiя, прибыли, подлежащей распредѣленiю между членами, 59.728 руб. 68¼ коп. А это ни больше, ни меньше какъ равнозначуще тому, что сами по себѣ операцiи общества взаимнаго поземельнаго кредита, несмотря на складочный капиталъ, не уравновѣшиваютъ даже расходовъ съ доходами, и только благодаря доходамъ отъ казеннаго вспомогательнаго капитала правленiю удается высчитывать около процента прибыли на складочный капиталъ вмѣсто дѣйствительнаго убытка болѣе полупроцента, и это не принимая даже въ разсчетъ тѣхъ 320.096 руб. процентныхъ денегъ съ вспомогательнаго капитала, которые отчислены на покрытiе части долга въ 475.227 руб. 94¼ коп., образовавшагося на 1 iюля 1881 года отъ приплаты по курсовымъ разницамъ *).

Поземельный кредитъ, открытый херсонскимъ земскимъ банкомъ и обществомъ взаимнаго поземельнаго кредита при ограниченной нормѣ ссудъ, которыя не могли превышать 50% оцѣнки, въ связи съ весьма осторожной оцѣнкой, былъ доступенъ лишь для тѣхъ землевладѣльцевъ, имѣнiя которыхъ были сравнительно въ лучшемъ положенiи, а для тѣхъ, кто раньше успѣлъ уже обременить свое имѣнiе значительными частными займами или кто нуждался въ бо́льшей ссудѣ, оставался по-прежнему одинъ выходъ—заключенiе частныхъ займовъ на весьма тяжелыхъ условiяхъ. Это обстоятельство не могло ускользнуть отъ вниманiя

*) „Отчетъ правленiя за 1880—81 годъ".

предпріимчивыхъ людей, искавшихъ выгоднаго помѣщенія для своихъ капиталовъ или желавшихъ разжиться на учредительствѣ. И вотъ, по почину харьковскаго земскаго банка, уставъ котораго былъ утвержденъ 4 мая 1874 года, одинъ за другимъ возникаютъ одиннадцать акціонерныхъ банковъ, пока условіе о недопущеніи въ каждой губерніи совмѣстной дѣятельности двухъ банковъ, не считая общества взаимнаго поземельнаго кредита, не положило предѣла для дальнѣйшаго учрежденія новыхъ земельныхъ банковъ. По уставамъ послѣднихъ, норма ссудъ сравнительно съ обществомъ взаимнаго поземельнаго кредита и херсонскимъ земскимъ банкомъ повышена до 60% оцѣнки. Кромѣ того, съ самаго начала, какъ нормальныя, такъ и спеціальныя оцѣнки въ земельныхъ банкахъ установились выше, чѣмъ въ учрежденіяхъ, основанныхъ на круговой порукѣ *). Это обстоятельство не могло не привлекать къ нимъ заемщиковъ, въ особенности болѣе нуждающихся, и въ то же время давало поводъ для возникновенія въ обществѣ опасеній вредныхъ послѣдствій отъ развитія акціонернаго земельнаго кредита и его спекулятивнаго направленія. Подобныя опасенія не разъ высказывались какъ въ текущей прессѣ, такъ и въ нашихъ ученыхъ обществахъ. Остановимся на минуту на отношеніи послѣднихъ къ вопросу о земельномъ кредитѣ.

Въ январѣ 1873 года, вслѣдствіе предложенія министерства государственныхъ имуществъ обсудить нужды русскаго сельскохозяйства по докладу г. Кауфмана о поземельномъ кредитѣ, вопросъ этотъ усердно дебатировался въ отдѣленіи статистики и политической экономіи Императорскаго вольно-экономическаго общества, причемъ, какъ часто бываетъ въ многолюдныхъ собраніяхъ, отдѣленіе къ единодушному выводу не пришло; тѣмъ не менѣе большинство участвовавшихъ въ преніяхъ склонилось въ пользу рѣшительнаго предпочтенія формы общества взаимнаго поземельнаго кредита, признавая нежелательнымъ развитіе акціонерныхъ земельныхъ банковъ. Главнѣйшій доводъ, на который ссылались приверженцы общества взаимнаго поземельнаго кредита—относительная дешевизна ссудъ изъ общества взаимнаго поземельнаго кредита передъ земельными банками **). Какъ ока-

---

*) „Труды Высочайше утвержденнаго общества для содѣйствія русской промышленности и торговлѣ.—Докладъ коммиссіи для разсмотрѣнія условій существующаго въ Россіи земельнаго кредита". Спб. 1874 г., стр. 8—23.

**) „Труды общества для содѣйствія русской промышленности и торговлѣ.

залось впослѣдствіи, сомнѣнія высказанныя тогда на этотъ счетъ банковыми практиками, въ родѣ Л. Розенталя, до извѣстной степени оправдались. Какъ бы то ни было, увлеченіе обществомъ взаимнаго поземельнаго кредита, обнаружившееся въ вольномъ экономическомъ обществѣ, мы видимъ и въ докладѣ коммиссіи, учрежденной въ мартѣ 1874 года при обществѣ для содѣйствія русской промышленности и торговлѣ для разсмотрѣнія условій существующаго въ Россіи земельнаго кредита. Коммиссія эта, состоявшая изъ 14 членовъ и имѣвшая 11 засѣданій, въ своихъ трудахъ не могла не коснуться существенныхъ сторонъ вопроса о земельномъ кредитѣ въ Россіи и не освѣтить нѣкоторыхъ изъ крупныхъ недостатковъ послѣдняго. Въ заключеніе своего доклада коммиссія въ 30 пунктахъ перечислила цѣлый рядъ мѣръ, которыя могли бы, по ея мнѣнію, улучшить дѣло земельнаго кредита въ Россіи. Рекомендуя желающимъ ознакомиться съ подлиннымъ не безъинтереснымъ докладомъ коммиссіи, я съ своей стороны остановлюсь здѣсь только на нѣкоторыхъ, такъ-сказать принципіальныхъ, мѣрахъ, рекомендованныхъ коммиссіей *).

При томъ престижѣ, какимъ пользовалось въ это время общество взаимнаго поземельнаго кредита, и блаженномъ невѣдѣніи уже начавшихся въ немъ, какъ потомъ оказалось, самыхъ вопіющихъ злоупотребленій со стороны заправителей, коммиссія на первомъ мѣстѣ остановилась на дороговизнѣ акціонернаго земельнаго кредита и проектировала въ виду этого ограничить размѣръ выдаваемыхъ банкомъ долгосрочныхъ ссудъ по крайней мѣрѣ до 40% съ оцѣночной суммы имущества, представляемаго въ залогъ **). Эта мѣра предложена была съ цѣлью воспрепятствовать спекулятивному развитію акціонернаго земельнаго кредита и облегчить положеніе заемщиковъ, основываясь на слишкомъ простомъ соображеніи, что по меньшей ссудѣ легче нести срочные платежи; но подобная мѣра едва ли могла имѣть другія послѣдствія кромѣ стѣсненія для дѣятельности акціонерныхъ земельныхъ банковъ безъ пользы для нуждающихся въ кредитѣ. Къ такому заключенію приводитъ, между прочимъ, даже одно изъ заключе-

---

Докладъ коммиссіи", стр. 38 и слѣд. Между прочимъ коммиссія предлагала ввести въ правила банковъ обязательство для заемщиковъ ежегодно застраховывать свои поля отъ градобитія—мѣра для 1874 года едва ли не преждевременная, да и теперь сомнительно, чтобы большинство заемщиковъ вынесли ея тяжесть.

*) Тамъ же.

**) Тамъ же.

ній коммиссіи, именно тридцатое, если его сопоставить съ первымъ. Коммиссія предлагала: «ввести въ уставы акціонерныхъ земельныхъ банковъ постановленіе, предоставляющее заемщикамъ право получать подъ свои заложенныя въ этихъ банкахъ имущества дополнительныя ссуды изъ частныхъ рукъ по второй закладной, съ сохраненіемъ, однако, преимущественнаго права по удовлетворенію долга за банкомъ, первоначально выдававшимъ ссуду, подобно тому, какъ это уже допущено въ уставахъ городскихъ кредитныхъ обществъ и общества взаимнаго поземельнаго кредита»*). Такимъ образомъ коммиссія въ явномъ противорѣчіи съ собою подтверждаетъ въ послѣднемъ заключеніи недостаточность проектированной ею нормы ссудъ и косвенно отрицаетъ преувеличенный размѣръ ссудъ изъ земельныхъ банковъ, выказывая такую заботливость о вторыхъ закладныхъ. Замѣтимъ, что когда идетъ рѣчь о преувеличенныхъ оцѣнкахъ и ссудахъ изъ акціонерныхъ банковъ, то не слѣдуетъ забывать, что этотъ вопросъ касается на первомъ мѣстѣ интересовъ не заемщиковъ, а акціонеровъ, такъ какъ отъ неправильныхъ ссудъ страдаютъ прежде всего они. Притомъ если злоупотребленія земельныхъ банковъ, въ какомъ бы отношеніи они ни происходили, и могутъ подрывать довѣріе къ выпускнымъ или закладнымъ листамъ и тѣмъ наносить косвенный вредъ будущимъ заемщикамъ и владѣльцамъ закладныхъ листовъ, то ограниченіе процентной нормы ссудъ отъ этого нисколько не гарантируетъ. Правильная отчетность, гласность и строгій контроль—вотъ единственныя средства если не вполнѣ предупредить злоупотребленія, то по крайней мѣрѣ не дать послѣднимъ достигнуть предѣловъ, требующихъ вмѣшательства прокурорскаго надзора и судебной власти вообще.

Но если оставить въ сторонѣ злоупотребленія, то это еще вопросъ, что выгоднѣе для большинства заемщиковъ земельныхъ банковъ—приплачивать ли на ежегодныхъ платежахъ вслѣдствіе болѣе низкаго курса закладныхъ листовъ, или же не получить нужной суммы, благодаря оцѣнкѣ залога? Кому нужна незначительная сумма сравнительно съ залогомъ, тотъ, само собою разумѣется, обратится въ общество взаимнаго поземельнаго кредита, если условія погашенія здѣсь выгоднѣе; но для тѣхъ, кому этотъ источникъ недостаточенъ, дороговизна ссудъ изъ земельныхъ бан-

*) „Отчетъ московскаго земельнаго банка съ 1 сентября 1872 г. по 1 января 1874 г.", стр. 7.

ковъ будетъ весьма относительная, потому что безъ нихъ придется обратиться къ частнымъ займамъ. Пересматривая отчеты правленій нашихъ земельныхъ банковъ, не трудно убѣдиться, что какъ ни дорогъ открываемый ими кредитъ, все же онъ облегчаетъ задолженность землевладѣнія, замѣняя условія прежнихъ займовъ на болѣе легкія. Такъ, напримѣръ, московскій земельный банкъ въ теченіе перваго года со дня своего открытія погасилъ 191 закладную (сюда входитъ не одна сельская недвижимость, но и городская) на 1.816.879 рублей 45 коп., не говоря уже о перезалогѣ изъ другихъ кредитныхъ учрежденій, въ которыхъ условія ссудъ, очевидно, по мнѣнію заемщиковъ, были менѣе выгодны, чѣмъ въ московскомъ земельномъ банкѣ [1]).

Такимъ образомъ, въ виду изложенныхъ соображеній, толки о преувеличенныхъ вообще оцѣнкахъ земельными банками слѣдуетъ признать малоосновательными. Ихъ главный источникъ, вѣроятно, лежитъ въ жалобахъ владѣльцевъ частныхъ закладныхъ, которые, очень понадѣясь на банковую оцѣнку, додали остальные 40% подъ обезпеченіе вторыми закладными. Вѣдь еслибы чрезмѣрныя ссуды составляли общее явленіе, то послѣднее трудно бы было совмѣстить съ значительными дивидендами, которые выдаютъ большинство земельныхъ банковъ своимъ акціонерамъ. А въ этомъ отношеніи мы видимъ слѣдующее. Дивиденды равнялись:

	Банки.										
	Харьковск.	Полтавск.	С.-Петерб.-Тульскій.	Московск.	Бессараб.-Таврическ.	Нижегор.-Самарскій.	Кіевскій.	Виленскій.	Ярослав.-Костромск.	Донской.	Саратов.-Симбирск.
Къ 1 января											
„ 1874 г.	17.13%	16.5	18.54	16.07	22.00	9.43	14.24	4.35	19.5	6.35	—
„ 1875 г.	14.10	13.16	9.44	13.43	12.40	10.00	12.56	8.00	8.00	6.00	5.48
„ 1876 г.	12.98	16.03	10.69	13.60	10.00	12.00	14.00	9.60	8.82	10.10	8.25
„ 1877 г.	12.83	11.10	8.93	15.25	3.00	9.42	14.64	11.60	6.00	8.00	7.10
„ 1878 г.	11.93	10.00	10.00	13.84	0.00	12.00	12.00	13.00	7.90	10.00	6.22
Въ среднемъ.	13.79	13.36	11.52	14.44	9.48	10.57	15.29	9.31	10.04	8.09	6.75 [2])

Конечно, преувеличенныя оцѣнки, безъ сомнѣнія, бываютъ, но это—злоупотребленія, которыя хотя встрѣчаются и рѣже въ об-

---

[1]) Тамъ же.

[2]) „Уставъ русскихъ земельныхъ банковъ съ разъясненіемъ вопросовъ, возникшихъ на практикѣ при его примѣненія. Первое дополненіе“.

ществѣ взаимнаго поземельнаго кредита и херсонскомъ земельномъ банкѣ, но и послѣдніе едва ли не избавлены отъ нихъ. Не слѣдуетъ забывать еще, что въ убыткахъ кредитныхъ учрежденій по продажамъ заложенныхъ имѣній вина отчасти падаетъ и на недобросовѣстность заемщиковъ. Послѣдніе, обременивъ свое имѣніе долгами, нерѣдко прибѣгаютъ къ разнообразнымъ пріемамъ обезцѣненія залога, какъ фактичести раззоряя имѣніе, такъ и путемъ арендныхъ контрактовъ, заключаемыхъ до и послѣ залога имущества. Вотъ почему вопросъ относительно обезцѣненія залога и объ арендныхъ договорахъ обратилъ на себя вниманіе уже перваго съѣзда представителей учрежденій русскаго земельнаго кредита и затѣмъ разсматривался на всѣхъ послѣдующихъ съѣздахъ. Наши гражданскіе законы и судебные порядки мало ограждаютъ съ этой стороны интересы банковъ и косвенно владѣльцевъ закладныхъ листовъ. Заемщикъ можетъ заключить фиктивный долголѣтній арендый договоръ по ничтожной годовой платѣ; можетъ сдать въ аренду на продолжительный срокъ, получивъ разомъ арендную плату, а въ виду 1703 ст. X т. Св. Закон. въ контрактѣ оговорить, что плата взята впередъ только за годъ. Въ примѣръ этому можно привести такой случай: имѣніе, заложенное въ одномъ изъ земельныхъ банковъ, было отдано въ аренду на 12 лѣтъ, съ платою въ первый годъ 68.000 р., а за остальные по 2.000 руб., причемъ плата взята всего за годъ впередъ *).

Убытки при продажѣ заложенныхъ имѣній, отъ которыхъ страдали вначалѣ одни акціонерные земельные банки, въ послѣднее время констатируются и въ отчетахъ учрежденій, основанныхъ на круговой порукѣ. Возьмемъ наиболѣе счастливое и солидное учрежденіе земельнаго кредита — херсонскій земскій банкъ: до 187⁵/₆ года вырученная при продажѣ съ публичныхъ торговъ просроченныхъ имѣній сумма постоянно превышала даже оцѣночную сумму. А въ отчетахъ за 187⁵/₆ г. за 21 имѣніе, съ которыхъ слѣдовало банку 418.111 руб. 56 к., выручено, не считая крѣпостныхъ пошлинъ и т. п., всего только 481.832 р., т. е. значительно менѣе оцѣночной суммы, причемъ однако банкъ еще не потерпѣлъ убытка **). Но затѣмъ въ слѣдующемъ году поло-

*) Стеногр. отч. I съѣзда. Сбрн. мот. III съѣзда. Сб. пост. III съѣзда. Стен отч. III съѣзда, стр. 141—147. Сб. ход. III съѣзда, стр. 11. Стеногр. отч. IV съѣзда, стр. 1, 152 и слѣд. Стеногр. отч. IV съѣзда, стр. 163.

**) „Отчетъ правленія земельнаго банка Херсонской губ. за двѣнадцатый годъ его существованія“, стр. 31.

женіе съ этой стороны становится еще хуже. Изъ проданныхъ 64 имѣній только 36 пошли на торгахъ безъ убытка для банка, именно съ нихъ слѣдовало въ пользу банка 857.551 р. 81 к., а выручено 983.442 р., остальные же 28 имѣній остались за банкомъ и при продажѣ ихъ банкъ потерялъ 127.530 р. 92 к.*). Въ $187^7/_8$ году безъ убытка для банка продано 33 имѣнія, съ которыхъ слѣдовало банку 597.677 р. 29 коп., а выручено на торгахъ 725.530 р.; затѣмъ 29 имѣній, поступившихъ въ собственность банка, проданы были за 805.781 р. 47 к., причемъ банкъ понесъ убытку 70.514 р. 20 к.**).

Обращаясь къ выясненію подобнаго явленія даже въ солидномъ херсонскомъ банкѣ, мы не можемъ согласиться съ объясненіемъ отчета, который главную причину видитъ въ послѣдовательныхъ неурожаяхъ, безденежьѣ, застоѣ торговли и т. п. Предумышленное обремененіе имѣнія долгомъ съ цѣлью не выкупить его и умышленное и нерѣдкое въ подобныхъ случаяхъ обезцѣненіе залога не могли не играть большой роли. На это указываетъ, между прочимъ, то обстоятельство, что по большинству проданныхъ имѣній существовали рядомъ съ обязательствомъ банку и частныя закладныя. Такъ въ $187^5/_6$ г. только на 4-хъ имѣніяхъ не было вторыхъ закладныхъ, а всего послѣднихъ было на сумму 245.742 р.; на проданныхъ же съ аукціона въ $187^6/_7$ г. было частныхъ закладныхъ на сумму 307.762 р. и т. д. Какъ бы то ни было, если современные факты не оправдываютъ вполнѣ весьма распространеннаго въ первое время дѣятельности нашихъ земельныхъ банковъ мнѣнія о преувеличенныхъ оцѣнкахъ и т. п., тѣмъ не менѣе нельзя не признать въ нашихъ акціонерныхъ земельныхъ банкахъ болѣе спекулятивнаго направленія, чѣмъ въ учрежденіяхъ, основанныхъ на круговой порукѣ. Признавая поддержку, со стороны кредитныхъ учрежденій, спекуляціи вообще вредною для народнаго хозяйства, нельзя не отдать поэтому предпочтенія учрежденіямъ въ родѣ херсонскаго земскаго банка и не желать разграниченія ссудъ подъ залогъ городскихъ имуществъ отъ земельнаго кредита въ тѣсномъ смыслѣ. Въ самомъ дѣлѣ, городскія имущества обыкновенно представляютъ болѣе удобную почву для спекуляціи, чѣмъ сельскія, и потому въ интересахъ сельскаго хозяйства, для большей прочности и солидности кредита слѣдовало бы не связывать ихъ судьбу въ однихъ и тѣхъ же

*) „Отчетъ за 13-й годъ“, стр. 38.

**) „Отчетъ за 14-й годъ“, стр. 38.

учрежденіяхъ. Въ этомъ отношеніи наши *земельные* банки сильно уклонились отъ своей основной задачи, на которую указываетъ уже самое названіе ихъ. Въ настоящее время только херсонскій земскій банкъ и общество взаимнаго поземельнаго кредита можно считать земельно-кредитными учрежденіями въ тѣсномъ смыслѣ, въ сферу же дѣятельности земельныхъ банковъ входитъ выдача ссудъ подъ залогъ городскихъ недвижимыхъ имуществъ наравнѣ съ сельскими. Благодаря этому, вмѣсто поддержки сельскаго хозяйства и землевладѣльцевъ, наши земельные банки стали играть не послѣднюю роль въ поддержкѣ спекуляціи домами въ большихъ городахъ *). Посмотримъ, какую долю изъ выданныхъ ссудъ земельныхъ банковъ поглощаетъ кредитъ подъ обезпеченіе сельской недвижимости и городской. Вотъ что мы видимъ въ балансѣ земельно-кредитныхъ учрежденій къ 1-му января 1879 года:

№№		Сумма ссудъ.	Въ томъ числѣ.		
			Ссуды подъ сельскую недвижим. %.	Ссуды подъ городск. %.	Ссуды краткосрочныя. %.
1	Харьковскій	38.259	83.7	16.3	—
2	Московскій	38.029	81.0	18.8	0.2
3	Бессарабско-Таврическій	20.050	53.1	43.9	3.0
4	С.-Петербурго-Тульскій	18.883	48.1	50.5	1.3
5	Кіевскій	18.154	86.6	12.8	0.6
6	Полтавскій	16.103	75.1	22.8	2.1
7	Виленскій	13.799	83.8	15.4	0.7
8	Нижегородско-Самарскій	12.613	79.0	18.3	2.7
9	Саратово-Симбирскій	7.753	74.4	25.6	—
10	Донской	5.818	76.0	22.5	1.5
11	Ярославско-Костромской	4.178	55.6	37.4	7.0
	ИТОГО всѣ акціонерные банки	193.639	74.6	24.3	1.1
12	Общество взаимнаго кредита	134.774	93.5	—	6.5
13	Херсонскій земскій	49.778	100.0	—	—
14	Нижегородскій дворянскій	6.149	45.8	54.2	—
	ИТОГО	190.701	93.6	1.8	4.6

Приведенная таблица показываетъ, что въ нѣкоторыхъ изъ земельныхъ банковъ ссуды подъ залогъ городской недвижимости составляютъ весьма значительный процентъ всѣхъ выданныхъ ссудъ, причемъ въ особенности выдѣляется с.-петербурго-тульскій, въ которомъ однѣ долгосрочныя ссуды подъ залогъ город-

*) Стеногр. отч. I съѣзда, стр. 50 и слѣд.

ской недвижимости превышаютъ половину всѣхъ ссудъ. Такая ненормальная постановка дѣла, какъ извѣстно, въ послѣднее время обратила на себя вниманіе правительства и между прочимъ послужила поводомъ къ отказу этому банку въ выпускѣ новой серіи закладныхъ листовъ.

Въ вопросѣ о кредитѣ весьма существенную сторону представляетъ его относительная дешевизна. Дешевый и удобный кредитъ—вотъ главная задача всякаго кредитнаго учрежденія. Но понятіе о дороговизнѣ слишкомъ условное понятіе и на немъ нельзя не остановиться, поэтому, въ изслѣдованіи о поземельномъ кредитѣ. Кому нѣ приходилось слышать, что дороговизна земельныхъ ссудъ задерживаетъ развитіе нашего сельскаго хозяйства, что сельское хозяйство въ Россіи обыкновенно приноситъ 6—7% и что поэтому наше крупное землевладѣніе не въ состояніи безъ раззоренія уплачивать въ банкъ 8—9% по ссудѣ. Сѣтуя на столь печальное несоотвѣтствіе платежныхъ средствъ заемщиковъ и обязательныхъ платежей, на этомъ не останавливаются и указываютъ иногда на тѣ или другіе способы, чтобы выйти изъ такого положенія и избавиться отъ гнета теперешнихъ земельныхъ банковъ. Стремленіе удешевить кредитъ и сдѣлать его по возможности необременительнымъ для нуждающихся землевладѣльцевъ—вполнѣ законно, и мы охотно станемъ защищать всякія справедливыя требованія и основательныя предложенія въ этомъ смыслѣ. Но при этомъ не слѣдуетъ однако увлекаться и слишкомъ односторонне смотрѣть на дѣло. Замѣтимъ прежде всего, что положеніе о необходимости для сельскаго хозяйства болѣе дешеваго кредита, потому что доходъ отъ сельскаго хозяйства въ среднемъ не превышаетъ шести-семи процентовъ, весьма убѣдительное съ перваго взгляда, при ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается однимъ изъ экономическихъ софизмовъ. Въ самомъ дѣлѣ, спросите того, кто вамъ скажетъ, что сельское хозяйство, или правильнѣе—земельная собственность, приноситъ не болѣе шести процентовъ, дальнѣйшія поясненія, и вамъ объяснятъ слѣдующее: если мое имѣніе даетъ ежегоднаго дохода 6.000 руб., то я могу продать его за 100.000 руб., и, наоборотъ, покупая имѣніе, я буду разсчитывать, чтобы затраченный на покупку капиталъ приносилъ 6—7%. Вслѣдствіе такого процентнаго выраженія доходности имѣнія, съ возрастаніемъ послѣдней будетъ расти продажная цѣна на землю, а собственникъ ея все будетъ твердить о 6—7% доходности, хотя бы самъ онъ заплатилъ за

имѣніе 100.000 руб. и имѣетъ теперь не 6, а 12.000 руб. годоваго дохода. Вся разница, что этотъ доходъ онъ будетъ относить не къ 100.000 руб., а къ 200.000 руб., если по цѣнамъ даннаго времени его имѣніе могутъ купить за эту сумму.

Поэтому въ такихъ странахъ, какъ Россія, гдѣ возрастаніе цѣнъ на землю можно считать обезпеченнымъ на долгое время,— долгосрочный заемъ съ опредѣленнымъ неизмѣннымъ годовымъ платежомъ, параллельно съ увеличеніемъ денежнаго дохода, становится для владѣльца все легче и легче, лишь бы послѣдній, пользуясь увеличеніемъ капитальной цѣнности имѣнія, не обременялъ его новыми долгами. Но, независимо отъ сдѣланныхъ соображеній, неосновательно думать, что земельный кредитъ выгоденъ для сельскаго хозяйства лишь при томъ условіи, что процентъ по займамъ будетъ не выше процентной доходности сельскаго хозяйства. Въ дѣйствительности землевладѣлецъ, дѣлая заемъ съ производительною цѣлью, разсчитываетъ совсѣмъ иначе. Онъ не сравниваетъ процента, какой даетъ сельское хозяйство, съ тѣмъ, какой нужно платить въ банкъ; для него важно только одно—чтобы заемный капиталъ приносилъ или сберегалъ большую сумму дохода, чѣмъ та, которую нужно уплачивать за ссуду. Такъ, напримѣръ, 12% интереса и погашенія по ссудѣ въ 10.000 р. для землевладѣльца будетъ весьма выгодно, если, затративъ этотъ капиталъ, онъ увеличитъ свой годовой доходъ съ имѣнія, положимъ, на 1.500 р., или, благодаря сдѣланному на эти деньги ремонту, онъ предупредитъ неизбѣжное пониженіе доходности на 1½—2.000 р., хотя бы общая доходность со всего имѣнія при этомъ не превысила 6—7% съ цѣнности имѣнія. Вотъ единственно правильная, по нашему мнѣнію, точка зрѣнія при оцѣнкѣ относительной дороговизны кредита. Возьмемъ еще другой примѣръ. Лицо, обладающее сельско-хозяйственною опытностью и знаніями, покупаетъ имѣніе за 100.000 руб. съ переводомъ долга въ 60.000 руб. въ банкъ. Прежняя доходность имѣнія 7.000 руб., а платежей въ банкъ по 9%—5.400 рублей. При таковомъ разсчетѣ владѣльцу остается только 1.600 руб. Но примемъ во вниманіе, что новый владѣлецъ получаетъ возможность примѣнять свои знанія на собственномъ имѣніи, доходность котораго, безъ сомнѣнія, вслѣдствіе этого возвысится, и кромѣ того, уплачивая 5.400 руб., онъ вмѣстѣ съ тѣмъ погашаетъ долгъ, т. е. накопляетъ капиталъ,—мы безъ труда поймемъ, что и въ подобномъ случаѣ кредитъ окажется выгоднымъ,

несмотря на то, что процентъ доходности имѣнія будетъ нѣсколько ниже банковаго процента.

Такимъ образомъ на основаніи сдѣланныхъ соображеній мы смѣемъ думать, что главный источникъ жалобъ на дорогизну земельнаго кредита лежитъ въ отсутствіи сельско-хозяйственныхъ знаній и опытности у большинства нашихъ землевладѣльцевъ и въ неумѣньи вести свои дѣла, что отражается, какъ мы увидимъ, и на самомъ земельномъ кредитѣ. Дѣло въ томъ, что нисколько не отрицая, что до извѣстной степени можно бы было удешевить существующій кредитъ, мы однако убѣждены въ томъ, что ежегодные платежи въ кредитное учрежденіе всегда останутся нѣсколько выше средней доходности имѣнія, если мы приведемъ то и другое къ процентному отношенію. Но и при теперешней прославленной дороговизнѣ едва ли намъ укажутъ хорошихъ хозяевъ, которые, прибѣгнувъ къ содѣйствію земельно - кредитныхъ учрежденій, раскаявались бы потомъ и не извлекали бы изъ этого выгоды. Послушаемъ однако, что говорятъ наивные или слишкомъ безцеремонные защитники интересовъ землевладѣнія. За послѣдніе годы въ одномъ изъ нашихъ черноземныхъ земствъ, именно въ полтавскомъ, сдѣлана иниціатива въ смыслѣ крупнаго земельнаго кредита, заслуживающая серьезнаго вниманія по той тенденціи, которою она проникнута. Къ сожалѣнію, несмотря на то, что однимъ изъ дѣятельныхъ участниковъ въ выработкѣ проектовъ была помѣщена статья въ *Вѣстникъ Европы*, развивавшая идеи, одобренныя полтавскими земцами, она не встрѣтила въ литературѣ того отпора, какого вполнѣ заслуживала.

Я разумѣю здѣсь статью г. Н. фонъ-Принтца—«Земельные банки и землевладѣніе»*). Какъ и слѣдуетъ ожидать, авторъ прежде всего нападаетъ на эксплуатацію нашего землевладѣнія акціонерными банками. Указывая на то, что земельные банки, кромѣ единовременной однопроцентной преміи, взимаютъ ежегодно 1% съ выданной ссуды на покрытіе издержекъ управленія, въ запасный капиталъ и дивидендъ акціонерамъ **), и считая $^1/_4$%

*) *Вѣстникъ Европы* 1879 г., № 11. Въ примѣчаніи авторъ говоритъ, что статья содержитъ заключительные выводы изъ матеріаловъ, собранныхъ имъ и предложенныхъ въ распоряженіе земства Полтавской губерніи.

**) Здѣсь г. Принтцъ впалъ въ маленькую погрѣшность: „По долгосрочнымъ ссудамъ заемщикъ обязанъ уплачивать съ занятой имъ суммы на составленіе запаснаго капитала банка, въ дивидендъ акціонеровъ и на расходы по управленію банка сумму въ опредѣленномъ общимъ собраніемъ размѣрѣ, *но*

вполнѣ достаточнымъ на расходы управленія, г. Принтцъ говоритъ: «Такимъ образомъ остальные $^3/_4$%, взимаемые акціонерными земельными банками, идутъ на образованіе запаснаго капитала и въ дивидендъ акціонерамъ. Сколь ни разнообразны теоріи экономистовъ, ни одна изъ нихъ до сихъ поръ не доходила еще до утвержденія, что можно бы было отнести составленіе капитала не на средства тѣхъ лицъ, которыя пользуются всѣми выгодами предпріятія, а на средства тѣхъ, которыми эти выгоды доставляются; между тѣмъ уставы акціонерныхъ земельныхъ банковъ обязываютъ составлять запасный капиталъ акціонерамъ не ихъ самихъ, а заемщиковъ». Это по мнѣнію г. Принтца есть дѣло величайшей несправедливости. Оставимъ пока въ сторонѣ наивную ссылку автора на экономическія теоріи и признаемъ, что для землевладѣльцевъ - заемщиковъ было бы весьма пріятно участіе въ прибыляхъ банка, въ чемъ имъ рѣшительно и, по мнѣнію г. Принтца, несправедливо отказываютъ суровые уставы земельныхъ банковъ. «Послѣ этого нечему удивляться,—говоритъ г. Принтцъ,—если находятся заемщики, которые, пользуясь неопредѣленностью устава, при несостоятельности своей къ уплатѣ срочныхъ платежей, прибѣгаютъ къ мѣрамъ убыточнымъ для банковъ, раззоряя передъ временемъ публичныхъ торговъ свои имѣнія или отдавая ихъ въ долгосрочную аренду за низкія цѣны. *Это—не болѣе какъ отчаянное средство самообороны*». Мы знаемъ однако, что къ подобной самооборонѣ прибѣгаютъ не въ однихъ акціонерныхъ банкахъ; она имѣетъ мѣсто и въ учрежденіяхъ, основанныхъ на началѣ круговой поруки. Послѣ столь безцеремоннаго возведенія поступковъ недобросовѣстныхъ заемщиковъ на степень самообороны уже легко оправдать всякія мѣры содѣйствія землевладѣльцамъ, лишь бы онѣ были выгодны имъ.

Экономическія теоріи, на которыя довольно наивно сослался г. Принтцъ, учатъ, что, за уплатою всѣхъ заранѣе опредѣленныхъ издержекъ и другихъ расходовъ, все, что остается отъ предпріятія, идетъ въ пользу предпринимателей или въ нашемъ случаѣ акціонеровъ земельныхъ банковъ. Поэтому, чтобъ удешевить земельный кредитъ на ту часть, какая обращается въ дивидендъ акціонеровъ, самый естественный путь—стать самимъ землевладѣльцамъ-заемщикамъ на мѣсто предпринимателей, что

не болѣе $^3/_4$ процента".—„Уставъ русскихъ земельныхъ банковъ съ разъясненіемъ вопросовъ, возникшихъ на практикѣ при его примѣненіи", § 34.

и имѣетъ полное примѣненіе, напримѣръ, въ херсонскомъ земскомъ банкѣ. Но г. Принтцъ знаетъ болѣе удобный способъ. По его мнѣнію, «самая желательная мѣра заключалась бы во взятіи всего дѣла долгосрочнаго кредита снова въ руки правительства». Теперь правительство взимаетъ съ крестьянъ по 6 коп. на рубль съ выкупной ссуды, считая и погашеніе. Еслибы распространить это благодѣяніе и на остальныхъ землевладѣльцевъ, то, кромѣ единовременнаго сокращенія капитальнаго долга на 3—4%, срочные платежи уменьшились бы на 1/5 часть, т. е. пришли бы въ соотвѣтствіе съ тѣмъ размѣромъ ежегоднаго годоваго дохода, который даетъ наша земельная собственность. Такое сокращеніе срочныхъ платежей имѣло бы значеніе не только въ исключительныхъ выгодахъ частнаго землевладѣнія, но и съ точки зрѣнія государственной. Въ настоящее время земельная собственность, кромѣ выполненія мѣстныхъ повинностей, привлечена въ нѣкоторой доли къ участію въ государственныхъ расходахъ, подъ видомъ взимаемаго съ него государственнаго налога. Съ теченіемъ времени надо ожидать, что собственность эта будетъ еще болѣе обременена сборами въ пользу государственной казны, а для этого необходимо, чтобъ она обладала достаточною платежною способностью. Какъ скоро однако самая значительная часть земельной собственности отягощена срочными платежами по долгосрочнымъ займамъ въ такомъ размѣрѣ, что еле ихъ выноситъ, то очевидно, что обложеніе ея болѣе тяжелыми налогами, чѣмъ тѣ, которые взимаются съ нея въ настоящее время, окончательно погубитъ настоящихъ землевладѣльцевъ. Указывая дѣйствительно весьма удобный для землевладѣльцевъ способъ помощи, даже самъ г. Принтцъ сомнѣвается, чтобы правительство убѣдилось его доводами, и потому предлагаетъ на всякій случай другое средство—образованіе новаго общества долгосрочнаго кредита изъ самихъ землевладѣльцевъ, при посредствѣ котораго владѣльцы заложенныхъ имѣній могли бы получить кредитъ на болѣе снисходительныхъ условіяхъ, чѣмъ настоящія. Я не буду входить въ разборъ проекта г. Принтца, а замѣчу только, что по этому проекту, ссылаясь на примѣры херсонскаго земскаго банка и общества взаимнаго поземельнаго кредита, авторъ разсчитываетъ на поддержку со стороны правительства если и не въ формѣ субсидіи, то все же несомнѣнно матеріальную.

Между тѣмъ сдѣланный нами историческій очеркъ убѣждаетъ, что щедрая поддержка землевладѣльцевъ дешевымъ правитель-

ственнымъ кредитомъ имѣла слишкомъ мало хорошихъ результатовъ съ обще-государственной точки зрѣнія, а поддержка херсонскаго земскаго банка и общества взаимнаго поземельнаго кредита, т. е. землевладѣльцевъ, пожелавшихъ взять дѣло земельнаго кредита въ свои руки, можетъ служить лишь доказательствомъ того, что правительство сдѣлало и такъ уже довольно въ интересахъ крупнаго земельнаго кредита. При этомъ изъ сравненія херсонскаго земскаго банка съ обществомъ взаимнаго поземельнаго кредита оказывается, что первый съ меньшимъ содѣйствіемъ правительства достигъ гораздо большаго результата въ дѣлѣ удешевленія ссудъ, чѣмъ общество взаимнаго поземельнаго кредита; иначе говоря, главная суть — не въ правительственной субсидіи, а въ правильной постановкѣ дѣла и въ энергіи самихъ землевладѣльцевъ. Любопытная исторія общества взаимнаго кредита подтверждаетъ это какъ нельзя лучше, почему мы на ней и остановимся, тѣмъ болѣе, что ее нельзя пройти молчаніемъ въ очеркѣ крупнаго поземельнаго кредита въ Россіи.

Общество взаимнаго поземельнаго кредита возникло, по иниціативѣ крупныхъ землевладѣльцевъ, на началахъ круговой поруки, при полномъ отсутствіи учредительскаго элемента въ смыслѣ неизбѣжнаго участника въ прибыляхъ предпріятія. Именно лица, признанныя учредителями, составили первоначальный капиталъ паевыми взносами, по которымъ имѣли право до окончательнаго возврата паевъ, который и сдѣланъ по постановленію общаго собранія 1870 года, получать всего лишь 5% годовыхъ. Но, независимо отъ столь выгодныхъ для общества условій образованія первоначальнаго капитала, правительство не замедлило придти къ нему съ крупною помощью въ формѣ вспомогательнаго капитала, значеніе котораго я уже имѣлъ случай выяснить раньше. Такимъ образомъ, казалось, все благопріятствовало новому учрежденію. Но апатія, безпечность и усвоенная большинствомъ помѣщичьяго класса за время крѣпостнаго права привычка, чтобы за нихъ думали другіе, не замедлили принести свои плоды.

Первые годы, благодаря вспомогательному капиталу, сносному денежному курсу и т. п., заправителямъ не трудно было очаровывать членовъ-заемщиковъ, составлявшихъ общія собранія, блестящимъ съ внѣшней стороны положеніемъ дѣла. Общія же собранія, не пытаясь вникнуть въ сокровенный смыслъ представляемыхъ правленіемъ отчетовъ, довольствовались тѣмъ, что ут-

верждали всѣ предложенія, исходившія отъ правленія, и благодарили, щедро увеличивая содержаніе какъ управляющаго дѣлами общества, такъ и другихъ служащихъ. Съ своей стороны стоявшіе во главѣ не дремали. Быть у кормила правленія многомилліоннаго учрежденія и не сдѣлать для себя изъ этого разнообразныхъ источниковъ дохода — это предполагаетъ нѣсколько большее развитіе чувства долга и добросовѣстности, чѣмъ то, какимъ обладали Герстфельдъ и К°. Перечитывая теперь отчеты правленія общества взаимнаго поземельнаго кредита, начиная съ открытія его дѣятельности и вплоть до юхонцевскаго краха, нельзя не изумляться полной довѣрчивости членовъ-заемщиковъ, составлявшихъ общія собранія. Правда, нельзя вмѣстѣ съ тѣмъ не отдать справедливости той ловкости, съ которою Герстфельдъ, заручившись этимъ довѣріемъ, создалъ полный просторъ для своихъ дѣйствій. Прежде всего одинъ изъ существенныхъ недостатковъ общества взаимнаго поземельнаго кредита — затруднительность, вслѣдствіе громаднаго числа членовъ, слѣдить за ходомъ дѣла и направлять его къ выгодѣ участниковъ—былъ доведенъ Герстфельдомъ до nec plus ultra. Роль окружныхъ собраній, представлявшихъ слабую палліативу указаннаго недостатка, управляющимъ была сведена къ нулю. Самое открытіе окружныхъ правленій, обусловливаемое вначалѣ числомъ не менѣе 20-ти заемщиковъ въ губерніи, при ссудѣ не менѣе милліона, съ 1871 г. предоставлено было правленіемъ усмотрѣнію Герстфельда. Вмѣстѣ съ тѣмъ послѣднему удалось ввести въ организацію новый, чисто-бюрократическій и не предусмотрѣнный первоначальнымъ уставомъ, элементъ—управляющихъ округами, являвшихся простыми наемниками, назначаемыми центральнымъ правленіемъ, т. е. Герстфельдомъ, и не связанными съ интересами мѣстныхъ заемщиковъ-землевладѣльцевъ. При такой системѣ Герстфельдъ дѣлался владыкою не только въ центральномъ правленіи, но и въ его окружныхъ развѣтвленіяхъ. Обставившись во всѣхъ отношеніяхъ весьма искусно, онъ могъ затѣмъ спокойно наслаждаться плодами своихъ усилій, тѣмъ болѣе, что всѣ важнѣйшіе пріемы составленія искуственныхъ общихъ собраній ему были не безъизвѣстны. Укажемъ на существеннѣйшее изъ совершеннаго имъ въ несомнѣнный ущербъ членовъ заемщиковъ.

Опираясь на § 56 Устава о запродажѣ закладныхъ листовъ, Герстфельдъ тремя послѣдовательными договорами съ иностранными банкирскими домами Ротшильда и Блейхредера выдалъ по-

слѣднимъ, что называется головою, довѣрившееся ему общество. Нисколько не оправдываемое биржевымъ курсомъ и другими обстоятельствами назначеніе чрезмѣрно высокой преміи за коммиссію, самое грубое отступленіе отъ устава во вредъ заемщикамъ— безцеремонно было пущено въ ходъ. Такъ по контракту, заключенному въ 1874 г., иностраннымъ банкирамъ было предоставлено: ½% за коммиссію при продажѣ и ½% коммиссіонныхъ за публичную подписку со всѣхъ листовъ, на которые подпишется публика какъ за границею, такъ и въ Россіи; кромѣ того ½% за переводъ суммъ, вырученныхъ за продажу листовъ. Нечего и говорить, что при заключеніи подобныхъ условій было вполнѣ игнорировано требованіе устава, чтобы премія при продажѣ закладныхъ листовъ, если того пожелаютъ заемщики (въ данномъ случаѣ запродажа была сдѣлана впередъ на нѣсколько серій), не превышала ¼%. Далѣе, несмотря на то, что въ моментъ заключенія договора курсъ на закладные листы общества взаимнаго поземельнаго кредита стоялъ на берлинской биржѣ 90, услужливые банкиры-коммиссіонеры выговорили себѣ изъ вырученной суммы при реализаціи листовъ сверхъ 80 руб. до 84 руб. за 100—двадцать пять процентовъ, а съ цѣны превышающей 84 р.—ни болѣе, ни менѣе какъ 50%. Это, полагая курсъ листовъ равнымъ 90 р., означало 4 р. металлическихъ съ каждаго листа, а на всѣ 500.000 листовъ пяти выговоренныхъ серій—2.000.000 руб. *).

Передъ такой коммиссіонною платой блѣднѣютъ дивиденды акціонерныхъ земельныхъ банковъ, на которые такъ нападаютъ защитники землевладѣльцевъ.

Всѣ эти и другія злоупотребленія довѣріемъ общества, какъ извѣстно, въ концѣ концовъ завершились грандіозною кражей, совершенной въ теченіе 5 лѣтъ (1873—1877 г.) кассиромъ Юхонцевымъ. По злой ироніи судьбы, послѣдній похитилъ какъ разъ изъ того самаго вспомогательнаго капитала, который былъ данъ правительствомъ для «еще большаго содѣйствія обществу». По обнаруженной 28 марта 1878 г. *растратѣ*, оказалось похищен-

*) Докладъ особой коммиссіи, избранной чрезвычайнымъ общимъ собраніемъ общества взаимнаго поземельнаго кредита 9—15 мая 1878 г. Довольно обстоятельный и интересный разборъ подробностей контрактовъ по запродажѣ закладныхъ листовъ, а равно и очеркъ внутреннихъ порядковъ общ. вз. поз. кредита въ герстфельдъ-юхонцевскую эпоху сдѣланъ въ статьѣ П. М. М—ѣдова: „Общ. взаимнаго позем. кредита. Эпизодъ изъ исторіи нашихъ земельныхъ банковъ". *Русская Рѣчь* 1880 г., кн. 1 и 4.

нымъ въ разныхъ бумагахъ 1.784.320 р. номинальныхъ, или по биржевой цѣнѣ 1 апрѣля 1878 года на сумму 2.123.205 руб. Исчезновеніе такого громаднаго капитала, который такъ или иначе необходимо было пополнить, весьма понятно, не могло не опечалить членовъ-заемщиковъ; однако, горюя объ этой потерѣ, они не должны упускать изъ виду, что капиталъ этотъ принадлежитъ правительству и что пополненіе растраты въ сущности ляжетъ на доходы отъ вспомогательнаго капитала, не коснувшись въ тѣсномъ смыслѣ кармановъ членовъ общества.

Читая доклады коммиссіи, избранной по случаю обнаруженной растраты, не трудно убѣдиться, что главная причина эпопеи, завершившейся юхонцевскою кражей, лежитъ съ одной стороны въ нѣкоторыхъ органическихъ недостаткахъ организаціи общества взаимнаго поземельнаго кредита, а затѣмъ на первомъ мѣстѣ слѣдуетъ поставить слишкомъ апатичное отношеніе землевладѣльцевъ къ своему дѣлу. Еслибы не это, въ управленіи никогда не могли бы завестись такіе порядки, основанные на круговомъ довѣріи, какіе обнаружились благодаря юхонцевской кражѣ.

Исторія общества взаимнаго поземельнаго кредита вполнѣ подтвердила теоретическое соображеніе о томъ, что, при неограниченномъ районѣ дѣйствій и отсутствіи энергіи и живаго отношенія членовъ къ собственному дѣлу *), въ кредитныхъ учрежденіяхъ, основанныхъ на началѣ взаимности, на мѣсто акціонеровъ, получающихъ дивидендъ, можетъ стать еще болѣе опасный для интересовъ землевладѣльцевъ элементъ въ лицѣ фактическихъ заправителей дѣломъ, преслѣдующихъ главнымъ образомъ свои выгоды, хотя бы послѣднія расходились съ интересами общества, а при этомъ представители капитала всегда съумѣютъ такъ или иначе наложить свою руку къ невыгодѣ членовъ-заемщиковъ, какъ это мы видѣли, напримѣръ, въ отношеніи Ротшильда и Блейхредера къ злополучному обществу взаимнаго поземельнаго кредита.

Набрасывая очеркъ герстфельдъ-юхонцевскаго эпизода въ жизни общества взаимнаго поземельнаго кредита, скажемъ кстати о тѣхъ измѣненіяхъ, которыя были вызваны этимъ эпизодомъ. Памятное для членовъ общества чрезвычайное собраніе 9—15 мая 1878 года не могло не отнестись враждебно къ тѣмъ порядкамъ, благодаря которымъ обществу пришлось переживать тяжелые дни. Со-

*) Замѣчу, что то же самое можно предположить и относительно того новаго общества, которое проектировалъ г. Принтцъ въ *Вѣстникѣ Европы*.

браніе пришло къ убѣжденію въ необходимости реорганизовать округи въ смыслѣ большаго участія окружныхъ собраній въ рѣшеніяхъ общихъ собраній. Въ очередномъ собраніи 1879 года по вопросу объ измѣненіи отношенія окружныхъ собраній къ общимъ образовалось три партіи: 1) партія правленія, которая предлагала замѣну для текущихъ дѣлъ общаго собранія изъ всѣхъ заемщиковъ общими собраніями изъ однихъ уполномоченныхъ отъ округовъ, оставивъ общее собраніе изъ всѣхъ заемщиковъ только по вопросамъ первостепенной важности; 2) партія коммиссіи Апраксина, которая предлагала, не нарушая основныхъ правъ заемщиковъ, опредѣленныхъ уставомъ, на участіяхъ въ общихъ собраніяхъ: а) независимо отъ лицъ, имѣющихъ право непосредственнаго участія въ общихъ собраніяхъ, посылать сюда по два уполномоченныхъ отъ каждаго округа, избираемыхъ окружными или особыми собраніями; б) заемщикамъ, получившимъ въ ссуду не менѣе 10.000 р., предоставить право соединиться для составленія требуемаго для права голоса ценза, съ цѣлью выбора уполномоченныхъ отъ окружныхъ собраній и представителей въ общихъ; 3) партія князя Н. И. Вадбольскаго и Н. В. Вернадскаго, стоявшая за уничтоженіе неравноправности, существующей между крупными и мелкими заемщиками, и за предоставленіе всякому заемщику права активнаго участія въ общихъ собраніяхъ, независимо отъ цѣнности его залога. Въ общемъ собраніи большинство примкнуло къ проекту коммиссіи. Однако вопросъ о коренныхъ преобразованіяхъ организаціи общества не только не былъ рѣшенъ очереднымъ собраніемъ 1879 года, но и слѣдующее, несмотря на жаркія преніи объ этомъ, отложило до будущихъ собраній. Собраніе 1879 г., кромѣ упраздненія должностей управляющаго дѣлами общества и управляющихъ дѣлами округовъ и нѣкоторыхъ другихъ постановленій, связанныхъ непосредственно съ растратой Юхонцева, между прочимъ постановило: ходатайствовать предъ правительствомъ о предоставленіи обществу права выпуска закладныхъ листовъ на кредитный рубль, независимо отъ серій металлическихъ, и съ процентами не свыше шести годовыхъ.

Рядъ невыгодныхъ контрактовъ въ связи съ паденіемъ курса кредитнаго рубля и большими расходами правленія сдѣлали то, что ссуды для заемщиковъ общества взаимнаго поземельнаго кредита превратились изъ сравнительно легкихъ въ крайне обременительныя. Такъ 1870 г. цифра срочныхъ платежей опредѣлена

была, впредь до значительныхъ измѣненій курса, въ 6 р. 80 к. кредитными билетами, но затѣмъ мало-по-малу дошла до 9 руб., не считая особаго долга заемщиковъ, образовавшагося отъ приплатъ по курсовымъ разницамъ. Конечно, тѣ или другія измѣненія въ уставѣ и веденіе дѣлъ общества могутъ со-временемъ нѣсколько улучшить дѣло; но если, несмотря на «вспомогательный капиталъ», общество могло дойти до своего теперешняго печальнаго положенія, то это должно служить хорошимъ предостереженіемъ для предлагающихъ новые проекты съ цѣлью общаго освобожденія нашего крупнаго землевладѣнія отъ тягогостной задолженности. Кстати замѣчу здѣсь, что за послѣднее время ухудшеніе дѣлъ общества взаимнаго поземельнаго кредита послужило между прочимъ для правительства поводомъ къ отступленію въ пользу общества отъ первоначальныхъ условій, на которыхъ данъ вспомогательный капиталъ. Мы разумѣемъ здѣсь разрѣшеніе обществу не причислять процентовъ къ этому капиталу въ теченіе десяти лѣтъ, причемъ сумма тѣхъ процентовъ за $18^{79}/_{80}$ годъ, 320.090 рублей 3 коп., отчислена на покрытіе части долга въ 475.227 р. $94^{1}/_{4}$ к., образовавшагося на 1-е іюня 1880 г., къ курсовымъ разницамъ *).

Нельзя не пожалѣть, что, вмѣстѣ съ тѣмъ, имѣя въ виду указанное выше значеніе вспомогательнаго капитала, не сдѣлано отклоненія въ томъ смыслѣ, чтобъ обусловить будущій возвратъ его въ казну опредѣленнымъ срокомъ, а не ликвидаціей общества. Впрочемъ, разъ считается возможнымъ измѣнять условія въ пользу одной стороны, мы не видимъ причины, почему бы не исправить теперь же сдѣланнаго въ началѣ упущенія. Признавая, что интересы крупнаго землевладѣнія такъ же дороги для государства, какъ и мелкаго, тѣмъ не менѣе мы не можемъ считать справедливыми и выгодными для страны значительныя матеріальныя пожертвованія въ пользу крупнаго землевладѣнія, да притомъ еще наименѣе хозяйственной части его, т. е. такой, которую даже съ натяжкою нельзя признать носительницею сельско-хозяйственной культуры, изъ общихъ податныхъ сборовъ, участіе которыхъ пока опредѣляется въ обратномъ отношеніи съ чистымъ доходомъ отдѣльныхъ классовъ. Но мало этого: по нашему крайнему убѣжденію, государство не должно допускать и косвенной поддержки насчетъ главной массы плательщиковъ. А въ этомъ отношеніи

*) „Отчетъ правленія общ. взаимн. поз. кред за $18^{80}/_{81}$ годъ". Приложеніе.

сторонники крупнаго поземельнаго кредита имѣютъ удобную лазейку, на которую и посягаютъ. Я разумѣю здѣсь земство. Остановимся на рельефной попыткѣ самаго послѣдняго времени привлечь земство къ участію въ организаціи крупнаго земельнаго кредита.

Постановленіемъ полтавскаго губернскаго очереднаго собранія 8 октября 1879 года была избрана особая банковая коммиссія, которая и выработала «уставъ земскаго земельнаго банка» *), который, послѣ обсужденія его въ земскомъ собраніи 1880 года, былъ утвержденъ имъ съ нѣкоторыми измѣненіями. Посмотримъ на участіе земства, какъ оно опредѣлено въ проектированномъ уставѣ. «Для операцій банка и расходовъ на первое время, губернское земское собраніе разрѣшаетъ выдать правленію банка, заимообразно, по мѣрѣ надобности, изъ свободныхъ «суммъ губернскаго земства 100 т. рублей съ платежомъ 3% въ годъ» (§ 96). Далѣе, по § 101 дѣлами банка завѣдуетъ правленіе, находящееся въ г. Полтавѣ и помѣщающееся въ домѣ губернскаго земства.

На губернскую управу возлагаются различныя обязанности, увеличивающія ея трудъ, что, можно сказать навѣрное, послужитъ поводомъ, хотя и неявнымъ, къ увеличенію содержанія ея. А надо замѣтить, что полтавскіе земцы на этотъ счетъ не скупятся вообще и оклады предсѣдателя и членовъ губернской управы принадлежатъ уже теперь къ числу наиболѣе значительныхъ: такъ, предсѣдатель получаетъ пять тысячъ рублей, а три члена—по три тысячи руб. каждый **).

Но если даже такія косвенныя пожертвованія въ пользу проектируемаго учрежденія оставить въ сторонѣ, то тѣмъ не менѣе заемщики-землевладѣльцы, образовавъ земельный банкъ, удешевляютъ для себя кредитъ съ перваго же раза: 1) на счетъ процентовъ со 100 т. р. и земскаго капитала, на которомъ земство, т. е. земскіе плательщики, будетъ терять до 3% ежегодно и кромѣ того на ту наемную плату, которую пришлось бы расходовать банку, еслибъ онъ помѣщался не въ земскомъ домѣ. Кромѣ того, разъ земство приметъ участіе въ этомъ дѣлѣ, можно навѣрное предсказать, что, въ случаѣ дѣла̀ банка впослѣдствіи

---

*) Изъ членовъ банковой коммиссіи въ засѣданіяхъ ея принимали участіе: гг. А. И. Заборинскій, П. А. Волковъ, Г. Н. Навроцкій, А. В. Заленскій, И. Г. фонъ-Принтцъ и Д. К. Квитка.

**) „Сводъ журналовъ губ. собр. 1880 г.“, стр. 101.

пойдутъ худо, заинтересованнымъ землевладѣльцамъ, засѣдающимъ въ земскомъ собраніи, будетъ уже не трудно схлопотать еще о той или другой матеріальной помощи.

Полтавское губернское земское собраніе, послѣ обсужденія проекта коммиссіи по существу, одобрило его и постановило: ходатайствовать объ утвержденіи устава, причемъ избрало г. фонъ-Принтца, а по его предложенію еще гг. Квитку, Заленскаго и Навроцкаго для личныхъ хлопотъ по означенному ходатайству. Надо замѣтить, что при обсужденіи проекта коммиссіи въ собраніи нашлись голоса, которые громко протестовали противъ земскаго содѣйствія въ данномъ случаѣ *).

Какова послѣдующая судьба затѣи полтавскаго земства, мы, къ сожалѣнію, не знаемъ, но съ своей стороны глубоко убѣждены въ томъ, что правительство должно стать и станетъ на сторону меньшинства губернскаго собранія и что ходатайство полтавскаго земства не будетъ имѣть успѣха. По нашему крайнему убѣжденію, крупный земельный кредитъ ни съ какой стороны не долженъ входить въ кругъ дѣятельности земства и по отношенію къ нему необходимо самымъ строгимъ образомъ провести принципъ частной предпріимчивости. Даже, что касается выработки всякаго рода проектовъ, соглашеній между собою, то и въ этомъ отношеніи крупные землевладѣльцы могли бы свободно обойтись безъ посредства земскихъ собраній. У насъ же существуютъ дворянскія собранія для обсужденія сословныхъ нуждъ, преимущественно земледѣльческаго класса, а затѣмъ еще болѣе удобная почва для разработки мѣръ въ интересахъ крупнаго землевладѣнія—сельско-хозяйственныя общества и съѣзды. Конечно, устраивать свои дѣла подъ прикрытіемъ земства, располагающаго крупными суммами, собираемыми съ плательщиковъ, и безъ того крайне обремененныхъ всякаго рода законными сборами и незаконными поборами, можно спокойнѣе и безъ риску; но прежде, чѣмъ рѣшаться на это, не мѣшало бы предварительно сдѣлать ариѳметическій разсчетъ, сколько вноситъ землевладѣльческій классъ въ земскую кассу и сколько остается изъ этого за вы-

*) Считаемъ небезъинтереснымъ привести имена тѣхъ гласныхъ, которые подписали особое мнѣніе, составленное въ этомъ смыслѣ: И. Лучицкій, В. Кудашевъ, А. Мусинъ-Пушкинъ, И. Остроградскій, А. Дыздаревъ, Н. Питленко, В. Цимбалистовъ, Н. Самойленко-Спатріевъ, Ф. Григоренко, Ф. Безпаньевъ, И. Трипольскій и Д. Панченко („Сводъ журналовъ полтавскаго губ. собранія XVI очеред. созыва 1880 г.“, стр. 62).

четомъ расходовъ, не имѣющихъ непосредственнаго отношенія къ главной массѣ плательщиковъ, какъ-то: на мужскія и женскія гимназіи, всякаго рода пожертвованія, пособія и пр. и пр. *).

Выше я говорилъ, что общее собраніе общества взаимнаго поземельнаго кредита въ сессію 1879 года признало необходимымъ ходатайствовать о дозволеніи выпуска закладныхъ листовъ на кредитный рубль. Въ настоящее время, какъ извѣстно, ходатайство это удовлетворено. Но, къ сожалѣнію, къ рѣшительнымъ мѣрамъ у насъ не всегда прибѣгаютъ во время. Паденіе курса съ наибольшею тягостью отражается на тѣхъ изъ заемщиковъ, которые сдѣлали долгъ при хорошемъ сравнительномъ курсѣ; для тѣхъ же, кто получаетъ ссуду металлическими закладными листами при очень плохомъ курсѣ, послѣднее обстоятельство выгодно, такъ какъ здѣсь существуетъ большая вѣроятность на будущее повышеніе курса. Такимъ образомъ вопросъ о выпускѣ закладныхъ листовъ на металлическую или кредитную валюту—обоюдоострый и при господствѣ у насъ бумажнаго рубля заслуживаетъ поэтому нѣкотораго разсмотрѣнія. Дѣло въ томъ, что колебаніе цѣнности денегъ вообще ни на чемъ не отражается такъ тяжело, какъ на долгосрочныхъ ссудахъ. Обязавшемуся платить при низкомъ курсѣ кредитнаго рубля при сохраненіи прежняго номинальнаго размѣра придется уплачивать больше, если къ тому времени курсъ повысится, и наоборотъ. А земельные ссудо-займы въ большинствѣ случаевъ относятся къ самымъ долгосрочнымъ обязательствамъ. Поэтому колебаніе цѣнности бумажнаго рубля можетъ подорвать разсчеты даже весьма обстоятельнаго хозяина. Въ настоящее время въ исторіи общества взаимнаго поземельнаго кредита наглядно обнаружилась одна сторона вреднаго вліянія колебанія курса на задолженное землевладѣніе. Но не забудемъ, что вопросъ о поднятіи нашего денежнаго курса и о возстановленіи металлическаго обращенія въ настоящее время признается большинствомъ мыслящихъ людей однимъ изъ существеннѣйшихъ и требующихъ скораго разрѣшенія. Мы также стоимъ на сторонѣ звонкаго обращенія; но представимъ себѣ,

*) Какъ извѣстно, Высочайше утвержденное 17 мая 1871 г. мнѣніе государственнаго совѣта „о главныхъ основаніяхъ устройства земскихъ кредитныхъ учрежденій", вслѣдствіе ограниченія двумя земельными банками на губернію и открытія 11 акціонерныхъ банковъ, фактически утратило свое значеніе относительно земельнаго кредита. Было бы полезно совсѣмъ отмѣнить означенное узаконеніе, чтобъ оно не могло служить благовиднымъ основаніемъ обращаться къ земству за матеріальнымъ содѣйствіемъ крупному земельному кредиту.

что, благодаря извлеченію изъ обращенія на счетъ податныхъ сборовъ значительнаго количества кредитныхъ билетовъ, бумажный рубль лѣтъ черезъ 10 сдѣлается равной стоимости съ серебрянымъ, и посмотримъ, что при этомъ произойдетъ для заемщиковъ изъ земельныхъ банковъ. Дѣло въ томъ, что съ поднятіемъ цѣнности кредитнаго рубля владѣлецъ имѣнія станетъ получать доходъ по новой оцѣнкѣ, т. е. номинально меньше,—положимъ, вмѣсто прежнихъ 1.000 руб. только 700 руб. Легко понять, что если по сдѣланному при прежнемъ курсѣ займу онъ обязанъ платить разъ навсегда опредѣленную сумму, наприм. 500 р., то при новыхъ условіяхъ, когда ему будетъ оставаться уже не 350 руб., какъ бы слѣдовало, а только 200 р., положеніе его сдѣлается невыносимымъ, и если въ такихъ условіяхъ очутится когда-нибудь все задолженное землевладѣніе, то неизбѣжнымъ послѣдствіемъ явится гибельный земельный и сельско-хозяйственный кризисъ. Сдѣланныя соображенія ведутъ, повидимому, къ заключенію о необходимости въ интересахъ землевладѣнія увѣковѣчить бумажный рубль. Но мы этого не думаемъ и желаемъ только обратить вниманіе на тѣ послѣдствія, которыя могутъ получиться для задолженнаго землевладѣнія, какъ результатъ поднятія цѣнности бумажнаго рубля, если рядомъ съ этимъ не будутъ приняты мѣры съ цѣлью поддержать равновѣсіе между номинально-уменьшившеюся доходностью заложенныхъ имѣній и обязательными платежами по долгосрочнымъ займамъ. Надо замѣтить, что съ возвышеніемъ путемъ чисто-финансовыхъ мѣръ цѣнности кредитнаго рубля, при консервированіи, напримѣръ, значительной части кредитныхъ билетовъ въ процентный долгъ, пострадаютъ не одни крупные землевладѣльцы. Крестьянское населеніе, обязанное выкупными и оброчными платежами, почувствуетъ также значительное отягощеніе отъ фактическаго увеличенія платежей. Вотъ почему въ интересахъ землевладѣнія нельзя не стоять за девальвацію въ связи съ соотвѣтственнымъ пониженіемъ, по разсчету на металлическую единицу, долговыхъ обязательствъ, заключенныхъ на кредитный рубль, при очень низкомъ курсѣ послѣдняго. Но для насъ не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что однѣми финансовыми мѣрами, каковы бы онѣ ни были, безъ увеличенія народнаго богатства, не мыслимо достигнуть дѣйствительнаго и прочнаго возстановленія металлическаго обращенія. Поэтому, если у насъ когда-нибудь прибѣгнутъ къ новой девальваціи, то безъ одновременныхъ или лучше предва-

рительныхъ широкихъ мѣръ съ цѣлью поднять экономическое благосостояніе массы мы будемъ имѣть то же самое, что было послѣ девальваціи 1843 года. Ассигнаціонный рубль, который замѣнили 28½ коп. кредитныхъ или металлическихъ, по теперешнему курсу кредитнаго рубля въ 63—64 коп., сдѣлавшагося по существу тѣмъ же ассигнаціоннымъ, стоитъ всего 18 коп. серебряныхъ. Другими словами, несмотря на девальвацію, предполагавшую возстановленіе звонкаго обращенія, курсъ бумажнаго рубля сравнительно съ тѣмъ временемъ, когда у насъ впервые появились бумажныя деньги, упалъ болѣе чѣмъ на 80%. Въ историческомъ очеркѣ поземельнаго кредита я привелъ нѣкоторыя данныя относительно задолженности помѣщичьяго землевладѣнія передъ реформою. Въ параллель съ этимъ посмотримъ на теперешнюю задолженность крупнаго землевладѣнія, какъ она обрисовывается по статистическимъ даннымъ, разсѣяннымъ въ отчетахъ нашихъ земельно - кредитныхъ учрежденій. Остановимся прежде всего на процентѣ задолженности. Хотя въ старыхъ кредитныхъ установленіяхъ въ залогъ принимались души, а теперь земля, тѣмъ не менѣе, взявши процентное отношеніе заложенной земли ко всей владѣльческой, т. е. къ той, которая de jure можетъ закладываться, сравненіе дѣлается возможнымъ. При этомъ оказывается, что процентъ задолженности сравнительно съ 1859 годомъ значительно уменьшился, а именно теперь онъ равняется 19,6, а въ 1859 г. былъ 66,3. По губерніямъ процентъ заложенной владѣльческой земли сравнительно съ процентомъ заложенныхъ передъ реформой ревизскихъ душъ представляется въ слѣдующемъ видѣ:

№№	Губерніи.	Процентъ задолженности	
		Къ 1859 г.	Къ 1879 г.
1	Астраханская	31.1	77.5
2	Виленская	34.2	7.5
3	Витебская	69.0	15.9
4	Владимірская	67.6	5.7
5	Вологодская	70.8	1.0
6	Вятская	34.8	0.9
7	Гродненская	58.4	22.1
8	Донская	38.0	23.3
9	Казанская	84.9	26.1
10	Калужская	75.1	6.0

№№	Губерніи.	Процентъ задолженности	
		Къ 1859 г.	Къ 1879 г.
11	Ковенская	39.5	9.9
12	Костромская	70.4	43.0
13	Минская	60.4	12.8
14	Могилевская	70.7	14.7
15	Московская	68.6	11.3
16	Нижегородская	66.6	7.0
17	Новгородская	55.6	3.9
18	Оренбургская	50.7	41.4
19	Пензенская	80.7	44.8
20	Пермская	77.6	5.1
21	Псковская	68.6	8.0
22	Рязанская	75.5	18.3
23	Самарская	63.0	13.0
24	С.-Петербургская	68.7	13.7
25	Саратовская	80.0	37.7
26	Симбирская	73.6	32.8
27	Смоленская	69.8	5.6
28	Ставропольская	53.7	?
29	Тамбовская	75.0	33.2
30	Тверская	66.8	9.0
31	Тульская	79.7	32.3
32	Уфимская	—	17.0
33	Ярославская	60.0	6.4
34	Бессарабская	62.1	18.1
35	Волынская		
36	Воронежская		
37	Екатеринославская		
38	Кіевская		
39	Курская		
40	Орловская		
41	Подольская		
42	Полтавская		
43	Таврическая		
44	Харьковская		
45	Херсонская		
46	Черниговская		

Такимъ образомъ изъ приведенной таблицы оказывается, что въ настоящее время по всѣмъ губерніямъ еще весьма значительная часть владѣльческой земли остается незаложенной въ земельно-кредитныхъ учрежденіяхъ и въ этомъ отношеніи положеніе дѣла представляется въ лучшемъ свѣтѣ, чѣмъ было передъ реформою. Самая цифра долга земельно-кредитнымъ учрежденіямъ въ 1879 г. простиралась на сумму слишкомъ 329 милл.

руб., т. е. сравнительно съ долгомъ старымъ кредитнымъ учрежденіямъ на 98 милл. менѣе. Это однако вовсе не значитъ, что хозяйство нашихъ прежнихъ помѣщиковъ съ тѣхъ поръ настолько развилось, что дало возможность погасить часть долга. Въ дѣйствительности абсолютная задолженность крупнаго землевладѣнія за послѣднія двадцать лѣтъ значительно возросла. Въ 1859 г., какъ мы знаемъ, долгъ помѣщиковъ по ссудамъ изъ прежнихъ кредитныхъ установленій простирался до 426½ милл. рублей. Изъ этой суммы къ 1-му января 1879 года 327⅓ милл. было переведено на выкупленныя при содѣйствіи правительства крестьянскія земли *),—другими словами, погашены путемъ финансовой операціи, независимой отъ хозяйственныхъ усилій самихъ землевладѣльцевъ. Такимъ образомъ уже изъ сопоставленія этихъ цифръ видно дѣйствительное увеличеніе долга крупныхъ землевладѣльцевъ слишкомъ на 200 милл. рублей. А если мы вспомнимъ при этомъ, что приведенною цифрой ссудъ, выданныхъ херсонскимъ земскимъ банкомъ, обществомъ взаимнаго поземельнаго кредита и акціонерными земельными банками, далеко не исчерпывается сумма всѣхъ долговъ помѣщичьяго землевладѣнія, что залогъ имѣній по вторымъ и третьимъ закладнымъ въ настоящее время навѣрное гораздо болѣе распространенъ, чѣмъ передъ реформой, то мы должны будемъ признать, что задолженность нашего крупнаго землевладѣнія возросла за послѣдніе годы въ громадныхъ размѣрахъ. И это возрастаніе задолженности можетъ тѣмъ болѣе вызвать опасеніе за будущую судьбу нашего крупнаго землевладѣнія, что послѣднее въ силу выкупной операціи получило въ свое распоряженіе болѣе 400 милл. выкупной ссуды и поэтому естественно легче могло обходиться въ протекшія двадцать лѣтъ безъ новыхъ займовъ, чѣмъ это будетъ въ послѣдующіе періоды.

Любопытно, что, сравнивая средній размѣръ заложенныхъ въ банкахъ имѣній въ разное время, замѣчается нѣкоторое возрастаніе его, что̀ указываетъ на увеличеніе числа болѣе крупныхъ имѣній, поступающихъ въ залогъ. Къ сожалѣнію, неполнота банковыхъ отчетовъ не даетъ возможности, какъ слѣдуетъ, изслѣдовать съ этой стороны развитіе земельной задолженности.

Надо замѣтить, что хотя судьба замлевладѣнія должна бы была глубоко интересовать не только общество, но и правитель-

---

*) *Ежегодникъ Министерства Финансовъ*, вып. XI.

ство, у насъ замѣчается полное отсутствіе статистики даже такаго важнаго соціальнаго факта, какъ задолженность крупнаго землевладѣнія.

Съ 1879 года министерство финансовъ въ своемъ *Ежегодникѣ* помѣщаетъ «свѣдѣнія о выданныхъ земельно-кредитными учрежденіями ссудахъ», что̀ представляетъ сводъ болѣе полныхъ данныхъ, разбросанныхъ по отчетамъ нашихъ земельно-кредитныхъ учрежденій. Эти же данныя съ нѣкоторыми добавленіями помѣщаются въ «Календарѣ А. Суворина». Упоминаю объ этихъ двухъ источникахъ, откуда можно почерпнуть свѣдѣнія о земельно-кредитныхъ учрежденіяхъ, рядомъ—въ виду того, что соотвѣтственныя таблицы и тамъ и здѣсь составляются, насколько мнѣ извѣстно, однимъ и тѣмъ же лицомъ—А. К. Голубевымъ. Кто знакомъ съ подлинными отчетами нашихъ земельно-кредитныхъ учрежденій, тотъ знаетъ, какъ немного можно извлечь отсюда по вопросу о задолженности, кромѣ свѣдѣній помѣщаемыхъ въ *Ежегодникѣ* и «Календарѣ». Отчеты, какъ можно судить уже по *Ежегоднику*, не даютъ даже возможности опредѣлить по уѣздамъ процентное отношеніе заложенной земли къ количеству владѣльческой земли, да и по губерніямъ это можно сдѣлать далеко не по всѣмъ, такъ какъ въ общемъ итогѣ ссудъ не разнесены по губерніямъ 11.279.523 руб., выданные изъ земельныхъ банковъ, въ губерніяхъ Бессарабской, Воронежской, Волынской, Екатеринославской, Кіевской, Курской, Орловской, Подольской, Полтавской, Таврической, Харьковской, Херсонской и Черниговской, и 53.737.855 руб. ссудъ, выданныхъ херсонскимъ земскимъ банкомъ подъ имѣнія Бессарабской, Екатеринославской, Таврической и Херсонской губерній *). Отчетность на-

---

*) *Ежегодникъ Министерства Финансовъ*, выпускъ XI, стр. 251. Нужно замѣтить, что, при составленіи таблицы „Свѣдѣній о выданныхъ земельно-кредитными учрежденіями ссудахъ“, въ *Ежегодникѣ* вкралась небольшая ошибка, которая можетъ ввести въ заблужденіе. Именно здѣсь въ графѣ „процентъ заложенной земли“ вычисленъ этотъ процентъ для всѣхъ губерній безъ всякой оговорки. А между тѣмъ для многихъ губерній этотъ процентъ нельзя назвать даже приблизительно-вѣрнымъ, что можно видѣть изъ слѣдующаго: въ *Ежегодникѣ* для ссудъ по 1-е января 1879 г. вычислены проценты задолженности для губерній:

Херсонской . .	1,4	полагая ссуду въ 1,4 м. р.	Тогда какъ изъ одного херсонск. земск. банка только до 1874 г. выдано ссудъ по этимъ губерніямъ.	30,2 м. р.
Екатеринослав.	25,9	„ „ „ 15,2 „ „		8,1 „ „
Таврической. .	7,3	„ „ „ 3,2 „ „		3,1 „ „
Бессарабской .	4,9	„ „ „ 4,2 „ „		4,6 („Отч. за 10 г.“, стр. 31).

Само собою разумѣется, что въ тѣхъ случаяхъ, когда редакція *Ежегодни-*

шихъ земельно-кредитныхъ учрежденій вообще не можетъ похвастаться и въ другихъ отношеніяхъ. Отсутствіе полнаго однообразія и строгихъ правилъ чрезвычайно затрудняетъ точное ознакомленіе съ ходомъ дѣлъ и тѣмъ самымъ даетъ возможность далѣе скрывать злоупотребленія завѣдующихъ дѣлами. Многіе изъ недостатковъ отчетности въ обществѣ взаимнаго поземельнаго кредита весьма основательно были указаны особою коммиссіей, изданной по случаю юхонцевской растраты *). Новѣйшая исторія съ саратовско-симбирскимъ банкомъ, безъ сомнѣнія, раскроетъ еще кое-что любопытное изъ области возможныхъ злоупотребленій въ земельныхъ банкахъ и послужитъ для правительства хорошимъ поводомъ потребовать отъ банковъ исполненія тѣхъ или другихъ требованій въ интересахъ общества. Но одна отчетность не исключаетъ еще вопроса объ организаціи специальной статистики задолженности. Выдающееся значеніе земельнаго вопроса въ Россіи дѣлаетъ эту статистику крайне необходимою какъ для практическихъ цѣлей высшаго управленія, такъ и для большаго ознакомленія съ экономическимъ состояніемъ государства. Подъ организаціей статистики земельной задолженности мы разумѣемъ устройство такого бюро, въ которое всѣ учрежденія, соприкасающіяся съ залогомъ земельнаго имущества, правильно доставляли бы свѣдѣнія по заранѣе установленнымъ формулярамъ относительно каждаго вступающаго и выходящаго залога и которое разрабатывало бы и затѣмъ обнародывало бы сведенныя данныя для всеобщаго пользованія. Упомянутые формуляры должны быть разсчитаны на то, чтобы по нимъ можно было вывести не только количество ссудъ и заложенной земли, но и распредѣленіе ихъ по уѣздамъ. Далѣе, слѣдуетъ обозначать сословіе владѣльцевъ, время залога, погашеніе, дополнительныя ссуды, перезалогъ, недоимки, количество долга на имѣніяхъ по частнымъ закладнымъ, кому продано имѣніе за недоимки—банку или по требованіямъ третьихъ лицъ, съ переводомъ долга или за чистыя деньги, и проч. и проч. Я вовсе не хочу здѣсь исчерпать всѣ тѣ свѣдѣнія, какія можно и нужно требовать отъ банка, а же-

ка не можетъ ручаться за вѣрность выводимыхъ цифръ, нельзя не пожелать, чтобы, въ избѣжаніе недоразумѣній, такія цифры совсѣмъ исключались изъ оффиціальнаго изданія. Кстати обращаемъ еще вниманіе на нѣкоторую неточность прим. 4 (*Ежегодникъ Мин. Фин.*, стр. 253).

*) Соображенія особой коммиссіи о положеніи дѣлъ общества и мѣрахъ къ ихъ улучшенію.

лаю лишь примѣрно указать, какая масса важныхъ вопросовъ относительно задолженности землевладѣнія остается въ настоящее время безъ всякаго отвѣта. Примѣръ тѣхъ свѣдѣній, какія требуются статистическимъ отдѣломъ министерства путей сообщенія и разрабатываются имъ, доказываетъ, что и при нашихъ порядкахъ отъ частныхъ учрежденій можно требовать нѣчто болѣе, чѣмъ простые отчеты. Конечно, земельные банки могутъ указать, что желѣзныя дороги пользуются гарантіей правительства, почему отъ нихъ можно больше и требовать; но это далеко не вѣскій доводъ съ точки зрѣнія правительства, отдающаго предпочтеніе общимъ интересамъ передъ частными, притомъ узко-эгоистическими.

Въ этомъ очеркѣ крупнаго поземельнаго кредита я не могу не коснуться еще одного весьма существеннаго вопроса о кредитѣ для крупныхъ землевладѣльцевъ. Сельскій хозяинъ вообще и землевладѣлецъ въ частности могутъ нуждаться, какъ мы знаемъ, кромѣ долгосрочнаго кредита, также и въ ссудахъ болѣе краткосрочныхъ. Потребность землевладѣльцевъ въ долгосрочномъ кредитѣ едва ли можетъ быть оспориваема даже тѣми, кто отвергаетъ цѣлесообразность долгосрочнаго кредита. Между тѣмъ потребность эта въ настоящее время удовлетворяется довольно плохо. Одна изъ приведенныхъ выше таблицъ показываетъ, что изъ всей суммы ссудъ изъ земельныхъ банковъ на краткосрочныя ссуды приходится только 1,1%, а въ обществѣ взаимнаго поземельнаго кредита этотъ процентъ—4,6. Незначительный процентъ краткосрочныхъ ссудъ объясняется уже тѣмъ обстоятельствомъ, что самый источникъ средствъ—свободныя оборотныя суммы, изъ котораго выдаются теперь подобныя ссуды—довольно ограниченъ. Притомъ и къ этимъ краткосрочнымъ ссудамъ прибѣгаютъ большею частью тѣ, кто беретъ вмѣстѣ съ тѣмъ и долгосрочную ссуду или для кого краткосрочная ссуда есть только переходная мѣра къ долгосрочному займу. Это можно подтвердить тѣми заявленіями, какія дѣлались по этому поводу на съѣздахъ представителей русскихъ земельно-кредитныхъ учрежденій, и тѣмъ, что, какъ свидѣтельствуетъ опытъ общества взаимнаго поземельнаго кредита, краткосрочныя ссуды часто замѣняются долгосрочными *). Тѣ же изъ землевладѣльцевъ, которые пока не прибѣгаютъ къ учрежде-

*) Стенограф. отчетъ I-го съѣзда, стр. 200 и др., а также отчеты правленія общ. взаимн. позем. кредита.

ніямъ долгосрочнаго кредита, вынуждены довольствоваться займами изъ учрежденій личнаго кредита или частными займами.

На необходимость организаціи краткосрочнаго сельско-хозяйственнаго кредита указывалось не разъ. Вопросъ этотъ одно время оживленно разбирался въ нашихъ ученыхъ обществахъ, какъ, напримѣръ, въ Императ. вольно-экономич. и въ обществѣ для содѣйствія русской промышленности и торговлѣ, благодаря энергической пропагандѣ П. А. Мясоѣдова своихъ «уѣздныхъ товариществъ взаимнаго кредита». Я не стану вдаваться здѣсь въ разборъ какъ самого проекта, такъ и всѣхъ преній, вызванныхъ имъ, тѣмъ болѣе, что въ свое время онъ вызвалъ достаточную критику, да и большаго практическаго примѣненія не получилъ *). Замѣчу, однако, что хотя я вмѣстѣ съ критиками «уѣзднаго товарищества взаимнаго кредита» и не считаю возможнымъ удовлетворительно разрѣшить вопросъ о краткосрочномъ кредитѣ для землевладѣльцевъ предложеннымъ г. Мясоѣдовымъ способомъ, тѣмъ не менѣе не могу согласиться и съ однимъ изъ самыхъ, повидимому, существенныхъ доводовъ его противниковъ. Вотъ какъ формулировало бюро «политико-экономическаго комитета» при вольномъ экономическомъ обществѣ одно изъ своихъ положеній по поводу доклада А. П. Мясоѣдова по вопросу о землевладѣльческомъ кредитѣ: «Обезпеченіе краткосрочнаго кредита можетъ лежать въ хозяйственныхъ способностяхъ предпринимателя, но отнюдь не *въ недвижимомъ имуществѣ*, не въ продуктахъ и въ хозяйственномъ инвентарѣ» **).

Въ теоретическомъ введеніи къ своему изслѣдованію я старался выяснить и установить то положеніе, что долгосрочность кредита обусловливается на первомъ мѣстѣ характеромъ обезпеченія, вслѣдствіе чего личный кредитъ не можетъ быть долгосрочнымъ, такъ какъ экономическая состоятельность отдѣльной личности—величина весьма подвижная и непостоянная. Но само собой понятно, что обезпеченіе, которое является достаточнымъ

---

*) Стенограф. отчетъ засѣданій 8 — 15 мая 1870 г. политико-экономическаго комитета по вопросу о земледѣльческомъ кредитѣ и способахъ его осуществленія въ Россіи (*Труды Имп. В. Э. Общества*, т. III, в. 4, 1870 г.). *П. А. Мясоѣдовъ*: „Примѣрный уставъ уѣзднаго товарищества взаимнаго кредита". Спб. 1871 г. *Труды Общества для содѣйствія русской промышленности и торговлѣ*: „Докладъ коммиссіи для разсмотрѣнія условій существующаго въ Россіи земельнаго кредита". Спб. 1874 г. *Э. Р. Вреденъ*: „Курсъ полит. экономіи", стр. 365 и слѣд.

**) Стенограф. отчетъ о второмъ засѣданіи, стр. 1.

для долгосрочныхъ сдѣлокъ, *тѣмъ болѣе* можетъ вполнѣ обезпечивать краткосрочныя ссуды. Это соображеніе въ примѣненіи къ занимающему насъ вопросу переводится такъ: обезпеченіе краткосрочнаго кредита можетъ лежать въ сельскомъ недвижимомъ имуществѣ или съ земельнымъ кредитомъ не слѣдуетъ связывать понятіе одного лишь долгосрочнаго кредита, или считать краткосрочный кредитъ отступленіемъ отъ раціональныхъ экономическихъ требованій. Что касается обезпеченія цѣлости отданнаго въ ссуду капитала, то о сомнѣніи здѣсь не можетъ быть и рѣчи, лишь бы оцѣнка залога была правильна и соотвѣтствовала дѣйствительной цѣнности и спросу на землю. Единственное основательное возраженіе, какое можно сдѣлать противъ обезпеченія краткосрочнаго кредита недвижимымъ залогомъ, на нашъ взглядъ, заключается въ томъ, что при неисправности заемщиковъ владѣльцы ссуднаго капитала будутъ поставлены въ затруднительное положеніе, если имъ почему-либо скоро понадобится розданный въ ссуды капиталъ. Въ самомъ дѣлѣ, реализація недвижимаго имущества никогда не можетъ быть такъ проста, какъ, напримѣръ, взысканіе по векселю, притомъ чѣмъ короче срокъ, въ какой необходимо продать имѣніе, тѣмъ гибельнѣе это отразится на владѣльцѣ-заемщикѣ. А ради удобства кредиторовъ нельзя жертвовать интересами заемщика, тѣмъ болѣе, что неисправность послѣднихъ не всегда вытекаетъ изъ злой воли ихъ. Но это возраженіе касается не существа самой мысли, а лишь ея практическаго примѣненія.

Еслибы банкъ или иной кредитный посредникъ съ одной стороны собиралъ у себя капиталы въ формѣ вкладовъ до востребованія или на короткій срокъ, а съ другой расходовалъ ихъ въ ссуды, обезпеченныя недвижимымъ имуществомъ, то при неисправности заемщиковъ онъ самъ бы могъ очутиться временно несостоятельнымъ передъ владѣльцами закладныхъ листовъ, и на подобныхъ основаніяхъ дѣйствительно немыслимо организовать краткосрочный кредитъ, обезпеченный недвижимымъ имуществомъ. Но дѣло въ томъ, что можно представить себѣ совершенно обратное отношеніе. Если кредитный посредникъ раздаетъ въ ссуды на короткій срокъ подъ залогъ имѣній такіе капиталы, которые отданы ему въ долгосрочное распоряженіе, то приведенное выше возраженіе падаетъ само собою. При этомъ стоитъ только разсчитать условія ссудъ такъ, чтобы платежи по нимъ превышали обязательства самого учрежденія передъ владѣльцами ссудныхъ капи-

таловъ и чтобы въ его распоряженіи всегда находился достаточный оборотный капиталъ или какой-либо другой источникъ для удовлетворенія требованій, несмотря на неисправность заемщиковъ, и краткосрочный земельный кредитъ можно будетъ совмѣстить съ той же самой сложной и продолжительною процедурой принудительной продажи залога, которая примѣняется въ обыкновенныхъ земельно-кредитныхъ учрежденіяхъ долгосрочнаго кредита. Главный вопросъ поэтому заключается въ томъ, чтобы найти источникъ или вѣрнѣе способъ заключенія намѣченнымъ мною посредникомъ долгосрочныхъ займовъ. Въ этомъ отношеніи наиболѣе цѣлесообразное средство представляетъ выпускъ закладныхъ листовъ.

До сихъ поръ съ выпускомъ закладныхъ листовъ связывается у насъ исключительно понятіе долгосрочныхъ ссудъ, при согласованіи окончательнаго тиража закладныхъ листовъ со срокомъ самихъ ссудъ. Выяснимъ поэтому примѣнимость ихъ для краткосрочнаго земельнаго кредита и покажемъ ихъ экономическую состоятельность примѣрнымъ разсчетомъ. Представимъ себѣ, что нѣсколько десятковъ землевладѣльцевъ постоянно нуждаются среднимъ числомъ въ 100.000 руб. оборотнаго капитала — въ различное время, смотря по ходу хозяйственныхъ операцій тѣхъ или другихъ. Допустимъ далѣе, что землевладѣльцы образовали изъ себя кредитное товарищество и, опредѣливъ по обстоятельной оцѣнкѣ представленныхъ въ обезпеченіе имѣній размѣръ кредита для каждаго члена, установили бы круговую поруку всѣми означенными имѣніями по всѣмъ обязательствамъ товарищества предъ третьими лицами. Легко понять, что если такое кредитное учрежденіе выпускаетъ закладныхъ листовъ на 100.000 руб., составляющихъ, положимъ, 60% суммы кредита всѣхъ своихъ членовъ-заемщиковъ, то 1) владѣльцы закладныхъ листовъ будутъ вполнѣ обезпечены относительно цѣлости капитала и 2) на уплату процентовъ по купонамъ, тиражъ листовъ и проч. достаточно будетъ текущихъ платежей по краткосрочнымъ ссудамъ. На покрытіе же временныхъ недочетовъ, вслѣдствіе неисправности нѣкоторыхъ заемщиковъ, можно опредѣлить особый запасный капиталъ, составляемый изъ отчисленія части прибылей, и другія наличныя оборотныя средства учрежденія.

Кромѣ выпуска закладныхъ листовъ, дополнительнымъ источникомъ для ссудныхъ капиталовъ можетъ служить вкладная операція. Допущенная съ выгодою для обѣихъ сторонъ въ предпо-

лагаемомъ мною учрежденіи, при нѣкоторомъ своемъ развитіи она дастъ возможность уменьшить сумму закладныхъ листовъ, находящихся въ обращеніи. Посмотримъ теперь на тѣ выгоды, какія можетъ представить для своихъ членовъ подобное товарищество краткосрочнаго земельнаго кредита. Положимъ, въ настоящее время землевладѣльцу, нуждающемуся въ займѣ на нѣсколько мѣсяцевъ, на годъ, на два и т. п., ссуда обходится въ 10% годовыхъ. Пусть тѣ же 10% онъ вноситъ и за ссуду изъ кредитнаго товарищества, для котораго, коль скоро оно пріобрѣтетъ довѣріе публики, ссудные капиталы, доставляемые при посредствѣ закладныхъ листовъ, обойдутся не болѣе 5—6%. При этомъ излишніе 4% составятъ валовую прибыль предпріятія, которая пойдетъ: 1) на расходы по управленію, 2) на погашеніе опредѣленной части закладныхъ листовъ, 3) на образованіе запаснаго капитала и 4) остальное распредѣляется между участниками и засчитывается ими въ счетъ слѣдующихъ платежей или же въ счетъ капитальнаго долга вмѣстѣ съ тою суммой, которая пошла на тиражъ закладныхъ листовъ. При этомъ условіи оказываемый членамъ-участникамъ кредитъ въ дѣйствительности обойдется не болѣе 7% и во всякомъ случаѣ гораздо дешевле, чѣмъ кредитъ у частныхъ лицъ или даже въ кредитныхъ учрежденіяхъ личнаго коммерческаго кредита. Кромѣ того спеціальное кредитное учрежденіе краткосрочнаго земельнаго кредита, организованное самими землевладѣльцами, скорѣе приспособится къ нуждамъ сельскихъ хозяевъ и землевладѣльцевъ вообще какъ относительно сроковъ ссудъ, такъ и времени уплаты процентовъ и капитальнаго долга, причемъ уплата послѣдняго можетъ производиться частями и проценты разсчитываться помѣсячно. Что касается до выдачи ссудъ, то онѣ могутъ быть закладными листами или наличными деньгами, причемъ продажа листовъ будетъ происходить за счетъ учрежденія. Организація товариществъ землевладѣльцевъ на очерченныхъ мною основаніяхъ могла бы имѣть примѣненіе у насъ и послужить одной изъ удобныхъ формъ удовлетворенія потребности въ краткосрочныхъ ссудахъ самой хозяйственной части нашихъ крупныхъ землевладѣльцевъ, т. е. той части, которая въ состояніи обходиться безъ обремененія своихъ имѣній долгосрочными займами, падающими своею тяжестью не на одно поколѣніе. Нечего и говорить, что составъ подобныхъ товариществъ не долженъ быть многочисленъ, хотя нормальное число членовъ едва ли можно опредѣлить заранѣе,

тѣмъ болѣе, что оно, смотря по характеру землевладѣнія въ различныхъ мѣстностяхъ, разсуждая теоретически, не должно быть одинаково. При нѣкоторой распространенности подобныхъ мелкихъ товариществъ, отвѣтственныхъ и самостоятельныхъ каждое въ своихъ операціяхъ,—выпускъ закладныхъ листовъ можно было бы сосредоточить въ особомъ центральномъ, и притомъ контрольномъ, учрежденіи. Этимъ достигалась бы бо́льшая равномѣрность въ стоимости кредита для различныхъ мѣстностей Россіи. Такова въ общихъ чертахъ организація краткосрочнаго земельнаго кредита, которая наиболѣе соотвѣтствуетъ слабому у насъ промышленному развитію «деревни» и преобладающей роли земли въ экономическомъ строѣ государства.

Та или другая организація краткосрочнаго сельско-хозяйственнаго кредита, развитіе долгосрочнаго кредита на началѣ взаимности, путемъ организаціи многихъ землевладѣльческихъ товариществъ, въ родѣ херсонскаго земскаго банка, ипотечная система, упорядоченіе дѣлъ существующихъ учрежденій—все это, безъ сомнѣнія, можетъ служить къ облегченію условій кредита для землевладѣльцевъ и дать многимъ изъ нихъ возможность улучшить свое хозяйство, возвысить доходность своихъ имѣній, скорѣе погасить обременяющіе ихъ долги. Но какъ бы хорошо ни были организованы земельно-кредитныя учрежденія для весьма многихъ изъ обращающихся къ ихъ содѣйствію, сдѣланные займы обратятся въ мертвую петлю, если не затягивающую такъ быстро, какъ займы у частныхъ лицъ и ростовщиковъ, но все же мертвую. Противъ этого безсильны самыя легкія условія кредита, такъ какъ причина подобнаго явленія лежитъ въ личности заемщика. Неумѣнье вести хозяйство, расточительность, разъ это приводитъ къ займамъ, въ большинствѣ случаевъ дѣлаетъ изъ нихъ переходную ступень къ потери имѣнія. Кто не умѣетъ прожить на свои доходы, тому не можетъ хватить ихъ еще и на уплату въ банкѣ процентовъ и погашенія. Вотъ почему часто одинъ долгъ ведетъ за собою новый и т. д., пока находятся люди, довѣряющіе заемщику, а тамъ — продажа съ аукціона имѣнія и переходъ послѣдняго въ другія руки.

Въ этомъ смыслѣ можно сказать, что земельный кредитъ ведетъ къ мобилизаціи земельной собственности, и этотъ переходъ собственности есть въ извѣстныхъ предѣлахъ явленіе неизбѣжное, какъ неизбѣжны между землевладѣльцами плохіе хозяева и расточители и какъ неизбѣжны въ составѣ каждаго общества явленія разоренія однихъ и накопленія богатства у другихъ.

Къ сожалѣнію, при теперешней отчетности нашихъ земельно-кредитныхъ учрежденій и отсутствіи статистики весьма трудно составить себѣ сколько-нибудь правильное понятіе о силѣ вліянія задолженности на переходъ имѣній изъ однѣхъ рукъ въ другія. Но вліяніе это несомнѣнно существуетъ и обнаруживается прежде всего на аукціонныхъ продажахъ имѣній.

Такъ въ $18^{79}/_{80}$ отчетномъ году обществомъ взаимнаго поземельнаго кредита было опубликовано во второй троекратной публикаціи 920 имѣній, изъ коихъ продано съ торговъ 31 имѣніе за 364.200 руб. 50 коп., сверхъ переведеннаго долга по ссудамъ на покупщиковъ въ 751.365 руб., и 4 имѣнія съ долгомъ въ 161.000 руб. осталось за обществомъ. Въ $18^{80}/_{81}$ отчетномъ году опубликовано въ продажу по первой публикаціи 1.774 имѣнія, по второй — 988; продано 26 имѣній за 234.246 руб. сверхъ перевода долга на сумму 680.855 руб.; осталось за обществомъ 4 имѣнія *). Въ херсонскомъ земскомъ банкѣ въ $18^{80}/_{81}$ финансовомъ году было подвергнуто администраціи 1.324 имѣнія и затѣмъ опубликовано въ продажу 474 имѣнія; но 433 продажи отмѣнены за уплатою недоимки и продано 9 имѣній, а одно поступило въ собственность общества земскаго банка **). Аналогическія явленія замѣчаются и въ акціонерныхъ земельныхъ банкахъ. Приведенныя цифры поражаютъ громаднымъ числомъ публикуемыхъ имѣній сравнительно съ дѣйствительно-проданными и невольно наводятъ мысль на ту закулисную сторону, которая скрывается за этими, повидимому странными, цифрами. Что за разсчетъ заемщикамъ доводить до публикацій о назначеніи своихъ имѣній въ продажу, а слѣдовательно нести на себѣ издержки публикаціи и уплачивать пени за просроченное время? Объяснить одною безпечностью (хотя бываетъ и это) подобное явленіе было бы слишкомъ смѣло. Очевидно, у заемщиковъ ко времени срочныхъ платежей не оказывается денегъ; тогда начинается раздобываніе, на которое уходитъ время, и въ послѣднюю минуту недоимка вносится, но вмѣстѣ съ тѣмъ возникаетъ часто новый частный долгъ, проценты по которому увеличиваютъ обязательные платежи заемщика и, конечно, не дѣлаютъ его исправнѣе по отношенію къ банку въ слѣдующемъ году. Мало-по-малу

---

*) Отчеты правленія общ. взаим. позем. кред. съ 1 іюня 1879 г. по 30 іюля 1880 г. и съ 1 іюля 1880 г. по 1 іюля 1881 г.

**) Отчетъ правленія земскаго банка Херсонской губерніи съ 1 сентября 1880 г. по 1 сентября 1881 г.

дѣло доходитъ до необходимости развязаться съ заложеннымъ имѣніемъ, допустивъ его до продажи съ аукціона, или продавъ его частнымъ образомъ. При этомъ надо замѣтить, что продажа съ аукціона земельно-кредитными учрежденіями составляетъ лишь незначительную часть тѣхъ переходовъ имѣній въ другія руки, которые являются послѣдствіемъ чрезмѣрнаго обремененія имѣній долгами.

Такъ изъ отчета правленія общества взаимнаго поземельнаго кредита за 18⁸⁰/₈₁ годъ оказывается, что на 28 имѣній, проданныхъ съ аукціона и оставшихся за обществомъ, приходится 465 имѣній, проданныхъ какъ за частные долги, такъ и самими владѣльцами, съ переводомъ долга по ссудамъ долгосрочнымъ на сумму 8.386.850 руб. и краткосрочнымъ — 638.385 рублей *), что составляетъ около 7% всѣхъ состоявшихъ къ 1 іюля 1881 года въ залогѣ имѣній (6.762 имѣнія).

Приведенныя данныя несомнѣнно доказываютъ, что земельный кредитъ, доставляя однимъ средство выйти изъ затруднительныхъ обстоятельствъ, улучшить свое хозяйство и увеличить его доходность, для очень многихъ ведетъ въ конечномъ результатѣ къ потерѣ имѣній и переходу послѣднихъ въ другія руки. Въ этомъ смыслѣ ссудный капиталъ является разрушительнымъ элементомъ для землевладѣнія. При этомъ, начавъ съ поглощенія дохода съ заложенныхъ имѣній путемъ ссуднаго процента, онъ нерѣдко кончаетъ тѣмъ, что завладѣваетъ самою собственностью. Статистическія данныя о куплѣ-продажѣ недвижимыхъ имѣній свидѣтельствуютъ о неоспоримомъ фактѣ частаго перехода у насъ крупнаго землевладѣнія изъ прежняго помѣщичьяго сословія въ руки купцовъ и другихъ представителей капитала. Такимъ образомъ капиталистъ превращается въ землевладѣльца. Насколько это явленіе выгодно для народнаго хозяйства, подтверждаютъ тѣ же статистическія данныя. Они показываютъ, что купецъ или промышленникъ-капиталистъ главное вниманіе обращаетъ обыкновенно не на правильное веденіе хозяйства, а лишь заботится о возможно быстромъ извлеченіи затраченнаго капитала. Что можно сбыть, наприм. лѣсъ на вырубку, то сбывается, а земля отдается въ аренду мелкимъ арендаторамъ или крестьянамъ, причемъ начало спроса, опредѣляемое въ послѣднемъ случаѣ крестьянскою нуждой, эксплуатируется въ совершенствѣ. Вообще совре-

*) Отчетъ, стр. 5.

менные капиталисты, скупщики помѣщичьей земли, за немногими исключеніями, по свидѣтельству всѣхъ компетентныхъ изслѣдователей и наблюдателей, меньше всего могутъ считаться выразителями сельско-хозяйственной культуры и прогресса.

Поэтому если для экономическаго развитія страны прискорбны разореніе нашихъ крупныхъ землевладѣльцевъ и потеря ими имѣній, то также прискорбно и теперешнее перераспредѣленіе земельной собственности, совершающееся подъ вліяніемъ задолженности. Противъ перваго государству трудно сдѣлать что-нибудь существенное, но за то невыгодный для развитія экономическаго благосостоянія переходъ земли въ другія руки, имѣющія весьма мало общаго съ земледѣліемъ и сельскимъ хозяйствомъ, вполнѣ возможно въ значительной степени парализовать положительными мѣрами. Дѣло въ томъ, что стремленіе къ пріобрѣтенію продажныхъ земель проявилось послѣ реформы 19 февраля въ средѣ не однихъ капиталистовъ. Крестьянское земледѣльческое населеніе, арендующее громадное количество владѣльческихъ земель, горячо желаетъ принять болѣе дѣятельное участіе въ покупкѣ продаваемыхъ земель. Поэтому стоитъ только правительству придти сюда съ достаточною помощью — и земледѣльческій классъ явится сильнымъ конкурентомъ по пріобрѣтенію продажныхъ земель.

Вопросъ о содѣйствіи крестьянамъ въ покупкѣ земель за послѣдніе три-четыре года такъ прочно поставленъ земствомъ и литературой, что разрѣшеніе его есть только дѣло времени. Но, относясь съ полнымъ сочувствіемъ къ возбужденному вопросу, мы съ своей стороны не можемъ согласиться съ постановкой его изолированно, не касаясь вопроса о крестьянскомъ земельномъ кредитѣ вообще,—вопроса чрезвычайной важности.

Леонидъ Ходскій.

О новыхъ книгахъ.

Наши педагогическіе вопросы. Соч. барона *Н. А. Корфа.* Изданіе „Сотрудникъ школъ" *А. К. Залѣсскій.* Москва. 1882 года. Цѣна 2 руб. 25 коп.

Есть такіе вопросы, въ рѣшеніи которыхъ каждый считаетъ себя компетентнымъ безъ особой подготовки, безъ близкаго знакомства съ предметомъ. И замѣчательно, что не только всезнайка Загорѣцкій посягаетъ на ихъ рѣшеніе, но нерѣдко и люди довольно солидные, которымъ совсѣмъ не приличествуетъ легкомысленный образъ дѣйствій. Къ числу такихъ негарантированныхъ вопросовъ, на которые посягаетъ всякій, принадлежатъ между прочимъ вопросы о народныхъ нуждахъ, о народномъ образованіи. Искусство печь пироги или шить сапоги болѣе гарантировано отъ вторженія каждаго со стороны, чѣмъ вопросы, касающіеся народа. Здѣсь каждый знаетъ, каждый смыслитъ, здѣсь каждый—спеціалистъ... И въ настоящее время наша литература переполнена статьями о народѣ на тему: какъ помочь ему въ его экономической бѣдѣ и умственной темнотѣ. Говорятъ объ этомъ многіе, но не многіе говорятъ съ знаніемъ дѣла, знаніемъ не по книжкамъ только, а послѣ надлежащаго ознакомленія съ народною жизнью, съ самимъ народомъ. Вотъ эти-то немногіе голоса, въ особенности въ области народнаго образованія, должны заставить теоретиковъ, совсѣмъ незнакомыхъ съ народомъ, сознаться, что ихъ рѣшенія, создавшіяся per distantiam, a priori, нерѣдко имѣютъ значеніе только отрицательное: тормозятъ дѣло, вредятъ народу.

Такихъ голосовъ, имѣющихъ за собой всеобщее признаніе компетентности, правда, у насъ не очень много, за то тѣмъ они дороже. Къ числу этихъ немногихъ безспорно принадлежитъ и голосъ извѣстнаго педагога барона Н. А. Корфа—человѣка посвятившаго себя всецѣло дѣлу народнаго образованія. Въ каждомъ его словѣ, кромѣ знанія дѣла, сквозитъ любовь самая искренняя, самая святая къ избранному дѣлу. Какъ своими статьями, такъ и своею дѣятельностью баронъ Корфъ пріобрѣлъ глубокое уваженіе каждаго, кому дорого народное образованіе.

Въ названной книгѣ, представляющей собраніе статей, появлявшихся въ разныхъ журналахъ, баронъ Корфъ касается многихъ интересныхъ педагогическихъ вопросовъ, относящихся преимущественно до народной школы: о воскресныхъ, о повторительныхъ школахъ, объ обязательности обученія, объ «инспекціяхъ надъ школами», о «преподаваніи Закона Божія», объ «еврейскомъ вопросѣ въ дѣлѣ народнаго образованія», о «малорусской на-

родной школѣ», о «научныхъ основахъ обученія по Бэну», о степени грамотности крестьянъ, давно оставившихъ школу, и т. д.

За невозможностью остановиться на всемъ разнообразіи вопросовъ, поднятыхъ барономъ Корфомъ, выберемъ одинъ, какъ самый общеинтересный—объ «образовательномъ уровнѣ грамотныхъ крестьянъ».

Кому не интересно знать, сохраняетъ ли народъ умѣнье читать и писать лѣтъ черезъ пять-шесть по выходѣ изъ школы? Большинство противниковъ распространенія начальныхъ народныхъ школъ, рѣшающіе вопросы per distantiam, говорятъ, что знаніе, пріобрѣтаемое въ начальной школѣ, народъ весьма быстро забываетъ, разучивается и читать и писать. Потому,—настаиваютъ эти люди, смотрящіе на народъ издали своего кабинета,—затрата со стороны земства на школьное образованіе есть затрата безполезная. Эти люди проповѣдуютъ смерть народной школѣ, потому что она, по ихъ мнѣнію, приводитъ между прочимъ къ слѣдующимъ результатамъ: «выходящіе изъ нея или вовсе забываютъ пройденное въ школѣ, или стремятся выйти изъ своей среды, добиваются поступленія въ среднія и высшія учебныя заведенія, которыя они нерѣдко покидаютъ, не окончивъ въ нихъ курса» (стр. 390).

Но не только люди, судящіе per distantiam, а и близко стоящіе къ народу, искренно преданные ему, нерѣдко выносятъ совершенно ложное представленіе о степени народной грамотности. Вотъ что читаемъ въ статьѣ «Фабричный бытъ въ Германіи» (*Устои* 1882 года №№ 3 и 4), авторъ которой занятъ изслѣдованіемъ фабрикъ и заводовъ Московской губерніи. «По словамъ очень многихъ фабрикантовъ, — говоритъ авторъ, — и директоровъ на тѣхъ фабрикахъ, гдѣ въ виду исключенія изъ общаго правила устроена фабричная школа, рабочіе очень скоро забываютъ все, чему ихъ прежде учили въ школѣ». Авторъ и самъ находитъ подтвержденіе этому факту въ слѣдующемъ (на нашъ взглядъ, весьма характерномъ и знаменательномъ) отвѣтѣ рабочихъ на вопросъ: «грамотенъ ли?»—«Кто е знаетъ... Когда-то учили—и могъ читать, и писать, а теперь, поди, все позабылъ—и печатнаго не прочту...» (стр. 59).

Отвѣтъ рабочаго до наивности искрененъ: онъ не осмѣливается ни утверждать, ни отрицать своего знанія,—онъ говоритъ только такимъ отвѣтомъ, что не знаетъ, знаетъ ли. Потому на основаніи этихъ замѣчательно осторожныхъ словъ крестьянина нельзя рѣшать вопросъ категорически, что крестьянинъ забываетъ все пройденное въ школѣ.

Казалось бы, кому же лучше знать о степени грамотности, какъ не самому лицу, о знаніи котораго идетъ рѣчь? Но вотъ тутъ-то мы и наталкиваемся на ту ужасную иронію, которая является необходимымъ слѣдствіемъ заботъ о народѣ per distantiam. Дѣйствительно, какъ, какимъ путемъ можетъ провѣрить народъ степень своей грамотности, когда вмѣстѣ со школой отъ него ушли и книжки? Отвѣтъ: «Кто е знаетъ» рисуетъ цѣлую картину положенія нашего грамотнаго крестьянина по выходѣ изъ школы: ни одной книгой не надѣляетъ его школа по окончаніи курса.

Земство еще до сихъ поръ не взяло на себя обязанности снабжать грамотныхъ крестьянъ книгами, ни при одномъ училищѣ не образовало библіотеки съ читальней... Только тогда, когда все это перестанетъ быть лишь pia desideria, можно будетъ ждать отъ самого крестьянина опредѣленнаго отвѣта на запросъ, вмѣсто ироническаго: «Кто е знаетъ...»

Если же мы вздумаемъ рѣшить этотъ любопытный вопросъ на основаніи имѣющихся «нѣкоторыхъ данныхъ», на основаніи аналогіи, то, разумѣется, тоже придемъ къ отрицательному взгляду. Если мы сами пять-шесть лѣтъ спустя послѣ изученія какого-нибудь иностраннаго языка, не имѣя случая упражняться въ немъ, хотя изрѣдка, сплошь и рядомъ забываемъ языкъ, то какъ же не забыть грамоты крестьянину, учившемуся всего три зимы, считая по 5 мѣсяцевъ въ зиму, слѣдовательно всего какихъ-нибудь 15 мѣсяцевъ въ жизни, и притомъ учившемуся въ самомъ раннемъ возрастѣ (до 10 лѣтъ), когда онъ считается еще плохимъ помощникомъ въ хозяйствѣ? Дѣйствительно, было бы необыкновенно, еслибъ онъ черезъ 3—4 года не утратилъ совсѣмъ воспоминанія о грамотѣ.

И какъ разъ на такое, повидимому, необычайное явленіе указываетъ баронъ Корфъ, давая отвѣтъ не на основаніи «нѣкоторыхъ данныхъ», а послѣ полнаго серьезнаго изслѣдованія дѣла. Онъ взялся за изслѣдованіе вопроса съ цѣлью защиты народной начальной школы, безполезность которой усматривали люди, рѣшившіе изъ глубины своего кабинета, что крестьянинъ забываетъ все, чему его учили, почти тотчасъ по выходѣ изъ школы.

Изслѣдованіе вопроса было произведено бар. Корфомъ съ полнымъ знаніемъ дѣла. Онъ подвергъ испытанію «350 взрослыхъ грамотныхъ крестьянъ Маріупольскаго и Александровскаго уѣздовъ Екатеринославской губерніи» и поручилъ нѣкоторымъ изъ своихъ знакомыхъ сдѣлать то же въ другихъ мѣстахъ, между прочимъ и въ Московской губерніи.

Крестьяне охотно пришли на сдѣланный имъ призывъ на экзаменъ, а тѣ, которые въ назначенное время не могли явиться, просили назначить имъ другой день. Конечно, такая охота являться на экзаменъ объясняется отчасти тѣмъ, что вызовъ былъ сдѣланъ барономъ Корфомъ, имя котораго имъ хорошо извѣстно, а отчасти и умѣньемъ постановки вопроса. Баронъ Корфъ поставилъ экзаменъ въ связь съ учрежденіемъ воскресныхъ школъ. «Объяснивъ крестьянамъ цѣль моего посѣщенія,—говоритъ онъ, — я спрашиваю ихъ, станутъ ли они посѣщать воскресную школу зимою, если царь разрѣшитъ, а земство захочетъ устроить такія школы,—и въ отвѣтъ раздаются восторженные единогласные крики: «будемъ, будемъ непремѣнно!»

Веденіе экзамена было самое практичное. Всѣмъ собравшимся было роздано по полулисту бумаги съ намѣченными 9 строками. Первыя двѣ предназначались для обозначенія села, года, мѣсяца, имени, отчества, фамиліи экзаменующагося, 3-я—для обозначенія лѣтъ, 4-я—сколько лѣтъ учился и давно ли оставилъ школу, 5-я—есть ли книги дома и какія

6-я—имѣются ли чернила и бумага, 7-я—сколько писемъ написалъ въ годъ, 8-я—есть ли грамотные въ семьѣ, 9-я—для нумераціи и тутъ же сбоку ставилась отмѣтка за чтеніе.

Всякій видитъ изъ приведенной программы экзамена, сколько интересныхъ данныхъ долженъ былъ получить баронъ Корфъ по окончаніи испытанія. На всѣ указанные вопросы экзаменующіеся должны были дать письменные односложные отвѣты.

Сдѣлавши выводъ на основаніи полученныхъ данныхъ послѣ испытанія, баронъ Корфъ говоритъ: *народъ по выходѣ изъ школы не забываетъ грамотѣ*: 77%—92% изъ окончившихъ курсъ въ начальной школѣ испытанныхъ мѣстностей *читаютъ удовлетворительно*. Это явленіе нѣсколько объясняется еще другою столь же пріятною неожиданностью: по крайней мѣрѣ 86% изъ экзаменовавшихся крестьянъ имѣютъ у себя по одной книгѣ. Изъ книгъ чаще всего попадаются: «Требникъ», «Акаѳистъ», «Святцы», «Бова Королевичъ», «Ерусланъ Лазаревичъ»... Встрѣчались, впрочемъ, и иныя, хотя, правда, крайне рѣдко: «Народное чтеніе», «Тарасъ Бульба» и даже за какой-то годъ *Отечественныя Записки*.

Получивши отвѣты на всѣ предложенные вопросы, бар. Корфъ задалъ сочиненіе на тему: «Какую пользу приноситъ грамота?» Весьма знаменательно, что всѣ писавшіе находили грамоту безусловно полезной и въ практическомъ, и въ нравственномъ отношеніи. Находились между сочинителями и такіе субъекты, которыхъ сочиненія прямо говорили о выдающихся способностяхъ маленькихъ авторовъ. Въ этомъ отношеніи любопытно сочиненіе крестьянина Тимоѳеева 14 лѣтъ, живущаго въ селѣ Астраханкѣ Бердянскаго уѣзда. «Если человѣкъ грамотный,—пишетъ онъ,—то онъ бываетъ умнѣе; онъ *если постоянно* читаетъ, то знаетъ все, что было въ Россіи за сто и двѣсти лѣтъ тому назадъ; онъ знаетъ тѣ времена, въ которыя жили великіе люди, которые прославились своими добрыми дѣлами и полезными для отечества; онъ можетъ знать тѣхъ бывшихъ великихъ царей, которые сдѣлали много добра и пользы своимъ подданнымъ; вспоминая же про ихъ дѣла и славу, онъ будетъ стараться быть полезнымъ, чтобы и его имя было произнесено въ строкахъ исторіи. Если ему нужно прочесть и написать письмо, то все это онъ можетъ самъ. Да, это неоспоримо, что наука полезна!» (стр. 166 и 167).

Смыслъ, толковитость и слогъ этого сочиненія еще болѣе поражаютъ, когда узнаемъ, что этотъ маленькій авторъ уже четыре года тому назадъ оставилъ школу, слѣдовательно окончилъ весь курсъ наукъ, когда ему было всего только *10 лѣтъ*. Разумѣется, такой мальчикъ обладаетъ недюжинными способностями. И такихъ можетъ-быть не мало на Руси... Теперь нашимъ изслѣдователямъ народной жизни не разъ приходится наталкиваться на подобные выдающіеся побѣги молодаго крестьянства, а еще чаще—на заглохшія безъ разцвѣта попытки поэтическаго творчества, на зародыши заглохшаго таланта.

Мы приведемъ здѣсь одно изъ стихотвореній, сообщенныхъ намъ докторомъ Погожевымъ, который встрѣтился съ ихъ авторомъ (40-лѣтнимъ крестьяниномъ) на одной изъ изслѣдуемыхъ имъ фабрикъ Звенигородскаго уѣзда, Московской губерніи:

«Прощаніе съ послѣднимъ лѣсомъ Петровскихъ крестьянъ».

Прощай, лѣсочекъ нашъ родимый,
Прощай, прощай въ послѣдній разъ!
Ужь, вѣрно, лѣшій злыя бѣльмы
Къ тебѣ стремилъ въ недобрый часъ.

* *
*

Тебя усердно здѣсь ростили
Отецъ и дѣды—старики,
Но внуки весь тебя прожили,—
Теперь стоятъ одни пеньки.

* *
*

Тебя не мало у насъ было:
Четыре сотни десятинъ!
Но пильщиковъ пила спилила—
Мы вотъ тебѣ творимъ поминъ.

* *
*

Остался было на Маринкахъ
Вихорчикъ лѣса небольшой,
И съ нимъ разстались на поминкахъ—
Продали нынче на Святой.

* *
*

Увидѣлъ староста нашъ сельскій,
Что онъ горюетъ одинокъ,
Сказалъ крестьянамъ слово вѣско:
«Продайте этотъ мнѣ клочокъ!»

* *
*

Крестьяне многіе вздыхали,
Жалѣли внучка всѣхъ лѣсовъ;
Но все же старостѣ продали,—
Что-жь дѣлать?!—староста здѣсь *самъ!...*

* *
*

Послалъ онъ горя для залитья
Тотчасъ же водки два ведра.
Вотъ міромъ послѣ винопитья
Пропѣли пѣсенку вчера.

* *
*

И память вѣчную сказали
Родному, милому лѣску;

Въ хмѣлю хоть пѣсни распѣвали,
Но не согнали грусть-тоску.

* *
*

А бабы просто въ полный голосъ
Въ углахъ ревѣли по избамъ,
У нихъ поднялся длинный волосъ,
Кричали: «Гдѣ рости грибамъ?»

* *
*

Не то грибамъ—и лѣсовому
Ужь стало негдѣ ночевать;
Придетъ онъ, бѣдный, къ домовому
Проситься ночь прокоротать.

* *
*

Теперь Петровскимъ ужь невольно
Придется рыскать по ночамъ,—
А каждому-то сердцу больно
Прослыть ворами мужикамъ.

* *
*

А гдѣ на дворъ возьмемъ мы слегу?
Въ чужой, вѣдь, нужно ѣхать лѣсъ...
Очистилъ насъ бѣлѣе снѣгу
Теперь совсѣмъ проклятый бѣсъ.

* *
*

Творите, бѣдные крестьяне,
Вы память вѣчную лѣску:
Тогда вы часто были пьяны,
Теперъ питайте грусть-тоску.

Не будемъ входить въ разборъ и оцѣнку приведеннаго стихотворенія; наша цѣль—показать только на одинъ изъ многихъ загибшихъ безъ развитія самородковъ изъ народа. Разъ они являются даже при тѣхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, въ какія поставлена наша начальная деревенская школа и народное образованіе вообще, то сомнѣніе въ полезности народныхъ школъ кажется громаднымъ недоразумѣніемъ. Для обезпеченія же болѣе полезныхъ результатовъ отъ этихъ школъ необходимо,—повторяемъ за барономъ Корфомъ,—основаніе воскресныхъ повторительныхъ, которыя, помогая лучшему усвоенію пройденнаго въ школѣ, въ то же время гарантируютъ общество отъ такихъ утратъ, какъ авторъ вышеприведеннаго стихотворенія.

Научивши народъ грамотѣ, необходимо научить его и пріохотить читать. Для этого должны быть открыты при народныхъ училищахъ читальни и библіотеки. Онѣ должны положить начало тому разумному развлеченію народа, которое способно будетъ отвлечь его отъ кабака—до сихъ

поръ единственнаго общественнаго народнаго клуба. Такъ смотритъ на народныя читальни баронъ Корфъ. Ему мы можемъ и должны вѣрить, такъ какъ онъ свои положенія не измышляетъ. Онъ говоритъ, что мужикъ молодой Россіи хочетъ учиться, хочетъ читать, мужикъ проситъ книжки. Крестьяне отъ 20 до 26 лѣтъ возрастомъ въ своихъ сочиненіяхъ написали барону Корфу: *«Мы желали бы, чтобы вы надѣлили насъ хоть какою-нибудь книгою»* (стр. 172).

Земство должно удовлетворить это законное желаніе народа.

Наши пути сообщенія. Экономическій очеркъ. Составили *Д. Рыбаковъ* и *В. Бѣловъ*. Спб. 1882 года.

Данная книга представляетъ шесть главъ, изъ которыхъ каждая имѣетъ цѣльность и законченность статьи. Поднятые въ ней вопросы близки всякому, кто хотя сколько-нибудь заинтересованъ экономическимъ положеніемъ Россіи.

Въ первой главѣ съ умѣньемъ и знаніемъ дѣла авторы даютъ очеркъ того, какъ строились у насъ наши желѣзныя дороги. Здѣсь мы узнаемъ, что сѣть всѣхъ нашихъ дорогъ до 1878 года равнялась 20.788 вер. Постройка всего пути обошлась въ 2.079.575.207 руб., причемъ средняя стоимость каждой версты обходится въ 100.000 руб. Эта цифра окажется даже для человѣка, мало понимающаго въ подобныхъ вопросахъ, ужасной, когда онъ далѣе, изъ словъ того же автора, узнаетъ, что въ Сѣверной Америкѣ, гдѣ сѣть всѣхъ желѣзныхъ дорогъ растянулась на 39.244 англ. мили, стоимость версты равняется 35.000 руб. Разница приходится громадная—65.000 руб. на каждую версту! Но чтобы читатель не успокоился на обычныхъ разсужденіяхъ русскаго человѣка: «то—американцы, а то—мы», авторъ указываетъ ему на Финляндію, которой не коснулись наши порядки: тамъ верста желѣзной дороги обходится дешевле Сѣверной Америки—въ 28.416 руб.

Еще обиднѣе дѣлается, когда при такой громадной затратѣ капитала на проведеніе желѣзныхъ дорогъ оказывается, что онѣ, вмѣсто выгоды, приносятъ въ Россіи дефицитъ. Причину такого печальнаго явленія авторъ усматриваетъ, во-первыхъ, въ громадности протяженій нашихъ дорогъ, отъ провоза по которымъ страшно увеличивается цѣна на провозимый товаръ. Во-вторыхъ, общее направленіе нашихъ дорогъ идетъ къ границамъ. Слѣдовало бы ожидать, что это послѣднее обстоятельство дастъ возможность большаго сбыта нашихъ производствъ за границу. Но статистика говоритъ совсѣмъ обратное. Вотъ что она говоритъ: съ каждымъ годомъ ввозъ заграничныхъ товаровъ въ Россію увеличивается, а вывозъ производится самый ничтожный. И если дѣло будетъ такъ продолжаться, то странѣ, разумѣется, грозитъ большая бѣда. Въ-третьихъ — недостатокъ питательныхъ вѣтвей; и въ четвертыхъ—отсутствіе связи между сѣтью желѣзныхъ дорогъ и системою водныхъ путей.

Въ слѣдующей статьѣ: «Нужны ли намъ желѣзныя дороги»—авторъ доказываетъ, что онѣ явились у насъ преждевременно. На Западѣ желѣзныя дороги были вызваны сильнымъ развитіемъ въ странѣ промышленности; онѣ появились уже послѣ проложенія шоссейныхъ и правильной организаціи водныхъ путей. Такъ желѣзныя дороги связывали уже существовавшіе пути сообщенія. Мы же строили дороги, не принимая во вниманіе ни водныхъ путей, ни другихъ промышленныхъ условій страны; напримѣръ, при расположеніи сѣти желѣзныхъ дорогъ не брали въ соображеніе хлѣбныхъ центровъ. Но главное зло авторъ видитъ въ настоящее время въ пренебреженіи со стороны правительства водными путями сообщенія: оно совсѣмъ не заботится о нихъ,—и, несмотря на это, водные пути въ Россіи не только не замерли послѣ появленія «у насъ желѣзныхъ дорогъ, но даже не уменьшили своего значенія» (стр. 93).

Въ четвертой главѣ авторъ доказываетъ, что намъ нужны не желѣзныя, а шоссейныя и водныя дороги. Мы же не поддерживаемъ, а въ самомъ зародышѣ убиваемъ всякую попытку частной иниціативы въ этомъ отношеніи. Такъ въ 1838 году «Мясниковъ просилъ о выдачѣ 10-тилѣтней привилегіи на пароходство по рр. Оби, Иртышу, Енисею. Ему не дали разрѣшенія, а генералъ-губернаторъ Западной Сибири нашелъ предложеніе Мясникова прямо «зловреднымъ» (стр. 135). Въ другомъ случаѣ, чтобы получить позволеніе на возобновленіе судоходства по Тоболу и Ишиму, предпринимателямъ пришлось ждать 15 лѣтъ.

Послѣднія двѣ статьи авторъ посвящаетъ разсмотрѣнію вопроса, который изъ путей выгоднѣе для проведенія Сибирской желѣзной дороги—сѣверный или южный, и высказывается въ пользу сѣвернаго, т. е. Тагило-Ирбитскаго пути.

Несмотря на обиліе цифръ и научныхъ положеній, авторамъ удалось выяснить ихъ мысли въ такой понятной и легкой формѣ, что ихъ книга представляетъ прекрасный образчикъ того, какъ надо говорить въ общедоступной формѣ о «мудреныхъ вещахъ».

Желаемъ самаго успѣшнаго распространенія этой весьма аккуратной по своей внѣшности книжкѣ.

Европейскіе писатели и мыслители. III—Ренанъ. Изданіе *В. В. Чуйко*. Спб. 1882 года.

«Ренанъ» составляетъ уже третій выпускъ предпринятаго изданія г. Чуйко. Почему этотъ выпускъ посвященъ Ренану, а не кому другому изъ французскихъ писателей, объяснить трудно, какъ и вообще предпринятый авторомъ порядокъ изданія. По всему вѣроятію, онъ обусловливается какими-нибудь внѣшними, чисто-случайными причинами.

Имя «Ренана» давно стало извѣстно русской публикѣ, тотчасъ по выходѣ въ свѣтъ «Vie de Jesus»—перваго тома его большой работы: «Исторія происхожденія христіанства». Этотъ томъ появился въ 1863 году и произвелъ большой шумъ и породилъ большіе толки не только во француз-

ской литературѣ, но вообще въ европейской и даже у насъ, гдѣ онъ былъ не допущенъ къ продажѣ. Какъ ни затруднительно было познакомиться съ книгой, ввозъ которой былъ запрещенъ въ Россію, тѣмъ не менѣе ее доставали и читали нарасхвать. И теперь едва ли среди интеллигенціи найдется человѣкъ, который при знаніи французскаго языка не былъ бы знакомъ въ подлинникѣ съ этимъ произведеніемъ Ренана. Поэтому г. Чуйко не совсѣмъ правъ, когда говоритъ въ приложенныхъ къ изданію біографическихъ свѣдѣніяхъ о Ренанѣ, что *«никто не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о самой книгѣ»*... Правда, съ ней не знакомы были какъ разъ тѣ, кому приходилось читать брошюры и книги на русскомъ языкѣ, направленныя противъ Ренана...

Съ именемъ этого писателя у насъ невольно соединяется представленіе о человѣкѣ, который осмѣлился приступить съ критическимъ анализомъ къ вопросамъ, относящимся до области нашей вѣры. И потому объявленіе г. Чуйко, что третій выпускъ будетъ содержать произведенія Ренана, возбуждалъ сильный интересъ, тѣмъ болѣе, что произведенія Ренана, какъ знала русская публика, до сихъ поръ считались въ Россіи запрещенными.

Но вотъ вышелъ въ свѣтъ третій выпускъ изданія «Европейскихъ писателей и мыслителей»,—и какое разочарованіе! Тѣ произведенія Ренана, которыхъ ждала публика, только переименовываются: «La vie de Jesus», «Les Apotres», «Saint Paul», «Les Evangiles» и т. д. Въ книжкѣ приведены статьи и отрывки изъ другихъ сочиненій, по которымъ едва ли возможно составить себѣ хотя какое-нибудь понятіе о Ренанѣ, какъ объ ученомъ и высоко-талантливомъ писателѣ. Приведенныя статьи—это хрестоматическіе отрывки, которые почти всѣ могутъ служить для старшихъ классовъ мужскихъ и женскихъ гимназій какъ классное чтеніе при изученіи эпохи Нерона, Траяна, вообще первыхъ вѣковъ христіанства, личности Магомета и т. д.

Издавать въ отрывкахъ, не имѣющихъ между собой никакой связи, по нашему мнѣнію, возможно только поэтическія произведенія, чтеніе которыхъ на иностранныхъ языкахъ доступно далеко не всѣмъ. Но и при этомъ издатель, казалось, больше бы удовлетворилъ читателей, еслибы давалъ своей книжкой что-нибудь цѣльное; а издавать произведенія историковъ, ученыхъ изслѣдователей въ безсвязныхъ отрывкахъ — положительно безсмысленно, если издатель только не имѣетъ въ виду исключительно юношество, старшій дѣтскій возрастъ. Данный выпускъ наводитъ на это предположеніе еще рѣшительнѣй, чѣмъ клочки, составляющіе содержаніе предшествующихъ выпусковъ.

Разумѣется, выбранные отрывки не безъ достоинствъ. Въ нихъ есть прекрасныя мысли, весьма недурно выраженныя. Приведемъ для знакомства небольшое мѣсто, гдѣ авторъ говоритъ, что страданія являются двигателемъ всякой новой вѣры, новой идеи. «Какую колеблющуюся вѣру н сдѣлаетъ пытка фанатической?—говоритъ Ренанъ.—Наслажденіе въ ст

даніяхъ за свою вѣру такъ велико и сильно, что неоднократно встрѣчались примѣры, указывающіе, какъ натуры страстныя примыкали къ гонимому ученію, ради наслажденія принести себя въ жертву имъ. Въ этомъ смыслѣ преслѣдованіе есть существеннѣйшее условіе всѣхъ религіозныхъ созданій. Ей присуща чудодѣйственная сила укрѣплять гонимыя идеи, изгонять всякія сомнѣнія. Мы нерѣшительны и робки, мы едва вѣримъ въ свои собственныя идеи и весьма можетъ быть, что еслибы мы сдѣлались гонимыми за нихъ, мы кончили бы тѣмъ, что увѣровали бы въ нихъ...» (стр. 28).

Но надо замѣтить, что переводъ статей даннаго выпуска не вездѣ такъ хорошъ, какъ приведенное мѣсто: въ немъ попадаются,—правда, не особенно часто, — довольно странныя грамматическія формы; напримѣръ: «Кальвинъ все-таки преуспѣвалъ, потому что былъ *самымъ христіаннѣйшимъ* человѣкомъ своего времени». Мы не прочь отъ введенія въ рѣчь неологизмовъ, лишь бы они не противорѣчили духу языка и не являлись искаженіемъ формъ, какъ данная превосходная степень отъ слова христіанинъ. Можно указать также на неудобные обороты, напримѣръ, въ родѣ такого: ...«она надолго отложитъ возможность ознакомиться съ личностью одной изъ самыхъ просвѣщенныхъ женщинъ своего времени и *душой во всѣ времена наидостойнѣйшей*» (стр. 30). Кромѣ неловкости оборота, тутъ весьма затруднительно понять, что̀ переводчикъ называетъ *наидостойнѣйшей*—женщину или душу? Или вотъ еще курьёзный эпитетъ: «*прѣсныя* преувеличенія» (стр. 49). Какъ бы ни распространены были въ нашемъ языкѣ метафоры, безъ которыхъ не обходится почти ни одна фраза нашего обычнаго разговора, все же слово «прѣсный» является черезчуръ *метафоричнымъ* и ставитъ читателя въ большое затрудненіе при пониманіи.

Еще одно замѣчаніе. Авторъ весьма обязательно заботится о читателѣ, незнающемъ новѣйшихъ иностранныхъ языковъ, и любезно переводитъ ему каждое французское слово, даже такія слова какъ: Antechrist, Saint Paul и др. Но какъ только дѣло касается латинскихъ фразъ, авторъ не осмѣливается передавать классическія изреченія на русскій языкъ, строго требуя отъ читателя знанія этого языка. Отчего такая строгость? Почему непремѣнно латинскій языкъ долженъ знать читатель, если ему прощается незнаніе другихъ языковъ? Не мѣшаетъ издателю въ слѣдующихъ выпускахъ обратить вниманіе на это обстоятельство.

Полное собраніе сочиненій князя П. А. Вяземскаго. Томъ VII. 1855—1877 г. Изданіе графа *С. Д. Шереметева*. С.-Петербургъ. 1882 года.

Князь П. А. Вяземскій недавно сошелъ въ могилу; но онъ принадлежалъ эпохѣ давняго прошлаго,—духовный сынъ Карамзина, другъ Жуковскаго и Батюшкова... Потому при оцѣнкѣ его произведеній не можетъ и не должна примѣняться мѣрка современнаго взгляда. Онъ былъ свидѣтелемъ пушкинской эпохи, пережилъ не только своихъ учителей, но и дру-

зей-современниковъ и даже слѣдовавшія за нимъ молодыя поколѣнія, пережилъ Пушкина, Лермонтова, Бѣлинскаго, Добролюбова и Некрасова...

Всѣ, съ кѣмъ онъ понимался, мало-по-малу сходили въ могилу, и онъ одинъ оставался на землѣ запоздалымъ инвалидомъ. Онъ чувствовалъ это,—чувствовалъ, что время переживаетъ его. Въ статьѣ: «Памяти П. А. Плетнева»—онъ прекрасно говоритъ о чувствѣ нравственнаго одиночества, которое приходится испытывать ему—запоздалому страннику. «Съ Плетневымъ,—говоритъ онъ,—лишился я послѣдняго собесѣдника о *«дѣлахъ минувшихъ лѣтъ...»* Говоря о томъ, что занимало меня и насъ тревожило или радовало, что̀ и кого любилъ я, чѣмъ и кѣмъ жила жизнь моя, уже не кому при случаѣ сказать: «а помните ли?» и прочее... Нѣтъ уже пайщика въ моей памяти. *Никто не помнитъ того, что я помню,* что мнѣ такъ памятно, что такъ еще присущно, живо и свѣжо въ старой *памяти моей, пережившей такъ сказать цѣлые вѣка, цѣлый міръ лицъ и былей...* Теперь я помню одинъ...» (стр. 130).

Такъ писалъ онъ еще въ 1866 году, послѣ чего прожилъ еще болѣе десяти лѣтъ. Несмотря на преклонные годы, онъ до смерти сохранялъ замѣчательную бодрость и живость ума и присущее ому оригинальное остроуміе.

Литературное поприще онъ началъ въ томъ году, когда маленькій Пушкинъ переступалъ черезъ порогъ Царкосельскаго лицея, а въ 1861 году присутствовалъ на праздникѣ, устроенномъ въ честь его пятидесятилѣтней литературной дѣятельности. Въ рѣчи, сказанной на этомъ торжествѣ, всю честь, оказанную ему этимъ праздникомъ, онъ относилъ къ своимъ товарищамъ, тѣнь которыхъ падала и на него. «Вы въ моемъ лицѣ празднуете умилительную тризну славнымъ покойникамъ, которыхъ нѣкогда былъ я питомцемъ, современникомъ и товарищемъ... Вы заявляете сердечное слово, вы подаете ласковую руку простому рядовому, который уцѣлѣлъ изъ побоища смерти и пережилъ многихъ знаменитыхъ сослуживцевъ...» (стр. 67).

На службу же онъ поступилъ еще раньше, чѣмъ объявился въ литературѣ, раньше 1811 года. Какъ извѣстно, онъ занималъ нѣкоторое время постъ министра народнаго просвѣщенія, но «убоялся бездны премудрости»—иронизируетъ онъ—и оставилъ эту должность. Былъ начальникомъ цензурнаго управленія, но эту должность скоро оставилъ «отъ избытка премудрости»,—она оказалась еще менѣе опредѣленна и несравненно болѣе тяжела для человѣка съ сердцемъ и умомъ, чѣмъ жезлъ министерскій... И вотъ онъ снова возвращается къ положенію *свободнаго* писателя, т.-е. такого, который вполнѣ обезпеченъ и можетъ писать когда ему захочется. «Я никогда не думалъ *сдѣлаться* писателемъ,—говоритъ онъ,—я писалъ потому, что писалось, потому что во мнѣ искрилось нѣчто такое, что требовало улетучиванія, просилось на волю и наружу» (стр. 410). Онъ писалъ стихи и критическія статьи. Послѣднія доставили ему довольно видное мѣсто въ литературѣ. Но онъ самъ больше видѣлъ въ себѣ поэта, чѣмъ критика. Не разъ съ любовью упоминаетъ онъ о

своихъ стихахъ и даже куплетахъ, писанныхъ для водевиля, состряпаннаго Грибоѣдовымъ. Люди же занимающіеся русскою литературой больше интересуются и цѣнятъ его критическія статьи о Фонвизинѣ, Державинѣ, Озеровѣ, небольшія статейки о Жуковскомъ, Дмитріевѣ, Карамзинѣ, Баратынскомъ, Мицкевичѣ и т. д. Послѣднія вмѣстѣ съ разными воспоминаніями и юбилейными рѣчами вошли въ VII томъ его сочиненій.

Во всѣхъ этихъ статьяхъ онъ является человѣкомъ умнымъ, честнымъ, прямымъ, но, разумѣется, со взглядами и требованіями своего отжившаго вѣка. Слова, сказанныя о немъ Бѣлинскимъ еще въ 1843 году, остаются вѣрными и по отношенію къ его послѣдующей литературной дѣятельности. «Онъ является,—говоритъ Бѣлинскій,—критикомъ въ духѣ своего времени, но безъ всякаго педантизма, судитъ свободно, не какъ ученый, а какъ простой человѣкъ съ умомъ, вкусомъ и образованіемъ, излагаетъ свои мысли съ увлекательнымъ жаромъ и краснорѣчіемъ, изящнымъ языкомъ...» Онъ же, по словамъ Бѣлинскаго, способствовалъ «къ освобожденію русской литературы отъ предразсудковъ французскаго псевдоклассицизма» (т. VII, стр. 302 и 303).

Долго еще послѣ смерти Бѣлинскаго писалъ Вяземскій, оставаясь попрежнему литературнымъ сыномъ своего времени. Онъ еще помнилъ Державина, заучивалъ его оды, пѣлъ съ Жуковскимъ, видѣлъ верхъ поэзіи въ его «Пѣвцѣ въ станѣ русскихъ воиновъ», бесѣдовалъ съ музами, полюбилъ Пушкина, изящно художественную литературу, призналъ за поэзіей право служенія «искусству для искусства...» И судьба заставила его пережить всѣ эти направленія и похоронить все дорогое; она приковала его къ могиламъ, заставила смотрѣть, какъ неумолимое время и сама жизнь низвергаютъ и разбиваютъ всѣ тѣ кумиры, которымъ онъ привыкъ горячо молиться. Передъ нимъ шли новыя процессіи, съ своими новыми богами, распѣвая новые гимны...

Тяжело, трудно было ему, запоздавшему въ этомъ мірѣ... Но, какъ человѣкъ въ высшей степени живой, онъ не въ силахъ былъ ограничиться пассивною ролью молчаливаго зрителя,—онъ произноситъ свое слово несущейся мимо него процессіи, высказываетъ ей свое негодованіе. Не забудемъ, что одиночество застало его въ одинъ изъ бурныхъ моментовъ русской жизни, вынести которыхъ не въ силахъ были многіе изъ людей прошлаго. Онъ пережилъ эпоху шестидесятыхъ годовъ, такъ сильно всколыхнувшую русскую жизнь, породившую цѣлый рядъ вопросовъ и новыхъ требованій. Но, мы припомнимъ, онъ любилъ Николая Тургенева, пострадавшаго за декабрскую исторію, сочувственно относился къ мысли объ освобожденіи крестьянъ, и этого, конечно, достаточно, чтобы главныя преобразованія шестидесятыхъ годовъ не встрѣтили въ немъ озлобленнаго противника. Но множество изъ вопросовъ, вытекавшихъ какъ необходимое слѣдствіе преобразованія, онъ не въ силахъ былъ понять сразу. Такъ поднятый въ то время въ литературѣ «женскій вопросъ» казался ему лишеннымъ малѣйшей дозы здраваго смысла. Онъ не переставалъ

относиться къ нему съ добродушною шуткой, какъ къ дѣтской шалости самого общества, даже тогда, когда дѣлались шаги къ практическому разрѣшенію этого вопроса. Когда уже въ Петербургѣ и въ Москвѣ были открыты женскіе курсы, онъ не переставалъ иронизировать надъ женщиной и надъ ея стремленіями: онъ совѣтовалъ ей установить не только равноправіе между полами, но и нести воинскую и всесословную повинность...

«Женскій вопросъ» для человѣка двадцатыхъ годовъ, казалось, ломалъ всю жизнь, ставилъ наизнанку, превращалъ все въ хаосъ. Но прошло нѣсколько лѣтъ; хорошія слова превратились въ дѣло, невозможное оказалось возможнымъ: женщина выступила на общественное служеніе въ тяжелыя минуты родины, оказалась полезной, какъ врачъ, на полѣ битвы... И князь Вяземскій, въ силу любви къ правдѣ, къ справедливссти, несмотря на свои преклонные годы, которые выбрасывали его изъ среды живыхъ людей, *соглашается, совѣтуетъ*, чтобы мужчины подѣлились съ женщинами «присвоенными себѣ профессіями и занятіями, а другія бы имъ вовсе уступили». Теперь онъ уже не иронизируетъ,—онъ признаетъ, что «искони бывали примѣры, что женщины входили въ благородное совмѣстничество съ мужчинами. Всегда и вездѣ,—говоритъ онъ, — бывали женщины ученыя, политическія; бывали женщины — великіе писатели, превосходные художники» (стр. 498).

Такъ поступаютъ всегда люди, для которыхъ истина и правда стоятъ выше всего,—и непремѣнно люди сильные. Ихъ самолюбіе не страдаетъ отъ публичнаго признанія своей ошибки, разъ только имъ посчастливилось ее увидать. Измѣненная княземъ Вяземскимъ русская пословица: «Дружба дружбой, *а правда правдой*», весьма характерна для него самого. Что онъ въ силахъ былъ понять, то, не стѣсняясь никакими предразсудками, открыто признавалъ, хотя бы это заставляло его отказаться отъ его прежнихъ воззрѣній.

Но новаго реалистическаго направленія русской литературы онъ не понималъ, какъ ученикъ Державина, Карамзина... Не понималъ прелести въ простотѣ стиха Некрасова, не въ силахъ былъ усмотрѣть и оцѣнить истинной, высокой поэзіи въ дивныхъ лирическихъ отступленіяхъ нашего современнаго сатирика. Но его ли тутъ вина? Виноваты ли мы, что мы не въ силахъ увидать тѣхъ прелестей и красотъ въ одѣ «на взятіе Хотина», какія видѣли въ ней современники Ломоносова? Ему, воспитавшемуся на феяхъ, нимфахъ, бореяхъ, нашъ уважаемый сатирикъ казался слишкомъ «матеріализирующимъ литературу» (стр. 35).

Въ недавно появившемся VII томѣ сочиненій кн. Вяземскаго много любопытныхъ картинъ, анекдотовъ, воспоминаній, переданныхъ устами талантливаго, остроумнаго разсказщика, у котораго одна острота переплетается съ другой, выливаясь съ необыкновенною легкостью въ изящной, прекрасной формѣ...

Что касается до внѣшней стороны, то книга издана весьма недурно и пущена въ продажу по сравнительно недорогой цѣнѣ.

Теплые ребята. Юмористическіе разсказы (съ портретомъ автора) *Н. А. Лейкина*. Спб. 1882 года.

Встарину писались такія трагедіи и комедіи, гдѣ достаточно было посмотрѣть не только первое дѣйствіе, а даже первое явленіе, чтобы познакомиться съ характеромъ дѣйствующихъ лицъ. Они высказывались тутъ всѣ вполнѣ. Слѣдующія дѣйствія не прибавляли къ получившемуся абрису ни одного новаго штриха. Лицо являлось законченнымъ въ первомъ явленіи и дальше не развертывалось. Если оно становилось къ зрителю въ профиль, то такъ и простоитъ въ этой позѣ во все продолженіе пьесы...

Нѣчто весьма схожее испытываетъ читатель при знакомствѣ съ разсказами г. Лейкина. Прочелъ одинъ—знакомъ со всѣми. Та же неподвижность въ характерѣ всѣхъ разсказовъ, та же неподвижность въ способѣ изображенія лицъ, картинъ, положеній... Вездѣ одинъ и тотъ же безъ малѣйшаго поворота *профиль* автора. Какимъ г. Лейкинъ выступаетъ въ первомъ разсказѣ, такимъ же безъ измѣненій онъ остается въ десятомъ, двадцатомъ и въ самомъ послѣднемъ. Ни одного новаго штриха не усматриваетъ читатель въ его способѣ писать. Какая-то,—если можно такъ выразиться,—стоячесть и однообразіе манеры составляютъ характерную особенность всѣхъ разсказовъ г. Лейкина. Однообразію манеры еще болѣе способствуетъ и убійственное однообразіе сюжета.

Въ названной книгѣ: «Теплые ребята» помѣщено 62 разсказа. И почти всѣ до единаго посвящены изображенію «сѣраго» купечества и мѣщанства. Основною чертой у тѣхъ и другихъ выступаетъ невѣжество и неразрывно связанное съ нимъ сумбурное пониманіе и отношеніе къ вопросамъ религіи, чести, долга и т. п.

Купечество и мѣщанство вовсе не являются въ нашей литературѣ такой terra incognita, какъ, напримѣръ, народъ. Въ ней есть уже прекрасные типы того и другаго сословія. Еслибы даже Островскій не далъ намъ полныхъ и цѣльныхъ образовъ Титъ Титычей и т. д., то даже въ «Ревизорѣ» Гоголя уже намѣчаются основныя черты «сѣраго» купечества и мѣщанства. Чтобы писать на ту же тему, вышивать по той же канвѣ и притомъ съумѣть возбудить интересъ, для этого требуется отъ автора очень многое...

Г. Лейкинъ оказывается человѣкомъ храбрымъ и выступаетъ съ юмористическими разсказами на ту же тему. Но надо замѣтить, его юморъ не имѣетъ ничего общаго съ тѣмъ, что̀ мы привыкли разумѣть подъ этимъ словомъ послѣ знакомства съ юморомъ Гоголя. Авторъ не плачетъ, не негодуетъ, не сердится, даже не смѣется, а только *улыбается*. Всякая не только пошлость, но даже мерзость вызываютъ у автора не больше какъ улыбку, и притомъ самую добродушную. Добродушіе невозмутимое, граничащее почти съ примиреніемъ или даже признаніемъ необходимости изображаемаго безобразія, сквозитъ черезъ всѣ разсказы. Это всего непріятнѣе, всего досадливѣе кажется при чтеніи книги г. Лейкина. Черезъ это положительно отказываешься понимать, чему сочувствуетъ и чему не сочувствуетъ авторъ, что̀ заслуживаетъ его одобренія, что̀ порицанія, что̀ надо и чего не надо. Такіе разсказы имѣютъ отрицательное значеніе какъ въ нравственномъ, такъ и въ воспитательномъ отношеніи.

Представьте себѣ такую картину. Толстенькій папаша, тоненькій сы-

нокъ-юнкеръ и басалай-гувернеръ — всѣ трое одинъ за другимъ пристаютъ съ разными оскорбительными пошлостями къ юной, 18-тилѣтней, гувернанткѣ, живущей у нихъ въ домѣ. Г. Лейкинъ видитъ всю эту картину и добродушно улыбается. Чему улыбается онъ? Смѣется надъ папенькой, не имѣвшимъ успѣха въ своей затѣѣ? Надъ юношей, занимающимся волокитствомъ, не покончивши еще съ юнкерскимъ училищемъ?... Нѣтъ, разумѣется, нѣтъ,—не къ нимъ относится улыбка: тогда бы она не вышла такой добродушной; причемъ бы тогда добродушіе?... Автору просто пріятна вся эта картина; смѣшна гувернанточка, оскорбляющаяся пошлостями глупаго старика и малокососа-юнкера и т. д. Г. Лейкину, сидя въ удобномъ креслѣ, *забавно* смотрѣть на эти веселенькія сценки,—а потому по прочтеніи такого разсказа дѣлается досадно уже не на папеньку, не на юнкера, даже не на гувернера, а только единственно на г. Лейкина. Его добродушная улыбка является верхомъ пошлости, безнравственности. И что передъ нимъ оказываются и папенька, и сынокъ-юнкеръ?—Всѣ они пошличаютъ, не сознавая хорошо своей пошлости; въ этомъ ихъ оправданіе. А гдѣ, въ чемъ найти оправданіе для улыбки г. Лейкина? Юмористъ долженъ отмѣчать рѣзкой, сильной, саркастической насмѣшкой все, что стóитъ его смѣха. Улыбки у юмориста, который стоитъ выше описываемой имъ среды, быть не можетъ; ея мѣсто должна занять безпощадная, убійственная, мефистофельская насмѣшка, непремѣнно насмѣшка, и ни тѣни добродушія. Только тогда повѣритъ ученикъ своему учителю и сознаетъ свою ошибку, когда тотъ прямо подчеркнетъ ее и съ увѣренностью скажетъ: это—ошибка, ее надо исправить. А у того, кто сперва подчеркнетъ, потомъ сотретъ, опять подчеркнетъ, трудно что-нибудь понять—ошибка это, или законная форма. Такая неопредѣленность и шаткость учителя отразится самыми печальными результатами на ученикахъ. Такія же блѣдныя представленія о томъ, чтò смѣшно и чтò не смѣшно, долженъ получать въ результатѣ каждый по прочтеніи названныхъ разсказовъ.

Мы сказали, что авторъ, вмѣсто насмѣшки, смотритъ на своихъ героевъ съ улыбкой; теперь прибавимъ, что въ этой улыбкѣ замѣчается еще какая-то неподвижность, которая дѣлаетъ ее безжизненною, мертвою по своей продолжительности. На сколькихъ страницахъ, напримѣръ, авторъ разсказываетъ о городскихъ выборахъ, не измѣняя ни на мигъ своего улыбающагося лица. Цѣлыя шестьдесятъ восемь страницъ посвящены все одному и тому же мотиву—какъ трактирщикамъ хочется попасть въ гласные и какъ они завербовываютъ въ свою пользу голоса среди мѣщанъ, которые ничего не понимаютъ въ дѣлѣ выборовъ. Вотъ всѣ мотивы для непрерывной улыбки, растянувшейся на 68 страницъ,—мотивы, поражающіе однообразіемъ варіацій. Если прочли одинъ разсказъ изъ этого отдѣла, то остальные спокойно, безъ ущерба можете пропустить... Нѣтъ, скучно дѣлается отъ чтенія разсказовъ г. Лейкина: однообразіе темъ, отсутствіе варіацій, неподвижность самаго смѣха. А между тѣмъ несомнѣнно, что г. Лейкинъ могъ бы дать большее. У него есть несомнѣнный талантикъ, наблюдательность, хорошее знакомство съ изображаемой средой, умѣнье владѣть тѣмъ жаргономъ, которымъ изъясняются его дѣйствующія лица въ жизни. Но онъ крайне мало пользуется всѣми этими сред-

ствами. Онъ даетъ только эскисы самыхъ ничтожныхъ сценъ, даетъ наброски того, что можетъ схватить глазъ въ минуту и притомъ при поверхностномъ, скользящемъ взглядѣ, нигдѣ и никому не заглядывая не только въ душу, а даже и въ жизнь—наканунѣ, вчера, позавчера... Правда, что эти эскисы, наброски у него выходятъ недурны и каждый изъ нихъ кажется началомъ повѣсти, гдѣ намѣчаются довольно типично первые абрисы дѣйствующихъ лицъ съ ихъ обстановкой, положеніемъ. Да вотъ хоть бы упомянутый выше разсказъ: «Гувернантка».

«Майскій вечеръ. Первое тепло. На балконѣ одной изъ нарядныхъ дачекъ сидитъ въ креслѣ закутанная въ турецкую шаль рыхлая дама среднихъ лѣтъ, сильно напудренная, и куритъ тоненькую папиросу въ розовой бумажкѣ. Пахнетъ липами, березовой почкой. Гдѣ-то поетъ соловей. На балконѣ только-что отпили чай, чтò замѣтно по потухшему самовару на столѣ, по остаткамъ булокъ и тартинокъ, по неубранной посудѣ, разставленной въ безпорядкѣ. По саду, заложа руки за спину, прогуливается коренастый толстячокъ съ полусѣдыми бакенбардами. Онъ въ пальто и въ сѣрой поярковой шляпѣ. Не вдалекѣ отъ балкона гвардейскій юнкеръ съ еле пробивающимися усиками играетъ въ колечко, тщетно стараясь надѣть его на крючокъ. Около гимнастическихъ шестовъ и лѣстницъ, поставленныхъ на лугу, стоитъ гувернеръ въ толстомъ жакетѣ на ватѣ и въ жокейской фуражкѣ—среднихъ лѣтъ мужчина съ черною бородой и въ пенсне и приказываетъ дворнику перевѣсить канаты съ одного крюка на другой.

— Понялъ?—спрашиваетъ онъ, наконецъ, дворника. — Все понялъ, какъ надо сдѣлать?

— Все понялъ-съ, Владиславъ Станиславичъ! Еще почивать завтра будете, а я ужь все устрою,—отвѣчаетъ дворникъ и прибавляетъ глупо улыбаясь:—Владиславъ Станиславичъ! Вотъ это все вы называете гимнастикой и говорите, что она дѣтямъ на здоровье, а по-нашему—это дѣтское мученье и больше ничего. Потому господскій ребенокъ, окромя вихлянья въ суставахъ...

— Ну, это не твоего ума дѣло,—перебиваетъ его губернеръ.—Ступай, и чтобы къ утру было все сдѣлано...» (стр. 203 и 204) и т. д.

Но здѣсь, въ этомъ самомъ саду, и покончивается весь разсказъ,—покончивается прежде, чѣмъ прислуга успѣваетъ убрать потухшій самоваръ.

У автора не достаетъ ни терпѣнья, ни хотѣнья дать что-нибудь большее. Снялъ фотографійку—и довольно, а потомъ другую—совсѣмъ отдѣльно отъ первой. А потому это постоянное мельканье картинъ заставляетъ и читателя только скользить по нимъ, ни на минуту не сосредоточивая своего вниманія ни на одной изъ нихъ, ни одной изъ нихъ не отдавая предпочтенія. Всѣ разсказы—наброски, эскисы, и только. Повторяемъ: еслибъ авторъ захотѣлъ поработать, онъ могъ бы, вмѣсто этихъ клочковъ, дать и нѣчто цѣльное.

Увѣренность въ несомнѣнной писательской способности автора, которая не позволяетъ его смѣшивать съ такими коррикатуристами, балаганными разсказчиками, какъ баронъ Галкинъ и т. п., и заставила насъ такъ долго остановиться и распространиться по поводу его новой книги.

Сельско-хозяйственныя школы, какими онѣ быть должны.

Въ газетахъ было сообщено о предполагаемыхъ въ Петровской Земледѣльческой академіи преобразованіяхъ: предполагается теоретическій курсъ удлинить еще на одинъ годъ, воспользовавшись которымъ, ввести преподаваніе такихъ предметовъ, къ сельскому хозяйству относящихся, которыхъ прежде не читалось, и по окончаніи теоретическаго курса обязать студентовъ академіи годомъ практическихъ занятій въ частныхъ хозяйствахъ. Преобразованія весьма важныя, казалось бы отвѣчающія интересамъ лучшаго изученія сельскаго хозяйства; особенно къ этому склоняетъ годъ *практическихъ* занятій. Но, при всей кажущейся въ принципѣ раціональности этихъ преобразованій, польза ихъ можетъ быть не безусловною.

Напередъ всего отмѣтимъ то, что Петровская академія, въ теченіе своей, собственно короткой, жизни, имѣетъ уже цѣлую исторію преобразованій, дѣлавшихся несомнѣнно въ интересахъ лучшаго, но тѣмъ не менѣе нанесшихъ ей значительный вредъ: обновленіе принциповъ, которыми должно было руководиться это учрежденіе, не давало ей «ни отдыха, ни срока»: лишь только кончалось введеніе однѣхъ новизнъ, на сцену и очередь являлись другія, такъ что едва ли у кого-либо есть право сказать, что это было хорошо, а это — дурно; въ коловоротѣ постоянныхъ обновленій академія не сложила себѣ никакого характера, и указать на что-нибудь, чѣмъ бы академія руководилась твердо и чего она достигнуть силилась бы, крайне мудрено. Не указываютъ на это и суть вещей, и практика дѣла: въ качествѣ высшаго учебнаго заведенія, съ богатою учебною обстановкою, съ громаднымъ годовымъ бюджетомъ и, нѣкоторое время, съ профессорами, составлявшими лучшія ученыя силы Россіи, приблизительно лѣтъ за двадцать своего существованія, академія не выставила ни одного имени, на которомъ можно было бы остановиться. Мы не ищемъ этого имени среди практиковъ, но имѣемъ основаніе искать его въ средѣ людей, которые служили бы интересамъ науки: ни замѣтныхъ самостоя-

тельныхъ ученыхъ работъ, ни замѣтнаго успѣха въ преподавательской дѣятельности бывшіе студенты Петровской академіи не заявили. Все, на что въ этомъ отношеніи академія можетъ указать, это—на двоихъ, кажется, магистровъ сельскаго хозяйства; но ссылкою на эти, такъ-сказать оффиціальныя, доказательства удовлетворить едва ли кого-нибудь можно. Ищемъ же видныхъ именъ между учеными работниками потому именно, что, казалось бы, къ доставленію ихъ академія всегда была болѣе приспособленною, такъ какъ практическій элементъ въ ней по большей части былъ подавленъ и не пользовался почтеніемъ, а иногда находился прямо въ загонѣ и полномъ пренебреженіи,—обстоятельство очень важное, не позволяющее требовать большаго практическаго успѣха со стороны ея воспитанниковъ, не потому, что они *не научались практикѣ*, а потому, что *не научались уваженію къ ней*, не цѣнили ея значенія, относились къ ней свысока и не получали *практическаго направленія*, а между тѣмъ Петровская академія не была учебнымъ заведеніемъ исключительно теоретическимъ, такимъ, образцы которыхъ уже издавна существуютъ и процвѣтаютъ въ Германіи.

Теперь академія вновь преобразуется, и не въ томъ направленіи, на которое указывали слухи назадъ тому лишь нѣсколько мѣсяцевъ, а въ направленіи совершенно противномъ. Будемъ желать, чтобъ это новое обновленіе такого важнаго для Россіи учебнаго заведенія—единственнаго, высшаго, агрономическаго—упрочилось, привело бы его къ цѣли и процвѣтанію, послужило бы причиною его будущей славы.

Но чего на самомъ дѣлѣ можно было бы желать отъ высшаго сельскохозяйственнаго учебнаго заведенія, назначаемаго для Россіи и процвѣтанія русскаго сельскаго хозяйства?

Агрономическое знаніе, согласно самой сути сельскаго хозяйства, которое еще покойный Рулье опредѣлилъ какъ «науку изъ наукъ, искусство изъ искусствъ», можетъ приносить пользу государству двумя, можно выразиться—различными, способами: оно можетъ служить точкой отправленія и средствомъ для накопленія запасовъ новаго знанія, или, прилагаясь прямо къ житейской практикѣ, можетъ улучшать ее, дѣлать ее болѣе производительною и разумною.

Обѣ эти конечныя цѣли, которыя могутъ быть задачею агрономическаго учебнаго заведенія, всего легче достигаются, когда онѣ составятъ предметъ дѣятельности не одного, а двухъ, соотвѣтственно духу дѣла организованныхъ, учрежденій, не потому, чтобъ это было несовмѣстимо по принципу, а потому, что это оказывается трудно-совмѣстимымъ на практикѣ и не отвѣчающимъ,—имѣющимъ полный резонъ на уваженіе,—чисто-практическимъ соображеніямъ, и по тѣмъ наконецъ соображеніямъ свойствъ такъ-сказать средней природы человѣка, по которымъ необходимость раздвоиваться служитъ первою причиной неуспѣха ни въ одномъ изъ направленій. Человѣкъ, готовящій себя къ практической дѣятельности, дол-

женъ прежде всего приготовить себя къ *труду* ея, и это, по правдѣ говоря, потребуетъ отъ него столь многаго, что многимъ другимъ онъ вынужденъ будетъ поступиться, а не захочетъ онъ этого, онъ будетъ къ этому вынужденъ силою вещей, или сдѣлается посредственностью, негодною ни для науки, ни для практики. Пренебрегать послѣднею и готовить себя для какихъ-то высшихъ цѣлей, для какой-то высшей администраціи и организаторства есть или ошибка, или просто—абсурдъ: въ работѣ, какъ практическое сельское хозяйство, нѣтъ ни высшихъ, ни низшихъ администраторовъ, а если есть достигающіе сравнительно бóльшаго, «высшаго», то только благодаря способности къ труду и знанію всего того, что подобаетъ низшимъ. Любуемся же мы воспитанникомъ какой-нибудь школы въ Жамблю, напр., человѣкомъ ретиво работающимъ, ставимъ его куда выше воспитанниковъ своихъ школъ, больше вѣримъ въ его практическую мощь и скорѣе довѣримъ ему свое имѣніе, какъ *большему практику*, умѣющему сдѣлать и то и другое, способному себѣ на помощь, какъ человѣку, у котораго дѣло изъ рукъ не вывернется. А почему?—Мы даже очень хорошо знаемъ—почему, сами же съ умиленіемъ разсказываемъ о томъ, какъ въ Жамблю ученики *работаютъ*, какъ они день-деньской трудятся: онъ и съ лошадью обойтись умѣетъ, и плугъ наладитъ, знаетъ какъ и гдѣ обрѣзать дерево, какъ накормить скотъ и за чѣмъ именно нужно присмотрѣть при работѣ машинной,—все это знаетъ жамблюскій ученикъ, все это открываетъ наше къ нему довѣріе; онъ не будетъ организаторствовать, но дѣло поведетъ и, главное, твердо себя въ немъ поставитъ, и старостѣ или рутинеру-прикащику въ руки себя не дастъ. Онъ—сила. А почему?—Работалъ. Вотъ и весь отвѣтъ. Мы это знаемъ, это видимъ, этимъ любуемся, а къ намъ это не пристаетъ,—все назначаемъ себя для чего-то высшаго; рукъ жалѣемъ и черною работой тѣло занимать не хотимъ, оттого насъ прикащикъ за носъ и водитъ. Что къ этому «воженію себя за носъ» подготавливаютъ себя наши ученики среднихъ земледѣльческихъ школъ, нѣкоторымъ доказательствомъ можетъ служить слѣдующее. Проѣзжаемъ мы по желѣзной дорогѣ. Дѣло было въ разгаръ рабочей поры. У одной станціи садится въ вагонъ юноша, по одеждѣ—воспитанникъ земледѣльческой школы, которая тутъ по сосѣдству; оказывается, что онъ ѣдитъ въ отпускъ. «Какъ, вы въ отпускъ?—спрашиваемъ мы.—Развѣ у васъ нѣтъ практическихъ занятій?»—«Нѣтъ, есть», отвѣчаетъ бойкій юноша.—«Какъ же вы теперь уѣзжаете,—вѣдь работа въ самомъ ходу?»—«А что же работа?... У насъ работаютъ батраки: это ихъ дѣло, а не наше; мы—ученики».—«Но, позвольте, какъ же такъ «ученики»? Да потому именно, что вы ученики сельско-хозяйственной школы, потому именно, что вы учитесь сельскому хозяйству, вы и должны работать: какъ же вы научитесь практикѣ? Вѣдь вы готовитесь быть управляющимъ?» — «Да. Но развѣ дѣло управляющаго—работать? Это вовсе не его дѣло; его дѣло... А позвольте спросить васъ, — вдругъ оборвалъ свою рѣчь юноша, — развѣ практика

состоитъ въ томъ, чтобы возить копны или навозъ, чтобы пахать цѣлый день?.... Чему тутъ учиться? Этотъ фокусъ и безъ ученья извѣстенъ. Учиться тутъ нечему».—«Такъ васъ работать *не заставляютъ?*»—спросили мы съ удареніемъ на послѣднемъ словѣ. — «Нѣтъ, не *заставляютъ*»,—отвѣчалъ юноша въ нашъ тонъ. Онъ отвернулся и сталъ зѣвать въ окошко вагона. Сосѣдъ, который слушалъ нашу бесѣду, очевидно озлился и напалъ на юношу съ доказательствами, что изъ него ничего не выйдетъ, если онъ будетъ такъ высокомѣрничать относительно работы; но онъ бойко огрызался и твердо стоялъ на той почвѣ, что *практика—не работа,* что ученики *занимаются практикой, а работаютъ рабочіе...*

Этотъ образчикъ бесѣды, взятой съ натуры, лучшая характеристика нашихъ сельскохозяйственныхъ школъ, въ которыхъ *практика—не работа,* въ которыхъ не работаютъ, а *занимаются практикой* (?!), которыя такимъ образомъ не служатъ ни разсадникомъ истинныхъ знаній, ни заведеніями приготовляющими къ труду. Юноша, конечно, образумится, горя хватитъ, и станетъ въ настоящую колею, но... «скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается». Притомъ же зачѣмъ эта безполезная ломка, это разочарованіе: думалъ, что достаточно *заниматься практикой,* и потомъ — во что-то высшее, гдѣ работа не требуется, а оказалось, до высшаго нужно еще рости, къ заурядной же работѣ приспособленности еще нѣтъ. Иной такъ и останется на всю жизнь, по французской пословицѣ—между волкомъ и собакой, а по-русски—«ни богу свѣча, ни чорту кочерга»,—все ждетъ чего-то высшаго, считая себя обиженнымъ и недовольнымъ; есть какія-то претензіи на науку и научное знаніе, а копните хорошенько—и сквозь эту оболочку выглянетъ уйма невѣжества. На самомъ дѣлѣ не въ организаторы же такого юношу... А приставьте его къ молотьбѣ или пахотѣ, онъ обижается, говоритъ: «дѣлать нечего», въ то время какъ изъ молотилки половина немолоченнаго идетъ въ солому, а пахота вся выходитъ съ огрѣхами, — смотрѣть гадко!... Почему юношѣ на молотьбѣ и на пахотѣ «дѣлать нечего», почему онъ не знаетъ, что тамъ дѣлать нужно?—Только потому, что не работалъ, въ рабочую пору былъ въ отпуску, напускалъ ученаго мрака передъ своими родителями: «мальчика послушать—ума набраться; первымъ ученикомъ идетъ», любуются «знаніями и успѣхами». Мы достаточно присмотрѣлись къ дѣлу и позволяемъ себѣ рѣшительно недоумѣвать, на что намъ служатъ сельскохозяйственныя школы, дающія людей годныхъ не для серьезнаго практическаго хозяйства, а приспособленныхъ для вступленія въ военную службу на правахъ перваго разряда? На что намъ нужны сельскохозяйственныя общества, празднующія свои юбилеи?

Дѣло сельскохозяйственнаго успѣха въ Россіи—дѣло столь важное, что къ причинамъ этихъ успѣховъ нельзя оставаться равнодушными ни одной минуты. Неужели съ лица земли Русской совершенно исчезли «хозяева»

для того, чтобы подать свой голосъ, что съ организаторствомъ мы еще какъ-нибудь обождемъ, а что дѣло дѣлать не кому; что *заниматься практикой* — это играть въ хозяйство; что хозяйство — это трудъ и работа; что готовиться къ нему нужно не иначе, какъ искусомъ въ этихъ трудѣ и работѣ. Исключеніе этого элемента изъ земледѣльческой школы есть первая причина разлада между школою и жизнью,—разлада самаго вреднаго, обременяющаго насъ обиліемъ недовольныхъ, которыхъ и безъ того не мало.

То, что у насъ называется средней сельскохозяйственною школой, есть межеумокъ, на претенціозное существованіе котораго тратится столько, сколько нужно на три дѣйствительно полезныхъ школы. Наше хозяйство не пользуется знаніемъ, потому что учащіеся въ школахъ заражаются въ нихъ пустыми претензіями, чуждаясь труда, не могутъ начинать съ начала и еще до пріобрѣтенія необходимаго опыта, который только и можетъ дать право на самостоятельную дѣятельность, уже претендуютъ на нее, бременясь второстепенными ролями и жалуясь, что имъ «ничего не даютъ дѣлать», а смотрѣть за пахотою или за молотьбою... «что же тамъ смотрѣть? Развѣ это — дѣятельность!?» Не работая и не трудясь въ школѣ, они не научатся цѣнить результатовъ труда другихъ людей, уважать чужаго опыта, который можетъ регулировать ихъ дѣйствительныя знанія. Наблюдательность имъ дѣлается чуждою, потому что она скорѣе всего зарождается на дѣлѣ, на обыденной работѣ, при встрѣчѣ съ мелочами ея.

Какой громадный переломъ происходитъ во всей жизни, во всѣхъ усвоенныхъ привычкахъ, когда учившійся въ школѣ, гдѣ *занимаются практикой*, входитъ въ хозяйство и начинаетъ въ дѣлахъ его принимать участіе,—это знаютъ, я полагаю, многіе изъ начинавшихъ и, вѣроятно, помнятъ это. По-нашему, школа, готовящая *исключительно къ практической дѣятельности*, и въ этомъ отношеніи должна дать своей жизни такіе порядки, которые пріучили бы ея воспитанниковъ ко всему, что въ хозяйствѣ должно неизбѣжно встрѣтиться. Войти въ хозяйство, не начиная въ немъ новой, до тѣхъ поръ неизвѣстной жизни — средство сдѣлать это школа должна доставить своимъ учащимся. Школа не можетъ сдѣлать одного—дать опыта, который есть послѣдствіе времени, все же остальное школа можетъ и должна сдѣлать своимъ ученикамъ. Каково бы ни было хозяйство, весь его хозяйственный день располагается извѣстнымъ образомъ, даетъ хозяину извѣстный родъ обычныхъ работъ; съ существомъ ихъ школа можетъ познакомить, но она можетъ сдѣлать это только тогда, когда сама она живетъ хозяйственною, а не бумажною, жизнью, сама задается хозяйственными, а не бюрократическими, заботами,—когда ея интересы сосредоточиваются болѣе на поляхъ и работѣ, нежели въ канцеляріяхъ надъ формальною перепиской. Ученики такой школы должны *идти на работу*, а не идти *смотрѣть на нее*; изъ та-

кой школы всякое резонерство должно быть выкинуто, и главное, чѣмъ должны ученики ея гордиться и въ чемъ другъ съ другомъ соперничать, это—въ умѣньи работать и въ способности къ труду. Привычка къ нему до такой степени чужда нашимъ школамъ, и дѣйствительное умѣнье приложить къ дѣлу руки—до такой степени у насъ дѣло удивительное и рѣдкое, что мы готовы деньги платить за какого-нибудь «джентльмена», который, будучи совершенно «приличнымъ» человѣкомъ, нисколько не стѣсняясь пашетъ гдѣ-нибудь на конкурсѣ или превосходно работаетъ на жнивѣ. Если тамъ, откуда пріѣхалъ этотъ «джентльменъ», дѣло идетъ и достигаетъ колоссальныхъ успѣховъ, то это именно потому, что быть «приличнымъ» и «работать» —два понятія между собою не ссорящіяся.

Кто боится работы, тотъ для сельскаго хозяйства человѣкъ негодный. Ошибаться свойственно юношѣ,—ему свойственно думать, что онъ призывается для чего-то выступающаго изъ ряда обыкновеннаго труда, ему это подобаетъ по хорошей тенденціи, свойственной его возрасту; но школѣ, не умѣющей понять этой доброй тенденціи, не умѣющей ею воспользоваться, не простительно. Учившійся, конечно,—въ силу того, что онъ учился, пріобрѣталъ знанія, — естественно обязанъ большимъ, онъ можетъ дать обществу нѣчто высшее труда неучившагося человѣка, и пусть каждый учащійся стремится къ этому; но школа—для того она и «школа», чтобы направить это стремленіе на вѣрную дорогу, не давать развиваться самообольщенію и всею системой своихъ дѣйствій не намекать на возможность легкаго пожинанія лавровъ. Въ томъ ложномъ направленіи, которое выносятъ ученики нашихъ земледѣльческихъ школъ, мы всецѣло обвиняемъ какъ ихъ общую систему, такъ и дѣйствующихъ въ нихъ преподавателей, говоря по крайней мѣрѣ о большинствѣ ихъ. Намъ извѣстны такіе учители, прошедшіе высшія спеціальныя училища, которые, несмотря на несомнѣнно обладаемыя ими знанія, не должны быть терпимы въ школахъ именно потому, что своимъ неуваженіемъ къ работѣ, какъ къ средству изученія сельскаго хозяйства и подготовленія къ занятію его практикой, они сѣютъ вредъ между учениками своими.

Вредъ этотъ всегда чувствовало наше сельское хозяйство, а теперь, когда оно находится въ критическомъ положеніи, вредъ этотъ будетъ чувствоваться сторицею. Къ счастію, теперь уже общій голосъ говоритъ, что поднять уровень сельскохозяйственной производительности страны — немыслимо безъ всяческой помощи хозяйству крестьянскому: улучшатся условія его землевладѣнія, облегчатся и уравняются платежи, съ него взимаемые,—вопросъ о тѣхъ способахъ, которые могутъ увеличить степень производительности труда крестьянина, примѣняемаго къ земледѣлію, все-таки остается открытымъ вопросомъ, для разрѣшенія котораго должно что-нибудь дѣлаться. Какъ бы ни было обставлено крестьянское хозяйство, для его послѣдующихъ успѣховъ знанія все-таки необходимы, а потому, дѣлая реформы высшихъ сельскохозяйственныхъ школъ, мы должны

отвѣтить себѣ, чему удовлетворяютъ наши прочія сельскохозяйственныя школы, должны подумать о тѣхъ, которыя могутъ удовлетворять народнымъ нуждамъ, нуждамъ преобладающаго у насъ хозяйства.

Этому преобладающему хозяйству не могутъ служить ни въ какой мѣрѣ школы, приготовляющія управляющихъ или управительскихъ помощниковъ, надсмотрщиковъ и «нарядчиковъ» (?) работъ; такія школы, по самому званію, которое онѣ присвоиваютъ своимъ воспитанникамъ, работаютъ, какъ это понятно, не для крестьянскаго хозяйства. Но работаютъ ли онѣ для какого-нибудь, выпуская цѣлый штатъ административной іерархіи? На этотъ вопросъ во многихъ случаяхъ приходилось бы отвѣчать отрицательно, и именно потому, что школа, выпуская своего ученика, не можетъ пожаловать его ни управляющимъ или управительскимъ помощникомъ, ни другимъ какимъ-либо подобнымъ званіемъ,—пожалуетъ его этимъ жизнь, а въ жизни сдѣланные успѣхи—доказательство его труда и знаній. Но жизнь можетъ обойтись очень насмѣшливо съ резолюціей школы, поставивъ вверху ею названнаго управительскимъ помощникомъ можетъ-быть простаго надсмотрщика за работами другой школы; вообще, жизнь перетасовываетъ общество не по какимъ-либо ярлыкамъ, на его членахъ наклеенныхъ, а по совершенно инымъ, собственнымъ, резонамъ, о достоинствѣ которыхъ, несомнѣнно, можно было бы высказать многое множество соображеній.

Вообще, мы полагаемъ, что это преждевременное пожалованіе тѣмъ или другимъ званіемъ, право на которое даютъ лишь послѣдующіе успѣхи, вредитъ нашимъ сельскохозяйственнымъ школамъ гораздо болѣе, нежели это можно было бы ожидать; относясь къ дѣлу такъ-сказать со внѣшней стороны, споръ касаться будетъ однихъ словъ, но это только—«будто». Мы видимъ доказательства этого на тѣхъ самыхъ разговорахъ и сужденіяхъ ученика земледѣльческой школы, которые мы привели въ сообщенномъ нами желѣзнодорожномъ эпизодѣ. Будетъ ли онъ годиться въ управляющіе или нѣтъ — это еще не извѣстно; но изъ общаго настроенія, почерпнутаго имъ въ школѣ, уже болѣе или менѣе видно, что для какой-нибудь болѣе скромной роли онъ не годится: не задастся ему управительская дѣятельность, — ниже ея, на поприщѣ той же сельскохозяйственной профессіи, онъ уже не спустится, а скорѣе поступитъ на желѣзную дорогу, гдѣ его сельскохозяйственныя свѣдѣнія, каковы бы они ни были, погибнутъ окончательно и школа окажется обманутою, втунѣ трудившеюся. Примѣровъ этого мы имѣемъ достаточно для того, чтобъ опасаться дальнѣйшихъ въ этомъ направленіи ошибокъ, безполезныхъ затратъ и розочарованій,—для того, чтобы, во имя интересовъ сельскаго хозяйства, реформировать наше школьное сельскохозяйственное дѣло на началахъ, соотвѣтствующихъ дѣйствительной сути сельскохозяйственныхъ интересовъ.

Готовясь къ работѣ, стыдиться ея нѣтъ причины, а потому самая серьезная и необходимая реформа въ тѣхъ нашихъ школахъ, которыя готовятъ не болѣе какъ къ практической дѣятельности,—*работа въ строгомъ смыслѣ* должна быть введена, какъ элементъ обученіе. Окажется для этого надобнымъ удлинить курсъ такъ-сказать съ обоихъ концовъ: ввести подготовительные классы и распредѣлить чередующееся съ работами теоретическое образованіе на сравнительно болѣе длинный срокъ. Скупиться ни временемъ, ни матеріальными средствами не должно: жаль не того времени и не тѣхъ большихъ расходовъ, которые приносятъ пользу, а жаль того времени и тѣхъ, хотя бы и ничтожныхъ, средствъ, которыя пропадаютъ даромъ.

Дѣйствительно-полезною мы считаемъ только ту *практику*, которою руководятъ люди имѣющіе это своею спеціальною цѣлью, люди способные утилизировать время, проводимое на практикѣ, для большаго развитія учащагося,—т. е. мы считаемъ полезною только практику въ школѣ, гдѣ къ практикующемуся относятся какъ къ учащемуся и ничего отъ него не желаютъ, кромѣ усвоенія того, что выяснить можетъ практика, не предъявляютъ учащемуся никакихъ другихъ требованій, которыя ставили бы его въ ложное положеніе,—въ положеніе человѣка, которому, давая серьезное дѣло, выполненіе его однако не довѣряютъ ему, условившись заблаговременно въ необходимости разнаго рода снисхожденій, которыя предлагаютъ однако же съ кислою миною. Школьная практика не можетъ сдѣлать *опытнымъ*, но она можетъ дать полное пониманіе сути хозяйственныхъ задачъ и средства оріентироваться,—она, если то было дѣломъ серьезнымъ, можетъ сдѣлать то, что учившійся въ школѣ не явится въ хозяйство невиннымъ младенцемъ. Съ выходомъ за двери школы всякая практика сама собою прекращается; за дверями школы уже начинается накопленіе опыта, а болѣе или менѣе успѣшное движеніе въ этомъ направленіи — въ направленіи пріобрѣтенія опыта — опредѣляется развитою въ школѣ способностью воспринимать его назиданіе и, наконецъ, прирожденными способностями. Единственное право на снисхожденіе, которое школа можетъ выговаривать въ пользу своего питомца, это—снисхожденіе къ его неопытности, но не незнанію практики. Для людей готовящихъ себя къ практической дѣятельности практика внѣ школы не должна имѣть мѣста и не можетъ имѣть никакого значенія; внѣ школы, изъ области той практики, которую можно получить въ училищѣ, учившійся и не узнаетъ ничего новаго. У насъ наше сельское хозяйство стоитъ на такомъ уровнѣ, ниже котораго стоять не можетъ хозяйство училища, а если наши учащіеся и находятъ въ нашемъ сельскомъ хозяйствѣ много поражающаго, то это происходитъ только потому, что во время пребыванія въ школѣ они стоятъ особнякомъ отъ ея хозяйства,—близкаго, непосредственнаго и серьезнаго, *отвѣтственнаго и обязательнаго* участія въ обыденной его жизни не принимаютъ. Не работая въ немъ изо дня въ день, сидя въ классахъ большую часть года

и совершая по своему хозяйству лишь періодическія экскурсіи, они не видятъ хозяйственной жизни въ цѣломъ, слагающемся изъ суммы ежедневно другъ друга зацѣпляющихъ явленій, причинъ и слѣдствій; видятъ они это *впервые* оставивъ школу, — выйдя изъ нея, они становятся лицомъ къ лицу съ *хозяйствомъ*, къ которому не привлекалось ихъ вниманіе въ теченіе годовъ пребыванія ихъ въ училищѣ. До какой степени въ дѣлѣ практики достигаетъ невинность нашихъ воспитанниковъ спеціальныхъ сельскохозяйственныхъ школъ, это было засвидѣтельствовано словами одного изъ нихъ (*Отечеств. Записки*), въ разсказѣ о выпряганіи лошадей изъ плуга.

Въ нашихъ училищахъ, нѣсколько лѣтъ назадъ, былъ *поднятъ уровень образованія*. Но въ чемъ же состояло это поднятіе уровня образованія? Въ лучшихъ ли средствахъ изученія сельскаго хозяйства?—Вовсе нѣтъ: исключительно въ видахъ присообщенія этихъ училищъ къ извѣстному разряду по отбыванію воинской повинности. Но вѣдь государству нужны не солдаты, знающіе сельское хозяйство, и не сельскіе хозяева, знающіе нѣмецкій языкъ, а люди именно сельское хозяйство знающіе. Въ училищахъ нашихъ есть приготовительные классы; но какую же все это оказываетъ услугу именно сельскому хозяйству? При посредствѣ этихъ приготовительныхъ классовъ проникаетъ ли въ сельскохозяйственную школу тотъ контингентъ учениковъ, который можетъ быть наиболѣе желательнымъ для успѣховъ народнаго хозяйства?—Вовсе нѣтъ: школы эти пополняются по преимуществу разночинцами и неудачниками, привлекаемыми стяжаніемъ правъ и ничего общаго съ сельскимъ хозяйствомъ не имѣющими. Потребуется ли удлиненіе срока обученія, вслѣдствіе введенія работы, какъ принципа сельскохозяйственнаго образованія, или нѣтъ, но, во всякомъ случаѣ, не гоняясь за поднятіемъ уровня образованія несельскохозяйственнаго въ такихъ агрономическихъ школахъ, которыя назначаются служить исключительно интересамъ практики,—очевидно полезно и необходимо понизить уровень требованій отъ вступающихъ, что откроетъ въ школу доступъ крестьянству, ученики изъ среды котораго—достигнутъ ли они положенія управляющихъ или не достигнутъ, все равно—послужатъ серьезными и несомнѣнными проводниками знаній въ область народнаго хозяйства. Ученикъ земледѣльческой школы, крестьянинъ,—если только школа будетъ его учить сельскому хозяйству, а не отчуждать отъ него, если она не будетъ дѣлать паничей и бѣлоручекъ, послѣ школы стыдящихся труда,—будетъ имѣть свое сельскохозяйственное поприще, свое хозяйство, въ которомъ онъ можетъ быть сторицею полезнымъ членомъ. Изъ такихъ учениковъ сельскохозяйственной школы ни одинъ не погибнетъ для цѣлей и успѣховъ отечественнаго сельскаго хозяйства и вообще дорогая агрономическая школа не будетъ переливать изъ пустаго въ порожнее.

До какой степени долженъ быть пониженъ уровень требованій при

вступленіи въ школу для того, чтобы въ нее проникло крестьянство, мы не предрѣшаемъ; но можемъ сослаться на собственный опытъ, почерпнутый изъ трехлѣтней практики въ сельскохозяйственномъ училищѣ херсонскаго земства, куда большинство поступаетъ изъ простыхъ народныхъ училищъ, что однако не мѣшало ученикамъ этого училища дѣлать дѣйствительно поразительные, для ихъ первоначальной подготовки, успѣхи.

Что контингентъ учениковъ изъ крестьянъ для земледѣльческихъ училищъ практическаго назначенія есть контингентъ наиболѣе желательный и лучшій, наиболѣе для успѣховъ нашего хозяйства необходимый— объ этомъ едва ли нужно распространяться. По этому поводу едва ли можетъ быть сдѣлано хоть одно, сколько-нибудь вѣское, возраженіе; если это—такъ, то, въ интересахъ дѣла, ради ихъ необходимо и обязательно поступиться всякими дѣлу посторонними соображеніями.

Учившись сельскому хозяйству, дѣйствовавъ въ немъ, учивъ другихъ, мы достаточно въ немъ искусились и прямо и рѣшительно отрицаемъ не только полезность, но даже логическую возможность какихъ-нибудь агрономическихъ училищъ, назначаемыхъ для практики, кромѣ тѣхъ, гдѣ работа стоитъ на высотѣ учебнаго принципа и гдѣ она уважается наравнѣ съ теоретическимъ знаніемъ. Въ земледѣльческой школѣ, для дѣла назначаемой, дѣлу должны и учиться; въ ней всѣ безъ исключенія должны работать и — безъ исключенія — всѣ работы; въ такой школѣ работа должна быть общимъ принципомъ и для нея учитель работать неумѣющій — не годится, не чтущій же работы — въ ней вредный учитель: онъ ничему не научитъ. Только изъ такихъ школъ и могутъ выходить не кому-нибудь, а дѣйствительно русскому сельскому хозяйству нужные и полезные люди; только ими и ихъ трудомъ и знаніями, имѣющими практическую силу, и можетъ быть поднятъ уровень сельскаго хозяйства, какъ существенной отрасли русской промышленности.

Такая школа, по нашему мнѣнію, составляетъ идеалъ, къ которому должны стремиться реформы; а будетъ ли она называться среднею или низшею—все единo: можно сказать только то, что для практической дѣятельности, — понимая ее не представляющею какихъ-нибудь чрезвычайныхъ задачъ и особыхъ временныхъ мѣропріятій,—такой другой не нужно. Обыкновенно называемыя *низшими* школами, школы образованія искусныхъ рабочихъ могутъ не входить въ программу дѣятельности ни правительства, ни общества, разумѣемаго въ цѣломъ или въ такихъ крупныхъ единицахъ, какъ земства. Кому нуженъ искусный рабочій, тотъ и можетъ образовывать его собственною иниціативою, черпая лучшія силы изъ школъ подобнаго рода, и для другихъ высшихъ въ административной іерархіи назначеній: прекрасный, заслуживающій подражанія примѣръ въ этомъ смыслѣ показала школа г. Ребиндера, руководимая г. Краинскимъ: путь проложенъ и — слава Богу, слѣдовать же ему можетъ каждый, согласно своей доброй волѣ и собственному плану въ частности.

Другое дѣло—школы специальныхъ отраслей сельскаго хозяйства, имѣющихъ насущное значенiе для извѣстныхъ частей государства и составляющихъ главный предметъ народной дѣятельности цѣлыхъ областей, какъ, напримѣръ, овцеводство южной Россiи: школы бонитеровъ, шафмейстеровъ и т. п.; льноводство и молочное хозяйство сѣверной и сѣверо-восточной Россiи: школы обработки льна, молочныхъ продуктовъ и т. п.; винодѣлiе, табаководство и садоводство Бессарабiи, Крыма и Кавказа и имъ подобающiя школы, — такiя школы должны быть предметомъ вниманiя правительственныхъ и общественныхъ учрежденiй.

Обратимся теперь къ высшимъ агрономическимъ учебнымъ заведенiямъ, такимъ, какъ Петровская академiя съ предполагаемыми въ ней реформами. Хотя ей дѣлался упрекъ за *многопредметность*, но такой упрекъ мы считаемъ неосновательнымъ, — еслибы многопредметность и можно было назвать зломъ, то это зло необходимое по самому существу и цѣлямъ заведенiя, какъ высшаго. Еслибы не предполагалось ввести нѣкоторые предметы прежде отсутствовавшiе въ академическомъ курсѣ, то ей скорѣе нужно было бы сдѣлать упрекъ за неполноту доставляемаго ею высшаго сельскохозяйственнаго образованiя: въ академiи не читалась, напр., исторiя сельскаго хозяйства, сельскохозяйственная статистика. Реформу въ смыслѣ пополненiя этихъ знанiй нужно считать необходимою; что же касается другой—года практическихъ занятiй въ частныхъ хозяйствахъ, то подобную практику мы считаемъ пустою тратою времени и ни къ чему не ведущею. Пробыть годъ въ хозяйствѣ, принимая въ немъ условное участiе, условно полезно; пробыть годъ въ хозяйствѣ, отрицательно относящемся, подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ, ко всему не рутинному, — безполезно окончательно. Мы не отрицаемъ и для ученика высшей агрономической школы (изучившаго въ ней техническiе прiемы) полезности и необходимости ознакомиться сравнительно съ обширною и дѣловою сельскохозяйственною практикой, но думаемъ, что, смотря по окончательной цѣли, знакомство это можетъ быть прiобрѣтено тѣмъ или другимъ путемъ и тѣмъ или другимъ способомъ. Высшимъ учебнымъ заведенiемъ даваемое знанiе, какъ мы сказали еще въ началѣ нашей замѣтки, можетъ быть прилагаемо или въ интересахъ науки, или въ интересахъ практическаго хозяйства; для людей, посвящающихъ себя первой цѣли, недостаточно наблюденiя какого-нибудь одного хозяйства, хотя бы и въ теченiе одного года; для него необходимы средства ознакомиться съ возможно большимъ числомъ хозяйственныхъ фактовъ и случаевъ, ознакомиться съ возможно большимъ разнообразiемъ тѣхъ влiянiй, которыя обусловливаетъ характеръ хозяйства, выражаясь на его организацiи.

Наибольшее число случаевъ здѣсь необходимо потому, что цѣль ознакомленiя съ ними должна состоять въ возможности наблюсти: какъ, въ какомъ направленiи и какимъ образомъ видоизмѣняется извѣстный общiй законъ подъ давленiемъ жизненныхъ случайностей. Такой цѣли гораздо

больше можетъ служить агрономическое путешествіе, нежели пребываніе въ одномъ хозяйствѣ, обыденныя мелочи котораго занимать не могутъ вниманіе человѣка, посвятившаго себя научному труду, и съ общимъ строемъ хозяйства познакомиться можно въ сравнительно гораздо болѣе короткое время. Что же касается такихъ питомцевъ высшаго учебнаго заведенія, которые избираютъ для себя практическую дѣятельность, то для нихъ несравненно болѣе полезную практику могутъ дать хозяйства тѣхъ школъ, о которыхъ мы говорили, при томъ условіи, что такіе практиканты примутъ непосредственное участіе въ дѣлахъ училищнаго хозяйства, пройдя рядомъ съ учениками школы всю сумму годовыхъ работъ хозяйства и живя жизнью и всѣми интересами этого хозяйства заурядъ со всѣми. Такой практикантъ, хотя и высшей школы, все-таки учащійся, нуждающійся если не въ прямомъ руководствѣ, то во всякомъ случаѣ въ обмѣнѣ мыслями, который можетъ быть производителемъ лишь тогда, когда собесѣдующіе не говорятъ на языкѣ другъ другу непонятномъ и имѣютъ въ общемъ уровнѣ своихъ знаній почву, на которой возможно обсужденіе вопросовъ. Мы во всякомъ случаѣ крайне скептически относимся къ той практикѣ учащагося, въ которой положеніе практиканта и практикующаго слишкомъ неравны и въ которой образуются неизбѣжно такія отношенія, что либо практикантъ приходитъ къ тому заключенію, что все передъ нимъ совершающееся—прямо нелѣпо, либо хозяинъ дѣла, практикующій, приходитъ къ тому, что практикантъ не доросъ и не доучился до пониманія настоящей сути дѣла. Простое же, безучастное пребываніе въ хозяйствѣ, хотя бы результатомъ этого и получилось сочиненіе организаціоннаго плана, мы считаемъ занятіемъ прямо смѣшнымъ, самообольщеніемъ съ обѣихъ сторонъ: практиканта—въ томъ, что, проживя годъ въ деревнѣ, онъ познналъ хозяйственную практику, а школы—въ томъ, что она дала къ этому средства.

Еще нѣсколько словъ о практикѣ учениковъ высшей школы, назначающихъ себя къ ученому труду. Сколько можемъ понять, глубоко ошибаются тѣ, которые думаютъ, что лучшимъ заключеніемъ образованія такого воспитанника высшей школы есть, по оставленіи ея, агрономическое путешествіе за границею.

Мы не принадлежимъ къ числу тѣхъ, которые говорятъ о «русской наукѣ»; но что касается до сельскаго хозяйства, слагающагося, такъ или иначе, непремѣнно подъ вліяніемъ извѣстныхъ условій, то русскому ученому агроному,—тому, который хочетъ своимъ знаніемъ принести прежде всего пользу Россіи,—необходимо прежде всего фактическое изученіе русскихъ условій, и уже потомъ пусть ѣдетъ онъ за границу.

Необходимо, чтобы почерпнутое въ школѣ теоретическое знаніе прежде всего примѣнялось бы къ тѣмъ условіямъ и къ той средѣ, на которой дѣйствовать и благодатно вліять оно предполагаетъ; отсюда получается

прочная точка зрѣнія, тотъ масштабъ, которымъ будущій русскій ученый будетъ измѣрять возможность примѣненія иностранныхъ улучшеній на почвѣ русскаго хозяйства, не увлекаясь надеждою перестроить русское хозяйство на иностранный ладъ. Первое впечатлѣніе, произведенное практикою сельскаго хозяйства, имѣетъ, какъ и во всѣхъ другихъ случаяхъ, громадное значеніе. Объектъ—все-таки русское хозяйство; оно—основпой предметъ, обликъ котораго долженъ быть всегда на виду и на первомъ планѣ; это—фонъ, а то, что «тамъ», это—тѣ узоры, частицы которыхъ должны разукрасить этотъ фонъ, гармонически на немъ укладываясь.

М. Неручевъ.

Иностранная библіографія.

Эмиля Солди: **Непризнанныя искусства.** *Emile Soldi*: **Les arts méconnus.** Les nouveaux musées du Trocadéro. Ouvrage orné de 400 gravures. 8°. Paris, Leroux. 1881 г. VI, 530 стр.

Эмиль Сольди далеко не принадлежитъ къ спеціалистамъ археологической науки: его статьи о вавилонскихъ цилиндрахъ и полемика съ извѣстными египтологами по вопросу объ инструментахъ египетскихъ скульпторовъ выказали въ немъ болѣе смѣлаго новатора, нежели знатока. Онъ—артистъ-рисовальщикъ изъ школы Віолле-ле-Дюка и горячій поклонникъ старины; его монументальныя скульптуры не лишены красоты и грандіозности. Въ своей большой книгѣ, посвященной Виктору Гюго, онъ является тѣмъ же новаторомъ, но на этотъ разъ весьма счастливымъ; его тезисы заставятъ призадуматься, а смѣлые, хотя и не лишенные легкомыслія, очерки вызовутъ болѣе серьезные труды.

Уже давно въ художественномъ мірѣ—не только Запада, но и Россіи—идетъ рѣчь о внесеніи въ искусство живаго народнаго элемента, такъ называемыхъ промышленныхъ художествъ, о необходимости поднять ихъ, связать тѣсно съ общею артистическою дѣятельностью, нынѣ уединившеюся въ среду академическихъ салоновъ и выставокъ. Нигдѣ, однако же, эта задача не преслѣдуется такъ горячо и серьезно, какъ въ Парижѣ. Промышленно-художественные музеи Вѣны, Москвы, Лондона остаются доселѣ безъ дѣла; имъ нѣтъ хода, коллекціи ихъ перепутываются съ музеями древностей и остаются безъ вліянія на художественную промышленность.

Иное дѣло въ Парижѣ, гдѣ и наука, и правительство соединились теперь для подготовленія и выполненія небывалыхъ и немыслимыхъ прежде проектовъ. Три новыхъ музея должны открыться и частію открыты въ Трокадеро: музей этнографическій, историческій для древняго искусства (въ слѣпкахъ) и подобный же для христіанскаго искусства до эпохи «воз-

рожденія». Разработывается проектъ декоративнаго музея, и правительству предлагаютъ создать разомъ музей мёбели, только снеся въ одно мѣсто изъ общественныхъ учрежденій и присутственныхъ мѣстъ разбросанные тамъ во множествѣ памятники старины и художества. Новому министру изящныхъ искусствъ, Антонину Прусту, предстоитъ много дѣла. Экономничать не приходится, когда расходы окупятся сторицею.

Но самою существенною задачей является при этомъ, однакоже, выборъ опредѣленнаго направленія или вкуса, а эта задача до тѣхъ поръ будетъ предметомъ споровъ, пока не выработается сама собою. Сольди указываетъ, напримѣръ, въ первой главѣ на необходимость поднять рѣзьбу на камнѣ, золотыхъ дѣлъ мастерство, эмали и пр. черезъ предъявленіе образцовъ изящнаго отовсюду, гдѣ бы они ни явились, какой бы расѣ или эпохѣ они ни принадлежали. Онъ замѣчаетъ, что въ рѣзьбѣ на камняхъ теперь упражняется не болѣе трехъ-четырехъ художниковъ, да и то работаютъ лишь имитаціи во вкусѣ Прюдона. Въ главѣ (третьей) объ эмаляхъ, фаянсахъ авторъ указываетъ образцы въ персидскомъ стилѣ и говоритъ о школахъ, отъ него происшедшихъ: онъ рекомендуетъ особенно коллекцію эмальированныхъ кирпичей извѣстнаго путешественника Уйфальви, равно собранія изъ Средней Азіи въ Севрѣ и этнографическомъ музеѣ. Четвертая и пятая главы содержатъ очеркъ искусства въ Камбоджѣ по образцамъ Хмерскаго музея Делапорта въ Трокадеро и мексиканскаго и перувіанскаго по скульптурамъ, привезеннымъ миссіями Винéра и Пинара.

Для русскаго читателя въ этой книгѣ имѣютъ наибольшій интересъ главы объ искусствѣ въ Средней Азіи. Не изъ одного только ложно понятаго патріотизма, но ради выработки самостоятельнаго искусства, слѣдовало бы намъ владѣть всѣми тѣми памятниками, которые идутъ изъ Самарканда и попадаютъ въ Парижъ. Когда въ Петербургъ привезли сокровища хивинскаго хана, многіе, видя эти неоцѣненные чапраки, кинжалы, сѣдла, осыпанныя бирюзою съ необыкновеннымъ вкусомъ, невольно горевали, что эти богатства попадутъ въ царскосельскій арсеналъ, гдѣ ихъ могутъ видѣть лишь немногіе, и что долго не дождутся они выставки ихъ въ общее пользованіе. Пусть же послужатъ намъ примѣромъ наука и искусство Запада.

Красоту среднеазіятской архитектуры и орнаментики наша публика знаетъ лишь по картинамъ Верещагина, въ деталяхъ. А между тѣмъ уже Шардэнъ въ XVII вѣкѣ, Костъ и Фландрэнъ въ 1850 годахъ (авторъ большихъ фоліантовъ о памятникахъ Персіи, древнихъ и новыхъ) согласно заявляютъ, что ни Европа, ни искусство арабовъ не создали ничего подобнаго по красотѣ Мейданской площади въ Испагани и мало равнаго инымъ павильонамъ Тегерана и 250 мечетямъ Самарканда. Фаянсы самыхъ нѣжныхъ красокъ, иногда тянущіеся по карнизамъ, иногда же облицовывающіе все зданіе сверху до низу, въ причудливыхъ арабескахъ—ихъ главное украшеніе. Эти фаянсы, покрывающіе еще стѣны знаменитой ме-

чети въ Бруссѣ, уже крайне рѣдки въ самомъ Каирѣ, гдѣ множество ихъ было истреблено реставраціей при Измаилѣ. Повсюду тѣ же простѣйшіе принципы геометрической орнаментаціи, тѣ же пропорціи и законы симметріи; но сколько жизни и красоты въ этихъ арабескахъ, побѣгахъ, бутонахъ, цвѣткахъ, животныхъ и человѣческихъ фигурахъ, въ самыхъ причудливыхъ, монструозныхъ сочетаніяхъ и фантастическихъ формахъ, которыя единственно допускались магометанствомъ! Кубки, блюда изъ мѣди съ рѣзьбою и инкрустаціями изъ Хорасана и Ташкента составляютъ нынче предметъ особаго любительства на Западѣ. Археологическая наука давно уже указывала на всѣ эти высокіе образцы искусства, но лишь теперь стало возможнымъ говорить объ ихъ художественной сторонѣ, признавать право ея на усвоеніе истощеннымъ европейскимъ орнаментомъ. На этой исключительно точкѣ зрѣнія стоитъ и авторъ книги, котораго эстетическія сужденія обличаютъ если не знатока, то человѣка со вкусомъ, а историческія обнаруживаютъ малоизвѣстность той области, о которой онъ трактуетъ.

Болѣе обстоятельно изложенъ очеркъ искусства въ Камбоджѣ, иллюстрированный многочисленными рисунками изъ сочиненія Делапорта. Безчисленныя скульптуры, покрывающія собою стѣны и террасы храмовъ и развалинъ дворцовъ, соперничаютъ своимъ богатствомъ, разнообразіемъ и выраженіемъ съ памятниками этого рода въ древнемъ Египтѣ и Ассиріи, Индіи и Китаѣ. Типы странны, близки къ китайскимъ; но, несмотря на недостатокъ, заключающійся въ самой расѣ, на странную помѣсь браманства съ буддизмомъ, дѣйствительно, нельзя не признать замѣчательнаго таланта или народнаго генія въ этихъ произведеніяхъ. Богатство орнаментики то же, что и въ Японіи. Кромѣ фантастическихъ чудовищъ, въ родѣ Яли—льва и дракона вмѣстѣ, или Гаруду съ птичьей головой, видимъ здѣсь и богиню на малайскомъ тапирѣ, подобную греческой Афродитѣ на козлѣ. Время происхожденія массы замѣчательныхъ развалинъ Ангора и друг. и вообще самое искусство въ Камбоджѣ неизвѣстно даже приблизительно, а различныя общія заключенія по аналогіямъ, доселѣ высказанныя, ни для кого не обязательны.

Въ силу такихъ же смѣлыхъ гипотезъ заинтересовались въ послѣднее время древностями Перу и Мексики; но опять, безъ изученія самаго предмета, аналогіи врядъ ли поведутъ къ дѣлу. Иныя терракоттовыя статуэтки и вазы съ рисунками, извлеченныя изъ древнихъ могилъ Мексики, поражаютъ своею близостью съ древнегреческими произведеніями; но что́ же изъ того? Мы только рекомендуемъ тѣмъ читателямъ, которые интересуются подобными вопросами, обратиться къ источникамъ, напримѣръ, къ книгѣ Вине́ра о Перу и Боливіи, заслуживающей полнаго вниманія и вышедшей полтора года тому назадъ.

L'Art à travers les moeurs par Henri Havard. 1882.— 8°. Quantin 399, pr. 30.

Основная задача книги—прослѣдить исторію искусства въ связи съ общественною жизнью—не нова, какъ не новы и его положенія. Гаваръ начинаетъ съ опредѣленія основныхъ законовъ развитія искусства и наглядно указываетъ, какъ стремленія, нравы и обычаи каждой эпохи отражаются въ искусствѣ, въ тѣхъ фазисахъ, которые оно переживаетъ, въ тѣхъ формахъ, въ которыя оно складывается. Жизнь каждаго народа, по тезисамъ автора, представляетъ три главные фазиса: періодъ варварства, періодъ процвѣтанія народныхъ силъ и творчества и періодъ упадка, когда творческія силы слабѣютъ и анализъ преобладаетъ надъ синтезомъ. Исторія искусства представляетъ будто бы три соотвѣтствующихъ фазиса: *символъ*, *типъ* и *портретъ*. Всѣ эти опредѣленія несомнѣнно банальны и съ точки зрѣнія истинной науки ничтожны, но они имѣютъ свою пользу въ популярной передачѣ художественнаго содержанія школъ и эпохъ, чѣмъ славятся французскія сочиненія. Наиболѣе рельефно выступаетъ въ книгѣ вѣкъ Людовика XIV, который и самъ по себѣ отличается замѣчательною цѣльностью характера. Пышная и торжественная обстановка двора поражаетъ на первый взглядъ, но скоро обнаруживаешь полную безсодержательность этой блестящей декораціи и невольно изумляешься богатой фантазіи, создавшей эту массу искуственныхъ потребностей и такъ ловко съумѣвшей удовлетворять ихъ. Мужчины въ эту эпоху придумываютъ самый нелѣпый головной уборъ: они наряжаются въ громадные парики, которые вѣсятъ до двухъ фунтовъ и стоятъ до тысячи экю,—и это дѣлается съ цѣлью придать себѣ величественный видъ. И въ самомъ дѣлѣ даже рѣчь придворная, поступь, движенія отличаются искуственной, условною торжественностью. Рисовка и аффектація до такой степени проникли въ привычки общества, что когда люди того времени снимаютъ съ себя портретъ, они считаютъ своимъ долгомъ одѣться въ костюмъ древнихъ римлянъ и придать своей физіономіи соотвѣтствующее костюму выраженіе. Общественная жизнь этой эпохи представляетъ картину наряднаго карнавала. Оттѣнокъ театральности, внесенный въ жизнь, усиливается еще вслѣдствіе увлеченія драматическимъ искусствомъ и доходитъ до того, что дѣйствительная жизнь становится копіей съ драмы или романа, а не романъ заимствуетъ свое содержаніе изъ жизни. Необходимо вникнуть въ понятія этого общества, приглядѣться къ нравамъ его, чтобъ уяснить себѣ странныя формы, въ которыя сложилось искусство. Король не отличался живою фантазіей и эстетическій вкусъ его былъ мало развитъ,—тутъ, какъ и во всемъ, сказывался произволъ; но больше всего нравились ему пышность и симметрія, чѣмъ и отличаются всѣ произведенія искусства этой эпохи. Роскошь достигаетъ баснословныхъ размѣровъ; придворная знать соперничаетъ съ королемъ въ расточительности. Расходуются громадныя суммы на сооруженіе дворцовъ, на распланировку

садовъ, на устройство бассейновъ и фонтановъ и вліяніе времени отражается прежде всего на архитектурѣ. Зданія поражаютъ величавою стройностью и богатствомъ орнаментики. Длинные фасады въ сочетаніи простыхъ симметричныхъ линій раскидываются на громадное протяженіе; у подножія ихъ—террасы, украшенныя мраморными перилами; колоннады и портики тянутся вереницей; парадные дворы обнесены золочеными рѣшетками съ массивными обелисками по угламъ. Но отъ этой пышности вѣетъ холодомъ. Во внутренней части зданія безконечныя галлереи, просторныя лѣстницы, амфилады роскошныхъ салоновъ. Богатство украшеній такъ велико, что красота отдѣльныхъ орнаментовъ теряется въ массѣ и чрезмѣрная роскошь оскорбляетъ иногда чувство изящнаго. Создавая вокругъ себя такую искуственную атмосферу, люди стараются пересоздать и природу по своему вкусу: они перекраиваютъ деревья и газоны, придаютъ имъ самыя причудливыя формы, и сады знаменитаго Ленотра по плану своему приближаются къ архитектурному стилю. Тѣмъ же характеромъ отличается убранство комнатъ и фасонъ мебели. Мануфактура, производившая гобелены, превращается въ фабрику коронной мебели и знаменитый Лебренъ, душа и руководитель этого производства, творитъ чудеса въ области художественной промышленности. Художникъ необыкновенно даровитый и разносторонній, живописецъ и скульпторъ, граверъ и энциклопедистъ по всѣмъ отраслямъ искусства, Лебренъ поражаетъ богатствомъ фантазіи, неутомимою дѣятельностью и является въ своихъ произведеніяхъ живымъ воплощеніемъ духа своего времени. Онъ рисуетъ картоны для гобеленовъ, модели для мебели и ювелирныхъ украшеній; онъ же пишетъ рядъ громадныхъ картинъ, изображающихъ апоѳеозъ Людовика XIV, гдѣ король представленъ въ видѣ Александра Македонскаго. Вокругъ Лебрена группируется цѣлая плеяда даровитыхъ художниковъ: скульпторы Тюби и Кафіери, ювелиръ Болленъ, мебельный мастеръ Буль, живописцы Боннемеръ, Тестеленъ и Булонь младшій.

Вѣкъ Людовика XV создаетъ въ обществѣ типъ совершенно новый, странный, подчасъ даже смѣшной; типъ этотъ — маркизъ. Одѣтый въ атласъ и кружева, украшенный перьями и бантами (ихъ бываетъ до пятисотъ на костюмѣ), нарядный и раздушоный, маркизъ двора Людовика XV, не только по внѣшности, но и по складу ума и характера—одно изъ самыхъ странныхъ и ненормальныхъ явленій. Столь же характерна быстрая смѣна явленій общественной жизни въ вѣкъ Людовика XV: это—царство денегъ и женщинъ, на мѣстѣ дутой славы и чопорной чести. Аристократы вступаютъ въ бракъ съ дочерьми разбогатѣвшихъ буржуа и приливъ этихъ новыхъ, свѣжихъ силъ въ кругъ великосвѣтскихъ женщинъ усиливаетъ вліяніе ихъ на французское общество, прославившееся легкостью нравовъ. Чувственность — отличительный признакъ настоящей эпохи, и какъ прежде все било на эффектъ, такъ теперь преслѣдуется постоянно одна цѣль—наслажденіе, къ тому же въ обществѣ сказывается

потребность въ утонченномъ комфортѣ. Таковъ новый стиль, извѣстный подъ именемъ Рококо или Помпадуръ, съ мебели перенесенный въ архитектуру. Правильныя и симметричныя линіи смѣняются причудливыми очертаніями изогнутыхъ линій, вмѣсто прежнихъ громадныхъ и парадныхъ комнатъ устраиваются маленькія уютныя комнаты и все въ нихъ принимаетъ миніатюрныя, граціозныя, миловидныя формы. Спальня и будуаръ играютъ главную роль; они украшаются кокетливо, съ утонченною роскошью, подъ видомъ изящной простоты, съ крохотными каминами, съ трюмо, съ изящными картинками на всякой утвари, съ зеркалами и рѣзьбой повсюду. Изобрѣтается множество покойныхъ, удобныхъ креселъ и стульевъ самыхъ разнообразныхъ рисунковъ. Дерево по-прежнему покрывается позолотой, но узоры и цвѣта мебельныхъ матерій самые нѣжные. Столы, коммоды, шифоньеры и бюро украшаются бронзой и деревянной инкрустаціей (marqueterie) великолѣпной работы. Сюжеты живописи сводятся къ слащеватому идиллическому жанру. Буше создаетъ новый міръ, вымышленный и условный, но граціозный и изящный. Его пастушки и пастушки такъ же неправдоподобны, какъ его амуры на перламутровыхъ облакахъ; но въ этомъ блестящемъ декоративномъ жанрѣ отражается безпечный, веселый, вѣтреный нравъ тогдашняго общества. Колоритность, нѣжность контуровъ, округлость формъ — вотъ характеръ тогдашней живописи. Скульптура по самому существу своему не могла вполнѣ подчиняться такому направленію. Фальконетъ, Пожу и Пигаль удерживаютъ искусство на извѣстной высотѣ, но и тутъ прежняя сила и мощь уступаютъ мѣсто граціи, порою слишкомъ изнѣженной. Моды, какъ всегда, гармонируютъ съ общимъ характеромъ времени; пудра, румяна и мушка, коротенькая юбка, обнаруживающая ножку, вырѣзной лифъ, коротенькій рукавчикъ и красные каблуки превращаютъ женщину въ куклу.

Съ началомъ царствованія Людовика XVI опять новое теченіе, новое направленіе въ искусствѣ. Въ обществѣ сказывается, съ одной стороны, стремленіе стать ближе къ дѣйствительной жизни и къ природѣ, съ другой стороны обнаруживается стремленіе возвратиться къ изученію классической древности. Картины Греза вводятъ живопись въ область тихихъ радостей и реальныхъ интересовъ семейной жизни, а болѣе близкое знакомство съ памятниками древности вліяетъ на архитектуру и вноситъ больше простоты въ ея область. Причудливая орнаментація Рококо смѣняется вновь прямыми и правильными линіями, но формы, выработанныя художниками этой эпохи, еще полны граціи, изящества и гармоніи.

Въ эпоху имперіи вліяніе классической древности усиливается и переходитъ въ подражаніе. Въ то время, какъ общество, обновленное въ своихъ началахъ, быстро идетъ впередъ по пути прогресса, искусство какъ будто пріостанавливается въ своемъ развитіи; оно не создаетъ новаго типа, дѣятельность его ограничивается воспроизведеніемъ и повтореніемъ тѣхъ формъ, которыя выработало античное искусство; результатъ та-

кого направленія—отсутствіе всякой связи съ дѣйствительною жизнью и ея потребностями. Не принимая во вниманіе ни климатическихъ условій, ни условій современной жизни, архитектура превращаетъ домъ въ подобіе храма, съ портиками, фронтонами и колоннами, а во внутренней части зданія украшенія подражаютъ стилю Геркуланума и Помпеи. Нѣжныя и разнообразныя арабески, группы нимфъ и фавновъ, эффектныя при яркомъ блескѣ южнаго солнца, становятся блѣдны и безцвѣтны подъ сѣвернымъ небомъ. Во всѣ отрасли художественной промышленности проникаетъ то же самое направленіе, извѣстное въ исторіи искусства подъ именемъ стиля имперіи (style empire). Въ живописи главный и лучшій представитель этой эпохи—Давидъ.

Книга Гавара можетъ вообще служить легкимъ и пріятнымъ чтеніемъ, но она не удовлетворяетъ требованіямъ, поставленнымъ самимъ авторомъ, и его изложеніе подходитъ болѣе къ легкой формѣ фельетона, нежели къ серьезному сочиненію.

Мы можетъ-быть и не стали бы заниматься ею, еслибы въ литературѣ исторіи искусства существовала какая-либо болѣе серьезная работа по этому отдѣлу, кромѣ извѣстной книги Гонкура объ искусствѣ въ XVIII вѣкѣ, а между тѣмъ современная художественная промышленность, какъ извѣстно, продолжаетъ почти исключительно питаться образцами вѣка Людовика XV, какъ бы ни былъ онъ мелоченъ, низокъ и пошлъ для отрезвленнаго взгляда.

О. Ч.

Святая земля, ея исторія, воспоминанія, мѣстоположеніе и памятники. *Виктора Герена.* 1882 г. 4° 463 стр., 310 рисунковъ. Парижъ. Плонъ „La Terre Sainte, son histoire, ses souvenirs, ses sites, ses monuments“.

Трудъ этотъ принадлежитъ перу извѣстнаго ученаго путешественника по Востоку и автора многихъ научныхъ изслѣдованій. Основательно изучивши Палестину, Геренъ напечаталъ въ шести томахъ «Description geographique, historique et archéologique de la Palestine». Новое сочиненіе есть, собственно говоря, сокращенная популяризованная передѣлка этого большаго сочиненія. Изъ 310 гравюръ, украшающихъ эту книгу, 22 сдѣланы на стали, остальныя же—на деревѣ. Знакомство автора съ литературой предмета громадное. Между множествомъ цитируемыхъ имъ авторовъ—отцовъ церкви, еврейскихъ, арабскихъ, греческихъ, римскихъ и новѣйшихъ европейскихъ писателей—мы встрѣтили цитаты и изъ нашего Даніила Паломника. На русскомъ языкѣ, сколько намъ извѣстно, существуетъ лишь одно сочиненіе по этому предмету, которое принадлежитъ профессору кіевской духовной академіи, Олесницкому. Описаніе Іерусалима, его исторія, памятники и настоящее положеніе, занимаютъ собою цѣлую треть книги Герена.

За послѣднія 40 лѣтъ, съ тѣхъ поръ, какъ въ ученомъ мірѣ археологовъ и историковъ возникъ споръ по поводу чуть ли не каждаго свя-

щеннаго мѣста въ Іерусалимѣ, становится особенно интересно познакомиться съ топографіей этого города, описываемой человѣкомъ компетентнымъ.

Особенность мѣстоположенія Іерусалима,—говоритъ авторъ,—давно обращала на себя вниманіе всѣхъ. Находясь въ 54 километрахъ разстоянія отъ Средиземнаго моря и 32—отъ Іордана, онъ представляетъ собою волнистую площадь, образующую родъ мыса, удлиненнаго къ сѣверу; со всѣхъ остальныхъ сторонъ Іерусалимъ окруженъ долинами. Удаленный отъ моря и рѣки, городъ никогда не былъ торговымъ. (Въ самую цвѣтущую свою пору онъ насчитывалъ не болѣе 120 тысячъ жителей.) Благодаря его возвышенному положенію, несмотря на то, что онъ находится въ странѣ, гдѣ $^3/_4$ года бываетъ невыносимая жара, особенно около береговъ моря и въ долинѣ Іорданской,—въ самомъ Іерусалимѣ климатъ умѣренный; дождливое время продолжается приблизительно съ половины октября до половины апрѣля, остальное же время погода—ясная и жаркая, но не невыносимо, исключая, впрочемъ, тѣхъ дней, когда дуетъ южный вѣтеръ—рамсинъ или самумъ. Въ продолженіе 7—8 мѣсяцевъ жители пользуются сравнительною прохладой на террасахъ, сдѣланныхъ на крышѣ домовъ, откуда въ то же самое время можно наслаждаться великолѣпнымъ зрѣлищемъ на окрестныя горы. Площадь, на которой построенъ городъ, имѣетъ пять возвышенностей: гора Гаребъ, Безефа, Сіонъ, Моріа и Акра.

Іерусалимъ, по преданію, городъ Мельхиседека (Салимъ) за 2.000 лѣтъ до Р. Х. и Давида, соединившаго верхній (Сіонъ) и нижній городъ (Акра), мало сохранилъ отъ этой глубокой древности. Лишь Давидова угольная башня дѣйствительно построена этимъ царемъ, но отъ его постройки осталось древняго одно основаніе. Отъ храма Соломонова на горѣ Моріа остались, можетъ-быть, только лишь субструкціи. Отъ стѣнъ древняго Іерусалима, какъ извѣстно, сохранилась та часть, куда по пятницамъ, часа въ 4 пополудни, собираются іерусалимскіе евреи оплакивать судьбу іудейства. На горѣ Скадаль за Іерусалимомъ находится еще одинъ памятникъ временъ Соломона—храмъ египетскому божеству для его жены-египтянки. Памятникъ Авессалома въ долинѣ Іосафатовой можно отнести ко временамъ Давидовымъ. Существуютъ и другіе памятники первыхъ царей іудейскихъ и къ нимъ можно отнести некрополь еврейскій, такъ-называемыя могилы царей.

Гораздо болѣе сохранилъ Іерусалимъ отъ временъ Христа. Но и здѣсь поднятые давно споры о мѣстоположеніи древней Голгоѳы и гроба Господня еще не приведены къ общему соглашенію. Извѣстно, что многіе изслѣдователи древностей Іерусалима отрицаютъ преданіе или теперешнее ихъ положеніе. Авторъ ставитъ вновь преданіе на свое мѣсто, подкрѣпляя его фактами расположенія стѣнъ. Счастливый случай раскопокъ при постройкѣ русскаго консульства на востокъ отъ Гроба Господня обнару-

жилъ вторую стѣну,—счастливый уже потому, что, какъ извѣстно, Іерусалимъ до того застроенъ, что раскопки приходится дѣлать подъ жилыми домами. Одно изъ самыхъ вѣскихъ доказательствъ противъ подлинности этихъ двухъ мѣстъ основывается на словахъ Евангелія, гдѣ говорится, что Христосъ былъ распятъ и погребенъ за стѣнами города. Настоящее мѣстоположеніе Голгоѳы и Гроба находится внѣ этой второй, недавно открытой, стѣны города. Также несомнѣнно существуетъ и извѣстная купель Силоамская. На восточной сторонѣ ея находится шесть обломковъ отъ гранитовыхъ колоннъ, сравнительно позднѣйшихъ. Западная сторона—болѣе древняго характера. Во времена христіанства она окружена была портиками и раздѣлялась на двѣ половины—мужскую и женскую и при ней находилась часовня. Вода въ этихъ купеляхъ, какъ прежде, такъ и теперь, перемежающаяся. Причина этой перемежаемости воды и до сихъ поръ неизвѣстна. Мѣсто, гдѣ происходила Тайная Вечеря, находится на южной сторонѣ горы Сіона, внѣ настоящаго города. Это довольно большое, все застроенное, пространство. Христіане называютъ его — Тайная Вечеря (Cenacle), а магометане—Пророкъ Давидъ. Изъ предполагаемаго дома, гдѣ она происходила, была сдѣлана въ первые вѣка христіанства церковь. Теперь это—мечеть. Въ нижнемъ этажѣ (въ который трудно теперь проникнуть, такъ какъ тамъ помѣщается семейство какого-то мусульманскаго святаго)—двѣ комнаты: въ большей изъ нихъ, какъ предполагаютъ, было омовеніе ногъ передъ Тайною Вечерей, а во второй мусульмане показываютъ апокрифическую гробницу Давида. Тайная Вечеря происходила въ комнатѣ верхняго этажа. Комната эта имѣетъ 14 метровъ длины и 9 ширины; двумя колоннами въ греческомъ стилѣ она дѣлится на 2 части; въ ней 3 окна. Не въ далекомъ разстояніи отъ Геѳсиманіи находится гротъ агоніи (мѣсто, на которомъ Спаситель молился предъ тѣмъ, какъ его взяла стража). Съ первыхъ вѣковъ христіанства здѣсь сооружена часовня съ 3 алтарями, въ которыхъ горятъ неугасимыя лампады. Это одинъ изъ наиболѣе цѣльно сохранившихся памятниковъ: скала, въ которой высѣченъ гротъ, не украшена ничѣмъ и остается въ первобытномъ видѣ. На мѣстахъ, гдѣ были дома Каіафы и Анны, теперь монастыри. Тамъ, гдѣ была Преторія, куда былъ приведенъ Спаситель, теперь турецкія казармы; въ нихъ осталась маленькая христіанская часовня.

Такъ какъ мусульмане почитаютъ Христа за великаго пророка, то не удивительно, что въ одной іерусалимской мечети Эль-Акса хранится мнимая колыбель Христа и тамъ же на бѣлой мраморной доскѣ показывается отпечатокъ слѣда ноги, будто бы Христовой.

Въ настоящее время улицы Іерусалима узки и грязны, и такъ какъ городъ расположенъ по возвышенностямъ, то очень круты и скользки во время дождей; дома не высоки и на крышѣ почти каждаго—терраса. Городъ бѣденъ, торговля не процвѣтаетъ. Во время Пасхи народонаселеніе увеличивается вдвое; главные богомольцы—русскіе и греки.

По количеству церквей и монастырей первое мѣсто принадлежитъ католикамъ, но за послѣднія 20 лѣтъ значеніе русскихъ, по словамъ Герена, все увеличивается и увеличивается. Мы получили отъ Порты весьма большое пространство земли на высокомъ мѣстѣ около самыхъ городскихъ воротъ къ сѣверу, огородили его и построили на немъ епископскій дворецъ, соборъ, консульство, обширныя гостиницы для богомольцевъ, цистерны, бассейны,—словомъ, создался тамъ цѣлый маленькій русскій городокъ, въ которомъ помѣщаются во время Пасхи тысячи богомольцевъ, стекающихся въ эту пору въ Іерусалимъ со всѣхъ концовъ Россіи. Большинство странниковъ, какъ извѣстно, люди бѣдные, простой народъ, и здѣсь они находятъ себѣ обезпеченный пріютъ. Грековъ въ Іерусалимѣ насчитывается до 3.000 ч. и управляются они патріархомъ; армянъ—до 500 челов., всѣ богатые, но живутъ розно; протестантовъ—до 300 чел.; абиссинцевъ и коптовъ мало и они очень бѣдствуютъ; евреевъ—до 10.000 чел., они очень бѣдны, дѣлятся на многія секты, живутъ на восточномъ склонѣ горы Сіонъ крайне грязно и между ними большая смертность; мусульманъ—до 7.500 человѣкъ. Всего же населенія теперь въ Іерусалимѣ не болѣе 23.000 человѣкъ.

Затѣмъ авторъ переходитъ къ сѣверной Іудеѣ, Самаріи, нижней и верхней Галилеѣ, Пальмирѣ и проч. Методъ описаній все тотъ же: каждый историческій и священный памятникъ подвергается строгой научной критикѣ.

Книга содержитъ любопытное и правдивое описаніе Дамаска. Дамаскъ, этотъ рай Востока, дѣйствительно одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ городовъ какъ по своей древности, такъ и по счастливому мѣстоположенію. Благодаря тому, что онъ находится на 900 метровъ надъ уровнемъ Средиземнаго моря, климатъ въ немъ умѣренный. Равнина, на которой онъ расположенъ, покрыта многими рѣками и безчисленными каналами. Несмотря на дурное управленіе, съ давнихъ поръ тяготѣющее надъ этою страной, и на постоянные набѣги бедуиновъ, Дамаскъ окруженъ селеніями. Такую жизненность среди упадка и полнаго разрушенія другихъ городовъ Палестины и Сиріи можно объяснить изобиліемъ водъ, текущихъ со всѣхъ сторонъ въ эту равнину. Арабы называютъ ее раемъ Востока. Городъ славится удивительными фруктовыми садами. Онъ считается однимъ изъ самыхъ населенныхъ городовъ Востока.

Впервые имя Дамаска упоминается въ исторіи во времена Авраама. Въ продолженіе своего 4.000-лѣтняго существованія переходя отъ одного народа къ другому, Дамаскъ былъ наконецъ покоренъ Селиманомъ I и съ тѣхъ поръ сдѣлался однимъ изъ значительныхъ пашалыковъ Турціи.

Въ книгѣ встрѣчается любопытный разсказъ одного очевидца, которому случилось быть въ Дамаскѣ вскорѣ послѣ страшной рѣзни христіанъ въ 1860 году. Онъ живо характеризуетъ, до чего иногда можетъ доходить свирѣпость мусульманъ по отношенію къ христіанамъ. Вотъ прибли-

тельно какъ описываетъ онъ это: «Мы вошли на минаретъ мечети, чтобы посмотрѣть на городъ. Называю этотъ христіанскій кварталъ городомъ потому, что, будучи совершенно отдѣльнымъ, онъ насчитываетъ до 30.000 жителей, до 2.000 домовъ, множество церквей, монастырей. Изъ этихъ 30.000 жителей было вырѣзано до восьми тысячъ человѣкъ. Ни одного дома не осталось цѣлымъ; они были разрушены такъ, что никоимъ образомъ не могли служить ни для кого убѣжищемъ. Сначала начали грабить дамаскинцы, потомъ жители предмѣстьевъ, а затѣмъ къ нимъ присоединились бедуины, пришедшіе поживиться изъ пустыни. Съ минарета мечети мы разомъ могли обозрѣть все. Это походило на то зрѣлище, которое могло быть послѣ сильнаго землетрясенія. Кромѣ дома сестеръ милосердія, который не удалось поджечь, ничего не осталось цѣлымъ. Мы подошли къ развалинамъ монастыря францисканцевъ. Во время побоища восемь человѣкъ монаховъ заперлись въ немъ, не захотѣвши ни сдаться, ни отречься отъ христіанства; тогда ихъ сожгли и трупы бросили въ колодезь, гдѣ мы ихъ и увидали». Только Абдель-Кадеру удалось остановить расходившійся фанатизмъ мусульманъ и спасти до полутора тысячи христіанъ, въ числѣ коихъ нѣсколькихъ монаховъ, монахинь и нѣкоторыхъ консуловъ.

Въ самую цвѣтущую пору въ Дамаскѣ было до двухсотъ тысячъ жителей. Теперь тамъ сто тридцать тысячъ. Дамаскъ, какъ большая часть восточныхъ городовъ, привлекателенъ издали; но когда разсматриваешь его вблизи, онъ сильно теряетъ, — безпечность мусульманъ на каждомъ шагу бросается въ глаза: улицы узки, дурно устроены и еще хуже того поддерживаются. Наружный видъ домовъ—и богатыхъ, и бѣдныхъ—крайне невзраченъ. Они построены изъ простыхъ бѣлыхъ кирпичей. Но стоитъ только получить возможность побывать въ самомъ домѣ, декораціи мѣняются: внутреннее убранство богатыхъ домовъ изумительно роскошно и даже изящно. На дворахъ вездѣ фонтаны, роскошная растительность; въ домѣ—богатые ковры, рѣдкіе мраморы, на стѣнахъ и потолкѣ рѣзьба, роскошная меблировка въ восточномъ вкусѣ и артистическія бездѣлушки. Особенно богаты здѣсь армяне и евреи. Ихъ дома напоминаютъ собою сказочные дома «Тысячи и одной ночи». Много красивыхъ мечетей въ городѣ. Замѣчательны также здѣсь базары арабскихъ лошадей.

В. К.

Польскія письма.

ПИСЬМО ШЕСТОЕ.

За послѣднее время въ нашихъ толстыхъ журналахъ особенно часто стали появляться переводы небольшихъ польскихъ повѣстей и разсказовъ Болеслава Пруса, Сенкевича, Оржешко. Одна варшавская газета (Kurjer Warszawski, помнится, въ октябрѣ), отмѣчая этотъ фактъ, объясняетъ его тѣмъ, что переводимые на русскій языкъ писатели должны быть симпатичны нашему обществу тѣмъ народолюбіемъ, которое характеризуетъ ихъ сочиненія. Мы не помнимъ подлинныхъ выраженій газеты, но сущность передаемъ вѣрно: слова эти обратили на себя наше вниманіе потому, что вполнѣ соотвѣтствуютъ одной изъ главныхъ мыслей нашихъ «Польскихъ писемъ», именно отвѣту нашему на вопросъ, на какой почвѣ возможно было бы сближеніе между нами и поляками. То направленіе польской общественной мысли, которое находитъ для себя выраженіе въ произведеніяхъ названныхъ выше писателей, дѣйствительно, не можетъ не быть симпатичнымъ русскому обществу. Съ другой стороны, знаменателенъ и тотъ фактъ, что «молодая» варшавская пресса не чуждается насъ, не игнорируетъ насъ подобно своей старшей сестрѣ, свято хранящей вообще традиціи болѣе узкаго патріотизма. Таковы, повидимому, отношенія къ намъ и заграничныхъ поляковъ. Одинъ изъ профессоровъ Варшавскаго университета, г. Макушевъ, проведшій въ Галиціи часть зимы 1880—81 г., такъ, напримѣръ, характеризуетъ настроеніе по отношенію къ намъ двухъ главныхъ галиційскихъ партій: «Только одна, слабая нынѣ, іезуитско-клерикальная партія питаетъ къ намъ вражду и ненависть; партія же либеральная, болѣе сильная, не имѣетъ противъ насъ предубѣжденій. За этими двумя партіями стоитъ масса (къ ней принадлежатъ и нѣкоторые ученые), индифферентная въ національно-политическомъ и религіозномъ отношеніи» *). Либеральную партію профессоръ Макушевъ ха-

*) „Отчетъ о научныхъ занятіяхъ за границею“. *Варшавскія Университетскія Извѣстія* 1881 г., № 4, стр. 14 и 15.

рактеризуетъ далѣе положительностью и ясностью ея програмы, отсутствіемъ въ ней патріотическаго сентиментализма, стремленіемъ къ соціально-экономическому возрожденію края путемъ разнообразныхъ реформъ. Понятно, что разъ заходитъ рѣчь о сближеніи нашемъ съ поляками, то невольно приходитъ въ голову соображеніе, что только съ людьми этой партіи мы могли бы вести разговоръ, ибо только они не будутъ укорять насъ въ «схизмѣ», какъ мы не станемъ выставлять имъ на видъ ихъ «латинства», ибо только они не будутъ утверждать, что москали—и не славяне даже, а какіе-то туранцы (извѣстная теорія Духинскаго), какъ мы, съ своей стороны, не станемъ называть поляковъ «измѣнниками славянской идеѣ». А обстоятельства складываются такъ, что и заграничные поляки перестаютъ уже довѣрять возможности прочнаго процвѣтанія своей народности подъ скипетромъ Габсбурговъ и предпочли бы возложить всѣ свои надежды относительно будущаго въ этомъ отношеніи на соглашеніе съ Россіей *). Люди съ положительной и ясною програмой,—люди, не опутанные представленіями сентиментальнаго патріотизма,—словомъ, польскіе либералы одни были бы наиболѣе способны ухватиться за сближеніе съ Россіей, какъ за якорь національнаго спасенія: у людей противоположнаго лагеря для этого слишкомъ много съ нами старыхъ счетовъ, значительную часть которыхъ (если не всѣ) давно было бы пора сдать въ архивъ вмѣстѣ съ «границами 1772 года» и «Польшей отъ моря и до моря». Вотъ почему для насъ въ вопросѣ о нашемъ взаимномъ сближеніи весьма важно присматриваться къ нравственной физіономіи польскаго общества. Такъ какъ намъ должны быть интересны главнымъ образомъ наши отношенія съ поляками Царства Польскаго и такъ какъ, не будучи на мѣстѣ, не имѣя возможности читать польскіе заграничные журналы, газеты и брошюры, трудно говорить что-либо опредѣленно о полякахъ галиційскихъ и познанскихъ, то мы по-неволѣ должны ограничиваться только одною частью польской интеллигенціи.

Въ извѣстной степени исторію той Польши, съ которой намъ теперь приходится имѣть дѣло, нужно начинать съ 1831 года: во-первыхъ, въ эту эпоху во внутреннемъ управленіи Царствомъ Польскимъ и въ его отношеніяхъ къ Имперіи произошли важныя перемѣны; далѣе, все нынѣ дѣйствующее поколѣніе польской интеллигенціи родилось именно въ этотъ періодъ, воспиталось подъ вліяніемъ тѣхъ обстоятельствъ, которыя были прямымъ слѣдствіемъ возстанія 1830 года, и пережило другую тяжелую годину, отмѣченную 1863 годомъ **). Извѣстно, что въ 1831 году масса

*) „Открытое письмо по польскому вопросу“. *Русская Мысль* 1881 года, кн. XI, стр. 7.

**) Для исторіи этого времени см. *Lisicki*.—„Le marquis Wielopolski et son temps“, *Бергъ*: „Записки о польскихъ заговорахъ и возстаніяхъ“, *Пыпинъ* и *Спасовичъ*: „Исторія славянскихъ литературъ“.

поляковъ эмигрировала за границу и что въ этой массѣ находились самые видные писатели, бывшіе до того времени, такъ сказать, духовными вождями націи, край лишился вмѣстѣ съ тѣмъ своей конституціи и на долгое время подпалъ подъ суровую диктатуру Паскевича, высшее учебное заведеніе Царства, Варшавскій университетъ, было закрыто и только въ 1857 году основана была въ Варшавѣ медико-хирургическая академія, за которой вскорѣ послѣдовало открытіе Главной школы (нынѣ преобразованной въ русскій университетъ). Все это не могло не отразиться самымъ гибельнымъ образомъ на судьбахъ интеллигенціи Царства Польскаго: наступилъ періодъ застоя въ умственной жизни Польши и движеніе происходило только за предѣлами края, тамъ, гдѣ нашли себѣ пріютъ польскіе эмигранты; но это были люди уже оторванные отъ почвы,—люди, въ сочиненіяхъ которыхъ особенно громко звучала только *одна* нота, да и ихъ сочиненія были запретнымъ плодомъ для тѣхъ ихъ *родаковъ*, которые остались въ отчизнѣ. Въ этотъ періодъ косненія въ старыхъ формахъ критическая мысль бездѣйствовала: къ намъ относились недовѣрчиво, насъ игнорировали, да и сами мы были не въ лучшемъ положеніи по отношенію къ умственному и общественному прогрессу, а отъ Запада и его вліяній охраняла и насъ своего рода китайская стѣна строгой цензуры. Когда, наконецъ, съ новымъ царствованіемъ началась новая жизнь, когда прежде запретные плоды сдѣлались доступнѣе, когда въ Варшавѣ открыта была Главная школа,—не сразу, однако, произошла перемѣна въ умственной атмосферѣ Польши: первое поколѣніе, воспитавшееся въ новомъ высшемъ учебномъ заведеніи Варшавы, пошло по старой, проторенной дорогѣ и проявило себя главнымъ образомъ стихотворствомъ, въ которомъ все, начиная съ формы и кончая содержаніемъ, было только подражаніемъ старинѣ *). О новыхъ направленіяхъ западно-европейской мысли общество и учащаяся молодежь стали теперь, правда, коечто узнавать, но узнавать отъ такихъ людей, которые далеко не симпатизировали этимъ новымъ направленіямъ: такъ, напр., о надѣлавшемъ въ свое время много шума дарвинизмѣ интеллигенція Царства Польскаго узнала впервые чуть ли не изъ брошюры ксендза Вартенберга (1866 г.), и понятно, въ какомъ смыслѣ могла быть написана эта брошюра. Только съ теченіемъ времени стали понимать поляки, насколько они поотстали отъ Запада, и среди нихъ не сразу явились люди, которые способны были увлечься заграничными новинками. Но и новое поколѣніе, проникнутое отчасти реформаторскимъ духомъ, выступило съ очень умѣренными требованіями: радикализмъ либо совсѣмъ не имѣлъ сторонниковъ въ Польшѣ, либо столь немногихъ и столь разрозненныхъ, что о вліяніи ихъ на все общество не могло быть и рѣчи; совсѣмъ другое явленіе въ этомъ отношеніи представляетъ изъ себя наша эпоха шестидесятыхъ годовъ, если

---

*) *P. Chmielowski:* „Zarys literatury polskiej z ostatnich lat szesnastu“, стр. 22.

съ нею сравнивать нѣкоторое оживленіе, которое, несомнѣнно, должно было произойти въ умственной жизни поляковъ. Къ этому присоединялось еще то обстоятельство, что послѣ 1863 года варшавская пресса, поставленная вообще въ иныя условія, чѣмъ наша столичная печать какъ до, такъ и послѣ закона 1863 года, отчасти по причинамъ, отъ нея независѣвшимъ, отчасти по собственной волѣ, хранила глубочайшее молчаніе о тѣхъ реформахъ, которыя верховная власть производила въ краѣ. Крестьянъ надѣлили землею, произошла учебная реформа, затронуты были жизнью и другіе вопросы, а пресса молчала: пусть дѣлаютъ безъ насъ, какъ знаютъ и какъ хотятъ,—таковъ отчасти былъ смыслъ этого молчанія, и только судебная реформа (1876 г.) впервые разверзла уста варшавскихъ публицистовъ по одному изъ вопросовъ, имѣвшихъ важное значеніе для края *). Не такъ,—намъ хорошо это извѣстно,—вела себя наша пресса въ эпоху великихъ реформъ прошлаго царствованія. Да и теперь, по сознанію самихъ же поляковъ, существуетъ та же разница между варшавской и русскою прессой **). Мы констатируемъ только фактъ, не входя въ разборъ его причинъ, не производя его оцѣнки; а фактъ именно въ томъ и заключается, что то, что волновало насъ и должно было, кажется, волновать и поляковъ (напр., крестьянская реформа), мы обсуждали, вырабатывая себѣ болѣе правильный взглядъ на дѣло, тогда какъ поляки продолжали и здѣсь бродить въ потьмахъ. О вліяніи нашей публицистики на польскую не могло быть и рѣчи: съ одной стороны, варшавская цензура не всегда позволяла даже перепечатывать въ польскихъ газетахъ многія вещи, которыя находили себѣ мѣсто на столбцахъ русскихъ періодическихъ изданій, а съ другой—сами поляки послѣ злосчастной памяти 1863 года насъ умышленно игнорировали, такъ какъ игнорировать насъ, ничего у насъ не заимствовать, какъ можно рѣже о насъ говорить было своего рода требованіемъ хорошаго тона (что̀ въ извѣстной степени наблюдается и теперь еще); наконецъ, въ польскомъ обществѣ почти не было элементовъ, которые могли бы чувствовать особое влеченіе къ господствовавшимъ тогда въ нашей журналистикѣ идеямъ.

Какъ бы то ни было, нѣкоторое оживленіе въ умственной жизни русской Польши все-таки наступило и, какъ этого и слѣдовало ожидать, здѣсь произошло раздвоеніе *отцовъ* и *дѣтей*. Произошло это, однако, позднѣе, чѣмъ у насъ. Еще въ 1866 году *Еженедѣльное Обозрѣніе* (Przegląd tygodniowy) Вислицкаго печатало на своихъ страницахъ статьи строго-католическихъ писателей рядомъ со статьями послѣдователей Бюх-

*) Ibid., стр. 101 и 102.

**) Вотъ что пишетъ, напр., Болеславъ Прусъ: „Nieraz z zazdrością porównywałem rosyjskie dzienniki z naszymi: ....kiedy nasze najwięcej miejsca poświęcają zagranicznej polityce albo teatrowi, tamte większą część szałt zapełniają kwestjami wewnętrznemi, ekonomicznej i moralnej natury“. *Kurjer Warszawski* 1881 г., № 272 (отъ 21 ноября стараго стиля).

нера *); только въ 1866 году молодыми писателями былъ поднятъ вопросъ объ искусствѣ для искусства,—вопросъ, когда-то волновавшій и насъ, вопросъ, изъ-за котораго впервые загорѣлась война стараго и молодаго поколѣній. Борьба противъ романтизма, идеями котораго продолжало жить первое изъ нихъ, перешла и въ семидесятые годы. Читая объ этой полемикѣ въ сочиненіи Хмелёвскаго—«О польской литературѣ за послѣднія 16 лѣтъ»**), удивляешься иногда наивности польскихъ публицистовъ, выставлявшихъ нерѣдко такіе аргументы, что «грохотъ машинъ не заглушаетъ голоса совѣсти и фабрикантъ можетъ имѣть въ душѣ болѣе поэзіи, нежели тѣ, которые провозглашаютъ себя ея жрецами». Во время этого спора общество отнеслось къ новаторамъ довольно благосклонно, но не потому, кажется, что новаторы привлекали его на свою сторону какими-либо новыми положительными идеями, а потому, что его болѣе практическому направленію начинала претить традиціонная романтическая дребедень многочисленныхъ виршеслагателей, наполнявшихъ своими слезливыми воздыханіями варшавскую періодическую прессу. Совсѣмъ иное значеніе для общественнаго развитія имѣла подобная полемика у насъ, несмотря на всѣ слабыя стороны нашихъ новаторовъ, ибо она шла рука объ руку съ разработкой общественныхъ вопросовъ, выставленныхъ жизнью,—разработкой болѣе дѣятельной, болѣе разносторонней, болѣе смѣлой и болѣе серьезной, чѣмъ та, которую представляла и могла представить польская литература по обстоятельствамъ, отъ нея зависящимъ и независящимъ. Тѣмъ не менѣе писатели молодаго поколѣнія развѣнчали не мало прежнихъ авторитетовъ, стоявшихъ до того времени твердо на своихъ пьедесталахъ лишь потому, что поляки вообще весьма склонны приписывать слишкомъ большое значеніе дѣятельности своихъ *родаковъ* на поприщѣ науки, литературы и искусства и всякую свою посредственность возводить въ znakomitość (знаменитость). Когда, наприм., была открыта медико-хирургическая академія, то одинъ изъ профессоровъ этого учрежденія, дѣлая во вступительной лекціи краткій обзоръ исторіи своей науки, такъ и сыпалъ именами польскихъ ученыхъ, такъ что изъ не поляковъ оказался у него достойнымъ упоминанія только одинъ французъ. Несмотря, однако, на строгую критику старыхъ авторитетовъ, сдѣланную въ свое время «молодыми» писателями, прежняя привычка вездѣ видѣть «знакомитость» осталась и теперь въ польскомъ обществѣ: никому не легко до такой степени быть знакомитымъ, такъ-сказать, на вѣру, безъ контроля, безъ критики, безъ какихъ бы то ни было сомнѣній, какъ именно поляку среди своихъ *родаковъ*, и нигдѣ не требуютъ такъ мало отъ человѣка, чтобъ имѣть возможность на всѣхъ перекресткахъ кричать его имя, какъ опять-таки среди польскаго общества. Варшавская пресса до сихъ поръ

---

*) *Chmielowski*, стр. 33.
**) Ibid., стр. 34 и слѣд.

держится этого принципа и не отъучаетъ своихъ читателей ради весьма иногда сомнительныхъ польскихъ знакомитостей закрывать глаза на дѣйствительныя знаменитости у другихъ народовъ (кромѣ, пожалуй, французовъ). Одного превознесенія Крашевскаго выше всѣхъ небесъ было бы достаточно для доказательства существованія этой привычки. Если такимъ образомъ «молодые» писатели убили наповалъ изжившія формы романтизма, то менѣе успѣшно было ихъ стремленіе пріучить своихъ соотечественниковъ къ болѣе критическому отношенію къ тѣмъ соотечественникамъ, которые иногда безъ всякаго права лѣзутъ въ духовные руководители общества. Во всякомъ случаѣ, прежняя привычка до сихъ поръ еще довольно твердо держится, и если наше общество обвиняютъ въ черезчуръ строгомъ и часто несправедливомъ отношеніи ко всему родному, то полякамъ съ такимъ же правомъ можно поставить въ упрекъ совершенно противоположный недостатокъ. Для ихъ характеристики это признакъ очень важный: общество, которое черезчуръ и безъ всякой критики дорожитъ *вообще своимъ*, еще болѣе должно дорожить *своимъ прошлымъ* и способно относиться къ нему критически еще менѣе, чѣмъ къ своему настоящему.

Съ другой стороны, въ старой прессѣ сначала было такое сознаніе своей силы, что она долгое время только отмалчивалась, тѣмъ болѣе, что на первый взглядъ новые люди потому не казались ей опасными, что большею частью были самоучками (опять не то, что было у насъ): среди нихъ были дарвинисты, никогда Дарвина не читавшіе, позитивисты, не нюхавшіе Конта, прогрессисты, коимъ имена Милля, Спенсера, Бэна сдѣлались извѣстными только съ 1870 года *). Лишь при переходѣ въ прошлое десятилѣтіе, т. е. въ самомъ началѣ семидесятыхъ годовъ, выступила старая пресса противъ новаго направленія, не будучи однако въ состояніи успѣшно съ нимъ бороться: ея представители слишкомъ долго безраздѣльно царили надъ общественнымъ мнѣніемъ, не подвергаясь никакимъ нападкамъ, и слишкомъ мало занимались прежде тѣми вопросами, которые были выдвинуты молодежью, чтобъ успѣшно оберегать свое достояніе. Ея положеніе облегчалось тѣмъ, что и враги ихъ, безпрестанно толкуя о прогрессѣ и знаніи, не имѣли ясно выработанной формулы и программы своего направленія. Обѣ стороны долго бродили какъ бы въ потемкахъ: на ихъ знаменахъ не было написано опредѣленныхъ девизовъ; онѣ еще не знали, гдѣ капитальный пунктъ ихъ разногласія. Только позднѣе слово *позитивизмъ* стало обозначать новое направленіе, но мы жестоко ошиблись бы, еслибы подъ этимъ словомъ стали разумѣть опредѣленную доктрину, именно философію Огюста Конта: это былъ только nom de guerre, какъ выражается Хмелёвскій, разсказывая объ этой борьбѣ. Но этотъ-то *военный кличъ*, по моему мнѣнію, очень характеристиченъ: споръ велся

*) *Adam Goraj*: „Tendencyjność i krytyka“, стр. 18—23.

преимущественно въ сферѣ вопросовъ знанія, вопросовъ мысли, вопросовъ теоретическихъ. Не политическіе и соціальные взгляды раздѣляли противниковъ, а воззрѣнія научныя и литературныя [1]); молодые писатели были болѣе послѣдователями извѣстной философской школы, чѣмъ членами извѣстной политической партіи,—боролись между собою скорѣе міросозерцанія двухъ поколѣній: старшаго, видѣвшаго вездѣ опасныя новшества, и младшаго, стремившагося именно къ новизнѣ, чѣмъ общественныя формулы двухъ разныхъ классовъ, т. е., напримѣръ, аристократіи и буржуазіи или буржуазіи и демократіи; одни оспаривали у другихъ вліяніе на общество въ его міросозерцаніи, и только, рекомендуя ему одни—просвѣщеніе одного сорта, другіе—другаго, и почти совершенно игнорируя вопросы общественнаго устройства. Да и эта борьба не имѣла особеннаго значенія: все сводилось на крикливую газетную перебранку, совершенно безплодную и довольно въ сущности узкую по своему смыслу; общество полемикой этой мало интересовалось и общественные идеалы отъ нея нисколько не измѣнились, и было бы слишкомъ смѣло въ этомъ явленіи видѣть *переломъ* въ исторіи польскаго общества, образованіе какой-нибудь дѣйствительно новой сильной партіи [2]). Этимъ, можетъ-быть, объясняется нѣкоторый, но совершенно призрачный, успѣхъ польскихъ позитивистовъ среди въ сущности очень консервативнаго польскаго общества,—успѣхъ, которымъ они пользовались въ 1872 и 1873 годахъ: на ихъ сторонѣ была прелесть новизны, юношескій задоръ, полемическая ловкость. Въ дѣйствительности этотъ успѣхъ былъ не настолько великъ, чтобы подорвать старую прессу,—послѣдняя все-таки имѣла наибольшее количество читателей, на которыхъ стала дѣйствовать обычными въ подобныхъ случаяхъ инсинуаціями, обвиняя «молодую» прессу главнымъ образомъ въ томъ, что она не уважаетъ прошлаго и отрицаетъ общественные идеалы. И общество скоро само собой забыло все это движеніе [3]). У прогрессистовъ стали опускаться руки, тѣмъ болѣе, что какъ разъ къ этому времени читающая публика стала прислушиваться къ другому голосу, который обратился къ ней съ иными, болѣе понятными и болѣе симпатичными ей, словами. Голосъ этотъ шелъ изъ Галиціи. Здѣсь въ свое время тоже проявились прогрессисты, дѣйствовавшіе въ духѣ варшавскихъ, но они имѣли еще менѣе успѣха, совершенно не будучи въ состояніи бороться съ органами католическо-консервативными. Галиційское направленіе въ 1874 году нашло сердечный пріемъ въ Варшавѣ [4]). Декорація перемѣнилась. Смолкъ бранный кличъ. Немногія изданія сохранили опредѣленную физіономію,—большая часть не хотѣла болѣе знать никакихъ направленій. Даже событія на Балканскомъ полуостровѣ не

---

[1]) *Chmielowski*, стр. 27 и 28.

[2]) *Goraj*, стр. 30, 32 и 33. Ср. стр. 4, 5, 6 и 49.

[3]) Ibid., стр. 93.

[4]) Объ этомъ см. у *Хмелёвскаго* на стр. 82 и слѣд. и на 99 и слѣд.

внесли особенной перемѣны въ положеніе дѣлъ. Одинъ только Przegląd tygodniowy заговорилъ было въ тонѣ русскихъ газетъ, но остальная пресса молчала. Эта общая реакція выразилась между прочимъ въ томъ, что одинъ изъ органовъ «позитивистовъ» (Niwa) перешелъ въ другія руки, сталъ органомъ крупнаго землевладѣнія, и въ этой-то *Нивѣ* г. Залэнскій повелъ свою извѣстную полемику съ профес. Симоненко по поводу значенія крестьянской реформы въ Царствѣ Польскомъ. Въ одномъ изъ прежнихъ писемъ мы познакомили читателей съ этой возмутительною полемикой,—возмутительной по тѣмъ соціальнымъ взглядамъ, которые проводилъ г. Залэнскій въ своихъ статьяхъ. Съ другой стороны, вновь основанная газета *Новины* прогрессивнаго направленія, редакторъ которой г. Свентоховскій (теперь редакторъ еженедѣльника Prawda) повелъ ее очень энергично, пошла плохо — доказательство того, что современное настроеніе польскаго общества не особенно благопріятно для предпріятій въ этомъ родѣ. Наконецъ, другія газеты, когда-то съ довольно сильнымъ прогрессивнымъ оттѣнкомъ (именно Gazeta Polska), теперь значительно понизили свой тонъ и о направленіи *Газеты Польской* мы можемъ отчасти судить, наприм., по тому возраженію ея на статью *Русской Мысли* о письмѣ Хомякова, о которомъ мы также говорили въ одномъ изъ предыдущихъ писемъ.

Вотъ вамъ вкратцѣ исторія польскаго общества за послѣднія пятьдесятъ лѣтъ. Какъ видите, въ ней мы замѣчаемъ только весьма коротенькій по времени и незначительный по результатамъ періодъ нѣкотораго оживленія въ прогрессивномъ смыслѣ, да и это оживленіе имѣло характеръ довольно односторонній и очень поверхностный. Общество продолжаетъ жить въ какомъ-то переходномъ состояніи, и настоящую минуту можно характеризовать названіемъ затишья, сравнить ее съ перемиріемъ двухъ противоположныхъ направленій, съ остановкой вслѣдствіе какого-то безсилія двинуться впередъ. «Хотя,—говоритъ г. Хмелёвскій,—прошло уже пятнадцать лѣтъ съ начала борьбы, мы находимся, собственно говоря, только въ ея началѣ: побѣда не склонилась ни на ту, ни на другую сторону, и трудно даже предвидѣть моментъ, когда произойдетъ что-либо рѣшительное» *). По словамъ другихъ польскихъ писателей, и самая-то борьба эта была скорѣе какимъ-то фарсомъ: они отрицаютъ всякое значеніе «молодыхъ» и не безъ основанія низводятъ эту борьбу до болѣе скромныхъ размѣровъ, нежели тѣ, которые стараются ей придать лица, симпатизирующія молодымъ. Въ этомъ смыслѣ, замѣтимъ мимоходомъ, много правды было сказано г. Адамомъ Гораемъ, суровымъ критикомъ сочиненія г. Хмелёвскаго, въ значительной степени посвященнаго исторіи этой борьбы. Во всякомъ случаѣ послѣ середины пятидесятыхъ годовъ мы ранѣе выступили на новую дорогу, шли по ней гораздо быстрѣе

---

*) Ibid., стр. 28.

и болѣе долгое время и разностороннѣе разсмотрѣли за этотъ промежутокъ времени ту жизнь, которая проходила передъ нашими глазами, и то прошлое, которое унаслѣдовали отъ предковъ. Гдѣ причина этому?— Причинъ много, конечно, и главная изъ нихъ не одно только то, что мы поставлены были въ иныя внѣшнія условія (наприм. въ отношеніи къ свободѣ прессы), чѣмъ поляки. Всѣхъ причинъ не перечтешь въ короткой журнальной статьѣ, но нельзя не указать на двѣ, изъ которыхъ на одной особенно слѣдуетъ остановиться.

Во-первыхъ, извѣстную окраску нашей литературѣ послѣ середины пятидесятыхъ годовъ придало несомнѣнно выступленіе на литературное поприще писателей изъ такого класса общества, который дотолѣ молчалъ, а заговоривъ, заговорилъ совсѣмъ новымъ языкомъ и о совершенно новыхъ вещахъ: въ литературу пустился *разночинецъ* и придалъ ей свою, особую, окраску. Здѣсь была не только перемѣна въ направленіи, но и перемѣна въ дѣйствующихъ силахъ. Такого явленія польская литература не знаетъ: интеллигенцію въ Польшѣ составлялъ всегда одинъ классъ общества; мѣнялись поколѣнія, а не общественные слои. Кромѣ того, и подготовка у насъ и у поляковъ была разная въ непосредственно предшествовавшей литературѣ: наша имѣетъ корни въ прошломъ (укажу хоть на Бѣлинскаго), чего въ той же мѣрѣ нельзя сказать о новѣйшей польской *). «Молодая» пресса опиралась исключительно на «заграничную» литературу да и съ тою знакомилась большею частью изъ вторыхъ рукъ, изучая Конта по Литтре, Дарвина по Бюхнеру и т. п. и дѣлая переводы не съ оригиналовъ, а съ переводовъ французскихъ и русскихъ **).

Во-вторыхъ, необходимо всегда имѣть въ виду особенное значеніе консерватизма у поляковъ, обусловливающееся ихъ исторіей за послѣднее столѣтіе и ихъ современнымъ политическимъ бытомъ. Припомните себѣ вкратцѣ исторію хоть той части старой Польши, которая называется теперь Царствомъ Польскимъ: въ 1795 г. послѣдовалъ третій раздѣлъ Рѣчи Посполитой, и чисто-польскія земли достаются Австріи и Пруссіи, изъ которыхъ вторая овладѣваетъ Варшавой; въ 1807 г. изъ прусскихъ земель составляется княжество Варшавское; въ 1815 г.—новый передѣлъ, и княжество Варшавское превращается въ Царство Польское, которое получаетъ конституцію; въ 1830 г. вспыхиваетъ революція, и Царство лишается автономіи; въ 1863 г. новое возстаніе влечетъ за собой новыя перемѣны и вводится система обрусенія. Одновременно Австрія сохраняетъ за собой Галицію, въ которой также происходятъ внутреннія перемѣны вслѣдствіе перемѣнъ въ отношеніяхъ центральнаго правительства къ польскому элементу, а доставшаяся Пруссіи Познань постоянно и систематически германизируется. Первымъ результатомъ этого является вѣчное стремле-

*) Отсылаю ко второй главѣ сочиненія Хмелёвскаго.

**) *Goraj*, стр. 29 и 57.

ніе поляковъ къ возстановленію Польши: идеалы общества лежатъ въ прошломъ; общество не хочетъ идти впередъ, пока не возвратитъ себѣ того положенія, въ которомъ оно было, когда внѣшніе удары (о внутреннемъ нестроеніи сначала забывается) прекратили существованіе его независимой политической жизни; наиболѣе горячія головы бросаются въ рискованныя предпріятія, идутъ умирать на поля Италіи, за французскую революцію, отъ которой ожидаютъ возстановленія Польши, связываютъ судьбу свою и своей націи съ звѣздой Наполеона, затѣваютъ два несчастныя возстанія. Вся бѣда, думается поляку, въ иноземномъ владычествѣ: отъ него нужно освободиться, а потомъ ужъ мы устроимся по-своему. Такимъ образомъ вопросъ національно-политическій привлекаетъ къ себѣ все вниманіе, и всѣ остальные вопросы общественные отодвигаются на задній планъ. Это положительно мѣшаетъ полякамъ долгое время думать о чемъ-нибудь другомъ и заставляетъ ихъ считать все остальное неважнымъ, незначительнымъ въ сравненіи съ возстановленіемъ отчизны, тѣмъ болѣе, что такія событія, какъ революціи 1830 и 1863 годовъ съ ихъ послѣдствіями, дѣлали отчасти невозможными, отчасти совсѣмъ ненужными принципіальные споры среди польскаго общества *). Только послѣ 1863 года у поляковъ явилась идея о необходимости *органической работы*, т. е. о необходимости внутренняго развитія, не заботясь о рѣшеніи вопроса національно-политическаго—о возстановленіи Польши. Но въ заботѣ объ этомъ послѣднемъ и заключается одна изъ причинъ особенности польскаго консерватизма: мечтая о старой Польшѣ, окружая ее романтическимъ блескомъ, полякъ долго любилъ ее такой, какой она была во времена своей независимости; ему долго казалось посягательствомъ на отечественную святыню отказаться отъ чего-либо изъ наслѣдія предковъ, которое, наоборотъ, нужно было ненарушимо хранить ad meliora tempora. Совершенно въ томъ же смыслѣ на поляковъ дѣйствуетъ теперь сознаніе необезпеченности ихъ національнаго существованія. Имѣя основаніе опасаться за это существованіе (и главнымъ образомъ, если не исключительно, со стороны нѣмцевъ), они изъ этой идеи сдѣлали то, чѣмъ прежде было воскресеніе Польши. Особенно это, конечно, замѣчается въ Познани, гдѣ польскому элементу грозитъ наибольшая опасность и гдѣ этотъ элементъ поставилъ себя подъ охрану католицизма: здѣсь вопросъ національный и вопросъ религіозный переплелись до такой степени, что ихъ трудно распутать, и малѣйшее отклоненіе отъ католицизма, даже въ его ультрамонтанской формѣ, разсматривается какъ измѣна національному дѣлу, а всякое иное направленіе считается опаснымъ для существованія самой національности. Въ извѣстной степени и въ другихъ частяхъ старой Польши католицизмъ является факторомъ, на который смотрятъ какъ на единственную силу, объединяющую всю польскую націю сверху донизу, и

---

*) Ibid., стр. 28.

многіе изъ интеллигенціи, переросшіе собственно католическое міросозерцаніе, крѣпко держатся за римскую церковь по чисто-политическимъ разсчетамъ. Въ томъ же смыслѣ поляки вообще склонны дорожить особенно всѣми своими традиціями: въ обществѣ, національное существованіе котораго не подвергается никакой опасности, гораздо легче отрѣшаются отъ традицій, чѣмъ въ такомъ, какимъ должно быть разсматриваемо съ этой точки зрѣнія польское общество, ибо отказываться отъ преданій старины значитъ мѣнять въ извѣстной степени свою физіономію, а это не есть ли первый шагъ къ денаціонализаціи? Чтобъ остаться самими собой, необходимо зорко слѣдить за тѣмъ, чтобы сохранить все свое. Кромѣ того, въ такомъ обществѣ обезпеченіе національнаго существованія дѣлается задачей болѣе важной, чѣмъ всѣ остальныя. Мы, наприм., русскіе, можемъ гораздо свободнѣе двигаться впередъ и, совершенно не заботясь о своемъ національномъ существованіи, которому ничто не угрожаетъ, работать надъ внутреннимъ своимъ прогрессомъ, цѣлью котораго мы ставимъ улучшеніе своего матеріальнаго и общественнаго быта, тогда какъ полякъ даже и такое улучшеніе разсматриваетъ болѣе какъ средство въ своей борьбѣ за существованіе, чѣмъ какъ цѣль, существующую an und für sich. Таковъ именно смыслъ той идеи *органической работы*, которая сдѣлалась за послѣднее время программой громаднаго большинства польскаго общества. Всѣ мирные вопросы сводятся теперь къ тому, къ какимъ средствамъ слѣдуетъ прибѣгнуть, ażeby w walce o byt nie zginąć, lecz owszem przekazać potomkom dziedzictwo ze znacznym dorobkiem, т. е. чтобы не погибнуть въ борьбѣ за существованіе и передать потомкамъ наслѣдіе отцовъ. Поэтому къ «прогрессистамъ» и не можетъ чувствовать особенной симпатіи польское общество: они разсматриваютъ положеніе дѣлъ у себя съ тѣхъ точекъ зрѣнія, которыя возможны только (думаетъ большинство) тамъ, гдѣ общество не находится въ исключительномъ положеніи; ихъ стремленія не имѣютъ ничего общаго съ вопросами роднаго края, какъ ихъ понимаетъ большинство, и вызываемое ими движеніе представляется поэтому искуственнымъ, безпочвеннымъ, не имѣющимъ смысла *),—вопросы, ихъ интересующіе, слишкомъ далеки отъ польской жизни, отъ польской дѣйствительности. Словомъ, изъ своего исключительнаго положенія поляки выводятъ необходимость и нѣсколько иной, чѣмъ у другихъ народовъ, программы общественной дѣятельности, а потому готовы замкнуться въ самихъ себя, изучать только самихъ себя и только свою исторію, интересоваться только своими дѣлами, полагая, что ни опытъ другихъ народовъ, ни то, что среди нихъ теперь совершается, не могутъ имѣть особеннаго жизненнаго значенія для Польши. Поэтому поляки и не такъ падки на западныя новшества въ сферѣ мысли, какъ мы, русскіе,

*) Такъ, наприм., *г. Горай* смотритъ на дѣятельность польскихъ „позитивистовъ“. См. „Tendencyjność i krytyka“.

считая ихъ мало для себя пригодными и мало интересными, если часто даже не совершенно вредными. У нихъ меньше того космополитическаго чувства, которое позволяетъ намъ разсматривать свой народъ какъ одинъ изъ членовъ общеевропейской семьи и заставляетъ насъ стремиться за общимъ движеніемъ. Они слишкомъ національны, и это ихъ качество мѣшаетъ имъ быть au courant современности въ такой степени, какъ мы. По той же причинѣ они болѣе слушаютъ иногда своихъ второстепенныхъ пророковъ, чѣмъ первостепенныхъ европейскихъ, а ихъ пророки боятся говорить въ другомъ тонѣ, чѣмъ тотъ, который господствуетъ въ обществѣ. Въ связи съ этимъ стоитъ до щепетильности развитое національное самолюбіе. Поляки и передъ другими хотятъ показать, и себя желаютъ увѣрить, что ихъ цивилизація не уступитъ, пожалуй, никакой другой цивилизаціи. О своихъ ученыхъ, писателяхъ, артистахъ они говорятъ не безъ нѣкоторой гордости и раздуваютъ до невѣроятныхъ размѣровъ значеніе ихъ дѣятельности и отдѣльныхъ ихъ произведеній, такъ какъ ихъ умственный кругозоръ съуженъ предѣлами polski и у нихъ часто нѣтъ масштаба, чтобъ измѣрять дѣйствительное значеніе того или другаго явленія, точно они хотятъ увѣрить себя, что интересующее ихъ въ такой же мѣрѣ можетъ интересовать и другихъ. Это-то все и дѣлаетъ польское общество нѣсколько непохожимъ на всѣ другія. Да иначе быть и не могло при томъ исключительномъ положеніи, въ которомъ оно живетъ почти цѣлое столѣтіе, а потому въ своемъ развитіи оно должно было идти по нѣсколько другой дорогѣ, чѣмъ остальныя націи, безсознательно подчиняясь такимъ мотивамъ консерватизма, которые другимъ совсѣмъ неизвѣстны. Но это однако не значитъ, что современное польское общество (по крайней мѣрѣ въ Царствѣ Польскомъ) состоитъ поголовно изъ людей отсталыхъ, клерикаловъ и феодаловъ. Это значитъ только, что мы не можемъ мѣрить его на свой аршинъ, даже общеевропейскою мѣркой. Мы просто мало способны его понять, какъ и оно, съ своей стороны, насъ плохо понимаетъ. Но взаимнаго пониманія и не будетъ до тѣхъ поръ, пока мы не станемъ присматриваться другъ къ другу и другъ съ другомъ знакомиться. Намъ, конечно, по нѣкоторымъ причинамъ дѣлать это гораздо легче.

В. Р. К.

Чарльзъ Дарвинъ и современное состоянiе эволюцiоннаго ученiя.

---

14 апрѣля 1882 года закрылась могила одного изъ самыхъ сильныхъ и смѣлыхъ мыслителей, которые когда бы то ни было прошли передъ глазами человѣчества. Въ лицѣ Чарльза Дарвина бiологи потеряли своего Ньютона, но со смертью человѣка отданная имъ мiру идея не перестала жить и безчисленныя поколѣнiя воспитаются на «эволюцiонномъ ученiи, какiя бы обвиненiя на него ни взводили». Ошибаются тѣ, которые думають, что главная заслуга Дарвина заключается въ созданiи теорiи происхожденiя видовъ путемъ естественнаго подбора. Никто не можетъ поручиться, что со временемъ не окажется, что болѣе существенныя различiя въ строенiи животныхъ и растительныхъ организмовъ обусловливаются болѣе важными законами, чѣмъ естественный подборъ, но, несмотря на это, значенiе Дарвина никогда не умалится, такъ какъ онъ указалъ, какъ надо работать, и опровергнуть его выводы можно только пользуясь имъ же даннымъ методомъ. Оглядываясь на то, что сдѣлано наукой за послѣднiя двадцать три года, приходишь къ заключенiю, что нѣтъ отрасли знанiя, на которой не отразилось бы влiянiе Дарвина. Эволюцiонное ученiе охватило собою не только всѣ науки, соприкасающiяся съ человѣкомъ, но внесло свой методъ изслѣдованiя даже въ область искусства. Эволюцiонное ученiе прiобрѣло такую популярность, что нѣтъ никого изъ читающей публики, кто не употребилъ бы кстати или не кстати выраженiе: «борьба за существованiе». Коротко говоря, эволюцiонное ученiе измѣнило все мiросозерцанiе человѣка, открыло для его мысли безчисленные новые пути, «вдохнуло въ науку,—говоря словами Уэллеса,—новую жизнь и новыя силы». При такомъ значенiи Дарвина нечего удивляться, что, выступая съ своимъ «Происхожденiемъ видовъ путемъ естественнаго подбора», онъ возстановилъ противъ себя громадное большинство. Идея, высказанная въ этой книгѣ, была не совершенно новая: о кровномъ родствѣ организмовъ уже говорили и ранѣе,—ново было то, *какъ* говорили. Въ небольшомъ по объему сочиненiи собрано было столько фактовъ и они

были такъ мастерски сгруппированы, что вытекающій изъ нихъ выводъ самъ бросался въ глаза. Прежде о безпредѣльной измѣняемости организмовъ можно было говорить съ улыбкой, но Дарвинъ заставилъ говорить серьезно. Прежде большинство вопросовъ, связанныхъ съ жизнью живыхъ существъ, не были вопросами и проходились молчаніемъ,—Дарвинъ выставилъ ихъ на видъ и показалъ, что молчать въ отвѣтъ на извѣстные вопросы еще не значитъ, что можно забывать про нихъ. Однимъ словомъ, Дарвинъ далъ громадную работу мысли и выставилъ передъ человѣкомъ такіе вопросы, познакомившись съ которыми оставить ихъ безъ отвѣта нѣтъ возможности. Что же удивительнаго, спросимъ мы, что его теорія произвела цѣлый переполохъ? Незамѣтно входятъ въ міръ только тѣ, которые и уходятъ не оставляя по себѣ слѣда. Слѣдъ Дарвина остался на все то время, пока человѣчество не перестанетъ интересоваться умственными и нравственными вопросами, и сообразно съ этимъ велико было движеніе умовъ, порожденное выходомъ «Происхожденія видовъ». Защитники постоянства видовъ, убѣжденные въ томъ, что ихъ идеи настолько же прочны и постоянны, какъ и виды, вдругъ увидали, что почва уходитъ изъ-подъ ихъ ногъ, и, забывши, что имѣютъ дѣло съ научною теоріей, выставили противъ нея религіозныя вѣрованія. Особенно сильнымъ стало анти-дарвинистское движеніе послѣ выхода «Происхожденія человѣка». Дарвина называли атеистомъ, потрясателемъ нравственности, а сыпавшіяся противъ него возраженія перешли за всѣ границы приличія и стали просто рядомъ дерзостей; но все это не привело ровно ни къ чему. Дарвинъ не вступилъ въ полемику, не уронилъ себя до защиты передъ людьми, стоявшими неизмѣримо ниже его, и въ концѣ концовъ восторжествовалъ: его идея стала всеобщимъ достояніемъ, а то спокойствіе, съ которымъ онъ отнесся къ нападкамъ своихъ враговъ, показало, что въ немъ должно видѣть не только человѣка высокаго ума, но и высокой нравственности.

Подобно Копернику, который обдумывалъ свой величайшій трудъ тридцать три года, подобно Ньютону, который разъяснялъ себѣ идею тяготѣнія около двадцати лѣтъ, Дарвинъ работалъ надъ объясненіемъ происхожденія видовъ болѣе двадцати двухъ лѣтъ. Явившись защитникомъ истины, которую онъ считалъ вѣчной, Дарвинъ не побоялся выставить на видъ слабыя стороны своей теоріи. «Его обширныя познанія,—говоритъ Тиндаль,—даютъ ему возможность противустоять возраженіямъ, выставленнымъ имъ самимъ и другими, такъ твердо, что въ умѣ читателя остается окончательное мнѣніе, что если на возраженія и не данъ отвѣтъ безусловно удовлетворительный, то они все-таки не могутъ быть роковыми. Какъ только отрицательная сила разъ разрушена, вы свободно поддаетесь громадной положительной массѣ очевидностей, которую онъ можетъ вамъ представить. Обширность знанія и находчивость дѣлаютъ Дарвина самымъ опаснымъ противникомъ. Знаменитые натуралисты вели

противъ него трудную и продолжительную полемику, не всегда имѣя въ виду добросовѣстную оцѣнку его теоріи, но часто съ яснымъ намѣреніемъ изложенія однѣхъ ея слабыхъ сторонъ. Это не сердило его. Онъ говоритъ о всякомъ предметѣ съ умѣренностію и основательностію, которымъ бы съ радостью подражалъ самъ епископъ Бутлеръ. Обставляя каждый фактъ подходящими подробностями и ставя его въ истинныя отношенія къ другимъ фактамъ, Дарвинъ обыкновенно придаетъ ему значеніе, котораго, взятый отдѣльно, онъ никогда бы не имѣлъ. Это дѣлается безъ малѣйшей тѣни досады. Онъ подвигается въ своемъ трудѣ съ безстрастною силой ледника и стираніе скалъ не лишено аналогіи съ тѣмъ, какъ Дарвинъ неумолимою логикой уничтожалъ своихъ противниковъ. «Лучшее доказательство тому, что, отстаивая идею безконечной измѣняемости видовъ, Дарвинъ имѣлъ въ виду только торжество истины, заключается въ томъ, что только съ большимъ трудомъ удалось Ляйэлю и Гукеру убѣдить Дарвина опубликовать часть своихъ изслѣдованій, когда уже было извѣстно, что тѣмъ же путемъ идетъ Альфредъ Уэллесъ. Но и послѣ выхода въ свѣтъ «Происхожденія видовъ» Дарвинъ всю жизнь трудился надъ разработкой высказанныхъ имъ общихъ соображеній и, конечно, сдѣлалъ въ этомъ направленіи больше, чѣмъ всѣ другіе натуралисты. Не обращая, повидимому, никакого вниманія на сыпавшіяся на него нападки, Дарвинъ каждые два-три года выпускалъ отдѣльныя работы, служившія собственно расширеніемъ, разъясненіемъ или дополненіемъ къ главамъ «Происхожденія видовъ».

Зная, что примиреніе вѣрованій съ данными положительной науки—одна изъ величайшихъ задачъ, выпавшихъ на долю человѣка, и зная, что эта задача далеко не всѣмъ подъ силу, Дарвинъ ничего не отвѣчалъ на обвиненія въ атеизмѣ; но въ его книгѣ нельзя не обратить вниманія на то мѣсто, гдѣ имъ цитируются слова извѣстнаго писателя и богослова, который «постепенно выучился понимать, что вѣра въ созданіе Богомъ немногихъ первоначальныхъ формъ, способныхъ къ развитію другихъ и полезныхъ, есть столь же высокое понятіе о Немъ, какъ и вѣра въ необходимость новыхъ актовъ творенія для пополненія произшедшихъ пробѣловъ». Разработывая далѣе вопросъ о происхожденіи нравственнаго чувства, Дарвинъ тѣмъ самымъ опровергъ всѣ взводимыя на него обвиненія въ томъ, будто онъ разрушаетъ нравственность. Впрочемъ довольно трудно понять, откуда поднялся весь тотъ шумъ, который надѣлало появленіе сочиненія—«Происхожденіе человѣка». Достаточно прочесть заключительныя слова этого сочиненія, чтобы видѣть, какъ несправедливы были люди, обвинявшіе Дарвина въ безнравственности. «Какъ ни важна была и есть борьба за существованіе,—говоритъ онъ,—но въ вопросахъ, касающихся высшихъ сторонъ человѣческой природы, мы находимъ и другія вліянія, еще болѣе важныя. Нравственныя качества развиваются прямо или косвенно гораздо болѣе подъ вліяніемъ привычки, разсужденія, обра-

зованія, религіи и т. д., чѣмъ путемъ естественнаго подбора; но при всемъ томъ этому послѣднему дѣятелю слѣдуетъ приписать общественные инстинкты, которые служили основаніемъ для развитія общественнаго чувства... Что касается до меня, то я скорѣе желалъ бы быть потомкомъ той храброй маленькой обезьянки, которая не побоялась броситься на страшнаго врага, чтобы спасти жизнь своего стража, или потомкомъ того стараго павіана, который, спустившись съ горъ, унесъ съ торжествомъ своего юнаго товарища отъ стаи удивленныхъ собакъ, чѣмъ происходить отъ какого-нибудь дикаря, который находитъ наслажденіе въ истязаніи своихъ непріятелей, приноситъ кровавыя жертвы, умерщвляетъ своихъ дѣтей безъ всякаго угрызенія совѣсти, обращается съ своими женами какъ съ рабынями, не знаетъ никакого стыда и полонъ самыхъ грубыхъ суевѣрій. Человѣку простительно, что онъ гордится тѣмъ, что поднялся, хотя и не собственными усиліями, на высшую ступень органической лѣстницы, и тотъ фактъ, что онъ поднялся на нее, а не былъ поставленъ тамъ съ самаго начала, можетъ внушить ему надежду на болѣе высокое положеніе въ отдаленномъ будущемъ. Но мы не говоримъ здѣсь о надеждахъ или опасеніяхъ, а ищемъ только истины, насколько позволяетъ нашъ разумъ, что я и старался доказать, по мѣрѣ силъ. Мы должны признать, какъ мнѣ кажется, что человѣкъ, со всѣми своими благородными качествами, съ сочувствіемъ къ самымъ отверженнымъ, съ доброжелательствомъ не только къ другимъ людямъ, но и къ самымъ ничтожнымъ тварямъ; съ своимъ божественнымъ разумомъ, который постигъ движеніе и устройство солнечной системы, со всѣми этими высокими способностями все-таки носитъ въ своемъ физическомъ строеніи неизгладимую печать своего низкаго происхожденія». Такимъ образомъ враги Дарвина должны сознать себя побѣжденными, если только слѣпое упорство и привычка жить, подчиняясь только вѣками вскормленнымъ традиціямъ, не заглушили въ человѣкѣ того нравственнаго чувства, которое мы называемъ совѣстью, и не ожесточили противъ всякаго, кто, занимаясь наукой, работаетъ надъ улучшеніемъ положенія человѣка. Дѣло не въ томъ, чтобы признавали эволюціонное ученіе въ томъ видѣ, какъ оно дано Дарвиномъ,— весьма возможно, что со-временемъ его воззрѣнія подвергнутся большимъ измѣненіямъ; но истинны ли они или ложны, для нихъ, какъ и для всѣхъ другихъ имъ подобныхъ, «мы требуемъ права свободнаго обсужденія. Почва, на которой они стоятъ, есть почва научная, и требуемое право добыто борьбой и страданіями, причиненными и выдержанными во времена тяжелѣе нашихъ, и они имѣли слѣдствіемъ безсмертныя побѣды, одержанныя науками для человѣчества».

Дарвинъ родился 12 февраля (н. ст.) 1809 года *). Первоначально воспитаніе онъ получилъ въ шревсбёрійской школѣ, но въ 1825 году, слѣ-

*) По послѣднимъ свѣдѣніямъ, а болѣе раннія отмѣчали днемъ рожденія Ч. Дарвина 25 февраля.

довательно шестнадцати лѣтъ, поступилъ въ Эдинбургскій университетъ и оставался здѣсь два семетра. Послѣ этого онъ пробылъ четыре года въ Кембриджѣ и здѣсь, въ 1831 году, получилъ степень баккалавра. Въ томъ же 1831 году (15 декабря) Дарвинъ отправился съ Фицроемъ на кораблѣ «Бигль» въ кругосвѣтное плаваніе и возвратился въ Англію только по прошествіи пяти лѣтъ (16 октября 1836 года). Эти пять лѣтъ имѣли громадное значеніе для Дарвина, такъ какъ все кругосвѣтное путешествіе было для него превосходною школой. Можно сказать, что въ это время Дарвинъ научился наблюдать и думать, и, по его собственнымъ словамъ, въ это же путешествіе онъ впервые остановился на вопросѣ о происхожденіи видовъ. «Во время моего кругосвѣтнаго путешествія, въ качествѣ натуралиста, на кораблѣ Е. К. В. «Бигль»,— пишетъ онъ во введеніи къ «Происхожденію видовъ»,—я былъ сильно пораженъ нѣкоторыми особенностями въ распредѣленіи животныхъ и растеній по Южной Америкѣ и въ геологической связи угасшихъ флоръ и фаунъ этого материка съ флорами и фаунами настоящими. Эти особенности, какъ казалось мнѣ, проливали нѣкоторый свѣтъ на происхожденіе видовъ — эту тайну изъ тайнъ, какъ выразился одинъ изъ нашихъ величайшихъ философовъ». По возвращеніи на родину, Дарвинъ продолжалъ собирать матеріалъ, но до 1844 года сдѣлано было сравнительно еще немного. Въ 1844 году Дарвинъ рѣшился только прочесть кое-что изъ своихъ записокъ Гукеру и Ляйэлю, но до 1858 года, несмотря на настоянія названныхъ лицъ, изъ этихъ записокъ не было ничего напечатано: авторъ «Происхожденія видовъ» не хотѣлъ прерывать своихъ изслѣдованій и заботился только о томъ, какъ бы увеличить потребный для разрѣшенія интересующаго его вопроса матеріалъ. До 1858 года онъ выпустилъ замѣчательное по изложенію «Путешествіе на кораблѣ Бигль», «Строеніе и распредѣленіе коралловыхъ рифовъ» и нѣсколько спеціальныхъ работъ по геологіи и тѣмъ самымъ обратилъ на себя вниманіе какъ читающей публики, такъ и спеціалистовъ; но извѣстность, которою онъ тогда пользовался, не представляла собой ничего особеннаго и десятки другихъ натуралистовъ пользовались совершенно заслуженно извѣстностью гораздо большей. Но въ 1858 году Альфредъ Уэллесъ, изслѣдовавшій острова Малайскаго архипилага, прислалъ Дарвину записку «О стремленіи разновидностей неопредѣленно уклоняться отъ первоначальнаго типа», прося показать ее Ляйэлю, если только Дарвинъ найдетъ ее достаточно новою и интересною. Ляйэль и Гукеръ были того мнѣнія, чтобъ ее напечатать немедленно, и успѣли уговорить Дарвина напечатать одновременно съ запиской Уэллеса одну изъ главъ «Происхожденія видовъ», озаглавленную «О стремленіи видовъ образовать разновидности и объ увѣковѣченіи видовъ и разновидностей помощью естественнаго подбора». Такимъ образомъ мы наталкиваемся на замѣчательную черту въ характерѣ Дарвина: онъ совсѣмъ не обращалъ вниманія на то, открыта извѣстная истина имъ

или нѣтъ; Дарвину дорого было только торжество истины и потому въ теченіе всей своей послѣдующей жизни онъ никогда не выступалъ на защиту *самого себя;* во всѣхъ своихъ работахъ Дарвинъ какъ человѣкъ не существуетъ и отстаиваетъ или опровергаетъ только мнѣнія, независимо отъ того, высказаны они были его послѣдователями или противниками. Съ замѣчательнымъ безпристрастіемъ выставляетъ онъ на видъ всѣ слабыя стороны своихъ положеній, съ крайнимъ вниманіемъ взвѣшиваетъ всѣ высказанныя противъ него мнѣнія, и, безъ сомнѣнія, нѣтъ никого, кто имѣлъ бы право упрекнуть Дарвина въ пренебрежительномъ отношеніи къ сдѣланнымъ ему возраженіямъ. Впрочемъ вся дѣятельность Дарвина съ выхода въ свѣтъ «Происхожденія видовъ» и до его смерти подтверждаетъ наши слова какъ нельзя лучше. Когда вѣра въ постоянство видовъ, за которое стояли даже такіе умы, какъ Кювье и Агассицъ, была подорвана Дарвиномъ, послѣдній началъ разработывать всѣ спорныя или малодоказанныя стороны своей теоріи и съ 1858 по 1882 годъ издалъ рядъ замѣчательныхъ трактатовъ, изъ которыхъ каждый, строго говоря, представляетъ собою разработку отдѣльныхъ главъ «Происхожденія видовъ». Такъ, въ 1862 году вышло его сочиненіе «Объ опыленіи орхидей съ помощью насѣкомыхъ», въ которомъ собранъ драгоцѣнный запасъ фактовъ, доказывающихъ *приспособляемость* организмовъ. Дальнѣйшую разработку того же вопроса и вмѣстѣ съ тѣмъ нѣсколько въ высшей степени важныхъ новыхъ общихъ положеній Дарвинъ далъ въ другихъ своихъ сочиненіяхъ: «Формы цвѣтовъ» (1878 г.) и «Результаты скрещенія и самооплодотворенія въ растительномъ царствѣ» (1876 г.). Не выясненъ былъ вопросъ о плотоядности растеній и Дарвинъ далъ замѣчательный трактатъ—«Насѣкомоядныя растенія», гдѣ не только доказываетъ, что плотоядность въ растительномъ царствѣ—явленіе гораздо болѣе обыкновенное, чѣмъ это принято думать, но также и то, что оно сводится къ крайне сложному приспособленію организма къ условіямъ питанія. Приблизительно въ то же время Дарвинъ началъ издавать другой рядъ работъ: «Одомашненныя растенія и прирученныя животныя» (1868 г.), «Происхожденіе человѣка» (1871 г.) и «О выраженіи ощущенія у человѣка и животныхъ» (1872 г.). Самымъ слабымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и наиболѣе надѣлавшимъ шуму, должно считаться «Происхожденіе человѣка». Строго говоря, разъ постоянство видовъ было опровергнуто, происхожденіе человѣка отъ одной изъ низшихъ формъ являлось постулятомъ и потому чего-либо особенно новаго въ названномъ сочиненіи искать было нечего; но тѣмъ не менѣе, когда оно вышло, волненіе въ обществѣ произошло страшное. Теперь, когда десять лѣтъ, протекшія со времени выхода «Происхожденія человѣка», охладили пылъ много-и-маломыслящихъ защитниковъ будто бы потрясенной этимъ сочиненіемъ нравственности и научили дарвинистовъ относиться къ противникамъ Дарвина съ такою же безпристрастностью и такимъ же холоднымъ спокойствіемъ, съ какими относился къ нимъ онъ

самъ, съ трудомъ можно представить себѣ весь тотъ хаосъ, который породило никогда не употребленное Дарвиномъ выраженіе: «человѣкъ произошелъ отъ обезьяны». Грустно и больно становится при мысли, что не одинъ десятокъ умныхъ и талантливыхъ людей, не прочтя сочиненія, рѣшались бросать грязью въ его автора. Больно не за автора, а больно за этихъ мнимыхъ охранителей будто бы поруганнаго человѣчества, которые въ своемъ высокомѣріи были убѣждены, что человѣческой мысли можно положить предѣлъ. Они не хотѣли и не могли понять, что авторъ «Происхожденія человѣка» не отвѣтственъ за то, въ какое отношеніе станетъ его ученіе съ окрѣпнувшими въ теченіе вѣковъ традиціями, и бросали грязью въ человѣка, котораго вина состояла только въ томъ, что онъ отрѣшился отъ предразсудковъ своего вѣка и сталъ выше толпы. Безъ сомнѣнія, въ будущіе вѣка стремленіе «объединить мысль и вѣру» будетъ понято массою въ его истинномъ свѣтѣ, но пока мы съ горестью видимъ, что это стремленіе остается достояніемъ отдѣльныхъ лицъ и что враждебно относятся къ научной теоріи, обнимающей массу явленій, потому только, будто она противна религіи.

Мы сказали, что «Происхожденіе человѣка» является болѣе слабымъ, чѣмъ другія произведенія Дарвина. Дѣло заключается здѣсь, конечно, не въ оцѣнкѣ общихъ положеній, заключающихся въ немъ,—ихъ никто не оспариваетъ,—а въ недостаткѣ матеріала, несовершенствѣ доказательствъ. Впрочемъ, признаніе справедливости общаго заключенія было дѣломъ громадной важности, такъ какъ сразу поставило человѣка въ разрядъ живыхъ существъ и тѣмъ самымъ показало, что изучать его нужно точно такъ же, какъ изучаются всѣ другія живыя существа. Это-то и вывело человѣческую мысль на одну изъ новыхъ дорогъ, подчинивши эволюціонному ученію всѣ соприкасающіяся съ жизнью человѣка отрасли знанія. «Въ настоящее время принято считать,—писалъ авторъ настоящей статьи нѣсколько времени тому назадъ,—что человѣкъ отличается отъ другихъ животныхъ только способностью *творчества*. Не обладай человѣкъ даромъ созиданія идеаловъ, идеальныхъ образовъ и цѣлей, къ достиженію которыхъ онъ зачастую стремится во вредъ своей животной природы, его окончательно нельзя было бы отдѣлить отъ другихъ животныхъ, съ которыми у него такъ много общихъ психическихъ явленій, съ которыми онъ одинаково живетъ, чувствуетъ и мыслитъ; но не слѣдуетъ считать способность творчества за нѣчто совершенно разнородное съ другими психическими явленіями. Кажется, мы имѣемъ право допустить, что способность творчества есть только крайнее развитіе мысли и нравственнаго чувства». Въ этихъ строкахъ мы, кажется, даемъ резюме всего «Происхожденія человѣка» и когда затѣмъ захотимъ коснуться личности автора этого произведенія, то должны начать съ признанія за нимъ того свойства, которое мы называемъ геніальностью. Дарвинъ отгадалъ одну изъ величайшихъ истинъ, остававшуюся до него сокрытой въ живыхъ суще-

ствахъ, развилъ до мелочей свою творческую мысль и, наконецъ, далъ массу доказательствъ ея справедливости. Въ немъ соединились свойства поэта, философа и ученаго и всѣ вмѣстѣ составили то гармоническое цѣлое, что называется геніемъ. Потеря, понесенная нами въ лицѣ Дарвина, безъ сомнѣнія, громадна, но мы должны утѣшаться увѣренностью въ томъ, что оставленная имъ міру въ наслѣдіе идея будетъ жить до тѣхъ поръ, пока не прекратится для человѣчества борьба за существованіе. Мы не знаемъ исхода этой борьбы, но во всякомъ случаѣ будущее не должно насъ пугать. Отъ времени до времени въ міръ входятъ геніи, которые указываютъ человѣчеству новые пути для похода противъ предразсудковъ и незнанія, даютъ новое удовлетвореніе требованіямъ нашего разума и нравственной природы и поднимаютъ выше мелочей и дрязгъ будничной жизни. Ньютонъ, Шекспиръ, Рафаэль, Кантъ, Бетховенъ, Гёте и Дарвинъ—всѣ они оставили намъ частицу самихъ себя, и, обращаясь къ нимъ въ тяжелыя минуты, находишь себѣ успокоеніе, находишь новыя силы для борьбы со страшнымъ «не познаемъ». Что касается Дарвина, какъ человѣка, то онъ отличался чисто-дѣтскою простотой, симпатичностью и поразительною скромностью. Хотя раньше я и привелъ уже описаніе впечатлѣнія, вынесеннаго К. А. Тимирязевымъ изъ посѣщенія Дарвина, тѣмъ не менѣе нахожу умѣстнымъ привести здѣсь еще разъ эти немногія, но теплыя слова. «Когда попадешь въ Даунъ, когда переступишь порогъ этого небольшаго кабинета, въ которомъ ежедневно вотъ уже полвѣка работаетъ этотъ могучій умъ, когда подумаешь, что черезъ минуту очутишься въ присутствіи человѣка, котораго потомство поставитъ на ряду съ Аристотелями и Ньютонами,—невольно ощущаешь понятную робость; но это чувство исчезаетъ безъ слѣда при первомъ появленіи, при первыхъ звукахъ голоса Чарльза Дарвина. Ни одинъ изъ извѣстныхъ его портретовъ не даетъ вѣрнаго понятія о его внѣшности; густыя, щеткой торчащія, брови совершенно скрываютъ привѣтливый взглядъ этихъ глубоко впалыхъ глазъ, а главное—всѣ портреты, въ особенности прежніе, безъ бороды, производятъ впечатлѣніе коренастаго толстяка, довольно буржуазнаго вида, между тѣмъ какъ въ дѣйствительности высокая, величаво спокойная фигура Дарвина, съ его бѣлой бородой, невольно напоминаетъ изображенія ветхозавѣтныхъ патріарховъ или древнихъ мудрецовъ. Тихій, мягкій, старчески-ласковый голосъ довершаетъ впечатлѣніе; вы совершенно забываете, что еще за минуту васъ интересовалъ только великій ученый,—вамъ кажется, что передъ вами дорогой вамъ старикъ, котораго вы давно привыкли любить и уважать какъ человѣка, какъ нравственную личность. Во всемъ, что онъ говорилъ, не было слѣда той узкой односторонности, той неуловимой цеховой исключительности, которая еще недавно считалась необходимымъ аттрибутомъ глубокаго ученаго, но въ то же время не было и той ложно-щепетливой гордости, не рѣдкой даже между замѣчательными учеными, умышленно избѣгающими разговора о

предметахъ своихъ занятій, чтобы не подумали, что весь интересъ ихъ личности исключительно сосредоточенъ на ихъ специальной дѣятельности. Въ его разговорѣ серьёзныя мысли чередовались съ веселою шуткой; онъ поражалъ знаніемъ и вѣрностью взгляда въ областяхъ науки, которыми самъ никогда не занимался; съ мѣткой, но всегда безобидной, ироніей характеризовалъ онъ дѣятельность нѣкоторыхъ ученыхъ, высказалъ очень вѣрныя мысли о Россіи, по поводу книги Макензи-Уэллеса, которую въ то время читалъ, указывалъ на хорошія качества русскаго народа и пророчилъ ему свѣтлую будущность. Но всего болѣе поражалъ его тонъ, когда онъ говорилъ о собственныхъ изслѣдованіяхъ: это не былъ тонъ авторитета, законодателя научной мысли, который не можетъ не сознавать, что каждое его слово ловится на-лету,—это былъ тонъ человѣка, который скромно, почти робко, какъ бы постоянно оправдываясь, отстаиваетъ свою идею, добросовѣстно взвѣшиваетъ самыя мелкія возраженія, являющіяся далеко не изъ авторитетныхъ источниковъ. Въ то время онъ производилъ опыты надъ кормленіемъ росянки мясомъ,—опыты, вызванные сдѣланными ему возраженіями, что онъ не доказалъ экспериментальнымъ путемъ пользы этого процесса для растенія. Разговорившись объ этомъ, онъ повелъ меня въ оранжерею, чтобъ я могъ быть свидѣтелемъ, что онъ «кажется не ошибается въ своихъ выводахъ». За годъ до смерти Дарвинъ издалъ послѣднее свое сочиненіе—«Образованіе растительнаго слоя дѣятельностью дождевыхъ червей», матеріалъ для котораго собирался имъ съ 1836 года. Несомнѣнно, что нѣкоторые выводы въ этой работѣ очень широки и сильно нуждаются въ провѣркѣ, но несомнѣнно и то, что пріемы изслѣдованія и въ этомъ, повидимому, мелочномъ вопросѣ дали богатые результаты. Матеріалы для этого сочиненія Дарвинъ собиралъ какъ съ помощью постороннихъ лицъ, такъ и лично съ помощью своихъ сыновей въ Даунѣ, въ графствѣ Кентъ, гдѣ онъ прожилъ все время, начиная съ возвращенія изъ кругосвѣтнаго плаванія и до своей смерти, послѣдовавшей 20 апрѣля (нов. ст.). 26 апрѣля останки Дарвина преданы землѣ въ Вестминстерскомъ аббатствѣ, вблизи могилы Ньютона.

Теперь мнѣ слѣдовало бы перейти къ изложенію сущности эволюціоннаго ученія, но такъ какъ знакомство съ тѣмъ, на смѣну чему явилось эволюціонное ученіе, значительно должно облегчить оцѣнку значенія этого ученія, то мы позволимъ себѣ изложить въ короткихъ словахъ содержаніе двухъ гипотезъ, которыя до эволюціоннаго ученія предлагались въ разное время, какъ ключь къ пониманію современной органической жизни на земномъ шарѣ.

Сущность первой гипотезы состояла въ томъ, что она отрицала всѣ существенныя измѣненія въ органическомъ и неорганическомъ мірѣ,—другими словами, говорила, что міръ отъ вѣчности пребываетъ почти въ томъ же состояніи, въ какомъ находится теперь. Какъ бы далеко мы ни

проникали въ глубь вѣковъ, по этой гипотезѣ, мы всегда встрѣчаемся съ тѣмъ же самымъ, или почти тѣмъ же самымъ, міромъ, въ которомъ мы существуемъ нынѣ. Жившія тогда животныя были прародителями современныхъ намъ и имъ подобны; точно также растенія, распредѣленія материковъ и морей, горъ и равнинъ — все это всегда было то же, или почти то же, какое мы видимъ теперь.

Вторая гипотеза, которую Гёксли называетъ Мильтоновой, потому что наиболѣе формулированною она дана была авторомъ «Потеряннаго Рая», говоритъ, что современный намъ міръ со всѣми живущими на немъ растеніями и животными существуетъ сравнительно короткое время и былъ созданъ въ теченіе шести дней (понимать ли подъ днемъ дѣйствительно день или цѣлый періодъ — сущность дѣла не измѣнится, такъ какъ вопросъ идетъ о послѣдовательности появленія животныхъ и растительныхъ формъ, а не о томъ, въ теченіе сколь продолжительнаго періода они появились). По этой гипотезѣ, въ первый день былъ созданъ свѣтъ, во второй—твердь небесная, въ третій—обнажилась сухая земля и на ней появились разнообразныя растенія, въ четвертый—явилось солнце, звѣзды, луна и другія планеты, въ пятый — водныя животныя и птицы и, наконецъ, въ шестой—всѣ остальныя наземныя животныя.

Посмотримъ же, какъ вяжутся обѣ эти гипотезы съ фактами, причемъ не слѣдуетъ забывать, что единственный возможный путь для правильной критической оцѣнки двухъ названныхъ гипотезъ—палеонтологическія доказательства, изслѣдованіе остатковъ животныхъ, сохранившихся въ различныхъ слояхъ земной коры,—остатковъ животныхъ, которые вмѣстѣ съ такими же остатками растеній, безъ сомнѣнія, представляютъ собою самыя вѣрныя и непогрѣшимыя свидѣтельства исторіи обитателей земнаго шара.

Земная кора подраздѣляется на цѣлый рядъ послѣдовательно налегающихъ другъ на друга пластовъ, которые складываются въ группы, называемыя формаціями, а послѣднія — въ системы формацій. Въ этихъ пластахъ находятся остатки животныхъ и растеній, жившихъ на земномъ шарѣ въ различныя геологическія эпохи, и вотъ, пробѣгая эти остатки, мы и находимъ свидѣтельства въ пользу или противъ той или другой изъ двухъ названныхъ гипотезъ. Схема относительнаго положенія этихъ пластовъ такова: они слѣдуютъ другъ за другомъ и еслибы нашлась мѣстность, гдѣ отложились пласты всѣхъ формацій, то нижнею изъ нихъ была бы формація лаврентійская; поднимаясь выше, слѣдуютъ формаціи: гуронская, кембриджская, силурская, девонская, каменноугольная и пермская; послѣдняя заканчиваетъ собою рядъ формацій, образующихъ собою группу первичныхъ или палеозойныхъ; тріасъ, юра и мѣлъ составляютъ группу вторичныхъ или мезозойныхъ; эоценъ, міоценъ и пліоценъ—третичныхъ, за которыми слѣдуютъ четвеpичные или потретичные пласты, составляющіе вмѣстѣ съ третичными такъ - называемую группу кэнозойныхъ формацій.

Еслибы первая изъ приведенныхъ нами гипотезъ была вѣрна, въ такомъ случаѣ въ любой изъ перечисленныхъ нами формацій мы должны бы встрѣтить остатки животныхъ и растеній или тождественныхъ съ нынѣ живущими, или же по крайней мѣрѣ крайне къ нимъ близкихъ. Но то ли мы встрѣчаемъ на самомъ дѣлѣ?—Совершенно нѣтъ. Съ большимъ трудомъ удается отыскать крайне малое число формъ, тождественныхъ съ нынѣ существующими, въ древнѣйшихъ слояхъ земной коры. Въ громадномъ большинствѣ случаевъ во вторичныхъ и первичныхъ формаціяхъ находятся остатки животныхъ и растеній, совершенно не похожихъ на нынѣ живущихъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ замѣчено, что чѣмъ глубже станемъ мы опускаться по лѣстницѣ пластовъ, тѣмъ это несходство выступаетъ съ большею и большею силой. Отсюда очевидно, что первая гипотеза, гласящая, что съ тѣхъ поръ, какъ земной шаръ населился животными и растеніями, онъ получилъ животныя и растенія, тождественныя съ нынѣ живущими или крайне къ нимъ близкія,—невѣрна и принята быть не можетъ. Посмотримъ, какъ относятся факты ко второй гипотезѣ, которую мы вмѣстѣ съ Гёксли назвали Мильтоновой.

Какъ помнитъ читатель, по этой гипотезѣ только въ третій день явились растенія, только въ пятый—водныя животныя и птицы и только въ шестой — всѣ наземныя животныя, кромѣ птицъ. Слѣдовательно, по этой гипотезѣ мы не можемъ ждать остатковъ сухопутныхъ животныхъ раньше пластовъ, содержащихъ остатки птицъ, и даже въ первыхъ пластахъ съ птицами, такъ какъ, по Мильтоновой гипотезѣ, всѣ пласты съ остатками сухопутныхъ животныхъ должны относиться къ шестому дню, птицы же появились раньше, въ пятый день. Кромѣ того, говоря, что въ третій день были созданы растенія, Мильтонъ тѣмъ самымъ, очевидно, хочетъ сказать, что были созданы растенія тождественныя съ нынѣ живущими или крайне къ нимъ близкія, такъ какъ иначе онъ долженъ бы упомянуть о другомъ творческомъ актѣ. Посмотримъ теперь, такъ ли залегаютъ остатки животныхъ и растеній въ пластахъ земной коры, какъ этого можно ждать по гипотезѣ Мильтона, или нѣтъ.

Въ каменноугольной формаціи Америки находятся многочисленные остатки скорпіоновъ,—слѣдовательно, по гипотезѣ Мильтона, начиная съ этого члена палеозойныхъ формацій и до четверичныхъ пластовъ, мы имѣемъ дѣло съ отложеніями и заключенными въ нихъ остатками организмовъ, относящихся къ шестому дню. Кромѣ того, Мильтонъ прямо и ясно говоритъ, что водныя животныя были созданы на пятый день, и потому всѣ пласты съ остатками водныхъ животныхъ, лежащихъ ниже перваго пласта съ остатками наземныхъ животныхъ, должны быть отнесены къ пятому дню. Но какъ бы далеко мы ни проникали въ глубь пластовъ, мы вездѣ встрѣчаемся съ остатками водныхъ животныхъ, до лаврентіевской формаціи включительно, и потому должны признать, что всѣ формаціи, извѣстныя намъ, относятся къ пятому и шестому дню и что мы

ничего не знаемъ объ отложеніяхъ первыхъ дней, а въ томъ числѣ и третьяго. Откуда же Мильтонъ взялъ свое предположеніе о появленіи растеній въ третій день, когда о томъ, что происходило въ теченіе третьяго дня, не сохранилось никакихъ свидѣтельствъ?... Но мало этого: по Мильтону, въ теченіе пятаго дня создались рыбы, тюлени, киты, другія водныя животныя и птицы, и въ теченіе шестаго—всѣ наземныя животныя, кромѣ птицъ, а мы не знаемъ ни малѣйшаго слѣда существованія птицъ раньше юры или, быть-можетъ, тріаса, тогда какъ сухопутные скорпіоны извѣстны уже изъ каменноугольной формаціи. Будь Мильтонъ правъ, мы должны бы ждать остатковъ птицъ, рыбъ и китовъ во всѣхъ формаціяхъ, лежащихъ ниже каменноугольной, но остатковъ птицъ и китовъ тамъ положительно не находится, а остатки рыбъ, хотя и весьма многочисленны, въ громадномъ большинствѣ случаевъ рѣзко отличаются отъ тѣхъ рыбъ, которыя живутъ въ рѣкахъ, озерахъ и моряхъ теперь, и напрасно бы мы стали искать хоть одну изъ нынѣ живущихъ рыбъ въ девонской или силурской формаціяхъ. Такимъ образомъ мы наталкиваемся на новое затрудненіе: или въ пятый день созданы были животныя, которыя не могутъ быть прародителями нынѣшнихъ, и, слѣдовательно, гипотеза Мильтона не полна, или же эти животныя путемъ послѣдовательныхъ измѣненій переродились въ нынѣшнихъ. Но, припоминая еще другіе факты, относящіеся къ гипотезѣ Мильтона, не трудно видѣть, что она вообще не можетъ удержаться, такъ какъ совершенно не вяжется съ палеонтологическими свидѣтельствами *).

Такимъ образомъ намъ приходится отказаться отъ обѣихъ гипотезъ, предложенныхъ ранѣе, какъ ключъ къ пониманію современной намъ органической жизни на земномъ шарѣ, и обратиться къ третьей, которая извѣстна подъ названіемъ эволюціоннаго ученія или Дарвиновой теоріи, по имени ея геніальнаго защитника. Впрочемъ, еще два слова. Зная сущность Мильтоновой гипотезы, не трудно видѣть, что она не имѣетъ ровно никакого права называться научною гипотезой. Говоря, что для жизни въ той или другой средѣ были созданы тѣ или другія формы, Мильтонова гипотеза, строго говоря, ничего не отвѣчала на вопросъ, почему организмы такъ подходятъ къ жизни въ извѣстныхъ условіяхъ, такъ совершенны. Говоря, что организмы созданы такими, какими мы ихъ видимъ, Мильтонова гипотеза возбраняла наукѣ доступъ къ указанному вопросу. Наукѣ нечего дѣлать тамъ, гдѣ одно явленіе стоитъ внѣ всякой связи съ другими. Напротивъ, тамъ, гдѣ на всякое явленіе смотрятъ какъ на слѣдствіе, вытекающее изъ явленій предыдущихъ, тамъ начинается область науки, которая должна такимъ образомъ объяснить въ нашемъ частномъ случаѣ, почему же дѣйствіе законовъ природы сложилось такъ,

---

*) Въ изложеніи Мильтоновой теоріи я придерживался Гёксли („Drei Vorträge über die Entwiecklungslehre". New-York, 18, 20, 22 September 1876).

что организмы являются въ высшей степени приспособленными къ извѣстнымъ условіямъ. На такую дорогу выводилъ біологовъ еще Ламаркъ, но его ученіе не было принято. Не мѣшало бы тѣмъ критикамъ Дарвина, которые говорятъ, что въ его ученіи нѣтъ ничего новаго, вспомнить хоть этотъ простой фактъ. Отчего же это старыя ученія пали, не принеся никакой пользы, а дарвинизмъ живъ и разросся въ стройную философскую систему, которая охватила собою всѣ отрасли человѣческаго знанія? — Безъ сомнѣнія, подготовленность умовъ къ принятію эволюціоннаго ученія имѣетъ значеніе; но главная причина успѣха дарвинизма лежитъ все-таки въ его основныхъ свойствахъ—зрѣлости и жизненности.

Вкратцѣ принципы Дарвина сводятся къ слѣдующему:

Дарвинъ устанавливаетъ тождество понятій разновидности или варіетета и породы, изъ которыхъ первое относится къ дикимъ, а второе къ домашнимъ животнымъ, и прямо ставитъ вопросъ о происхожденіи разновидностей. Само собою очевидно, что если разновидности у дикихъ животныхъ то же, что породы у домашнихъ, то и происхожденіе тѣхъ и другихъ одинаково; образованіе новыхъ породъ должно, слѣдовательно, объяснить намъ образованіе новыхъ разновидностей. Но образованіе новыхъ породъ совершается на нашихъ глазахъ, мы можемъ даже *опытнымъ* путемъ провѣрить, какъ образуются новыя породы. Стоитъ взять нашихъ домашнихъ голубей, между которыми много такихъ, «которые, еслибы сказать орнитологу, что это птицы дикія, были бы отнесены имъ къ различнымъ рѣзко отдѣленнымъ видамъ», и легко убѣдиться, что извѣстная порода выводится путемъ искуственнаго подбора особей, обладающихъ въ большей или меньшей степени желаемой особенностью. «Никто,— говоритъ Дарвинъ,—не попробовалъ бы вывести трубастаго голубя, не увидавъ сначала голубя съ большимъ и страннымъ хвостомъ, или дутыша, еслибы не увидалъ голубя съ необыкновеннымъ зобомъ». Слѣдовательно, выведеніе породы сводится къ тому, что искуственнымъ подборомъ личныя особенности при передачѣ наслѣдственно отъ родителей потомкамъ закрѣпляются, усиливаются и становятся господствующимъ признакомъ въ извѣстной группѣ особей, т. е. становятся признакомъ породы. Такимъ образомъ для выведенія породы искуственнымъ подборомъ, какъ почва, нужны личныя особенности и наслѣдственность, или способность потомковъ наслѣдовать свойства родителей. Въ томъ, что наслѣдственность существуетъ, никто не сомнѣвался; но точно также всѣмъ отлично извѣстно, что не всѣ потомки совершенно походятъ на своихъ родителей: у однихъ изъ нихъ обыкновенно бываютъ больше развиты одни свойства родителей, у другихъ—другія, т. е. существуютъ личныя различія, личныя особенности. Мало того, у потомковъ могутъ появиться даже и такія особенности, которыхъ у родителей не было. При искуственномъ подборѣ, при искуственномъ выведеніи породы хозяинъ сортируетъ

имѣющихся у него особей: онъ отбираетъ тѣ изъ нихъ, которыя обладаютъ желаемыми свойствами, и уничтожаетъ другихъ. Первыя при скрещиваніи производятъ потомство, среди котораго у нѣкоторыхъ членовъ тѣ же особенности выражены уже сильнѣе, чѣмъ у родителей. Заставляя размножаться только такихъ особей и уничтожая другихъ, черезъ нѣсколько поколѣній можно, наконецъ, получить и желаемую породу. Такимъ образомъ при выведеніи породы путемъ искуственнаго подбора мы имѣемъ дѣло съ тремя факторами: 1) личными особенностями, 2) наслѣдственностью и 3) искуственною сортировкой особей. Первые два фактора, безъ сомнѣнія, всецѣло сохраняютъ свою силу и въ образованіи разновидностей, т. е. породъ дикихъ животныхъ; но чѣмъ замѣняется при образованіи новыхъ дикихъ породъ искуственный подборъ? Тутъ Дарвинъ вводитъ два новыхъ и до него совершенно неизвѣстныхъ фактора—*борьбу за существованіе и естественный подборъ*.

Животныя и растенія размножаются въ геометрической прогрессіи; на этомъ основаніи рано или поздно въ любомъ мѣстѣ ихъ является гораздо больше того, чѣмъ можетъ привольно существовать въ извѣстныхъ условіяхъ, почему въ окружающей ихъ природѣ, т. е. въ физическихъ условіяхъ и въ другихъ животныхъ и растеніяхъ, они начинаютъ встрѣчать препятствія къ своему существованію и размноженію,—препятствія, возрастающія по мѣрѣ размноженія особей. Слѣдовательно, нѣтъ особи, которая не должна бы была для своего существованія и размноженія вести постоянную борьбу съ мертвой и живою природой, и эту-то борьбу Дарвинъ и называетъ «борьбой за существованіе». Понятно, что въ громадномъ большинствѣ случаевъ измѣненіе въ окружающихъ условіяхъ, какъ бы мало оно ни было, не пройдетъ для находящихся въ нихъ животныхъ или растеній безслѣдно: одни измѣненія будутъ благопріятны, другія неблагопріятны. Тѣ особи, которыя обладаютъ благопріятными уклоненіями, очевидно, будутъ имѣть перевѣсъ въ борьбѣ за существованіе надъ особями, не имѣющими этихъ уклоненій или имѣющими неблагопріятныя уклоненія; эти особи будутъ сильнѣе, будутъ имѣть больше возможности, размножаясь съ сильными же особями, передать свои благопріятныя особенности своимъ потомкамъ. Но, благодаря этому, и потомство такихъ особей попадетъ въ болѣе благопріятныя условія въ борьбѣ за существованіе, и благопріятныя уклоненія, усиливаясь въ рядѣ поколѣній, упрочатся и приведутъ, наконецъ, черезъ болѣе или менѣе продолжительный промежутокъ времени, къ образованію постояннаго уклоненія—разновидности. Такимъ образомъ борьба за существованіе ведетъ къ сортировкѣ особей, къ переживанію способнѣйшихъ, къ «естественному подбору», который и замѣняетъ собою при образованіи новыхъ дикихъ породъ искуственный подборъ человѣка, имѣющій мѣсто при выведеніи породъ домашнихъ животныхъ. Нѣтъ никакой надобности допускать, что въ извѣстномъ видѣ разновидность образуется только въ одномъ направленіи: уклоненія въ

различныхъ особяхъ могутъ идти въ совершенно различныхъ направленіяхъ, различныя уклоненія могутъ быть одинаково полезны для особей, обладающихъ ими, въ борьбѣ за существованіе, и потому въ данномъ видѣ могутъ образоваться разновидности различныя.

Надо сознаться, что все сказанное объ образованіи разновидностей на счетъ личныхъ особенностей настолько просто, ясно и легко провѣряемо, что оспоривать его истинность невозможно. Да этого, впрочемъ, не оспориваютъ и большинство противниковъ Дарвина. Но Дарвинъ не останавливается на этомъ. Онъ идетъ далѣе и своей неумолимою логикой заставляетъ насъ признать, что разновидности при вымираніи коренной, произведшей ихъ, формы, — слѣдовательно, при образованіи перерывовъ въ ихъ признакахъ,—восходятъ на степень *видовъ*. Въ самомъ дѣлѣ, допустимъ, что въ какомъ-нибудь видѣ существуетъ нѣсколько разновидностей; пока коренная форма связываетъ эти разновидности и дѣлаетъ непрерывнымъ рядъ ихъ признаковъ, мы для всей группы (видъ съ его разновидностями) можемъ дать только одинъ образъ, суммировать его признаки только въ одномъ отвлеченіи. Вымираетъ эта коренная связующая группа и является прерывчатость въ признакахъ различныхъ разновидностей,—одинъ образъ не можетъ уже оставаться, онъ долженъ быть замѣненъ нѣсколькими; другими словами, изъ разновидностей, утратившихъ между собою связь, образовались виды.

Еслибы Дарвинъ остановился на образованіи видовъ изъ разновидностей, въ такомъ случаѣ его ученіе совершенно заслуженно должно бы было назваться теоріей, но Дарвинъ не остановился на этомъ: онъ пошелъ далѣе и вступилъ на путь гипотезы, хотя и по немъ шелъ все съ той же неумолимою логикой. Если нынѣшнія разновидности могутъ рано или поздно обособиться до степени видовъ, въ такомъ случаѣ нынѣшніе виды были въ свою очередь когда-то разновидностями исчезнувшихъ нынѣ видовыхъ типовъ, соотвѣтствующихъ, напримѣръ, родовымъ типамъ нашихъ классификацій. Эти послѣдніе въ свою очередь были когда-то разновидностями еще болѣе раннихъ видовыхъ типовъ, соотвѣтствующихъ типамъ принимаемыхъ нами семействъ и т. д.—до типовъ общихъ и животному, и растительному царству.

Конечно, послѣдняя часть Дарвинова ученія во время ея появленія была чистая гипотеза, но эта гипотеза, безъ сомнѣнія, была наиболѣе удачной изъ всѣхъ гипотезъ подобнаго рода. Она дала смыслъ всей системѣ царства животныхъ, или растеній, объяснивъ сходство различныхъ группъ этой системы кровнымъ родствомъ составляющихъ эти группы особей; слѣдовательно она дала смыслъ всей систематикѣ, поставивъ ей задачею построеніе генеалогическаго древа этихъ царствъ. Она объяснила намъ гомологичность организмовъ одного и того же типа, замѣнивъ искуственно созданное въ нашемъ умѣ единство плана строенія единствомъ происхожденія. Она уяснила намъ множество взаимныхъ отношеній орга-

низмовъ; она дала, наконецъ, въ связи съ ученіемъ о непрерывныхъ измѣненіяхъ въ очертаніяхъ материковъ и морей, въ высшей степени простое и изящное объясненіе современному географическому распредѣленію животныхъ и растеній.

Мы считаемъ достаточнымъ приведеннаго изложенія ученія Дарвина для уясненія сущности этого ученія. Не трудно видѣть, что это ученіе только тогда получитъ право называться теоріей въ полномъ своемъ объемѣ, когда сбудутся его предсказанія, когда будетъ доказано, что особи одного и того же вида всѣ болѣе или менѣе отличаются другъ отъ друга и представляютъ многостороннія личныя особенности, когда будутъ найдены связующія формы между различными группами животнаго или растительнаго царства (нынѣ этихъ формъ не существуетъ,—надо, слѣдовательно, искать ихъ въ ископаемомъ состояніи), и когда, наконецъ, будутъ подобраны факты, указывающіе на переходъ личныхъ уклоненій въ извѣстные *типы* личныхъ уклоненій, т.-е. разновидностей.

Быть-можетъ, читателю покажется страннымъ, что мы отмѣчаемъ необходимость доказать существованіе многостороннихъ личныхъ особенностей, тогда какъ на первыхъ страницахъ этой статьи признали за доказанное существованіе этихъ личныхъ особенностей по отношенію къ домашнимъ животнымъ; но эта странность только кажущаяся. Противники Дарвина вообще не отрицаютъ существованія этихъ особенностей и признаютъ, что человѣкъ можетъ пользоваться ими, чтобы создавать искуственнымъ подборомъ тѣ или другія породы; но многіе изъ нихъ отрицаютъ существованіе такихъ многостороннихъ особенностей въ организмѣ, которыя послужили бы достаточною почвой для естественнаго подбора, что принимаетъ Дарвинъ.

Что же дали въ этомъ направленіи протекшіе со времени появленія первой записки Дарвина 23 года? Возросло ли право Дарвинова ученія на то, чтобы называться теоріей, или оно по-прежнему гипотетично?—Отвѣтъ на это читатель найдетъ въ фактахъ, приводимыхъ ниже сего.

Извѣстный американскій зоологъ І. А. Алленъ произвелъ множество измѣреній по преимуществу птицъ, изъ которыхъ оказывается, что между особями одного и того же вида, взятыми изъ одной и той же мѣстности и, наконецъ, одного и того же пола и возраста, существуетъ громадное различіе въ длинѣ головы, ногъ, крыльевъ, хвоста, отдѣльныхъ перьевъ, обусловливающихъ собою форму крыла, пальцевъ, плюсны, и, наконецъ, въ длинѣ, ширинѣ и толщинѣ клюва, не говоря уже о личныхъ особенностяхъ въ цвѣторасположеніи. Такъ, напримѣръ, у двадцати балтиморскихъ иволгъ (самцовъ) вся длина представляетъ колебанія отъ 175 до 200 миллиметровъ, длина крыла—отъ 86 до 96 миллим., хвоста—отъ 67 до 77, плюсны—отъ 20 до 25, задняго пальца—отъ 15 до 18, средняго—отъ 20 до 25, головы—отъ 37 до 40, длина клюва—отъ 18 до 21 и ши-

рина — отъ 8 до 9 миллим. У Вильсонова дрозда длина крыла представляетъ колебанія отъ 89 до 103 и хвоста — отъ 88 до 100 миллим. У другой птицы (dendroeca coronata) самымъ длиннымъ перомъ бываетъ либо первое, либо второе, либо третье, либо четвертое и т. д., что было провѣрено Алленомъ болѣе чѣмъ на десяти другихъ видахъ. Если такія большія колебанія можно констатировать, взявши только по двадцати особей, то само собою понятно, что при большемъ числѣ особей можно ожидать еще бóльшія колебанія. Но этого и не надо; обратимъ вниманіе только на то, что колебанія въ размѣрахъ различныхъ частей могутъ комбинировать другъ съ другомъ весьма различно, и мы получимъ такое множество личныхъ видоизмѣненій, при которыхъ естественному подбору открывается полный просторъ. Уэллесъ совершенно вѣрно отмѣчаетъ то обстоятельство, что во всякомъ видѣ, т.-е. группѣ особей, признаки которыхъ представляютъ непрерывный рядъ постепенныхъ переходовъ, мы можемъ отличить среднюю, такъ-сказать центральную, группу съ среднимъ развитіемъ характерныхъ признаковъ и двѣ крайнія группы, изъ которыхъ одна характеризуется наибольшимъ развитіемъ тѣхъ же признаковъ, а другая—наименьшимъ. По закону среднихъ чиселъ, центральная группа должна быть особями богаче крайнихъ, хотя бы вдвое или втрое, и пока это отношеніе удерживается, мы въ правѣ предположить, что эта средняя группа наиболѣе приспособлена къ существующимъ условіямъ среды, потому что въ противномъ случаѣ она должна бы уступить свое мѣсто или новой группѣ съ тѣми же признаками, достигающими своего maximum'а, или новой группѣ съ иными признаками и сведенными до minimum'а характерными признаками центральной группы. Само собою разумѣется, что пока условія среды остаются неизмѣненными, то нѣтъ причины центральной группѣ уступать свое мѣсто другой. Но представимъ себѣ, что кое-что въ этихъ условіяхъ измѣнилось, что же будетъ тогда? Для ясности возьмемъ вмѣстѣ съ Уэллесомъ такой примѣръ. Въ извѣстной группѣ птицъ отъ времени до времени появляются особи съ болѣе длинными крыльями, чтò, конечно, даетъ имъ возможность легче избѣгать преслѣдованія непріятеля, и съ болѣе сильнымъ клювомъ, чтò въ свою очередь позволяетъ этимъ особямъ захватывать нѣсколькихъ новыхъ насѣкомыхъ. До тѣхъ поръ, пока ни непріятеля, отъ котораго надо бы скрываться съ помощью болѣе быстраго полета, ни новыхъ насѣкомыхъ, которыхъ можно бы удержать при помощи болѣе сильнаго клюва, нѣтъ,—особи, обладающія этими особенностями, не имѣютъ никакого преимущества въ борьбѣ за существованіе сравнительно съ характерными представителями видоваго типа; но стоитъ только появиться въ странѣ, населенной даннымъ видомъ, непріятелю и новымъ насѣкомымъ, и преимущества уклоняющихся особей сейчасъ же окажутся. Ежегодно на 100 особей съ средними размѣрами приходится отъ 10 до 20 обладающихъ названными уклоненіями, изъ которыхъ каждое полезно само по себѣ и вдвойнѣ полезно тѣмъ особямъ, которыя об-

ладаютъ тѣмъ и другимъ. Имѣя болѣе возможности переживать въ борьбѣ за существованіе и, слѣдовательно, оставлять по себѣ болѣе многочисленное потомство, въ теченіе 20 или 50 лѣтъ уклоняющіяся особи станутъ встрѣчаться въ пропорціи большей, чѣмъ отъ 10 до 20 на сто, и въ непродолжительный періодъ могутъ сдѣлаться преобладающею, по численности, центральною группой новаго вида, вытѣснившаго старый. Такимъ образомъ личныя измѣненія вмѣстѣ съ измѣненіями въ окружающихъ условіяхъ приводятъ къ вымиранію одного вида и происхожденія путемъ естественнаго подбора другаго. Отсюда же ясно и то, что крайне медленное образованіе новаго вида нисколько не необходимо: оно—только слѣдствіе обыкновенно крайне медленно измѣняющихся условій существованія; совершайся эти измѣненія скорѣе—и новообразованіе видовъ пойдетъ скорѣе. Въ данномъ примѣрѣ мы брали группу наиболѣе приспособленную къ даннымъ условіямъ и сказали, что пока существующія условія среды не измѣнятся, нѣтъ причины взятой нами группѣ уступить свое мѣсто другой. Если берется группа наиболѣе приспособленная къ даннымъ условіямъ, причинъ вымиранія ея на самомъ дѣлѣ нѣтъ; но если данная группа приспособлена къ извѣстнымъ условіямъ только лучше другихъ группъ, въ такомъ случаѣ она можетъ быть замѣнена новою группой даже при данныхъ условіяхъ. Дѣло въ томъ, что, по закону наслѣдственности и при стремленіи организмовъ къ измѣнчивости, между особями коренной группы всегда могутъ появиться особи съ какими-либо особенностями болѣе полезными въ борьбѣ за существованіе при данныхъ условіяхъ, но развивающихся въ другомъ направленіи, чѣмъ у особей коренной группы. Если особи съ такими особенностями появились, и ничто собственно не препятствуетъ этому, онѣ въ концѣ концовъ всегда образуютъ новую форму, которая вытѣсняетъ коренную, даже при данныхъ условіяхъ. Такимъ образомъ измѣненіе условій среды для образованія новыхъ видовъ не необходимо и мы должны формулировать это положеніе такъ: при однихъ и тѣхъ же условіяхъ среды существованіе одной и той же формы въ теченіе всего періода неизмѣняемости этихъ условій нисколько не необходимо, но при измѣняемости условій среды смѣна одной группы другою необходима.

Итакъ, особи, находящіяся совершенно внѣ зависимости отъ человѣка, изъ одной мѣстности, одного пола и возраста, представляютъ громадныя личныя видоизмѣненія по своимъ размѣрамъ и по своему цвѣторасположенію. Но помимо такихъ личныхъ видоизмѣненій въ предѣлахъ одного и того же вида существуютъ другія, которыя совершенно заслуживаютъ названія мѣстныхъ, хотя по происхожденію принадлежатъ къ тѣмъ же личнымъ особенностямъ. Такъ, напримѣръ, въ Сѣверной Америкѣ особи птицъ одного и того же вида уменьшаются по мѣрѣ приближенія къ югу и увеличиваются по мѣрѣ приближенія къ сѣверу. Относительно млекопитающихъ дознано, что по крайней мѣрѣ для большинства видовъ суще-

ствуетъ центральная область, гдѣ особи вида достигаютъ maximum'а своей величины; къ сѣверу или къ югу отъ этого центра особи того же вида мельчаютъ. Относительно птицъ извѣстно также то, что у большинства птицъ въ предѣлахъ одного и того же вида клювъ увеличивается и относительно, и абсолютно по мѣрѣ движенія къ югу, что несомнѣнно доказано для quiscalus, ageleus, troglodytes, sciurus и др., у которыхъ болѣе мелкія южныя особи обладаютъ клювомъ бо̀льшихъ размѣровъ, чѣмъ болѣе крупныя сѣверныя. Длинноносый флоридскій воронъ признается даже постоянною разновидностью. Число примѣровъ колебанія величины особей одного и того же вида можно бы значительно увеличить, но мы боимся утомить вниманіе читателя и потому прибавимъ только, что измѣренія самыхъ обыкновенныхъ птицъ постоянно приводили насъ къ такому заключенію. Изъ 22 лично промѣренныхъ нами phyllos. brevirostris stricke мы не нашли двухъ экземпляровъ тождественныхъ по своимъ промѣрамъ и отношенію маховыхъ перваго порядка. Къ тому же результату привели насъ измѣренія сарычей (b. vulgaris, b. vulpinus, b. ferox), сдѣланные г. Сѣверцовымъ промѣры орловъ и др. Цвѣторасположеніе также представляетъ собой массу колебаній, въ зависимости отъ широты и долготы мѣста. Съ приближеніемъ къ югу окраска выигрываетъ въ яркости, желтыя или красныя полосы рѣзче выдѣляются, а темныя поперечныя полосы становятся шире. У птицъ съ бѣлыми пятнами или полосами и тѣ и другія уменьшаются по мѣрѣ приближенія къ югу и иногда исчезаютъ совсѣмъ. Иногда разница при этомъ становится столь большой, что, не имѣя въ рукахъ промежуточныхъ экземпляровъ, сѣверную и южную породу одного и того же вида можно принять за два различныхъ вида. Особи одного и того же американскаго вида съ береговъ Атлантическаго и Тихаго океановъ постепенно выигрываютъ въ яркости окраски по мѣрѣ движенія съ востока на западъ. Нѣкоторыя изъ такихъ уклоненій являются уже хорошо обособленными мѣстными формами и, напримѣръ, thryothorus Bervickii представляетъ двѣ постоянныхъ разности, восточную и западную, весьма различныя между собою по длинѣ клюва. Нѣчто подобное представляютъ собою два близкихъ вида американскихъ снигирей—carpodacus purpureus и carp. californicus, обособившихся уже еще болѣе.

Итакъ, существованіе многостороннихъ личныхъ особенностей у дикихъ животныхъ—не предположеніе, а доказанный фактъ, равно какъ и никѣмъ не оспориваемая борьба за существованіе; другими словами, заключеніе Дарвина, что естественный подборъ замѣняетъ собой у дикихъ животныхъ искуственный подборъ у домашнихъ, не оставляетъ въ своей истинности никакихъ сомнѣній: вопросъ рѣшенъ здѣсь прямыми наблюденіями и измѣреніями.

Посмотримъ, какъ сбываются предположенія Дарвина о связующихъ формахъ между различными группами животныхъ и растеній.

Когда Кювье оспаривалъ теорію измѣняемости видовъ, онъ, какъ извѣстно, особенно сильно опирался на добытыя египетскою экспедиціей муміи нѣкоторыхъ животныхъ, оказавшихся тождественными съ нынѣ живущими въ той странѣ. Примѣръ неизмѣняемости животныхъ формъ въ теченіе такого громаднаго промежутка времени—3—4.000 лѣтъ, какъ казалось великому анатому, несомнѣнно говорилъ за постоянство видовъ. Позднѣе число такихъ примѣровъ значительно увеличилось, и они найдены были среди самыхъ разнообразныхъ группъ животныхъ. Особенною долговѣчностью отличаются нѣкоторые виды моллюсковъ, дошедшихъ до насъ совершенно неизмѣнившимися или едва измѣнившимися отъ древнѣйшихъ геологическихъ эпохъ. Но какъ бы много такихъ примѣровъ ни было, они никакъ не говорятъ противъ измѣняемости видовъ и противъ генеалогическаго ученія вообще. Какъ мы видѣли на предъидущихъ страницахъ, естественный подборъ ведетъ къ новообразованію видовъ, въ большинствѣ случаевъ, только тогда, когда мѣняются условія существованія коренной формы. До тѣхъ поръ, пока условія существованія остаются неизмѣненными, стремленіе коренной формы къ измѣняемости приведетъ къ образованію новой формы только въ такомъ случаѣ, если между особями коренной формы появятся особи лучше приспособленныя къ тѣмъ условіямъ, въ которыхъ живетъ коренная форма. Но если коренная форма сама по себѣ весьма совершенно приспособлена къ извѣстнымъ условіямъ, то нѣтъ никакихъ основаній ей вымирать, такъ какъ она всегда будетъ побѣдительницей въ борьбѣ за существованіе при данныхъ условіяхъ. И мы должны предположить, что потому-то именно и не измѣнились ибисы и крокодилы Египта за 3—4.000 лѣтъ, что они весьма приспособлены къ тѣмъ условіямъ, въ какихъ живутъ теперь.

Но если такимъ образомъ приведенные факты не говорятъ противъ эволюціоннаго ученія, то все-таки не говорятъ они и за него: это—факты безразличные; а для того, чтобъ эволюціонное ученіе могло назваться теоріей, надо добыть факты, прямо говорящіе за него,—надо, чтобы сбылось предсказаніе Дарвина о нахожденіи остатковъ такихъ организмовъ, которые выполняли бы пропасть между различными группами животныхъ, такъ какъ тогда только теорія и пріобрѣтаетъ полную силу, когда не только объясняетъ наблюдаемыя явленія, но и предъугадываетъ тѣ или другія вытекающія изъ нихъ послѣдствія.

Между формами, связующими двѣ или болѣе группы животныхъ, мы должны, строго говоря, отличать двѣ категоріи: формы *переходныя* и формы *промежуточныя*.—Переходными формами должно называть такія, которыя могли развить изъ себя двѣ или болѣе формъ, уклоняясь по двумъ или болѣе направленіямъ; такимъ образомъ подъ переходными формами мы разумѣемъ, строго говоря, прародителей двухъ или болѣе группъ, дѣйствительныя звѣнья цѣпи. Промежуточныя формы совсѣмъ не то: подъ промежуточными формами мы разумѣемъ такія, которыя, неся на себѣ всѣ

несомнѣнно характерные признаки какой-нибудь группы, тѣмъ не менѣе сохраняютъ немногіе признаки другой родственной группы, слѣдовательно не болѣе какъ уклоняющіяся въ извѣстномъ направленіи формы уже рѣзко обособленной группы. Если большія группы царства животныхъ и растеній произошли точно такъ же, какъ виды происходятъ изъ разновидностей, въ такомъ случаѣ, несмотря на всю неполноту геологической лѣтописи, мы должны ожидать встрѣтить хоть нѣкоторыя изъ нихъ. Ожиданія эти подтвердились блестящимъ образомъ. Начнемъ съ двухъ большихъ группъ животнаго царства—птицъ и чешуйчатыхъ гадовъ.

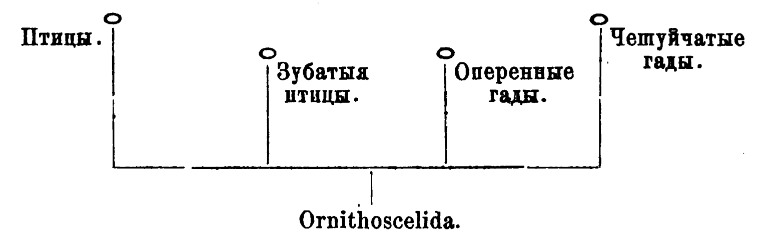
Читатель, безъ сомнѣнія, согласится съ тѣмъ, что въ настоящее время группа птицъ отличается отъ группы чешуйчатыхъ гадовъ очень рѣзко. Всѣ нынѣ живущія птицы покрыты перьями; у всѣхъ у нихъ переднія конечности измѣнены весьма странно и превращены въ крылья, съ помощью которыхъ большинство ихъ можетъ летать; онѣ ходятъ прямо на заднихъ конечностяхъ и въ послѣднихъ точно также можно найти массу анатомическихъ особенностей, съ которыми мы не встрѣчаемся въ конечностяхъ чешуйчатыхъ гадовъ. Съ другой стороны ни у одного изъ нынѣ живущихъ чешуйчатыхъ гадовъ нѣтъ перьевъ: у нихъ кожа или голая, или покрыта роговыми чешуями, или костяными пластинками, или и тѣми и другими. Крыльевъ у нихъ нѣтъ и они точно также не могутъ летать съ помощью своихъ переднихъ конечностей, какъ и ходить прямо на заднихъ; равнымъ образомъ и въ костяхъ послѣднихъ мы не находимъ тѣхъ особенностей, съ которыми встрѣчаемся у птицъ. Повторяю, это двѣ группы—совершенно ясно раздѣленныя, хотя сравнительная анатомія и говоритъ намъ, что между ними есть кое-что общее.

Изслѣдуя остатки птицъ изъ третичныхъ пластовъ, мы находимъ, что никакой существенной разницы между нынѣ живущими птицами и птицами третичныхъ пластовъ нѣтъ,—что, другими словами, признаки, которыми мы опредѣляемъ классъ птицъ по нынѣ живущимъ представителямъ его, достаточны для опредѣленія этого класса, если взять и третичныхъ птицъ. Но, спускаясь дальше, во вторичные слои, въ мѣлѣ мы встрѣчаемся съ такими формами птицъ, которыя уже не подходятъ подъ опредѣленіе нынѣ живущихъ формъ. Въ мѣловыхъ отложеніяхъ западной части Сѣверной Америки г. Маршъ нашелъ птицу, которую назвалъ hesperornis. Она была отъ 5 до 6 футовъ длины и походила по своему складу на нынѣшнихъ гагаръ; но у нея была особенность, которой мы не встрѣчаемъ ни у одной изъ нынѣ живущихъ птицъ или третичныхъ, это—зубы. Ея длинныя челюсти были вооружены зубами съ загнутыми коронками и толстыми корнями, которые сидѣли въ одной общей бороздѣ. Отличаясь этою особенностью отъ нынѣ живущихъ птицъ, hesperornis вмѣстѣ съ тѣмъ приближается, благодаря ей, къ чешуйчатымъ гадамъ. Но hesperornis—несомнѣнная птица и, внося ее въ классъ птицъ, мы должны измѣнить опредѣленіе этого класса: теперь уже нельзя сказать, что классъ

птицъ характеризуется отсутствіемъ зубовъ, чтó рѣзко отличаетъ его отъ класса чешуйчатыхъ гадовъ, а можно сказать, что птицы нынѣшнія и третичныхъ слоевъ не имѣютъ зубовъ, но птицы вторичныхъ слоевъ имѣютъ зубы, чтó уже приближаетъ ихъ къ чешуйчатымъ гадамъ. Та же особенность существуетъ и у другой птицы, ichtyornis, но у нея зубы сидятъ не въ общей бороздѣ, а каждый въ своей собственной ячейкѣ, и кромѣ того крылья у этой птицы были развиты такъ мало, что она должна была въ высшей степени походить на пингвиновъ. Кромѣ того у ichtyornis были двояко-выгнутые позвонки, чего опять-таки нѣтъ ни у одной изъ нынѣшнихъ и третичныхъ птицъ и что еще болѣе сближаетъ птицъ съ чешуйчатыми гадами. Но какъ hesperornis и ichtyornis выполняютъ отчасти пропасть между нынѣшними птицами и чешуйчатыми гадами со стороны птицъ, точно такъ же archaeopterix выполняетъ ту же пропасть со стороны чешуйчатыхъ гадовъ. Archaeopterix найденъ въ такъ-называемыхъ Соленгофенскихъ сланцахъ (Юрской формаціи) и только въ двухъ экземплярахъ. Одинъ экземпляръ найденъ уже сравнительно давно (въ 1861 г.), но имѣетъ важный недостатокъ—онъ безъ черепа; другой найденъ лѣтъ 5 — 6 тому назадъ и какъ разъ въ немъ хорошо сохранились тѣ части, которыя сильно пострадали у перваго экземпляра. Первый экземпляръ, принадлежащій Британскому музею, описанъ извѣстнымъ англійскимъ анатомомъ Оуэномъ, второй, купленный Германіей, сколько я знаю, до сихъ поръ не описанъ подробно и все, что о немъ извѣстно, заключается въ небольшой статьѣ Карла Фохта, помѣщенной въ Revue Scientifique за 1879 г., № 11. По Фохту, archaeopterix—несомнѣнный гадъ, но читатель, конечно, удивится, когда я скажу, что archaeopterix покрытъ перьями. Что особенно обращаетъ на себя вниманіе въ этомъ странномъ существѣ, такъ это длинный, состоящій изъ многихъ позвонковъ, хвостъ, который съ обѣихъ сторонъ покрытъ перьями. Резюмируя вкратцѣ все сказанное Фохтомъ объ archaeopterix, легко видѣть, что это существо по головѣ, шеѣ, туловищу, хвосту и переднимъ конечностямъ приближается къ чешуйчатымъ гадамъ, а по присутствію перьевъ и по устройству заднихъ конечностей—къ птицамъ; поясы переднихъ и заднихъ конечностей сохранились плоховато и о нихъ трудно сказать что-либо опредѣленное. Такимъ образомъ archaeopterix по перьямъ и заднимъ конечностямъ настолько уже отличается отъ нынѣшнихъ reptilia, насколько hesperornis и ichtyornis отличаются по присутствію зубовъ, а послѣдній по двояко-выгнутымъ позвонкамъ—отъ птицъ, и, давая опредѣленія классамъ птицъ и чешуйчатыхъ гадовъ, со включеніемъ въ нихъ зубатыхъ птицъ и опереннаго гада, мы дадимъ опредѣленія уже далеко не такъ разнящіяся одно отъ другаго, какъ опредѣленія, составленныя исключительно по нынѣшнимъ и третичнымъ птицамъ и гадамъ; пропасть, раздѣляющая эти два класса, уменьшается, но тѣмъ не менѣе зубатыя птицы и оперенный гадъ еще не закрываютъ ее со-

всѣмъ: это—формы только *промежуточныя*, но не *переходныя*. Но существованіе промежуточныхъ формъ вообще указываетъ на сродство группъ, промежутокъ между которыми онѣ выполняютъ, и потому открытіе hesperornis, ichtyornis и archaeopterix говоритъ за то, что между птицами и чешуйчатыми гадами дѣйствительно есть переходныя формы. Блестящія изслѣдованія Гёксли подтверждаютъ справедливость этого предположенія. Я не могу останавливаться на этомъ вопросѣ подробно, такъ какъ въ такомъ случаѣ мнѣ пришлось бы затронуть нѣкоторыя утомительныя подробности, но скажу коротко, что черезъ весь рядъ вторичныхъ формацій отъ тріаса до мѣла разсѣяны остатки животныхъ, относимыхъ въ группу ornithoscelida. Есть основаніе предполагать, что эти животныя существовали еще и въ первичныхъ формаціяхъ, но, какъ бы то ни было, полный скелетъ одного изъ этихъ существъ (compsognathus) и многочисленные остатки другихъ говорятъ за то, что эти животныя имѣютъ право считаться дѣйствительно переходною формой между нынѣшними птицами и чешуйчатыми гадами, такъ какъ построены такимъ образомъ, что занимаютъ совершенно среднее мѣсто между тѣми и другими и, развиваясь въ двухъ направленіяхъ, могли дать изъ себя ту и другую группу. Профессоръ Гёксли говоритъ, что, напримѣръ, по устройству заднихъ конечностей ornithoscelida совершенно представляютъ собою птицу, только-что вышедшую изъ яйца. Вѣроятно, нѣкоторыя ornithoscelida ходили на заднихъ конечностяхъ, и нѣтъ ничего невозможнаго въ томъ, что слѣды, во множествѣ находимые въ песчаникахъ долины Коннектикута, оставлены какими-либо подобными животными.

Такимъ образомъ генеалогія птицъ и чешуйчатыхъ гадовъ въ общихъ чертахъ можетъ быть выражена такой схемой:

Коренная форма (ornithoscelida), зубатыя птицы и оперенные гады, какъ хуже приспособленные къ окружающимъ ихъ условіямъ, сравнительно съ настоящими птицами и чешуйчатыми гадами, вымерли и остались только нынѣ рѣзко раздѣленные классы птицъ и чешуйчатыхъ гадовъ, которые, несмотря на все свое несходство теперь, какъ говоритъ намъ палеонтологія, произошли отъ общаго прародича.

Переходимъ къ другому примѣру, подтверждающему справедливость генеалогическаго ученія.

Въ классѣ звѣрей есть двѣ группы, въ настоящее время весьма рѣзко обособленныя одна отъ другой, копытныя парнопалыя, куда относятся, и

примѣръ, свинья, гиппопотамъ, жираффъ и другія, и непарнопалыя, къ которымъ принадлежатъ лошадь, носороги и тапиры. Теперь между этими двумя группами нѣтъ переходовъ; но если генеалогическое ученіе вѣрно, то мы должны ждать переходовъ отъ одной группы къ другой, или, выражаясь точнѣе, найти свидѣтельства въ пользу того, что та и другая группа произошли отъ обыкновенныхъ пятипалыхъ млекопитающихъ. Посмотримъ, что даютъ палеонтологическія изысканія въ этомъ направленіи, и для этого возьмемъ предметомъ нашего изученія группу лошадей, типомъ которой можетъ служить наша обыкновенная домашняя лошадь. Начнемъ съ конечностей. У большинства четвероногихъ, какъ и у человѣка, предплечье образовано двумя отдѣльными костями, изъ которыхъ однаноситъ названіе radius, другая—ulna. У лошади предплечье образовано на первый взглядъ одною костью, но при тщательномъ осмотрѣ послѣдней оказывается, что въ ней можно отличить одну часть, соотвѣтствующую верхнему концу ulna. Эта часть тѣсно соединена съ костью, соотвѣтствующею radius'у, и обыкновенно на нѣкоторомъ разстояніи идетъ вдоль него, но потомъ прекращается. Еще труднѣе показать, что небольшая часть нижняго конца кости предплечья лошади, которая бываетъ обособлена только у очень молоденькаго жеребенка, соотвѣтствуетъ нижнему концу ulna; но это такъ. Конечный отдѣлъ передней ноги лошади состоитъ изъ сильно развитой основной кости средняго пальца и трехъ костей, слѣдующихъ другъ за другомъ и составляющихъ фаланги средняго пальца. По бокамъ основной кости средняго пальца лежатъ двѣ косточки—основныя косточки втораго и четвертаго пальца, отъ которыхъ только онѣ однѣ и остаются; большаго и пятаго пальца совсѣмъ нѣтъ. Совершенно по тому же плану устроены и заднія конечности. У большинства четвероногихъ, какъ и у человѣка, въ берцовомъ отдѣлѣ двѣ кости: большая—tibia и маленькая тонкая—fibula. У лошади отъ fibula на первый взглядъ остается только верхній конецъ, но при изслѣдованіи берцоваго отдѣла жеребенка оказывается, что у него есть и нижній конецъ fibula, въ видѣ самостоятельной косточки, только она позднѣе сростается съ нижнимъ концомъ tibia. Конечный отдѣлъ задней ноги лошади совершенно подобенъ соотвѣтствующему отдѣлу переднихъ конечностей.

Читателю, безъ сомнѣнія, извѣстно, что когда испанцы впервые высадились въ Америку, они не нашли тамъ лошадей: лошадей при открытіи европейцами Америки не было въ этой странѣ и тѣ безчисленные табуны мустанговъ, которые теперь носятся по преріямъ Сѣверной Америки или пампасамъ или льяносамъ Южной—одичавшіе потомки ввезенныхъ испанцами европейскихъ лошадей. Тѣмъ неожиданнѣй была находка г. Марша, открывшаго въ третичныхъ отложеніяхъ Сѣверной Америки многочисленные остатки лошадей. Оказалось, что лошади въ теченіе всего третичнаго періода во множествѣ населяли названную страну и вымерли тамъ только при началѣ четверичной эпохи, отъ какихъ-то, пока намъ неизвѣстныхъ, причинъ.

Но, мало этого, находка г. Марша говоритъ, что если расположить остатки лошадей третичной эпохи въ томъ порядкѣ, какъ они въ нихъ улегаютъ, то получается замѣчательный рядъ, который, начинаясь современной намъ однопалою лошадью, приводитъ къ лошади, у которой на переднихъ конечностяхъ было четыре пальца, а па заднихъ—три. Такъ у пліоценовой pliohippus въ строеніи конечностей и зубовъ существуютъ только небольшія уклоненія отъ современной лошади; у пліоценовой же protohippus второй и четвертый пальцы развиты гораздо больше, чѣмъ у нынѣшнихъ лошадей, и состоятъ каждый изъ трехъ суставовъ. У пліоценовой miohippus три пальца полныхъ, гораздо болѣе развитыхъ, чѣмъ у protohippus и на переднихъ конечностяхъ едва замѣтный зачатокъ пятаго пальца. У mesohippus изъ нижнихъ міоценовыхъ слоевъ зачатокъ пятаго пальца (мизинца) на переднихъ конечностяхъ замѣтенъ совершенно ясно, а ulna и radius—двѣ обособленныя на всемъ своемъ протяженіи кости, до чего отъ неполной ulna нынѣшнихъ лошадей они доходятъ рядомъ постепенныхъ переходовъ черезъ plio-proto и miohippus. Наконецъ, у эоценовой orohippus мы находимъ на переднихъ конечностяхъ четыре вполнѣ развитыхъ пальца, на заднихъ—три и вполнѣ развитыя и обособленныя ulna и fibula. На этомъ рядъ лошадей пока прерывается; но нѣтъ никакого сомнѣнія, что, спускаясь въ болѣе отдаленные слои, напримѣръ, мѣловой, удастся открыть послѣдніе посредствующіе члены между нынѣшними однопалыми лошадьми и пятипалыми четвероногими.

Я бы могъ привести еще рядъ фактовъ, свидѣтельствующихъ о томъ, какія блестящія доказательства въ пользу генеалогическаго ученія дала палеонтологія, но ограничусь только упоминаніемъ наиболѣе выдающихся изъ нихъ: это—генеалогія хищниковъ, по изслѣдованіямъ Фильоля, и построеніе генеалогическаго древа группы крокодиловъ.

Такимъ образомъ и второе затрудненіе, выставлявшееся противниками Дарвина какъ доказательство въ пользу того, что это ученіе—только гипотеза, удалено.

Остается третье и послѣднее: можно ли наблюдать переходъ личныхъ особенностей въ извѣстные *типы* личныхъ особенностей.

Изъ боязни утомить читателя я не стану останавливаться на этомъ вопросѣ даже настолько, насколько это мною сдѣлано по отношенію къ двумъ другимъ, и ограничусь только сообщеніемъ нѣсколькихъ фактическихъ данныхъ; но прежде, чѣмъ сообщить эти данныя, поставимъ самый вопросъ объ обособленіи извѣстныхъ типовъ личныхъ особенностей какъ слѣдуетъ. По Дарвину, какая-нибудь группа А, въ извѣстное время содержитъ въ себѣ помимо типичныхъ особей a, a, a, a... уклоняющіяся b, c, d, e... и т. д. Въ извѣстное время, при измѣненіи условій существованія, какія-нибудь изъ этихъ уклоняющихся особей, наприм. b и d, могутъ оказаться лучше приспособленными къ борьбѣ за существованіе, чѣмъ

типичныя a, a, a..., и оставятъ болѣе многочисленное потомство, чѣмъ послѣднія. Если условія измѣняются во всей мѣстности, занятой группой A, одинаково, въ такомъ случаѣ прослѣдить переходъ этой группы въ другую является въ большинствѣ случаевъ возможнымъ только палеонтологическимъ путемъ, такъ какъ вырожденіе одного вида въ другой совершается не настолько быстро, чтобъ измѣрять его годами и, слѣдовательно, непосредственно наблюдать. Хотя палеонтологія и дала въ этомъ отношеніи нѣкоторые результаты, наприм. по отношенію къ группѣ аммонитовъ, но эта сторона вопроса, безъ сомнѣнія, еще ждетъ большей разработки отъ будущаго. Но можетъ быть и иначе, когда условія въ области, занятой группой A, измѣняются различно въ различныхъ частяхъ ея и когда, слѣдовательно, въ одной части области можно надѣяться встрѣтить типичныя особи a, a, a... и уклоняющіяся b, c, d, e... и т. д., а въ другихъ частяхъ уже обособившіяся группы B (изъ уклоняющихся особей b, b, b...), C (изъ уклоняющихся особей c, c, c...) и т. д. Вотъ если такое распаденіе группы A на другія и указанное распредѣленіе этихъ уклоняющихся другихъ существуетъ, въ такомъ случаѣ смѣло можно сказать, что мы имѣемъ дѣло съ переходомъ личныхъ особенностей въ извѣстные типы личныхъ особенностей, которые правильнѣе назвать породами, но которые иногда возводятся въ систематикѣ на степень даже видовой самостоятельности. Приведу одинъ или два примѣра, подтверждающіе то, что этотъ переходъ дѣйствительно существуетъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ, слѣдовательно, мы наблюдаемъ его. Въ большей части Европейской Россіи распространенъ одинъ видъ хищника изъ группы сарычей, такъ-называемый *малый канюкъ*, между типичными особями котораго въ разныхъ мѣстностяхъ встрѣчаются особи съ густорыжимъ хвостомъ и вообще большимъ развитіемъ рыжаго цвѣта на всѣхъ перьяхъ тѣла. Въ Европейской Россіи такія особи—единицы, на Кавказѣ краснохвостые канюки встрѣчаются уже нормально и являются такимъ образомъ обособившейся мѣстною породой. Въ томъ же видѣ малаго канюка кромѣ типичныхъ и краснохвостыхъ существуютъ еще другіе типы личныхъ особенностей, но они мало выдѣлились и не обособились даже въ группы особей съ извѣстными постоянными личными особенностями. Напротивъ, въ близкомъ видѣ большаго *степнаго канюка* нѣсколько группъ особей съ извѣстными постоянными личными особенностями выдѣлились, но, встрѣчаясь во всей области распространенія вида, не пріобрѣли значенія мѣстныхъ породъ. Подобнымъ образомъ и въ группѣ орловъ нашъ *подорликъ* образовалъ уже нѣсколько типовъ личныхъ особенностей, и изъ нихъ одинъ или два только едва обособляющіеся въ мѣстную породу, а малый подорликъ распался на нѣсколько мѣстныхъ породъ. Число относящихся сюда примѣровъ можно увеличить значительно; но такъ какъ подобныя подробности могутъ быть интересны только для спеціалистовъ, то подведемъ итоги всему сказанному до сихъ поръ.

Итакъ, что дали 23 года въ исторіи эволюціоннаго ученія?—Они доказали существованіе такого запаса личныхъ особенностей у дикихъ животныхъ, какой дѣлаетъ совершенно возможнымъ выработку естественнымъ подборомъ формъ, приспособленныхъ къ различнымъ условіямъ существованія. Они доказали существованіе переходныхъ формъ между различными группами животныхъ и растеній и, наконецъ, показали, что выработка видовъ естественнымъ подборомъ не только возможна, но и на самомъ дѣлѣ совершается на нашихъ глазахъ. Слѣдовательно, сущность эволюціоннаго ученія въ настоящее время настолько разработана, что это ученіе по справедливости должно назваться теоріей, а не гипотезой, такъ какъ оно обладаетъ однимъ изъ коренныхъ свойствъ всякой теоріи, именно можетъ заранѣе предсказывать, хотя и въ общихъ чертахъ, что можетъ дать намъ палеонтологія. Если принять во вниманіе, что біологія по существу своему не можетъ быть отнесена къ категоріи точныхъ наукъ, въ такомъ случаѣ понятно значеніе Дарвина, который данными имъ пріемами изслѣдованія въ двадцать лѣтъ поднялъ біологію на такую высоту, на какую ее не возвели протекшія до того столѣтія. Съ этой стороны, повторяемъ, значеніе Дарвина можетъ равняться только значенію Ньютона, и на враговъ Дарвина мы не можемъ смотрѣть иначе, какъ на враговъ науки и истины. Но мало того, что за протекшее двадцатилѣтіе разработана сущность эволюціоннаго ученія, біологами намѣченъ даже надолго впередъ путь для ихъ работъ. Такъ одна изъ ближайшихъ задачъ—выяснить, какимъ образомъ, подъ вліяніемъ какихъ факторовъ возникаютъ личныя особенности, дающія собою почву естественному подбору—потребуетъ, безъ сомнѣнія, много лѣтъ упорнаго труда. Но и помимо того при разработкѣ эволюціоннаго ученія встрѣтится много темныхъ вопросовъ, освѣтятъ которые только позднѣйшіе біологи. Въ томъ-то и заслуга новаго ученія, что оно зрѣло и жизненно.

Михаилъ Мензбиръ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Интендантскія крысы и морскіе врачи.

Въ послѣднее время вниманіе общества было поглощено крупными судебными процессами, которые дали богатый матеріалъ для характеристики нравственной распущенности, которая господствуетъ въ средѣ служилыхъ людей. Всякая нравственная гадость, какую только можно представить себѣ, со всѣхъ сторонъ опутала чиновный міръ, до мозга костей развращенный тѣмъ принципомъ произвола, который ищетъ опоры въ служиломъ мірѣ и взамѣнъ того самъ поддерживаетъ его. Развратные въ сферѣ частной жизни, чиновники сплошь да рядомъ видятъ въ службѣ одно лишь средство для удовлетворенія самыхъ низменныхъ и гнусныхъ инстинктовъ. Для распутства имъ нужны деньги—и деньги добываются взяточничествомъ и казнокрадствомъ. Какъ голодная стая волковъ, они бросаются на своихъ же собратовъ и пожираютъ другъ друга. Тутъ одинаково гадкими и позорными являются лица, повидимому не имѣющія ничего общаго между собой, начиная отъ высокопоставленныхъ лицъ до самыхъ ничтожныхъ писарей, отъ высокообразованныхъ людей, обладающихъ учеными дипломами, до безграмотныхъ подъячихъ; на всѣхъ ихъ приказная среда наложила одну и ту же печать Каина, внушающую нравственное отвращеніе къ нимъ въ каждомъ порядочномъ человѣкѣ. Въ такомъ именно смыслѣ обрисовывается предъ нами чиновничество преимущественно въ двухъ крупныхъ процессахъ—объ интендантахъ Рущукскаго отряда и о генералъ-штабъ-докторѣ флота Бушѣ.

Одинъ изъ обвинявшихся по дѣлу объ интендантахъ Рущукскаго отряда называлъ себя «старою интендантскою крысой». Онъ употреблялъ это названіе не въ томъ смыслѣ, что, подобно крысѣ, пожиралъ народное достояніе, но хвастливо передавалъ этими словами свою воровскую опытность и умѣнье хоронить концы и выходить сухимъ изъ воды. И дѣйствительно, привлеченные къ суду интенданты Рущукскаго отряда употребили всѣ усилія для того, чтобы компрометирующіе ихъ факты, по возможности, производили менѣе сильное впечатлѣніе на общество. Благодаря этому, хотя процессъ ихъ и кончился обвиненіемъ въ самыхъ возмутительныхъ преступленіяхъ, но оказался очень бѣденъ такими бытовыми чертами, которыя бы ярко и рельефно характеризовали всю глубину

нравственнаго паденія преступниковъ. Поэтому мы не станемъ излагать утомительныя, мелочныя подробности о получаемыхъ интендантами взяткахъ, превышеніяхъ власти, подлогахъ и т. п. Вмѣсто же того, для характеристики интендантовъ, мы припомнимъ замѣчательное по богатству бытовыхъ подробностей, годъ тому назадъ разбиравшееся въ петербургскомъ военномъ судѣ, дѣло смотрителя бухарешто-котроченскаго продовольственнаго склада, Хвощинскаго.

Въ 1878 году интендантское управленіе заключило со Штраусомъ контрактъ, по которому тотъ обязался, въ трехмѣсячный срокъ, поставить въ Систово полтора милліона раціоновъ конскихъ консервовъ. Для приготовленія консервовъ была устроена въ Питешти фабрика, на которую былъ назначенъ интендантскій чиновникъ, Цвецинскій, для наблюденія за приготовленіемъ консервовъ. Сначала мѣстомъ сдачи консервовъ было назначено Систово, но вскорѣ интендантъ Россицкій, въ противность контракту, распорядился, чтобъ они сдавались въ Бухарештѣ, а отсюда доставлялись въ Систово на казенный счетъ. Между тѣмъ интендантство страдало крайнимъ недостаткомъ перевозочныхъ средствъ, такъ что подводъ нельзя было найти ни за какія деньги. Такимъ образомъ доставленные въ Бухарештъ конскіе консервы невозможно было перевезти отсюда въ Систово, вслѣдствіе чего они въ громадномъ количествѣ, стоимостью на 4.000.000 рублей, остались въ Бухарештѣ и послѣ были проданы за 33.000 кредитныхъ рублей. Кромѣ конскихъ консервовъ въ бухарештскомъ продовольственномъ складѣ находилось множество и другихъ продуктовъ, такъ что въ немъ постоянно было казеннаго имущества не менѣе какъ на 5.000.000 рублей.

Въ Бухарештѣ шла шумная и веселая жизнь. Военные безумно сорили деньгами въ то время, какъ страшная дороговизна рѣшительно на все приводила въ полное отчаяніе людей со скромными средствами и привычками. Дороговизна была такая ужасная, что даже генералы, получавшіе хорошее содержаніе, занимали скромныя квартиры въ одну комнату. Въ это время общее вниманіе всѣхъ бухарештскихъ жителей было обращено на поручика Хвощинскаго, который изумлялъ роскошною жизнью и безумными тратами. Онъ нанималъ за 500 руб. въ мѣсяцъ роскошную квартиру въ 5—6 комнатъ на одной изъ лучшихъ улицъ Бухарешта, имѣлъ великолѣпныхъ лошадей и экипажъ, платилъ одной прислугѣ до 28 полуимперіаловъ. Онъ жилъ въ то время съ одесскою актрисой Колосовою, которая была всѣмъ извѣстна подъ именемъ «брилліантовой дамы». И точно, это названіе какъ разъ шло къ ней: она дивила всѣхъ роскошью своихъ нарядовъ и въ безумной расточительности дошла до того, что, не зная, куда еще надѣвать брилліанты, стала носить ихъ на башмакахъ. Своимъ знакомымъ Хвощинскій задавалъ лукулловскіе пиры; разъ онъ далъ завтракъ, который обошелся въ 45.000 руб. Ежедневный обыкновенный его расходъ на столъ простирался до двухъ съ половиной полуимперіа-

ловъ; онъ не отказывалъ себѣ ни въ чемъ и разъ навсегда отдалъ приказаніе повару, чтобы къ столу ежедневно подавалась дичь, какъ бы дорого она ни стоила. Хвощинскаго можно было постоянно видѣть въ театрахъ и во всѣхъ увеселительныхъ мѣстахъ, гдѣ для него нарочно оставлялись самыя лучшія мѣста; въ театрѣ за ложу онъ платилъ по 35 рублей, а когда бывалъ въ креслахъ, то всегда сидѣлъ впереди всѣхъ, такъ что многіе этимъ возмущались. Кто же такой былъ этотъ Хвощинскій?... Въ концѣ 50-хъ годовъ онъ служилъ въ военной службѣ, а затѣмъ съ 1860 года по 1877 годъ находился въ отставкѣ. Въ январѣ 1877 года онъ опять поступилъ на службу помощникомъ начальника одного изъ казенныхъ транспортовъ, на обязанности котораго лежало перевозить продукты изъ одного склада въ другой. Прослуживъ 5—6 мѣсяцевъ, онъ уволился въ отпускъ, по возвращеніи изъ котораго поступилъ въ канцелярію, но оказался здѣсь совершенно негоднымъ по безграмотности. Однако эта безграмотность не помѣшала ему получить мѣсто смотрителя бухарешто-котроченскаго продовольственнаго склада. По должности смотрителя онъ получалъ 150 р. въ мѣсяцъ, своего состоянія не имѣлъ, а между тѣмъ расходовалъ... Читатель уже видѣлъ, какую безумно-расточительную жизнь онъ велъ. Откуда же онъ бралъ деньги? Слѣдствіемъ обнаруженъ большой недостатокъ и недоброкачественность продовольственныхъ продуктовъ въ бухарештскомъ складѣ. Это обстоятельство, конечно, служитъ само по себѣ отвѣтомъ на поставленный нами вопросъ, но, къ сожалѣнію, лишено той яркости красокъ, которая необходима для того, чтобы бытовое явленіе сдѣлалось вполнѣ понятнымъ обществу. Поэтому, отвѣчая на вопросъ: откуда Хвощинскій бралъ деньги для роскошной жизни?—мы умолчимъ о злоупотребленіяхъ его по управленію продовольственнымъ складомъ, а вмѣсто того разскажемъ кое-что о писарѣ его Боренѣ.

Чиновникъ Цвецинскій, приставленный для наблюденія за приготовленіемъ конскихъ консервовъ на фабрикѣ Штрауса, откуда они поставлялись въ бухарештскій продовольственный складъ,—почему-то счелъ нужнымъ вызвать изъ Луцка своего знакомаго Борена, котораго рекомендовалъ на службу къ бывшему смотрителю бухарештскаго склада Воробьеву. У Воробьева Боренъ служилъ вольнонаемнымъ писаремъ, получая за это 45 руб. въ мѣсяцъ при готовомъ столѣ и квартирѣ. Смѣнивши Воробьева, Хвощинскій оставилъ при себѣ Борена, обѣщая ему платить въ мѣсяцъ до 300 р., «смотря по доходамъ», какъ онъ выразился; Боренъ отъ себя нанялъ помощника, которому заплатилъ за два мѣсяца 500 р. Въ теченіе своей писарской службы у Хвощинскаго, Боренъ, кромѣ жалованья, имѣлъ большіе доходы отъ подрядчиковъ—Захарина, Шемилева, Варшавскаго, Муханова, Штрауса, отъ товарищества «Грегеръ, Горвицъ и Коганъ», отъ Фелькенгагена и другихъ мелкихъ поставщиковъ. Всѣ они платили ему среднимъ числомъ до 100 р. за каждую квитанцію. Изъ за-

писной книжки Борена видно, что онъ получалъ отъ подрядчиковъ по 100 р., 1.000 р. и даже 3.000 р. Кромѣ того, онъ получалъ отъ Фаерштейна, агента Варшавскаго по перевозкѣ въ склады продуктовъ, 200 руб. жалованья въ мѣсяцъ. Такимъ образомъ, въ продолженіе одиннадцатимѣсячной службы, онъ заработалъ 40.000 руб. Если вольнонаемный писарь при смотрителѣ продовольственнаго склада могъ нажить такія деньги отъ подрядчиковъ, то само собою разумѣется, что въ нѣсколько разъ больше того получалъ самъ смотритель Хвощинскій, ибо нѣтъ сомнѣнія, что онъ бралъ взятки болѣе крупными кушами, чѣмъ писарь его Боренъ. А если такъ, то какими же кушами бралъ взятки рущукскій отрядный интендантъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Макшеевъ? По 4-му пункту судебнаго приговора онъ обвиненъ въ томъ, «что въ январѣ 1887 года, состоя въ должности систовскаго мѣстнаго интенданта и за отсутствіемъ по дѣламъ службы изъ Систова интенданта арміи тайнаго совѣтника Россицкаго, завѣдуя, на основаніи приказа, оставшимся въ Систовѣ полевымъ интендантствомъ, онъ, зная настоятельную необходимость немедленнаго пополненія продовольственными припасами прибалканскихъ складовъ товариществомъ по продовольствію арміи по данному ему, 4-го ноября 1877 года, наряду, онъ, Макшеевъ, вслѣдствіе полученія отъ товарищества взятки въ размѣрѣ на судѣ не выясненномъ, разрѣшилъ ему сдать эти припасы въ Зимницѣ за счетъ упомянутыхъ складовъ, подъ предлогомъ доставленія этихъ припасовъ по назначенію средствами интендантства, хотя сознавалъ, что, въ виду разстройства транспортовъ, продовольственные запасы изъ Зимницы не могли быть перевезены по назначенію, послѣдствіемъ чего было то, что принятые въ Зимницѣ припасы не были въ свое время сполна отправлены въ прибалканскіе склады и частью подверглись порчѣ, причинивъ казнѣ значительный ущербъ». На судѣ не выяснилось, какъ велика была взятка, полученная Макшеевымъ съ товарищества; однако, по нѣкоторымъ показаніямъ, въ Систовѣ ходили слухи, что онъ получилъ съ товарищества 300.000 руб. И этотъ громадный кушъ былъ не единственною взяткой, полученною Макшеевымъ. По первому пункту судебнаго приговора онъ признанъ виновнымъ въ томъ, «что, въ бытность рущукскимъ отряднымъ интендантомъ, съ 23-го іюня по 28 декабря 1877 г., онъ при производствѣ въ то время, по его распоряженію, чрезъ состоявшихъ при немъ чиновниковъ Шестакова и Карасевича, наличныхъ покупокъ, получалъ, чрезъ посредство ихъ, отъ продавцовъ продуктовъ въ даръ деньги, въ размѣрѣ на судѣ не выясненномъ, для допущенія, въ противность обязанностямъ службы, послабленій при исполненіи продавцами ихъ операцій, между прочими — предоставленіемъ имъ подводъ казенныхъ транспортовъ предпочтительно предъ товариществомъ по продовольствію арміи». Къ сожалѣнію, размѣръ взятки опять не былъ выясненъ на судѣ, а слухамъ плохо вѣрятъ наивные люди, въ родѣ морскаго врача Коржавина, который никакъ не могъ примирить

съ мыслію, что такое высокопоставленное лицо, какъ флота генералъ-штабъ-докторъ Бушъ, беретъ взятки подобно послѣднему подъячему.

Врачъ Коржавинъ—человѣкъ въ высшей степени наивный. Тепло, хорошо живется ему, и онъ убѣжденъ, что все идетъ прекрасно въ этомъ прекрасномъ мірѣ. Даже когда ему приходится стукнуться лбомъ о житейскую гадость, и тутъ, раскроивши черепъ, онъ въ концѣ концовъ мирится съ этой непріятностью и, какъ ни въ чемъ ни было, повторяетъ свою старую пѣсню: «все идетъ къ лучшему въ этомъ наилучшемъ изъ міровъ». И точно, для него все къ лучшему. Замѣтили, напримѣръ, что Коржавинъ бойко владѣетъ перомъ,—какъ это мило и пріятно Коржавину! Попросили Коржавина написать статейку въ похвалу начальника его, генералъ-штабъ-доктора флота, тайнаго совѣтника Буша, — Боже мой, какая честь для Коржавина писать о такомъ высокопоставленномъ лицѣ! — и Коржавинъ написалъ хвалебную статейку и напечаталъ ее въ *Кронштадтскомъ Вѣстникѣ*. Статья имѣла успѣхъ,—автора произвели въ старшіе врачи.

— За эту хвалебную статью вы и получили мѣсто старшаго врача?— спросилъ на судѣ прокуроръ у Коржавина.

— Это не хвалебная,—нѣтъ!—горячо возразилъ Коржавинъ, удивленнымъ взглядомъ посматривая на публику и не понимая, почему она вдругъ разразилась такимъ громкимъ, такимъ заразительно-веселымъ хохотомъ. И вдругъ, какъ будто припомнивши что-то, онъ прибавилъ:—Дѣйствительно, одинъ докторъ замѣтилъ мнѣ, что тутъ была похвала, — ну, я потомъ и не сталъ писать болѣе, потому что дальнѣйшая статья могла быть куреніемъ ѳиміама начальству.

Ну, что за милый, что за дѣтски-наивный человѣкъ этотъ врачъ Коржавинъ!... Разбилъ себѣ лобъ о гадость и третъ кулакомъ вскочившую шишку, а самъ улыбается и мягко говоритъ: «о, это пустяки, это заживетъ». Доколѣ же онъ не разобьетъ лба, до тѣхъ поръ не увѣрится въ существованіи гадости и будетъ серьезно увѣрять всѣхъ, что если и существуютъ въ мірѣ гадости, то во всякомъ случаѣ не на нашей планетѣ, но на ея спутникѣ—лунѣ. Земля—это такое высокопоставленное небесное тѣло, о которомъ и помыслить невозможно, чтобы на немъ могла свить себѣ гнѣздо какая-нибудь, съ позволенія сказать, гадость. Когда Коржавина спросили на судѣ, слышалъ ли онъ, что беретъ взятки флота генералъ-штабъ докторъ Бушъ,—тотъ отвѣчалъ, что слыхать объ этомъ слыхалъ, но не придавалъ вѣроятія этимъ слухамъ. «Я считалъ невозможнымъ,—говорилъ онъ, заглушаемый новымъ взрывомъ хохота въ публикѣ,—чтобы такой высокопоставленный человѣкъ, какъ Бушъ, могъ брать такія маленькія взятки. Я допускаю, что высокопоставленныя лица могутъ брать взятки, но—большими кушами, а не такими маленькими суммами».

Увѣрился ли теперь врачъ Коржавинъ въ томъ, что высокопоставленныя лица берутъ взятки не однѣми хвалебными статьями въ газетахъ,

но и мелкими денежными суммами? Можетъ-быть онъ и теперь наивно вѣритъ, что высокопоставленныя лица, даже дѣлая гадости, остаются на недостигаемой для смертныхъ, въ родѣ Коржавина, небесной высотѣ и сохраняютъ божеское величіе, даже опускаясь на самое дно той грязной лужи, въ которой приходится жить намъ. Но въ глазахъ общества съ такихъ высокопоставленныхъ лицъ уже снятъ окружавшій ихъ прежде орелъ величія. Ихъ, въ лицѣ флота генералъ-штабъ-доктора Буша, вызвали на судъ и здѣсь предъ глазами всего русскаго общества вывернули ихъ на изнанку и показали, что иной разъ подъ шитымъ золотомъ мундиромъ скрывается точно такое же паскудство, какъ и подъ сюртукомъ бывшаго военнаго писаря Парѳенова. Теперь мы знаемъ этихъ высокопоставленныхъ лицъ,— знаемъ, что и между ними есть такіе же мелкіе, грязные, гнусные взяточники, какъ любой приказный писарь. Мы узнали, что они не только берутъ взятки, но берутъ ихъ по мелочамъ, опускаются до такого ничтожества, что наивные люди, въ родѣ врача Коржавина, не въ силахъ даже повѣрить возможности такого глубокаго нравственнаго паденія для лицъ, столь высоко стоящихъ въ мундирномъ мірѣ. Бушъ—это мелкій, грязный взяточникъ, это полное нравственное ничтожество; но въ то же самое время онъ представляетъ собою крупную, ярко освѣщенную фигуру, которая рѣзко выдѣляется изъ темной, безличной массы мелкихъ людишекъ, задавленныхъ произволомъ и безропотно, въ теченіе многихъ лѣтъ, переносившихъ гнетъ и всевозможныя униженія со стороны высокопоставленнаго взяточника. Эта темная безличная масса состояла изъ людей, составляющихъ, повидимому, цвѣтъ нашего народа, изъ докторовъ медицины, пользующихся многолѣтнею извѣстностью, изъ молодыхъ врачей, только-что оставившихъ школьныя скамейки,—словомъ, исключительно изъ однѣхъ интеллигентныхъ силъ. А та личность, которая, въ теченіе многихъ лѣтъ, такъ невыносимо давила ихъ, предъ которою они такъ преклонялись и унижались,—эта личность была нравственно ниже всѣхъ ихъ; въ ней не было ровно ничего такого, что бы выдѣляло ее изъ толпы и заставляло толпу подчиняться ей,—ничего, кромѣ гадости и ничтожества. Но за то въ рукахъ Буша была власть и, взирая на эту грозную власть, доктора медицины и полные еще благородныхъ юношескихъ порывовъ молодые врачи разыгрывали изъ себя жалкую роль воробьевъ, принимавшихъ огородное чучело за какую-то грозную силу. Теперь миражъ разсѣялся и на нашихъ глазахъ высокопоставленное лицо испытало непріятное превращеніе,—какъ будто герой классической трагедіи вдругъ попалъ въ комическую оперетку. Въ этомъ, именно, и заключается общественное значеніе судебнаго процесса флота генералъ-штабъ-доктора Буша.

Одинъ изъ допрошенныхъ на судѣ свидѣтелей, врачъ Галузинскій, сдѣлалъ очень любопытную характеристику Буша. По его словамъ, Бушъ и въ началѣ службы, и послѣ не отличался ни теоретическими, ни практическими врачебными познаніями и вообще былъ человѣкъ недалекій. I

это защитник Буша возразил: «каким же образом Буш, будучи весьма недалеким человѣком и плохим медиком, был назначен на высокій пост генерал-штаб-доктора флота?»—«Это был просто каприз покойнаго адмирала Краббе,—отвѣчал Галузинскій.—Буш всегда был один из послѣдних и всѣ были крайне удивлены его назначеніем. Вмѣстѣ с большим чином Буш возмнил, что он стал и многоученым. В засѣданіях врачей он порол такую дичь, что присутствующіе только переглядывались и пожимали плечами». По показанію врача Мерцалова, как оно изложено в отчетѣ *Голоса*, при портах есть общества врачей, в которых генерал-штаб-доктор предсѣдательствует и всякую работу апробует, а затѣм уже назначает или нѣт к печатанію. Между другими был врач Левандовскій, обладавшій весьма основательными и обширными познаніями, имѣвшій большой критическій ум и основательную научную подготовку. В своем изслѣдованіи одного экстракта относительно его питательности он предсказал печальную будущность этого экстракта, употребленіе и распространеніе котораго Буш сильно пропагандировал. Статья эта была представлена Бушу и пропала, так что впослѣдствіи одному товарищу Левандовскаго пришлось собирать ее по клочкам. Свидѣтель указал еще на нѣсколько статей, подвергшихся такой же участи. Авторов их Буш сильно преслѣдовал. Нечего и говорить, что гонорар за свои статьи авторы не получали. О себѣ самом врач Галузинскій между прочим разсказал на судѣ, что он писал много статей в *Медицинском Вѣстникѣ*, но так как Буш его ненавидѣл, то всячески старался, чтобы статьи его не печатались, и даже такія, которыя потом были напечатаны в иностранных медицинских журналах. В то же самое время Буш поручил своему любимцу, выслужившемуся из писарей, Парѳенову, написать медицинскую статью, которая была напечатана и оплачена хорошим гонораром. «Получив власть главнаго начальника, Буш,—по словам Галузинскаго,—считал необходимым сначала запугать подчиненных, нагнать на них страх, обезличить, чтобы затѣм с развязанными руками дѣлать то, что он хочет. И он блистательно достиг своей цѣли. Он изгонял со службы людей достойных и окружал себя такими, какіе ему были нужны. Так, например, доктор Виноградов, отличный человѣк и врач, который теперь состоит директором отдѣленія Максимиліановской лѣчебницы, первый подвергся гоненію Буша. За ним послѣдовал доктор Фиш, гофмедик; статскій совѣтник. Буш ненавидѣл его за то, что он скоро стал на свои ноги и зарабатывал хорошія деньги, «а ненавидѣть Буш был большой мастер». Получив большую власть, он очутился просто в чаду, в опьяненіи этою властью. С его назначеніем флота генерал-штаб-доктором, всѣ лучшія силы попрятались и взамѣн их возникли элементы, которые прежде были пресмыкающимися; вмѣсто людей, дѣйстви-

тельно стоющихъ, способныхъ, заслуженныхъ, иногда даровитыхъ, явился рядъ его помощниковъ, и дѣло морской медицины остановилось совершенно. «Въ теченіе 27-ми лѣтъ,—сказалъ свидѣтель,—я не помню, чтобы морская медицинская часть такъ низко упала, какъ въ управленіе г. Буша. Никогда не было такого сильнаго движенія въ назначеніяхъ, переводахъ и отставкахъ, какъ при немъ». Свидѣтель привелъ нѣсколько примѣровъ этого движенія и, между прочимъ, указалъ на слѣдующій случай: врачъ гвардейскаго экипажа, Смольскій, былъ человѣкъ въ высшей степени честный, усердный, знающій и трудолюбивый; всѣ товарищи его искренно любили и уважали, но онъ имѣлъ несчастіе подвергнуться неудовольствію Буша по слѣдующему случаю: лежалъ въ госпиталѣ больной матросъ, котораго пользовалъ Смольскій; пріѣхалъ Бушъ, посмотрѣлъ на больного и нашелъ, что Смольскій опредѣлилъ болѣзнь неправильно; адмиралъ Аркасъ, заинтересованный больнымъ, пригласилъ профессора Боткина, который относительно діагноза и лѣченія вполнѣ согласился съ мнѣніемъ Смольскаго. По мнѣнію свидѣтеля, Смольскій долженъ бы былъ объ этой консультаціи молчать, но онъ имѣлъ неосторожность сказать объ этомъ, что дошло до Буша, и съ этого времени онъ возненавидѣлъ и всячески гналъ Смольскаго. По поводу появившейся въ завѣдуемомъ Смольскимъ отдѣленіи цынги Бушъ назначилъ коммиссію, въ которой свидѣтель участвовалъ, и коммиссія, произведя дознаніе, оправдала Смольскаго. Тогда Бушъ еще болѣе сталъ его притѣснять. Смольскій началъ задумываться, здоровье его пошатнулось, онъ сошелъ съ ума и потомъ скончался. Онъ бредилъ цынгою: ночью вскакивалъ съ постели, бѣжалъ въ лазаретъ, осматривалъ спящихъ больныхъ и все говорилъ о цынгѣ. Вскорѣ за нимъ послѣдовала въ могилу и его жена. Послѣ нихъ остались двое маленькихъ дѣтей круглыми сиротами. Со слезами въ голосѣ свидѣтель сказалъ, что онъ могъ бы представить еще нѣсколько подобныхъ возмутительныхъ случаевъ изъ дѣятельности Буша, но, чтобы не утомлять судей, онъ не будетъ объ этомъ говорить, и прибавилъ: «Тайный совѣтникъ Бушъ лично мнѣ существеннаго вреда по службѣ не сдѣлалъ, но въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ держалъ меня въ черномъ тѣлѣ, такъ что я не зналъ, что будетъ со мною завтра. Я чувствовалъ, что я нахожусь въ какомъ-то неестественномъ состояніи; дѣло валилось изъ рукъ, и я, казалось, былъ самъ близокъ къ сумашествію. Это былъ человѣкъ... странный: то онъ либеральничалъ до тошноты, то былъ грубъ до дерзости». Вообще Бушъ отличался крайнею невѣжливостью и грубостію въ обращеніи съ подчиненными ему врачами. По показанію врача Бока, онъ однажды явился къ Бушу, который заставилъ его ожидать въ пріемной три съ половиною часа и потомъ, когда принялъ, то, посмотрѣвъ на часы, сказалъ: «теперь поздно васъ принимать, приходите завтра». На слѣдующій день Бокъ опять явился и, прождавъ около часа, былъ наконецъ принятъ Бушемъ, который тотчасъ раскричался на него: «Вы

не знаете, какъ нужно являться,—зачѣмъ вы явились во второй разъ въ полной формѣ?... Нужно быть въ вицъ-мундирѣ». Вслѣдствіе подобныхъ отношеній, Бокъ вышелъ въ отставку. Характеризуя Буша какъ человѣка, докторъ Мерцаловъ разсказывалъ на судѣ, что Бушъ неоднократно говорилъ ему: «что мнѣ ваши образованные! Онъ начнетъ мнѣ разсказывать свои высшія соображенія, такъ только слушай, да кланяйся,—а я больше люблю писарей. Этому что скажешь, да прибавишь непечатное слово, онъ скушаетъ и отлично сдѣлаетъ дѣло». Бушъ, по словамъ Галузинскаго, не скоро довѣрялъ себя людямъ и прежде подвергалъ ихъ всевозможнымъ испытаніямъ. Подобнаго рода искусы продолжались годами, въ теченіе которыхъ онъ подвергалъ испытуемаго всевозможнымъ униженіямъ, ругалъ, какъ попало, и вообще обращался чрезвычайно грубо. Врачъ Трезоруковъ показывалъ на судѣ, что Бушъ въ своихъ отношеніяхъ съ врачами былъ очень дерзокъ: «Оскорбить и очернить человѣка въ глазахъ начальства и публики для него ничего не стоило: для него не было ничего святого». Трезоруковъ участвовалъ въ изданіи анатомо-патологическаго атласа, и когда ему пришлось получить деньги за работу, по поданному имъ счету, то Бушъ сказалъ, что этотъ счетъ нужно еще провѣрить, «потому что, можетъ-быть, въ немъ лишнее написано». Для Трезорукова это было крайне оскорбительно и онъ тутъ же заявилъ объ этомъ Бушу. Съ этого времени пошли притѣсненія, «такъ что,—сказалъ свидѣтель,—я не зналъ, какъ служить и что дѣлать».

Обращаясь грубо и невѣжливо съ врачами, Бушъ завелъ странную для высокопоставленнаго лица дружбу съ двумя выслужившимися изъ писарей чиновниками—съ дѣлопроизводителемъ медицинской части петербургскаго порта Андреевымъ и помощникомъ дѣлопроизводителя Парѳеновымъ. Онъ ни отъ кого не скрывалъ своего особеннаго расположенія къ этимъ лицамъ. Врачамъ приходилось по нѣскольку часовъ дежурить въ пріемной Буша, ожидая его выхода; они подвергались публичнымъ выговорамъ въ самой оскорбительной формѣ и въ то же самое время видѣли, какъ грозный начальникъ ихъ дружески бесѣдуетъ съ Парѳеновымъ и Андреевымъ, которые, то тотъ, то другой, постоянно встрѣчались на завтракахъ у Буша, какъ добрые знакомые его. Что же это за люди и какая связь могла существовать между мелкими чиновниками и генералъ-штабъ-докторомъ? Парѳеновъ служилъ писаремъ съ 1856 г. по 1871 годъ, когда за выслугу лѣтъ и по экзамену онъ получилъ, наконецъ, первый чинъ коллежскаго регистратора. Пользуясь расположеніемъ Буша, онъ доносилъ ему все, что видѣлъ и замѣчалъ въ подвѣдомственномъ Бушу медицинскомъ управленіи. Сверхъ того онъ велъ всѣ дѣла объ опредѣленіи на службу врачей. Дѣлопроизводитель, ближайшій начальникъ Парѳенова, даже въ глаза не видалъ этихъ дѣлъ и не смѣлъ требовать ихъ отъ своего помощника. Парѳеновъ находился въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ генералъ-штабъ-докторомъ по всѣмъ дѣламъ, касающимся опредѣленія на

службу и перемѣщенія врачей, и держалъ эти дѣла въ строгомъ секретѣ. Въ 1880 году Парѳеновъ былъ назначенъ на должность помощника дѣлопроизводителя. До того времени эту должность постоянно занимали врачи, какъ это положено по штатамъ должностей морскаго вѣдоства. Инспекторскій департаментъ не соглашался исполнить представленіе Буша о назначеніи Парѳенова помощникомъ дѣлопроизводителя; несмотря на это, дѣло устроилось къ полному удовольствію Парѳенова: о немъ былъ сдѣланъ особый докладъ Государю Императору и испрошено Высочайшее повелѣніе на утвержденіе его въ должности. Кромѣ жалованья 750 р. въ годъ, Парѳеновъ получалъ еще до 1.600 руб. наградныхъ и выдачъ изъ авансовыхъ суммъ. Въ медицинскомъ управленіи говорили, что Парѳенову выдаются большія денежныя награды на угощеніе писарей министерства и писарей инспекторскаго департамента, чрезъ которыхъ Бушъ узнавалъ все, что дѣлается. Обрисовывая нравственную физіономію Парѳенова, Галузинскій говоритъ, что это «человѣкъ новой формаціи, который умѣетъ читать въ глазахъ своего господина, и Бушъ говорилъ о немъ: «что я только думаю, то Парѳеновъ уже знаетъ». По словамъ другаго свидѣтеля, Мерцалова, Бушъ мягко и любезно обращался съ Парѳеновымъ и больше другихъ предоставлялъ ему матеріальныхъ выгодъ, «потому что боялся, какъ бы онъ свои способности не приложилъ напримѣръ къ доносу, или къ чему-нибудь въ этомъ родѣ». Другой близкій къ Бушу человѣкъ былъ дѣлопроизводитель медицинской части петербургскаго порта, выслужившійся изъ фельдшеровъ, Андреевъ. Бушъ въ письмѣ изъ-за границы къ танцовщицѣ Селезневой въ слѣдующихъ выраженіяхъ разсказываетъ о своихъ отношеніяхъ къ Андрееву: «Иванъ Даниловичъ ведетъ мои дѣла вотъ уже скоро 17 лѣтъ, и ведетъ ихъ честно, добросовѣстно и съ большимъ умѣньемъ. Чрезъ него я имѣю то, что у меня есть, и могу дѣлать всѣ болѣе или менѣе значительные расходы, и не посовѣтовавшись съ нимъ я не произвожу болѣе крупныхъ выдачъ. Могу васъ увѣрить, онъ дѣла мои принимаетъ ближе къ сердцу, чѣмъ свои собственныя. При свиданіи нашемъ съ нимъ, въ Вѣнѣ, самою важною темою для переговоровъ былъ денежный вопросъ. Начали считать. «Что вы дѣлаете, Богданъ Ивановичъ. Подумайте только: 8.000 франковъ въ мѣсяцъ, вѣдь это составитъ безъ малаго 100.000 франковъ въ годъ, а на наши рубли по курсу сколько будетъ? (я подсказалъ, что около 40.000 рублей)—40.000 руб. въ годъ, да вѣдь это сумашествіе! Такъ въ годъ-другой вы раззоритесь окончательно, что уже никогда не поправитесь. Вы забыли, сколько у васъ на рукахъ, кого вы должны кормить, на сколько домовъ вы живете?»—Что я могъ ему возразить?—продолжаетъ Бушъ.—Все, что онъ говоритъ, то правда, и если онъ мнѣ говоритъ иногда горькія истины, то я нисколько не обижаюсь его наставленіями, хотя онъ и моложе меня. Семь лѣтъ дѣла мои, въ мое отсутствіе, ведетъ онъ отлично, всѣ платежи покрываетъ своевременно, распоряжается очень эконом-

но. Имѣя при себѣ въ вѣдомствѣ такого близкаго человѣка, возможно ли было не подѣлиться съ нимъ тѣмъ, что я вынесъ изъ совмѣстнаго съ вами путешествія. На Ивана Даниловича я не могу иначе смотрѣть, какъ на самаго безкорыстнаго и искренне-преданнаго мнѣ друга». По словамъ Галузинскаго, Андреевъ пользовался полною дружбой Буша, «какъ никто». Впрочемъ, эта дружба начальника не дешево обходилась Андрееву. Врачъ Мерцаловъ разсказываетъ, что Бушъ былъ для Андреева полубогъ; онъ имѣлъ на него громадное, неотразимое вліяніе. Когда Мерцаловъ говорилъ Андрееву, что онъ дурно дѣлаетъ, то краска стыда показывалась на его лицѣ и онъ говорилъ: «что же мнѣ дѣлать, я маленькій человѣкъ, меня сотрутъ, а вѣдь мнѣ только крохи перепадаютъ». Бушъ обращался съ Андреевымъ крайне сурово, между тѣмъ какъ обращеніе его съ Парѳеновымъ было совсѣмъ иное и Парѳеновъ больше получалъ матеріальныхъ выгодъ. Зная о близкихъ отношеніяхъ къ Бушу, врачи боялись Андреева и Парѳенова, старались заслужить ихъ расположеніе и задабривали подарками. Напримѣръ, врачъ Кимондъ разсказывалъ, какъ однажды подарилъ Андрееву три полуимперіала; онъ далъ слѣдующее объясненіе этому подарку: «Я держусь правила, которое мнѣ передалъ еще отецъ: если хочешь съ сосѣдомъ жить въ дружбѣ, то старайся, чтобы собака его на тебя не лаяла. Я зналъ, что Андреевъ былъ сильный человѣкъ у Буша». По показанію врача Вокуловскаго, «между докторами существовалъ обычай—въ большіе праздники являться съ поздравленіями къ Бушу; но прежде, нежели ѣхать къ нему, они отправлялись кто съ кулечкомъ дичи, кто съ сахаромъ, чаемъ и т. п. сначала къ Парѳенову и Андрееву, такъ какъ всѣ боялись этихъ двухъ чиновниковъ. О дружбѣ ихъ съ Бушемъ всѣ знали и говорили открыто. Объ этомъ знали не только здѣсь, но даже и въ Николаевѣ. Такъ, свидѣтелю нѣкоторыя лица передавали, что когда Бушъ послалъ Андреева въ Николаевъ съ носилками, то тамъ приняли его съ распростертыми объятіями и даже самъ начальникъ медицинской части давалъ ему обѣдъ. Сверхъ того, онъ читалъ лекціи врачамъ объ употребленіи носилокъ. За пять такихъ лекцій Бушъ заплатилъ Андрееву, изъ денегъ управленія, по 25 рублей за лекцію, всего—125 рублей. Надъ этимъ всѣ смѣялись, и для врачей было даже оскорбительно, что Бушъ послалъ фельдшера читать лекціи врачамъ».

Читатель видитъ, что, начиная съ генералъ-штабъ-доктора Буша и кончая приближенными къ нему Андреевымъ и Парѳеновымъ, всѣ эти воротилы въ медицинскомъ управленіи морскаго вѣдомства представляютъ собою такую отвратительную дрянь, такое гадкое ничтожество, что въ каждомъ порядочномъ человѣкѣ возбуждаютъ одно лишь чувство брюзгливости. И однако, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, никто не осмѣливался честно и открыто возвысить голосъ противъ нихъ, а напротивъ всякій заискивалъ въ нихъ и старался снискать ихъ расположеніе. Морскіе врачи терпѣливо переносили оскорбленія и всевозможныя непріятности отъ Буша;

въ пользу его писались газетныя статьи; ученыя общества наперерывъ одно передъ другимъ избирали его своимъ членомъ. А въ это время онъ, въ союзѣ съ Андреевымъ и Парѳеновымъ, только о томъ и думалъ, только тѣмъ и былъ занятъ, чтобы всѣми неправдами собирать деньги и сорить ими для удовлетворенія своего развращеннаго, скотскаго аппетита. Взяточничество въ самой нахальной и гадкой формѣ свило себѣ гнѣздо въ медицинскомъ управленіи флота. Бушъ бралъ взятки со всѣхъ и за все, бралъ ихъ самъ лично и чрезъ посредство Парѳенова и Андреева, бралъ въ формѣ займовъ, открытой продажи мѣстъ и т. д. Медицинское управленіе флота обратилось въ какую-то торговую контору, гдѣ продавались мѣста. «Въ кругу врачей,—разсказывалъ на судѣ врачъ Смирновъ,—не было секретомъ, что мѣста продаются, и даже было нѣчто въ родѣ таксы: напримѣръ, за переводъ въ Петербургъ взималось 500 руб., а за мѣсто главнаго доктора 3.000 рублей». Врачи, которые не платили, подвергались гоненію; ихъ старались выжить со службы, сдѣлать имъ непріятности, обходили при производствѣ въ чины и при наградахъ, и т. д. Всѣ знали, что безъ взятокъ ничего не дѣлается въ медицинскомъ управленіи морскаго вѣдомства, и говорили объ этомъ открыто въ публичныхъ мѣстахъ, не стѣсняясь при этомъ присутствіемъ постороннихъ, какъ о самомъ обыкновенномъ и всѣмъ извѣстномъ дѣлѣ. Вотъ, напримѣръ, флагманскій докторъ балтійскаго флота Смирновъ ѣдетъ на пароходѣ изъ Кронштадта въ Петербургъ въ обществѣ двухъ незнакомыхъ ему молодыхъ морскихъ врачей. Не стѣсняясь присутствіемъ его, молодые врачи громко разговариваютъ между собою и одинъ говоритъ другому: «Чортъ ихъ знаетъ, они торгуются, какъ въ мелочной лавкѣ: я предлагалъ Андрееву 250 руб., а съ меня просили 300, и переводъ не состоялся». Такіе разговоры можно было слышать вездѣ въ кружкахъ морскихъ врачей. То и дѣло слышались однѣ и тѣ же рѣчи: «Обратитесь къ Андрееву: онъ, какъ личный секретарь Буша, всѣмъ заправляющій, сдѣлаетъ вамъ все». При этомъ всегда прибавлялось, что Андреевъ беретъ взятки не для себя, но имъ прикрывается флота генералъ-штабъ-докторъ Бушъ. Врачи въ разговорѣ между собою выражались такъ: «все равно, кому ни дать, а дойдетъ до Буша!» Если у врача не было денегъ дать взятку, то съ него или брали вексель, или находили для него ростовщика, который давалъ деньги въ долгъ за хорошіе проценты. Увѣренность врачей въ томъ, что безъ взятки ничего сдѣлать нельзя, по показанію доктора медицины Галузинскаго, доходила до того, что «не спрашивали: нужно ли заплатить, а спрашивали только: сколько, и не надуютъ ли». Само собою разумѣется, что при такой продажности главнаго морскаго медицинскаго управленія взяточничество процвѣтало во всѣхъ мелкихъ учрежденіяхъ, подвѣдомственныхъ генералъ-штабъ-доктору флота. Разъ въ разговорѣ съ докторомъ Мендомъ самъ Бушъ откровенно сказалъ ему, что точно «беретъ взятки, потому что всѣ берутъ ихъ». Онъ не только зналъ о взяточни-

чествѣ своихъ подчиненныхъ, но и поощрялъ ихъ къ тому. Такъ, напримѣръ, назначивъ на должность начальника медицинской части кронштадтскаго порта врача Гринцевича, Бушъ черезъ довѣренное лицо потребовалъ, чтобъ онъ ежегодно уплачивалъ опредѣленную сумму, причемъ указалъ источникъ доходовъ госпиталя, изъ котораго можетъ быть покрытъ этотъ расходъ. У Буша былъ найденъ подробный списокъ всѣхъ доходовъ Гринцевича и сверхъ того слѣдующая собственноручная записка: «Гринцевичъ беретъ чрезъ Терентьева письмоводителя—отъ врачей и Макарова письмоводителя—отъ подрядчиковъ и съ дровъ, чрезъ Стопенгагена—съ аптеки, чрезъ Акинфіева—съ фельдшерской школы». Взяточничество въ медицинскомъ управленіи кронштадтскаго порта дошло до того, что письмоводитель Терентьевъ установилъ на все таксу: за мелкія услуги взималось 5 руб. и угощеніе, за разрѣшеніе врачу жениться 10 руб. и угощеніе, за разрѣшеніе отпуска 15 руб. и угощеніе. Все это Бушъ зналъ и не только смотрѣлъ сквозь пальцы, но и прямо поощрялъ. Напримѣръ, былъ такой случай. Ординаторъ ижорскаго госпиталя Кимондъ заявилъ оффиціально Бушу, что Вишняковъ крадетъ отъ больныхъ мясо, булки, солому и т. д. На это Бушъ отвѣтилъ только: «значитъ онъ умный человѣкъ!»

Алчность къ деньгамъ была до такой степени сильна, что въ морскомъ вѣдомствѣ совсѣмъ нельзя было получить мѣсто врача, не заплативши денегъ или не имѣя сильной протекціи. Впрочемъ Бушъ былъ чувствителенъ къ протекціямъ только въ такомъ случаѣ, если надѣялся получить какую-нибудь матеріальную выгоду для себя,—иначе онъ оставался глухъ ко всѣмъ ходатайствамъ. Такъ, напримѣръ, контръ-адмиралъ Крузенштернъ просилъ опредѣлить врачомъ своего племянника и получилъ отъ Буша обѣщаніе исполнить просьбу. Съ рекомендаціей дядюшки племянникъ явился къ Бушу, который сказалъ, что онъ все сдѣлаетъ для него, но нѣтъ вакансіи,—что пусть онъ запишется кандидатомъ, но при этомъ не забываетъ, что кандидаты по цѣлымъ годамъ ожидаютъ вакансіи. Въ этомъ случаѣ протекція не помогла получить мѣсто морскаго врача. Да и вообще между врачами было распространено убѣжденіе, что протекціи помогаютъ хуже, чѣмъ деньги. Впрочемъ, можно было имѣть несомнѣнный успѣхъ, если врачу удавалось заручиться сильною протекціей танцовщицы Селезневой. Разъ врачъ Еремѣевъ удостоился чести кушать чай у генералъ-штабъ-доктора въ присутствіи Селезневой. Въ это время Бушу принесли конвертъ изъ Кронштадта отъ главнаго доктора тамошняго госпиталя Шванка. «Что за дуракъ этотъ Шванкъ, не умѣетъ врача назначить!»—сказалъ Бушъ, прочитавъ бумагу, и предложилъ Селезневой назначить какого ей угодно врача. Она указала на Тихова, который и былъ назначенъ въ плаваніе. Докторъ Галузинскій, характеризуя Буша, говоритъ, что «кромѣ взятокъ онъ былъ еще очень чувствителенъ къ протекціямъ. Такъ, напримѣръ, докторъ Бенезе при покойномъ Краббе

былъ всесильнымъ человѣкомъ и потому былъ большимъ другомъ Буша, который заискивалъ въ немъ. Но какъ только Краббе закрылъ глаза, Бушъ тотчасъ же началъ гнать Бенезе, такъ что тотъ потерялъ здоровье: не было столь грязныхъ словъ, которыми бы Бушъ не награждалъ Бенезе». Чтобы показать, какого рода протекціи имѣли силу въ глазахъ Буша, мы приведемъ изъ обвинительнаго акта слѣдующій характерный случай: «Старшій судовой врачъ 4-го экипажа, докторъ медицины Савченко, показалъ, что онъ много просилъ Буша о переводѣ въ Петербургъ, и хотя это ему и было обѣщано, но, за неимѣніемъ вакансіи, онъ не былъ переведенъ до 1880 года, когда за него хлопотала община Св. Георгія. Изъ показанія прикомандированнаго къ управленію флота генералъ-штабъ-доктора врача Красильникова, подтвержденнаго показаніемъ почетнаго лейбъ-хирурга Круглевскаго, видно, что за Савченко ходатайствовалъ у Буша генералъ-адъютантъ Рылѣевъ, а не община Св. Георгія, причемъ дѣло происходило слѣдующимъ образомъ: врачу Ковалевскому, въ которомъ принималъ большое участіе Рылѣевъ, понадобилось поѣхать, въ сопровожденіи кого-нибудь, на Кавказъ; Савченко взялся сопровождать Ковалевскаго, но съ тѣмъ, чтобы Савченко былъ переведенъ въ Петербургъ; Рылѣевъ телеграммою, отъ 18-го мая 1880 года, просилъ объ этомъ Буша, который послалъ врача Красильникова узнать отъ Круглевскаго, дѣйствительно ли онъ желаетъ перевода Савченко, и по полученіи утвердительнаго отвѣта Савченко былъ переведенъ; 28 мая Бушъ получилъ телеграмму отъ Рылѣева съ выраженіемъ благодарности за исполненіе его просьбы. Вскорѣ потомъ Бушъ поручилъ Красильникову вновь съѣздить къ Круглевскому, не можетъ ли онъ попросить Великаго Князя генералъ-адмирала о выдачѣ Бушу денежнаго пособія на поѣздку за границу для осмотра санитарныхъ учрежденій, въ которой свиты Его Величества контръ-адмираломъ Пещуровымъ ему было отказано. Красильниковъ исполнилъ данное ему порученіе, но, по просьбѣ Круглевскаго, онъ Рылѣеву разсказалъ объ этомъ только въ видѣ курьёза и, насколько ему извѣстно, Рылѣевъ по этой просьбѣ ничего не сдѣлалъ. Изъ бумагъ, находящихся въ дѣлѣ, видно, что Бушъ 9-го іюня 1880 года былъ уволенъ въ отпускъ, на четыре мѣсяца, за границу, съ сохраненіемъ содержанія, причемъ не видно, чтобъ инспекторскому департаменту морскаго министерства было извѣстно о какой-нибудь другой перепискѣ о командированіи Буша за границу, съ цѣлью осмотра санитарныхъ учрежденій».

Протекція и взятка, эти двѣ гадости, составляютъ порогъ, которымъ отдѣляется школа отъ жизни и чрезъ который приходится перешагнуть каждому молодому врачу, окончивъ годы ученья. Не имѣя протекціи, или не заплативши денегъ, нельзя получить мѣсто, и по неволѣ молодому врачу приходится вступать въ сдѣлку съ своею совѣстью, марать грязью свои руки и якшаться съ негодяями, падкими на протекціи и взятки.

«Полученіе мѣста,—разсказываетъ врачъ Карстъ,—дается врачамъ очень трудно. Если не имѣешь дядюшки или тетушки, которые умѣютъ ворожить, то такому врачу остается обивать пороги у медицинскаго начальства. Но, обыкновенно, это кончается ничѣмъ. Проходятъ мѣсяцы; вамъ обѣщаютъ, подаютъ надежду, а въ концѣ концовъ врачъ все - таки остается безъ мѣста. Что же остается дѣлать молодому человѣку, только-что окончившему курсъ и горящему страстнымъ желаніемъ приложить свои знанія на практикѣ и по силамъ приносить пользу своему отечеству?—Приходится остановиться на послѣднемъ средствѣ — на деньгахъ». Еще на школьной скамьѣ, въ стѣнахъ медицинской академіи, студенты разсуждаютъ о взяткѣ, какъ о неизбѣжномъ условіи полученія мѣста. По словамъ помощника инспектора медико - хирургической академіи, доктора медицины Попова, студенты отлично знаютъ, что мѣста продаются. Разъ студентъ прямо заявилъ Попову, что для полученія мѣста врача во флотѣ нужно заплатить не менѣе трехъ сотъ рублей. «Что вы говорите пустяки! — возразилъ Поповъ, удивленный столь обширными для студента свѣдѣніями относительно темныхъ сторонъ нашей жизни. — Какъ заплатить, когда у васъ нѣтъ денегъ?» — «Можно дать вексель», — отвѣчалъ студентъ, и былъ совершенно правъ. Молодые врачи, допрошенные на судѣ въ качествѣ свидѣтелей по дѣлу Буша, дали слѣдующія характерныя показанія, которыя мы буквально выписываемъ изъ газетнаго отчета. «Свидѣтель титулярный совѣтникъ Черевковъ показалъ, что слышалъ между студентами, будто за мѣсто нужно заплатить. Объ этомъ говорили опредѣленно и указывали, что нужно обратиться къ Андрееву, причемъ была и цифра—отъ 200 до 300 рублей. Поэтому свидѣтель обратился прямо къ Андрееву съ просьбой о мѣстѣ во флотѣ. Андреевъ сказалъ, чтобы свидѣтель зашелъ къ нему черезъ нѣсколько дней. Когда свидѣтель обратился вторично, Андреевъ сказалъ, что можно имѣть мѣсто. Свидѣтель занялъ 200 рублей, заплатилъ ихъ Андрееву и получилъ мѣсто.

На вопросъ члена суда, чѣмъ руководствовался свидѣтель, желая поступить въ морское вѣдомство, онъ отвѣчалъ, что для него было все равно, гдѣ служить, такъ какъ онъ былъ обязанъ прослужить извѣстный срокъ. «Я хотѣлъ,—сказалъ свидѣтель,—поступить въ военное вѣдомство; но тамъ, какъ я слышалъ, нужно было заплатить гораздо болѣе.

Свидѣтель, титулярный совѣтникъ Кривуша — показалъ, что между студентами медико-хирургической академіи, оканчивающими курсъ, обыкновенно идетъ рѣчь о мѣстахъ службы. Открываются мѣста въ военномъ и морскомъ вѣдомствѣ только послѣ извѣстныхъ переговоровъ и сношеній. Разница между этими двумя вѣдомствами была та, что въ одномъ объяснялись на словахъ, а въ другомъ посредствомъ переписки. Свидѣтель желалъ поступить въ кронштадтскій госпиталь, который, въ научномъ отношеніи, какъ онъ слышалъ, обставленъ хорошо, и узналъ, что нужно

заплатить большую или меньшую сумму, смотря по числу кандидатовъ, и что для этого нужно обратиться къ Андрееву. Онъ обратился къ нему и узналъ, что, въ данное время, курсъ замѣтно стоитъ 300 руб. Такую сумму свидѣтелю трудно было достать. Но когда онъ обратился и въ гражданское вѣдомство, желая поступить въ Обуховскую больницу, и когда тамъ тоже нельзя было получить мѣсто, онъ сталъ съ Андреевымъ торговаться и предложилъ 200 руб.; но Андреевъ сказалъ, что уступить нельзя, такъ какъ о цифрѣ 300 руб. уже доложено. Свидѣтель внесъ эту сумму и получилъ мѣсто. Когда онъ пріѣхалъ въ Кронштадтъ, оказалось, что тамъ вся эта процедура полученія мѣста была хорошо извѣстна, такъ что не спрашивали, какъ получилъ мѣсто, а спрашивали только, сколько взяли. «Мало того,—сказалъ свидѣтель,—мичмана мнѣ говорили: вамъ хорошо, потому что съ васъ берутъ, да дѣлаютъ, а съ насъ берутъ и ничего не дѣлаютъ. Да, наконецъ, и про министерство двора такая же мораль ходила. Мнѣ извѣстенъ случай, что за одного студента хлопотало высокопоставленное лицо, и когда студентъ обратился къ начальнику академіи, Козлову, то онъ сказалъ ему: «какъ вамъ не стыдно прибѣгать къ протекціямъ?» На это студентъ отвѣчалъ, что считаетъ лучше обратиться къ протекціи, чѣмъ къ деньгамъ».

Прокуроръ.—Это—относительно военнаго вѣдомства?

Кривуша.—Да; а относительно морскаго я уже сказалъ, что курсъ въ то время стоялъ 300 р. Я пытался и въ другихъ вѣдомствахъ,—думалъ, что дешевле,—но получилъ отказъ.

На вопросъ защиты, почему свидѣтель не пробовалъ сначала обратиться съ просьбою прямымъ, а не окольнымъ путемъ, свидѣтель объяснилъ, что докторъ Фаворскій говорилъ ему, что онъ имѣлъ даже хорошую рекомендацію и не получилъ мѣста. Слышалъ и отъ другихъ, что прямой путь приведетъ только къ отказу».

Отчего же молодые люди, получившіе высшее образованіе, такъ скоро и легко мирятся съ самыми темными сторонами нашей жизни, съ нравственною распущенностью и общею продажностью въ правящемъ чиновничьемъ классѣ? Отчего они, безъ всякой замѣтной борьбы, съ легкимъ сердцемъ, вступаютъ въ позорныя сдѣлки со взяточниками и мирно уживаются съ ними? Припомните тѣхъ же самыхъ молодыхъ людей въ годы ученья, когда они еще были студентами. Боже мой, сколько прекрасныхъ надеждъ подавали они въ то время, какою страстью горѣли у нихъ глаза, когда они говорили о житейскихъ мерзостяхъ, сколько благороднаго негодованія слышалось въ ихъ пламенныхъ рѣчахъ! Казалось, вотъ они — могучіе борцы за все честное, великое, святое, вотъ они — герои, которые скорѣе сложатъ голову, пожертвуютъ послѣднею каплей крови, но не пойдутъ ни на какую уступку требованіямъ развращенной общественной среды. Да, и въ самомъ дѣлѣ, что общаго между этими

благородными людьми и тѣмъ мундирнымъ міромъ, гдѣ вращаются Буши, Макшеевы, Хвощинскіе, Парѳеновы, Андреевы и т. д.? Въ томъ-то и дѣло, что есть кровная связь между нашею молодежью и общественною средой.

— скій.

Хроника французской жизни.

Неудача министерства въ вопросѣ о преобразованіи магистратуры.—Утвердительное рѣшеніе палатой вопроса объ избраніи судей.—Предложеніе Венжамена Распайля о несовмѣстимости званія депутата со службой въ частныхъ обществахъ.—Дѣло Латинскаго квартала.—Затрудненія префекта полиціи Камескаса.—Подписка, открытая Рошфоромъ, на поднесеніе почетной палицы (casse-tête) префекту.—Промахи французской политики въ Египтѣ.—Вопросъ о разводѣ.—Конгрессъ рабочихъ и конгрессъ католиковъ. — Чествованіе памяти Гарибальди въ Зимнемъ циркѣ..—Новыя книги: „Люсьенъ Бонапартъ и его мемуары", полковника Т. Юнга.—„Двѣ маски", Поля Сентъ-Виктора.—„Англія и французская эмиграція", Андре Лебоса.—Принятіе во французскую академію Шербюлье и м-ра Перранъ.—Обзоръ періодической печати.—Художественная выставка 1882.—Музей Гревена.

Одинъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ, которые обсуждались въ истекшій мѣсяцъ въ палатѣ депутатовъ, это—вопросъ о преобразованіи магистратуры. Было время, когда говорили, что Франція въ правѣ гордиться своею магистратурой, когда она щеголяла ею, но съ тѣхъ поръ многое измѣнилось. Знаменитая фраза президента Сегье: «Мы приговариваемъ, а не потворствуемъ» — можетъ вызвать въ наше время только улыбку. Магистратура во дни имперіи, подобно администраціи, унизилась до раболѣпства, принявъ участіе въ смѣшанныхъ коммиссіяхъ, которыя были составлены на другой день послѣ государственнаго переворота въ каждомъ департаментѣ изъ префекта, генерала и судьи. Коммиссіи эти рѣшали безапелляціонно судьбы тысячи людей, не соблюдая никакихъ судебныхъ формальностей, безъ всякихъ процессовъ отправляли на поселеніе, ссылали на каторгу, водворяли и раззоряли. Во времена имперіи политическія страсти руководили иногда даже гражданскими процессами. Съ тѣхъ поръ судьи не разъ противодѣйствовали правительству; доказательство—дѣло съ конгрегаціями. Это — не упорство въ оказаніи правосудія, а защита во что бы то ни стало клерикализма. Реставрація сильно измѣнила личный составъ магистратуры временъ республики и имперіи. Іюльская революція—нѣчто въ родѣ полуреволюціи, которую можно считать какъ бы второю половиной реставраціи—пощадила твореніе 1816 года. Республика 1848 г. не успѣла сдѣлать никакихъ нововведеній. Правительство имперіи, назна-

ченіемъ срока лѣтъ для выслуги и отставки судей, измѣнило и подчинило себѣ судебный персоналъ настолько, что явились судьи, готовые на все; отсюда-то и вытекаетъ необходимость реформы. Многія свѣтлыя головы стоятъ за избраніе судей. Нельзя утверждать, что вопросъ этотъ еще не созрѣлъ, хотя онъ и мало обсуждался. При послѣднемъ обсужденіи министръ юстиціи, Гумбертъ (Humbert), оспоривалъ пользу избранія судей; онъ находилъ, что выборы будутъ неудачны. Мнѣніе министра опровергалъ очень дѣльно и не безъ успѣха Жервиль Реашъ, молодой креолъ, депутатъ Мартиники. Въ прекрасно составленной рѣчи онъ доказывалъ, что всеобщая подача голосовъ произведетъ выборы не хуже, чѣмъ министръ. Защита самаго принципа выбора удалась ему лучше, чѣмъ возраженіе на замѣчаніе относительно пристрастности выборныхъ судей. Дѣйствительно, мудрено, чтобы въ маленькомъ городѣ не руководились личными соображеніями при выборѣ судьи. Въ печати былъ указанъ одинъ способъ выбора (на трибунѣ о немъ не упоминалось) — выборъ судей для департаментскихъ судовъ по избирательнымъ спискамъ; эти судьи въ свою очередь избираютъ членовъ низшаго и высшаго судовъ. Нѣкоторые подумываютъ объ учрежденіи присяжныхъ для рѣшенія гражданскихъ дѣлъ и для опредѣленія наказаній какъ исправительныхъ, такъ и уголовныхъ. Конечно, для этихъ реформъ понадобится общее измѣненіе дѣйствующаго кодекса, но въ этомъ нѣтъ бѣды. Пятьдесятъ лѣтъ, назначенныя Наполеономъ для существованія его кодекса безъ измѣненій, давно истекли. Консерваторы стоятъ главнымъ образомъ за принципъ несмѣняемости судей, а прогрессисты всячески добиваются отмѣны ея. Правительство, по привычкѣ, унаслѣдованной отъ Людовика-Филиппа и Наполеона III, ищетъ золотой середины и соглашается, не уничтожая несмѣняемости, отмѣнить ея дѣйствіе на время. Палата приняла—300 голосами противъ 204—уничтоженіе несмѣняемости судей и—284-мя противъ 202—избраніе ихъ. Вопросъ о присяжныхъ для гражданскихъ дѣлъ отданъ на разсмотрѣніе коммиссіи. Умѣренныя республиканскія газеты въ отчаяніи твердятъ, что такимъ образомъ въ нынѣшнемъ году не будетъ осуществлена реформа. Неумѣренныя торжествуютъ: почти столѣтнее учрежденіе, видимо уже отжившее, получило смертельный ударъ. Въ промежутокъ между двумя засѣданіями палата должна выработать способъ и условія избранія судей. Во дни великой конституціи допускали одно время, что каждый гражданинъ можетъ быть судьей; нынѣшніе республиканцы согласны съузить эти рамки опредѣленіемъ научнаго ценза или извѣстнымъ срокомъ службы въ судебной должности.

Въ то время, какъ оба крайніе лѣвые, Бокье и Жюль Рошъ, отстаивали принципъ избранія въ судебномъ вѣдомствѣ, Бенжаменъ Распайль, также крайній лѣвый, представилъ свой проектъ лишенія правъ тѣхъ депутатовъ, которые поставляютъ свои имена финансовымъ обществамъ; проектъ этотъ былъ привѣтствованъ почти единодушнымъ одобреніемъ. Нельзя отрицать, что многіе депутаты торгуютъ своимъ званіемъ: за извѣстную

скидку съ акцій они даютъ свои имена вновь учреждающимся обществамъ. Предложеніе это нѣкоторые стараются обратить въ шутку, объявляютъ, что будто сенаторы намѣреваются подать заявленіе о несовмѣстимости депутатскаго полномочія съ отправленіемъ обязанностей адвоката или врача. Конечно, званіе депутата не безразлично для кліента, когда адвокатъ его дѣйствуетъ тѣмъ внушительнѣе на судью, чѣмъ сильнѣе вліяніе этого адвоката-депутата на министра юстиціи.

Всего желательнѣе было бы, чтобы званіе депутата не совмѣщалось съ отправленіемъ такихъ обязанностей, на которыя могли бы вліять депутатскія полномочія, да и вообще никакого рода профессіями не слѣдовало бы заниматься депутатамъ, — получая вознагражденіе, они обязаны посвятить себя всецѣло на служеніе общественному дѣлу.

Крайняя лѣвая хотя и представляетъ меньшинство въ палатѣ, тѣмъ не менѣе пользуется огромнымъ вліяніемъ, возрастающимъ благодаря безпорядкамъ въ рядахъ умѣренныхъ и опортюнистовъ. Постоянно слыша возгласы: «все идетъ какъ слѣдуетъ,—къ чему спѣшить; то или другое еще не созрѣло, — подождемъ», — публика негодуетъ на опортюнистовъ и смѣется надъ этими стереотипными фразами. Достойно замѣчанія, что Гамбетта, который до своего вступленія въ министерство всюду былъ встрѣчаемъ оваціями и рукоплесканіями, теперь боится выступать, чтобы не потерпѣть неудачи подобной той, которую онъ потерпѣлъ въ Шаронѣ. Онъ попробовалъ было войти въ старую роль и воспользовался для этого извѣстнымъ банкетомъ въ честь машиниста Гризеля, на которомъ седанскія мастерскія поручили ему быть ихъ представителемъ. Гамбетта произнесъ рѣчь, но говорилъ больше о политикѣ и о себѣ, чѣмъ о Гризелѣ. Въ первый разъ сами друзья его не могли удержаться отъ улыбки и нашли, что онъ опускается. Я не присутствовалъ на этомъ банкетѣ, но одинъ членъ муниципальнаго совѣта Парижа, большой пріятель Гамбетты, бывшій тамъ, говорилъ мнѣ: «у него еще есть красивые жесты, удачныя фразы, но они не производятъ прежняго эффекта, да и голосъ его ужь не такъ звученъ». Противники Гамбеты разсказывали на утро, что онъ повторялъ старыя, избитыя, ничего незначащія фразы, извѣстныя всѣмъ и каждому. Ему подрѣзали крылья: рабочіе отстаютъ отъ него; сами буржуа начинаютъ сомнѣваться въ его силѣ и думаютъ, что онъ не только не защититъ ихъ въ случаѣ бѣды, а скорѣе еще подведетъ ихъ.

На дняхъ въ Латинскомъ кварталѣ произошло большое смятеніе. Споконъ вѣка студенты ведутъ совершенно своеобразную жизнь; многое нынѣ измѣнилось въ ихъ быту, но по-прежнему рядомъ со студентами пребываютъ студентки въ томъ или другомъ видѣ. Въ послѣднее время студентки эти стали менѣе постоянны, менѣе усидчивы, а студенты въ свою очередь стали сходиться съ уличными женщинами и не живутъ, какъ бывало, съ одной въ продолженіе всего курса ученья. Эти кочующія женщины, преслѣдуемыя полиціей, имѣютъ покровителей (souteneur), живу-

щихъ на ихъ счетъ. Возрастающее обиліе людей этой профессіи вывело студентовъ изъ терпѣнія и они вздумали запретить имъ входъ на балы въ Бюлье и даже въ кофейни, въ которыхъ студенты постоянно собираются. Въ Бюлье студенты сами не танцуютъ,—для этой цѣли нанимаютъ молодыхъ людей, по четыре франка за вечеръ; они-то и исполняютъ самыя эксцентричныя хореографическія штуки. Тутъ-то и вышелъ скандалъ, вмѣшалась полиція, но студенты поколотили ее. Затѣмъ, однажды вечеромъ, студенты съ пѣснями проходили по бульвару С-тъ Мишель. Ихъ вдругъ окружили полицейскіе, но въ полицейскихъ полетѣли стаканы. Блюстители порядка обнажили оружіе и бросились на проходящихъ и на студентовъ, врывались въ кофейни и нападали на беззащитныхъ потребителей. Съ обѣихъ сторонъ было не мало раненыхъ. Начались аресты; возникло слѣдствіе. По суду только одинъ студентъ былъ приговоренъ къ шестидневному тюремному заключенію за побои и оскорбленія, нанесенныя полицейскимъ, всѣ же остальные были оправданы. Полицію обвинили въ недостаткѣ хладнокровія: она сыпала удары безъ разбора. Городской совѣтъ призвалъ полицію къ отвѣту, но на этотъ вызовъ префектъ полиціи не явился подъ тѣмъ предлогомъ, будто глава его, министръ внутреннихъ дѣлъ, запретилъ ему касаться этого дѣла прежде, чѣмъ самъ министръ доложить о немъ палатѣ. Городской совѣтъ единогласно осудилъ дѣйствія полиціи. Палата напротивъ высказала довѣріе министру, а слѣдовательно и его подчиненному; но тѣмъ не менѣе положеніе Камескаса чуть ли не хуже положенія Андріе. Издаваемый Рошфоромъ, Intransigeant открылъ подписку для поднесенія префекту серебряной палицы (casse-tête). На дняхъ,—говорится тамъ,—состоится многочисленное собраніе, на которомъ будетъ рѣшено, какъ сдѣлать эту палицу, и будетъ объявленъ конкурсъ; затѣмъ депутація поднесетъ ее Камескасу. Эти насмѣшки роняютъ полицію въ глазахъ публики. Говорятъ, Камескасъ не будетъ приглашенъ на освѣщеніе городской думы. Городской совѣтъ добивается подчиненія ему полицейской префектуры и вообще распространенія на Парижъ общаго съ остальными общинами Франціи права.

Если исторія со студентами пошатнула положеніе Камескаса, то египетскія дѣла еще сильнѣе потрясли положеніе Фрейсине. Гамбетта имѣлъ безразсудство начать въ Египтѣ такую политику, которая, какъ и въ Тунисѣ, могла привести къ вооруженному вмѣшательству. Гюбаръ-паша, этотъ хитрый и не особенно совѣстливый армянинъ, увѣрялъ, что для Египта достаточно однихъ полисменовъ. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ Times совершилъ цѣлый походъ въ защиту этого положенія. Понятно, что офицеры египетскаго войска встревожились за свою судьбу и стали искать поддержки въ народѣ; отсюда—военное возстаніе и созывъ нотаблей. Если бы наше настоящее правительство имѣло хотя малѣйшее уваженіе къ національнымъ французскимъ традиціямъ, оно поддержало бы въ Египтѣ національную партію, несмотря на всю ея слабость; но Гамбетта разсуждалъ

относительно Араби-бея какъ Наполеонъ относительно Тусенъ-Лувертюра. Не малое значеніе имѣли съ одной стороны просьбы владѣльцевъ египетскихъ бумагъ, а съ другой—желаніе угодить Англіи, дабы тѣмъ облегчить заключеніе съ ней торговаго договора.

Фрейсине побоялся, что этотъ путь приведетъ Францію къ войнѣ, но Гамбетта уже успѣлъ измѣнить почти вѣковое положеніе ея въ Египтѣ; его черновой проектъ вмѣшательства въ египетскія дѣла, неосторожно переданный въ руки англійскаго кабинета, вызвалъ такой переполохъ, что пришлось отъ него отказаться. Италія, которую мы дважды задѣли,—исключеніемъ ея изъ египетскаго договора и занятіемъ Туниса, нашла себѣ удовлетвореніе на дипломатическомъ поприщѣ и, подъ видомъ защиты Египта отъ чрезмѣрнаго вмѣшательства Франціи, добилась отъ другихъ державъ, что египетскій вопросъ изъ англо-французскаго сдѣлался вопросомъ общимъ и на Францію возстала вся Европа. Но теперь Италія замѣчаетъ, что зашла слишкомъ далеко, и готова искать выхода. Вопреки ея желанію, вмѣшательство Турціи, вызванное коалиціей, повредило автономіи Египта, и Италія начинаетъ опасаться, чтобы Бисмаркъ не пожертвовалъ Франціи Египетъ, подобно тому, какъ онъ сдѣлалъ съ Тунисомъ. Араби-паша опирается на страсти и религіи народа; невѣрующій самъ, онъ находитъ поддержку въ фанатикахъ. Хоть онъ и поддается вліянію Порты, но едва ли онъ уступитъ ей, если она вздумаетъ снова владычествовать въ Египтѣ, да и сама Порта сильно потеряетъ въ глазахъ мусульманъ, ставъ орудіемъ христіанскихъ державъ. Военачальникъ Египта не теряетъ этого изъ виду. Всѣ наши государственные люди отлично сознаютъ, что Турціей въ настоящую минуту руководитъ Германія. Самое принятіе или даже предложеніе конференціи со стороны Фрейсине было бы отступленіемъ. Обсужденіе этого вопроса въ палатѣ вызвало на трибуну Гамбетту. Онъ горячо упрекалъ Фрейсине за разоблаченіе передъ Европой слабости Франціи. Палата одобрила дѣйствія Фрейсине, только для того, чтобы не предаться снова въ руки Гамбетты.

Избіеніе европейцевъ въ Александріи вызвало вмѣшательство западныхъ державъ; оно ускоритъ паденіе Египта и подчинитъ окончательно туземный элементъ европейскому вліянію. Но долго ли западныя державы будутъ владѣть Египтомъ сообща? Не возникнетъ ли въ одно прекрасное утро вопросъ, на чью долю выпадетъ эта драгоцѣнная жемчужина?—Очевидно, не на долю Франціи.

Въ половинѣ истекшаго мѣсяца состоялись одновременно два конгресса: конгрессъ рабочихъ и конгрессъ католической партіи.

Уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ рабочіе составили отдѣльное общество съ цѣлью изучать соціальные вопросы и добиваться ихъ разрѣшенія. Состоялось уже нѣсколько національныхъ рабочихъ конгрессовъ. Первый собирался въ Парижѣ въ 1876 г., второй въ Ліонѣ въ 1877 г., третій, запрещенный въ 1878 г. кабинетомъ Брольи, состоялся въ 1879

въ Марселѣ, четвертый происходилъ въ 1880 г. въ Гаврѣ, пятый въ 1881 г. въ Реймсѣ и наконецъ шестой имѣетъ быть въ текущемъ году въ С.-Этьенѣ. Кромѣ этихъ національныхъ конгрессовъ собираются еще конгрессы областные. Вся Франція раздѣлена на рабочія области: центральную (Парижъ), восточную (Ліонъ), сѣверную (Лиль), южную (Марсель) и западную (Бордо). Каждая область имѣетъ свои частные конгрессы, на которыхъ разрабатываются вопросы, представляемые національному конгрессу. Дѣлами области завѣдуетъ федеральный совѣтъ; онъ составляется изъ делегатовъ всѣхъ присоединившихся (adherénts) групъ, синдикальныхъ палатъ и обществъ, изучающихъ соціальныя науки. Во главѣ рабочей партіи Франціи находится національный рабочій совѣтъ. Послѣдній организуетъ національные рабочіе конгрессы. Программы, принятыя и утвержденныя конгрессами, становятся для рабочихъ правилами отъ одного конгресса до другаго. На этотъ разъ конгрессъ центральной области разсматривалъ вопросы о стачкахъ (grève), о корпоративныхъ конгрессахъ и о пріобрѣтеніи рабочими избирательныхъ правъ. Конгрессъ открылся въ воскресенье, 14 мая, въ залѣ театра Оберкампфъ. Первое закрытое засѣданіе для повѣрки полномочій делегатовъ происходило днемъ, затѣмъ слѣдовала серія засѣданій, продолжавшаяся цѣлую недѣлю. Отъ каждой группы было три делегата, а всѣхъ участвовавшихъ группъ было около 90.

Засѣданія прошли всѣ совершенно спокойно. Предсѣдатели, на каждое засѣданіе избираемые изъ среды рабочихъ, исполняли свои обязанности превосходно. Секретари отлично редактировали все, что было говорено. Группы поочередно заявляли свои мнѣнія на предлагаемые вопросы устно или письменно. Не каждый докладъ носитъ печать оригинальности, но всѣ отличаются необыкновенною простотой; риторика совершенно изгнана изъ этихъ собраній.

Первый очередной вопросъ былъ вопросъ о стачкахъ. Высказана была мысль, что стачка въ мірѣ экономическомъ то же, что возстаніе въ мірѣ политическомъ. Разсуждали главнымъ образомъ о томъ, слѣдуетъ ли рабочей партіи организовать и направлять стачки, или достаточно будетъ помогать тѣмъ, которыя возникнутъ сами собой, въ силу обстоятельствъ. Съ послѣднимъ согласились всѣ единодушно. Всѣ признали, что стачки причиняютъ великія бѣдствія и что не слѣдуетъ рѣшаться на нихъ легкомысленно.

Второй вопросъ о корпоративныхъ конгрессахъ рѣшенъ такъ: полезно собирать конгрессы изъ рабочихъ, занимающихся однородными ремеслами, какъ областные, такъ и національные. Обще-рабочіе конгрессы знакомятъ насъ съ соціальными задачами вообще, а частно-ремесленныя—съ задачами спеціальными, относящимися къ отдѣльной профессіи. При этомъ постановлено, чтобы корпоративные конгрессы устраивались и росли по мѣрѣ

надобности; сами опыты помогутъ точнѣе распредѣлить ремесла и организовать корпораціи рабочихъ.

Происходившее обсужденіе третьяго пункта, касающагося расширенія избирательныхъ правъ, характеризуетъ нынѣшнее настроеніе рабочаго класса. Наиболѣе непримиримые и крайніе, видя, какъ часто рабочіе бывали обманываемы не только представителями буржуазіи, заигрывавшими передъ избирателями, а затѣмъ служившими только своимъ личнымъ интересамъ, весьма часто во вредъ рабочему люду, но и передъ своею братіей, попадавшею въ депутаты и тамъ, подъ вліяніемъ новой среды и иной обстановки, мѣнявшею свои взгляды,—требуютъ, чтобы всякій кандидатъ вручалъ передъ баллотировкой подписанный имъ бланкъ отказа отъ званія депутата. Бланкъ этотъ долженъ храниться въ особомъ комитетѣ, который, прежде чѣмъ пустить его въ ходъ, если интересы избирателей того потребуютъ, долженъ предоставить обвиняемому депутату возможность объясниться съ избирателями. Противъ этого возражали, указывая, что такой порядокъ несовмѣстимъ съ достоинствомъ званія депутата, а между тѣмъ было замѣчено, что и оставаться въ должности, когда избиратели того не желаютъ, также не достойно.

Центральный областной конгрессъ, третій по счету, составился изъ группъ принадлежащихъ къ синдикальнымъ палатамъ и къ обществамъ, занимающимся соціальными науками. Наибольшимъ вниманіемъ пользовались: Алеманъ, типографщикъ, бывшій ссыльный 1871 г., журналистъ Ж. Б. Клеманъ и рабочій Жофренъ, вновь избранный членъ городскаго совѣта отъ 18-го округа. Замѣчательно, что эти люди крайнихъ убѣжденій становятся тотчасъ умѣренными, какъ только добьются или надѣятся добиться политическихъ правъ. Изъ устъ ихъ шли совѣты держать себя благоразумно во время траурной манифестаціи въ память разстрѣлянныхъ версальскою арміей 28 мая 1871 года. Эти люди имѣютъ право сказать, какъ Алеманъ: «Я купилъ цѣною своихъ бѣдъ право предостерегать народъ отъ неблагоразумія, предаваясь которому, мы сыграемъ въ руку нашимъ противникамъ». Рѣшено было идти на кладбище по-одиночкѣ, не дѣлать никакихъ манифестацій ни на площадяхъ, ни на улицахъ и избѣгать несвоевременнаго столкновенія съ полиціей. Этимъ рѣшеніемъ заключился конгрессъ. Недѣлю спустя день 28 мая прошелъ тихо, безъ всякихъ столкновеній.

Католическій конгрессъ открылся подъ предсѣдательствомъ епископа Геліополиса. Монсиньоръ Шенелонъ былъ корифеемъ этого конгресса. Какъ только у католиковъ хотятъ отнять какую-нибудь привилегію, они тотчасъ вопіютъ о мученичествѣ. Шенелонъ находитъ, что общество гибнетъ отъ недостатка вѣры; но, къ несчастію, онъ самъ и его партія дѣла вѣры видятъ въ бюджетномъ вопросѣ и хотятъ поддержать церковь не истинными дѣлами вѣры, а вымогательствомъ подачекъ. Они обвиняютъ пр тельство въ изгнаніи религіи изъ школъ. Государство отдѣлило ш

отъ церкви, какъ прежде отдѣлило отъ нея мерію; оно не утверждаетъ и не отвергаетъ никакого религіознаго ученія, а просто считаетъ себя въ этомъ дѣлѣ некомпетентнымъ. Оно даетъ дѣтямъ общія свѣдѣнія и предоставляетъ родителямъ дополнять ихъ религіознымъ ученіемъ и всякими другими, какія они найдутъ нужными. Въ чемъ же тутъ преслѣдованіе? Шенелонъ смѣется надъ женскими лицеями; но что же въ нихъ смѣшнаго? Приходящія школы для дѣвочекъ, конечно, предпочтительнѣе; но куда же помѣщать своихъ дѣтей тѣмъ, кто живетъ въ деревнѣ? Несмотря на всѣ нападки Шенелона и его друзей, лицеи размножаются. Городской совѣтъ Парижа сочувствуетъ имъ.

Немного недѣль тому назадъ Гарибальди высказалъ о Франціи нѣсколько жесткихъ словъ. При вѣсти о его смерти Франція вспомнила только о сочувствіи его къ ней въ 1870 и 1871 годахъ. Палата депутатовъ постаралась загладить оскорбленіе, нанесенное ему собраніемъ въ Бордо, отказавшимъ выслушать его. Въ знакъ скорби засѣданіе палаты было закрыто; тщетно противились этому закрытію клерикалы, но никто не поддержалъ ихъ. Городской совѣтъ отправилъ въ Римъ депутацію для присутствованія при погребеніи Гарибальди. Сенскій префектъ назначилъ тоже двухъ делегатовъ отъ администраціи департамента. Республиканская пресса избрала коммиссію для представительства своего въ Римѣ. Представители итальянской прессы и итальянской колоніи въ Парижѣ заодно съ республиканскою прессой организовали общее франко-итальянское торжество въ память Гарибальди, происходившее въ тотъ же день, какъ римскій Капитолій воздавалъ великому герою послѣднюю почесть. Это величественное торжество происходило подъ куполомъ Зимняго цирка. Болѣе шести тысячъ человѣкъ помѣстились внутри зданія и нѣсколько тысячъ не нашли себѣ мѣста. Викторъ Гюго принялъ на себя почетное предсѣдательство. Президентъ республики, многіе министры и другія высокопоставленныя лица поспѣшили запастись билетами (доходъ предназначался вдовамъ и сиротамъ вогезской арміи). Такъ какъ залу пришлось нанять, и довольно дорого, а большую часть мѣстъ предоставить народу по дешевой цѣнѣ--50 сантимовъ, то лучшія мѣста продавались по 100 франковъ и изъ нихъ ни одно не осталось свободнымъ.

Торжество началось похороннымъ маршемъ Шопена. Депутатъ Локре, одинъ изъ товарищей Гарибальди по экспедиціи «тысячи» въ 1860 году, произнесъ приличную событію рѣчь, которая была встрѣчена рукоплесканіями. Мадье-де-Монжо, дѣятель 1848 года, сказалъ похвальное слово герою и закончилъ его словами: «да будетъ могила Гарибальди алтаремъ нашего единства». Представитель Котдоръ, депутатъ Дюбуа, высказалъ единодушную благодарность своихъ земляковъ. Представитель департамента Саоны и Луары присоединилъ къ ней признательность и своихъ избирателей: «безъ Гарибальди мы потеряли бы, быть-можетъ, Бургундію», сказалъ онъ. Генералъ Тюръ, одинъ изъ храбрѣйшихъ адъютантовъ Га-

рибальди, венгерецъ, принявшій итальянское подданство, напомнилъ о нѣкоторыхъ великодушныхъ фактахъ изъ жизни великаго итальянца; между прочимъ, однажды, во время защиты Монтевидео, Гарибальди былъ взятъ въ плѣнъ войскомъ Розиса, свирѣпаго диктатора Буэносъ-Айреса. Гарибальди измучили. Нѣсколько времени спустя счастье перемѣнилось. Гарибальди восторжествовалъ надъ своими противниками, взялъ ихъ, въ свою очередь, въ плѣнъ, но тотчасъ же отпустилъ, сказавъ: «не пускайте мнѣ на глаза ихъ начальника,—я не ручаюсь за свое самообладаніе,—пожалуй, совершу дѣло недостойное». Ораторъ напомнилъ, что когда Гарибальди говорили объ Аспремонте, онъ утверждалъ, будто забылъ о немъ. И Тюръ по примѣру Гарибальди убѣждалъ французовъ и итальянцевъ позабыть все, что раздѣляло эти націи до сихъ поръ, «ибо,— прибавилъ онъ при тройномъ залпѣ рукоплесканій, — несчастіе одной великой націи не можетъ составить счастія другой». Итальянскій журналистъ Рожени говорилъ о единствѣ чувствъ двухъ демократій: итальянской и французской.— Пропѣли «Марсельезу». Мортель, изъ театра Comédie Française, прочелъ стихотвореніе Виктора Гюго—«Испытаніе». Гимномъ Гарибальди закончилась первая часть торжества. Потомъ спѣли кантату: «Франція—Италія», слова француза, музыка итальянца. Кловисъ Гюгъ прочелъ стихотвореніе, написанное имъ въ честь Гарибальди. Общество воиновъ 1871 года принесло вѣнокъ. Бюстъ Гарибальди, сдѣланный спеціально для этой церемоніи, былъ увѣнчанъ лавровымъ вѣнкомъ; его возложилъ внукъ Виктора Гюго. Одинъ изъ членовъ итальянской колоніи, профессоръ Мельци, произнесъ заключительную благодарность и закончилъ ее выраженіемъ искренняго желанія Италіи — жить въ братской дружбѣ съ Франціей. «Передъ ликомъ Гарибальди,— сказалъ онъ,— французы и итальянцы, поклянемся въ вѣчной дружбѣ другъ другу!» Эти слова были встрѣчены долгими и единодушными возгласами одобренія. Собраніе разошлось при гимнѣ Мамели (1849 г.) «I fratelli d'Italia». Въ то время, когда происходило это торжество, въ Римѣ тріумфальная колесница везла бюстъ Гарибальди въ Капиталій, а французскіе и итальянскіе революціонеры съ Луизой Мишель и Цанорделли съ своей стороны чествовали Гарибальди въ одной изъ залъ Парижа, произнося рѣчи въ соотвѣтствующемъ имъ духѣ.

Франція наканунѣ великой реформы: палата вотировала во второмъ чтеніи первую статью закона о разводѣ большинствомъ 344 голосовъ противъ 143. Эта внушительная цифра большинства несомнѣнно окажетъ вліяніе на сенатъ и онъ приметъ законъ о разводѣ. Монсиньоръ Фреппель защищалъ во имя католическаго ученія нерасторжимость брака. Но во Франціи живутъ не одни католики,—зачѣмъ же навязывать французу-протестанту, еврею или свободному мыслителю соблюденіе догматовъ, которыхъ онъ не признаетъ? «Вѣдь разводъ не обязателенъ,—говоритъ Клемансо,—стало быть совѣсти католиковъ не о чемъ печалиться; никто заставляетъ католиковъ не признавать бракъ таинствомъ, и если супр

скій союзъ становится тяжкимъ крестомъ, никто не мѣшаетъ имъ терпѣливо нести этотъ крестъ до могилы».

Капитальною рѣчью при этомъ обсужденіи была рѣчь Леона Рено. «Мы требуемъ не того,—говоритъ ораторъ,—чтобы разводъ считался средствомъ противъ всѣхъ невзгодъ супружеской жизни, но мы хотимъ, сравнивая разводъ съ прекращеніемъ супружескаго сожительства, опредѣлить, на какой сторонѣ семья, супруги и дѣти найдутъ болѣе гарантій; прекращеніе супружескаго сожительства и раздѣлъ имущества — печальная крайность, разводъ — печальное окончаніе супружескаго союза. Но развѣ законодатель въ силахъ устроить такъ, чтобы бракъ навсегда сохранилъ свой возвышенный характеръ, развѣ онъ можетъ уничтожить страсти, случайности, слабости человѣческаго рода, и, если невозможно поддержать супружескую связь, развѣ общество не обязано найти средство улучшить положеніе супруговъ? Мы говоримъ: когда бракъ дѣйствительно существуетъ, мы считаемъ его священнымъ; но если супружескій союзъ есть фикція, призракъ, то намъ пріятнѣе видѣть его росторгнутымъ, нежели запятнаннымъ. Неужели вы все еще будете стоять за слово, когда самое дѣло уже не существуетъ? Неужели мы должны признать бракъ существующимъ тогда, когда нѣтъ общей жизни, когда дѣти являются для супруговъ предметомъ раздора, когда для женщины отъ брака остается одно — постыдное рабство, единственный слѣдъ ея прежней жизни?» Защитники развода очевидно одержатъ верхъ. Остается пожелать, чтобы при этомъ воспользовались опытомъ, усовершенствовали бы это средство, устранили бы тѣ неудобства, которыя разводъ представлялъ во дни Наполеона I.

«Національная исторія покоится еще въ пыли современной хроники». Эти слова Огюстена Тьери полковникъ Юнгъ поставилъ эпиграфомъ своего произведенія. Заглавіе этого труда: «Люсьенъ Бонапартъ и его мемуары». Полковникъ Юнгъ—хранитель архива военнаго министерства; онъ задался мыслью обезславить Бонапартовъ при помощи документовъ, хранящихся въ подвѣдомственномъ ему архивѣ. Эти старанія причинили ему не мало непріятностей; они вызвали шумную полемику, въ которой участвуетъ имя его жены, не живущей съ нимъ, но за то они же доставили ему и покровительство высокопоставленныхъ республиканцевъ.

Писать историческое изслѣдованіе, вооружась извѣстною тенденціей и подкрѣпляя ее документами, значитъ не обладать главнѣйшимъ качествомъ историка — безпристрастностью. Существуютъ нелѣпыя легенды, и ихъ, конечно, слѣдуетъ опровергать; но существуетъ также и нелѣпая ненависть, придирающаяся къ геніальнымъ людямъ. Слова Наполеона I не боятся никакихъ писаній, и Томасъ Юнгъ противъ своего желанія скорѣе служитъ, чѣмъ вредитъ этому необыкновенному человѣку.

Въ 1833 году умерла принцесса Александрина Бонапартъ и душеприкащикъ ея вручилъ французскому правительству отрывки мемуаровъ и корреспонденцію Люсьена Бонапарта. Эти-то документы легли въ основу

труда Юнга. Трудъ интересный, въ немъ много спорныхъ выводовъ, но есть также подробности, которыя уясняютъ паденіе первой республики.

Семья Бонапарта состояла изъ 8 человѣкъ дѣтей; она долго жила въ нуждѣ. «Всѣ мои братья и три сестры,—говоритъ Люсьенъ Бонапартъ,—кромѣ меня,—я объ этомъ мало заботился,—стали государями и государынями, благодаря милости и могуществу втораго моего брата, императора. Подтвердимъ то, что извѣстно теперь всему міру и что, быть-можетъ, скоро будетъ міромъ забыто: ничто насильственное не продолжительно. Братъ мой Іосифъ—король неаполитанскій, Людовикъ—король Голландіи, Жеромъ—глава королевства, исключительно для него созданнаго, подъ именемъ Вестфальскаго. Сестра моя Марія-Анна-Элиза—принцесса Люка и Пьембино, сестра Полина—герцогиня Гуастало, младшая сестра Анунціата-Каролина, къ великому ея прискорбію, только еще принцесса Клевская, но она утѣшается въ ожиданіи настоящаго королевства, которое императоръ, создатель этихъ мелкихъ драгоцѣнностей, обѣщалъ ея мужу, моему лучшему и храбрѣйшему другу, генералу Мюрату. Мнѣ думается, что Наполеону хочется сдѣлать его королемъ Польши, что было бы кстати».

Мы видимъ, что Люсьенъ не вѣритъ въ звѣзду своего брата; это-то и послужило началомъ ихъ разногласія. Что касается до его безкорыстія, то Наполеонъ не мало смѣялся надъ нимъ на островѣ Св. Елены, вспоминая, что онъ, отказавшись быть королемъ, домогался смѣшнаго княжества отъ папы и сталъ княземъ Конино. Люсьенъ, всю жизнь упорно не признававшій власти своего брата, часто подчинялся его обаянію. Въ 1790 году онъ замѣчаетъ по поводу первыхъ набросковъ Наполеона: «Въ нихъ есть мысли сильныя и новыя для меня», и далѣе: «у меня слишкомъ много уваженія и страха къ моему брату, котораго я вижу всегда такимъ строгимъ и серьезнымъ, что осмѣливаюсь обращаться къ нему только съ письмами».

Какъ ни отрывочны мемуары Люсьена, но въ нихъ есть интересныя свѣдѣнія. Вотъ нѣчто, дѣлающее честь Людовику XVI. Корсиканскій предводитель Паули, у котораго Люсьенъ служилъ секретаремъ, былъ представленъ Людовику XVI въ 1790 г. Король сказалъ ему: «Скажите мнѣ откровенно ваше мнѣніе о вопросѣ, который вы изучили. Вы были главой республики,—скажите мнѣ, какъ другъ, по душѣ и по совѣсти,—всякій личный интересъ и воспоминанія въ сторону,—какъ вы думаете, гдѣ народы чувствуютъ себя дѣйствительно счастливыми: въ разумной ли республикѣ или подъ властью разумнаго монарха? Еслибъ я былъ увѣренъ, что, отказавшись отъ королевства въ пользу республиканской формы правленія, которой жаждутъ, я знаю, многіе изъ моихъ подданныхъ, я упрочу счастіе моего народа, то я тотчасъ готовъ провозгласить, устроить, утвердить эту форму и жить счастливо, какъ простой гражданинъ, наслаждаясь моимъ собственнымъ произведеніемъ».

Крупныя несогласія между братьями возникли по поводу женитьбы Люсьена на женщинѣ, которую Наполеонъ не хотѣлъ допустить ко двору; въ то время онъ очищалъ общество, принимаемое Жозефиной. Люсьенъ, искренно любившій свою жену, не согласился принести ее въ жертву брату; онъ отправился въ добровольную ссылку и съ той поры не принималъ никакого участія въ дѣяніяхъ Наполеона.

Одинъ изъ лучшихъ современныхъ критиковъ, Поль С-тъ Викторъ, оставилъ неизданными два тома своего труда: «Двѣ маски». Первый томъ, вышедшій при жизни автора, содержалъ «Древнихъ», второй — Софокла, Эврипида, Аристофана и Калидаза, третій и послѣдній—посвященъ современнымъ авторамъ: Шекспиру и французскому театру отъ основанія до Бомарше. Поль С.-Викторъ глубоко изучилъ греческій театръ и его произведенія лучше многихъ лекцій объясняютъ юношеству древнихъ. Читая первый томъ этого сочиненія, будто осматриваешь галлерею скульптуры подъ руководствомъ проводника, который поясняетъ вамъ причины вашего инстинктивнаго удивленія. Трагедіи Эсхила и Софокла—это слова вложенныя въ уста дивныхъ статуй изъ паросскаго мрамора, это—жизнь трепещущая въ складкахъ древней драпировки.

Софоклъ,—говоритъ С.-Викторъ,—слѣдуетъ за Эсхиломъ, какъ человѣкъ за титаномъ; онъ меньше ростомъ, но совершеннѣе формой. Эсхилъ—дивное исключеніе аттическаго генія, Софоклъ—его гармоническое проявленіе. Поэзія была тогда плодомъ и высшимъ выраженіемъ религіозной и соціальной жизни народа; она всюду примѣшивалась къ его существованію. «Въ награду за Антигону Аѳины назначили Софокла командующимъ флотомъ». Имя Софокла,—по словамъ С.-Виктора,—столь сладкое устамъ, въ твореніяхъ древнихъ всегда сопровождается хвалами, какъ имя боговъ; память о немъ донынѣ наполняетъ Грецію благоговѣніемъ любви и поклоненія. Съ особеннымъ сочувствіемъ изображаетъ онъ Аѳины временъ Софокла и Перикла,—Аѳины, возникающія изъ развалинъ персидскихъ войнъ среди дивныхъ твореній искусства. Изъ Парѳенона и Пропилей онъ вводитъ насъ въ безсмертную литератуту—основу человѣческой культуры.

Герои Эсхила подчиняются судьбѣ, герои Софокла вступаютъ съ ней въ борьбу и оспориваютъ у ней власть надъ человѣкомъ. Поэзія греческая проникнута сознаніемъ суетности земнаго счастія.

«Можно бы составить прекрасный молитвенникъ на всѣ случаи жизни изъ молитвъ, разсѣянныхъ по трагедіямъ и поэтамъ греческимъ,— говоритъ С.-Викторъ. — Чѣмъ больше человѣкъ мыслитъ, чѣмъ сильнѣе страдала его душа, тѣмъ понятнѣй для него взрывы греческой скорби, ея возвышенныя выраженія. Къ произведеніямъ Эсхила и Софокла можно примѣнить слова древняго писателя о Фидіевой статуѣ Юпитера: «она укрѣпляетъ въ народѣ благочестіе». Такъ и эти произведенія увеличиваютъ сумму общественныхъ добродѣтелей. Они подобны тѣмъ уцѣлѣвшимъ до нашего времени римскимъ водопроводамъ, которые поятъ жи-

телей вѣчнаго города тою же чистой, свѣжею водой, какой утоляли жажду ихъ предковъ. Великія произведенія неизмѣнны, но требованія души человѣческой измѣнчивы. Всякая эпоха по-своему примѣняетъ творенія Эсхила и Софокла. С.-Викторъ сравниваетъ Филоктета съ Робинзономъ Крузоэ. «Ихъ отдѣляетъ другъ отъ друга, — говоритъ авторъ,—цѣлый міръ, но судьба ихъ сходна: оба брошены на произволъ судьбы, удалены отъ людей, но отъ Филоктета до Робинзона, въ промежутокъ двухъ тысячъ лѣтъ, сколько завоеваній у природы совершилъ умъ человѣческій!» Внѣ общественнаго быта древній человѣкъ лишенъ всѣхъ средствъ къ существованію, онъ снова дикарь; человѣкъ позднѣйшей цивилизаціи во всеоружіи прогресса и изобрѣтеній, одинъ среди пустыни, способенъ бороться съ природой. Филоктетъ вполнѣ зависитъ отъ своего лука: отнимите у него лукъ и онъ пропалъ; войдите въ его пещеру и вы ничего не найдете кромѣ постели изъ листьевъ, кремневаго огнива и деревянной чашки. Откройте книгу Даніила Фое и вы увидите, на что способенъ наслѣдникъ труда многихъ поколѣній. Лишенный внѣшнихъ орудій цивилизаціи, онъ сохранилъ ея внутреннюю силу—умъ, волю и знаніе; съ ними онъ можетъ сдѣлать многое. Изъ осколковъ корабля, выбросившаго его на берегъ, Робинзонъ добываетъ все ему нужное. Отецъ пустыни въ дѣйствіи, такъ можно опредѣлить Робинзона. Онъ самъ творитъ чудеса, а не ждетъ, чтобъ они свалились къ нему съ неба. Но Робинзону не достаетъ поэзіи Софоклова Филоктета, его наивной патетичности и величавой простоты. Нечего жалѣть такого искуснаго человѣка, хотя и потерпѣвшаго кораблекрушеніе. Робинзонъ обладаетъ практическимъ геніемъ цивилизаціи, но также ея сухостью и реализмомъ. На какую трагедію, на какой барельефъ можетъ пригодиться этотъ положительный поселенецъ, комфортабельно устроившійся подъ защитой зонта, въ шапкѣ изъ козьей шерсти, въ одеждѣ изъ козлиныхъ шкуръ, сшитой добытою имъ иглою? Заключенный, какъ на островѣ, въ рамкахъ прозаическаго разсказа, Робинзону не выйти изъ нихъ. Но Филоктета искусство можетъ воспѣвать и ваять. Будучи идеаломъ, онъ безсмертенъ».

На первое мѣсто С.-Викторъ ставитъ геніевъ титаническихъ, гордыхъ и преслѣдуемыхъ, каковы: Гомеръ, Эсхилъ, Дантъ, Шекспиръ. Вслѣдъ за ними онъ ставитъ геніевъ болѣе такъ-сказать покойныхъ: Софоклъ, Виргилій, Горацій, Рафаэль, которые «изъ счастливо проведенной жизни переходятъ прямо къ славѣ спокойной, какъ ясный лѣтній день». «Воздадимъ, — говоритъ онъ, — поклоненіе этимъ полубогамъ; но поднимемся выше, на вершины, гдѣ гнѣздятся молніи, гдѣ родятся грозы, гдѣ дышется съ трудомъ, и здѣсь принесемъ жертвы богамъ, высшимъ, необычайнымъ, которые парятъ и мечутъ молніи надъ нашими головами. Признаемъ въ нихъ высшую породу владыкъ человѣческаго духа, прообразы, отъ которыхъ исходитъ все—изящная литература и высочайшее искусство». Отъ Софокла авторъ переходитъ къ Эврипиду и судитъ его слишкомъ бла-

склонно. Эврипидъ—ужь это паденіе искусства; вдохновеніе замѣняется у него декламаціей. До Эсхила и Софокла Эврипиду такъ же далеко, какъ Бернену и Гверчино до Микель-Анжело и Рафаэля. «Его герои—риторы; прежде, чѣмъ выпустить ихъ на сцену, онъ помѣстилъ ихъ въ школу софистовъ, выучилъ сражаться аргументами и возраженіями. Изъ-подъ ихъ гомерическихъ щитовъ и львиныхъ шкуръ выглядываетъ платье адвоката; краснорѣчіе ихъ тонетъ въ пустомъ разглагольствованіи. Цезарь часто повторялъ его стихъ: «Стоитъ совершить несправедливость, чтобы добиться власти; но, впрочемъ, слѣдуетъ быть справедливымъ». Казуистамъ также пригодилось одно изъ его выраженій: «Поклялись уста, но душа не обязалась». Изъ-подъ античной маски выглядываетъ двойной ликъ Эскобара. Эврипидъ хорошо изображаетъ дѣвъ-мученицъ и материнскія скорби, но его трагическій ужасъ слишкомъ изысканъ, жалобы многорѣчивы и софизмы особенно обильны.

Смѣхъ Аристофана, по словамъ С.-Виктора, неистощимый смѣхъ боговъ. Его произведенія сіяютъ безпредѣльною радостью; онъ осмѣиваетъ грѣхи и пороки, отъ которыхъ Греція и погибла. Постоянно отыскивая связь между міромъ древнимъ и современнымъ, С.-Викторъ сравниваетъ мудрую и человѣчную бѣдность, прославленную Аристофаномъ въ «Плутонѣ», съ мистическою бѣдностью Франсуа Асизскаго. «Не странно,—говоритъ онъ,—видѣть прославленіе бѣдности на театрѣ Аристофана передъ алтаремъ Вакха, подъ небомъ, жилищемъ веселыхъ боговъ, такое же, какимъ оно будетъ полторы тысячи лѣтъ спустя передъ крестомъ Голгоѳы, въ одномъ изъ монастырей Умбріи?»

Этотъ прекрасный томъ заканчиваютъ нѣсколько страницъ объ индійскомъ театрѣ, основное правило котораго, по словамъ С.-Виктора,— «отсутствіе всякихъ правилъ. Въ одно мгновеніе ока онъ переноситъ съ неба на землю, допускаетъ чудовищъ и животныхъ въ свои драмы; его дѣйствующія лица совершаютъ сотни миль, не покидая сцены, тѣлодвиженіями изображая быстроту движенія воображаемаго шара, несущаго ихъ въ пространствѣ. Другая особенность индійскаго театра — та, что въ немъ говорятъ на нѣсколькихъ языкахъ, такъ что зрители понимаютъ рѣчи только лицъ одного съ ними класса. Представьте себѣ театръ Вавилонскаго столпотворенія!»

О «Сакунталѣ» С.-Викторъ отзывается такъ: «Граціей, невинностью, близостью къ природѣ и необычайною свѣжестью она заслуживаетъ названіе земнаго рая поэзіи». Въ этой поэмѣ человѣкъ совершенно близокъ къ животнымъ,—она напоминаетъ тѣ итальянскія картины, гдѣ левъ, тигръ и пантера ласково взираютъ на Адама и Еву и лижутъ имъ ноги. Странно, но и пріятно встрѣтить въ необузданной литературѣ Индіи эту свѣжую эклогу, въ которой отсутствуютъ чудовищные боги; нѣтъ въ ней необычайныхъ пресмыкающихся, огромныхъ дикихъ звѣрей. Пастухъ Виргинія и нимфа Теокрита могли бы жить среди этого очаровательнаго пейза-

жа. То же можно сказать о чувствахъ; подъ ихъ тропической окраской душа обыкновеннаго человѣка можетъ узнать свои свойства. Благочестіе, доброта, любовь, скорбь говорятъ на языкѣ самомъ мягкомъ, самомъ нѣжномъ.

Андре Лебонъ въ лондонскихъ архивахъ собралъ матеріалъ для своего труда — «Англія и французская эмиграція отъ 1794 до 1801 г.». Свѣдѣнія свои авторъ черпалъ изъ депешъ Викгама, лорда Маколея и другихъ агентовъ с.-джемскаго кабинета, орудовавшихъ отъ 1794 до 1797 года.

Борьба съ французскою революціей предпринималась во имя божественнаго права. Французскіе эмигранты прикрывались этимъ принципомъ, чтобы заполучить отъ Франціи свои несмѣтныя богатства и привилегіи, а Англія и Австрія становились ихъ сподвижниками въ надеждѣ урвать какую-нибудь провинцію или колонію. Страна инстинктивно поняла всю злонамѣренность этихъ благодѣтелей, искавшихъ осчастливить ее помимо ея желаній,—она разрушила всѣ ихъ коалиціи, всѣ заговоры.

Эмигранты жестоко виноваты передъ своимъ отечествомъ,—они отлично сознавали, какихъ вознагражденій потребуютъ союзники въ случаѣ побѣды. Принцъ Конде, командовавшій корпусомъ эмигрантовъ, признавался Викгаму въ 1795 году, что онъ догадывается, что «австрійцы захотятъ оставить за собой Франшъ-Конте, Эльзасъ и Лотарингію». Легенда о патріотизмѣ графа Прованса, герцога Артуа и принца Конде уничтожается изданіемъ этихъ депешъ. Лебонъ утверждаетъ, что «принцъ Конде, не колеблясь, принялъ участіе въ предпріятіи, результатомъ котораго, онъ это зналъ, должна быть уступка Австріи Франціей трехъ провинцій; онъ жаловался только на то, что съ присоединеніемъ этихъ провинцій къ Австріи, при первомъ вторженіи, многіе изъ приверженцевъ королевской власти отпадутъ отъ нея. Такимъ образомъ, принимая помощь отъ союзниковъ, принцъ Конде тѣмъ самымъ соглашался на ихъ требованія—на раздробленіе своего отечества, подъ однимъ условіемъ, что ему и его семейству будутъ возвращены всѣ ихъ прерогативы». Отсюда понятна ярость, вызванная во Франціи этими кознями эмигрантовъ. Что касается до графа Прованса (будущаго короля Людовика XVIII), имъ руководила одна идея: «Права его не зависятъ отъ желанія его подданныхъ». Въ заключеніе своего труда Лебонъ такъ говоритъ о Бурбонахъ: «Французы, они искали союза съ иноземцеми, чтобы противодѣйствовать революціи, по ихъ мнѣнію безнравственной, но они же способствовали болѣе, чѣмъ кто-либо, къ распространенію во Франціи низости, интриги и развращенія. Они деморализовали страну и пытались открыть въ нее доступъ внѣшнимъ врагамъ».

Въ Revue des deux Mondes Шарль Рише разсматриваетъ «Приращеніе народонаселенія во Франціи», на самомъ же дѣлѣ рѣчь идетъ объ уменьшеніи роста народонаселенія. Не выписывая цифръ, приводимыхъ Рише, укажемъ его выводъ: «если дѣторождаемость всѣхъ классовъ общества во Франціи будетъ подобна дѣторождаемости высшей буржуазіи, то

черезъ два столѣтія не останется ни одного француза». Высшая буржуазія имѣетъ наименьшее число дѣтей. Возьмите членовъ Института Франціи, сенаторовъ, депутатовъ, генераловъ, профессоровъ, и вы увидите, какъ ничтожно въ общемъ число ихъ дѣтей. Съ 1830 г. буржуазія смотритъ на многочисленное потомство какъ на страшное бѣдствіе, отъ котораго надо остерегаться. «Въ былыя времена только городская буржуазія способна была руководиться этими правилами, но теперь зло распространилось,— статистика каждый разъ подтверждаетъ его успѣхи. Авторъ признаетъ, что во Франціи, въ городахъ, равно какъ въ деревняхъ, избытокъ богатства и недостатокъ нравственности; не въ почвѣ нуждается крестьянинъ, а почва въ крестьянинѣ. Одно сельское населеніе еще плодовито, но и оно не хочетъ имѣть дѣтей. Дѣти становятся для него предметомъ роскоши,—добровольное безплодіе вводится повсюду. Чѣмъ этому помочь?— Рише предлагаетъ государству выдавать маленькую пенсію (франковъ 50 напр.) 5-му, 6-му, 7-му и 8-му ребенку.

Въ этой же книжкѣ журнала Эмиль Монтегю воспроизводитъ по перепискѣ образъ нѣсколько забытаго нынѣ Шарля Нодье. Еще юношей Нодье принималъ участіе въ нѣкоторыхъ событіяхъ французской революціи, и воспоминанія его свидѣтельствуютъ, какъ искренни были люди того времени. Робеспьеръ, въ сопровожденіи другаго представителя отъ народа, пріѣзжаетъ въ маленькій городокъ, гдѣ семьи заключенныхъ неотступно преслѣдуютъ его своими просьбами. Онъ подписываетъ самъ и заставляетъ своего товарища подписать приказъ объ освобожденіи многихъ заключенныхъ. Вечеромъ товарищъ его является въ клубъ и объявляетъ, что онъ, увлеченный Робеспьеромъ, выпустилъ на свободу нѣсколькихъ недостойныхъ гражданъ и за это требуетъ головы своей и своего товарища. Такое странное заявленіе никого не удивило, и не будь молодой Робеспьеръ такъ обаятеленъ, оно было бы принято.

Г. Вальберъ продолжаетъ излагать въ Revue des deux Mondes, какіе страхи внушаетъ Англіи проектъ прорытія туннеля черезъ Ламаншъ. Въ одномъ англійскомъ памфлетѣ описывается, какъ нѣсколько французскихъ туристовъ, въ совершенно мирное время, завладѣли англійскимъ входомъ въ туннель. Прежде чѣмъ вѣсть объ этомъ дошла въ Лондонъ, французскія войска проникли черезъ это сообщеніе и англійскіе акціонеры туннеля принуждены были дать у себя помѣщеніе французскимъ солдатамъ. Гораздо серьезнѣе, что самъ адмиралъ Дунсангъ выразилъ подобныя же опасенія. Онъ допускаетъ, что средствъ къ быстрому разрушенію туннеля можетъ не хватить и тогда въ одну ночь двадцать тысячъ человѣкъ пѣхоты могутъ проникнуть въ страну. Будемъ надѣяться, что здравый смыслъ британцевъ одержитъ верхъ надъ тревогами людей, дрожащихъ при мысли, что человѣкъ съ континента можетъ проникнуть въ Лондонъ сухимъ путемъ и что англичане пропали, если они перестанутъ быть островитянами, доступными только съ моря.

Въ Revue Britannique Оноре Бономъ пробуетъ очертить «С.-Бёва (St. Beuve, avant la lettre) и нападаетъ на знаменитаго критика до крайности. Онъ ставитъ ему въ вину, что онъ слишкомъ любилъ рыться въ частной жизни и разоблачалъ факты и черты, не касающіеся исторіи. С.-Бёвъ самъ сознавался, что состояніе его духа крайне измѣнчиво. Если онъ и дѣйствительно мѣнялся, если критика его и носитъ слѣды страсти, тѣмъ не менѣе онъ отличался рѣдкой литературною честностью. Онъ никогда не хвалилъ того, въ чемъ не открывалъ достоинствъ. Бономъ съ негодованіемъ приводитъ слова С.-Бёва; какъ-то Бономъ рылся въ пожелтѣвшихъ листахъ и С.-Бёвъ сказалъ ему: «Вы еще чему-нибудь вѣрите, вы вѣрите въ автографы?» Но скептицизмъ С.-Бёва мягче довѣрчивости Бонома; Бономъ не можетъ простить С.-Бёву его слишкомъ строгой и, конечно, заслуженной литературной оцѣнки. Но всѣ знаютъ С.-Бёва, а кто же знаетъ Оноре Бонома?...

Мѣсто Дюфора во французской академіи занялъ извѣстный романистъ Шербилье, родомъ женевецъ. Изъ похвальнаго слова его Дюфору можно привести только одну фразу: «Въ эпоху, когда люди такъ много вертятся и отъ вращенія сглаживаются подобно камнямъ, покойный юристъ-консультъ и государственный человѣкъ сохранилъ до конца жизни всѣ свои угловатости». Щербюлье опредѣляетъ своего предшественника такъ: «ревностный покровитель посредственныхъ идей». Да, Дюфоръ былъ однимъ изъ стойкихъ представителей французской буржуазіи. На эту рѣчь отвѣчалъ Ренанъ. По обычаю, онъ долженъ былъ перечислить заслуги новаго академика. Рѣчь Ренана можно сравнить съ ожерельемъ изъ настоящихъ жемчужинъ, перемѣшанныхъ съ фальшивыми. Блестящія истины слѣдуютъ у него за не менѣе блестящими софизмами. «Видѣть ли въ томъ знаменіе избранничества или осужденія,—сказалъ онъ,—но Франція осуждена никогда не засыпать спокойнымъ сномъ удовлетворенной посредственности. Въ ея нѣдрахъ борятся два міра. Даже въ часы усыпленія въ ней замѣтна конвульсивная дрожь, которая свидѣтельствуетъ о таинственной работѣ, совершающейся въ глубинѣ ея организма». Сказавъ это, Ренанъ впадаетъ въ обычный софизмъ: «Человѣчество остановилось бы, еслибы все и всѣмъ было вѣдомо. Къ восьми евангельскимъ заповѣдямъ блаженства я иногда пытаюсь прибавить девятую: Блаженны слѣпые, ибо они одни ни въ чемъ не сомнѣваются». Ренанъ смѣется надъ наивною претензіей людей, которые послѣ каждаго переворота считаютъ эру революцій законченною. Ее не заканчиваютъ, но привыкаютъ къ непостоянству. «Жители Везувія отлично знаютъ, что вулканъ проснется, но до тѣхъ поръ сколько прекрасныхъ часовъ достанется на ихъ долю! Какіе сборы винограда! Какія жатвы! А притомъ и лава течетъ такъ медленно».

8-го іюня французская академія замѣстила извѣстнаго автора ямбъ Огюста Барбье монсиньоромъ Перанъ, епископомъ Отенскимъ. Монсиньоръ Перанъ—выдающійся умъ; у него не столько пылкости, за то больше

чувства, чѣмъ у монсиньора Дюпанлу. Академія стоитъ за то, чтобъ имѣть въ своей средѣ епископа. Мѣсто Шарля Бланъ никто еще не занялъ. Голоса раздѣлились между Шарлемъ Мазадъ, сотрудникомъ Revue des deux Mondes, и Пальерономъ, авторомъ «Je monde ou l'on s'ennuie». Послѣ нѣсколькихъ баллотировокъ избраніе отложено до ноября.

Много талантливости и мало идей — вотъ первое, что приходитъ на мысль при обозрѣніи художественной выставки нынѣшняго года. Техническая сторона развивается съ каждымъ годомъ, но недостаетъ вдохновенія. Въ обширномъ отдѣлѣ скульптуры почти все заслуживаетъ одобренія, но ничто не увлекаетъ. Сюжетовъ языческихъ или христіанскихъ мало; республиканскія аллегоріи малоудачны. Преобладаютъ бюсты современныхъ дѣятелей, но большею частью работы неизвѣстныхъ или мало извѣстныхъ скульпторовъ. Антокольскій выставилъ одну только статую нѣкоего М. С. П., а Фейнбергъ Бернаровичъ—гипсовый бюстъ Императора Александра III. Нѣсколько статуй, заказанныхъ для новой городской ратуши: Судья—*Гарлей*, историкъ—*Петръ де-Лектоаль*, купеческій старшина—*Мишель Лалье*; заказы національной библіотеки: Карлъ V; для института—баронъ Тейлоръ, для «Collège de France»—Гиломъ Буде, основатель его; для оперы—Дюпре. Замѣчателенъ бронзовый бюстъ Рабеле для города Шанона; довольно хорошъ бюстъ члена конвента Карно для его родины, города Ноле; весьма обыкновенная статуя Мирабо для залы «au jeu de Paume» въ Версалѣ. Нѣсколько артистовъ испробовали свои силы надъ статуей Камила Дюмулена, призывающаго народъ къ оружію 12 іюля 1789 года въ саду Палерояля; но ни одна изъ этихъ статуй не выражаетъ энтузіазма 1789 г. Передъ вами какой-то бѣшеный, съ открытымъ ртомъ, сильными жестами—вотъ и все. Груба также *статуя Дантона*: это—не холерическій геній революціи. Много хорошихъ медальоновъ. Рамка, содержащая 41 медальонъ изъ терракотты—г-жи Рингель—свидѣтельствуетъ о выдающемся талантѣ.

Лучшее произведеніе въ отдѣлѣ живописи — картина чеха Вацлава Броцикъ, ученика Пилоти и Мункачи; она изображаетъ *Рудольфа II у алхимика*. Фигуры расположены прекрасно, характеръ вѣренъ, рисунокъ и краски очень хороши. Хороша также картина—*Стачка кузнецовъ*, Поля Сайера. Положеніе рабочихъ, ихъ физіономіи дышатъ правдой, но либеральные органы упрекаютъ автора въ томъ, что картина эта вызвана не желаніемъ представить рабочій классъ съ наиболѣе сочувственной стороны, а скорѣе желаніемъ внушить высшимъ классамъ страхъ и ужасъ къ страждущему и стонущему рабочему люду. У артистовъ замѣтно похвальное стремленіе вдохновляться современной исторіей.

Вообще на выставкѣ не было выдающихся произведеній и медали перваго класса никто не получилъ. Почетную награду получилъ Пюви де-Шавань за стѣнную живопись для амьенскаго музея, представляющую молодыхъ пикардійцевъ, упражняющихся на копьяхъ. Пюви де-Шавань—

плохой колористъ, но композиція и рисунокъ у него хороши. Скульпторъ Лонжпье (Longepied) получилъ медаль за своего *Рыболова, захватившаго въ сѣти голову Орфея.* Зачада академическая, но исполненіе мастерское. Тотъ же Лонжпье получилъ отъ высшаго совѣта изящныхъ искусствъ премію Салона, которая состоитъ въ предоставленіи артисту возможности пробыть нѣсколько лѣтъ въ Римѣ. Драгоцѣнное поощреніе, но да не окаменѣетъ Лонжпье въ миѳологіи. Что насъ всего болѣе поражаетъ въ капеллѣ Медичисовъ во Флоренціи—это фигуры Микель Анжело, дышащія страстями ихъ современниковъ; въ нихъ великій художникъ изобразилъ скорби своего отечества. Скульпторъ, который дастъ мрамору жизнь, трепетанія тѣла, но не одухотворитъ его порывомъ высокихъ идей, не будетъ художникомъ - творцомъ, а только простымъ виртуозомъ - исполнителемъ. Премія за гравюру досталась Вальтнеру; здѣсь все искусство сводится къ вѣрной передачѣ чужой мысли; нельзя точнѣе и ближе передать Рембранта, чѣмъ дѣлаетъ это Вальтнеръ: его офорты портретовъ Рембранта такъ хороши, что самъ Рембрантъ, знавшій это искусство, призналъ бы ихъ совершенными.

W***

Парижъ.
6/18 іюня 1882 г.

Пріютъ для выздоравливающихъ при Старо-Екатерининскомъ отдѣленіи больницы для чернорабочихъ въ Москвѣ.

Въ концѣ прошлаго 1881 года, нѣкоторыми изъ московскихъ газетъ общество призывалось къ поддержанію возникающаго въ Москвѣ насколько полезнаго, настолько же и необходимаго благотворительнаго учрежденія: это—пріютъ или убѣжище для выздоравливающихъ больныхъ при Старо-Екатерининской больницѣ для чернорабочихъ. Призывъ этотъ не остался безъ отклика. Нашлись христіанскія добрыя души, искренно готовыя помочь ближнему въ нуждѣ. Явились пожертвованія деньгами и вещами, но они были достаточны лишь настолько, чтобъ открыть только пріютъ и притомъ на очень ограниченное число бѣдняковъ. Между тѣмъ дальнѣйшее существованіе его, а тѣмъ болѣе расширеніе его благотворной дѣятельности вполнѣ зависѣло отъ сочувствія къ нему и участія въ немъ лицъ, могущихъ и желающихъ оказать посильную помощь своему ближнему. Съ этою цѣлью было признано необходимымъ приступить къ выработкѣ устава и къ образованію общества, которое было бы снабжено надлежащими полномочіями.

Въ настоящее время уставъ этотъ утвержденъ. Почетное предсѣдательство въ этомъ обществѣ соблаговолилъ принять на себя глубокоуважаемый московскій генералъ-губернаторъ князь Владиміръ Андреевичъ Долгоруковъ. Нѣтъ сомнѣнія, что подъ его просвѣщеннымъ содѣйствіемъ доброе желаніе достигнетъ доброй цѣли и многіе можетъ-быть пожелаютъ вступить въ число членовъ вновь учреждаемаго благотворительнаго общества, или вообще оказать ему тѣмъ или другимъ способомъ свою посильную помощь и содѣйствіе.

Но прежде, чѣмъ приглашать кого-либо къ пожертвованіямъ, а тѣмъ болѣе къ личной дѣятельности, хотя бы и съ благотворительною цѣлью, необходимо, конечно, насколько возможно ближе ознакомить съ самымъ предметомъ благотворительности, съ положеніемъ и нуждами тѣхъ несчастныхъ бѣдняковъ, которымъ будетъ оказана наша помощь.

Съ этою цѣлью мы и беремъ на себя смѣлость сказать нѣсколько словъ по поводу вновь учрежденнаго пріюта для выздоравливающихъ при Старо-Екатерининской больницѣ въ Москвѣ.

Мы хотимъ указать: 1) на причины побудившія устроить пріютъ, 2) на исторію его возникновенія и развитія, 3) на задачу, которую онъ преслѣдуетъ, и цѣль, къ которой онъ стремится, и, наконецъ, 4) дать краткій, но вѣрный отчетъ о результатахъ его семнадцати-мѣсячной дѣятельности.

Кому неизвѣстно по слуху ли, по опыту или по собственному наблюденію, какое тяжелое впечатлѣніе выносится обыкновенно изъ больницъ, гдѣ стонъ и плачъ такъ живо говорятъ о несчастіи и страданіяхъ, которыя одинаково могутъ постичь и стараго и малаго, и богатаго и бѣднаго. Смотря на этихъ страдальцевъ, естественно, повидимому, подумать, что главнѣйшимъ желаніемъ всѣхъ ихъ должно быть желаніе какъ можно скорѣе оставить больницу, гдѣ они видѣли, слышали и испытали столько горя и муки. Дѣйствительно, радость и удовольствіе выходящаго изъ больницы, особенно если онъ получилъ тамъ облегченіе своей болѣзни, должны быть безпредѣльны; но, къ удивленію и къ крайнему прискорбію, такое чувство испытывается далеко не всѣми ими. Мы говоримъ по крайней мѣрѣ про больныхъ, находящихся въ чернорабочихъ больницахъ. Многіе изъ нихъ, находясь не рѣдко въ однихъ только лохмотьяхъ, жалкихъ остаткахъ одежды, и безъ копѣйки денегъ, не имѣя часто ни случая, ни достаточныхъ еще силъ тотчасъ же отыскать и приняться за работу, или же отправиться на родину,—остаются рѣшительно уже безъ всякихъ средствъ и возможности къ дальнѣйшему существованію. Въ больницѣ имъ было тяжело переносить различныя болѣзни; но тамъ они были по крайней мѣрѣ сыты, обуты, одѣты и имѣли пристанище. А что ожидаетъ ихъ на волѣ, внѣ больницы?—Голодъ, холодъ, ночевки гдѣ-нибудь подъ заборомъ, пока не явится на подмогу какая-нибудь новая—конечно, уже болѣе тяжкая—болѣзнь и не унесетъ эти жертвы нищеты и безпріютности или опять въ больницу, или прямо въ могилу.

Да, такая участь несчастныхъ выздоровѣвшихъ много хуже положенія болящихъ, пребывающихъ въ больницѣ; и они сочли бы за величайшее для себя благо остаться тамъ еще на нѣкоторое время, хотя бы до тѣхъ поръ, пока совершенно окрѣпнутъ ихъ силы. Но имъ этого не дозволяютъ и выписываютъ изъ больницы насильно, особенно въ осенніе, зимніе и весенніе мѣсяцы, когда большой наплывъ больныхъ вынуждаетъ больничное начальство оставлять лишь только самыхъ трудныхъ и освобождать мѣсто мало-мальски поправившихся.

Такое-то по-истинѣ ужасное положеніе бѣдняковъ, остающееся, можетъ-быть, неизвѣстнымъ большей части публики, не могло, конечно, не обратить на себя вниманіе людей близко стоящихъ къ больничному дѣлу и людей чувствующихъ нравственную потребность въ дѣлахъ благотворенія.

Вслѣдствіе этого естественно было зародиться мысли объ устройствѣ пріюта или убѣжища для выздоравливающихъ бѣдняковъ; пол-

обходимость его давно уже начала сознаваться и съ каждымъ годомъ чувствовалась все больше и больше. Но для осуществленія этой благой мысли недоставало самаго главнаго: недоставало матеріальныхъ средствъ на устройство и первоначальное обзаведеніе пріюта. Наконецъ, въ концѣ декабря 1880 года, благодаря энергическому содѣйствію лицъ, взявшихся за это дѣло, наскоро собрано было 500 руб. и, не дожидаясь увеличенія суммы, рѣшено было немедленно приступить къ оказанію помощи, на первыхъ порахъ, хотя только десяти наибѣднѣйшимъ изъ мужчинъ. 1 января 1881 года нанята была квартира недалеко отъ Старо-Екатерининской больницы и 12 января былъ уже принятъ первый, не имѣвшій пристанища и слабый здоровьемъ бѣднякъ, а затѣмъ число таковыхъ постепенно стало увеличиваться. Такимъ образомъ въ началѣ 1881 г. пріютъ для выздоравливающихъ началъ свою скромную, но въ высшей степени полезную дѣятельность.

Необходимое первоначальное обзаведеніе, какъ-то: кровати, бѣлье, посуда и т. п.—частію было куплено на вышеозначенныя средства, а частію пріобрѣтено чрезъ пожертвованія натурою.

1-го марта того же года, въ память въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра Николаевича, были пожертвованы деньги на устройство въ пріютѣ пяти женскихъ коекъ, послѣ чего тотчасъ же открылся доступъ и для женщинъ.

Одновременно съ пріютомъ для взрослыхъ явилась безотлагательная потребность и въ пріемѣ дѣтей поступающихъ въ больницу родителей и иногда остающихся круглыми сиротами. О безпомощности этихъ несчастныхъ малютокъ, часто не умѣющихъ еще ни говорить, ни ходить, остающихся безъ родителей, брошенныхъ на произволъ судьбы, всякія слова излишни.

Такое постепенное расширеніе дѣятельности пріюта, вызываемое существенною необходимостью, конечно, быстро истощило ту ничтожную сумму въ 500 руб., съ которою было начато дѣло, такъ что дальнѣйшее существованіе этого только-что народившагося источника пользы и добра было бы не мыслимо, еслибы не явились новые благотворители и новая неутомимая энергія лицъ, принявшихъ на себя трудную задачу не только основанія пріюта, но и заботу о его будущности. Благодаря обязательной любезности издателей нѣкоторыхъ изъ московскихъ газетъ, чрезъ ихъ редакціи въ пользу пріюта была собрана сумма въ 2.136 руб., отъ разныхъ благотворителей поступило 3.037 р. и, наконецъ, съ этою же цѣлію въ залахъ собранія данъ былъ концертъ, принесшій чистой прибыли до 500 руб., а въ одномъ изъ частныхъ домовъ устроенъ былъ базаръ съ продажею разныхъ рукодѣлій, отъ котораго осталось 1.300 руб.

Всѣ эти пожертвованія, кромѣ уже того, что дали пріюту возможность болѣе прочнаго существованія, хотя и не на долгое будущее,— были важны особенно въ томъ отношеніи, что доказывали сочувствіе об-

щества къ начатому дѣлу, а вмѣстѣ съ тѣмъ давали отрадную надежду на возможность продолженія его.

Заручившись тѣмъ и другимъ, учредители пріюта не могли уже ограничиться первоначальною тѣсною рамкой своей задачи дать только ночлегъ неимѣющему пристанища и куска хлѣба голодному. Съ теченіемъ времени сама необходимость заставила ихъ значительно расширить свою благотворительную дѣятельность, такъ что въ настоящее время, согласно своего устава, пріютъ имѣетъ цѣлью:

1. Оказывать всякаго рода помощь бѣднымъ, находящимся въ Старо Екатерининской больницѣ и выходящимъ изъ нея, а равно и ихъ семействамъ.

2. Снабжать выздоровѣвшихъ больныхъ одеждою и самымъ необходимымъ для ихъ существованія на первое время по выходѣ изъ больницы.

3. Снабжать нуждающихся необходимыми медицинскими принадлежностями, какъ-то: бандажами, костылями и т. п.

4. Содержать дѣтей тѣхъ родителей, которые, поступая въ больницу, не могутъ оставить ихъ на чье-либо попеченіе.

5. Помѣщать этихъ дѣтей, въ случаѣ надобности, въ какія-нибудь заведенія.

6. Сверхъ того, если позволятъ средства, учредить при пріютѣ особыя, постоянныя, отдѣленія для тѣхъ выходящихъ изъ больницы, которые по слабости, по старости, или инымъ уважительнымъ причинамъ окажутся совершенно уже неспособными прокормить себя работой, а равно и для тѣхъ дѣтей, которыхъ почему-нибудь (уродства, неизлечимыя болѣзни и т. д.) нельзя будетъ помѣстить въ какое-либо учебное заведеніе.

Таковы задачи вновь учрежденнаго пріюта, поставленныя во главѣ его устава (см. §§ 1 и 2 уст.). Насколько удалось ихъ осуществить на самомъ дѣлѣ, можно видѣть изъ слѣдующаго краткаго отчета о дѣятельности пріюта за время его существованія съ 1-го января 1881 года по 1-е іюня настоящаго года *).

Всего было принято въ пріютъ	281	чел.
Изъ нихъ: мужчинъ	189	»
» » женщинъ	57	»
» » дѣтей	35	»

На содержаніе пріюта съ помѣщеніемъ, прислугою и выдачею вспомоществованія бѣднымъ за все это время израсходовано до 4.000 руб.

Въ томъ числѣ на выправку паспортовъ и контрамарокъ истрачено:

Для мужчинъ.	31 р.	51 к.
» женщинъ	27 »	06 »
На метрическія свидѣтельства дѣтямъ	7 »	40 »

*) Подробный отчетъ о приходѣ и расходѣ суммъ и о дѣятельности пріюта будетъ напечатанъ особо.

Выдано деньгами отправляющимся на родину:

Мужчинамъ	162 р. 70 к.
Женщинамъ	74 » 38 »
На помѣщеніе дѣтей въ различныя учебныя заведенія и мастерскія	30 » — »

Вещами роздано для мужчинъ:

Носковъ	17 паръ.
Чулокъ	55 »
Сапоговъ	35 »
Валенковъ	17 »
Чуней	8 »
Рубашекъ	62 шт.
Штановъ	67 »
Нагрудниковъ фланелевыхъ	2 »
Платья: нижнихъ суконныхъ	6 »
Тулуповъ	8 »
Поддевокъ	29 »
Пальто драповыхъ ватныхъ	26 »
Шарфовъ	4 »
Башлыковъ	1 »
Картузовъ и шапокъ	23 »
Бандажей	4 »

Для женщинъ:

Чулокъ	16 паръ.
Рубашекъ	12 шт.
Юбокъ	13 »
Башмаковъ	9 паръ.
Фуфаекъ бумазейныхъ	4 шт.
Платьевъ	17 »
Пальто	11 »
Платковъ шерстяныхъ	6 »

Для дѣтей:

Чулокъ	8 паръ.
Рубашекъ	10 шт.
Штановъ	8 »
Платье	1 »
Пальто	2 »
Сапоговъ	4 пары.

Изъ числа взрослыхъ призрѣваемыхъ одна неизлѣчимая больная помѣщена въ «Троицкую богадѣльню для неизлѣчимыхъ», три старухи помѣщены въ «Александровскій пріютъ общества попечительства о бѣдныхъ»

и одна женщина съ отнятою ногой помѣщена въ «Николаевскій пріютъ» того же общества.

Изъ числа 35 бывшихъ въ пріютѣ дѣтей 10 были размѣщены въ различныя благотворительныя дѣтскія учрежденія, 16 были возвращены родителямъ, согласно желанію послѣднихъ, и, наконецъ, 9 дѣтей до сихъ поръ находятся въ пріютѣ.

Теперь мы постараемся нѣсколько ознакомить интересующихся этимъ дѣломъ съ внутреннею жизнью пріюта.

Помѣщеніе пріюта, находящееся недалеко отъ Старо-Екатерининской больницы, на 1-й Мѣщанской, въ приходѣ Св. Троицы, что на Капелькахъ, въ домѣ г-жи Савицкой, раздѣлено на три части: мужское отдѣленіе, вмѣщающее въ себѣ 10 коекъ, женское—5 коекъ и дѣтское—на неограниченное число.

Пріемъ желающихъ поступить въ пріютъ происходитъ только по указанію больничнаго доктора, безъ всякихъ формальностей. Здѣсь они безпрепятственно остаются до тѣхъ поръ, пока совершенно не окрѣпнутъ силами и не найдутъ себѣ подходящаго труда. Никакой обязательной работы на нихъ не лежитъ и днемъ они свободно могутъ уходить для прінсканія себѣ мѣста. Имѣющимъ просроченные паспорты или адресные билеты таковые выправляются на счетъ пріюта; желающихъ уѣхать на родину отправляютъ въ сопровожденіи прислуги на вокзалъ, гдѣ имъ покупаютъ билетъ и даютъ на дорогу деньги, соразмѣряя количество ихъ по времени, которое требуется провести въ дорогѣ; нуждающимся выдается и одежда, соотвѣтствующая времени года, и вообще все необходимое.

Что касается дѣтей, то болѣе взрослые изъ нихъ, во время пребыванія въ пріютѣ, обучаются грамотѣ, или какимъ-нибудь рукодѣліямъ, а затѣмъ или возвращаются родителямъ, въ случаѣ желанія послѣднихъ, или же, какъ выше сказано, помѣщаются въ какія-либо учебныя или ремесленныя заведенія.

Суточное содержаніе каждаго взрослаго призрѣваемаго состоитъ—на обѣдъ и на ужинъ изъ $^1/_2$ фун. мяса, 2-хъ русскихъ чашъ щей или похлебки, чаши гречневой каши или жаренаго картофеля, 2-хъ фунтовъ ржанаго хлѣба для мужчинъ и $1^1/_2$ фунтовъ для женщинъ. Кромѣ того утромъ и вечеромъ имъ подается чай.

Весь служебный персоналъ пріюта состоитъ изъ двухъ прислугъ и одной надзирательницы, на обязанности которой, кромѣ наблюденія за чистотою и порядкомъ въ пріютѣ, лежитъ еще закупка провизіи и раздача призрѣваемымъ пищи.

Въ случаѣ заболѣванія кого-либо изъ находящихся въ пріютѣ, ихъ или тотчасъ же отправляютъ обратно въ больницу, или, если родъ болѣзни ихъ не требуетъ больничнаго пребыванія, они, оставаясь въ пріютѣ, пользуются совѣтами больничныхъ докторовъ и уходомъ нѣкоторыхъ изъ фельдшерицъ.

Не входя въ дальнѣйшія подробности устройства этого пріюта и предоставляя оцѣнку его дѣятельности личному заключенію каждаго, кто поинтересуется ознакомиться съ нимъ, мы не можемъ не обратить вниманія общества на то обстоятельство, что какъ бы ни были утѣшительны результаты его 17-мѣсячной дѣятельности, положеніе пріюта въ матеріальномъ отношеніи все-таки не можетъ еще считаться совершенно упроченнымъ надолго и дальнѣйшая его участь вполнѣ будетъ зависѣть отъ постояннаго сочувствія и посильной помощи со стороны общественной благотворительности.

Позволяемъ себѣ думать, что въ насъ, русскихъ людяхъ, не оскудѣлъ еще духъ христіанской любви къ ближнему и между нами найдется достаточно теплыхъ сердецъ, готовыхъ откликнуться на нужды несчастныхъ, облегчить участь безпріютныхъ, холодныхъ и голодныхъ, сохранить многимъ изъ нихъ жизнь и призрѣть наконецъ осиротѣвшихъ дѣтей, давъ имъ возможность сдѣлаться впослѣдствіи честными тружениками.

Редакторъ **С. Юрьевъ**.
Редакторъ-издатель **В. Лавровъ**.

Въ конторѣ журнала «РУССКАЯ МЫСЛЬ» находится складъ слѣдующихъ **новыхъ** изданій КОММИССІИ ПЕЧАТАНІЯ ГРАМОТЪ и ДОГОВОРОВЪ, СОСТОЯЩЕЙ ПРИ МОСКОВСКОМЪ ГЛАВНОМЪ АРХИВѢ МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХЪ ДѢЛЪ.

1. Очеркъ дѣятельности Коммиссіи. Москва. 1877 г. Ц. 1 р.

2. Библіотеки Моск. Г. Архива М. И. Д. реэстръ географическимъ атласамъ, картамъ, планамъ и проч. С.-Петербургъ. 1877 г. Ц. 40 к.

3. Подлинные акты, относящіеся къ Иверской Иконѣ Божіей Матери, принесенной въ Россію въ 1648 году, съ хромолитографированнымъ изображеніемъ Иконы. Москва. 1879 г. Ц. 50 к.

4. Законы Іоанна III и Судебникъ Іоанна IV, съ предисловіемъ Калайдовича и Строева. Москва. 1878 г. Ц. 1 р.

5. Древнія россійскія стихотворенія, собранныя Киршею Даниловымъ, съ нотами. Изд. 3-е. Москва. 1878 г. Ц. 2 р.

6. Указатель дѣламъ и рукописямъ, относящимся до Сибири и принадлежащимъ Московскому Гл. Архиву Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Сост. М. Пуцилло. Москва. 1879 г. Ц. 75 к.

7. Обозрѣніе библіотеки того же Архива. Сост. И. Ѳ. Токмаковымъ. Ц. 30 к.

Его же **Каталоги** слѣдующихъ ея отдѣловъ:

8. Славяно-русскихъ книгъ церковной печати съ 1517 г. Ц. 75 к.

9. Рукописей, относящихся до Москвы, Московской губерніи, ихъ церквей и монастырей. Ц. 40 к.

10. Книгъ того же содержанія. Ц. 40 к.

11. Рукописей по юриспруденціи съ XIII вѣка. Ц. 30 к.

12. Книгъ того же отдѣла съ 1500 г. Ц. 75 к.

13. Дѣлъ бывшаго Аптекарскаго приказа и рукописей по медицинѣ съ XV в. Ц. 40 к.

14. Книгъ по медицинѣ. Ц. 40 к.

15. Рукописей, относящихся до Церковной Исторіи. Ц. 40 к.

16. Указатель матеріаловъ для изученія исторіи, археологіи, этнографіи и статистики Москвы. Составл. И Ѳ. Токмаковымъ. 1880 г. Вып. I, IV—VIII. Ц. по 60 к. Вып. II и III—по 75 к.

17. Указатель матеріаловъ по исторіи почтъ въ Россіи. Составл. В. Д. Левинскимъ и И. Ѳ. Токмаковымъ. 1881 г. Ц. 75 к.

ОПЕЧАТКИ.

Въ статьѣ «О крупномъ поземельномъ кредитѣ въ Россіи»:

Стран.	*Строка.*	*Напечатано.*	*Слѣдуетъ.*
207	9 сверху	ими	имъ
215	21 „	выпускнымъ или	выпущеннымъ ими
—	7 снизу	благодаря оцѣнкѣ	благодаря низкой оцѣнкѣ
217	2 сверху	едва ли не избавлены	едва ли избавлены
222	18 снизу	проектовъ	проекта
232	16 „	земледѣльческаго	землевладѣльческаго
234	15 „	консервированіи	конвертированіи

Въ статьѣ «Чарльзъ Дарвинъ»:

Стран.	*Строка.*	*Напечатано.*	*Слѣдуетъ.*
61	13 снизу	20 апрѣля	19 апрѣля
71	14 сверху	stricke	Strickl,
74	9 „	двояко-выгнутые	двояко-вогнутые
—	7 снизу	двояко-выгнутымъ	двояко-вогнутымъ
77	2 сверху	улегаютъ	залегаютъ

7

25

